This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

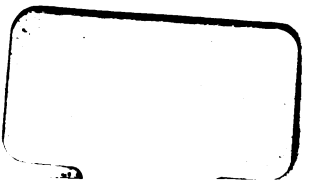
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

P Sta. 475.65

HARVARD COLLEGE
LIBRARY

BOUGHT WITH INCOME
FROM THE BEQUEST OF
HENRY LILLIE PIERCE
OF BOSTON

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

12 k
1893
10

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Редакція и главная контора переведены изъ Кузнечнаго пер., № д. 5, въ Пушкинскую улицу (близъ Невскаго просп.) № д. 11.
1893.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, Д. № 40.

14

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1893) 10

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1894 ГОДУ (ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ).

Журналъ издается подъ прежней редакціей, въ томъ же направленіи,

безъ предварительной цензуры.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ» выходитъ ежемѣсячно, *1-го числа*, книгами отъ 25-ти до 30-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	За годъ:	За полгода:	За три мѣсяца:
Безъ доставки	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ .	13 »	6 » 50 »	3 » 50 »
Съ пересылкою иногороднымъ . .	14 »	7 » — »	3 » 50 »
Съ пересылкою за границу . . .	17 »	9 » — »	5 » — »

Подписчики **«Наблюдателя»** (годовые, полугодовые и разсроченные), желающіе получить **второе, дополненное**, изданіе монографій редактора: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія»**, приплачиваютъ къ подписной цѣнѣ 2 рубля.

Уступка книгопродавцамъ—50 к. съ годоваго экземпляра.

Разсрочка платы *допускается исключительно при подпискѣ черезъ Главную Контору*, причемъ вносится:

	При подпискѣ.	Къ 15 апрѣля.	Къ 15 августа.
Безъ доставки. . .	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою . . .	5 »	5 »	3 »
Съ пересылкою . . .	5 »	5 »	4 »
Съ перес. за границу.	8 »	5 »	4 »

Библіотеки для чтенія *пользуются разсрочкою платы наравнѣ съ прочими подписчиками;* выписывающія же не менѣе 10-ти годовыхъ экземпляровъ и вносящія полностью подписную плату пользуются 50 к. скидки съ каждаго экземпляра.

Гг. служащимъ—разсрочка (мѣсячная и по третямъ) за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка принимается: *въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи, Пушкинская ул. (близъ Невскаго пр.) д. № 11.* Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія на почту только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала. *Продолжается подписка на текущій годъ.*

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 15 MAR 1971

Digitized by Google

ПРИЗРАКИ МИНУВШАГО.

Романъ.

VI.

Баронесса Клейнъ.

Круглое деревянное зданіе, выкрашенное въ красно-коричневый цвѣтъ — что-то среднее между театромъ и циркомъ — было ярко освѣщено газовыми рожками. Это былъ знаменитый въ свое время театръ Берга въ Петербургѣ, гдѣ золотая молодежь того времени, покинувъ свои Монрепо и Язвища на произволъ судьбы послѣ эмансипаціи, получала «европейскій лоскъ» и опереточно-буффонадное образованіе. Театръ Берга гремѣлъ въ столицѣ; по вечерамъ сюда стекалось самое изысканное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самое смѣшанное общество. Здѣсь можно было встрѣтить и важнаго бюрократа, отдыхающаго отъ массы циркуляровъ и предписаній, и блестящаго гвардейца, отъ генерала до прапорщика включительно, и сенатора, «разрушающагося въ ветхой кожѣ»; и прокурора новаго реформированнаго суда, набирающагося здѣсь вдохновенія для своихъ будущихъ уголовныхъ рѣчей, и адвоката, почерпающаго азартъ для рѣчей защитительныхъ, и помѣщика, только что покинувшаго свое насиженное родовое гнѣздо и проѣдающаго съ иностранными шансонетными пѣвичками свои выкупныя свидѣтельства. Выкупныя свидѣтельства, запиваемыя шипучкой, таяли, какъ снѣгъ подъ лучами весенняго солнца. Здѣсь же сорили деньгами и бывшіе откупщики, и новые концессіонеры желѣзныхъ дорогъ, наживавшіе почти сказочныя суммы въ этихъ же злачныхъ трущобахъ веселья и угара, съ двухъ словъ, между бокаломъ шампанскаго и порціей устрицъ; здѣсь же появлялись входившія въ моду львицы, дамы полусвѣта, всесильныя фаворитки людей власть имѣющихъ, и просто «между-

*

Digitized by Google

народныя дамочки» подъ многоразличными развеселыми наименованіями. Наконецъ, тутъ же можно было встрѣтить и ту новую породу людей, которая смѣнила помѣщичій классъ и осѣла на бывшую помѣщичью землю, въ видѣ «торжествующихъ разночинцевъ»,—всѣхъ этихъ кабачиковъ, кулаковъ, Кукишевыхъ, Разуваевыхъ и Антошекъ Стрѣловыхъ, стекавшихся сюда «для просвѣщенія», т. е. для пріобрѣтенія внѣшняго лоска и цивилизованнаго облика. Это было мѣсто всеобщихъ rendez-vous дѣловыхъ людей, чаявшихъ «движенія воды». Развеселое было это время, наступившее послѣ долгаго періода затишья!

Кареты, извощичьи сани, тройки лихо подкатывали къ гостепріимнымъ дверямъ веселаго театра. Общество въ зрительной залѣ было блестящее. Сегодня въ первый разъ давали «Орфея въ аду»,—оперетку, полную самыхъ грязныхъ сценъ, пересыпанныхъ и злыми выходками на современныя злобы дня. «Либертинажъ» уже сходилъ у насъ за «либерализмъ». Было и кафе-шантанное отдѣленіе съ какой-то новой дебютанткой, Эльзой Сванъ, которая вмѣстѣ со своимъ партнеромъ должна была пѣть «задирательные» куплеты. Зала была полна. Музыка гремѣла. Мужчины осматривали дамъ, какъ породистыхъ лошадей, и перешептывались относительно новыхъ «звѣздочекъ», появившихся вновь на берговскомъ горизонтѣ, и расцѣнивали ихъ, соображая, сколько выкупныхъ свидѣтельствъ нужно будетъ реализировать или какую желѣзнодорожную линію пустить въ трубу, чтобы одержать побѣду надъ новоявленной звѣздой. Дамы осматривали мужчинъ и тоже разсчитывали и прикидывали въ умѣ: совсѣмъ ли прогорѣлъ такой-то концессіонеръ, или у него еще кое-что осталось и на ихъ долю? Всѣ ли выкупныя свидѣтельства проѣлъ такой-то помѣщикъ, или что либо оставилъ и на ихъ пай? Осматривали брилліанты на своихъ сосѣдкахъ,—и каждое выдающееся колье или ослѣпительная ривьера имѣли свою исторію. Вотъ это колье стоило какихъ нибудь «Малыхъ Лужковъ», а вотъ эта ривьера—«Большихъ Полянъ», а вотъ этотъ фермуаръ — цѣлой линіи Поболотной желѣзной дороги.

Публика берговскаго театра знала другъ друга; это все были интимные кружки, которыхъ связывала вмѣстѣ какая нибудь львица «элегантнаго монда» или желѣзнодорожная кон-

Digitized by Google

цессія. Поэтому появленіе новаго лица въ берговскихъ палестинахъ производило всегда волненіе. «Кто такая? Кто такой? Изъ какихъ? Богатъ или бѣденъ»? Все это тревожило и волновало берговскіе умы.

Въ этотъ вечеръ, въ бельэтажѣ театра, въ одной изъ ложъ около сцены сидѣла новая звѣзда, заинтересовавшая собою все общество. Это была высокая, стройная, нѣсколько даже крупная, чисто русская красавица: румянецъ во всю щеку, сочныя губы, огромные сѣрые глаза, тяжелая русая коса, затѣйливо обернутая вокругъ головы. Она рѣзко отличалась отъ тщедушныхъ, худенькихъ и изможенныхъ дамъ, наполнявшихъ зрительную залу. Смѣялась она тихо и сдержанно, но порой въ ея смѣхѣ прорывались такія игривыя и шумно-веселыя нотки, что ея сосѣди по ложѣ невольно заражались ея искреннимъ смѣхомъ и вторили ей. Она была одѣта просто, въ темное бархатное платье, и ни на шеѣ, ни на рукахъ ея не было тѣхъ умопомрачающихъ брилліантовъ, которые заставляли задумываться о выкупныхъ свидѣтельствахъ и концессіяхъ. Страннѣе всего для берговской публики было то, что около новоявленной звѣзды не увивалось молодежи: около нея никого не было, кромѣ какого-то старичка въ долгополомъ старомодномъ сюртукѣ; да и старикъ этотъ держался какъ-то конфузливо и въ тѣни, словно ему было не по себѣ и онъ хотѣлъ бы скрыться отъ этихъ глазъ, устремленныхъ на него и отъ яркаго блеска газовыхъ рожковъ. Онъ сидѣлъ сзади красавицы и старался скрыться за ея могучими плечами. Во весь вечеръ никто не вошелъ въ ихъ ложу. Берговскіе завсегдатаи были заинтригованы.

— Новая, новая!—шептались они въ антрактахъ, въ фойэ и буфетѣ.—Провинціалка, должно быть. Кто знаетъ? Никто не знаетъ? Неужели никто?.. Не знаетъ ли Жоржъ Вихровъ? Онъ вѣдь у насъ справочная контора. Онъ всевѣдущъ.

Послали за Жоржемъ Вихровымъ; онъ кутилъ «по дѣлу», по близости, въ модномъ кабачкѣ, и обѣщался къ концу представленія прибыть къ Бергу, чтобы захватить съ собой свою обычную компанію и поѣхать докучивать съ нею въ другой модный кабачокъ. Но, въ виду экстренности запроса, онъ бросилъ свою дѣловую компанію и вмѣстѣ со своимъ другомъ Клейномъ, прокутившимся и проигравшимся эстляндскимъ ба-

Digitized by Google

о номъ, поспѣшилъ въ театръ. Онъ навелъ свой бинокль на ложу новой звѣзды, пристально всмотрѣлся въ нее и, пожавъ плечами, сказалъ своимъ друзьямъ:

— Необыкновенный случай.

— А что?

— Рѣшительно не знаю, что̀ подумать? Я... понимаете ли, *я*, Жоржъ Вихровъ—ее... не знаю!!

— Только-то?—воскликнули слушатели:—а мы думали...

— Что же вы думали?

— Что ты намъ собираешься уже разсказать какую нибудь пикантную исторію про нее.

— Ошиблись. Но дѣло поправимо. Баронъ! — крикнулъ онъ.—Баронъ, гдѣ баронъ?

Но баронъ, пробравшись между стульями ближе къ ложамъ, впился глазами въ незнакомку. Онъ видимо былъ увлеченъ и поглощенъ ея созерцаніемъ.

Баронъ Клейнъ когда-то имѣлъ состояніе, хотя и не очень большое, однако же достаточное, чтобы жить въ Петербургѣ, служить въ гвардейскомъ полку, играть въ карты и пить шампанское. Не смотря на свое нѣмецкое происхожденіе, онъ не былъ, однако, разсчетливъ и акуратенъ, и въ пять-шесть лѣтъ спустилъ свое состояніе; весь разсчетъ его выразился въ томъ, что онъ раздѣлилъ свое состояніе на куши, положилъ въ банкъ и принялся жить, ежегодно вынимая изъ банка опредѣленный кушъ и акуратно къ концу года его растрачивая. Если ему не хватало, онъ ни за что не бралъ изъ слѣдующаго куша, а дѣлалъ заемъ, или, какъ онъ называлъ: «внутренній, многопроцентный, безъ выигрышей, долгосрочный заемъ». Въ концѣ концовъ, онъ въ нѣсколько лѣтъ исчерпалъ всѣ куши, изъ которыхъ послѣдніе три пошли на покрытіе долговъ и онъ остался безъ средствъ. Но такъ какъ привычка къ кутежамъ, вину, картамъ и легкимъ побѣдамъ сильно въ него въѣлась, то онъ примазался къ кружку золотой молодежи, прожигающей жизнь по разнымъ кабачкамъ, и продолжалъ кутить, но уже на чужой счетъ. Сначала это его шокировало, потомъ онъ привыкъ; дѣла никакого не зналъ, да и не влекло его къ нему; служить ему казалось тяжело и онъ рѣшился просто «жить», хотя бы при помощи займовъ безъ отдачи, или же въ качествѣ прихлебателя.

Digitized by Google

Жизнь прихлебателя — тяжелая жизнь. Она требуетъ отъ человѣка забвенія своей личности. За тѣ эфемерныя блага жизни, которыя она даетъ, за вкусный и обильный столъ, за бокалъ шампанскаго и рюмку ликёра, за удовольствіе проѣхаться на рысакахъ, побывать на первомъ представленіи въ первомъ ряду, познакомиться съ хорошенькой женщиной,— нужно забыть свою гордость, свое самолюбіе, нужно унизиться до холопскаго состоянія, въ которомъ богатый содержатель третируетъ прихлебателя, какъ послѣдняго человѣка. И баронъ Клейнъ очень быстро опустился до этихъ степеней. Правда, иногда, въ тяжелыя минуты, онъ разсчитывалъ на бракъ съ богатой невѣстой. Онъ вспоминалъ свою жизнь того времени, когда онъ черпалъ изъ банка куши и держалъ такихъ же прихлебателей, какимъ сдѣлался теперь самъ. За время своей широкой жизни, онъ пріобрѣлъ много знакомствъ и связей. Теперь, въ должности прихвостня у богатаго Жоржа Вихрова, онъ порастрясъ нѣсколько эти знакомства и связи. На него уже стали смотрѣть сверху внизъ, и въ свѣтскихъ рѣчахъ зазвучала нотка снисходительнаго полупрезрѣнія... Когда онъ былъ богатъ, около него пресмыкались тѣ, кому нужно было широко жить, не имѣя средствъ; и онъ доставлялъ имъ и эту широкую жизнь, и эти небольшія средства, чтобы во-время можно было задать шику, не ударить лицомъ въ грязь, показаться не тѣмъ, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Теперь онъ сталъ изъ дающаго—принимающимъ. Онъ не видѣлъ въ этомъ ничего, кромѣ простаго поворота колеса фортуны; и хотя съ непривычки это его и шокировало, но только потому, что дающіе слишкомъ старались подчеркнуть свое привилегированное положеніе; онъ же самъ, напротивъ, всегда старался это стушевывать. Въ самой же сущности этого положенія онъ не увидѣлъ бы, пожалуй, ничего особенно предосудительнаго, еслибы оно доставалось ему нѣсколько легче. Но теперь, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ зависимой жизни, онъ желалъ вырваться изъ прихлебательскаго состоянія, сдѣлаться самостоятельнымъ,—жениться на богатой дѣвушкѣ и опять тратить хоть тоже не свои, но какъ бы свои деньги. Это было бы опять прихлебательствомъ, но уже узаконеннымъ обычаями общества. Однако, кто за него пойдетъ? Онъ уже достаточно помятъ и потертъ жизнью; онъ даже не цвѣтущій юноша, не первой молодости человѣкъ.

Digitized by Google

И у него ничего нѣтъ, кромѣ долговъ. Правда, онъ недурёнъ, но его красота все же не такая, какую женщины покупаютъ за деньги. У него еще есть кое-что—титулъ. Но и титулъ не такой громкій, чтобы за него можно было дать хорошій кушъ. Тѣмъ не менѣе онъ мечталъ о выгодномъ бракѣ, при видѣ каждой новой женщины, не зная даже ни ея соціальнаго, ни финансоваго положенія. Онъ просто мечталъ. Въ мозгу у него проходили мысли въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «а что, если эта красавица выдетъ за меня замужъ: сколько народу будетъ за ней ухаживать, сколько будетъ увиваться за мной; и вдругъ она—извѣстная богачка? Да съ такой красотой, пожалуй, что и денегъ не нужно!» цинично думалъ онъ, такъ какъ въ нравственномъ смыслѣ былъ настоящимъ нигилистомъ и считалъ разумнымъ и честнымъ все, что такъ или иначе приноситъ доходъ. «Красота»—мечталъ онъ—«тѣ же деньги. Пошлешь жену къ сановному лицу съ просьбой: растаетъ старикашка — вотъ тебѣ и мѣсто готово. Пошлешь ее къ ростовщику—деньги готовы; къ вліятельному человѣку—концессію дадутъ... А вдругъ она за меня замужъ выдетъ? Вотъ ужь, кажется, руки не подамъ хаму Жоржу...» И такъ онъ мечталъ при видѣ каждой женщины, и распущенное его воображеніе рисовало ему самыя радужныя перспективы.

И теперь, въ этотъ вечеръ, онъ стоялъ спиной къ сценѣ и разсматривалъ сидѣвшую въ ложѣ красавицу. «Кто она?»—думалось ему: — «откуда *къ намъ* залетѣла, и есть ли у нея деньги?»

— Баронъ, баронъ, баронъ!—раздавалось вокругъ него шопотомъ.

— А что?—опамятавшись, спросилъ онъ.

— Что ты зазѣвался?—строго замѣтилъ ему Жоржъ.—Не слышишь, что я тебѣ говорю?

— А что? — вновь переспросилъ онъ, весь поглощенный созерцаніемъ.

— Узнай, что это за дама?

Баронъ оторвался отъ созерцанія и коротко отвѣтилъ:

— Хорошо.

Онъ побѣжалъ изъ залы по коридорамъ ложъ; онъ спрашивалъ у своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, у сосѣдей той ложи, въ которой сидѣла красавица, у капельдинеровъ, у всѣхъ,

Digitized by Google

у кого только могъ спросить; пошелъ за кулисы и освѣдомился тамъ; но никто ничего не зналъ. Когда онъ вернулся въ залу, его обступили:

— Ну что? Узналъ? Кто такая?—сыпались на него вопросы.

— Не узналъ!—отвѣтилъ онъ.— Знаю только, что это самая красивая женщина во всемъ театрѣ.

— Вотъ Америку открылъ, скажите!—возмутился Жоржъ.— Спасибо, что надоумилъ,—сказалъ онъ насмѣшливо: — мы бы сами никакъ не догадались!..

Въ это время, на сцену выступила новая дебютантка, красивая блондинка вся въ трико, со стройными полными ногами; ея кавалеръ въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ сопровождалъ ее. Она спѣла куплетъ, акомпанируя себѣ на мандолинѣ. Вниманіе публики было отвлечено отъ ложи на сцену, и всѣ взоры обратились туда. Эльза Сванъ, окончивъ куплетъ, вдругъ вытягивала свою ногу по направленію къ своему партнеру; тотъ ее подхватывалъ правой рукой, а лѣвой дѣлалъ видъ, что играетъ на ней, какъ на мандолинѣ, и подъ этотъ нѣмой акомпанементъ начиналъ въ свою очередь свои куплеты, которымъ уже акомпанировалъ оркестръ. Дебютантовъ встрѣтилъ и проводилъ громъ аплодисментовъ. Когда они наконецъ удалились за кулисы, и Жоржъ Вихровъ опять взглянулъ въ ложу бель-этажа—красавицы уже не было. Онъ заволновался.

— Узнай, узнай непремѣнно,—присталъ онъ къ барону,— кто она такая.

— Но какъ же я могу это сдѣлать?

— Вотъ еще!—досадливо воскликнулъ тотъ,—какъ хочешь, такъ и сдѣлай, я учить тебя не обязанъ, но я долженъ, понимаешь ты: *долженъ* знать... Это скандалъ, если я не буду знать, кто она — я, знающій всѣхъ хорошенькихъ женщинъ Петербурга.

— Но я, право!..

— Что тамъ: право? Чѣмъ болтать попусту—поѣзжай за ними: они только что вышли.

— Но у меня нѣтъ денегъ...

— На вотъ!—презрительно сказалъ Жоржъ, сунувъ ему скомканную бумажку,—поѣзжай и возвращайся: мы тебя будемъ ждать... ты знаешь, гдѣ.—Онъ нагнулся и шепнулъ ему что-то на ухо.

Digitized by Google

Баронъ, ощупавъ въ своей рукѣ кредитную бумажку, обрадовался и, ухмыляясь, кивнулъ ему головой и устремился къ выходу. Въ сѣняхъ театра таинственная парочка—старикъ и русская красавица еще одѣвались. Баронъ подробно разсмотрѣлъ ее и замѣтилъ на этотъ разъ, что она уже не первой молодости: на взглядъ онъ опредѣлилъ ей лѣтъ 35, немного больше, немного меньше—онъ не могъ сказать съ точностью. Они вышли. На подъѣздѣ она тоже обратила на него вниманіе и пристально взглянула. Она и раньше, еще въ театрѣ, видѣла восторженные и любопытные взоры, бросаемые на нее мужчинами, и особенно внимательный и сосредоточенный взоръ барона, и это видимо тѣшило ее и забавляло. Посмотрѣвъ на барона, она что-то шепнула старику. Тотъ тоже хмуро взглянулъ на него и отвернулся. У нихъ не было экипажа; они наняли извощика и отправились. Баронъ услыхалъ названіе улицы, и когда они отъѣхали на значительное разстояніе, онъ послѣдовалъ за ними. Они остановились у барскаго двухъэтажнаго дома и вошли въ подъѣздъ. Лѣстница была еще освѣщена, и баронъ, давъ имъ скрыться въ дверяхъ, быстро вошелъ на лѣстницу и прочелъ на мѣдной дощечкѣ надпись: «Анна Ивановна Грязнова». Это ему ничего не говорило; тогда, памятуя строгій приказъ Жоржа, онъ отыскалъ дворницкую клѣтушку, разбудилъ дворника, сунулъ ему въ руку цѣлковый и подъ благовиднымъ предлогомъ узналъ нѣкоторыя подробности. Анна Ивановна, мѣсяца три тому назадъ, пріѣхала сюда изъ Москвы со своимъ отцомъ. Знакомствъ у нихъ мало; она очень богата; пріѣхала сюда по дѣламъ. Онъ далъ ему еще бумажку и словоохотливый дворникъ сообщилъ уже болѣе интимныя подробности: въ паспортѣ у нея значится: «дочь неизвѣстныхъ родителей»; а у него, у старика: «почетный гражданинъ Иванъ Яковлевичъ Грязновъ»; состояніе у нея—по завѣщанію помѣщика Перова, а старикъ, Иванъ Грязный, ея крестный, а не настоящій отецъ.

Собравъ эти свѣдѣнія, баронъ полетѣлъ съ отчетомъ къ «своимъ». Видная красавица, произведшая такую сенсацію среди завсегдатаевъ театра Берга, была дѣйствительно никто иная, какъ Аннушка Грязнова, которую мы видѣли въ самомъ началѣ этой хроники. Послѣ объявленія объ освобожденіи крестьянъ, прошло уже около восьми лѣтъ. Изъ этихъ восьми

Digitized by Google

лѣтъ Аннушка и Иванъ Яковлевичъ прожили еще около двухъ лѣтъ въ Перовѣ, дожидаясь возвращенія Валеріана Ѳомича. Но онъ не возвращался, не смотря на настоятельныя письма Ивана Яковлевича; онъ только прислалъ ему полную довѣренность на управленіе Перовымъ и на продажу его, причемъ просилъ поторопиться продажею, уплатить всѣ его долги, а остальную сумму—выслать ему въ одинъ изъ заграничныхъ городовъ, въ которомъ велась игра въ рулетку. Онъ умолялъ Ивана Яковлевича поторопиться, не попомнить ему прежнихъ ихъ столкновеній и недоразумѣній, а исполнить это по дружбѣ и—главное—съ возможной быстротой выслать ему деньги, потому что онъ буквально голодаетъ, весь въ долгахъ, живетъ при помощи мелкихъ займовъ и выѣхать не имѣетъ возможности. Новый управляющій написалъ ему подробное письмо, гласившее, что продать имѣнье, когда помѣщики стараются развязаться съ своими насиженными гнѣздами, въ скоромъ времени—нельзя, а если и можно, то съ большими убытками; что Перово въ достаточной мѣрѣ разорено, и что на немъ много долговъ; что выслать ему деньги сейчасъ же невозможно, ибо, если даже онъ и найдетъ хорошаго покупателя, то необходимыя формальности возьмутъ много времени. Но если онъ желаетъ, то бывшій его крѣпостной, а нынѣ преданный ему слуга Иванъ Грязновъ, можетъ все таки помочь ему въ этомъ дѣлѣ. «Благоволеніемъ и доброжелательствомъ моего покойнаго помѣщика, а вашего батюшки, Ѳомы Аверьяновича», писалъ онъ ему: «моей крестницѣ Аннѣ Ивановнѣ оставленъ нѣкій капиталъ, который она, памятуя ваше къ ней предрасположеніе, согласна пожертвовать на выручку васъ изъ бѣды. Она предлагаетъ вамъ купить Перово на свое имя, съ усадьбой и полнымъ инвентаремъ, конечно, за умѣренную плату, и сумму, которая очистится за покрытіемъ долговъ, вышлетъ вамъ немедленно въ видѣ задатка, до окончанія всѣхъ закономъ требуемыхъ формальностей. Пришлите только ваше формальное согласіе и запродажную запись по формѣ, у сего прилагаемой...» Это было выгодной аферой... для Ивана Грязнова. Онъ высчиталъ долги, проценты на нихъ, куртажъ себѣ «за хлопоты», расходы на ремонтъ усадьбы и пріобрѣтеніе всего необходимаго для имѣнія; доходы за текущій годъ показалъ въ самомъ минимальномъ количествѣ, а расходы по сдѣлкѣ — въ самомъ

Digitized by Google

максимальномъ. Сосчитавъ и сообразивъ все это, онъ выслалъ Валеріану Ѳомичу, по полученіи отъ него требуемаго согласія и запродажной записи, столь незначительную сумму, что даже тотъ, безшабашный человѣкъ, давно махнувшій на все рукою—ахнулъ отъ удивленія и написалъ ему грозное письмо. Но времена перемѣнились и угроза Валеріана произвела не то дѣйствіе, которое онъ ожидалъ: она вызвала лишь саркастическую и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольную улыбку на лицѣ старика. «Ловко дѣльце обдѣлали!» подумалъ онъ про себя. «Говорилъ ему: попомнитъ онъ Ивана Грязнова... а вотъ Богъ и помогъ мнѣ сдержать свое слово».

Затѣмъ всѣ извѣстія о Валеріанѣ прекратились. О немъ не было ни слуху, ни духу. Иванъ Яковлевичъ успокоился; заручившись отъ дочери довѣренностью, онъ сталъ управлять ея имѣніемъ, причемъ обнаруживалъ всѣ зачатки заправскаго кулака,—того нарождавшагося типа, который долженъ былъ впослѣдствіи расцвѣсти на родной почвѣ такимъ пышнымъ цвѣтомъ. Анна Ивановна тоже не устранила себя отъ дѣлъ, а во все входила, во все вникала, обо всемъ требовала отчетовъ. Съ ней совершалась перемѣна: дѣвичья дурь проходила, лѣта надвигались; съ горестью она стала примѣчать, что ея сердечныя влеченія должны остаться неудовлетворенными и что ей ничего больше не остается, какъ заняться пріумноженіемъ своего, такъ случайно доставшагося, богатства. И она продолжала «во все вникать и входить». Практическій умъ ея развивался быстро; она сама составляла планы, проэкты, смѣты, и слѣдила за отцомъ, чтобы онъ отъ нихъ не отступалъ ни на іоту. Сначала старикъ обидѣлся на такое вмѣшательство и недовѣріе; но она твердо заявила свою волю и онъ покорился, а впослѣдствіи не могъ даже не радоваться: «вся въ Василису Степановну, да... въ меня»! утѣшался онъ.

Поставивъ въ два года дѣла по имѣнію на должную высоту, Аннушка вдругъ заблажила и объявила отцу, что хочетъ *пожить*, что ей надоѣла замкнутая деревенская жизнь, что молодость ея прошла въ затворничествѣ и безъ радости, что она хочетъ теперь повидать свѣтъ, людей посмотрѣть и себя показать, и что она рѣшила—ѣхать на зиму въ Москву. Какъ ни уговаривалъ ее старикъ, она поставила на своемъ. Дѣлать было нечего—надо было покориться; они уѣхали и прожили

Digitized by Google

около четырехъ зимъ въ Москвѣ, возвращаясь весною въ имѣнье.

Въ Москвѣ Аннушка съ изумленіемъ увидѣла, что появленіе ея на горизонтѣ столичной жизни не осталось незамѣченнымъ; подмѣтила восторженные взгляды мужчинъ, услышала одобрительный шопотъ при своемъ появленіи на улицѣ, въ театрѣ, въ обществѣ; посовѣтовалась съ своимъ зеркаломъ и... глаза ея открылись: она уразумѣла, что, не смотря на свои годы—она все еще красавица. Разъ увѣрившись въ этомъ, она принялась себя отшлифовывать: заказала себѣ платье у лучшей портнихи; отдѣлала со вкусомъ квартиру, завела лошадей, наняла учителей, которые съ большимъ трудомъ вдолбили ей нѣкоторыя знанія, необходимыя въ свѣтскомъ обиходѣ, и выучилась съ трудомъ французскому языку, настолько, что могла смѣло и безъ боязни вставлять въ свою рѣчь французскія словечки и фразы... Во всемъ этомъ виденъ былъ ея практическій умъ. Она никогда не увлекалась и не зарывалась. Все было разсчитано по средствамъ и не выходило изъ бюджета. Если и приходила ей иногда фантазія заказать умопомрачающее платье или купить необыкновенный уборъ изъ дорогихъ каменьевъ, то она все таки предварительно вычисляла стоимость на бумагѣ, справлялась съ своимъ бюджетомъ, причемъ звала на совѣтъ отца, и... во-время умѣла отказаться отъ слишкомъ дорогой затѣи. Старикъ, тревожившійся за нее сначала, быстро успокоился. «Съ такимъ умомъ не пропадетъ»! думалъ онъ, ухмыляясь.

Она быстро освоилась съ своимъ новымъ положеніемъ и еще быстрѣе вошла во вкусъ новаго существованія. Это уже не была та прежняя перовская полузабитая, полуглупенькая, наивная Аннушка:—это была теперь вполнѣ свѣтская, приличная дама общества, и если что порой смущало и грызло ее—такъ именно то, что это самое общество, въ которое она жаждала попасть, признанія котораго она домогалась, совершенно ингорировало ее за ея темное происхожденіе. Все у нея было теперь: и практическій умъ, и красота, и свѣтскій лоскъ, и большія средства къ жизни—одного недоставало: происхожденія. «Родители неизвѣстны»—вотъ что повергало ее въ отчаяніе! Конечно, она знала теперь тайну своего происхожденія, но какъ исправить эту тайну? Какъ сдѣлаться

Digitized by Google

равной этому изысканному, блестящему, благорожденному обществу? Она начала благотворить: вносила крупныя суммы на разныя учрежденія, записывалась въ разные комитеты; записала и отца своего, пріобрѣла ему почетное гражданство. Крупныя пожертвованія ввели ее въ кругъ нѣсколько высшій, чѣмъ тотъ, въ которомъ она до сего времени вращалась; но это было не то: ей нужно было войти въ общество и стать равнымъ его членомъ; она хотѣла, чтобы при ея появленіи, на вопросы: «кто эта красавица»? не сыпались бы отвѣты: «ахъ, это одна темная личность... parvenue, нѣкая Грязнова»! а смѣло и прямо могли бы отвѣтить:—«Это г-жа такая-то, жена такого-то»!..

И вотъ это ее смущало. Ей хотѣлось выйти замужъ за какую нибудь чиновную или титулованную особу. Выйти замужъ во что бы то ни стало и перемѣнить свою фамилію,— темную, неблагозвучную и незаконную, — на какое нибудь громкое, благозвучное и... законное имя. И она лихорадочно искала вокругъ себя подходящаго субъекта, за кого могла бы выйти замужъ. Но таковаго—увы!—не находилось. Въ Москвѣ, искателей ея благосклонности было много, даже черезчуръ много, но это были все люди самостоятельные, состоятельные или несвободные. Пользоваться ея благосклонностью они не только соглашались, но почитали за счастье; соединить же съ ней свою судьбу, наградить ее своимъ именемъ—отнюдь не желали. Проживъ четыре года въ Москвѣ, она рѣшилась отправиться въ Петербургъ—попытать счастья. Она очень тревожилась, что время идетъ, года проходятъ, а она все еще не можетъ найти себѣ «приличнаго» мужа.

Въ Петербургѣ она производила своимъ появленіемъ ту же сенсацію, что̀ и въ Москвѣ. Но дѣло сначала шло по прежнему. Иванъ Яковлевичъ и тутъ, какъ въ Москвѣ, пошелъ по благотворительной и попечительской части. Онъ записался членомъ въ разныя общества и учрежденія, состоялъ попечителемъ нѣсколькихъ школъ, благодаря внесеннымъ имъ крупнымъ пожертвованіямъ; получилъ двѣ медали на станиславской лентѣ—серебряную и золотую—и еще какой-то орденъ. Старикъ занесся. Все его честолюбіе заключалось теперь въ полученіи возможно бо̀льшаго количества орденовъ. Она тоже стремилась проникнуть въ дамы-патронессы, и это ей удавалось, хотя и съ трудомъ.

Digitized by Google

Между тѣмъ баронъ Клейнъ устроилъ на нее цѣлую облаву; онъ предварительно хорошо освѣдомился о ея средствахъ и происхожденіи. Средства оказались весьма солидными и обѣщали еще болѣе увеличиться, благодаря тому, что она, увлекшись общимъ потокомъ, стала акціонершей и пайщицей разныхъ предпріятій, выроставшихъ въ то ажіотажное время, какъ грибы послѣ дождя. Своимъ практическимъ чутьемъ она умѣла выбрать наиболѣе выгодныя предпріятія и обходить дутыя. Она, въ послѣднее время, добилась участія въ одной чрезвычайно выгодной концессіи, и капиталъ ея росъ не по днямъ, а по часамъ. И это радовало Клейна. Настало время, когда ему необходимо было вырваться изъ страшныхъ тисковъ нужды, и онъ рѣшился во что бы то ни стало жениться. До ея происхожденія ему не было рѣшительно никакого дѣла. Онъ считалъ все это предразсудкомъ—не болѣе. Поэтому, разузнавъ все подробно, онъ рѣшился съ нею познакомиться. Развѣдалъ о тѣхъ домахъ, гдѣ она бывала по своимъ концессіоннымъ дѣламъ, познакомился съ нужными людьми, встрѣтился съ нею; былъ ей представленъ и получилъ приглашеніе въ домъ. Онъ сталъ бывать у нея. Дѣло ихъ быстро слаживалось. Онъ понялъ, *что* ей именно нужно. Она сообразила немедленно, что ему, кромѣ денегъ, ничего не нужно, и что онъ не станетъ смущаться ея происхожденіемъ, а она купитъ себѣ титулъ совершенно также, какъ покупаютъ домъ или акцію. Они скоро сошлись и вполнѣ поняли другъ друга. Однажды вечеромъ, когда они остались вдвоемъ, онъ вдругъ сказалъ ей:

— Анна Ивановна! Для васъ, конечно, не тайна смыслъ моихъ частыхъ посѣщеній вашего дома?.. Пора намъ, наконецъ, договориться до чего нибудь.

— Извольте, я готова васъ слушать: говорите.

— Порядочный человѣкъ не ухаживаетъ такъ долго за барышней, не имѣя на это серьезныхъ цѣлей...

— Какія же ваши цѣли?

— Я люблю васъ, Анна Ивановна, люблю васъ всѣмъ пыломъ своей...

— Нѣтъ ужь, вы это сократите. Это будетъ лишнее.

Тотъ нѣсколько опѣшилъ.

— Вы хотите жениться на мнѣ?—сказала она.

— Да.

Digitized by Google

— Я согласна. Но такъ какъ, баронъ, ни вы не чувствуете никакого пыла ко мнѣ, ни я къ вамъ...

— Благодарю за откровенность.

— Не за что. Я предпочитаю откровенность—фальши и лжи; къ тому же, ни вамъ, ни мнѣ это не нужно, такъ какъ мы оба съ вами люди неглупые, и понимаемъ другъ друга хорошо... Такъ вотъ, прежде чѣмъ мы рѣшимъ что либо, я хочу предъявить вамъ нѣкоторыя условія.

— Напримѣръ?

— Слушайте. Вы—человѣкъ безъ средствъ, но вы безъ денегъ жить не можете. Поэтому вы принуждены были все это время жить на чужой счетъ, дѣлать долги, унижаться и... краснѣть за униженіе своего древняго имени... Вамъ все это надоѣло и вы задумали хорошо жениться? Не такъ ли?

— Пусть будетъ такъ.

— Вы нашли меня. Я—прямая противоположность вамъ. У меня есть деньги—много денегъ!—но нѣтъ имени. Мнѣ надоѣло это существованіе, эти косые взгляды общества, эти полуснисходительныя, полупрезрительныя улыбки сысока, которыми меня дарятъ люди, даже кругомъ мнѣ обязанные. И вотъ мнѣ захотѣлось *пріобрѣсти*... имя. Понимаете ли: пріобрѣсти?

— Понимаю... какъ какую нибудь акцію или облигацію, не правда ли?

— Пусть будетъ такъ,—отвѣтила она его же словами, улыбаясь.

— Ну и что же?—спросилъ онъ.

— Ну, вотъ я и нашла васъ.

— Значитъ, мы другъ друга искали?

— Разумѣется. Но только я не хотѣла бы вводить васъ въ заблужденіе. Я не хотѣла бы васъ обманывать. Выдя за васъ замужъ, я не сдѣлаю васъ участникомъ моихъ дѣлъ, не ввѣрю вамъ моего капитала. Я дѣла веду сама, помощникомъ у меня—мой отецъ...

— Онъ очень любитъ ордена и медали?—вдругъ прервалъ ее баронъ.

Она покраснѣла.

— Я прошу васъ выслушать меня, не перебивая,—строго остановила она его.—И къ тому же вамъ никакого дѣла нѣтъ ни до моего отца, ни до его орденовъ.

Digitized by Google

— Слушаю-съ,—насмѣшливо проронилъ онъ.

— Итакъ, капитала моего я вамъ не довѣрю...

— Это я уже слышалъ, и... благодарю.

— Это ничего; не мѣшаетъ вамъ хорошенько это усвоить. Но такъ какъ вы даете мнѣ свое древнее имя, а я его охотно принимаю, то, само собою разумѣется, васъ необходимо вознаградить чѣмъ нибудь...

— Фи! Это похоже на какой-то торгъ...

— Ну, все равно. Нужно же вамъ дать взамѣнъ что нибудь... Я беру на себя уплатить всѣ ваши долги, все то, что вы позабрали у Жоржа Вихрова, все то...

— Ему можно не отдать,—прервалъ онъ ее:—онъ богатъ, на дняхъ еще получилъ неожиданное наслѣдство, да къ тому же въ свое время и онъ у меня одолжался и пользовался моими средствами, какъ я теперь пользуюсь его. Это круговоротъ, добрѣйшая Анна Ивановна, могу васъ увѣрить—круговоротъ!..

— Все равно!—сказала она,—я не хочу, чтобы про моего будущаго мужа говорили, что онъ пользовался средствами пріятеля,—строго добавила она, глядя на него въ упоръ.

— Тѣмъ лучше!—равнодушно добавилъ онъ.

— Затѣмъ вы будете имѣть квартиру, столъ, экипажъ, все, что вамъ будетъ нужно у меня въ домѣ.

— А прачку?—нахально спросилъ онъ, выведенный изъ себя и готовый вспылить.

Но она побѣдила его своимъ равнодушіемъ.

— Все, что вамъ будетъ нужно,—отчетливо проговорила она.

— Прекрасно!—замѣтилъ онъ.

— Сверхъ того...

— А!.. есть еще и «сверхъ того»?...

— Да. Вы будете получать пять тысячъ рублей въ годъ на ваши... ваши... развлеченья.

— Прекрасно,—вновь повторилъ онъ уже въ болѣе мирномъ тонѣ, потому что въ душѣ начиналъ сознавать, что о лучшемъ онъ, пожалуй, въ послѣднее время и не могъ мечтать.—Ну, а что я долженъ взамѣнъ всего этого дѣлать?—спросилъ онъ.

— Вы, женясь на мнѣ, даете мнѣ свое имя, ну... entre nous soit dit... немножко подержаное, поблекшее, это правда.

Digitized by Google

Но вѣдь его можно почистить и пріобрѣсти ему прежній блескъ... Дворянскія имена тѣмъ и хороши, что они тускнѣютъ, но никакая грязь къ нимъ не пристаетъ до такой степени, чтобы ее нельзя было отчистить. Это даетъ возможность войти въ сношенія съ обществомъ, которое, напримѣръ, избѣгаетъ меня, и расширить кругъ моихъ дѣлъ и операцій. Затѣмъ прошу васъ относиться ко мнѣ съ должнымъ уваженіемъ, также и къ отцу моему, и держаться болѣе или менѣе прилично, ну... хотя бы съ внѣшней стороны, чтобы не подавать ни малѣйшаго повода къ сплетнямъ и двусмысленнымъ разговорамъ. Вотъ и все... Согласны вы на это,—такъ я принимаю съ удовольствіемъ ваше предложеніе...

— Согласенъ,—сказалъ онъ и поцѣловалъ ей руку.—Но вы, Анна Ивановна, забыли прибавить, что ко всему, вами обѣщанному, вы еще присоединяете свою красоту, которая, конечно, стоитъ дороже всѣхъ матеріальныхъ благъ...

— Вы очень любезны и милы,—улыбаясь, проговорила она.

— Итакъ, по рукамъ?

— По рукамъ.

Она позвонила. Вошелъ лакей и она приказала ему попросить къ ней отца.

Иванъ Яковлевичъ вышелъ и, увидя ихъ, остановился. По его хмурому лицу видно было, что онъ догадывается о происшедшемъ и очень этимъ недоволенъ.

— Папа, поздравь меня: *баронъ* Клейнъ мнѣ сдѣлалъ предложеніе.

— Я полагаю, прежде обдумать бы надо...—началъ старикъ.

— Все обдумано уже вашей дочкой, да какъ еще обдумано, почтеннѣйшій родитель!..—не могъ удержаться, чтобы не сказать чего нибудь непріятнаго, баронъ; но, встрѣтивъ суровый взоръ своей невѣсты, умолкъ и поспѣшилъ ретироваться къ своимъ друзьямъ, которыхъ засталъ еще за кутежемъ. Въ ихъ веселой компаніи сидѣла Эльза Сванъ, но безъ своего партнера, съ которымъ она пѣла на сценѣ куплеты. Жоржъ Вихровъ былъ ея кавалеромъ. Извѣстіе о женитьбѣ барона на «почти мильонеркѣ» вызвало бурю аплодисментовъ, въ которыхъ приняла участіе и Эльза Сванъ. Она его лихо хлопнула по плечу и произнесла, широко улыбаясь:

— Ти мнѣ поднесешь одинъ маленькій бруслетъ, nicht war?

Digitized by Google

— Не одинъ, а десять!—отвѣтилъ онъ:—и не маленькихъ, а большихъ.

— Ну, ну... ты не очень!—недовольнымъ тономъ замѣтилъ ему Жоржъ.

Черезъ мѣсяцъ состоялась свадьба. Наконецъ-то, къ своей красотѣ и богатству Аннушка успѣла прибавить и столь желанный ею титулъ. Теперь уже не существовало Анны Грязновой, а была баронесса Анна Ивановна Клейнъ.

Артуръ Клейнъ былъ счастливъ. Анна Ивановна исполнила все, что̀ обѣщала. Занималъ онъ въ ея домѣ цѣлое отдѣленіе, роскошно и комфортабельно меблированное; все, что̀ ему требовалось, до мельчайшихъ подробностей было предусмотрѣно; лошади у него были въ полномъ распоряженіи, какъ и обѣщанная сумма денегъ, правда, не очень значительная по его размаху, однако же и не маленькая, если принять въ соображеніе, что всѣ долги его, включая и тѣ, которые были сдѣланы Жоржу Вихрову—были уплачены. Оба достигли своего. Баронъ вновь вздохнулъ свободно; онъ могъ выѣзжать, кутить, шататься по ресторанамъ и театрамъ, устраивать ужины и обѣды, швырять деньги направо и налѣво. Онъ не разошелся съ своими прежними друзьями и былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ только съ Жоржемъ, потому что исполнилъ обѣщаніе, данное имъ передъ свадьбой Эльзѣ Сванъ. Онъ ей купилъ цѣлую парюру, чѣмъ отбилъ ее отъ Вихрова и получилъ ея благосклонность и расположеніе. Женѣ онъ оказывалъ всѣ виды наружнаго почтенія и держался съ нею, какъ истинный джентльменъ. Дома проводилъ онъ урочные часы: акуратно появлялся за обѣдомъ; по вечерамъ, разъ въ недѣлю, принималъ гостей, состоявшихъ изъ петербургскихъ дѣловыхъ людей. Разговаривалъ съ ними объ акціяхъ и облигаціяхъ, о желѣзныхъ дорогахъ, о банкахъ и о многомъ другомъ; зато во всѣ другіе дни и часы онъ также акуратно исчезалъ изъ дома и возвращался поздно ночью или—вѣрнѣе—рано поутру. Одно его нѣсколько стѣсняло и шокировало дома—это Иванъ Яковлевичъ. Если Анна Ивановна была настолько тактична, что умѣла не показывать своего темнаго происхожденія, то, наоборотъ, тесть то и дѣло его обнаруживалъ. Онъ былъ грубъ, не воспитанъ, честолюбивъ. Бредилъ медалями и орденами, унижался и вы-

Digitized by Google

маливалъ ихъ; не жалѣлъ денегъ на взносы въ тѣ учрежденія, отъ которыхъ зависѣло представленіе къ наградамъ. Получивъ какую нибудь незначительную медаль, онъ непремѣнно ее надѣвалъ на вечеръ и появлялся среди гостей, причемъ всѣмъ и каждому конфиденціально сообщалъ, что «правительство его осіяло за то, что онъ осушилъ не одну сиротскую слезу своими благотвореніями». Это означало, что онъ сдѣлалъ взносъ или крупное пожертвованіе въ какое нибудь попечительство о сиротахъ.

— Сегодня я записался въ общество кораблекрушенія,—сообщалъ онъ гостямъ,—и жду соотвѣтственнаго сему званію значка.

Сначала баронъ старался игнорировать эту слабую сторону старика, но когда друзья-пріятели подмѣтили ее и подняли на смѣхъ его жену и ея отца, онъ вознегодовалъ и сталъ «изводить» старика насмѣшками.

— И куда вы столько медалей накапливаете?—спрашивалъ онъ его:—вѣдь все равно не увидите, какъ за гробомъ понесутъ?

Старикъ очень сердился на эти неумѣстныя выходки.

Въ самомъ непродолжительномъ времени однако, баронъ освоился съ своимъ положеніемъ, какъ онъ освоивался въ своей жизни и со множествомъ другихъ положеній. Все напускное джентльменство, внѣшняя порядочность и корректность исчезли и уступили мѣсто распущенности; онъ быстро опустился, сталъ грубъ, дерзокъ, не признавалъ ничьей воли, кромѣ своей... Скоро онъ вовсе пересталъ появляться домой въ урочные часы и пропадалъ иногда по недѣлямъ, не показывая глазъ домой. Онъ окончательно запутался въ сѣтяхъ Эльзы Сванъ. Досужіе люди и друзья дома не замедлили поставить въ извѣстность объ этомъ Анну Ивановну, при помощи анонимныхъ писемъ и словесныхъ прозрачныхъ намековъ... Но она твердо держала свое слово и не мѣшалась въ дѣла мужа. У нея и своего дѣла было достаточно. Она теперь играла на биржѣ, покупая и продавая акціи. Удача всюду слѣдовала за ней и капиталъ ея все увеличивался да увеличивался. Иногда она выѣзжала куда нибудь въ гости или въ театръ. Но именно то, что̀ ей тамъ, въ Перовѣ, казалось такъ заманчивымъ и веселымъ, безъ чего—она думала—нѣтъ и на-

Digitized by Google

стоящей жизни, именно теперь, когда она «вошла во вкусъ», показалось скучнымъ, пустымъ, не дѣльнымъ. Именно *не дѣльнымъ*. Своимъ практическимъ умомъ она постигла, что все это—пустяки, а своей непосредственной натурой уразумѣла всю фальшь свѣтскихъ удовольствій и развлеченій. Поэтому она посѣщала театры и знакомыхъ только по дѣлу, когда тамъ можно было встрѣтить нужнаго человѣка или переговорить о неотложномъ дѣлѣ. Остальное время она сидѣла дома. Проводя время дома, она все таки не оставалась праздной: сводила счеты, вела книги; хотя издали, но строго и неуклонно управляла Перовскимъ имѣніемъ, постоянно контролируя и усчитывая управляющаго. И только поздними вечерами она принималась за чтеніе книжки, но опять такой, которая имѣла бы отношеніе къ ея многочисленнымъ операціямъ; романовъ она не любила. Лежа въ постели, она иногда мечтала. Чаще всего приходилъ ей на умъ Валеріанъ Ѳомичъ. Что съ нимъ теперь, гдѣ онъ находится, чѣмъ занимается? Она представляла себѣ его фигуру, его узкія плечи, впалую грудь, его томную блѣдность и постоянную одышку. Но именно такимъ онъ ей и нравился. Вспоминала она и свое кратковременное, ничѣмъ не разрѣшившееся, увлеченіе Андреемъ Старцевымъ, и—по сравненію ихъ обоихъ—Валеріанъ былъ ей теперь милѣе. Андрей—это была ея юношеская блажь. Валеріанъ—былъ бы теперь по душѣ. Она—такая сильная, энергичная, бодрая—чувствовала симпатію къ слабому и болѣзненному. И она мечтала о немъ...

Между тѣмъ, увлеченіе Эльзой Сванъ привело ея мужа къ нѣкоему результату; и это увлеченіе вдругъ коснулось и ея. Однажды утромъ позвонили и передъ нею предсталъ дисконтеръ съ векселемъ, подписаннымъ Артуромъ Клейномъ. Она немного изумилась. Какъ? не прошло и года со времени ихъ свадьбы, а ужь вексель! Она выплачивала ему акуратно условленную сумму и вдругъ вексель на восемь тысячъ? Однако, ни слова не говоря, она уплатила этотъ долгъ. Явившійся вслѣдъ затѣмъ Клейнъ былъ къ ней очень внимателенъ и любезенъ. Это былъ первый опытъ, первый пробный шаръ. И этотъ опытъ такъ легко удался. Эльза Сванъ была отбита отъ Жоржа Вихрова, имѣла брилліанты и лошадей—и все это отъ него, Артура Клейна; всѣ ему завидовали, поздравляли; и за

Digitized by Google

все это его жена, ни слова не говоря, заплатила по векселю. Это помирило его съ ней, подбодрило, а вмѣстѣ съ тѣмъ подвинуло и на дальнѣйшее. У него съ Жоржемъ началось состязаніе. Жоржъ никакъ не могъ помириться съ своимъ фіаско и изъ кожи лѣзъ—перещеголять Клейна. Онъ поднесъ Эльзѣ множество вещей еще цѣннѣе, чѣмъ тѣ, которыя Артуръ подарилъ ей. Эльза Сванъ каталась, какъ сыръ въ маслѣ, получая мзду съ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, и начинала колебаться опять въ сторону Жоржа. Тогда Клейнъ выходилъ изъ себя и въ свою очередь задаривалъ ее. Борьба затянулась, а въ результатѣ черезъ три мѣсяца появился новый дисконтеръ съ новымъ векселемъ въ 12 тысячъ. Баронесса уплатила и этотъ. Но тѣмъ дѣло не кончилось. Война за Сванъ продолжалась: ободренный Клейнъ дѣлалъ чудеса, выписывалъ цвѣты изъ-за границы, купалъ ее въ шампанскомъ, отдѣлывалъ ей квартиру, нанялъ цѣлый штатъ прислуги, одѣлъ ихъ въ ливреи... Эльза Сванъ, благодаря этому шуму и скандалу, быстро вошла въ моду у золотой петербургской молодежи и была теперь всесильной куртизанкой «на расхватъ». Это почетное званіе требовало соотвѣтствующей обстановки для поддержанія престижа, но вмѣстѣ съ тѣмъ колебало положеніе Клейна, потому что онъ долженъ былъ своими щедротами превзойти всѣхъ остальныхъ ея поклонниковъ, вмѣстѣ взятыхъ, чтобы удержать за собой равновѣсіе. Новый векселъ былъ результатомъ этой борьбы. Это наконецъ переполнило чашу терпѣнія Анны Ивановны и она подумала, что дальнѣйшее потаканье мужнинымъ безчинствамъ приведетъ ее къ разоренію. Поэтому она рѣшила разомъ покончить съ этимъ дѣломъ и поступила, какъ всегда, смѣло, рѣшительно и безповоротно. Векселъ этотъ она не уплатила, а предоставила взыскивать его по частямъ изъ получаемаго мужемъ въ ея конторѣ содержанія. Кромѣ того, она напечатала во всѣхъ газетахъ крупнымъ шрифтомъ объявленіе: «Баронесса Анна Ивановна Клейнъ симъ заявляетъ, что никакихъ долговъ ея мужа, барона Артура Егоровича Клейна, на себя не принимаетъ и по его долговымъ обязательствамъ уплаты не чинитъ; почему и покорнѣйше проситъ его кредиторовъ къ ней болѣе не обращаться и долги его взыскивать установленнымъ законнымъ порядкомъ, посредствомъ судебныхъ учрежденій».

Digitized by Google

Это объявленіе, которое баронъ увидѣлъ на столикѣ въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ, привело его въ ужасное бѣшенство. Онъ хотѣлъ летѣть домой и расправиться по своему съ своей благовѣрной. Но прежде всего онъ полетѣлъ къ Эльзѣ. Она была уже освѣдомлена о постигшемъ его несчастіи и приняла его холодно. У нея была масса друзей барона; всѣ они прочитали объявленіе и теперь конкурировали другъ передъ другомъ въ погонѣ за обладаніе Эльзой. Они его встрѣтили шумно и весело. Многіе смѣялись, многіе шутили, но въ обращеніи съ нимъ у большинства проглядывала злорадная иронія и презрительная насмѣшка. Внѣ себя помчался онъ домой. Анну Ивановну онъ засталъ одну. Войдя въ ея будуаръ, онъ бросилъ на столикъ скомканный листъ газеты.

— Это... вы... вы... напечатали?—проговорилъ онъ, задыхаясь.

— Конечно, я,—холодно и спокойно отвѣтила она.

— Какъ же вы смѣли? какъ вы смѣли? Какъ вы рѣшились, спрашиваю я васъ?

— Очень просто. Совершенно также, какъ вы рѣшились дѣлать долги и присылать мнѣ векселя къ уплатѣ, — совершенно также.

— Да понимаете ли вы... (онъ никакъ не могъ прибрать достаточно сильнаго ругательнаго эпитета), понимаете ли вы... что вы надѣлали?

— Очень хорошо понимаю: я лишила васъ возможности дѣлать долги.

— Но вы, кромѣ того, опозорили меня передъ обществомъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, передъ...—онъ зашнулся.

— Продолжайте, не конфузьтесь; вы хотѣли сказать: передъ Эльзой Сванъ?

Баронъ окончательно вышелъ изъ себя.

— Ну да, да, да, передъ Эльзой Сванъ, которой вы мизинца не стоите...—заоралъ онъ.

— Прежде всего я васъ попрошу не кричать, — презрительно-холодно сказала она, искоса на него взглядывая:—отецъ спитъ, да я и никому не позволю скандалить у меня въ домѣ.

— Что мнѣ за дѣло до вашего позволенія; очень нужно!

— Большое дѣло. Если вы не перестанете кричать, я васъ велю вывести отсюда моей прислугѣ.

Digitized by Google

Она взялась за колокольчикъ. Баронъ стихъ, т. е., вѣрнѣе, понизилъ голосъ, хотя рѣчь его оставалась все такой же грубой и дерзкой.

— Я требую уничтоженія этого объявленія и уплаты моихъ долговъ,—коротко заявилъ онъ.

— И совершенно напрасно требуете: этого никогда не будетъ.

— Но вы забываете, что вы носите мою фамилію; и я никому не позволю марать ее. Слышите ли: никому, даже вамъ, моей женѣ... по несчастью.

— Вотъ именно по несчастью. Это вы правильно сказали. Но, видите ли, баронъ, прежде чѣмъ заботиться о томъ, чтобы не позволять *другимъ* марать свою фамилію, вы бы позаботились о томъ, чтобы самому не мараться...

— Это не ваше дѣло.

— Пожалуй. Какъ и не мое дѣло—платить за ваши безобразія. Не я ли васъ вытащила изъ грязи, до которой вы такъ чувствительны, не я ли васъ подняла на ноги, дала вамъ средства, освободила васъ отъ позорнаго прихлебательства?..

Баронъ опять вышелъ изъ себя.

— Послушайте... вы!—рѣзко сказалъ онъ:—не забывайте, что и я въ свою очередь покрылъ вашу грязь, грязь вашего происхожденія. Не забывайте, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Не забывайте, что вы разговариваете съ эстляндскимъ барономъ Артуромъ Клейномъ, вы... вы... госпожа Грязнова, вы...

Онъ захлебнулся отъ ярости и прибиралъ въ своемъ мозгу все, что было самаго оскорбительнаго, самаго тяжелаго для нея. И ничего онъ не могъ придумать худшаго, какъ крикнуть ей:

— Вы... хамка, вы... ублюдокъ!

Но въ это время случилось то, чего онъ никакъ не ожидалъ. Она позвонила и вошелъ слуга. Совершенно спокойно, выдержанно и хладнокровно, она ему сказала:

— Выведите барона и никогда не пускайте его больше сюда. Ступайте.

На другое утро она сдѣлала въ конторѣ распоряженіе объ уплатѣ его долга изъ получаемаго имъ содержанія, о наймѣ ему отдѣльной квартиры и о выдачѣ остатка содержанія помѣсячно, причемъ строжайше запретила давать впередъ. По-

Digitized by Google

кончивъ столь рѣшительно съ своимъ мужемъ, она спокойно принялась за дѣла. Начала хлопотать, между прочимъ, объ опредѣленіи шестидесятилѣтней Марьи Ефимовны, бывшей повѣренной ея матери, въ богадѣльню. Марья Ефимовна сильно одряхлѣла въ послѣднее время. Къ удивленію, смерть «опивца» - мужа на нее сильно подѣйствовала; она упрекала себя въ томъ, что настояла на ссылкѣ его въ Язвище, гдѣ онъ погибъ ни за что и, такъ сказать, не отъ руки барина, власть имущаго, а отъ руки хама, Леонтія Мотылева. Совѣсть грызла ее, и она стала замаливать свои грѣхи. Ходила по обѣту пѣшкомъ въ Кіево-Печерскую лавру молиться передъ мощами святыхъ угодниковъ. По дорогѣ она сильно простудилась и занемогла; ее доставили въ Петербургъ, гдѣ ее «отходила» Анна Ивановна при участіи лучшихъ докторовъ. Но съ тѣхъ поръ Марья Ефимовна все продолжала хворать и недомогать, такъ что ее безполезно было уже держать дома и нужно было опредѣлить въ богадѣльню, что̀ при связяхъ баронессы было очень легко. Затѣмъ она выписала изъ Перова бывшаго кухоннаго мальчишку Васютку, которому теперь было уже около 26-ти лѣтъ. Она его пристроила къ своему дому въ качествѣ лакея. Бывшій перовскій кучеръ Макаръ, послѣ освобожденія, ушелъ въ извозъ въ сосѣдній губернскій городъ и перевозилъ на дрогахъ товары изъ города до ближайшей станціи желѣзной дороги. Она и его не забыла: велѣла разыскать и привезти въ Петербургъ. Здѣсь она ему дала денегъ на обзаведеніе, сама купила ему пролетку, городскія сани и три пары лошадей, и Макаръ сдѣлался столичнымъ извощикомъ. Изо всей бывшей перовской дворни одинъ только Ермолай, буфетный мужикъ, превратился опять въ землепашца и ничего лучшаго не искалъ и не желалъ. Онъ мирно себѣ обработывалъ землю: сѣялъ, пахалъ, жалъ, вѣялъ и не пошелъ ни на какіе городскіе соблазны; да и она, убѣдившись, что ему хорошо живется, не трогала его и не соблазняла. Она не любила тунеядства и всегда готова была сдѣлать добро или оказать помощь, подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вспомоществуемый человѣкъ не опустился, сталъ при дѣлѣ и работалъ энергично, какъ работала она сама. Она часто думала о томъ, что перовскій капиталъ несовсѣмъ правильно попалъ въ ея руки, но утѣшала себя разночинскимъ софизмомъ, что онъ тѣмъ не ме-

Digitized by Google

нѣе попалъ въ хорошія, дѣльныя руки, а попади онъ, наоборотъ, въ *законныя* руки,—напримѣръ, Валеріана Ѳомича,—отъ него давно и слѣда не осталось бы: размоталъ бы онъ его «по за-границамъ», да игорнымъ притонамъ. А вотъ она и сама живетъ, и «добро дѣлаетъ», и жить другимъ даетъ. А сколько благотворительныхъ учрежденій получаютъ теперь мзду на этотъ перовскій капиталъ? А сколько сиротъ воспитывается на него? А сколько народу кормится около него? Развѣ все это ничего не значитъ? Да и наконецъ совѣсть ея можетъ быть покойна: капиталъ этотъ, благодаря ея изворотливости, смѣлости и практическому уму—скоро почти удвоится. Значитъ, въ немъ будетъ и часть, лично ею заработанная.

И она была спокойна. Одно нѣсколько смущало ее — это судьба Валеріана. И хотя она не виновата въ его невзгодахъ, а больше всѣхъ онъ самъ виноватъ въ нихъ; но что-то видимо ее смущало и угнетало. Она вспоминала, какъ погибла Варвара; много думала объ ея мрачной, тяжелой исторіи; она даже послала о. Лавру въ Язвище много денегъ: на устройство памятника на могилѣ Варвары, на неугасимую лампадку и на поминовеніе, а также на улучшеніе и украшеніе церкви. Такую же сумму послала она въ Перово о. Павлу и, при посѣщеніи лѣтомъ своего помѣстья, имѣла удовольствіе убѣдиться, что о. Павелъ поступилъ по ея «предначертаніямъ» и съ полной добросовѣстностью. Она отслужила панихиду по рабѣ божіей Варварѣ, раздала много денегъ нищимъ, и никогда и въ Петербургѣ не забывала дня ея смерти, каждый разъ заказывая по ней заупокойную обѣдню.

А ну, если и Валеріанъ погибнетъ также трагически? Не будетъ ли часть грѣха лежать тогда и на ея душѣ? И она очень хотѣла узнать, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ, и въ какомъ онъ положеніи. Но слуховъ о немъ не было рѣшительно никакихъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ какъ ему выслали въ одинъ изъ заграничныхъ игорныхъ притоновъ деньги за проданное имъ Перово—онъ не подавалъ о себѣ вѣстей. «Куда онъ сгинулъ»? безпокоилась она.

Она даже думала о томъ, какъ бы съ нимъ подѣлиться своимъ состояніемъ. Но потомъ приходила къ убѣжденію, что это было бы безполезно. Будь Валеріанъ другой человѣкъ, серьезный, дѣловитый, трудолюбивый, она бы, пожалуй, отдала

Digitized by Google

ему половину своего состоянія, что̀ и составило бы цѣликомъ ту сумму, которую, при благосклонномъ участіи Ивана Яковлевича и помощи губернскаго стряпчаго Алексѣя Гавриловича, покойный Ѳома Аверьяновичъ оставилъ ей. Она сохранила бы для своего пользованія только ту часть, которую уже сама въ эти семь-восемь лѣтъ съумѣла пріобрѣсти. Но она знала хорошо, что еслибы Валеріанъ и вернулся, то ему не стоитъ давать въ руки такое богатство: онъ его спуститъ или проиграетъ года въ два, и тогда придется его содержать на свои деньги, а этого она не могла уже допустить. Но гдѣ онъ, гдѣ онъ теперь, Валеріанъ Ѳомичъ? Это ее все чаще и чаще безпокоило. Привязанностей у нея больше не было никакихъ, и она вся погрузилась въ благотворительность. Но больше всего ей хотѣлось бы сдѣлать доброе дѣло своему брату Валеріану. А его-то и не было на лицо.

Объ ея мужѣ доходили теперь самые невеселые слухи; онъ не могъ отстать отъ кутежей, къ которымъ привыкъ; но денегъ у него теперь было мало, и онъ принужденъ былъ опять занимать безъ отдачи у Жоржа Вихрова. Эльзы Сванъ онъ лишился уже окончательно. Доходило до нея, что онъ игралъ, и игралъ довольно счастливо. Но всѣ эти слухи мало ее интересовали. Общество, въ которое она такъ желала попасть, относилось къ ней снисходительно; оно терпѣло ее, но она не сдѣлалась въ немъ тѣмъ, чѣмъ хотѣла, т. е. своимъ человѣкомъ. И она увидѣла, что плохо разсчитала, что ошиблась своимъ замужствомъ. Что касается Ивана Яковлевича, то онъ былъ очень доволенъ этимъ разрывомъ. Онъ съ перваго же дня возненавидѣлъ барона за его надменное отношеніе къ нему, за его небрежно-презрительное обращеніе съ нимъ. Все въ баронѣ было ему отвратительно. И его манера не говорить, а «цѣдить» слова, и его безцеремонное поведеніе за обѣдомъ, и его невоздержность въ питьѣ и ѣдѣ, и самая манера послѣ обѣда разваливаться на диванѣ съ преувеличенно независимымъ видомъ. Всякая мелочь раздражала его, и онъ душевно радовался, что барона «прогнали». Однако онъ видѣлъ, что Аннушка стала призадумываться, и это его нѣсколько тревожило. Конечно, онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что эта задумчивость не имѣетъ никакого отношенія къ барону, и

Digitized by Google

нѣсколько разъ допытывался у дочери о причинахъ ея. Наконецъ, она ему высказалась.

— Правильно ли я капиталомъ владѣю?—сказала она ему однажды.

— Какъ же неправильно? Ежели Ѳома Аверьяновичъ, по добротѣ своей, оставилъ тебѣ все движимое...

— Да это-то я знаю.

— И документы всѣ въ образцовомъ порядкѣ.

— И это я знаю. А по совѣсти-то? Валеріанъ-то Ѳомичъ, поди, бѣдствуетъ теперь?

— А кто виноватъ, ежели и такъ? Нешто на Валеріана-то Ѳомича есть деньги на свѣтѣ? Сколько хошь дай, все одно—спуститъ.

— Такъ-то такъ, а все какъ будто...

— Ничего не какъ будто. Оставь покойный панъ ему—никому бы пользы не было. Все бы до копѣечки по разнымъ притонамъ разсорилъ... Да и гдѣ онъ, живъ ли, Христосъ его вѣдаетъ? Такъ и убиваться-то объ этомъ вниманія не стоитъ.

Такъ у нихъ кончались подобные разговоры, и Анна Ивановна, поглощенная новыми предпріятіями, имѣвшими цѣлью увеличить ея благосостояніе, вскорѣ перестала думать объ этихъ, тревожившихъ ее одно время, вопросахъ.

Прошло полгода. Все шло по старому.

Однажды вечеромъ, когда Анна Ивановна сидѣла у себя въ будуарѣ и читала книгу, къ ней вошелъ Василій и доложилъ:

— Какой-то человѣкъ васъ спрашиваетъ.

— Какой человѣкъ? Что ему нужно? Кто онъ? — спросила она.

— Богъ его знаетъ. Съ лица не очень-то, да и съ одежи... До барина будто не дошелъ, а и на мужика не похожъ.

— Да это, можетъ, проситель?

— Надо быть, проситель. Привлекательности въ ёмъ нѣтъ, а будто на бѣдность...

— Ну, не говори глупостей, которыхъ не понимаешь,—прервала она его.—Коли по благотворительной части, проводи его къ Ивану Яковлевичу...

— Да онъ васъ требоваетъ.

Digitized by Google

— Ну, зови!

Нѣсколько минутъ спустя, въ комнату вошелъ субъектъ, очень дурно одѣтый. Насколько можно было разсмотрѣть при полутьмѣ лампы подъ темнымъ абажуромъ—это былъ невысокаго роста человѣкъ, тщедушный, съ узкими плечами и впалой грудью. Онъ заговорилъ хриплымъ голосомъ:

— Здравствуйте, Анна Ивановна!

Она вздрогнула. Что-то до нельзя знакомое прозвучало ей въ этомъ надтреснутомъ голосѣ. Она поднялась съ дивана, подошла къ нему въ упоръ и взглянула.

— Валеріанъ!!—воскликнула она въ изумленіи.

— Онъ, онъ самолично. Онъ самый. Вы думали: нѣтъ болѣе Валеріана, исчезъ, сгинулъ, пропалъ Валеріанъ? Анъ нѣтъ! Вотъ онъ—я! «Живъ курилка!..» Что? Не нравится? Ну... какъ угодно... съ тѣмъ возьмите. Что это вы на меня такъ смотрите? Думаете: призракъ съ того свѣта, видѣніе? Ошиблись—самый живой, самый настоящій человѣкъ-съ.

— Какъ вы измѣнились, какъ вы ужасно измѣнились! — проговорила она горестно.

— Нищъ есмь и убогъ. Яко нагъ, яко благъ, яко нѣтъ ничего... Обтрепался, не взыщите. Призракъ минувшаго, не болѣе! Обломокъ крѣпостнаго права — только и всего. Притомъ обрюзгъ. Ручку поцѣловать можно?

Она ему дружески протянула руку, и онъ ее поцѣловалъ. Она наклонилась, чтобы поцѣловать его въ лобъ, и услышала запахъ вина.

— Сѣсть можно?—вновь спросилъ онъ.

— Конечно, садитесь; садитесь, пожалуйста. Простите, я такъ поражена вашимъ внезапнымъ появленіемъ. Вы не предупредили, ничего не писали и вдругъ...

— Такой сюрпризъ? Ну, что жь... Я птица небесная: день да ночь — сутки прочь. Не сѣю, не жну... и — чортъ знаетъ, чѣмъ питаюсь. Я человѣкъ случайный: нѣчто въ родѣ вѣчнаго жида. Сегодня здѣсь, а завтра... гдѣ ты человѣкъ? Ау! Тютю!

Языкъ его заплетался. Онъ былъ не трезвъ. Когда онъ грузно сѣлъ въ кресло и голова его попала въ свѣтлый кругъ подъ абажуромъ, она разсмотрѣла его. Онъ тяжело дышалъ и грудь его какъ-то трудно подымалась; онъ былъ очень худъ и блѣденъ; глаза впали, носъ вытянулся; между бровями легли двѣ

Digitized by Google

глубокія борозды; лобъ былъ въ морщинахъ; волосы сильно посѣдѣли и были всклочены. Одѣтъ онъ былъ неприлично: какое-то выцвѣтшее пальто съ короткими рукавами, брюки съ бахромой внизу; стоптанные сапоги и широкая соломенная шляпа-панама въ рукахъ. Анна Ивановна, съ болью въ сердцѣ и со жгучимъ любопытствомъ, всматривалась въ него. Укоры совѣсти поднимались внутри ея. Мечты ея разсѣивались: «вотъ онъ каковъ»,—думала она:—«какъ онъ обрюзгъ и подурнѣлъ! Хотя онъ никогда не могъ похвастать красотой — не то, что Андрей—но чтобы дойти до этого печальнаго состоянія, нужно было сильно опуститься. Не было же у него такой вопіющей бѣдности!..» И она вспоминала, что онъ хотѣлъ на ней жениться... Дрожь потрясла ее. «Кто изъ нихъ лучше?»—подумала она, сравнивая его съ своимъ мужемъ.

— Разскажите же мнѣ все, все о себѣ, что̀ съ вами было послѣ того... ну, послѣ отъѣзда изъ Перова? Гдѣ вы скитались, что̀ дѣлали, какъ жили?

— Многострадальную Одиссею мою повѣдать?.. Вы правильно сказали, Анна Ивановна... pardon... баронесса! скитался. Именно скитался и ничего больше... Отчего и не разсказать? Вѣдь мы, какъ хотите, братъ и сестра... Вы не обижайтесь...

— Я и не думаю, съ чего вы взяли?—прервала она.

— А въ сущности и разсказывать нечего. Уѣхалъ я изъ Перова; своимъ желаніемъ жениться на васъ раскрылъ материнскую тайну. Мать меня никогда не любила, отецъ относился безразлично, вы—не отвѣчали моей любви. Я уѣхалъ. Мать высылала мнѣ столько, что еле хватало на существованіе. Что это была за жизнь! Одно мученіе. Ни къ какому труду я—вы знаете—не способенъ. Но сначала я изворачивался кое-какъ. Потомъ, когда воздержаніе мнѣ надоѣло... вы знаете, существуютъ на свѣтѣ благодѣтели человѣчества? Это ростовщики, дисконтеры, словомъ—заимодавцы. У меня было помѣщичье имя; всѣ знали, что у отца огромныя средства и что я единственный наслѣдникъ... хе-хе-хе! — засмѣялся онъ. — Но вѣдь никто не зналъ, что единственной наслѣдницей оказались вы... Ну, мнѣ и давали. Сколько хотѣлъ, столько и давали. А я тратилъ. Сколько хотѣлъ, столько и тратилъ... да! А потомъ мнѣ надоѣло тратить въ Россіи, и я поѣхалъ тратить за гра-

Digitized by Google

ницу. Но тамъ мнѣ не повезло. Разсчитывая на будущія блага, я сорилъ деньгами и проигрывалъ въ карты. Кутилъ съ пѣвичками, pardon!.. ужиналъ въ кафе-шантанахъ, игралъ и проигрывалъ. И вдругъ... извѣстіе: вашъ папенька увѣдомляетъ, что мой папенька волею божіею скончался и оставилъ все свое состояніе — вамъ! — Ну... и что же? Это меня поразило. Я хотѣлъ было мчаться въ Россію и затѣять процессъ. Но потомъ раздумалъ. То есть, не то что раздумалъ, а нѣкоторыя обстоятельства помѣшали.

— Какія же обстоятельства?

— Разныя. Во-первыхъ, мчаться было не на что; во-вторыхъ—одна пѣвичка очень ужь привязала меня къ себѣ; въ-третьихъ—къ вамъ все еще питалъ нѣкое чувство. Ну... и махнулъ на все рукой. Пропадай моя телѣга, всѣ четыре колеса... А, въ-четвертыхъ, думалъ — ну, Перово-то будетъ мое! И продолжалъ жить въ счетъ Перова. Анъ и тутъ вышло дѣло—табакъ. И Перово мимо носа уплыло...

— Но вѣдь вы сами...

— Знаю. Просилъ продать. Вѣрно. Ну, да не въ томъ вѣдь дѣло. Ау! Не воротишь. Вотъ очутился я на мели. Господи!— вдругъ тяжко вздохнулъ онъ.— Чего, чего не было со мной? И маркёромъ служилъ въ какомъ-то нѣмецкомъ городкѣ, и кули таскалъ въ Гаврѣ, и гидомъ былъ въ Швейцаріи. Всего было, всего... И вдругъ прослышалъ я отъ однихъ петербургскихъ знакомыхъ, что вы въ Петербургѣ, богачка, красавица, замужемъ, въ нѣкоторомъ родѣ извѣстность. Я, разными правдами и неправдами, скопилъ денегъ и пріѣхалъ.

— Спасибо, что вспомнили.

Теплая атмосфера комнатъ растомила его. Голова закружилась и онъ покачнулся въ своемъ креслѣ. Языкъ его сталъ заплетаться.

— Ну, а вы... вонъ какая красавица, да еще и баронесса... А мужъ... гдѣ?

— Я его прогнала.

— Фью!.. Вотъ какъ. Узнаю вашу энергію. А за что?

— Онъ—кутила, мотъ и развратникъ!

— Совсѣмъ какъ я. Весь въ меня. Такъ-таки и прогнали?

— Такъ и прогнала.

— Ну... а меня не прогоните!—утвердительно сказалъ онъ.

Digitized by Google

— Почему?—тихо спросила она.

— Потому что «тебѣ я меньше мужа, больше брата»!—продекламировалъ онъ съ паѳосомъ.—И я пріѣхалъ требовать свою часть.

— Свою часть?—удивилась она:—какую это? Ваша часть—Перово. Но оно давно, по вашей просьбѣ, продано и деньги вамъ уплачены. Можетъ быть, вы хотѣли сказать, что пріѣхали просить меня о помощи?

— Требовать.

— Но вы не имѣете никакого права требовать.

— Какъ не имѣю? Полное. Вы съ отцомъ вашимъ меня ограбили!—вдругъ закричалъ онъ.

— Что вы кричите? Тише, прошу васъ.

— А, испугались? Да, ограбили. Верните мнѣ мою часть.

Она когда-то и сама объ этомъ думала. Но теперь, увидя, во что превратился Валеріанъ Ѳомичъ, она вновь подумала, что вернуть ему состояніе—безполезно. Онъ опять прокутитъ, проиграетъ его и опять же вернется къ ней за деньгами. Нѣтъ, теперь она этого не сдѣлаетъ. Но она примѣнитъ къ нему систему, которую примѣнила недавно къ мужу.

— Видите ли, — холодно сказала она ему,— прежде всего вы не кричите. Если вы будете кричать, я васъ велю вывести вонъ. Потомъ хорошенько усвойте себѣ, что *вашей части*, какъ вы выражаетесь, у меня нѣтъ. Никто васъ не грабилъ—это вы напрасно; все сдѣлано честно и законно. Если кто и виноватъ въ вашихъ несчастіяхъ,—такъ это вы сами. И если вы будете *требовать* и *шумѣть*—вы ничего не получите.

— А если нѣтъ? — обрадовался онъ, такъ какъ въ ея послѣднихъ словахъ промелькнуло что-то похожее на надежду.

— Что, если нѣтъ?—не поняла она.

— Если не буду «требовать и шумѣть»?

— Я вамъ положу пенсію.

— Ну, не буду. А... много?

— Будетъ зависѣть отъ васъ... отъ вашего образа дѣйствій.

— Отъ поведенія, значитъ. Ну, буду паинькой. За деньги я на все готовъ. Ручку, прелестная сестрица.

Она приказала приготовить ему комнаты мужа, а на другое утро распорядилась о приведеніи въ приличный видъ его внѣшности. Когда онъ вышелъ къ завтраку, онъ уже не

Digitized by Google

былъ тѣмъ истрепаннымъ и истасканнымъ субъектомъ, какимъ явился къ ней наканунѣ. Лицо его было, правда, обрюзглымъ, но все таки онъ сталъ гораздо приличнѣе и походилъ на порядочнаго человѣка. Она ему объявила при Иванѣ Яковлевичѣ, что онъ будетъ получать по 200 рублей въ мѣсяцъ, на всемъ готовомъ. Онъ поморщился.

— Маловато будетъ-съ!—сказалъ онъ.—Я привыкъ къ широкому помѣщичьему размаху. Я по двѣсти рублей на чай когда-то давалъ,—прихвастнулъ онъ.

— Другія времена были!—мрачно замѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Вы находите, что другія времена были, дяденька?—насмѣшливо сказалъ онъ.—Совершенно вѣрно-съ. Тогда, въ *тѣ другія* времена, царили *мы*, исконные россійскіе помѣщики, природные дворяне, вѣрой и правдой служившіе родинѣ... Мы жили широко и открыто... мы сорили деньгами... своими, родовыми деньгами, доставшимися отъ предковъ, а предки пріобрѣли ихъ своей службой родинѣ и царю. Мы не душили, не грабили своихъ крестьянъ, не выжимали изъ нихъ послѣднихъ соковъ. Правда, мы пользовались ихъ трудомъ, но зато они жили, не зная нужды... Ну... что говорить?.. были грѣхи и за нами... За кѣмъ же ихъ не бывало?.. Но когда отъ насъ потребовали жертвы... мы, хоть и не всѣ, принесли ее мирно и тихо, уступили наши земли, разорились, обнищали... Неужели мы не могли протестовать, сплотиться воедино, возстать, какъ одинъ человѣкъ?.. Но мы, сознавая свой долгъ, свою исконную историческую преданность престолу и отечеству, предпочли покориться... Ну, что жь? Тогда царили мы... *теперь* царите вы... баронессы Клейнъ и Иваны Яковлевичи Грязновы... Вы заняли наши насиженныя мѣста, вы захватили наши помѣстья... Посмотримъ, что̀ *вы* сдѣлаете для народа, *вы*, вышедшіе изъ народа? Лучше ли будетъ?.. Чей гнетъ будетъ тяжелѣе? Нашъ ли барскій, или вашъ — хамскій? Въ минуты народныхъ бѣдствій мы ничего не щадили и дѣлали все для облегченія народнаго горя... Посмотримъ, что̀ сдѣлаете вы... новые властители!.. Сдается мнѣ, что вы выжмете изъ народа всѣ соки, что̀ васъ не въ силахъ тронуть никакое людское несчастье. Мы, обладая властью, не съумѣли удержаться на высотѣ и рухнули, какъ подгнившій колоссъ; вы—вышедшіе волшебствомъ изъ

Digitized by Google

ничтожества, вы—выплывшіе во время бури съ самыхъ темныхъ безднъ моря на его поверхность, зубами вцѣпились въ потонувшій корабль и завладѣли его богатствами. Капиталъ вы держите крѣпко въ рукахъ, и онъ не уплыветъ изъ нихъ, какъ уплылъ изъ нашихъ, потому что у васъ нѣтъ потребности къ широкому барскому размаху, къ увлеченіямъ, къ блеску, къ фантазіи... У васъ нѣтъ прошлаго... Э-хъ! Кто васъ знаетъ: что вы и... кто вы? Откуда вы выскочили на свѣтъ божій? Зачѣмъ появились? Кому нужны?..

— Хоть бы вамъ!—вновь мрачно промолвилъ Иванъ Яковлевичъ.

Валеріанъ Ѳомичъ призадумался.

— Да, вы, пожалуй, правы. Правы уже потому, что за вами сила; что вы, не смотря даже на долгіе годы рабства, съумѣли сохранить свою волю, свою энергію. Но откуда, скажите мнѣ, вы почерпнули вашу энергію и волю? Въ какой школѣ? Въ школѣ помѣщиковъ, которые васъ держали въ струнѣ, въ страхѣ божіемъ, и не давали разгуливаться этой энергіи и этой волѣ. Вотъ вы и ихъ и копили, и копили, а когда, наконецъ, довелось вамъ выйти на свѣтъ божій—вы и развернули всю вашу затаенную силу, энергію и мощь.

— Всякому овощу, значитъ, свое время,—вставилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Совершенно вѣрно изволили сказать, дяденька. Вонъ вѣдь какъ вы крѣпки на словахъ-то. Помните, въ Перовѣ... когда мы съ вами столкнулись въ комнатѣ у отца, у Ѳомы Аверьяныча...

— Ну-съ? Такъ что же?

— Помните, тогда, въ самомъ аббатствѣ, когда я угрожалъ васъ выпороть на конюшнѣ—простите эти воспоминанія! — вы мнѣ послали вслѣдъ угрозу: «Добро, щенокъ», сказали вы: «будетъ время, попомнишь меня!» И вотъ оно, это время, настало. Да, увы! настало. Я дѣйствительно оказался щенкомъ, выброшеннымъ *вами* на улицу. А вы сдѣлались силой, мощью, вонъ... (онъ указалъ на его медали) чуть не генераломъ стали...

— Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! — попробовала замять разговоръ Анна Ивановна.

— Истинно изволите говорить, ваше... чуть не сіятельство!— вновь насмѣшливо проговорилъ онъ. — Ваше превосходитель-

Digitized by Google

ство!—обратился онъ къ Ивану Яковлевичу, протягивая къ нему чашку кофе: — соблаговолите ромцу подлить. Фу ты, однако, въ какое общество я попалъ! Баронство да превосходительство, такъ что я, Валеріанъ Перовъ—родовой дворянинъ—оказываюсь въ столь блестящей компаніи презрѣннымъ нулемъ.

— Я васъ прошу прекратить эти неумѣстныя шутки,—вся вспыхнувъ, проговорила Анна Ивановна.

— Молчу, молчу!..

Пенсія въ двѣсти рублей представляла изъ себя все таки кое-что. Она была много больше той, которую Валеріанъ Ѳомичъ получалъ когда-то отъ матери, но она была дѣйствительно неизмѣримо ниже того, чѣмъ онъ привыкъ располагать. И тѣмъ не менѣе, въ послѣдніе три года, когда онъ, въ качествѣ человѣка низшихъ профессій, скитался по заграничнымъ весямъ и городамъ, снискивая себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ или предложеніемъ всевозможныхъ услугъ, и получалъ за это буквально гроши, онъ до такой степени отвыкъ отъ денегъ, что эта сумма казалась ему совершенно достаточною на первое время—и онъ смирился. Одѣлся изящно и чисто, поселился въ хорошо обставленныхъ комнатахъ; пилъ и ѣлъ вкусно и обильно. Все у него было. Но онъ скучалъ. Привычка къ безалаберной, разгульной жизни, никогда не наблюдавшей времени, никогда не знавшей часовъ, въѣлась въ него. Онъ не привыкъ къ размѣренному времяпровожденію, а всегда и все дѣлалъ по наитію. Поэтому онъ очень тяготился правильнымъ режимомъ, установленнымъ въ домѣ баронессы Клейнъ, и очень скучалъ. Но недолго. Чувствуя въ своемъ карманѣ деньги, онъ вновь воспрянулъ духомъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ сказалъ себѣ:

— Чего это я высиживаю? Отчего бы не тряхнуть стариной? Закачусь куда нибудь. Надоѣло!

И онъ вышелъ изъ дому. Анна Ивановна зорко слѣдила за нимъ. Послѣ его появленія въ ея домѣ, прошло около трехъ недѣль, и она не могла надивиться поведенію Валеріана Ѳомича. «Онъ, дѣйствительно, паинька,— думала она: — сидитъ дома, никуда не ходитъ, даже саркастическій и оскорбительный тонъ пропалъ у него. Или ему надоѣла цыганская жизнь? Или онъ только отдыхаетъ и набирается силъ?»

Послѣднее было вѣрно,—она не ошиблась. Тѣмъ не менѣе она говорила отцу:

Digitized by Google

— Смотри, вѣдь онъ исправился. Вотъ что значитъ помочь человѣку во-время. А ты еще ворчалъ на меня. Вѣдь его теперь и не узнаешь!

— Ладно! Поживемъ, увидимъ. Больно ты довѣрчива, Аннушка. Говорилъ я тебѣ: не будетъ проку изъ этой твоей затѣи—выйти замужъ за барона. Нѣтъ, вѣдь! Поставила на своемъ. Такъ и теперь. «Пригрѣю, пригрѣю, помогу да помогу!» Нешто *такимъ* можно помогать?

— Но ты посмотри, папа, какъ онъ измѣнился? Неужели ты не видишь?

— Вижу. Отдыхаетъ.

— То есть, какъ это: «отдыхаетъ».

— Очень просто: силъ набирается. Вотъ поживетъ, отъѣстся, отдохнетъ, а потомъ такъ закуритъ—святыхъ вонъ выноси.

— Ну... ужь!—возражала она.

— Вотъ тебѣ и ну ужь... Услышишь, коль сама не увидишь!..

Иванъ Яковлевичъ не ошибся. Валеріанъ Ѳомичъ помчался прямо къ Бергу. По пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ уже много слышалъ объ этомъ развеселомъ и благодѣтельномъ учрежденіи, гдѣ съ такимъ успѣхомъ и почти волшебной быстротой и простотой проѣдались выкупныя свидѣтельства. Давно уже онъ слыхалъ о Бергѣ, и его занималъ вопросъ: похожъ ли этотъ кафе-шантанъ на тѣ парижскіе притоны, которые онъ такъ хорошо изучилъ за долгіе годы своего скитанья? Выкупныхъ свидѣтельствъ у него ужь не было, это правда, но зато лежали въ карманѣ двѣ сторублевки, только что полученныя имъ въ конторѣ Анны Ивановны. Этого было мало; но его утѣшало то, что на первый разъ хватитъ, тѣмъ болѣе, что у него не было знакомыхъ въ Петербургѣ. Прежнія связи и знакомства онъ порастерялъ, новыхъ пріобрѣсти не успѣлъ, да и не желалъ до поры до времени, потому что тѣ прежде знали его за богатаго юношу, или, по крайней мѣрѣ, за подающаго надежды на богатство, а теперь онъ былъ нищимъ. Но онъ рискнетъ возобновить свои связи. У него было двѣсти рублей, и онъ не вѣрилъ тому, что Анна Ивановна, завладѣвъ *его* капиталомъ, хотя и законно (онъ это сознавалъ) не выдѣлитъ ему изъ этого капитала крупной части.

Въ этотъ вечеръ, въ театрѣ Берга дебютировала новая пѣ-

Digitized by Google

вичка m-lle Альказаръ. Эльза Сванъ, мѣсяца полтора тому назадъ, уѣхала въ Парижъ, достаточно пообчистивъ карманы петербургскихъ обывателей. Она пріѣхала ни съ чѣмъ, съ подмостокъ какого-то жалкаго парижскаго театрика, и сама очень удивилась своему успѣху среди модныхъ шалопаевъ сѣверной столицы. Она никогда не подозрѣвала, чтобы угрюмые сѣверные медвѣди умѣли такъ сорить и швырять деньгами на какую-то скромную diseuse скабрезныхъ куплетовъ на злобы дня. И вдругъ такой успѣхъ! Въ Парижѣ, куда она случайно попала изъ Швеціи, она почти не имѣла успѣха. Сошлась съ актерикомъ, который выучилъ ее говорить по французски, но не могъ переработать ея шведскаго произношенія: оно осталось у нея навѣки. И хотя она рискнула разъ пропѣть по французски, но это вышло до того неудачно, что ее осмѣяли и ошикали. Тогда она рѣшилась пѣть по шведски. Но шведскіе куплеты не имѣли успѣха въ столицѣ Франціи. Она разошлась съ актерикомъ и уже была на краю гибели, когда случайно столкнулась съ однимъ довѣреннымъ лицомъ русскаго импрессаріо. Тотъ, увидя ея на сценѣ, плѣнился ея жгучими глазами, золотистыми волосами и стройными ногами, и предложилъ ей ангажементъ. Она его приняла. И вдругъ въ Петербургѣ она имѣла такой успѣхъ, какой ей и во снѣ не снился! Она вдругъ сдѣлалась lionne mondaine. И деньги, шальныя деньги des boyards russes, посыпались на нее, какъ золотой дождь, а вмѣстѣ съ деньгами парюры, брилліанты, лошади, экипажи. Она обобрала барона Клейна, Жоржа Вихрова и многое множество другихъ. Она постигла, что̀ значитъ «широкая русская натура». Переходя изъ рукъ въ руки, она подымалась все выше и выше. Какъ упрямая шведка, она непремѣнно хотѣла добиться колоссальнаго состоянія и исключительнаго положенія. Но у нея закружилась голова на той высотѣ, на которую ее подняло одно очень значительное лицо. Она не съумѣла удержаться: предъявила такія наглыя требованія, держала себя такъ нахально, такъ била всѣмъ въ носъ своимъ исключительнымъ привилегированнымъ положеніемъ, что ее выселили изъ столицы въ 24 часа. Она успѣла только забрать свои деньги и брилліанты, и поручила камеристкѣ распродать всю обстановку, экипажи и лошадей... На смѣну ей, въ веселящуюся столицу явилась m-lle Альказаръ, истая парижанка; эта не была такъ красива,

Digitized by Google

какъ m-lle Сванъ; но и у нея были такія же стройныя ноги, жгучіе глаза и черные волосы. И ко всему этому у нея было то чисто парижское кафе-шантанское «du chien», котораго не доставало Эльзѣ. И вотъ «весь Петербургъ» стекался къ Бергу смотрѣть новую восходящую звѣзду.

Валеріанъ также смотрѣлъ на нее жадными глазами и, пока смотрѣлъ, думалъ:

— Боже, какъ я несчастенъ и жалокъ! Ну, куда я сунусь съ своими двумястами рублей? А будь у меня состояніе, будь у меня Перово? Вѣдь къ этимъ чуднымъ ножкамъ можно было бы смѣло положить и не одно Перово, а теперь,—только смотри, да кайся.

Около него раздавались клики и голоса.

— Смотри, смотри,—говорилъ кто-то,—какъ баронъ Клейнъ пожираетъ глазами Альказаръ... шалишь, братъ, не по карману! *Эта* и Вихрову не по карману. Вотъ, еслибы онъ умѣлъ забрать свою жонушку въ руки...

— То есть не ее, а ея капиталъ, ты хочешь сказать?

— Ну да, ея капиталъ, само собою разумѣется...

Валеріанъ Ѳомичъ встрепенулся. «Баронъ Клейнъ?—подумалъ онъ:—ужь это не муженекъ ли почтеннѣйшей Анны Ивановны». Онъ продолжалъ вслушиваться.

— Баронъ,—обратился говорившій къ Клейну:—что, братъ! Видитъ око, да зубъ нейметъ?! А еще женился на золотомъ истуканѣ! Э-эхъ ты!..

— И на нашей улицѣ будетъ праздникъ, мой милый. Я-то на дняхъ какую штуку узналъ про мою почтеннѣйшую половину...

— Какую, какую?—хоромъ спросили его, такъ какъ въ это время занавѣсъ опустился и наступилъ антрактъ.

— Вы знаете ли...—вотъ я и Жоржу сейчасъ говорилъ объ этомъ:—почему меня жена выселила изъ дому?

— Скажите, вотъ новости! Почему? Потому что ты ей измѣнялъ, возился съ Эльзой Сванъ, тратилъ на нее женины деньги.

— Вотъ ужь и вздоръ!

— То есть, какъ же вздоръ? Ты хочешь сказать, что не ухаживалъ за Сванъ?

— Совсѣмъ не хочу этого сказать. Это было бы трудно отрицать... при васъ. А то вздоръ, что будто она со мной разошлась изъ-за этого.

Digitized by Google

— А изъ-за чего же въ такомъ случаѣ?

Баронъ нагнулся къ уху своего собесѣдника и тихо, но настолько, что Валеріанъ Ѳомичъ услыхалъ, произнесъ:

— Къ ней пріѣхалъ изъ провинціи, кажется, дальній родственникъ.

— Ну, такъ что же?

— O sancta simplicitas! какъ говорилъ мой учитель латыни. Вѣдь всѣхъ любовниковъ называютъ родственниками. Сванъ, и та меня называла «братцемъ».

Раздался хохотъ. Валеріанъ Ѳомичъ, при разъѣздѣ, нагналъ компанію барона Клейна и, остановивъ его въ дверяхъ, сказалъ:

— Вы—баронъ Клейнъ, мужъ Анны Ивановны?

— Я,—изумился тотъ, подозрительно его оглядывая.—Да,—я—мужъ... царицы! — запѣлъ онъ на мотивъ «Прекрасной Елены».

— Намъ нужно познакомиться.

— Съ удовольствіемъ, но...

— Я тотъ, о которомъ вы говорили въ антрактѣ... Я—пріѣзжій...

— А, вы любовникъ моей жены, хотите вы сказать?—нагло перебилъ его баронъ, который достаточно уже нагрузился въ буфетѣ.

— Вы ошибаетесь. Я не любовникъ ея.

— Такъ кто же вы?

На Валеріана Ѳомича нашелъ вдругъ шутливо-игривый стихъ.

— Одно время я думалъ, что могъ бы имъ быть, и откровенно вамъ скажу, охотно бы имъ сдѣлался... но... я—ея братъ.

— Братъ?!—удивился баронъ.—Но, насколько мнѣ извѣстно,—вновь подозрительно осмотрѣвъ его, заговорилъ баронъ, думая, что имѣетъ дѣло съ какимъ нибудь шантажистомъ,—у нея нѣтъ братьевъ. Вы, стало быть, милостивый государь, плохо освѣдомлялись о ея происхожденіи.

— Лучше, чѣмъ вы думаете.

— Но у нея даже въ паспортѣ сказано: «родители неизвѣстны»,—вздумалъ его испытать Клейнъ.

— А мнѣ извѣстны.

— Такъ говорите, наконецъ, кто вы?—раздражился баронъ,

Digitized by Google

такъ какъ компанія Жоржа Вихрова давно ожидала его, дѣлая знаки, и нетерпѣливо кричала:

— Мы тебя не будемъ ждать, баронъ! Намъ некогда. Надо еще заѣхать къ m-lle Альказаръ.

— Кто же вы?—еще разъ спросилъ Клейнъ.

— Немного меньше брата, въ родѣ брата.

— Я не люблю отгадывать загадки.

— Легко отгадать: я сынъ Перовой; а она незаконная ея дочь.

— А-а! вотъ что!.. Знаете что? Это интересно. Не поѣдете ли вы съ нами поужинать. Компанія хорошая, будутъ все свои и... вѣроятно, Альказарша тоже. Тамъ вы намъ все подробно разскажете. Согласны?

— Съ удовольствіемъ.

Въ кабачкѣ, куда отправилась кутить веселая компанія, Валеріанъ Ѳомичъ почувствовалъ, наконецъ, себя въ своей тарелкѣ. Было шумно и весело, а—главное—вина было много и m-lle Альказаръ была такъ пикантна и весела, что напомнила ему лучшія времена жизни и заставила забыть, что у него только двѣсти рублей въ карманѣ. Здѣсь поздно ночью, подъ вліяніемъ выпитаго вина, онъ разошелся, и языкъ его развязался. Въ концѣ кутежа, онъ уже былъ на ты съ барономъ, «на правахъ родства». Онъ сообщилъ ему всѣ подробности своей жизни, умолчавъ о наиболѣе конфузныхъ; разсказалъ о своей побывкѣ въ Перовѣ: какъ онъ влюбился въ Аннушку, какъ она ему не отвѣчала, какъ онъ объяснялся съ матерью и Андреемъ Старцевымъ, и какъ принужденъ былъ уѣхать, не солоно хлебавши. Разсказалъ даже исторію о грустномъ концѣ Старцева. Повѣдалъ и о томъ, какъ, пользуясь его отсутствіемъ, Иванъ Грязный—«папаша вашей жонушки»,—при помощи какого-то губернскаго стряпчаго подсунулъ его отцу «бумагу», которую тотъ съ пьяныхъ глазъ подписалъ и по которой все состояніе перешло къ его дочери.

— Вотъ теперь я нищій, пользующійся отъ ея щедротъ, а она богачка, которая можетъ каждую минуту лишить меня этихъ щедротъ.

У барона мелькнула мысль.

— А въ порядкѣ ли у нея документы по праву владѣнія этимъ состояніемъ?

Digitized by Google

— А что?

— Мы бы могли сдѣлать съ тобой условіе,—говорилъ онъ пьянымъ голосомъ.—Конечно, за извѣстный куртажъ, ну, процентъ что ли... Я тебѣ могу порекомендовать адвоката. Ими теперь хоть прудъ пруди. Можно завести процессъ. Даже если все у нея правильно и въ порядкѣ, можно сорвать отступнаго... она навѣрно не захочетъ скандала. А? Ты какъ думаешь?

— Да, это можно!—отвѣтилъ онъ, глядя посоловѣлыми глазами на Альказаръ, и баронъ увидѣлъ, что ему теперь не до того и что онъ врядъ ли даже понимаетъ разговоръ. Но онъ рѣшилъ отложить это «дѣло» до другаго раза, такъ какъ ему казалось, что здѣсь запахло выгодой.

Валеріанъ Ѳомичъ совсѣмъ раскисъ и ослабъ. Давно уже онъ не пользовался такой пріятной компаніей и не проводилъ съ такимъ удовольствіемъ время. Кромѣ того, онъ отвыкъ за послѣдніе мрачные годы своего существованія отъ близости изящныхъ женщинъ. Поэтому присутствіе около него изящной и пикантной брюнетки, съ непринужденнымъ обращеніемъ и немного циничной рѣчью, подѣйствовало на него опьяняющимъ образомъ. И онъ дѣйствительно опьянѣлъ: и отъ яркаго свѣта газовыхъ рожковъ, и отъ теплаго, удушливаго воздуха отдѣльнаго кабинета, и отъ вина, а въ особенности отъ близости Альказаръ. Голова его затуманилась, языкъ заплетался, въ глазахъ ходили зеленые круги. Кого-то онъ обнималъ, кому-то шепталъ страстныя рѣчи, кого-то цѣловалъ. Пьяный угаръ овладѣлъ имъ всецѣло и онъ не зналъ, какъ и когда вышелъ изъ ресторана.

Онъ вернулся домой, когда уже разсвѣтало. На душѣ была какая-то горечь похмѣлья, въ карманѣ пусто,—только серебро звякнуло въ жилетѣ, когда онъ его снялъ,—а передъ отупѣвшими глазами носился очаровательный образъ m-lle Альказаръ съ ея задорнымъ носикомъ, вздернутой губой и элегантно полной ножкой. Проходя въ свою комнату, онъ столкнулся съ Иваномъ Яковлевичемъ, который только что всталъ и шелъ умываться. Валеріанъ Ѳомичъ не помнилъ потомъ хорошо, что онъ ему говорилъ и что тотъ ему отвѣчалъ. А Иванъ Яковлевичъ, встрѣтясь съ нимъ, строго на него посмотрѣлъ, укоризненно покачалъ головой и сурово проговорилъ:

— Кто желаетъ жить въ домѣ моей дочери и пользоваться

Digitized by Google

ея средствами, тотъ не можетъ являться въ такіе часы и въ такомъ видѣ.

— Дяденька!—проговорилъ заплетающимся языкомъ блудный гость.—А—а, хочешь, я тебя, старина, познакомлю съ Альказаршей?! А—а? Нне... хочешь? Вотъ чудакъ! Да вѣдь такой женщины въ мірѣ нѣтъ. Elle a du chien? понимаешь: chien, chien, chien!—запѣлъ онъ.

— Это безобразіе-съ. Извольте идти спать!—проговорилъ Иванъ Яковлевичъ.

— Спа-ать? И то правда. Прощай... дяденька!

Онъ завалился спать. Иванъ Яковлевичъ спустился въ контору. Въ домѣ все еще было тихо и мертво, и только изъ спальни Валеріана Ѳомича порой доносились веселые звуки пьянаго бреда. Съ этого дня онъ закутилъ. Дня черезъ два онъ явился въ контору и потребовалъ впередъ «жалованье» за два мѣсяца. Въ конторѣ было дано строгое предписаніе, и денегъ ему не дали. Тогда онъ отправился къ барону. У него мелькало что-то въ головѣ изъ ихъ послѣдняго разговора о какомъ-то процессѣ, документахъ, о томъ, что можно будетъ «сорвать кушъ». Эта идея ему понравилась; вмѣстѣ съ барономъ они ее разработали во всѣхъ подробностяхъ и Валеріанъ Ѳомичъ рѣшилъ привести ее въ исполненіе при первомъ удобномъ случаѣ. Такой случай представился вскорѣ. Предстоялъ бенефисъ m-lle Альказаръ, и между ея поклонниками шла дѣятельная пропаганда о цѣнномъ подаркѣ пѣвичкѣ. Но у него не было денегъ. Онъ все еще не хотѣлъ дѣлать скандала Аннѣ Ивановнѣ или, лучше сказать, берегъ этотъ скандалъ на крайній случай. Онъ рѣшился попытаться достать денегъ какимъ нибудь другимъ путемъ. Но въ домѣ ему никто не далъ, потому что благодѣтели рода человѣческаго были уже научены горькимъ опытомъ послѣ объявленія Анны Ивановны о долгахъ ея мужа. Между тѣмъ время шло, бенефисъ приближался и его товарищи по кутежу весьма недвусмысленно напоминали ему о томъ, что слѣдовало бы внести записанную имъ сумму. Дѣлать было нечего, надо было обратиться къ «денежному мѣшку».

— Драгоцѣнная Анна Ивановна,—сказалъ онъ ей послѣ обѣда, оставшись съ нею наединѣ:—простите за откровенность. мнѣ нужны деньги.

— Вы недавно получили изъ конторы двѣсти рублей.

Digitized by Google

— Я уплатилъ ими долгъ.

— Какъ, уже долги?

— А вы какъ бы думали? Конечно, долги. Послушайте, сестрица, будемъ откровенны: неужели вы, которая ворочаете такими капиталами, можете серьезно воображать, что двѣсти рублей—деньги?

— Воображаю. Потому именно, что, живя на всемъ готовомъ, я и сама на себя больше не трачу.

— Да, весьма вѣроятно. Я вамъ вѣрю. Но вы забываете, что вы женщина, а я мужчина.

— Что жь изъ этого?

— Изъ этого слѣдуетъ то, что между вашими и моими потребностями огромная разница.

— Какая?

Ея холодный и строгій тонъ вдругъ раздражилъ его.

— Вы непремѣнно хотите знать, какая? Извольте. Мнѣ нужны деньги на... женщинъ,—нагло, цинично и грубо сказалъ онъ, внезапно обозлившись.

— На кутежи съ m-lles Эльзой Сванъ или Альказаръ?— насмѣшливо спросила она.

— А вы ужь освѣдомлены на этотъ счетъ? Зачѣмъ же вы разыгрываете наивность?

— Да, я освѣдомлена. Мой мужъ занимался тѣмъ же. И я его за это выгнала. И, вообще, должна вамъ сказать, что на это у *меня* денегъ нѣтъ, и вы никогда не получите ни копѣйки.

Валеріанъ Ѳомичъ подумалъ: «bon! вотъ самое время привести планъ барона въ исполненіе и постращать ее процессомъ». Онъ сказалъ ей прямо и отчетливо:

— Я и не прошу *вашихъ* денегъ.

— Такъ какихъ же?

— Я *требую* денегъ, и требую *своихъ*.

— Ахъ, вы опять за старое! Ну, такъ я вамъ окончательно скажу: вашихъ денегъ у меня нѣтъ. Объявляю вамъ это въ послѣдній разъ и прошу васъ больше со мной объ этомъ не разговаривать.

— Смотрите, не раскайтесь, Анна Ивановна!

— Что это—угрозы?

— Нѣтъ, только предупрежденіе.

— Въ чемъ?

Digitized by Google

— А въ томъ, что я твердо рѣшилъ: если вы не дадите мнѣ немедленно мою часть изъ денегъ, которыя *укралъ* вашъ отецъ у моего отца,—слышите: *укралъ!*—то я начну противъ васъ и противъ него процессъ.

Она помолчала.

— Скажите, пожалуйста,—заговорила она спокойно и съ достоинствомъ:—вы понимаете что нибудь въ законахъ, бумагахъ, актахъ и т. п.

— Я слушалъ лекціи по юридическимъ предметамъ.

— Давно это было! И вы, вѣроятно, растрясли ваши знанія по тѣмъ веселымъ мѣстамъ, въ которыхъ прошла бо́льшая часть вашей жизни. Однако, если вы понимаете толкъ въ дѣлахъ, то я, чтобы васъ убѣдить окончательно...

Она прервала себя и позвонила. Вошелъ Василій.

— Попроси сюда Ивана Яковлевича.

Когда тотъ вошелъ, она ему сказала:

— Папа, принесите, пожалуйста, сюда изъ конторы всѣ бумаги и документы, по праву владѣнія мною завѣщаннымъ мнѣ капиталомъ покойнаго Ѳомы Аверьяныча и по покупкѣ у Валеріана Ѳомича Перовскаго имѣнія.

Тотъ посмотрѣлъ на обоихъ собесѣдниковъ и, повидимому, понявъ въ чемъ дѣло, вышелъ. Вскорѣ онъ вернулся съ цѣлой кипой бумагъ и связокъ.

— Объясните ему!—небрежно сказала Анна Ивановна, а сама погрузилась въ чтеніе.

Не прошло и часу, какъ Валеріанъ Ѳомичъ воочію убѣдился, что она владѣетъ капиталомъ вполнѣ законно: копія завѣщанія, писаннаго душеприкащиками и свидѣтелями и удостовѣренная судомъ, предварительная запродажная, потомъ купчая крѣпость, отчеты по управленію имѣніемъ, представленные своевременно въ опекунскій совѣтъ и имъ утвержденные—все было въ образцовомъ порядкѣ и придраться было не къ чему. Валеріанъ Ѳомичъ поникъ головою и пробормоталъ:

— Ловко обдѣлали и старика, и меня... Мошенники!

Анна Ивановна, услыхавъ послѣднее слово, вся задрожала.

— Послушайте... вы!—сказала она гнѣвно:—еще такое слово—и я васъ выгоню, какъ выгнала барона. Вы теперь убѣдились, что процесса, которымъ вы меня пугали, мнѣ бояться нечего! А вотъ лишить васъ всего того, что́ я вамъ обѣ-

Digitized by Google

щала, могу сію минуту. И совѣтую вамъ впередъ быть осторожнѣе. Я вѣдь прекрасно знаю, чьи это штуки! Предупреждаю васъ, что ваша дружба съ барономъ ни къ чему доброму не доведетъ...

— Пожалуйста, безъ нотацій!—проговорилъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Если раньше и были у Анны Ивановны нѣкоторыя угрызенія совѣсти относительно ея брата, то теперь она считала себя совершенно свободною отъ нихъ. Она убѣдилась, что ему невозможно было выдѣлить капиталъ въ его непосредственное распоряженіе: все равно спустилъ бы его быстро и остался непричемъ. И она считала себя совершенно правой.

Разговоръ, подобный вышеприведенному, больше не возобновлялся между ними; однако жизнь Валеріана Ѳомича нисколько не измѣнилась. Повторилась буквально та же исторія, что̀ и съ барономъ. Онъ почти пересталъ показываться дома, приходилъ только ночевать, да и то не всегда. По слухамъ, доходившимъ до нея,—онъ продолжалъ кутить и сорить деньгами. Онъ сталъ въ очень близкія отношенія къ m-lle Альказаръ, а она знала, что это требовало денегъ, и немало. Откуда онъ бралъ ихъ?—недоумѣвала она и рѣшилась поговорить съ отцомъ.

— Откуда онъ беретъ деньги?—говорила она съ тревогой.

— Откуда нибудь да беретъ,—отвѣчалъ Иванъ Яковлевичъ. Я говорилъ тебѣ, Аннушка: отогрѣешь змѣю на груди своей. Не могло быть изъ него прока, не могло. Вся семья перовская такая—всѣ дѣти въ отца.

— Но однако же, вѣдь чтобы кутить и вести знакомство съ Альказаръ—нужны вѣдь деньги? А у него ихъ нѣтъ.

— Долги дѣлаетъ.

— Врядъ ли! Кто ему повѣритъ? Обожглись на баронѣ.

— Ну, дама какая нибудь содержитъ.

— Ну, что вы, папа? Какая дама?

— А я почемъ знаю!

— Не думаю, чтобы нашлась такая. Онъ вовсе не красавецъ, а хилый, тщедушный и почти сѣдой... такихъ не содержатъ. Да и кто же станетъ содержать для другой, когда извѣстно, что онъ неотлучно состоитъ при Альказаръ. Нѣтъ, тутъ что нибудь да не то...

Digitized by Google

— Ну, я не знаю.

На этомъ разговоръ кончился; время шло, а Валеріанъ даже не бралъ изъ конторы жалованья и продолжалъ кутить. Эта тайна очень заинтересовала Анну Ивановну, но она не могла разрѣшить ее.

По темнымъ улицамъ Васильевскаго острова, поздно вечеромъ, шли два человѣка. Завернувъ въ одинъ изъ глухихъ переулковъ, они остановились передъ низенькимъ одноэтажнымъ деревяннымъ домикомъ.

— Идти или не идти?—спросилъ одинъ изъ нихъ нерѣшительно, взявшись за ручку звонка.

— Что тамъ думать?—проговорилъ другой.—Рѣшилъ?

— Рѣшить-то рѣшилъ! — отвѣтилъ первый.—Да страшно какъ-то!

Второй отстранилъ его и, взявшись за ручку звонка, позвонилъ. Имъ отперла двери горбоносая женщина съ черными, какъ смоль, волосами.

— Вамъ кого?—спросила она съ сильнымъ восточнымъ акцентомъ.

— Акопъ Романычъ дома?

— Дома; а объ васъ какъ сказать?

— Скажи: баронъ Клейнъ и Перовъ.

Женщина скрылась. Черезъ минуту она вернулась вновь и, пропуская ихъ впередъ себя, проговорила:

— Акопъ Романычъ просятъ.

Акопъ Романовичъ сидѣлъ въ низенькой комнатѣ, въ креслѣ, и предавался кейфу. Онъ былъ въ длиннополомъ черномъ бешметѣ и въ фескѣ на головѣ. Передъ нимъ на столикѣ стояли шербетъ и кальянъ, и онъ съ видимымъ наслажденіемъ потягивалъ дымокъ.

— Мы къ вамъ, Акопъ Романычъ!—сказалъ ему баронъ съ заискивающей ноткой въ голосѣ...

— Вижу. Стары знакомы. Кунакъ!—отвѣтилъ тотъ, подозрительно оглядывая Перова.

— Вы не бойтесь, Акопъ Романычъ: это мой другъ и родственникъ, Валеріанъ Ѳомичъ Перовъ.

— Ва! Зачэмъ бояться? Кто боится? Боится абрекъ? Шай-

Digitized by Google

танъ онъ, чтобъ его боятся? Чѣмъ могу служить?—вдругъ дѣловито спросилъ онъ.

— Вотъ ему денегъ надо, Акопъ Романычъ. Выручите.

— Какой дѣньги?! Какой теперъ дѣньги? Кто платитъ? Всѣ берутъ, никто не платитъ. Были у Акопъ Романыча дѣньги, нѣту теперъ денегъ... А сколько?—опять прервалъ онъ себя другимъ тономъ.

— Много, Акопъ Романычъ, много... то есть оно немного... но собственно...

— Сколько?—отрѣзалъ армянинъ, непріятно морщась.

— Пятнадцать тысячъ!— коротко отрѣзалъ баронъ, видя нерѣшительность Перова и желая его поддержать.

Армянинъ только что занесъ трубку въ ротъ и приготовился потянуть изъ нея. Но, услыхавъ эти слова, онъ выпустилъ трубку; глаза его, и безъ того выпуклые, какъ у рака, еще болѣе выпятились и толстое брюхо заколыхалось. Онъ поперхнулся и продолжительно закашлялся.

Наконецъ проговорилъ:

— Зачѣмъ шутышъ? Нельзя такъ шутитъ! Акопъ Романычъ—сырой человѣкъ, съ нимъ ударъ можетъ быть.

— Я не шучу.

— Какъ не шутишь?—продолжалъ онъ:—у кого теперъ такой дѣньги есть? У кого? У меня были; больше были—все разобрали. Никто не платитъ, всѣ берутъ, ни одинъ не платитъ... абѣзпечень есть?—прервалъ онъ себя.

— Нѣтъ.

Акопъ Романычъ искоса взглянулъ на своихъ гостей и совершенно серьезно подумалъ: не мистифируютъ ли его эти господа?

— Какъ нѣтъ? Абѣзпечень нѣтъ, а деньги просишь. Ва! Залогъ нѣтъ, а такой большой сумма просишь? Мы торговый люди. Намъ шутить нѣкогда. Намъ за кахѣтинскій вино нужно дѣньги посылать, намъ нужно счеты писатъ, а не шутки шутить, ва!—обозлился онъ и вдругъ прибавилъ:—подъ вексель?

— Подъ вексель, Акопъ Романычъ. Вѣдь вы знаете баронессу Клейнъ?

— Какъ не знаю? Знаю. Балшой барыня. Богатый барыня. Огромнымъ капиталъ ворочаетъ.

— Ну, такъ это ея братъ, а я—ея мужъ. Вексель-то нашъ стоитъ же что нибудь?

Digitized by Google

— Ничего не стоитъ. Бамага. Больше ничего.

— Да вѣдь я мужъ баронессы Клейнъ.

— Очинь даже хорошо знаемъ! Какъ не знаемъ? Мы всэ знаемъ.

Акопъ Романычъ двинулъ свое грузное тѣло по направленію къ конторкѣ, открылъ ее, пошарилъ что-то и, вынувъ оттуда листъ газетной бумаги, разложилъ его на столѣ передъ глазами барона.

— Что это?—изумился тотъ.

— Читай.

Баронъ всмотрѣлся въ газету и увидалъ давно знакомое ему объявленіе о томъ, что Анна Ивановна его долговъ на себя не принимаетъ и по его обязательствамъ не платитъ.

— Читалъ?—спросилъ армянинъ.—Ступай сюда. Смотри—вонъ сколько такихъ объявленій у меня. О всѣхъ вырѣзаю. Никому вѣрить нэльзя. Каждый недѣля такой объявленій рэжемъ. Ничего твой вексель не стоитъ. Бамага, больше ничэго!

— Да вѣдь о немъ,—указывая на Перова, заговорилъ баронъ,—не было такого объявленія?

— Будетъ!—безапеляціонно рѣшилъ армянинъ. — Будэтъ! Сегодня не будэтъ—завтра будэтъ. Завтра не будэтъ, черезъ недѣля будэтъ. Надолго? — вдругъ неожиданно спросилъ онъ.

— На годъ.

— Большой срокъ годъ! Умирать можно въ годъ. Разориться можно. Большой срокъ. Пруценты какъ?

— Впередъ, какіе хочешь.

Акопъ Романычъ задумался. Взялъ бумажку, что-то сосчиталъ; медленно взялъ газетный листъ, акуратно сложилъ его, пригладилъ по краямъ и понесъ на прежнее мѣсто. Потоптался около конторки, вернулся на свое мѣсто, сѣлъ и затянулся кальяномъ. Затѣмъ онъ потыкалъ ложкой въ шербетъ и погрузился въ созерцаніе. Тяжелое молчаніе водворилось въ маленькой комнаткѣ. Первымъ прервалъ его баронъ:

— Такъ какъ же, Акопъ Романычъ?

— Чего это?—какъ будто просыпаясь, проговорилъ армянинъ.

— Насчетъ денегъ.

— Не можно. Никакъ не можно. Нэту деньги. Гдѣ теперь дэньги? Были дэньги... нэту дэньги.

Digitized by Google

Валеріанъ Ѳомичъ готовъ былъ вскипѣть отъ ярости, вслѣдствіе такого «наглаго издѣвательства». Но баронъ его остановилъ и шепнулъ:

— Дастъ. Молчи и слушай.

— Вихрову давалъ,—продолжалъ армянинъ:—второй годъ ждалъ. Не отдаетъ. Канчидину давалъ — ничего не получалъ. Откуда дэньги возьмешь? Сами не дэлаемъ. Когда есть—отчего не дать, ва? Когда нѣту, откуда дашь, ва? Подъ вексель съ бланкомъ баронессы дамъ,—вдругъ опять совершенно неожиданно прибавилъ онъ.

— Да она не дастъ бланка!—неосторожно обмолвился Валеріанъ Ѳомичъ.

Армянинъ посмотрѣлъ на него, и Валеріану показалось, что въ глазахъ его свѣтилась иронія. Какъ будто его круглые рачьи глаза говорили: «вотъ еще дуракъ какой! Видно, неопытенъ».

— Нэ дастъ? А не дастъ бланкъ, денегъ не дастъ. Чѣмъ платить будэшь? Брать легче, чѣмъ платить. Взять возьмешь; платить не заплатишь: Альказаръ что ли платить будетъ, ва?—прибавилъ онъ.

— Какъ? ты и Альказаръ знаешь?

Армянинъ подмигнулъ.

— Мы всэ знаемъ. Всэ. И тэбя знаемъ, и Альказаръ знаемъ. И барона знаемъ, и Сванъ знаемъ. Всэ знаемъ. Бланкъ баронессы—дамъ, безъ бланка нэ дамъ! Принесешь завтра—завтра дамъ. Не принесешь—нэ получишь. Сэмь тыщи дамъ! Большія дэньги—семь тыщи. На три мѣсяцъ. Большое время—три мѣсяцъ. Вексель на пятнадцать тыщи.

Онъ умолкъ и какъ бы погрузился въ дремоту, что̀ у хитраго армянина всегда свидѣтельствовало объ окончаніи аудіенціи. Посѣтители вышли на улицу.

— Рѣшай!—сказалъ баронъ Перову.

— Съ нимъ бы поторговаться. Мало онъ даетъ и много проситъ.

— Ну, ужь это, братъ, съ тѣмъ возьми! Торговаться съ Акопъ-Романычемъ—вишь что выдумалъ! И впрямь ты—ребенокъ. Нужно бланкъ во что бы то ни стало. Иначе ничего не подѣлаешь. Нужно брать то, что̀ даетъ...

— И платить то, что̀ проситъ?

Digitized by Google

— Обязательно...

Они молча пошли домой и ни слова болѣе не проронили. Но въ слѣдующій вечеръ m-lle Альказаръ была такъ обворожительно-хороша, выдя на сцену въ черномъ трико, въ костюмѣ ночи, и пѣла такъ соблазнительно, вращая и подмигивая жгучими глазами, а послѣ спектакля дѣлала такіе милые авансы Перову, что рѣшеніе его окончательно созрѣло и въ слѣдующій же вечеръ передъ Акопъ-Романычемъ лежалъ вексель по всей формѣ и съ бланкомъ Анны Ивановны.

Армянинъ опять сидѣлъ въ той же позѣ, какъ будто вылитый изъ бронзы, какъ будто онъ эти два дня и двѣ ночи не сходилъ съ своего кресла и былъ къ нему навѣки прикованъ. Онъ взялъ вексель и добрыхъ полчаса читалъ его, посмотрѣлъ на подпись и на бланкъ, даже перевернулъ бумажку и посмотрѣлъ ее на свѣтъ. Потомъ что-то прошепталъ на непонятномъ языкѣ и, грузно поднявшись, отправился въ другую комнату, откуда вынесъ, очевидно уже заранѣе приготовленный, пакетъ.

— Считай,—сказалъ онъ.—Тутъ ровно шесть тысячи семьсотъ пятьдесятъ рублей.

— Какъ!—воскликнулъ Валеріанъ Ѳомичъ:—отчего не всѣ семь?

— Ва! Отчего не семь? Письмо писалъ—марка надо. Извощикъ ѣзжалъ—платить надо. Дэньги хранилъ—чего стоитъ? Врэмя убилъ—тѣ же дэньги. Торговля бросалъ,—себя безпокоилъ... Все дэньги стоитъ... Потомъ газетъ надо будетъ купить—опять дэньги.

— Какую газету?—въ одинъ голосъ спросили посѣтители.

— Гдѣ объявленіе баронесса печатать будэтъ! — невозмутимо отвѣтилъ Акопъ Романычъ.

M-lle Альказаръ была осыпана цвѣтами и подарками. Полученныя деньги были быстро истрачены; онѣ открыли еще небольшой кредитъ Перову и онъ кое-какъ проводилъ свое время въ безпечальномъ житьѣ. Когда же у него ничего не осталось — онъ зашелъ въ контору баронессы Клейнъ и забралъ тамъ жалованье, скопившееся за три мѣсяца.

Незадолго до истеченія срока векселю, Анна Ивановна имѣла удовольствіе узрѣть въ своемъ домѣ Акопа Романовича.

Digitized by Google

Она очень удивилась, увидя на векселѣ свою подпись, и въ негодованіи воскликнула:

— Но вѣдь эта подпись подложная!

— Ва!?—выпучилъ глаза армянинъ, какъ будто ему открыли Америку.—Подложна, говоришь, фальшива значитъ?

— Да. Я никогда этого векселя не видала и не подписывала.

— Скажи, пожалуй!—соболѣзновалъ хитрый ростовщикъ:—какой народъ нынче сталъ... фальшивый! Па-па-па!.. Прощайте, ваше сіятельство!

— Куда же вы?

— Къ прокурору пойдемъ, въ судъ! Куда больше пойдешь? Пропали дэньги, чужія дэньги, не мои дэньги!..

— Постойте. Я заплачу.

— А заплатишь—намъ лучше. Въ судъ идти—время тянуть. Безъ суда лучше.

Анна Ивановна написала ордеръ въ контору и черезъ полчаса вексель лежалъ у нея.

Она позвонила Василія и приказала ему попросить къ ней Валеріана Ѳомича, когда онъ будетъ дома. Но у Валеріана Ѳомича нѣсколько дней уже не было денегъ, а потому онъ, къ удивленію Анны Ивановны, оказался дома.

Когда онъ вошелъ къ ней, она ему сказала коротко:

— Это ваша работа?

— Моя, сестрица,—нагло отвѣтилъ онъ.

— Какъ же вамъ не стыдно?—съ убѣжденіемъ заговорила она.—И вы еще осмѣливались укорять меня моимъ темнымъ происхожденіемъ, а сами, родовой дворянинъ, гордящійся своимъ происхожденіемъ, что̀ вы дѣлаете, на что̀ пускаетесь?

Но Валеріанъ Ѳомичъ хандрилъ. Онъ уже нѣсколько дней, какъ чувствовалъ себя страшно не въ духѣ, почти больнымъ. M-lle Альказаръ отреклась отъ него. Это его совершенно выбило изъ колеи, и онъ напился съ горя до такой степени, что въ три дня не могъ оправиться. Голова трещала и мрачныя мысли лѣзли ему въ голову. Онъ не расположенъ былъ выслушивать нотаціи Анны Ивановны, которую отъ души ненавидѣлъ.

— Я прошу васъ безъ нотацій. Если нужно что сдѣлать, говорите!—рѣзко проговорилъ онъ.—Къ дѣлу.

Digitized by Google

— Хорошо. Сейчасъ будетъ и дѣло. Видите ли вы, отпрыскъ древняго рода,—раздраженно заговорила она въ свою очередь:—я могла бы васъ за этотъ подлогъ сослать въ Сибирь...

— Какъ изъ-за васъ сослали мою сестру въ Язвище и уморили тамъ?—прервалъ ее Валеріанъ Ѳомичъ, въ первый разъ за все время заговоривъ о сестрѣ, о которой, казалось, онъ и забылъ совсѣмъ.

— Ахъ, и въ этомъ я виновата? Какъ это глупо! — отвѣтила ему Анна Ивановна, но непріятное чувство прошло у нея все таки по душѣ.—Но я не сошлю васъ никуда: я заплатила... на этотъ разъ. Вы понимаете: на *этотъ* разъ...

Она помолчала; онъ тоже ничего не говорилъ. Смутнымъ образомъ онъ почувствовалъ, что натолкнулся на желѣзную волю, противъ которой онъ безсиленъ. И ему вдругъ представилось, что онъ сидитъ и разговариваетъ съ Василисой Степановной, которая обладала такою же упорной волей и также недоброжелательно относилась къ нему. Онъ взглянулъ на нее изподлобья, и ему почудились въ ея лицѣ столь знакомыя черты матери. И онъ почувствовалъ вдругъ съ изумительной ясностью, что ему пришелъ конецъ, безповоротный конецъ. Онъ бывалъ въ безвыходныхъ положеніяхъ, даже въ трагическихъ, но никогда, даже въ этихъ безвыходныхъ обстоятельствахъ, ему не казалось, что конецъ близокъ, что онъ не за горами. Всегда впереди мелькалъ ему какой-то слабый лучъ надежды. Теперь, этого луча онъ не видѣлъ, а въ душѣ его звучало ужасное слово: конецъ! И онъ вдругъ притихъ и смирился, какъ всегда притихалъ и смирялся передъ несокрушимо-желѣзной волей своей матери.

— Садитесь и пишите!—вдругъ услыхалъ онъ голосъ Анны Ивановны, и ему показалось, что это говоритъ Василиса Степановна.

Онъ повиновался. Она ему диктовала, а онъ писалъ.

«Симъ объявляю, что уплату долговъ дворянина Валеріана Ѳомича Перова впредь на себя не принимаю и по его долговымъ обязательствамъ разсчетовъ не чиню. А имѣющихъ таковыя прошу обращаться въ установленныя закономъ судебныя учрежденія. Баронесса Анна Ивановна Клейнъ».

— Свезите это объявленіе въ газеты и привезите мнѣ кви-

Digitized by Google

танцію...—сказала она ему.—Или нѣтъ, постойте, вы подмѣните объявленіе и напечатаете что нибудь другое.

Она позвонила Василія и отдала ему приказаніе сейчасъ же отправить объявленіе.

— Прекрасно,—заговорилъ Валеріанъ Ѳомичъ,—вы приказали мнѣ написать: впредь. Впредь не плачу?

— Да.

— А прошлые?

— Развѣ у васъ еще есть?

— Есть.

— Сколько?

— Пустяки—тысячъ пять.

— Вы мнѣ дадите списокъ. Я уплачу и эти долги. Но съ этихъ поръ я вамъ прекращаю пенсію.

— Но какъ же я буду жить?

— Не знаю.

— Но мнѣ пить-ѣсть надо?—раздраженно прибавилъ онъ.

— Безъ сомнѣнія,—холодно отвѣтила она.

— Откуда же мнѣ добывать все это?

— Опять не знаю.

— Я пойду къ прокурору и донесу, что вы меня ограбили,—настойчиво проговорилъ онъ.

— Фу, какъ это старо! Вамъ же показывали документы и вы сами сознаёте, что говорите вздоръ. Ну, къ чему это? Да развѣ вы ужь забыли, что и у меня есть кое-что, съ чѣмъ я могу пойти къ прокурору? Коротка у васъ память!..

Оба замолчали. Анна Ивановна смотрѣла на его осунувшуюся фигуру, на его сильно посѣдѣвшіе волосы, на его убитый видъ. Образъ заточенной Варвары промелькнулъ въ ея воображеніи, хотя она никогда, послѣ отъѣзда Варвары изъ Перова, не видала ея. И ей стало вдругъ жаль Валеріана.

— Послушайте вы, старый ребенокъ, — заговорила она тепло и мягко.—Я объяснюсь съ вами на чистоту. Правда, состояніе, которымъ я владѣю, перешло ко мнѣ отъ вашего батюшки. Если хотите, я имъ владѣю не... совсѣмъ по праву. И это меня нѣсколько мучило, хотя, какъ вамъ извѣстно, я непричемъ въ волѣ покойнаго Ѳомы Аверьяновича. Но допустимъ, что состояніе это унаслѣдовали бы вы, а не я... Вы, отпрыскъ древняго рода, разметали бы его по вѣтру, разнесли бы его

Digitized by Google

по заграничнымъ притонамъ. Вы доказали это — вашими похожденіями. Даже живя здѣсь, въ Россіи, которая нуждается въ капиталахъ, которая послѣ освобожденія обновилась и ожила къ новой плодотворной дѣятельности, вы и здѣсь обогащаете вашими деньгами тѣхъ же иностранцевъ: отъ васъ обогащаются Эльзы Сванъ и Альказаръ... никто больше. И ваши деньги, при помощи ихъ цѣпкихъ ручекъ, переходятъ за границу, въ то время какъ дворянство — опора государства, по вашимъ словамъ,—разоряется и нищаетъ...

Валеріанъ Ѳомичъ улыбался.

— Ого! Видно, что книгъ начитались. Ишь вѣдь какъ говорите-то, точно профессоръ политической экономіи. Откуда что̀ берется. Вотъ что значитъ умныя-то книжки читать!..

— Смѣйтесь, это ваше дѣло. Вы всю жизнь вѣдь шутили и смѣялись. А вотъ мнѣ досталось ваше состояніе, посмотрите, что̀ я изъ него сдѣлала: я его удвоила. Я и сама живу, и жить даю другимъ. Въ моихъ рукахъ капиталъ—не для развлеченія, а для дѣла. Я имъ приношу пользу людямъ. Сколько учрежденій, сколько обществъ, сколько лицъ пользуются этимъ капиталомъ. Смотрите, Россія начала жить новою жизнью, по рѣкамъ побѣжали пароходы, по степямъ прошли желѣзныя дороги, торговля оживилась... Кто двигаетъ эти пароходы и локомотивы? Капиталъ, и въ томъ числѣ мой. Благодаря этому капиталу, кормится масса людей. Откуда онъ взялся? Нѣсколькими вашими помѣщичьими поколѣніями онъ изъятъ былъ изъ народнаго обращенія. Теперь я опять его отдаю народу и государству. Вы—растратили бы его по кабакамъ съ полуголыми пѣвичками и положили бы его къ ихъ красивымъ ногамъ. Во мнѣ та же помѣщичья кровь—кровь вашей матушки,—но она освѣжена приливомъ новой, свѣжей крестьянской крови, и я горжусь этимъ. Вы обветшали, вы ослабѣли, вы истощили сами себя въ излишествахъ и порокахъ, и врядъ ли вы скоро подыметесь и вновь пріобрѣтете силу. Такъ ужь лучше покоритесь и дайте дорогу свѣжимъ силамъ. А впереди насъ будетъ еще новое поколѣніе, которое сдѣлаетъ еще больше нашего. И въ себѣ я ощущаю порой ту проклятую безсильную волю, тотъ ослабѣвшій духъ, который я получила съ помѣщичьей кровью. Но я держу себя въ уздѣ, чего не умѣете дѣлать вы. Повторяю вамъ: смиритесь, научитесь трудиться, работать. И

Digitized by Google

вотъ, когда вы обновитесь,—вѣдь вы еще не старый человѣкъ,—когда я буду увѣрена въ васъ, я вамъ возвращу всѣ ваши деньги, все ваше состояніе цѣликомъ. А пока я вновь повторяю вамъ: денегъ я вамъ не дамъ ни копѣйки. Взамѣнъ ихъ я вамъ предлагаю слѣдующее: если не хотите умереть съ голоду—поѣзжайте въ Перово; тамъ у меня строится заводъ. Вы будете наблюдать за работами. *Только* наблюдать и надзирать. У васъ будетъ квартира, столъ, все, что̀ вамъ нужно. Ну... и, пожалуй, за вашъ трудъ, я буду платить вамъ по пятидесяти рублей въ мѣсяцъ...

— Вотъ такъ политико-экономъ!—произнесъ Валеріанъ Ѳомичъ.—Но если вы такъ ненавидите и осуждаете дворянство, зачѣмъ вы вышли замужъ за дворянина, да еще за барона?

— И я не безъ грѣха, я собой и не восхищаюсь. Кровь заговорила: залетѣла ворона не въ свои хоромы. Кромѣ того, мнѣ хотѣлось покорить предубѣжденіе общества, да и грязненькое самообольщеніе заговорило. Ну, зато я прямо, быстро, по мужицки—или, какъ вы выражаетесь: по хамски—отрѣзала отъ себя павлиній хвостъ. Такъ принимаете мое предложеніе?—спросила она такимъ твердымъ голосомъ, что Валеріану Ѳомичу вновь представилась его мать, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ-то убѣдился, что ожидаемый и предчувствуемый имъ *конецъ* надвинулся на него разомъ, внезапно. И ему ничего болѣе не оставалось, какъ проговорить со вздохомъ:

— Принимаю... Ручку-съ пожалуйте!—въ шутовскомъ тонѣ прибавилъ онъ.

— Цѣлуйте.

И пока онъ цѣловалъ ея сильную, крѣпкую, мужественную руку, мысли проходили въ его головѣ: «да, это—конецъ! Какъ не согласиться»? Вѣдь человѣкъ, который обладаетъ такой сильной рукой, обладаетъ и волей такой же. И она исполнитъ свою угрозу: она его выгонитъ, и онъ, хилый, слабый, ни на что негодный, ни къ чему неспособный, долженъ будетъ погибнуть за грѣхи отцовъ своихъ гдѣ нибудь на улицѣ, безъ куска хлѣба, безъ гроша денегъ... Она еще поступила милостиво съ нимъ, не захотѣла раздавить. Нѣтъ, она ему подала слабую надежду на возвратъ состоянія. И онъ можетъ жить съ этой надеждой... А вдругъ она его... и помилуетъ! Но онъ чувствовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что надежда эта—миѳъ. Не потому миѳъ,

Digitized by Google

чтобы онъ сомнѣвался въ ея словѣ, а потому, что онъ сознавалъ, какъ его силы падаютъ, какъ его здоровье шатается, какъ апатія ко всему,—даже къ m-lle Альказаръ,—надвигается, какъ неотвратимая туча. До сихъ поръ онъ не чувствовалъ этого. Но въ эти три дня боли и немощи—слабость духа и апатія одолѣли его. Быть можетъ, потому онъ такъ скоро смирился и не сталъ спорить съ сестрою, что ему стало какъ-то вдругъ—«все равно»!..

Валеріанъ Ѳомичъ отправился въ Перово.

Черезъ два года, до Анны Ивановны дошли слухи (сама она въ эти два года, за обиліемъ дѣлъ, не удосужилась съѣздить туда) что онъ такъ раскисъ и обрюзгъ въ деревнѣ, что уже не хотѣлъ оттуда возвращаться и рѣшилъ доживать свой вѣкъ въ родовомъ гнѣздѣ.

А Анна Ивановна все продолжала пріобщать и пріумножать. Цѣлую сѣть предпріятій раскинула она по лицу земли русской... Зачѣмъ? Вѣроятно, чтобы принести извѣстную долю пользы «государству и обществу». Много ли будетъ этой пользы?

В. Свѣтловъ.

Конецъ.

Digitized by Google

Просвѣтленіе.

Когда усталый и угрюмый,
Измучась жизни пустотой,
Брожу одинъ съ тяжелой думой
И удручающей тоской,—
Мнѣ мнится, мыслію высокой
Мой духъ уже не воспаритъ
И въ край надзвѣздный, край далекій,
Моихъ мечтаній не умчитъ...
Но—мигъ! Вершитель божьей воли
Уже смахнулъ крыломъ своимъ
Съ моей души земныя боли,—
И ожилъ я, хранимый имъ.
Въ слезахъ на небо голубое
Смотрю: воспрянула мечта—
И прочь отходитъ все земное,
Всей нашей жизни суета.

Д. Стахѣевъ.

Digitized by Google

СУДЪ И ЖИЗНЬ.

I.

На родинѣ суда присяжныхъ, въ Англіи, не возникаетъ такихъ острыхъ вопросовъ о немъ, какъ на материкѣ Европы. Тамъ учрежденіе это, въ первоначальной формѣ своей, появилось еще въ то время, когда начала только слагаться государственная жизнь народа, и развивалось совмѣстно съ другими учрежденіями страны. Благодаря островному положенію Англіи,—защищавшему ее отъ иноземныхъ нападеній и вліяній несравненно болѣе, чѣмъ защищены были государства континента,—развитіе этого учрежденія, какъ и другихъ, шло непрерывно, въ теченіе вѣковъ, и вполнѣ правильно. Поэтому судъ присяжныхъ въ Англіи представляется вѣрнымъ отраженіемъ жизненныхъ потребностей народа въ правосудіи и согласованъ со всѣми другими учрежденіями этой страны. Выростая, онъ не вытѣснялъ, какъ на континентѣ, другихъ судебныхъ учрежденій, не занималъ ихъ мѣста, и потому тамъ нѣтъ такого рода потерпѣвшихъ, которые бы вопіяли противъ него. Тамъ онъ, сохраняя значеніе только судебнаго учрежденія, не присвоивалъ себѣ политическихъ особенностей и потому противъ него не слышалось и съ этой стороны враждебныхъ и самыхъ опасныхъ голосовъ. Протесты, поднимавшіеся противъ него, были единичны; поправки, которыя дѣлались въ немъ, имѣютъ частное значеніе; теченій же общественныхъ и правительственныхъ, которыя угрожали бы самому существованію суда присяжныхъ, тамъ вовсе нѣтъ. Среди другихъ учрежденій страны, и вообще въ жизненномъ строѣ Англіи, судъ присяжныхъ—*у себя дома*, какъ прирожденный и необходимый членъ семьи.

Совсѣмъ другое—на материкѣ Европы. Здѣсь широко распространенъ взглядъ на судъ присяжныхъ, какъ на учрежденіе чуждое и заимствованное,—какъ на растеніе, выросшее на совершенно другой почвѣ, чѣмъ наша, подъ чуждымъ намъ небомъ, и только акклиматизированное у насъ. Говорится, что судъ присяжныхъ—только въ Англіи явленіе историческое; у народовъ же континента—раціоналистическое (*Фойницкій*: «Курсъ угол. судопр.», т. I, 147). Высказывается даже, что онъ чуждъ жизненнымъ условіямъ наро-

Digitized by Google

довъ континента. Такъ, относительно Франціи, Миттермайеръ говоритъ, что судъ присяжныхъ этой страны, не смотря на долголѣтнее существованіе, чуждъ своему народу и его политической жизни («Судъ прис. въ Евр. и Амер.», 100). А въ Германіи и Австріи, при обсужденіи въ парламентахъ уставовъ уголовнаго судопроизводства, еще въ столь недавнее время, въ семидесятыхъ годахъ (уставы австрійскій 1873 и германскій 1877 годовъ), высказывалось требованіе объ отмѣнѣ суда присяжныхъ, какъ учрежденія, заимствованнаго и чужаго, и о замѣнѣ его стариннымъ національнымъ германскимъ учрежденіемъ—судомъ шеффеновъ. При этомъ теченіе, враждебное суду присяжныхъ, было очень сильно и защитникамъ его пришлось выдержать серьезную борьбу. И у насъ въ Россіи, еще въ недавнее время, ходили слухи объ отмѣнѣ этого института, возбудившіе въ обществѣ то тревожное чувство, которое едва ли улеглось еще и теперь.

Но дѣйствительно ли судъ присяжныхъ у народовъ континента есть явленіе только раціоналистическое? Что онъ не развивался послѣдовательно въ исторіи этихъ народовъ—это имѣетъ только внѣшнее значеніе. Сущность же вопроса заключается въ томъ: имѣетъ ли судъ присяжныхъ подъ собой историческую почву у народовъ континента, т. е. требовался ли онъ, сложившимися исторически, жизненными условіями этихъ народовъ, или это есть только результатъ головной работы:—додумались, заимствовали и приспособили? Не внѣшнимъ ли образомъ заимствованъ (изъ Англіи) судъ присяжныхъ, и не былъ ли онъ созданъ, въ періодъ заимствованія, самими народами континента—можетъ быть, въ нѣсколько другой формѣ, но съ тѣми же самыми существенными признаками? Всѣ эти вопросы сводятся къ вопросу о причинахъ появленія суда присяжныхъ на континентѣ Европы; о тѣхъ силахъ, которыя выдвинули это учрежденіе на жизненную арену; о тѣхъ потребностяхъ, удовлетворенію которыхъ оно служитъ.

Вопросъ о причинахъ появленія суда присяжныхъ на континентѣ ставился уже въ наукѣ правовѣдѣнія, но, главнымъ образомъ, въ техническомъ смыслѣ. На это учрежденіе смотрѣли не какъ вообще на жизненную силу народа, а только какъ на судебный апаратъ, служащій для разсмотрѣнія доказательствъ на судѣ и рѣшенія вопроса о виновности, такъ что въ полѣ зрѣнія былъ не весь жизненный строй народа, а лишь обстановка судебнаго засѣданія. И вотъ высказано было, что судъ присяжныхъ своимъ существованіемъ,—первоначально во Франціи,—обязанъ идеѣ о замѣнѣ теоріи формальныхъ доказательствъ,—органомъ которой былъ коронный судъ,—*внутреннимъ убѣжденіемъ*, органомъ котораго, во избѣ-

Digitized by Google

жаніе злоупотребленій со стороны коронныхъ судей, долженъ быть судъ изъ народа, подобный тому, какой существовалъ въ Англіи (*Миттермайеръ*, ibid, 100; *Случевскій*: «Судоустройство», 28). По мнѣнію же другихъ, во Франціи на сторону жюри склонились потому, что, давая мѣсто народному элементу въ судебной дѣятельности, институтъ этотъ открывалъ возможность раздѣленія въ процессѣ—вопросовъ факта отъ вопросовъ права. Для разрѣшенія первыхъ, болѣе пригоднымъ считался народный элементъ, для разрѣшенія вторыхъ—элементъ коронный (*Фойницкій*: «Курсъ угол. судопр.», 136).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ наукѣ вообще, какъ и между упомянутыми представителями ея въ частности, признаётся безспорнымъ то положеніе, что между судомъ присяжныхъ съ одной стороны и политическимъ и соціальнымъ строемъ народовъ—съ другой, существуетъ неразрывная связь. Такимъ образомъ, по этому воззрѣнію оказывается, что судъ присяжныхъ долженъ быть разсматриваемъ не какъ отдѣльный судебный апаратъ только, но главнымъ образомъ—какъ живой органъ живаго организма народной жизни, въ связи съ которымъ и необходимо его обсуждать; иначе онъ будетъ также непонятенъ, какъ непонятна часть сложнаго механизма безъ соображенія со всѣмъ его устройствомъ. Очевидно, на основаніи только этой идеи и можетъ быть рѣшенъ правильно вопросъ о причинахъ появленія суда присяжныхъ. Она объемлетъ всю жизнь народа и расширяетъ горизонтъ настолько, что разсматриваемый вопросъ можетъ установиться тамъ во всемъ своемъ естественномъ объемѣ и быть разсмотрѣннымъ нынѣ со всѣхъ сторонъ.

Вопросъ этотъ настолько сложенъ, что, затрогивая его въ этомъ изслѣдованіи, мы не имѣемъ претензіи на полное разрѣшеніе его. Мы бы считали цѣль свою достигнутою, еслибы намъ удалось только правильно поставить его—именно въ среду тѣхъ условій, гдѣ онъ только и можетъ быть освѣщенъ и рѣшенъ должнымъ образомъ. Такая постановка вопроса уже сама по себѣ можетъ облегчить возможность представлять себѣ судъ присяжныхъ въ его истинномъ видѣ и способствовать къ устраненію тѣхъ глубокихъ противорѣчій, которыя существуютъ во взглядахъ на этотъ институтъ. «Нѣтъ ни одного учрежденія,—говоритъ Миттермайеръ (ibid, 1),—которое понималось бы своими приверженцами и противниками такъ узко и односторонне, какъ судъ присяжныхъ». А такіе результаты обыкновенно бываютъ послѣдствіемъ неправильной постановки вопроса и, вслѣдствіе этого, путаницы въ принципіальныхъ основахъ его.

Итакъ, дѣйствительно ли судъ присяжныхъ среди народовъ континента есть случайный, чуждый имъ, пришлецъ-иноземецъ?

Digitized by Google

Въ этомъ отношеніи невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе слѣдующія три обстоятельства: 1) судъ присяжныхъ появился у народовъ континента не одинокимъ, а вмѣстѣ съ новымъ жизненнымъ строемъ, какъ составная часть его; 2) появился онъ не у одного или нѣкоторыхъ только народовъ, а у всѣхъ [1]) (мы разумѣемъ здѣсь, конечно, христіанскіе народы арійскаго корня); и 3) появился не разновременно и случайно, а непрерывно, настойчиво, и въ одинъ періодъ времени. Если исключить Францію и, зависѣвшія отъ нея, Бельгію и Рейнскія провинціи Германіи, гдѣ судъ присяжныхъ введенъ около начала этого столѣтія, то можно даже сказать, что онъ появился у остальныхъ народовъ континента одновременно—въ періодѣ съ 1848 по начало шестидесятыхъ годовъ. Для обновленія жизни народовъ, не только эти 15 лѣтъ, но и періодъ отъ введенія суда присяжныхъ во Франціи въ 1791 году до 40-хъ годовъ текущаго столѣтія не можетъ считаться продолжительнымъ.

Уже сопоставленіе этихъ трехъ фактовъ позволяетъ сдѣлать заключеніе, что судъ присяжныхъ на материкѣ Европы былъ не случайнымъ явленіемъ. На это же указываетъ и то сочувствіе народовъ къ этому учрежденію, о которомъ говоритъ Миттермайеръ (ibid. 9, 10, 13, 14 и др.), какъ свидѣтель перваго времени появленія этого института, и которое затѣмъ, относительно Германіи, признано и законодательною властью этой страны. Такъ, въ объяснительной запискѣ къ проэкту устава угол. судопр. 1877 года, сказано: «въ Германіи, гдѣ институтъ присяжныхъ пустилъ ростки всего лишь нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, *онъ пользуется величайшимъ довѣріемъ народа*».—Только такимъ же сочувственнымъ отношеніемъ къ нему общества и у насъ, въ Россіи, можно объяснить то тревожное чувство, о которомъ мы упомянули выше. Все это уже сами по себѣ важные признаки того, что, еще ранѣе появленія суда присяжныхъ, у народовъ континента создались уже исторически потребности, которыя взывали къ этому институту и для удовлетворенія которыхъ онъ явился не какъ «чуждый пришлецъ», а какъ дѣятель, вступившій въ родственную ему обстановку. Но въ чемъ же состояли эти потребности и была ли между ними и судомъ присяжныхъ необходимая органическая связь, или, можетъ быть, только случайная?

Для выясненія этого, намъ кажется наиболѣе цѣлесообразнымъ, вмѣсто общихъ разсужденій, обыкновенно столь спорныхъ, обра-

[1]) Отсутствіе его въ Голландіи и нѣкоторыхъ кантонахъ Швейцаріи—чересчуръ малозначущее исключеніе, объясняемое притомъ же совершенно особенными обстоятельствами.

Digitized by Google

титься къ фактамъ—сопоставить между собою оба жизненные строя народовъ континента: одинъ уже отжитый, другой — наступившій вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ. Но, можетъ быть, для вопроса о судѣ присяжныхъ весь жизненный строй народовъ—черезчуръ широкая, грандіозная рамка? Чтобы правильно оріентироваться въ этомъ, нужно имѣть въ виду мнѣніе, существующее въ Англіи же—что цѣлью всѣхъ учрежденій страны,—въ томъ числѣ парламента и королевской власти,—можетъ быть признано то, чтобы имѣть возможность образовать судъ 12 судей, т. е. присяжныхъ. (*Владимировъ*: «Судъ присяжныхъ»). Присяжные рѣшаютъ судьбы людей, а гдѣ вопросъ идетъ о судьбѣ человѣка, тамъ не можетъ уже быть болѣе грандіозныхъ рамокъ. Для достиженія нашей цѣли, достаточно, не пускаясь въ подробности, сослаться на основныя особенности того и другаго жизненнаго строя. Но, чтобы не сбиться съ пути въ этомъ океанѣ человѣческихъ отношеній, необходимо имѣть въ рукахъ указатель того, какія же особенности разсматриваемаго періода должны быть признаны основными, — компасъ, который бы указывалъ направленіе жизни народовъ. Для христіанскаго міра это направленіе опредѣлено ясно, и въ этомъ совершенно согласны главные распорядители и выразители судебъ человѣчества: религія, философія и исторія. Личность человѣка—центръ, къ которому все сходится; начало и конецъ всякаго жизненнаго проявленія. Отъ нея исходитъ жизнь и для нея только имѣютъ значеніе всѣ жизненныя отношенія и учрежденія. Чѣмъ совершеннѣе личность—тѣмъ совершеннѣе и жизнь. «Будьте совершенны, какъ отецъ вашъ небесный»—таковъ идеалъ, указываемый намъ религіей, выраженіемъ котораго въ жизни служитъ всесогрѣвающая, животворящая христіанская любовь. «Духовное и матеріальное усовершенствованіе личности»—такъ опредѣляетъ философія задачи человѣчества. И жизнь народовъ, какъ показываетъ исторія, идетъ въ полномъ соотвѣтствіи съ этими указаніями. Сначала человѣкъ жилъ потребностями тѣла и руководился только эгоизмомъ, относясь къ другимъ людямъ,—какъ и вообще ко всему чужому, — хищнически, враждебно. Съ усвоеніемъ религіи любви и милосердія, по крайней мѣрѣ, въ общемъ теченіи нашей жизни, человѣкъ руководится главнымъ образомъ потребностями уже не тѣла, а духа, и къ другимъ людямъ относится, какъ къ братьямъ, уважая въ каждомъ изъ нихъ человѣческое достоинство. Если въ первомъ періодѣ онъ жилъ жизнью животныхъ, то теперь, насколько это возможно для него, онъ все болѣе и болѣе развиваетъ въ себѣ тѣ духовныя совершенства, которыя приближаютъ его къ божественному идеалу. Такимъ образомъ, значеніе личности можетъ служить пробнымъ камнемъ при

Digitized by Google

оцѣнкѣ достоинства каждой цивилизаціи, какъ и отдѣльныхъ ея періодовъ. Этихъ указаній мы и будемъ держаться при дальнѣйшемъ изложеніи. Въ жизни старыхъ арійцевъ Европы, новымъ ихъ соплеменникамъ особенно одно учрежденіе пришлось по плечу и вкусу, въ первомъ періодѣ ихъ развитія, это—рабство. Результаты духовнаго творчества остались въ сторонѣ и были забыты. Они возродились уже чрезъ долгое время—вмѣстѣ съ зарожденіемъ новаго, существующаго теперь, жизненнаго строя. Какъ широко развито было рабство у грековъ и римлянъ, можно видѣть изъ того, что, напр., въ Аттикѣ,—самой культурной странѣ древней Эллады, и притомъ въ самый цвѣтущій періодъ ея развитія, при Периклѣ, — изъ 500 тысячъ жителей 400 тысячъ было рабовъ! А у римлянъ, въ IV в. по Р. Х., въ Галліи, изъ 8 или 9 милліоновъ населенія только около $^1/_{10}$ части было свободныхъ; остальная же масса состояла или изъ совершенно безправныхъ рабовъ, или же изъ неполноправныхъ колоновъ. (*Bordier et Charton*: «Histoire de France», T. I, 91). Такое наслѣдство вполнѣ соотвѣтствовало духу отжитаго строя европейскихъ народовъ. Строй этотъ былъ первымъ періодомъ государственной жизни ихъ. Начало его относится къ тому времени, когда народы эти, тогда еще варвары, тѣсня другъ друга и врываясь въ предѣлы западной Римской имперіи, наконецъ разгромили ее, заняли ея территорію и осѣлись на мѣстахъ (около конца V в. по Р. Х.). Началось образованіе новыхъ государствъ— трудный и медленный процессъ. Предстояло пережить много вѣковъ, прежде чѣмъ разнородные элементы населенія каждаго государства сольются и образуютъ національность—одинъ народъ — и возможными станутъ правовой порядокъ и единая государственная жизнь. Въ началѣ же, элементы эти стояли, какъ чуждые и враждебные другъ другу. Это было время борьбы за существованіе, и потому естественно, что право не могло быть способомъ установленія отношеній между людьми, а вмѣсто него царила одна сила. При невѣжествѣ и грубости побѣдителей, сила эта ничѣмъ не сдерживалась и проявлялась въ видѣ самаго крайняго произвола. Личность человѣка сама по себѣ не имѣла тогда никакого значенія. Только съ тѣмъ и считались, кто былъ силенъ; понятіе же силы сводилось къ силѣ оружія. Кто имѣлъ больше населенныхъ земель и могъ поставить больше войска, тотъ и пользовался большимъ значеніемъ. Населенная земля, какъ источникъ силы, выражала собою власть, верховенство. Она была достояніемъ только свободныхъ людей, т. е. завоевателей и тѣхъ изъ туземцевъ, которымъ завоеватели оставили ихъ земли. Но мы видѣли уже, какъ мало было свободныхъ людей даже при господствѣ римской власти; послѣ же завоеванія и съ раз-

Digitized by Google

витіемъ феодальной системы количество свободныхъ лицъ сократилось до крайнихъ предѣловъ—свободу удерживали за собой только тѣ, кто былъ силенъ и властенъ. Менѣе сильные, за отсутствіемъ права и безопасности, должны были искать защиты у болѣе сильныхъ и при этомъ становились къ нимъ иногда въ полную рабскую зависимость, отдавая въ ихъ распоряженіе и свою собственность, и свою личность. Вотъ, напр., французскій актъ отъ VII вѣка, которымъ устанавливались такія отношенія. «Предпринимается продажа человѣка, который продаетъ самъ себя.—Великолѣпному властелину (такому-то), моему брату во Христѣ, также какъ его супругѣ (такой-то), мы (такой-то) и (такая-то), его жена, продали и продаемъ (vendons) свое гражданское состояніе (état civil) со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ нашу собственность, или что мы могли бы имѣть: жилище, землю, виноградники и все, чѣмъ бы мы ни владѣли въ настоящій день и въ (такой-то) мѣстности, и вообще гдѣ бы то ни было. Вслѣдствіе чего мы получили отъ васъ условленную цѣну, т. е. (столько-то) золотомъ, такъ что съ этого дня все то, что вышеупомянутые покупатели пожелаютъ сдѣлать съ нами самими или нашими наслѣдниками, они вправѣ это сдѣлать». (Bordier et Charton, ibid. ,226 и 239). Такимъ образомъ, нѣкоторыя свободныя лица теряли свою самостоятельность; другія же удерживали ее, хотя поступать подъ покровительство болѣе сильныхъ лицъ было всеобщею необходимостью. Это даже прямо предписывалось капитуляріями Карла Великаго—чтобы каждый свободный человѣкъ избралъ себѣ сеньора и былъ прикрѣпленъ къ нему. Такъ образовались, какъ извѣстно, союзы свободныхъ лицъ, основанные на началахъ вѣрности и взаимной помощи, и организовалась феодальная система, вполнѣ развившаяся въ XI столѣтіи. Союзы эти покрывали всю территорію государства, и всѣ земли были распредѣлены между ними («Nulle terre sans seigneur»). Во главѣ каждаго союза стоялъ наиболѣе могущественный феодалъ—герцогъ, графъ; — затѣмъ, въ порядкѣ феодальной іерархіи, слѣдовали бароны и нетитулованные феодалы. Король былъ также только феодаломъ, и притомъ далеко не всегда самымъ сильнымъ. Единаго государственнаго управленія не было, и каждый сеньоръ въ предѣлахъ своего владѣнія имѣлъ верховную власть: издавалъ законы, судилъ, велъ войны, чеканилъ монету. Населеніе феодальнаго помѣстья вполнѣ зависѣло отъ воли своего владѣльца, и потому положеніе его въ разныхъ феодальныхъ владѣніяхъ было не одинаково и опредѣлялось личными особенностями сеньора. Такимъ образомъ, при феодальномъ строѣ, вверху, въ правящихъ сферахъ, царилъ произволъ; внизу было безправіе и рабство.

Digitized by Google

Единственнымъ убѣжищемъ для притѣсняемыхъ сначала служили города. Тамъ изъ нихъ образовывались общины, которыя отстаивали свою свободу то оружіемъ, то деньгами, откупаясь отъ тяготѣвшей надъ ними сеньоріальной власти. Подъ животворнымъ вліяніемъ безопасности и свободы, силы общинъ начали быстро развиваться, принимая иногда величественные размѣры, напр., въ ганзейскомъ союзѣ, и направляясь, по самой природѣ своей, противъ мертвящаго господства и насилія. Королевская власть не упустила этого изъ виду. Въ общинахъ она нашла себѣ лучшаго союзника и, опираясь на нихъ, начала свою успѣшную борьбу съ феодальнымъ безначаліемъ. Но, находясь въ періодѣ борьбы и отстаивая свое существованіе, государственная власть естественно должна была также руководствоваться законами силы. Воля представителя ея была основой государственнаго управленія. «L'état c'est moi»— было общимъ девизомъ носителей государственной власти. Тѣмъ не менѣе достигнутые результаты были велики: появилась единая государственная власть и единое государственное управленіе — появился законъ, хотя пра̀ва еще не было [1]).

Но, взявъ въ свои руки верховную государственную власть, королевская власть только ослабила феодальные порядки въ правительственномъ и отчасти въ соціальномъ отношеніяхъ, но не уничтожила ихъ. Оставались рабство и столь близкая родственница его—сословность, какъ основанная на неравноправности. Сеньоріальная власть продолжала дѣйствовать въ феодальныхъ помѣстьяхъ, хотя болѣе важныя дѣла и были изъяты изъ ея вѣдомства. Въ судебномъ отношеніи, низшая юстиція осталась за феодалами и хотя они, какъ напр., въ Италіи, дѣйствовали подъ контролемъ государственной власти, но произволъ въ этой области управленія принималъ иногда вопіющій характеръ, даже еще въ концѣ XVIII столѣтія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ современникъ такихъ порядковъ, Гаэтано Филанджіери. Да и государственное правосудіе не было свободно отъ подобныхъ же недостатковъ. Принципъ силы и произвола выразился и здѣсь весьма явственно. Судьи не пользовались самостоятельностью, а были чиновниками, творившими волю тѣхъ лицъ, отъ которыхъ они зависѣли. Судопроизводство имѣло инквизиціонный характеръ; оно было тайное и письменное. Такъ какъ личность человѣка сама по себѣ значенія не имѣла, то о судьбѣ ея и не заботились особенно. На обвиняемаго смотрѣли, какъ на сред-

1) Законъ можетъ быть иногда выраженіемъ только личной воли, и притомъ случайной; право же есть выраженіе незыблемыхъ, коренящихся въ сознаніи націи, началъ справедливости. Въ Англіи, напр., законовъ очень мало, но право царитъ надо всѣмъ.

Digitized by Google

ство для достиженія разныхъ, иногда даже и личныхъ цѣлей. Достаточно было взвести на кого либо хотя бы и отдаленныя только подозрѣнія,—его брали, сажали на неопредѣленное время въ темницу, имѣвшую нерѣдко видъ каменной могилы, безъ свѣта и воздуха, и даже пытали. Уничтожить всѣ остатки прежняго строя королевская власть сама по себѣ не могла. Дѣло это совершила другая сила, развившаяся вмѣстѣ и въ союзѣ съ этою властью—изъ общинъ. Появилось то, что̀ принято называть третьимъ сословіемъ, но что̀ на самомъ дѣлѣ есть представитель не сословныхъ, а, напротивъ, безсословныхъ общенародныхъ силъ—духовныхъ и матеріальныхъ,—представитель національнаго труда, какъ основы государственнаго могущества и «залога домашняго благополучія и блага общественнаго», какъ выразилъ это нашъ царь-освободитель (маниф. 19 февр.). Съ появленіемъ его не могли уже существовать ни феодализмъ, ни рабство. Явился *гражданинъ*, носитель правъ, и долженъ былъ исчезнуть феодалъ, представитель произвола. Смѣнилась личность—долженъ былъ смѣниться и жизненный строй, служившій лишь отраженіемъ личности.

И, дѣйствительно, новый строй открывается отмѣной рабства. Ко времени появленія его такъ ярко обозначилось несоотвѣтствіе рабства всѣмъ законамъ, божескимъ и человѣческимъ, что уничтоженіе его произошло безъ всякихъ насилій, даже съ согласія самихъ рабовладѣльцевъ. Признано было, что каждый человѣкъ свободенъ отъ рожденія и что всѣ люди одинаково равны предъ закономъ, какъ и предъ Богомъ. Это — краеугольный камень новаго строя, всѣ особенности котораго вышли изъ этого источника. Всѣ люди равны—слѣдовательно, не должно быть сословій, этихъ кастъ новаго времени. Каждому человѣку, какъ свободному и равному другимъ, естественно принадлежитъ право распоряжаться своими благами, духовными и матеріальными, т. е. каждый человѣкъ сдѣлался правовымъ субъектомъ, гражданиномъ, такъ какъ сущность права есть власть распоряжаться своими благами. Внѣ блага право не имѣетъ значенія. Блага же принадлежатъ или каждой личности отдѣльно, или совокупности личностей, какъ напр., пути сообщенія, школы, разные союзы и организаціи, какъ общественныя, такъ и государственныя. Завѣдываніе этими благами, т. е. участіе народа въ общественныхъ и государственныхъ дѣлахъ, влечетъ за собою то, что весь общественный и государственный порядокъ служитъ вѣрнымъ выраженіемъ потребностей народа. Законъ есть выраженіе уже не желанія и воли одного лица, а мудрости всей націи; онъ теряетъ характеръ случайности и представляетъ собою незыблемыя начала справедливости и нравственности. Водворяется пра-

Digitized by Google

вовой порядокъ, подъ защитой котораго только и возможно развитіе національнаго могущества—всѣхъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ народа. Вотъ основныя черты новаго жизненнаго строя; онъ не только не имѣетъ ничего общаго съ прежнимъ, но составляетъ полную противоположность ему. Изъ прежняго въ новый строй перешелъ союзъ короля съ гражданиномъ, но союзъ этотъ былъ не принадлежностью прежняго порядка, а средствомъ для борьбы съ нимъ. Въ союзѣ между собою король и гражданинъ побѣдили феодальное безначаліе, а затѣмъ установили и теперь поддерживаютъ правовой порядокъ.

Соотвѣтственно новому строю, и судъ совершенно измѣнилъ свой прежній видъ и характеръ. Такъ какъ правосудіе касается самыхъ дорогихъ благъ человѣка: его жизни, чести, свободы и имущества, то поэтому уже совершенно понятно участіе выборныхъ отъ общества въ судѣ. Такъ какъ блага эти принадлежатъ всѣмъ гражданамъ, безъ различія сословій, то и выборъ въ судъ производится также безъ различія сословій. Вотъ эти двѣ особенности новаго суда—выборъ изъ общества и безсословность—суть основныя свойства его. Ими, какъ двумя рукавами, судебное развѣтвленіе государственной власти входитъ въ общее теченіе государственной національной жизни, получаетъ оттуда жизненные соки и разноситъ ихъ, какъ кровеносный сосудъ, по всему организму. Этими рукавами судебная власть прикрѣпляется къ самому фону новаго строя европейскихъ народовъ и отдѣлить ихъ отъ этого фона нельзя безъ поврежденія послѣдняго. Если же отдѣлить, то судъ опять обратится въ чиновничій апаратъ и будетъ содержать въ себѣ и разносить по организму, можетъ быть, не жизненные уже соки, не знанія и чистыя убѣжденія, а что нибудь менѣе питательное, въ родѣ, наприм., чиновничьяго «умѣнья», въ столь разнообразныхъ его видахъ... Эти же особенности новаго суда,—какъ это мы укажемъ нѣсколько подробнѣе ниже,—обезпечиваютъ въ самой высокой степени и тѣ техническія свойства судебной власти, которыя необходимы для правильнаго отправленія правосудія: *независимость* и *опытность* въ пониманіи жизненныхъ явленій, къ которымъ относятся и судебныя дѣла. Таковыя свойства обусловливаются выборностью судей и *безпристрастіемъ*, обезпечиваемымъ безсословностью ихъ, устраняющею изъ правосудія всякіе кастовые предразсудки и счеты. Только при этихъ же особенностяхъ новаго суда получаютъ полное свое значеніе устность и гласность, состоящія не въ томъ, чтобы публика видѣла отправленіе правосудія, а въ томъ, чтобы она понимала его; пониманіе же возможно только при полномъ *выясненіи всѣхъ основаній для правильнаго рѣшенія дѣла*, а это

Digitized by Google

выясненіе болѣе всего обезпечивается присутствіемъ въ судѣ выборныхъ судей. Особенности же эти принадлежатъ только суду присяжныхъ. Ошибочно было бы думать, что онѣ свойственны также и суду шеффеновъ. Шеффены засѣдаютъ и обсуждаютъ дѣло вмѣстѣ съ коронными судьями и сравнивать ихъ съ судомъ присяжныхъ—это,—по мнѣнію столь компетентнаго представителя науки, какъ Глазеръ,—было бы все равно, что сравнивать коронный судъ съ присяжнымъ, такъ какъ шеффены всегда будутъ находиться подъ вліяніемъ коронныхъ судей.

Но, благодаря главнымъ образомъ упомянутымъ особенностямъ суда присяжныхъ, послѣднему придается иногда совершенно не свойственное ему значеніе политическаго учрежденія. Такое мнѣніе, очевидно, основано на смѣшеніи понятій: политическое значеніе и политическое учрежденіе. Политическое значеніе имѣетъ каждое учрежденіе, которому довѣрена какая либо часть государственной власти, потому что послѣдняя всегда имѣетъ политическое значеніе, въ какой бы области управленія ни проявлялась, но самое учрежденіе носитъ названіе по тѣмъ ближайшимъ задачамъ, которыя оно преслѣдуетъ, и потому судъ присяжныхъ никакъ иначе и названъ быть не можетъ, какъ судебнымъ учрежденіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣетъ и политическое значеніе, какъ напр., имѣютъ его отчасти и волостной судъ, и контрольная палата, и губернское правленіе, и проч.

Между тѣмъ, придавая суду присяжныхъ значеніе политическаго учрежденія, противники его подбирали и соотвѣтственныя этому причины его появленія. Говорится, что онъ введенъ усиліями партій извѣстнаго политическаго оттѣнка,—указывали на него иногда даже, какъ на «дѣтище революціи». Доводы эти были одними изъ самыхъ опасныхъ для суда присяжныхъ, особенно въ первое время появленія его, напр., въ Германіи, пока на съѣздѣ въ Любекѣ, въ 1847 г., они не были отвергнуты. Но и послѣ того, напр., у насъ въ Россіи, такіе взгляды продолжали высказываться («Судъ и полиція», В. Фукса) и могутъ производить свое дѣйствіе. Поэтому не безполезно имѣть въ виду истинныя причины появленія новаго жизненнаго строя и, какъ необходимой составной части его, суда присяжныхъ.

Если этотъ строй свойственъ только христіанскимъ народамъ, то и причину его естественно относить къ христіанству же. Ни философія вообще, ни идея права въ частности, ни тѣмъ болѣе революція, которая служитъ только средствомъ для достиженія цѣли, сами по себѣ не могли создать его. Философія достигала высокаго развитія и у древнихъ народовъ, но не придала значенія человѣ-

Digitized by Google

ческой личности — рабство царило въ полной своей силѣ. И идея права, столь сильно развитая у римлянъ, не спасла человѣчество отъ угнетенія, не превратила раба въ гражданина. Да право и по природѣ своей имѣетъ охранительное значеніе, но не созидающее. Нужна была болѣе могучая, животворящая сила для кореннаго измѣненія жизни человѣчества—и этою силою только и могла быть религія, потому что только религія правитъ душами людей, а слѣдовательно и ихъ жизнью. Только ученіе любви и братства могло уничтожить рабство—основу прежняго строя и создать равенство всѣхъ людей—основу новаго. Эта мысль очень метко и широко выражена еще у Д. Леви (*Альваресъ*, «Nouveaux Elements d'Histoire générale», 254), который, основываясь на изслѣдованіяхъ Шатобріана («Etudes historiques») и Флёри («Histoire de l'Eglise»), говоритъ: «Христіанство раздѣляетъ исторію человѣческаго рода на двѣ различныя части. Отъ сотворенія міра до Р. Х.—это общество рабовъ съ неравенствомъ людей между собою, неравенствомъ мужчины и женщины; отъ Р. Х. до нашего времени—это общество съ равенствомъ людей между собою, съ равенствомъ мужчины и женщины. Это общество безъ рабовъ или, по крайней мѣрѣ, безъ принципа рабства. Провозгласивъ евангеліе, І. Х. оставляетъ свой крестъ на землѣ; это памятникъ новой цивилизаціи. Отъ подножія этого креста, водруженнаго въ Іерусалимѣ, отправляются двѣнадцать законодателей, бѣдныхъ и нагихъ, съ посохомъ въ рукѣ, поучать народы, измѣнить и обновить лицо земли. Изгоняя чувственность, любовь къ богатству, всѣ низкія страсти,— возвѣщая за гробомъ жизнь болѣе важную по своей вѣчной продолжительности, чѣмъ всѣ блаженства земныя, христіанство привлекло къ себѣ всѣхъ тѣхъ, кто сохранилъ чувство человѣческаго достоинства».

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, что̀ именно способствовало проведенію въ жизнь ученія любви и милосердія: вѣра ли только въ загробную жизнь, или также страхъ быть наказаннымъ и въ этой жизни—даже тотъ суевѣрный страхъ, о которомъ, напр., говоритъ Тэнъ («Происхожденіе общественнаго строя современной Франціи», 11 и др.),—или преклоненіе предъ величіемъ и чистотой христіанской идеи, проявляемое въ философской области, или еще и другія причины. Мы отмѣчаемъ только то положеніе, что преобразовательницей жизни христіанскихъ народовъ была религія.

И, дѣйствительно, сто̀итъ только оглянуться на прошлую жизнь этихъ народовъ и взять хотя нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся явленія ея, чтобы убѣдиться, что самыя глубокія перемѣны въ ней были произведены именно христіанствомъ и что перемѣны эти состояли въ разрушеніи стараго строя и созданіи новаго. Такъ, «Божье

Digitized by Google

перемиріе» (Trêve de Dieu), установленное среди безпросвѣтнаго варварства и произвола феодализма, отняло у разбоя и грабежа изъ 7 дней недѣли 4½ дня, въ теченіе которыхъ слабый пользовался безопасностью отъ нападеній сильнаго, находясь подъ защитой ученія любви и милосердія. То же ученіе преобразило хищнаго феодала въ благороднаго христіанскаго рыцаря. Къ концу XI вѣка оно пріобрѣтаетъ уже такую силу, что поднимаетъ почти весь христіанскій міръ на борьбу съ исламомъ [1]). Это было торжество духа надъ матеріей. Въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій европейскіе народы, томясь жаждой освобожденія гроба Господня, приносили всѣ свои блага въ жертву для достиженія этой цѣли. Ни опасности, ни страданія, ни потеря имущества—ничто не удерживало крестоносцевъ, стекавшихся изъ разныхъ странъ, иногда совершенно невѣдомыхъ. «Высаживаются,— свидѣтельствуетъ французскій лѣтописецъ,—въ наши порты варвары неизвѣстно изъ какого народа. Никто не понимаетъ ихъ языка; слагая пальцы въ формѣ креста, они дѣлаютъ знакъ, что хотятъ идти на защиту христіанской вѣры». (*Bordier* et *Charton*, t. I, 246). Это торжество религіи духа надъ чувственными и матеріальными благами сопровождалось пробужденіемъ всѣхъ духовныхъ силъ человѣка. Начинается возрожденіе наукъ и искусствъ, учреждаются университеты въ Парижѣ, Падуѣ, Оксфордѣ, Кембриджѣ, Краковѣ и др. мѣстахъ,—училище правъ въ Болоньѣ еще въ 1200 г. имѣетъ уже до 10,000 студентовъ изъ всѣхъ земель Европы; появляются компасъ, книгопечатаніе, открывается новый свѣтъ; выступаютъ блестящіе представители по народившимся отраслямъ знанія и искусства; но главная, самая величественная борьба за права человѣческаго духа происходитъ опять таки въ области религіи, какъ центральной жизненной области. Ее ведутъ Виклефъ, Гусъ, Лютеръ и др. богатыри духа, и вотъ только послѣ того, какъ вошли въ жизнь результаты ихъ дѣятельности,—послѣ признанія на Вестфальскомъ конгрессѣ свободы совѣсти, основнаго закона духовной дѣятельности человѣка,—падаетъ тяготѣвшій еще надъ послѣднею гнетъ запрещенія, а скоро затѣмъ, въ слѣдующемъ столѣтіи, появляется въ ослѣпительномъ блескѣ новая свободная философія, а съ нею и новый жизненный строй.

Есть мнѣніе, что всеобщая любовь и братство между людьми неосуществимы и что стремиться къ этому могутъ только одни ме-

[1]) Наши предки, относившіеся къ крестовымъ походамъ съ такимъ же настроеніемъ, какъ и другіе христіанскіе народы, не могли однако же принять въ нихъ участіе, такъ какъ заняты были борьбой съ другими азіатами—половцами. (*Иловайскій*. «Ист. Россіи», т. I, 182).

Digitized by Google

чтатели. Но развѣ осуществимо, напр., хотя бы только всеобщее матеріальное довольство между людьми, не говоря уже о счастьѣ и пр.? И, однако же, всякій въ жизни своей стремится къ этому, и такое стремленіе не назовутъ стремленіемъ мечтателя. Въ чемъ тутъ вопросъ? Что ничто безусловное недостижимо? Это давно извѣстно и рѣчь можетъ идти не о безусловномъ, а только о возможномъ для силъ человѣка. Всеобщія любовь и братство, какъ и божескія совершенства—недосягаемый идеалъ, но къ нему всегда должно стремиться человѣчество, и каждый шагъ впередъ на этомъ пути, какъ показываетъ и прошлая жизнь народовъ, есть шагъ самаго чистаго и высокаго прогресса. Каждое учрежденіе и каждое мѣропріятіе, касающіяся человѣка, только тогда будутъ плодотворны и жизненны, когда будутъ проникнуты свѣтомъ и теплотой духовнаго солнца народовъ—христіанской любви. Иначе, что же останется въ жизни, кромѣ мертвящаго эгоизма и непріязни [1])?

[1]) Для правильнаго пониманія силы христіанства въ дѣлѣ преобразованія человѣчества, слѣдуетъ имѣть въ виду тѣ жизненныя условія, среди которыхъ оно появилось. Въ этихъ условіяхъ заключалось то зло, въ борьбу съ которымъ, ради спасенія человѣчества, прежде всего вступила религія. Христіанство появилось въ еврействѣ—въ этой исключительной и единственной въ исторіи человѣчества средѣ. Съ перваго же момента появленія евреевъ въ исторіи, ихъ неизмѣнными свойствами, которыми они постоянно руководились въ своей жизни, были: лживость, хищничество и жестокосердіе, выражавшееся особенно въ мстительности. Это тѣ самыя свойства, вслѣдствіе которыхъ у нихъ дозволялось сыну обманывать даже отца, мужу—защищаться отъ опаснаго противника красотой жены, а всѣмъ и каждому лукавить даже предъ Богомъ; свойства, за которыя ихъ всегда ненавидѣли и презирали всѣ народы, даже соплеменные имъ; свойства, противъ которыхъ боролись пророки (напр., Исаія, гл. 28, ст. 5, Іеремія, 4—22, 8—3, Осія, 4—2, и др.,—Библія, переводъ съ еврейскаго текста) и противъ которыхъ въ послѣднее время, можетъ быть, подъ вліяніемъ угрожавшихъ обстоятельствъ, высказались лучшіе люди еврейства (манифестъ германскихъ раввиновъ); свойства, вслѣдствіе которыхъ они, какъ говоритъ апостолъ Павелъ: «убили и Господа Іисуса, и его пророковъ, и насъ изгнали, и Богу не угождаютъ, и всѣмъ человѣкамъ противятся» (Первое посланіе къ Ѳессалон., гл. 2, ст. 15). И вотъ когда появилось христіанство, еврейство признало въ немъ противника болѣе грознаго, чѣмъ самые страшные враги земные. Варраву оно освободило, Христа же распяло. Завязалась борьба на жизнь и смерть. Исходъ ея былъ бы несомнѣненъ—тѣмъ болѣе, что и въ средѣ самого еврейства появилось теченіе, противное ему (Renan, Histoire du peuple d'Israël, t. 4, chap. 12 и др.), но евреи были изгнаны и разсѣяны. Борьба стала невозможной. Еврейство перестало быть силой; оно было раздроблено и поставлено въ безпомощное положеніе, которое, благодаря его свойствамъ, вызывало и презрѣніе. И только теперь, послѣ того какъ въ концѣ прошлаго столѣтія великодушнымъ порывомъ христіанскаго сердца снятъ былъ съ нихъ гнетъ, еврейство опять собирается съ силою, проникнутое тѣми же самыми свойствами. Борьба опять начинается, и мы присутствуемъ только при первыхъ ея проявленіяхъ, но должно ожидать проявленій болѣе грозныхъ, потому что

Digitized by Google

Что для появленія новаго строя не было необходимости въ тѣхъ революціонныхъ насиліяхъ, которыя развились потомъ во Франціи и много зависѣли отъ мѣстныхъ условій, указываетъ, между прочимъ, исторія самой же Франціи, гдѣ собственно смѣна стараго порядка новымъ произошла по взаимному согласію сословій, въ августѣ 1789 года, когда революціонныя страсти не были еще разнузданы; но особенно это подтверждается исторіей другихъ государствъ Европы, въ которыхъ появленіе новаго строя совершилось или съ незначительными насиліями, или даже и совсѣмъ безъ нихъ.

Послѣднее явленіе нашло себѣ мѣсто и въ Россіи. Старый строй нашего отечества былъ въ сущности такой же, какъ и на западѣ. То же рабство внизу, тѣ же недостатки, сопровождающіе рабство, вверху. Наши прежніе суды, основанные на сословномъ началѣ, такъ были далеки отъ правосудія и вселили къ себѣ такое недовѣріе населенія, что оно и до сихъ поръ боится обращаться къ судебной власти.

И сущность новаго строя въ Россіи не могла быть другою, чѣмъ на западѣ. Только, пожалуй, съ бо́льшей еще силой подтвердилась у насъ необходимость смѣны прежняго порядка. Въ теченіе всего нѣсколькихъ лѣтъ, новыя реформы совершенно измѣнили внутренній строй громаднѣйшей имперіи, со 100-милліоннымъ населеніемъ. Такая волшебная сила преобразованій только и можетъ быть объяснена полнымъ соотвѣтствіемъ ихъ съ назрѣвшими уже потребностями народа; самыя же преобразованія, а равно всѣ вообще дѣйствія царя-освободителя, какъ великаго вождя духовныхъ силъ народа,—начиная съ отмѣны рабства и кончая войною, предпринятою также для защиты угнетеннаго человѣчества,—проникнуты именно духомъ христіанской цивилизаціи, той идеей, что званіе человѣка есть,—говоря словами поэта,—«святѣйшее изъ званій». Поэтому-то результаты преобразованій и были такъ всеобъемлющи.—Обративъ подданнаго изъ раба въ гражданина и положивъ твердыя основы для установленія правоваго порядка, путемъ преобразованій въ областяхъ административной и судебной, великій государь обратилъ свои заботы на развитіе духовныхъ силъ народа и матеріальныхъ средствъ его—на укрѣпленіе внутреннихъ силъ государственнаго «орла»—тѣмъ болѣе, что при этомъ только условіи могутъ быть сильны клювъ и когти его—т. е. внѣшнее военное могущество, какъ это и подтверждено было, напр., тяжелымъ опытомъ крымской войны.

до тѣхъ поръ, пока еврейство не отречется отъ упомянутыхъ свойствъ своихъ и не будетъ жить по правиламъ нравственности, какъ живетъ все человѣчество, оно будетъ вѣчнымъ врагомъ не только христіанскихъ, но и всѣхъ другихъ народовъ.

Digitized by Google

Развитіе гражданственности—самое дѣйствительное и притомъ единственное средство для поднятія національныхъ силъ. На это именно средство и указывалъ государь въ своей рѣчи, обращенной къ войску донскому, видя своимъ заботливымъ и проницательнымъ взоромъ необходимость поддержать благосостояніе этого края, который и теперь, какъ сотни лѣтъ тому назадъ, настраивается все на боевой ладъ, хотя вражескія границы отодвинуты уже за тысячи верстъ, а между тѣмъ на такое настраиваніе уходятъ всѣ силы края.

Сопоставленіе изложенныхъ выше данныхъ приводитъ къ убѣжденію, что судъ присяжныхъ у народовъ континента имѣетъ подъ собой историческую почву и что явился онъ не какъ выдуманное учрежденіе, а какъ *необходимая составная часть новаго жизненнаго строя*, созданнаго христіанствомъ.—Нѣтъ также ничего случайнаго и въ томъ, что онъ появился одновременно у всѣхъ народовъ. Это объясняется тою тѣсною солидарностью, въ которой жили и живутъ между собою всѣ европейскіе народы. Не говоря уже о новомъ и особенно послѣднемъ времени, когда духовные и матеріальные интересы ихъ сплелись, какъ кровеносные сосуды одного и того же тѣла,—съ самаго появленія этихъ народовъ въ исторіи, жизнь ихъ шла подъ непрерывнымъ взаимнымъ вліяніемъ, и притомъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ имъ даже приходилось испытывать на себѣ дѣйствіе такого сильнаго фактора, какъ одно и то же государственное управленіе—сначала римской имперіи, затѣмъ имперіи Карла Великаго и Оттона I-го. Въ то же время, еще съ большею силою, дѣйствовала объединяющая власть церкви; затѣмъ имѣли свою долю вліянія: общая борьба съ исламомъ, развитіе наукъ, искусствъ, смѣшеніе племенъ и проч. Но впереди всѣхъ этихъ причинъ, объединяющихъ европейскіе народы, какъ одна изъ самыхъ сильныхъ, стоитъ ихъ общее арійское происхожденіе и общій, свойственный только имъ духовный строй, благодаря высотѣ котораго только къ нему и привилось христіанство. Какъ трудно иногда разбираться, что̀ именно изъ общаго достоянія европейскихъ народовъ принадлежитъ въ частности кому нибудь изъ нихъ,—можно видѣть изъ того, что судъ присяжныхъ, въ первоначальной формѣ своей, перешелъ въ Англію изъ Франціи же (*Фойницкій*: «Судопроизводство», стр. 42); но въ подобной же формѣ онъ существовалъ и въ другихъ странахъ, напр., въ Германіи и въ Россіи (Судные мужи, или выборные «добрые люди»—*Фойницкій*, ibid., 50; *Случевскій*, «Судопр.», 182; *Иловайскій*: «Исторія Россіи», т. 2, 374 и 375). Поэтому едва ли правильно мнѣніе, что судъ присяжныхъ, перенесенный изъ Англіи на континентъ, оказался въ чуж-

Digitized by Google

дыхъ ему условіяхъ жизни. Представляется болѣе правильнымъ думать, что всѣ арійскіе народы Европы живутъ въ однородныхъ условіяхъ и идутъ къ своему далекому идеалу однимъ и тѣмъ же путемъ,—только одни ушли впередъ, другіе значительно поотстали...

II.

Отъ этихъ общихъ положеній мы перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ техническихъ особенностей суда присяжныхъ—въ кругѣ дѣятельности его, какъ учрежденія, приспособленнаго къ рѣшенію судебныхъ дѣлъ,—тѣхъ особенностей, которыми главнымъ образомъ обусловливаются нападки на это учрежденіе. При обозрѣніи ихъ оказывается, что самыя существенныя изъ этихъ особенностей относятся не къ самому составу суда присяжныхъ, не къ личнымъ свойствамъ этихъ судей, а къ законодательнымъ постановленіямъ, опредѣляющимъ ихъ дѣятельность. Но обыкновенно это смѣшивается, и всѣ нападки направляются не на законодательную власть, а на присяжныхъ засѣдателей. Не говорятъ, что слѣдуетъ пересмотрѣть законодательныя опредѣленія—для выясненія: правильно ли поставлена дѣятельность суда присяжныхъ, согласована ли она съ принципами дѣятельности судебной власти вообще, а прямо указываютъ, что такъ какъ рѣшенія присяжныхъ неправильны, то и самое это учрежденіе, какъ форма суда, никуда не годится, причемъ, смѣшивая понятіе учрежденія съ понятіемъ личнаго состава, объясняютъ, почему не годится:—а именно потому, что это-де судъ «улицы»,—неподготовленныхъ къ судебной дѣятельности людей. О томъ же, что само учрежденіе неправильно поставлено и потому именно личный составъ его дѣйствуетъ неудовлетворительно—обыкновенно умалчивается.

Недостатки въ дѣятельности суда присяжныхъ настолько значительны, что на нихъ указываютъ не одни только противники этого учрежденія, но и лица, въ сочувственномъ отношеніи которыхъ къ суду присяжныхъ, вообще, не можетъ быть сомнѣній. Такъ, еще въ 1884 году, при разсмотрѣніи въ сенатѣ дѣла Мельницкихъ, столь извѣстный юристъ, какъ В. Д. Спасовичъ, высказалъ, что «*институтъ присяжныхъ засѣдателей боленъ, серьезно боленъ. Худую услугу оказываютъ ему его льстецы и хвалители, распинающіеся за его непогрѣшимость*; лѣчить его надо энергически и немедленно, такъ какъ болѣзнь уже давно существуетъ и запущена, а *дальнѣйшее ея запущеніе можетъ довести до необходимости ампутаціи*».

Ампутація дѣйствительно совершается, хотя и постепенно: все болѣе и болѣе урѣзывается кругъ вѣдѣнія присяжныхъ и ихъ зна-

Digitized by Google

ченіе. Но зло остается то же самое. И происходитъ это оттого, что всѣ мѣры направляются не на самую болѣзнь, а на внѣшнія ея проявленія,—не на причину, а на послѣдствія. Отзовется боль въ одномъ членѣ—его ампутируютъ, отзовется въ другомъ—отрѣжутъ и этотъ, а самая болѣзнь остается не тронутою, между тѣмъ какъ, еслибы исцѣлить ее, не было бы надобности и въ ампутаціяхъ.

Мы бы вотъ и хотѣли, пользуясь многолѣтними наблюденіями за дѣятельностью присяжныхъ, высказать свое мнѣніе: какимъ образомъ могла бы быть устранена эта болѣзнь. Но прежде всего нужно опредѣлить послѣднюю—только тогда возможно и лѣченіе—опредѣлить ее, не скрывая опасности, потому что только при этомъ условіи можно соразмѣрить съ нею средства исцѣленія.—Притомъ же нѣкоторые потому и принадлежатъ къ числу противниковъ суда присяжныхъ, что передъ ними не выяснено истинное значеніе недостатковъ этого учрежденія.

Исполненіе присяжными засѣдателями своихъ обязанностей есть служба: по положенію лицъ, несущихъ ее, служба общественная; по существу же своему — государственная, потому что правосудіе — государственное дѣло. Присяжнымъ, какъ представителямъ общества, призваннаго къ завѣдыванію мѣстными дѣлами, дана частица судебной власти, какъ частицы административной власти даны земству и городскимъ установленіямъ. Но, возложивъ на присяжныхъ долгъ служенія правосудію, законодатель не установилъ для нихъ отвѣтственности, какъ гарантіи правильности исполненія долга. Правда, въ присягѣ ихъ говорится: «долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ его», но отвѣтственность предъ закономъ сводится на самомъ дѣлѣ только къ отвѣтственности за подкупъ, составляющій сравнительно небольшой уголокъ области неправосудія. Между тѣмъ возможны, напр., умышленно неправильное осужденіе невиннаго, или обвиненіе виновнаго въ бо́льшемъ, чѣмъ слѣдовало бы, преступленіи, вслѣдствіе личныхъ какихъ либо счетовъ, или произвольное оправданіе завѣдомо виновнаго, и т. п. Подобныя нарушенія остаются внѣ провѣрки со стороны закона, такъ какъ закрыты тайною совѣщаній присяжныхъ и невозможностью провѣрить доказательства, на основаніи которыхъ постановляется ихъ рѣшеніе. Отвѣтственность предъ Богомъ и совѣстью—недосягаема для земной власти. Полагаться же на то, что присяжные будутъ правильно дѣйствовать, творя правосудіе ради правосудія, какъ добро для добра,—законодатель не можетъ. Это — идеалъ, который могъ бы быть осуществленъ развѣ только при полномъ господствѣ между людьми начала добра, чего нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Digitized by Google

Оставленіе дѣятельности присяжныхъ засѣдателей безъ отвѣтственности стоитъ въ противорѣчіи съ самыми основами человѣческаго общежитія—съ понятіями права и долга. Никакая дѣятельность,—разъ она выходитъ за предѣлы единичнаго человѣка и касается другихъ,—немыслима безъ отвѣтственности. Это относится одинаково какъ къ частной, такъ и къ правительственной дѣятельности. Еслибы каждый не отвѣчалъ за свои дѣйствія предъ закономъ, права другихъ лицъ не уважались бы и совмѣстная жизнь людей стала бы невозможной. Положеніе это вполнѣ подтверждается и понятіемъ долга, который, какъ сказано, возложенъ и на присяжныхъ и который, по самому существу своему, немыслимъ безъ отвѣтственности. Понятіе это сложное. Начинается оно съ понятія права и обязанности. Давно уже признано, что право немыслимо безъ обязанности и что это—двѣ стороны одной и той же медали. Сообразно значенію присяжныхъ, какъ правящаго элемента, мы бы сказали, что это—двѣ стороны одного и того же правящаго жезла. На одной сторонѣ — право, на другой — обязанность. Право есть власть, обязанность—подчиненіе. Право, какъ выраженіе дѣятельныхъ силъ человѣка, ихъ борьбы, пріобрѣтеній, жизненнаго огня,—дѣйствуетъ поступательно относительно постороннихъ правъ, требуя себѣ признанія и уваженія,—обязанность требуетъ уваженія къ постороннимъ правамъ. Право—это мое личное я (единичность) въ обществѣ и государствѣ; обязанность—это общество и государство (ихъ потребности) во мнѣ. Право безъ обязанности немыслимо, ибо оно переходитъ въ произволъ и влечетъ за собою безправіе. Обязанность безъ права получаетъ характеръ вынужденной необходимости признавать чужія права, не имѣя своихъ,—т. е. характеръ только что упомянутаго безправія, рабства. Такимъ образомъ, если разомкнуть эти два начала (право и обязанность), получаются произволъ и безправіе. Только въ сомкнутомъ состояніи они взаимно уравновѣшиваются, и тамъ, гдѣ примиряются и соединяются эти двѣ противоположности, тамъ свѣтится справедливость. Какая же сила соединяетъ ихъ и держитъ въ сомкнутомъ состояніи?—Отвѣтственность. Только отвѣтственность укрощаетъ произволъ—препятствуетъ дѣйствовать во вредъ другимъ правамъ, заставляя держаться предѣловъ своего права, опредѣляемыхъ обязанностью; только она же заставляетъ исполнять свои обязанности, въ предѣлахъ своего права, препятствуя имъ (обязанностямъ) съуживаться во вредъ чужимъ правамъ. Соединеніе всѣхъ этихъ трехъ началъ: права, обязанности и отвѣтственности—образуетъ ту силу, которая называется долгомъ: служебнымъ, гражданскимъ—все равно. Долгъ немедленно распадется, если разъединить эти начала, и только при

Digitized by Google

соединеніи ихъ, уравновѣшенный ихъ взаимнымъ вліяніемъ, онъ можетъ исполнить свое высокое назначеніе въ правовомъ обществѣ—быть органомъ правящаго начала, т. е. закона, справедливости.

Но въ дѣятельности присяжныхъ, какъ сказано уже, недостаетъ отвѣтственности, а потому естественнымъ послѣдствіемъ этого долженъ быть произволъ. И, дѣйствительно, главный недостатокъ въ дѣятельности присяжныхъ, вызывающій важныя нападки на этотъ судъ, заключается въ произвольныхъ оправданіяхъ. Не только уличеннымъ посторонними доказательствами, но даже иногда сознавшимся подсудимымъ выносятся оправдательные приговоры, и не по однимъ только незначительнымъ дѣламъ, а иногда и по важнымъ, обращающимъ на себя всеобщее вниманіе, какъ напр., по дѣламъ Свиридова, Мельницкаго и др. На такихъ дѣлахъ ярче, чѣмъ на менѣе важныхъ, выказывается значеніе правосудія, и потому, при неожиданныхъ и непонятныхъ оправданіяхъ, въ обществѣ естественно появляется безпокойство за устойчивость правоваго порядка, за личную и имущественную безопасность.

Какъ же выйти изъ этого положенія? Выходъ одинъ: поставить дѣятельность присяжныхъ засѣдателей, ради обезпеченія ея правильности, подъ охрану отвѣтственности—въ то естественное положеніе, въ которомъ находится всякая дѣятельность вообще и въ частности дѣятельность судей, назначаемыхъ правительствомъ,—т. е. сдѣлать функціи присяжныхъ доступными провѣркѣ и установить отвѣтственность ихъ не только за подкупъ, но и за всѣ вообще случаи неправосудія. Дѣятельность коронныхъ судей вся доступна провѣркѣ. Въ протоколъ судебнаго засѣданія записывается содержаніе всѣхъ показаній, даваемыхъ на судѣ, какъ и вообще весь ходъ судебнаго слѣдствія:—при написаніи отвѣта на вопросъ о виновности отмѣчается, какіе судьи подали голоса *за*, какіе *противъ* обвиненія, если рѣшеніе не единогласно; въ спорныхъ случаяхъ каждый судья можетъ изложить свое особое мнѣніе; приговоры суда обосновываются какъ съ фактической, такъ и съ юридической стороны, такъ что всегда можно опредѣлить, на основаніи какихъ данныхъ судьи постановили приговоръ—правильно ли они судили. Между тѣмъ никакая провѣрка невозможна относительно рѣшеній присяжныхъ засѣдателей. Содержаніе доказательствъ (словесныхъ) не записывается въ протоколъ и одно это уже лишаетъ возможности судить, правильно ли они рѣшили дѣло. Но затѣмъ, совѣщанія присяжныхъ хранятся въ тайнѣ, которую законъ запрещаетъ разглашать, и въ дѣлѣ не остается никакихъ слѣдовъ, кто подалъ обвинительный, кто оправдательный голосъ. Снимите эту

Digitized by Google

тайну—и дѣятельность присяжныхъ освѣтится и откроется для провѣрки. Уже одно выведеніе на свѣтъ почти всегда исцѣляетъ, потому что всякая неправильность боится свѣта. Если ужь признаётся невозможнымъ ввести единогласныя рѣшенія, пусть, при теперешней системѣ, присяжные отличаютъ собственноручно,—а за неграмотныхъ другіе, по ихъ просьбѣ:—кто изъ нихъ подалъ голосъ *за*, кто *противъ* обвиненія. Дѣлать это можно въ совѣщательной же комнатѣ, въ особомъ протоколѣ, и затрудненій никакихъ не представляется. А между тѣмъ, подписываясь подъ своимъ рѣшеніемъ, каждый присяжный живо будетъ чувствовать отвѣтственность за него. Нельзя уже будетъ прикрываться неизвѣстностью, кто подалъ тотъ или другой голосъ, и для присяжныхъ, не желающихъ, чтобы на нихъ падало какое либо нареканіе за неправильное рѣшеніе, съ которымъ они несогласны, будетъ законный выходъ изъ этого дѣйствительно щекотливаго и непріятнаго положенія. Занесеніе въ протоколъ засѣданія показаній лицъ, спрошенныхъ на судѣ, также не представитъ затрудненій. Вотъ и все существенное, что̀ нужно для выясненія отвѣтственности, еслибы возникъ вопросъ о ней. Опасаться частыхъ и неосновательныхъ случаевъ возбужденія преслѣдованій противъ присяжныхъ—нѣтъ никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что такія дѣла возбуждаются съ разрѣшенія правительствующаго сената, а жалобъ на неосновательныя возбужденія преслѣдованій никогда не было слышно даже и относительно лицъ, пользующихся меньшими гарантіями безпристрастія. Уничтоженіе тайной подачи голосовъ было бы только возстановленіемъ достоинства суда присяжныхъ. Тайна эта введена была впервые въ 1835 году во Франціи, подъ вліяніемъ исключительныхъ обстоятельствъ, «которыя,— говоритъ Миттермайеръ («Судъ присяжныхъ въ Евр. и Ам.», 318—319),—породили столько покушеній на жизнь короля и привели къ обычаю, по которому политическая партія объявляла въ газетахъ имена присяжныхъ, подававшихъ голосъ за или противъ подсудимаго. Угрозы и порицанія сыпались на тѣхъ присяжныхъ, которые осмѣливались признать виновнымъ обвиняемаго въ политическомъ преступленіи. Нельзя отрицать, что при такихъ условіяхъ многіе присяжные дѣйствовали подъ вліяніемъ страха. Отчасти благодаря этимъ явленіямъ, отчасти вслѣдствіе всеобщаго негодованія, возбужденнаго возмутительнымъ убійствомъ съ помощью дьявольской машины, министрамъ удалось склонить большинство палаты въ пользу закона 1835 года. Этимъ закономъ, противорѣчащимъ обычаямъ всѣхъ тѣхъ странъ [1]), гдѣ

1) „Въ Англіи, Шотландіи и Америкѣ присяжнымъ было бы стыдно стѣ

Digitized by Google

существовали суды присяжныхъ, вводилась тайная подача голосовъ, которая стѣснила совѣщанія присяжныхъ, сообщила ихъ суду характеръ малодушія и робости, и, кромѣ того, законъ этотъ произвелъ множество другихъ вредныхъ послѣдствій, почему всѣ лучшіе французскіе публицисты сильно его не одобряютъ. Несомнѣнный вредъ этого постановленія виденъ уже въ томъ, что имъ была уничтожена моральная отвѣтственность присяжнаго предъ его согражданами въ дѣлѣ подачи голоса. При такомъ постановленіи, у присяжнаго отнимаются всѣ средства оправдать себя или доказать ложность слуховъ о причинахъ, породившихъ тотъ или другой приговоръ, а также сообщить вѣрныя свѣдѣнія о томъ, какова была подача голосовъ». Въ другомъ мѣстѣ того же сочиненія (стр. 119) Миттермайеръ такъ отзывается о законѣ 1835 г.: «Этотъ законъ предоставлялъ слабому человѣку полную свободу подавать голосъ даже противъ своего убѣжденія. Онъ положилъ конецъ необходимымъ совѣщаніямъ присяжныхъ и благодѣтельному обмѣну воззрѣній, и послужилъ причиной невѣрныхъ и несправедливыхъ приговоровъ». Такимъ образомъ, это—основная болѣзнь разсматриваемаго нами учрежденія.

Причиною введенія тайной подачи голосовъ была боязнь мести со стороны преступниковъ. Но, не говоря уже о томъ, насколько соотвѣтствуетъ достоинству государства бояться преступности и даже прятаться отъ нея подъ покровъ тайны,—какъ быть со свидѣтелями? Какое основаніе, при такихъ условіяхъ, требовать отъ нихъ нелицепріятныхъ показаній? Вѣдь положеніе свидѣтеля болѣе тяжелое и опасное, чѣмъ присяжнаго засѣдателя, потому что ему приходится разоблачать и уличать подсудимаго, а не высказывать только свое мнѣніе на основаніи этихъ уликъ, и притомъ свидѣтель—обыкновенно сосѣдъ подсудимаго, очень легко доступный мести какъ со стороны самого виновнаго, такъ и близкихъ ему лицъ. Слѣдовательно, если закрывать щитомъ тайны присяжнаго засѣдателя, то почему же лишать этой защиты свидѣтеля? Но тогда уже и все изслѣдованіе дѣла, начиная съ предварительнаго слѣдствія, необходимо было бы сдѣлать тайнымъ и даже отъ самого подсудимаго! Это воочію доказываетъ рѣзкую неправильность постановки суда присяжныхъ относительно тайны ихъ совѣщаній. Постановка эта соразмѣрена не съ достоинствомъ представителей власти, не съ порядочностью и мужествомъ гражданъ, а съ трусостью и низостью. Если такъ не должна быть поставлена вообще никакая служебная

сняться чѣмъ либо въ свободномъ изложеніи своихъ совѣщаній, а равно и въ оправданіи себя въ подачѣ того или другаго мнѣнія относительно подсудимаго". *Примѣч. Миттермайера.*

Digitized by Google

дѣятельность, то тѣмъ болѣе дѣятельность судей, имѣющихъ задачею—установлять въ обществѣ начала правды; правда же не во тьмѣ творится. Скрывать ее—значитъ вредить ей, ставить свѣтильникъ не на горѣ, а подъ горою.

Устраняя необходимость подробнаго обсужденія всѣхъ обстоятельствъ дѣла, тайна совѣщаній въ этомъ отношеніи находитъ себѣ вѣрнаго союзника въ принятой у насъ системѣ *не единогласія, а большинства голосовъ, и притомъ простаго.* Разъ получилось это большинство—какая надобность обсуждать дѣло? Вотъ причина, почему у насъ приговоры,—какъ справедливо замѣчаетъ профессоръ Владиміровъ («Судъ присяжныхъ», 144),—*являются результатомъ не обсужденія, а только баллотировки*, между тѣмъ какъ при системѣ единогласныхъ рѣшеній необходимо считаться съ каждымъ отдѣльнымъ мнѣніемъ и такимъ образомъ обсудить съ полною обстоятельностью весь матеріалъ судебнаго слѣдствія—исчерпать всѣ доводы какъ въ пользу обвиненія, такъ и въ пользу оправданія, такъ что дѣйствительно можно сказать, что система эта «есть высшая гарантія юстиціи, вѣнецъ правильнаго народнаго правосудія». (Ibid, 255). Тайну совѣщаній система единогласія устраняетъ только на половину—въ случаяхъ обвиненій, когда для всѣхъ ясно, что присяжные подали обвинительные голоса, но для возможности существованія этой системы имѣетъ безусловное значеніе собственно не тайна сама по себѣ, а то, что̀ скрывается теперь подъ тайной—безотвѣтственность, которая при единогласіи принесетъ еще бо̀льшій вредъ, чѣмъ при системѣ большинства. Во Англіи, гдѣ принята система единогласныхъ рѣшеній, отвѣтственность присяжныхъ поставлена на очень крѣпкія и широкія основы: «Острая, безпощадная общественная критика, благодаря свободѣ слова, по отношенію къ приговорамъ присяжныхъ исполняетъ должность цензора и дѣлаетъ присяжныхъ отвѣтственными предъ собой, возбуждая вмѣстѣ съ тѣмъ въ народѣ участіе къ общественнымъ дѣламъ, чувство законности и уваженія къ гражданскому порядку». (Миттермайеръ, ibid., 111). Общественная же критика потому такъ и сильна, что между нею и государственною властью существуетъ неразрывное соотношеніе, и еслибы нашлись такіе присяжные, которые стали бы дѣйствовать вопреки общественному мнѣнію, вопросъ объ этомъ немедленно перешелъ бы въ надлежащія сферы власти.

Отвѣтственность предъ закономъ не можетъ служить ни въ какомъ случаѣ основательнымъ поводомъ къ опасеніямъ за независимость суда присяжныхъ—потому уже, что независимость эту нельзя поддерживать средствами, не соотвѣтствующими достоинству государственной власти—такими, напр., какъ тайна совѣщаній, когда правда

Digitized by Google

прячется, а трусость ставится на мѣсто мужества. Независимость суда присяжныхъ обезпечивается другими, вполнѣ соотвѣтственными средствами, которыхъ мы коснемся ниже.

Отсутствіе отвѣтственности при постановленіи судебныхъ рѣшеніи, намъ кажется, не соотвѣтствуетъ не только здравому смыслу, но и нравственности и справедливости. Во имя этихъ началъ мы ставимъ подъ охрану закона даже незначительныя блага человѣка; судьба же его остается безъ защиты. Нельзя повредить какой нибудь ничтожной чужой вещи безъ отвѣтственности, а разбить судьбу человѣка — можно? Это въ случаяхъ произвольныхъ обвиненій. При произвольныхъ оправданіяхъ, на мѣсто судьбы человѣка ставится подъ удары судьба закона и правомѣрнаго порядка.

Отвѣтственность, внесенная въ дѣятельность суда присяжныхъ, должна оказать на нее благотворное вліяніе. Можно надѣяться, что она призоветъ къ работѣ всѣ ихъ духовныя силы и вмѣсто рѣшеній «по впечатлѣнію» получатся рѣшенія «по убѣжденію»—сознáется необходимость дѣйствительно прилагать къ дѣлу «всю силу разумѣнія», какъ и говорится въ клятвѣ присяжныхъ. Этимъ будутъ поставлены крѣпкія защиты противъ самой важной причины неправильныхъ рѣшеній—произвола.

Но есть и другія причины, также очень важныя: онѣ путаютъ сознаніе присяжныхъ, затемняютъ пониманіе ими своихъ обязанностей, своего долга. На первомъ мѣстѣ здѣсь стоитъ невѣрное опредѣленіе предмета вѣдѣнія, а слѣдовательно и границъ дѣятельности присяжныхъ.

Для выясненія этого слѣдуетъ обратиться къ самымъ главнымъ моментамъ ихъ дѣятельности—къ вопросамъ, которые они рѣшаютъ. Въ вопросахъ заключается сущность всего дѣла, выраженная кратко и ясно; къ нимъ сводится все нужное слѣдствіе; они ставятся только для присяжныхъ и заключаютъ именно предметъ ихъ вѣдѣнія. Въ силу существующихъ правилъ, по каждому дѣлу и относительно каждаго подсудимаго ставится вопросъ, виновенъ ли онъ въ такомъ-то преступленіи, причемъ понятіе виновности расчленяется на три части: 1) совершилось ли событіе преступленія; 2) было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и 3) *должно ли быть вмѣнено ему въ вину* (754 ст. уст. уг. суд.). Такой трехчленный составъ вопроса неправиленъ. Послѣдняя часть его, *о вмѣненіи*, не можетъ входить въ вопросъ относительно каждаго подсудимаго. Только въ случаяхъ, строго опредѣленныхъ закономъ, когда есть указанія на причины невмѣняемости, должно ставить о нихъ вопросъ. Это *не общій вопросъ*, а *исключительный*, потому что, по общему правилу, каждый гражданинъ, достигшій извѣстнаго возраста, считается вмѣняемымъ,

Digitized by Google

пока противное не будетъ доказано. Поэтому, не только не должна быть доказываема относительно каждаго подсудимаго наличность вмѣненія, но въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда возникаетъ объ этомъ вопросъ, должна быть, напротивъ, доказываема *наличность невмѣненія*, и вопросъ объ этомъ выдѣляется изъ вопроса о виновности и ставится отдѣльно. Слѣдовательно, въ общемъ вопросѣ не должно быть и упоминаемо о вмѣненіи. Иначе выходитъ, что вопросъ этотъ заключаетъ въ себѣ и такую часть: должно ли быть преступленіе вмѣнено въ вину подсудимому, въ способности котораго ко вмѣненію никто не сомнѣвается и даже вопроса объ этомъ никто не возбуждаетъ? Притомъ же, для изслѣдованія вопроса о главныхъ случаяхъ невмѣняемости, въ нашемъ законодательствѣ установленъ особый порядокъ (353 и слѣд. ст. у. у. суд.), который и примѣняется только въ исключительныхъ случаяхъ — при наличности указаній на причины невмѣняемости, и безъ соблюденія котораго вопросъ о вмѣненіи не можетъ быть рѣшаемъ. Такимъ образомъ, послѣдняя часть общаго вопроса о вмѣненіи должна быть совершенно исключена изъ него. Остальныя затѣмъ двѣ части, если не возбуждается сомнѣнія въ наличности событія преступленія, сливаются въ одно и общій вопросъ получаетъ такую форму: *доказано ли, что такое-то дѣяніе совершено такимъ-то подсудимымъ?*—И такая постановка вопроса совершенно соотвѣтствуетъ существу дѣла и устраняетъ серьезныя затрудненія. Кромѣ вопроса о вмѣненіи, изъ общаго вопроса исключается и сложное понятіе: «виновенъ ли», влекущее за собою столько неясностей, къ числу которыхъ принадлежитъ и вопросъ о правѣ и фактѣ. Предѣлы дѣятельности присяжныхъ опредѣляются ясно и точно — это оцѣнка доказательствъ (событія преступленія и совершенія его извѣстнымъ лицомъ). Доказательства—вотъ единственный предметъ ихъ вѣдѣнія. Они именно выражаютъ собою въ судебномъ слѣдствіи бытовую сторону, представителями которой являются присяжные засѣдатели, такъ что предлагаемая постановка вопроса вполнѣ соотвѣтствуетъ идеѣ учрежденія этого суда—облеченія присяжныхъ властью не какъ людей, свѣдущихъ въ законѣ, а какъ людей жизненнаго опыта. Да, кромѣ доказательствъ, ничто другое вѣдѣнію присяжныхъ и подлежать не можетъ. Событіе преступленія и поведеніе подсудимаго—эти части вопроса вносятся въ судъ уже готовыми обвинительною властью, а присяжныхъ спрашиваютъ, доказано ли все это.

Послѣдствіемъ разсмотрѣнія доказательствъ является выясненіе, въ какомъ именно видѣ совершено событіе преступленія и въ какомъ именно соотношеніи съ этимъ событіемъ находилось поведеніе подсудимаго, т. е.—выясненіе картины преступленія. Каждое дока-

Digitized by Google

зательство—это ударъ кисти художника на полотнѣ. Какъ изъ такихъ ударовъ образуется дѣльная картина, такъ и изъ доказательствъ создается представленіе, какъ дѣйствовалъ виновный, совершая преступленіе. Слѣдовательно, все сводится къ доказательствамъ и «искусство процессуальное есть въ сущности ничто иное, какъ искусство управлять доказательствами». (*Владиміровъ*, ibid, 78). Такъ, въ одномъ мѣстѣ,—гдѣ также опредѣляется предметъ вѣдѣнія присяжныхъ,—смотритъ на этотъ вопросъ и наше законодательство—именно въ клятвенномъ обѣщаніи присяжныхъ засѣдателей, гдѣ говорится: «приложу всю силу разумѣнія моего къ тщательному разсмотрѣнію какъ обстоятельствъ, уличающихъ подсудимаго, такъ и обстоятельствъ, его оправдывающихъ»,—причемъ обстоятельствами дѣла называются доказательствами. Такимъ образомъ, въ предлагаемой формѣ главнаго вопроса (о частныхъ вопросахъ, какъ не имѣющихъ самостоятельнаго значенія, здѣсь говорить излишне) выражаются всѣ предметы, составляющіе содержаніе судебнаго слѣдствія: доказательства («доказано ли»), событіе преступленія («что такое-то дѣяніе») и дѣйствія подсудимаго относительно послѣдняго («совершено такимъ-то лицомъ»), и если не возникаетъ вопроса о вмѣненіи, то присяжныхъ больше и спрашивать не о чемъ въ главномъ вопросѣ.—На такой вопросъ отвѣтъ можетъ быть выраженъ только словами: да, доказано; или: нѣтъ, не доказано.

Упомянутое содержаніе судебнаго слѣдствія есть то, что̀ называется фактическою стороною дѣла, но, при разсмотрѣніи доказательствъ, присяжнымъ засѣдателямъ естественно приходится имѣть дѣло и съ юридическими вопросами—обращаться къ закону, хотя не для того, чтобы критиковать его, а для того, чтобы получать указанія, съ которыми слѣдуетъ приводить въ согласіе обстоятельства дѣла,—напр., указанія, какіе признаки требуются закономъ для состава предумышленнаго убійства; что̀ такое предумышленность?—чтобы по этимъ указаніямъ спрашивать свидѣтелей и вообще выяснять всѣ особенности дѣла.

Послѣ рѣшенія присяжныхъ засѣдателей, наступаетъ вторая часть процесса, спеціально подвѣдомственная коронному суду и состоящая въ примѣненіи закона къ обстоятельствамъ, признаннымъ присяжными, т. е. въ опредѣленіи: соотвѣтствуетъ ли признанное ими событіе какому либо преступленію, и затѣмъ—какому наказанію подлежитъ подсудимый. Если признанное событіе не соотвѣтствуетъ преступленію—значитъ подсудимый не виновенъ. Отсюда ясно, что только послѣ примѣненія закона къ обстоятельствамъ, признаннымъ присяжными, можно произнести слово: виновенъ, или: не виновенъ; ставить же такой вопросъ (виновенъ ли) присяж-

Digitized by Google

нымъ—преждевременно. Доказательствомъ этого и служатъ, между прочимъ, тѣ случаи, когда присяжные отвѣчаютъ: «да, виновенъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ исключаютъ изъ вопроса такія части, что не остается состава преступленія,—слѣдовательно, объявляютъ виновнымъ невиновнаго человѣка. Виновенъ—это понятіе чисто юридическое, правовое, а не бытовое, такъ какъ виновнымъ можно быть только въ глазахъ закона.

При предлагаемой постановкѣ вопроса, у присяжныхъ засѣдателей отнимется поводъ выходить изъ предѣловъ своей власти и заходить въ другія, въ томъ числѣ и въ законодательную. Ихъ дѣло, какъ сказано уже, только рѣшить: достаточно ли доказательствъ, что такое-то событіе совершилось и было дѣяніемъ подсудимаго. Что событіе это есть преступленіе или нѣтъ—это уже дѣло законодателя, который только и можетъ установить, что должно считать преступленіемъ, а что—нѣтъ. Равно, не дѣло присяжныхъ рѣшать: виновенъ или не виновенъ человѣкъ, совершившій извѣстное дѣяніе. Разъ это дѣяніе—преступленіе и нѣтъ указаній на причины невмѣненія—какъ же онъ будетъ не виновенъ? «Если признаётся,—сказалъ г. Спасовичъ въ упомянутой рѣчи,—что содѣянное доказано, а содѣяно оно лицами взрослыми, дѣйствовавшими въ состояніи вмѣняемости, сознательно и свободно, но провозглашенными послѣ того невиновными, то какой же изъ этого возможенъ выводъ? Только тотъ, что законъ не исполняется, что онъ не господствуетъ, что на его мѣсто становится милосердіе гг. присяжныхъ, что если въ законѣ написано: кто совершилъ такое-то дѣйствіе, тотъ подвергается такому-то наказанію, то надлежитъ читать: кто совершилъ такое-то дѣйствіе и гг. присяжнымъ засѣдателямъ угодно будетъ, тотъ за сіе подвергается такому-то наказанію. Такимъ образомъ дѣло идти не можетъ».

Къ такимъ дѣйствіямъ располагаетъ присяжныхъ существующая постановка главнаго вопроса на ихъ рѣшеніе. При этой постановкѣ, выраженіе: «виновенъ ли» обращаетъ въ вопросъ: 1) преступно ли дѣяніе, указанное въ вопросѣ, хотя законодатель и признаётъ его преступленіемъ, 2) долженъ ли виновный нести за это дѣянье наказаніе, хотя законодатель и повелѣваетъ наказать его, и 3) слѣдуетъ ли виновному вмѣнить это преступленіе въ вину, хотя и нѣтъ указаній на причины невмѣняемости. Здѣсь, кажется, съ достаточною ясностью обозначается тотъ путь, который приготовленъ для присяжныхъ самимъ же закономъ и, идя по которому, они какъ вторгаются въ предѣлы законодательной власти вообще, такъ и злоупотребляютъ правомъ помилованія. При предлагаемой постановкѣ вопроса, отнимутся основанія допускать тѣ туманныя и тре-

Digitized by Google

вожныя для совѣсти присяжныхъ разсужденія, которыми смущаютъ ихъ теперь. Имъ уже не должны говорить, что хотя-де подсудимый и сознался, и сознаніе это согласуется съ обстоятельствами дѣла, но вы вправѣ оправдать, такъ какъ иначе васъ не спрашивали бы, виновенъ ли подсудимый. Не будетъ болѣе предлога внушать имъ, что событіе хотя и вполнѣ соотвѣтствуетъ законнымъ признакамъ преступленія, но вы-де должны еще рѣшить, соотвѣтствуетъ ли оно бытовымъ условіямъ, и если нѣтъ—оправдать, и т. п.

Предлагаемый вопросъ устранитъ также и затрудненія, возникающія теперь при постановкѣ вопросовъ, въ случаѣ наличности указаній на причины невмѣняемости, и создавшія цѣлую литературу. Нужно будетъ только къ главному вопросу прибавить вопросъ о вмѣненіи и—больше ничего.

Кромѣ упомянутыхъ недостатковъ законодательства, которые такъ сильно отклоняютъ дѣятельность присяжныхъ отъ ея естественнаго пути, есть и другіе, также очень важные: недостатки предварительнаго слѣдствія, уложенія о наказаніяхъ и организаціи карательныхъ мѣръ. Это уже очень старые вопросы и мы ихъ только слегка коснемся.

Около 10 лѣтъ тому назадъ, когда министерствомъ юстиціи были собраны мнѣнія представителей судебнаго вѣдомства о слѣдственной части,—выяснилось, что всѣми признаётся необходимымъ улучшить эту часть и, съ этою цѣлью, поставить судебнаго слѣдователя въ болѣе высокое и независимое служебное положеніе, болѣе обезпеченное и содержаніемъ, чѣмъ теперь. Только при такихъ условіяхъ, на мѣстахъ слѣдователей удерживались бы дѣятели, дѣйствительно способные и опытные; теперь же развѣ только по особымъ какимъ либо причинамъ они не ищутъ случая уйти на другую какую либо должность. Предварительное слѣдствіе—основа всего уголовнаго правосудія. Между нимъ и приговоромъ суда существуетъ неразрывная связь. Правильно произведено слѣдствіе—правиленъ будетъ и приговоръ. Въ ясномъ дѣлѣ легко и разобраться. А между тѣмъ, теперь весьма нерѣдко предварительное слѣдствіе изображаетъ преступленіе то безъ мотива, то безъ другихъ существенныхъ частей—въ неправильномъ видѣ. Совершенно естественно, что у присяжныхъ возбуждаются сомнѣнія, а такъ какъ сомнѣнія толкуются въ пользу подсудимаго, то и получаются неправильные приговоры. Прокуратура не можетъ въ этомъ отношеніи принести существенную помощь слѣдственной части, какъ это и показалъ уже опытъ. Представители ея имѣютъ достаточно и своей работы; кромѣ того, для слѣдственной дѣятельности необходима и особая опытность—тѣмъ болѣе, что предварительное слѣдствіе имѣетъ свои особые пріемы дѣйствій.

Digitized by Google

Признаётся всѣми также, что наше теперешнее уложеніе—не для присяжныхъ, особенно постановленія о наказаніяхъ. Собственно карательныя мѣры у насъ не строже, даже слабѣе, чѣмъ за границей, но приспособляться по своей величинѣ къ каждому отдѣльному случаю онѣ не могутъ: слишкомъ мало простора дано суду въ этомъ отношеніи. И устройство тюремъ мало соотвѣтствуетъ задачамъ наказанія: не уничтоженіе преступныхъ наклонностей часто бываетъ послѣдствіемъ тюремной «высидки», а ихъ усиленіе. И вотъ присяжные засѣдатели ставятся иногда въ очень трудную дилемму: обвинить и подвергнуть подсудимаго несоразмѣрно тяжкой карѣ, дѣйствующей притомъ же дурно на нравственность еще неиспорченныхъ лицъ, или оправдать виновнаго. Они знаютъ, что обращенія къ монаршему милосердію по каждому дѣлу, когда встрѣчаются такіе случаи, не послѣдуетъ и что такимъ образомъ совершится актъ неправосудія. Имъ извѣстны слова царя-освободителя: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», а развѣ будетъ правда, если наказать подсудимаго незаслуженно строгой карой или поставить въ опасное положеніе нравственность еще не развращеннаго молодаго человѣка?—Остается милость. Конечно, милость безъ правды есть всегда слабость, могущая влечь за собою даже и распущенность. Но что же дѣлать, на чемъ остановиться? И вотъ присяжные ищутъ выхода въ томъ же правилѣ, которое принято въ судебной дѣятельности вообще. Разъ положеніе сомнительно—оно должно склониться въ пользу подсудимаго. Лучше милость, чѣмъ жестокость.

Законъ пытается устранить эти затрудненія, запрещая говорить присяжнымъ засѣдателямъ о наказаніи, которое установлено за судимое дѣяніе. Но запрещеніе это безсильно и находится въ противорѣчіи и съ закономъ, и съ дѣйствительностью. Въ силу основнаго же закона, каждый гражданинъ обязанъ знать законы своей страны и незнаніемъ ихъ отговариваться не можетъ. Если это только фикція, то нельзя уже оспаривать той дѣйствительности, что среди присяжныхъ встрѣчаются лица, достаточно освѣдомленныя въ уголовномъ законодательствѣ; что при нихъ же произносятся приговоры суда о наказаніяхъ по другимъ однороднымъ дѣламъ; что ничто не мѣшаетъ и имъ самимъ, въ промежуткахъ между засѣданіями, справляться о наказаніяхъ по дѣламъ, которыя будутъ ими разсматриваться, и проч. Да и возможно ли, чтобы присяжные не интересовались наказаніемъ и не принимали бы его въ соображеніе при постановленіи рѣшенія? Преступленіе и наказаніе и всегда-то стоятъ между собою въ неразрывной связи и совмѣстно мыслятся, а особенно—на судѣ, гдѣ все сводится къ вопросу: должно ли на-

Digitized by Google

казать подсудимаго, или освободить. Наказаніе—только послѣдствіе обвиненія. Присяжнымъ говорятъ: если вы признаете подсудимаго виновнымъ, онъ будетъ наказанъ, но какъ именно наказанъ—этого вы не должны знать. Такое положеніе, кромѣ того, что не естественно, можетъ задѣвать достоинство присяжныхъ, какъ выраженіе недовѣрія къ нимъ, и этимъ уже вредить спокойному и безпристрастному обсужденію дѣла.

Но, помимо этого,—препятствуя присяжнымъ получать на самомъ судѣ вѣрныя свѣдѣнія о наказаніи, оно принуждаетъ ихъ иногда довольствоваться или отрывочными свѣдѣніями со стороны, или даже только предположеніями. Вмѣсто спокойнаго и яснаго знанія, получаются такимъ образомъ туманныя и тревожныя опасенія и сомнѣнія, которыя всегда вредятъ дѣлу. Вопросъ здѣсь не въ томъ, чтобы присяжные не знали наказанія, а въ томъ, чтобы они не считали себя вправѣ критиковать, судить законъ, и только справлялись бы съ нимъ, т. е. также относились бы и къ закону о наказаніи, какъ къ закону о преступленіи. Имъ предоставлено знать первый—нѣтъ основаній лишать ихъ возможности знать и второй.

III.

Теперь, послѣ обзора главныхъ причинъ, которыя неблагопріятно вліяютъ на дѣятельность суда присяжныхъ и между которыми распредѣляются недостатки, замѣчаемые въ приговорахъ послѣднихъ, легче будетъ точнѣе опредѣлить, въ чемъ именно заключается главный недостатокъ дѣятельности присяжныхъ—произволъ. Намъ кажется, никто не рѣшится обвинять присяжныхъ въ томъ, что они, произнося приговоры, въ которыхъ замѣчается такой недостатокъ, когда бы то ни было имѣли цѣлью—вступать въ борьбу съ самою справедливостью и поощрять преступность. Помимо соображеній нравственнаго свойства, не чуждыхъ, конечно, присяжнымъ, послѣдніе хорошо сознаютъ, что преступность, поощренная ими, падетъ на общество же—слѣдовательно, и на ихъ головы. Поэтому нарушенія такого рода присяжными засѣдателями своего долга должны быть понимаемы въ болѣе узкихъ предѣлахъ. Присяжные засѣдатели въ этомъ отношеніи могутъ быть уподоблены машинисту, который ведетъ поѣздъ и, безъ всякаго намѣренія крушить его, почему либо дѣйствуетъ сознательно противъ правилъ движенія поѣздовъ, напр., чрезмѣрно ускоряетъ ходъ и вслѣдствіе этого производитъ крушеніе. Такъ и присяжные. Они не желаютъ крушить свой поѣздъ,—т. е. правосудіе,—но иногда, постановляя приговоры, сознаютъ, что нарушаютъ свои обязанности, превышаютъ свою власть.

Digitized by Google

Крушить ихъ поѣздъ, конечно, не такъ легко, какъ желѣзнодорожный, но достаточно и того, если пассажиры испытываютъ только безпокойство, не говоря уже о бо́льшемъ. Такимъ образомъ, сущность упущеній этого рода заключается въ отсутствіи вниманія къ исполненію обязанности, въ небрежности,—въ томъ, что не прилагается къ дѣлу «всей силы разумѣнія», и долгъ не считается святыней. Представьте себѣ человѣка, который занятъ сложной и трудной умственной работой, касающейся жизненныхъ интересовъ другихъ лицъ, и который, сознавая свою безотвѣтственность или по другимъ причинамъ, ослабитъ свое вниманіе, небрежно отнесется къ рѣшеніямъ своимъ. Тутъ, безъ злаго умысла, возможны всякія упущенія, въ томъ числѣ и такія, въ которыхъ выражается вопіющая несправедливость, т. е. то же самое, что́ такъ возмущаетъ иногда общество въ приговорахъ присяжныхъ. Мы не останавливаемся на чисто личныхъ причинахъ несправедливыхъ приговоровъ: враждѣ, дружбѣ, корысти и проч.; онѣ возможны при всякихъ гарантіяхъ правосудія, и лучшимъ средствомъ противъ нихъ служитъ безотчетное право отвода присяжныхъ обвиненіемъ и защитой.

Источниками неправильныхъ дѣйствій присяжныхъ засѣдателей нѣкоторые считаютъ и недостатки, приписываемые лично имъ. Мы не будемъ входить въ подробности этого вопроса и остановимся только на главныхъ положеніяхъ. Собственно, всѣ эти недостатки сводятся къ двумъ главнымъ—къ слабости образованія и къ слабости гражданскаго воспитанія (въ духѣ законности). Но недостатки эти — относительнаго свойства, особенно первый. Преступленіе — явленіе бытовое. И разоблаченіе его не можетъ считаться какою-то сложною научною теоремою, непонятною для человѣка, не получившаго особенной подготовки. Въ дѣлѣ правосудія, какъ и вездѣ, очень важно образованіе, но не важнѣе ли прежде всего умъ и житейская опытность—здравый смыслъ? Конечно, если образованіе соединяется съ умомъ, привыкшимъ справляться съ трудною умственною работою—чего лучше желать? Но много ли такихъ дѣятелей? При обыкновенныхъ же условіяхъ, даже простолюдинъ, умный и опытный, разберется въ запутанномъ уголовномъ дѣлѣ лучше, чѣмъ образованный, но неопытный человѣкъ. И въ разсужденіяхъ, принятыхъ въ основаніе учрежденія у насъ суда присяжныхъ, совершенно вѣрно сказано, что, кромѣ образованія, есть и другія средства, одинаково годныя для достиженія цѣлей правосудія: «проницательный и наблюдательный умъ, естественная здравая логика сужденій и знаніе мѣстныхъ нравовъ, обычаевъ и распорядковъ жизни». Въ этомъ отношеніи присяжные засѣдатели имѣютъ, какъ судьи, незамѣнимыя преимущества. Коронные судьи, какъ и другія должно-

Digitized by Google

стныя лица, знаютъ различныя жизненныя условія болѣе по дѣламъ своего вѣдомства, касающимся этихъ условій—по письменнымъ и словеснымъ изображеніямъ ихъ, т. е. по картинамъ, а не въ дѣйствительности; присяжные же живутъ среди этихъ условій. Это ихъ жизненная среда, какъ жизненная среда коронныхъ судей—служба. Присяжные не только знаютъ эти условія, но переживаютъ, чувствуютъ ихъ, а потому могутъ понять и оцѣнить ихъ правильнѣе, чѣмъ коронные судьи.

Бо́льшее значеніе, чѣмъ образованіе, имѣютъ для правосудія нравственныя достоинства судьи—нравственная устойчивость его и гражданское воспитаніе въ духѣ законности. Но какъ, въ какихъ предѣлахъ понимать такое воспитаніе? Если распространить его на всѣхъ гражданъ государства, то получится самое цѣнное благо, какого только можетъ желать человѣчество. Благо это и достигается, но только медленно и при необходимомъ условіи—господствѣ правоваго порядка и отсутствіи произвола, попирающаго законность. Къ достиженію его много способствуетъ участіе народа въ судѣ, въ качествѣ присяжныхъ. Нельзя отрицать, что у насъ въ Россіи такое гражданское воспитаніе еще не окрѣпло, но едва ли можно оспаривать и мнѣніе (*Миттермайеръ*, ibid., и др.), что все же начала нравственности и правды, какъ ихъ сознаётъ нація, а также и національное правопознаніе, коренятся въ народѣ, откуда и берутся присяжные.

Но нравственное воспитаніе въ случаяхъ, разсматриваемыхъ нами, понимается иногда въ болѣе узкихъ предѣлахъ — въ кругу особаго сословія, судебнаго, вслѣдствіе чего говорится, что только такое сословіе и можетъ быть достойнымъ представителемъ правосудія, потому что только въ немъ образуются соотвѣтствующіе цѣлямъ правосудія нравы и обычаи, понятія о судейской чести и нравственности, строгое и безусловное подчиненіе закону, каковъ бы онъ ни былъ. (*Ф. Іерингъ*: «Цѣль въ правѣ»). Но такой взглядъ не всегда подтверждается дѣйствительностью. Исторія, напр., французскихъ судебныхъ установленій до XVII столѣтія, до времени Ришельё и послѣ — показываетъ, что самые обычаи судебнаго сословія находятся въ зависимости отъ тѣхъ жизненныхъ условій, среди которыхъ они существуютъ, и мѣняются, хотя сословіе сохраняетъ тѣ же внѣшнія свои формы. А съ другой стороны судъ присяжныхъ, въ теченіе долговременнаго существованія своего въ Англіи, не подавалъ повода обвинять его въ отступленіи отъ началъ нравственности и права, и въ переходѣ въ область личнаго произвола.

Да и необходимы ли особенно сильныя причины для внесенія

Digitized by Google

въ среду коронныхъ судей несоотвѣтствующихъ ей началъ? Не дѣйствуютъ ли и здѣсь личныя стремленія, также какъ и всюду? Самъ же Ф. Іерингъ, какъ Миттермайеръ и др., признаётъ, что профессіональные судьи не свободны отъ такихъ вліяній. Дѣло тутъ не въ обычаяхъ и не въ сословности, а въ такой постановкѣ судебной дѣятельности, которая защищала бы ее отъ разныхъ неблагопріятныхъ вліяній. И вотъ этому условію устройство суда присяжныхъ удовлетворяетъ въ самой высокой степени. Во все время существованія этого учрежденія, уголовное правосудіе, творимое ими, было свободно отъ разныхъ незаконныхъ искательствъ и вліяній—тѣхъ, которые не ходятъ съ парадная крыльца. Искательства эти не могутъ въ средѣ присяжныхъ найти для себя желательный имъ пріемъ уже потому, что дѣйствуютъ только тайно, въ темнотѣ, а такая тайна невозможна среди присяжныхъ, не знающихъ даже иногда другъ друга, собирающихся только на короткое время и изъ разныхъ слоевъ общества.

Затѣмъ, являются они только для отправленія правосудія и болѣе ничего не ищутъ и не ожидаютъ: ни матеріальныхъ, ни какихъ либо другихъ выгодъ. Это оберегаетъ ихъ самостоятельность, охраняя ихъ судейское убѣжденіе отъ разныхъ постороннихъ вліяній и давая возможность каждому изъ нихъ судить только по своей совѣсти и по своему убѣжденію. А въ этомъ и заключается главная сила правосудія и достоинство его. Въ этомъ же состоитъ и смыслъ судейской независимости—между прочимъ, и того, на что такъ нападали нѣкоторые и что называли государствомъ въ государствѣ. Съ того времени какъ судьи начнутъ судить не по своей совѣсти и не по своему убѣжденію, а по совѣсти и убѣжденію другихъ, правосудіе перестанетъ существовать.

Слѣдовательно, существующее устройство суда присяжныхъ имѣетъ основное значеніе для достоинства этого учрежденія, потому что охраняетъ творимое имъ правосудіе отъ посторонней мути, оберегаетъ его чистоту. Такимъ образомъ, направляя нареканія, вслѣдствіе неправильныхъ рѣшеній присяжныхъ, не на постановку дѣятельности этого учрежденія законодательною властью, а на самихъ присяжныхъ засѣдателей, какъ говорится, попадаютъ не по коню, а по оглоблямъ. Взглядъ, напр., Миттермайера въ этомъ отношеніи совершенно категоричен. «Если и бываютъ неправильныя рѣшенія,—говоритъ онъ,—то въ этомъ виноваты обыкновенно не присяжные, а законодательство, установившее плохой порядокъ судопроизводства, или же участвующія въ дѣлѣ лица, т. е. предсѣдатель, прокуроръ и защитникъ, но главнымъ образомъ—слѣдователь» (Ibid., 113).

Digitized by Google

Поводы къ нареканіямъ подаютъ обыкновенно только оправдательные приговоры. Бывали ли случаи неправильныхъ обвиненій? О нихъ слышно не было, но едва ли было бы основательно отрицать ихъ. Они возможны также и въ судѣ присяжныхъ, какъ бывали въ судѣ коронномъ, напр., еще недавно въ одной изъ судебныхъ палатъ. Но неправильные обвинительные приговоры и не могутъ быть часты, потому что, прежде чѣмъ представить обвиняемаго въ судъ, основанія привлеченія къ отвѣтственности провѣряются въ нѣсколькихъ инстанціяхъ: у судебнаго слѣдователя, въ прокуратурѣ и въ обвинительной камерѣ, такъ что на судѣ данныя къ обвиненію всегда имѣются,— и если данныя эти не опровергнуты судебнымъ слѣдствіемъ и подсудимый обвиненъ, то назвать его невинно осужденнымъ было бы трудно; если же онѣ опровергнуты, то обвинить явно невиновнаго—это такой грѣхъ, ужасъ котораго чувствуется всѣми. Оправдать же виновнаго—это обыкновенно понимается только въ смыслѣ милости. Но во всякомъ случаѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что порицать приговоры присяжныхъ тѣмъ, предъ кѣмъ обстоятельства дѣла не выяснились во всей ихъ подробности, какъ предъ присяжными, и кто не освѣдомленъ, почему именно присяжные произнесли то или другое рѣшеніе, едва ли возможно, по крайней мѣрѣ, по большинству дѣлъ, относительно которыхъ возникаютъ такіе вопросы.

Упомянутыя нами препятствія для правильной дѣятельности присяжныхъ засѣдателей дѣйствуютъ иногда враздробь, а иногда, въ сложныхъ и трудныхъ дѣлахъ, и всѣ совмѣстно. И тогда получаются уже не отдѣльные подводные камни, а цѣлыя группы ихъ. Недостаточное выясненіе преступленія предварительнымъ слѣдствіемъ; борьба сторонъ, представляющихъ дѣло въ противорѣчивыхъ положеніяхъ, при быстромъ движеніи судебнаго слѣдствія и при сваливаніи доказательствъ—какъ это практикуется у насъ—въ одну кучу, безъ обсужденія и разбора ихъ до преній сторонъ; иногда неумѣлость участвующихъ въ дѣлѣ лицъ выяснить предъ присяжными обстоятельства дѣла въ ихъ дѣйствительномъ видѣ; сомнѣнія, которыя возникаютъ при этомъ; воззванія къ милосердію суда и указанія на слова, также сказанныя съ высоты трона: «лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго»; неправильное опредѣленіе предмета вѣдѣнія и предѣловъ правъ присяжныхъ, при существующей формѣ вопроса о виновности, дающее поводъ къ самому смѣлому и широкому распространенію правъ ихъ, до права помилованія включительно; опасеніе подвергнуть подсудимаго карѣ незаслуженно-строгой или дурно вліяющей на нравственность; отсутствіе иногда надлежащей помощи

Digitized by Google

со стороны предсѣдателя—вотъ цѣлый рядъ наиболѣе выдающихся затрудненій, среди которыхъ, какъ между Сциллой и Харибдой, приходится проходить присяжнымъ, чтобы найти правосудное рѣшеніе дѣла. Что̀ удивительнаго, если они нерѣдко колеблются и сомнѣваются? Въ такомъ положеніи, особенно когда они слышутъ искреннее раскаяніе подсудимаго и видятъ, что онъ болѣе несчастный, чѣмъ преступный человѣкъ, нужно имѣть большую выдержку съ ихъ стороны, чтобы не поддаться искушенію доставить себѣ самую высокую радость — помиловать кающагося. И вотъ они ставятъ иногда милость прежде правды. Это—неправильность, но вытекаетъ она изъ христіанскаго чувства милосердія, а не изъ какихъ либо низменныхъ стремленій, которыя бываютъ послѣдствіемъ разныхъ темныхъ ходатайствъ и вліяній, и которыя унижаютъ, а иногда и губятъ правосудіе.

При оцѣнкѣ суда присяжныхъ, неправильно было бы упустить изъ виду, что учрежденіе это находится въ исключительномъ положеніи. Дѣятельность его совершенно открыта, и притомъ для самаго свободнаго обсужденія. Въ ней, освѣщенной такимъ образомъ насквозь, обнаруживаются всѣ недостатки, которые и ставятся на счетъ суду присяжныхъ въ первой линіи; о достоинствахъ же (какъ это, впрочемъ, и всегда бываетъ) говорятъ рѣдко—тѣмъ болѣе, что для этого нужно обладать положительными знаніями. Осуждать всегда легче.

А. Дукмасовъ.

Digitized by Google

Искусъ.

Былъ садъ, богатый садъ, кадившій ароматомъ;
Онъ въ нѣгѣ сладостной мечтательно дремалъ,
А среброводный Тигръ, сливаяся съ Евфратомъ,
Въ каймѣ зеленыхъ кущъ, какъ зеркало, сверкалъ.

И этотъ садъ не зналъ капризнаго ненастья;
Въ немъ вѣчный звонъ стоялъ отъ пѣнья птичьихъ стай,
И былъ онъ озаренъ улыбкой ясной счастья,
И этотъ садъ былъ—рай.

Былъ день, горячій день; но подъ листвой нарядной
Широколистыхъ пальмъ еще стояла тѣнь;
Тамъ вѣялъ вѣтерокъ душистый и прохладный,
И листья съ молодыхъ деревъ щипалъ олень.

Тамъ пили влагу росъ оливы и мимозы,
Тамъ пряталась змѣя въ душистой полумглѣ,
И сумракъ навѣвалъ таинственныя грёзы
О Богѣ и землѣ.

И пѣлъ о Господѣ ручей на днѣ оврага,
Гдѣ мохъ щетинился и лилія цвѣла.
А мимо «дерева познанья зла и блага»
Жена прекрасная задумчиво брела.

Но пѣнья райскихъ птицъ и трепетнаго шума,
Царившаго въ саду, не слышала она;
Ей жгла лицо огнемъ мучительная дума
И бурныхъ чувствъ волна.

И думала она,—потупивъ взоръ тревожно:
«Что если я могу добро и зло познать?
Что если на землѣ иная жизнь возможна
Прекраснѣй и полнѣй? что если плодъ сорвать»?..

Digitized by Google

А садъ, богатый садъ, куреньемъ опьяненный
Деревьевъ и цвѣтовъ, мечтательно дремалъ
И первой женщинѣ, сомнѣньями смущенной,
Отвѣта не давалъ.

Лишь въ брызгахъ золотыхъ плескалися игриво
На тихихъ заводяхъ станицы лебедей,
Да грѣлся крокодилъ на солнышкѣ лѣниво,
Да серны рѣзвились, да нардъ [1]) сочилъ елей.

Вдругъ ураганъ дохнулъ горячею струею,
И съ крикомъ лебеди снялись съ сердитыхъ водъ;
И голосъ прозвучалъ:—«Безтрепетной рукою
Сорви запретный плодъ!

Вкуси познанія и выди изъ темницы!
Пусть силы вольныя на волѣ расцвѣтутъ,
Пусть счастіе создастъ тебѣ, земной царицѣ,
Не небо гордое, а твой упорный трудъ!

И ты поймешь тогда всю прелесть наслажденья—
Въ борьбѣ съ природою, въ затишьѣ послѣ грозъ,
Въ побѣдѣ знанія надъ хаосомъ сомнѣнья
И въ счастьѣ послѣ слезъ»!..

Такъ демонъ искушалъ въ раю коварно Еву.
Ей жажда новыхъ чувствъ пожаромъ грудь зажгла,
И подошла она походкой смѣлой къ древу
И съ вѣтки сочный плодъ поспѣшно сорвала.

Ал. Будищевъ.

[1]) Нардъ—тропическое растеніе.

Digitized by Google

БЕТХОВЕНЪ, КАКЪ ЧЕЛОВѢКЪ И МУЗЫКАНТЪ.

Отъ автора.

Исторія музыки до тѣхъ поръ будетъ стоять особнякомъ въ исторіи искусства, пока музыкальная критика будетъ довольствоваться разборомъ формъ композицій, не указывая на ихъ идеи, прогрессъ которыхъ совершается по общимъ историческимъ законамъ. «Въ большинствѣ историческихъ сочиненій о музыкѣ видишь только музыкантовъ, да воздушное пространство», остритъ по этому поводу Риль. Тѣмъ современнѣе является всякая попытка связать исторію музыки съ исторіей искусства и общественности въ одно органическое цѣлое.

Подобныя попытки, однако, рѣдки и на западѣ; у насъ же на Руси—подавно. Послѣднее обстоятельство побуждаетъ автора разсчитывать на особенную снисходительность со стороны читателей [1]).

I.

Первыя сонаты. 1770—1802 гг.

Дѣтство и юность.—Предсказаніе Моцарта.—Вѣна и Гайднъ.—Салоны.—Предшественники Бетховена.—Самопознанье.—Trio op. 1.—Сонаты для фортепіано op. 2, 7, 26.—Пѣсни и сонаты для скрипки съ фортепіано op. 12.—Первая любовь и двѣ сонаты фантазіи op. 27.—Образъ жизни и привычки.—Несчастіе за несчастіемъ.—Пасторальная соната op. 28.—Гейлигентшадтское завѣщаніе.

Предки Бетховена были голландцы, переселившіеся въ Германію. Дѣдъ его былъ учитель музыки и капельмейстеръ; отецъ—пѣвчій въ капеллѣ кёльнскаго курфюрста, проживавшаго въ Боннѣ. Людвигъ ванъ-Бетховенъ былъ крещенъ въ Боннѣ 17 декабря 1770 г.—день рожденія его неизвѣстенъ.

Іоганъ Бетховенъ рано обратилъ вниманіе на музыкальныя способности своего сына. Четырехлѣтній Людвигъ съ восторгомъ слу-

[1]) Источники: 1) *A. B. Marx*: Ludwig van Beethoven. Leben und Schaffen. 4 Auflage v. dr. Behneke. Berlin. 1884. 2) *A. Thayer*: Ludwig van Beethoven's Leben. Berlin. 1867 — 1879. 3) *L. Nohl*: Beethoven. (Universal-Bibliothek). 4) *W. J. v. Wassilewski*: Ludwig van Beethoven. Berlin. 1888. 5) *Rich. Wagner*: Beethoven (Schriften. G. B. Leipzig. 1873). 6) *C. H. Hennig*: Beethoven's Neunte Symphonie. Eine Analyse. Leipzig. 1888. 7) *Emil Nauman*: Illustrirte Musik-Geschichte. Berlin. 1886. 8) *A. v. Dommer*: Handbuch der Musikgeschichte. Leipzig. 1878. 9) *Rob. Schumann*: Musik und Musiker. (Universal-Bibliothek).

Digitized by Google

шалъ его пѣніе и игру на фортепіано; иногда отецъ бралъ его на колѣни и заставлялъ подбирать пальчикомъ на фортепіано какую нибудь мелодію. Тогда еще была свѣжа въ памяти слава «чуднаго мальчика», Моцарта, баловня коронованныхъ особъ, обезпечивавшаго концертами существованіе и себѣ, и родителямъ. Горемычному пѣвчему, пришибленному нуждою и запоемъ, пришла въ голову мысль—не сдѣлать ли такимъ же чудеснымъ піанистомъ и Людвига? Ребенокъ не нашелъ поддержки со стороны матери; то была больная женщина, когда-то служившая горничной въ богатыхъ домахъ, безконечно благодарная своему мужу за то, что онъ женился на ней. Бетховену предстояло проститься съ дѣтствомъ.

Отецъ досталъ ему учителей, насколько возможно лучшихъ, и заставилъ его упражняться въ игрѣ съ утра до ночи. По цѣлымъ часамъ пятилѣтній Бетховенъ долженъ былъ стоять за фортепіано—онъ былъ слишкомъ малъ для того, чтобы сидѣть;—сверстники его, заглядывая съ улицы въ окно, не разъ видѣли, какъ онъ, стоя на скамеечкѣ, разливался слезами и... гаммами. Иногда отецъ, возвратясь изъ трактира съ какимъ нибудь коллегой, будилъ Людвига ночью и принуждалъ его играть до утра. Бетховенъ сдѣлалъ такіе успѣхи, что семи лѣтъ уже концертировалъ при дворѣ курфюрста, а десяти—совершилъ артистическое путешествіе въ Голландію; впрочемъ, славы чуднаго ребенка такъ и не добился.

Мальчика окружала музыка. Не разъ примыкалъ онъ къ процессіямъ богомольцевъ, тянувшимся по Рейнской улицѣ къ церкви миноритовъ, и прислушивался къ сильнымъ ритмамъ мужскихъ и женскихъ антифоновъ. Монахъ ближайшаго монастыря научилъ его играть на органѣ. Но въ особенности полезны были для него уроки органиста Нефе, познакомившаго его съ твореніями Баха,—это то же, что выучить юнаго послушника читать молитвенникъ. Нефе же признался съ Бетховеномъ теоріей музыки,—генералъ-басомъ, какъ тогда говорилось. Одиннадцати лѣтъ мальчикъ могъ уже кое-что сочинять. Четырнадцати лѣтъ онъ занимаетъ мѣсто помощника органиста и является уже матеріальной опорой для семьи. Отрочество его полно такихъ же заботъ и трудовъ, столько же безрадостно, какъ и его дѣтство.

Только въ музыкѣ онъ находитъ утѣшеніе и счастье. Даже шалости его носятъ чисто-музыкальный характеръ. Однажды новоиспеченный органистъ побился объ закладъ съ пѣвчимъ, что онъ собьетъ того своимъ акомпанементомъ,—и собьетъ его публично, въ церкви. Онъ любитъ рисовать музыкою карикатуры,—изображать на фортепіано, мелодіями, характеристики своихъ знакомыхъ. Товарищамъ своимъ онъ кажется чудакомъ: не разъ его видѣли въ открытомъ окнѣ, съ головою, склоненною на руки, съ глазами, уставленными въ одну точку,—онъ ничего не видитъ и не слышитъ, будучи погруженъ въ какое-то не дѣтское раздумье.

Мало по малу Бетховенъ росъ и крѣпъ не въ одномъ музыкальномъ отношеніи. Онъ посѣщалъ не только придворную оперу, знакомясь, между прочимъ, съ «Орфеемъ», «Альцестою» Глюка и «Свадьбой Фигаро» Моцарта, но также и представленія пріѣзжей драматической труппы, ставившей иногда драмы Шекспира,

Digitized by Google

Лессинга, Шиллера и Гёте. Не получивъ почти никакого образованія, онъ все таки пріобрѣтаетъ настолько лоска, чтобы вращаться въ свѣтскомъ кругу. Такимъ образомъ, въ 1787 г. онъ познакомился съ графомъ Вальдштейномъ, который принялъ въ начинающемъ композиторѣ большое участіе и ввелъ его въ кругъ мѣстной аристократіи и интеллигенціи. Въ этомъ же году Бетховенъ сталъ давать уроки музыки у фонъ-Брейнинговъ, образованномъ и симпатичномъ семействѣ, съ которымъ онъ сохранялъ теплыя отношенія до самаго конца жизни—именно со Стефаномъ Брейнингомъ, своимъ ученикомъ, и сестрою его Леонорою. Вліяніе салона на эту натуру, отличавшуюся съ самаго ранняго возраста нелюдимостью, замкнутостью и упрямствомъ, было до нѣкоторой степени благотворно.

Въ томъ же 1787 году Бетховенъ встрѣтился съ Моцартомъ. Онъ отправился въ Вѣну, думая брать уроки композиціи у послѣдняго, и игралъ передъ нимъ на фортепіано. Наружность Бетховена не могла дать понятія о его геніальности: то была коренастая, неуклюжая фигурка, со взглядомъ исподлобья, съ тупымъ, вздернутымъ носомъ; чопорная косичка, заплетенная по модѣ того времени, не красила этого энергическаго лица. Сначала Моцартъ отнесся сдержанно къ бетховеновской игрѣ, въ увѣренности, что тотъ выѣзжаетъ на своемъ конькѣ, но потомъ, выслушавъ фантазію Бетховена на заданную ему тему, съ живостью обернулся къ присутствующимъ и воскликнулъ тономъ глубокаго убѣжденія: «Обратите на него вниманіе. О немъ еще заговорятъ»!—Но объ урокахъ не могло быть и рѣчи: Моцартъ слишкомъ былъ занятъ композиціей своего «Донъ-Жуана». Къ тому же, Бетховенъ былъ немедленно отозванъ изъ Вѣны: въ іюлѣ этого 1787 года онъ лишился матери, скончавшейся отъ чахотки.

Съ ея смертью, обстоятельства семьи ухудшились еще болѣе: отецъ предался своему пороку безъ всякаго удержу и лишился мѣста; новое бремя заботъ свалилось на юнаго Бетховена. Только у Брейнинговъ онъ находилъ успокоеніе и нравственную поддержку; эта семья вскорѣ стала для него ближе родной. Прежде всего, она помогла ему пополнить недостатки его домашняго образованія; Бетховенъ читалъ по французски и по латыни, писалъ «приблизительно», ариѳметики почти не зналъ (впрочемъ, она у него всю жизнь хромала). Брейнинги снабжали его книгами и журналами. Юноша съ упоеніемъ зачитывался Гомеромъ, Платономъ и Плутархомъ въ нѣмецкихъ переводахъ и знакомился съ современною нѣмецкою литературою. Онъ восторгался поэзіею Клопштока. «Никакъ онъ не можетъ начать просто,—писалъ впослѣдствіи Бетховенъ,—вѣчно Maestoso, Des-dur!—но онъ великъ и возноситъ! Гдѣ я его не понималъ, тамъ угадывалъ». Газеты и журналы знакомили его съ идеями и событіями французской революціи—юноша бродилъ, какъ въ чаду. Въ этомъ же кружкѣ Брейнинговъ, Бетховенъ встрѣтилъ свою «Шарлоту» и впослѣдствіи со смѣхомъ разсказывалъ анекдоты о своей «вертеровской» страсти,—тогда былъ въ большой модѣ романъ Гёте. Не удивительно, что Бетховенъ впослѣдствіи называлъ пребываніе въ Боннѣ лучшимъ временемъ своей жизни.

Digitized by Google

Но уже близилась пора, когда Бетховенъ долженъ былъ навсегда разстаться со своимъ роднымъ городомъ.

Въ 1792 г. курфюрстъ, подъ вліяніемъ графа Вальдштейна, рѣшилъ отправить Бетховена на свой счетъ въ Вѣну, для окончанія музыкальнаго образованія у Гайдна. Вальдштейнъ напутствовалъ его словами въ альбомъ: «Вы пріобщитесь духа Моцарта изъ рукъ Гайдна».

Моцарта въ то время уже не было въ живыхъ и лучшаго выбора, повидимому, не могло быть сдѣлано. Но великій композиторъ не всегда бываетъ великимъ педагогомъ; къ тому же коренное различіе характеровъ всегда обусловливаетъ и различное пониманіе цѣлей и задачъ искусства,—и Бетховенъ вскорѣ перемѣнилъ Гайдна на теоретика Альбрехтсбергера, а также на завистника Моцарта, Сальери. Гайднъ несовсѣмъ понималъ своего ученика; за его горделивую серьезность онъ называлъ его въ шутку «великимъ моголомъ», а первая большая композиція Бетховена, trio для фортепіано, скрипки и віолончели C - moll, ему даже совершенно не понравилась; онъ совѣтовалъ ее не печатать и дивился тому, что публикѣ пришлась по нутру пьеса, написанная не въ его, гайдновскомъ, т. е. модномъ родѣ. Во всякомъ случаѣ цѣль переѣзда въ Вѣну была достигнута: Бетховенъ со свойственнымъ ему феноменальнымъ прилежаніемъ прошелъ основательную школу музыкальной композиціи.

Необходимымъ пособіемъ къ этимъ занятіямъ были для Бетховена концерты въ домахъ любителей и меценатовъ, особенно въ домѣ барона ванъ—Свитена, который даже писалъ симфоніи («такія же накрахмаленныя, какъ онъ самъ», по отзыву Гайдна). Здѣсь Бетховенъ познакомился впервые съ сочиненіями великаго музыкальнаго эпика, Генделя; къ этому времени относится его восклицаніе: «Гендель—мастеръ надъ мастерами. Вотъ у кого надо учиться, какъ малыми средствами достигать великихъ дѣйствій»!

Наружность Бетховена уже въ это время сформировывалась приблизительно въ тотъ могучій, львиный обликъ, который намъ извѣстенъ по портретамъ. Онъ былъ небольшаго роста, но коренастъ и силенъ. Круглое лицо обрамляла цѣлая грива непокорныхъ темныхъ волосъ; широкій лобъ нависалъ надъ карими, глубоко вставленными глазами; лицо было некрасиво, со слѣдами оспы; широкій носъ и сжатыя губы были очерчены смѣло и сильно; взоръ свѣтился желѣзной энергіей, онъ пронизывалъ. Въ обращеніи онъ былъ замкнутъ и холоденъ съ незнакомыми, откровененъ и мягокъ съ друзьями; чувство собственнаго достоинства никогда не покидало его. Его порывистая веселость часто переходила въ сарказмъ, а задумчивость—въ глубокую грусть; замѣтны бывали и вспышки чисто гейневской ироніи: случалось, что Бетховенъ своими импровизаціями на фортепіано доводилъ своихъ слушателей до слезъ и самъ же потомъ вышучивалъ ихъ; однако серьезность была основною чертою его характера. По временамъ, неожиданно, на улицѣ, въ кафе, въ салонѣ, глаза его загорались творческою мыслью, кроткая улыбка освѣщала несказанно хорошѣвшее лицо. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ и сразу обращалъ на себя всеобщее вниманіе.

Digitized by Google

Пріемъ, который встрѣтилъ Бетховенъ въ Вѣнѣ, побудилъ его избрать этотъ музыкальный и жизнерадостный городъ поприщемъ своей постоянной дѣятельности. Его первыя композиціи возбудили всеобщее вниманіе, которое поддерживала слава его, какъ виртуоза. Композиторъ вскорѣ былъ введенъ въ домъ ученика и друга Моцарта, князя Карла Лихновскаго, который сталъ другомъ и покровителемъ также и Бетховена. Княгиня замѣнила ему мать или фрау фонъ-Брейнингъ: «она готова посадить меня подъ стеклянный колпакъ, чтобы меня не трогали профаны»! выразился какъ-то Бетховенъ. Черезъ Лихновскаго онъ вошелъ въ домъ такого же мецената и любителя, русскаго посланника, графа Разумовскаго. Въ этихъ домахъ играли всѣ его первые квартеты, тріо и концерты, какъ только они выходили изъ подъ его пера, испещренные поправками, хранившіе весь жаръ перваго вдохновенія. Но сущею пыткою для Бетховена были успѣхи его, какъ виртуоза. Фантазировалъ онъ необыкновенно изящно, поражая слушателей богатствомъ и новизною идей, красотой формы, логическимъ развитіемъ основной мысли, картинностью и наглядностью передачи; его поэтому вѣчно просили «сыграть что нибудь», даже тогда, когда онъ вовсе не бывалъ къ тому расположенъ. Иногда приходилось соперничать и съ пріѣзжими знаменитостями, и Бетховенъ попадалъ въ смѣшное положеніе. Такъ, однажды одинъ изъ пріѣзжихъ виртуозовъ вздумалъ блеснуть передъ нимъ самыми пошлыми мелодическими оборотами; Бетховенъ, будучи увѣренъ, что тотъ лишь прелюдируетъ, обратился къ нему съ нетерпѣливымъ вопросомъ: «Когда же вы начнете?»—но тотъ уже кончилъ. Ничто не мучитъ истинныхъ художниковъ въ такой мѣрѣ, какъ дилетантизмъ, забава дѣломъ; поэтому игра въ салонахъ доводила Бетховена по временамъ до рѣзкихъ выходокъ. Когда впослѣдствіи какая-то парочка стала шушукаться подъ его музыку, онъ вскочилъ, захлопнулъ фортепіано и ушелъ со словами: «я такимъ свиньямъ играть не стану». Не въ примѣръ музыкантамъ того времени, почти столь же презираемымъ въ извѣстныхъ слояхъ общества, какъ актеры, Бетховенъ отличался самосознаніемъ и гордостью. Самоуваженіе развивалось въ немъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе успѣховъ дѣлалъ онъ въ композиціи.

Но, прежде чѣмъ говорить о первыхъ композиціяхъ Бетховена, слѣдуетъ указать на связь его дѣятельности съ дѣятельностью его предшественниковъ.

Съ отцами современной музыки, Бахомъ и Генделемъ, его связывали промежуточными звеньями Гайднъ и Моцартъ. Эта связь выразилась въ извѣстномъ сродствѣ содержанія и духа бетховенской музыки съ музыкою его предшественниковъ и, слѣдовательно, въ извѣстномъ сродствѣ и формъ музыки. Въ музыкѣ, какъ и во всякомъ другомъ искусствѣ, форма и идея не суть элементы художественнаго произведенія, противоположные другъ другу,—всякое содержаніе само по себѣ обусловливаетъ извѣстную форму, въ выборѣ которой истинный художникъ никогда не ошибается. Поэтому исторія музыки не стоитъ особнякомъ въ исторіи искусства: она занимаетъ въ немъ такое же мѣсто, какъ и въ исторіи всеобщей; исторія музыки есть исторія міровоззрѣній, развивающихся по из-

Digitized by Google

вѣстнымъ законамъ, въ строгой послѣдовательности.—Бахъ (род. въ 1685 г., ум. въ 1750) воспѣвалъ красоту и порядокъ мірозданія,—говоритъ о немъ исторія музыки. Это эпикъ, но своеобразный и, быть можетъ, единственный во всѣхъ областяхъ искусства; это пѣвецъ міроваго чувства, поэтъ вселенной,—въ этомъ причина поклоненія ему всѣхъ маломальски просвѣщенныхъ музыкантовъ и безпощадной холодности всѣхъ простыхъ смертныхъ. Бахъ вращается въ сферѣ не отдѣльныхъ чувствъ и настроеній, музыкальныхъ идей, но мыслитъ цѣлыми группами этихъ идей и обобщеній. Фуга Баха производитъ впечатлѣніе не субъективнаго творчества; она кажется выработанной дѣйствіемъ чисто естественныхъ силъ, какъ напримѣръ, кристаллъ. Въ фугу Баха вслушиваешься, какъ въ звуки ночи на берегу моря или въ степи, полные какого-то особеннаго значенія, при всемъ кажущемся ихъ однообразіи. Понятно, почему форма фуги какъ нельзя болѣе подходитъ къ общему содержанію баховскаго творчества: въ этой крайне сложной формѣ есть нѣчто пытливое и замысловатое, печать умозрѣнія, столь свойственнаго XVIII-му вѣку.—Современникомъ Баха былъ Гендель (род. 1685 г., ум. 1759), столь же великій въ своихъ вокальныхъ произведеніяхъ, какъ Бахъ—въ инструментальныхъ: звукъ самъ по себѣ казался ему слишкомъ отвлеченнымъ, онъ иллюстрируетъ его словомъ, и языку природы предпочитаетъ языкъ человѣка. Гендель такой же эпикъ, какъ и Бахъ, но онъ скорѣе поэтъ человѣчества, чѣмъ поэтъ вселенной. Онъ любитъ массы и воспѣваетъ лишь чувства массъ; въ его ораторіяхъ главный герой—всегда народъ. Фуга вокальная является любимѣйшей формой его творчества, но она уже расширяется и дѣлается свободнѣе, какъ форма. Это обусловливается самымъ содержаніемъ его композицій,—стоитъ только вспомнить картину изнывающаго отъ каръ египетскихъ народа въ «Израилѣ», отчаяннаго призыва къ смерти и свободѣ въ «Маккавеяхъ», пиршества, смѣняющагося воплями о мщеніи, въ «Торжествѣ Александра». Стиль Генделя уже гораздо свободнѣе и субъективнѣе баховскаго.—Вслѣдъ за этими двумя эпиками, на поприщѣ музыки появляются драматики, представители драматическаго элемента въ музыкѣ: вселенское и массовое чувство смѣняется человѣческимъ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ; союзъ звука и слова становится неразрывенъ—и развивается опера. Моцартъ (род. 1756 г. ум. 1791), вѣрный наслѣдникъ Баха, по духу создаетъ драматическую музыку; если Бахъ воспѣвалъ космосъ внѣшній, то Моцартъ воспѣваетъ и славословитъ своими соловьиными руладами космосъ внутренній:—дивной гармоніей разума и страстей дышетъ большинство созданныхъ имъ характеровъ; для творца «Волшебной флейты» искусство было этою флейтою, при звукахъ которой человѣкъ проходитъ, ясенъ и чистъ, какъ дитя, сквозь огонь страстей и мутную воду житейской пошлости. Но не къ Баху, а къ Генделю примыкаетъ создатель музыкальной драмы (1714—1787), Глюкъ, пренебрегавшій эстетическими законами искусства для достиженія чисто-драматическихъ эффектовъ, любившій все сильное и грандіозное въ области чувства, пѣвецъ скорби, самоотреченія и предсмертной тоски—Орфея, Ифигеніи и Альцесты,—разбивавшій формы

Digitized by Google

искусства съ такимъ же пыломъ, съ какимъ его поклонникъ и обожатель, Руссо, разбивалъ формы общественности.—Но вотъ музыка дѣлаетъ новый шагъ—и развитіе драмы порождаетъ развитіе лирики, уже чисто-субъективнаго рода творчества; вслѣдъ за фугой и оперными формами развиваются формы сонаты и симфоніи. И опять появляется пара духовныхъ наслѣдниковъ Моцарта и Глюка—Гайднъ и Бетховенъ. Гайднъ (1732—1809), великій поклонникъ Моцарта, посвящаетъ жизнь воспѣванію счастья и ненасытимой жажды бытія.—Въ границахъ тѣхъ же, созданныхъ и выработанныхъ Гайдномъ формъ, сонаты и симфоніи, Бетховенъ (1770—1827) всю жизнь воспѣваетъ борьбу, страданіе и мучительное стремленіе къ идеалу, примыкая къ Генделю и Глюку.—Такимъ образомъ историческое и психологическое сродство шестерыхъ геніевъ музыки (всѣ шестеро—нѣмцы) допускаетъ слѣдующее схематическое изображеніе, какъ бы въ видѣ родословной:

Эпики.

Бахъ. — Гендель.

Драматики.

Моцартъ. — Глюкъ.

Лирики.

Гайднъ. — Бетховенъ.

Музыкальный лиризмъ создалъ форму сонаты (отъ sonare—играть, въ противоположность cantare—пѣть). Этотъ циклъ музыкальной формы состоитъ изъ трехъ, иногда четырехъ частей, и въ основныхъ своихъ чертахъ совершенно одинаковъ у фортепіанной сонаты, оркестровой симфоніи, тріо, квартета, концерта и пр. Широко разработанная первая скорая часть, allegro, кладетъ основаніе всему дальнѣйшему развитію мысли и формы произведенія. За allegro умиротворяющимъ образомъ дѣйствуетъ adagio, медленная часть. Иногда послѣ adagio, для контраста и возбужденія, вставляется веселое скерцо (буквально—шутка). Послѣдняя часть, опять allegro, завершаетъ общую картину душевнаго движенія, полную контрастовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единства и цѣльности. Другими словами, соната есть какъ бы схема волны какого нибудь одного чувства, преобладающаго въ настроеніи композитора—волны, подымающейся въ allegro и достигшей въ немъ апогея, какъ бы застывшей затѣмъ на мгновеніе въ adagio и отливающей въ заключительномъ allegro. Самой важной частью сонаты является, такимъ образомъ, первое allegro, опредѣляющее главное содержаніе композиціи [1]). Это allegro строится по тому же основному принципу,—покой, движенье, покой,—какъ и все цѣлое. Всякая музыкальная мысль, тема, становится вполнѣ ясна лишь тогда, когда ей противопоставляется въ видѣ контраста другая мысль, тема; въ основномъ allegro сонаты эти двѣ мысли сначала мирно слѣдуютъ одна за другою, затѣмъ начинается борьба между ними, переходъ и полетъ ихъ въ близкіе и дальніе лады (модуляціи), а затѣмъ обѣ мирно возвращаются въ прежній

[1]) Люди, дорожащіе въ искусствѣ дѣйствіемъ частностей, а не единствомъ цѣлаго, цѣнятъ въ сонатахъ, особенно въ бетховеновскихъ, преимущественно adagio.

Digitized by Google

ладъ, окончательно выяснивъ и доведя до апогея основное настроеніе всего произведенія. Именно эта высоко-художественная форма музыкальной лирики должна была подвергнуться окончательной разработкѣ въ рукахъ Бетховена; она не была избрана имъ произвольно, какъ не были, напримѣръ, избраны произвольно Петраркою форма сонета, или Шекспиромъ—форма драмы.

Въ этой формѣ написано первое сочиненіе, opus 1, Бетховена—тріо для фортепіано, скрипки и віолончели, числомъ три, посвященныя князю Лихновскому; они были напечатаны въ 1795 году, но окончены, вѣроятно, еще въ Боннѣ. По поводу этихъ композицій (Es-dur, G-dur и C-moll) можно съ увѣренностью сказать, что если Бетховенъ не былъ чудеснымъ ребенкомъ, подобно Моцарту, то довольно рано созналъ свое призваніе. Будущій поэтъ оркестра сказался въ выборѣ для перваго сочиненія не фортепіанной сонаты, а именно trio, требующаго стиля средняго между фортепіаннымъ и оркестровымъ. По содержанію, эти trio представляютъ еще мало характерно-бетховеновскаго настроенія; выражаясь описательно, въ нихъ то заливаются соловьи Моцарта, то щебечутъ ласточки Гайдна. Преобладающее настроеніе это—упоеніе жизнью или, что то же для юнаго художника,—упоеніе творчествомъ; иногда чуется юный задоръ, какъ бы разбѣгъ въ жизнь (напримѣръ, въ финалѣ втораго тріо); временами замѣтно стремленіе сдержать порывъ могучей жизнерадостности и уйти въ себя, стремленіе, столь свойственное натурамъ страстнымъ и цѣломудреннымъ (таково замирающее prestissimo въ trio C-moll). Это послѣднее trio уже сквозитъ первыми тѣнями грусти, столь характеризующей позднѣйшее творчество Бетховена; присущая этой композиціи оригинальность и вызвала неодобреніе со стороны Гайдна. Иначе и быть не могло, потому что съ самаго начала Бетховенъ расширяетъ и отчасти преобразовываетъ форму старой сонаты въ томъ окончательномъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ рукъ Гайдна. Та вводная веселая часть, которая у Гайдна, подъ именемъ менуэта, должна была рѣзче оттѣнять дѣйствіе adagio, у Бетховена пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельное значеніе. Въ первомъ же тріо менуэтъ преобразованъ въ скерцо; со временемъ, въ другихъ композиціяхъ Бетховена, эта часть должна была получить значеніе элемента глубокой, всегда присущей композитору, ироніи à la Гейне, гамлетовской рефлексіи,—и такимъ образомъ еще сильнѣе оттѣнить общую страстность и глубину бетховенскаго лиризма.

Но если Бетховенъ столь рано проявилъ тяготѣніе къ оркестру, то почти одновременно выказалъ и любовь къ фортепіано. Фортепіано можно назвать инструментомъ мысли, идеи, преимущественно предъ всѣми остальными инструментами,—оно не въ состояніи блеснуть чувственной прелестью и роскошью звука, но, благодаря подвижности и легкости своихъ звуковыхъ массъ, заставляетъ композиторовъ заботиться прежде всего о содержательности, идейности ихъ произведеній. Въ этомъ смыслѣ, фортепіано сравнимо съ прозой (какъ оркестръ—со стихами): поэта, пишущаго ею, она и стѣсняетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ фантазію. Фортепіано—инструментъ, столь же типичный для Бетховена, сколь типиченъ органъ для

Digitized by Google

Баха,—соната Бетховена столь же немыслима на органѣ, какъ напримѣръ, пѣсня Гейне въ изложеніи ея гекзаметромъ.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за trio op. 1, слѣдуютъ три сонаты для фортепіано, op. 2, написанныя въ 1795 г. и посвященныя Гайдну. Въ нихъ мы видимъ новый значительный шагъ впередъ, болѣе тонкое психологическое развитіе основной идеи; финалъ уже не имѣетъ единственною цѣлью отпустить слушателя съ мирнымъ и яснымъ настроеніемъ, каковъ онъ былъ въ trio. Такъ, послѣ allegro, adagio и менуэта 1-й сонаты (F-moll), полныхъ какого-то дѣвичьи-робкаго и нѣжнаго настроенія, съ рѣзкими вспышками рѣшимости и гнѣва, мы встрѣчаемъ бурный, стремительный финалъ; юноша, съ тревогою всматривавшійся съ золотаго порога дѣтства въ туманную даль, вдругъ кидается ей навстрѣчу [1]). Менѣе послѣдовательна, но еще болѣе типична 2-я соната (A-dur). Первое Allegro vivace брызжетъ и трепещетъ жизнью, напоминая тѣ могучіе, полнокровные образы, которыми такъ прославился землякъ Бетховена, Рубенсъ. Зато въ желѣзныхъ шагахъ рѣзко-ритмованнаго Largo мы какъ бы наталкиваемся на силы, преграждающія путь этимъ кипучимъ стремленіямъ; взоръ юноши обращается съ земли къ вѣчнымъ таинственнымъ звѣздамъ; сердце сжимается, въ предчувствіи тяготѣющихъ даже надъ нимъ міровыхъ законовъ; въ воображеніи проносится слово: «смерть»—и грусть, глубокая и тихая, какъ сама звѣздная ночь, проникаетъ, вливается въ душу. Но юность беретъ свое: взмахнувъ кудрями, она отгоняетъ неразрѣшимыя думы (скерцо) и предается снова широкимъ, безпрерывно одна за другой катящимся и клубящимся, волнамъ жизнерадостности (заключительное Rondo).

Въ каждой изъ дальнѣйшихъ сонатъ Бетховенъ продолжаетъ развиваться и совершенствоваться. Соната op. 7 (Es-dur), напримѣръ, отличается изумительно выдержаннымъ свѣтлымъ колоритомъ, рѣдкимъ по яркости даже среди первыхъ композицій Бетховена; по формѣ и идеѣ эта слѣпленная и выточенная на диво соната напоминаетъ упоеннаго побѣдой юнаго «Персея» Бенвенуто Челлини. Она написана въ 1797 г. Въ сонатѣ op. 10, № 2 (F-dur), написанной въ 1798 г., замѣчательно отсутствіе adagio, замѣненнаго замаскированнымъ скерцо; въ лирическое стихотвореніе, которое исходитъ прямо отъ юнаго сердца, вдругъ врывается гамлетовскій монологъ; сонату заканчиваетъ огненное prestissimo, напоминающее разсказы современниковъ о неожиданныхъ вспышкахъ буйной, неукротимой веселости Бетховена, о его смѣхѣ, похожемъ на львиное рыканье.—Но еще интереснѣе соната op. 10, № 3 (D-dur); даже удивительно, что она очутилась въ столь раннемъ періодѣ бетховеновскаго творчества. Въ разбѣгахъ и остановкахъ основной мысли перваго Presto, въ мотивахъ борьбы и покоя, слышится настроеніе стихотворенія Гейне: «Юноша у моря» (разумѣется, тогда еще не

[1]) Только при постоянныхъ ссылкахъ на форму композиціи, толкованіе смѣны ея настроеній, т. е. содержанія, становится въ глазахъ критики до нѣкоторой степени объективнымъ; мы однако будемъ по возможности избѣгать этихъ ссылокъ, неинтересныхъ для большинства читателей.

Digitized by Google

написаннаго),—вѣчныя волны катятся одна за другою, и такою же вѣчною вереницей смѣняются вопросы вопросами:

Кто мнѣ откроетъ, что̀ тайна отъ вѣка,—
Въ чемъ состоитъ существо человѣка?
Какъ онъ приходитъ, куда онъ идетъ,
Кто тамъ вверху, надъ звѣздами, живетъ?

Столкновеніе съ этими думами неумолимѣе и трагичнѣе, чѣмъ въ упоминавшейся сонатѣ op. 2 (A-dur). Слѣдующее за Presto—Largo недаромъ иногда играютъ на органѣ: оно полно религіознаго, хотя своеобразнаго и глубоко-мрачнаго настроенія, напоминая «Надежду въ Бога» Альфреда де Мюссэ и возгласы поэта:

Коль насъ ты хотѣлъ обездолить,
Твореньe свое не взлюбя,
Не долженъ ты былъ бы позволить
Предчувствовать въ небѣ Тебя.

Впрочемъ, конецъ сонаты тѣсно связываетъ ее съ остальными произведеніями этого періода: она окончена также, какъ и соната A-dur. Столь же характерны порывы «Патетической» сонаты op. 13 (C-moll), написанной въ 1799 г., но только она является впервые вполнѣ выдержанной сначала до конца въ серьезномъ, бетховеновскомъ духѣ; ея плѣнительно-нѣжное andante, между бурнымъ печальнымъ allegro и жалобнымъ финаломъ, производитъ эффектъ шекспировскаго сравненія—бѣлой голубки между черными воронами; такъ какъ публикѣ стали извѣстны прежде всего раннія сонаты Бетховена, а между ними лучшая безспорно—патетическая, то и понятна ея незаслуженная извѣстность преимущественно предъ всѣми остальными позднѣйшими сонатами Бетховена.

Въ этотъ же періодъ своего творчества, Бетховенъ обратилъ вниманіе и на форму варіаціи, столь любимую русскою музыкою и ея лучшимъ представителемъ — Глинкою. Впослѣдствіи Бетховенъ довелъ ее до великаго мастерства, но пока даже про лучшія варіаціи его—въ trio B-dur, op. 11, 1798 г.—можно сказать, что это не «рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица», а скорѣе рядъ масокъ, которыя падаютъ и открываютъ милую улыбку юноши-художника. Но даже въ это время, въ варіаціяхъ сонаты op. 26, As-dur, 1802 г., Бетховенъ достигаетъ великаго мастерства. Это та соната, которая извѣстна своимъ трагическимъ «погребальнымъ маршемъ въ честь смерти героя». Съ каждой композиціей Бетховенъ дѣлаетъ новый гигантскій шагъ впередъ по пути развитія своего генія.

Зато менѣе счастливъ онъ въ другой сферѣ своего искусства—въ сферѣ вокальной музыки. Его пѣсни и романсы того времени совершенно забыты. Когда-то современная, хотя и не оригинальная манера «Аделаиды», написанной въ 1796 г., кажется намъ теперь столь же странной, какъ слогъ Карамзина: «О, прелестная натура! воскликнулъ я и, упавъ на землю, пролилъ слезы *счастія*». Впрочемъ, «Майская пѣсня» на слова Гёте прекрасно характеризуетъ настроеніе Бетховена и большинства его композицій этого времени:

Любовь, любовь, ты манишь,
Ты такъ сіяешь мнѣ,

Digitized by Google

Какъ облачко восхода
На горной вышинѣ!

Этимъ же настроеніемъ отличаются три сонаты для скрипки и фортепіано, ор. 12, 1799 г. Эта веселая, благозвучная и красивая музыка въ моцартовскомъ вкусѣ пріобрѣтаетъ особенный интересъ при воспоминаніи о послѣдующей трагической судьбѣ композитора. Всѣми произведеніями этого періода намъ слѣдуетъ дорожить; въ нихъ есть нѣчто несказанно поэтическое и трогательное,—никогда уже впослѣдствіи Бетховенъ *такъ* не писалъ. Независимо отъ того, всѣ эти произведенія интересны потому, что ясно говорятъ о быстромъ развитіи самопознанія генія.

Новый толчокъ этому развитію самопознанія и творчества дала сама жизнь.

Съ 1794 года Бетховенъ или жилъ въ домѣ своего друга и покровителя, князя Лихновскаго, или получалъ отъ него пенсію. Временами онъ тяготился своимъ зависимымъ, какъ бы то ни было, положеніемъ, и восклицалъ: «легко обходиться съ знатью, но все таки надо имѣть возможность пускать ей пыль въ глаза». Тѣмъ не менѣе, въ свѣтскомъ кругу онъ былъ желаннымъ гостемъ и мѣнять его на другія свои общества не стремился. Къ тому же Бетховенъ, этотъ рябой, неловкій и, казалось бы, непривлекательный невѣжа съ пронзительными глазами, пользовался большимъ успѣхомъ у женщинъ, стоявшихъ по своему общественному положенію гораздо выше его. Не удивительно, что онъ вскорѣ полюбилъ своею первою, серьезною бетховеновской любовью одну изъ женщинъ этого круга.

То была юная графиня Юлія Гвиччарди, итальянка родомъ; въ 1800 г. композиторъ сталъ давать ей уроки музыки. Исторію этой любви композиторъ разсказалъ потомству въ двухъ сонатахъ ор. 27, написанныхъ въ очень свободной формѣ и потому озаглавленныхъ имъ сонатами-фантазіями (quasi una fantasia).

Соната ор. 27, № 1 (Es-dur), посвященная княгинѣ Лихновской, написана въ 1801 г. Ритмъ, этотъ элементъ выраженія воли въ музыкѣ, въ начальномъ andante,—спокойный, однообразный, какъ бы тихо движущійся; мелодія нѣжна и спокойна; невольно напрашивается въ воображеніе образъ блуждающаго, разсѣяннаго Ромео, еще не осмыслившаго всего значенія своей встрѣчи съ Джульетой. Дикая вспышка страсти (allegro) лишь на мгновеніе можетъ смутить это блаженное раздумье. Но легкія тѣни набѣгаютъ облаками на ясный горизонтъ (allegro molto vivace въ видѣ скерцо). Ромео уходитъ въ себя, ищетъ поддержки въ своей волѣ и тайный голосъ шепчетъ ему слова надежды и утѣшенія (adagio con expressione),—и вотъ, въ звукахъ финала (allegro vivace), находитъ себѣ выраженіе жажда борьбы со всѣми препятствіями и стремленіе выпить до дна кубокъ жизни.—Но совершенно инымъ настроеніемъ вѣетъ отъ второй сонаты quasi una fantasia, Cis-moll,—этой прометеевски-мощной сонаты, которая извѣстна подъ неудачной, не Бетховеномъ придуманной, кличкой: «Лунной» (Mondscheinsonate). Соната появилась въ мартѣ 1802 г.; она посвящена графинѣ Джульетѣ Гвиччарди. Ее продиктовало предчувствіе неминуемой и вѣчной разлуки. Соната начинается прямо съ adagio,—композиторъ не напи-

Digitized by Google

салъ перваго, главнаго allegro, которое должно было бы, судя по ходу цѣлаго, изобразить все развитіе бетховеновской страсти; ему, какъ человѣку, больно было написать это allegro,—и вся соната приняла видъ фантазіи. Пѣсней отреченія можетъ быть названо это единственное во всей фортепіанной литературѣ adagio, съ его воздушнымъ напѣвомъ, который скользитъ по волнамъ акомпанемента, колыхаясь и трепеща, движеньями раненаго лебедя; если и при этомъ вспоминается Ромео, то уже Ромео въ склепѣ, у гроба Джульеты. Но вотъ сверкнулъ проблескъ надежды въ менуэтѣ,—и только сверкнулъ; въ послѣдней музыкальной фразѣ уже слышится: «навсегда». И вотъ страстное желаніе бури и упоенія страданіемъ смѣняетъ безнадежную печаль; оно выливается въ заключительномъ, громовомъ allegro, которое какъ бы цѣликомъ вырывается изъ груди, въ видѣ одного манфредовскаго крика: «Забвенья мнѣ, забвенья»!

Весною того же 1802 г., въ отношеніяхъ Бетховена и графини Гвиччарди наступилъ совершенный разрывъ. Причину его слѣдуетъ искать не въ одной разницѣ общественныхъ положеній. Бетховенъ, повидимому, самъ отказался связать судьбу графини со своею; онъ самъ же помогъ деньгами своему сопернику, графу Галленбергу, для женитьбы послѣдняго на Джульетѣ. Психологическая подкладка дѣла, кажется, такова: Бетховенъ заботился о счастіи любимаго существа; при его склонности къ глубокому анализу своихъ чувствъ, ему должна была быть ясна разнородность характера свѣтской, беззаботной красавицы и своего собственнаго; еще вѣроятнѣе, что онъ слишкомъ дорожилъ своей свободой—свободой творчества—и боялся за нее. Это можно заключить изъ словъ Бетховена, произнесенныхъ впослѣдствіи, при разговорѣ объ означенномъ событіи его жизни: «Еслибы я ушелъ весь на *такую* жизнь, то что̀ бы осталось для жизни лучшей и благороднѣйшей»? Не предвидя счастья отъ развитія своего чувства ни для себя, ни для графини Джульеты, Бетховенъ побѣдилъ себя и задушилъ это чувство, вырвалъ его, по выраженію поэта, «какъ кинжалъ изъ раны». Та неохота и сдержанность, съ которой онъ говорилъ даже подъ старость объ этой любви, также свидѣтельствуютъ о трагизмѣ борьбы съ нею. Вполнѣ справедливо, въ одной изъ своихъ записокъ графинѣ, Бетховенъ назвалъ ее своею «безсмертною возлюбленной» [1]).

Этотъ великій нравственный процессъ не остался безъ вліянія на жизнь и дѣятельность художника. Бетховенъ ушелъ въ себя глубже, нежели когда либо, окружилъ себя поэтами древности и современными, и погрузился въ творчество: «я ужасно лѣнивъ на письма,—извиняется онъ передъ пріятелями,—не люблю выво̀дить

[1]) Тайеръ, безъ достаточныхъ основаній, относитъ это письмо безъ даты къ позднѣйшему времени. Вообще новая біографія Бетховена, Тайера, при всемъ богатствѣ фактическихъ данныхъ, бѣднѣе старой біографіи, Маркса, данными психологическими и музыкально-критическими. Какъ бы то ни было, замѣчаніе Доммера все еще справедливо: «До сихъ поръ нѣтъ сочиненія, которое соединяло бы въ себѣ точныя біографическія свѣдѣнія съ яснымъ, сознательнымъ изученіемъ и оцѣнкой произведеній Бетховена».

Digitized by Google

вмѣсто нотъ сухія буквы». Жизнь онъ ведетъ правильную и однообразную, какъ нотная строка. Встаетъ онъ съ разсвѣтомъ и прямо садится за письменный столъ; часа черезъ три онъ завтракаетъ и, выдя на часъ прогуляться, снова работаетъ до трехъ часовъ, а потомъ обѣдаетъ. Если онъ увлечется работой и забудетъ о прогулкѣ, то, для освѣженія, выливаетъ нѣсколько кувшиновъ воды себѣ на голову, причемъ мычитъ или воетъ отъ удовольствія, такъ какъ не можетъ пѣть, за неимѣніемъ голоса. Послѣ обѣда онъ выходитъ на свою обычную большую прогулку за городъ, не обращая вниманія на погоду. Послѣ обѣда и вечеромъ онъ не работаетъ,—развѣ только переписываетъ свои наброски,—и читаетъ свою «Аугсбургскую всеобщую газету» за стаканомъ пива и огромной трубкой; иногда идетъ въ кафе поболтать съ пріятелями; иногда фантазируетъ въ сумеркахъ на фортепіано. Общества онъ по возможности избѣгаетъ: издатели и пріятели разыскиваютъ его сами. Лѣтомъ, въ какомъ нибудь загородномъ мѣстечкѣ, онъ компонируетъ на свѣжемъ воздухѣ. Нотный альбомъ всегда въ карманѣ его длиннополаго, развѣвающагося по вѣтру сюртука; то онъ присядетъ на стволъ упавшаго дерева и напишетъ мелькнувшую въ ушахъ мелодію, то сорвется съ мѣста и помчится въ гору, то спокойно бродитъ по полямъ, завывая и ворча, съ видомъ довольнаго медвѣдя, и теряя свою шляпу.

Но въ эту одинокую и, по своему, счастливую жизнь врывается новое несчастіе, еще ужаснѣйшее, чѣмъ разбитыя надежды. Бетховенъ сталъ слышать все туже и туже,—слишкомъ чуткій, до болѣзненности раздражительный слухъ пострадалъ отъ самой обыкновенной случайности, простуды. Прежнее горе могло убить человѣка; новое—грозитъ убить музыканта,—и, конечно, оно убило бы всякаго композитора, обладающаго болѣе грубымъ внутреннимъ ухомъ. Это несчастіе должно было поднять новую ужаснѣйшую бурю въ душѣ Бетховена: глухой музыкантъ! возможенъ ли слѣпой живописецъ?

Впервые Бетховенъ пишетъ о своемъ недугѣ въ 1801 году, лѣтомъ, своему пріятелю Вегенеру, умоляя никому объ этомъ не говорить: «не будь я музыкантъ—еще не бѣда; но что теперь скажутъ мои враги»! Даже въ пору сладостнаго недоумѣнія первой любви, его мучитъ призракъ глухоты, «бѣсъ въ ушахъ», по его выраженію. Бетховенъ призываетъ къ себѣ все свое мужество, чтобы не упасть духомъ, рѣшается во что бы то ни стало «схватить судьбу за самое горло» (ich will dem Schicksal in den Rachen greifen). Но эту адскую муку не прогонишь философствованіемъ вѣдь приходится отказаться отъ общества, отъ концертовъ, отъ наслажденій музыкою виртуозовъ, отъ дирижерства своими композиціями, отъ той роскоши вѣчной симфоніи, которую поетъ весною природа! Недугъ становится для Бетховена источникомъ нечеловѣческой муки, и каждое мелочное обстоятельство жизни могло пробуждать сознаніе его и вмѣстѣ съ тѣмъ жгучую сердечную боль. Лѣтомъ 1802 года, Бетховенъ бродилъ за Вѣною съ однимъ изъ своихъ учениковъ и весело болталъ съ нимъ (слышать разговорную рѣчь онъ пересталъ лишь гораздо позже). Ученикъ обратилъ вни-

Digitized by Google

маніе учителя на звукъ пастушеской свирѣли, доносившійся издалека. Бетховенъ остановился, долго слушалъ, примолкъ и повернулъ домой.

Бетховенъ думалъ, что не переживетъ своей страшной двойной борьбы. Лѣтомъ 1802 года,—разрывъ съ графинею Гвиччарди послѣдовалъ весною,—въ деревнѣ Гейлигенштадтъ, подъ Вѣною, Бетховенъ счелъ нужнымъ написать свое завѣщаніе, драгоцѣннѣйшій документъ для біографіи композитора. Оно начинается словами: «О, люди, вы считаете меня за брезгливаго, неуживчиваго человѣконенавистника,—какъ вы несправедливы ко мнѣ! Еслибы вы знали причину, почему я кажусь такимъ»! Послѣ трогательныхъ жалобъ на свои страданія, Бетховенъ продолжаетъ: «Все это привело меня въ отчаяніе и я покончилъ бы съ собою, еслибы меня не удержпвало искусство. Мнѣ просто невозможнымъ кажется покинуть свѣтъ ранѣе, пока я не произвелъ всего, къ чему чувствую въ себѣ задатки. И вотъ я влеку это жалкое существованіе—по истинѣ жалкое, ибо жду перемѣны только къ худшему. *Терпѣніе* избралъ я руководителемъ своей жизни».

И въ это же самое лѣто онъ работаетъ надъ своими первыми симфоніями—искусство поддерживаетъ его силы. Тамъ же, въ Гейлигенштадтѣ, была написана еще одна соната, op. 28 (D-dur), извѣстная подъ меткимъ названіемъ «Пасторальной», проникнутая свѣтлымъ, философскимъ, всеобъемлющимъ чувствомъ природы. Что утѣшеніемъ для несчастнаго было не одно искусство,—мы знаемъ это изъ словъ его, относящихся къ тому времени: «Вглядись въ природу и примирись съ неизбѣжнымъ».

Гейлигенштадтъ, это мирное мѣстечко, въ которомъ до сихъ поръ живетъ воспоминаніе о композиторѣ и есть «Бетховеновская аллея», этотъ глухой уголокъ былъ мѣстомъ великой борьбы, имѣвшей, быть можетъ, не меньшее значеніе для человѣчества, чѣмъ самая кровопролитная рѣзня, какую задавалъ Европѣ въ то же время Наполеонъ. Здѣсь Бетховенъ страдалъ, боролся—и побѣдилъ; здѣсь изъ человѣка выработался герой, а изъ музыканта—геній. Здѣсь Бетховенъ завоевалъ человѣчество, послѣ того какъ испилъ до дна безконечную чашу страданья.

Добрый духъ Очирвани,—гласитъ одно монгольское сказанье,—увидѣлъ однажды приготовленную злымъ демономъ чашу, въ которой было припасено зло и горе для рода человѣческаго. Добрый будда рѣшилъ вмѣстить въ одномъ себѣ зло, разсчитанное на многихъ: онъ взялъ своей божественною рукою чашу и выпилъ ее однимъ духомъ всю до послѣдней капли. Съ тѣхъ поръ онъ страдаетъ неописуемо: тѣло его горитъ вѣчнымъ огнемъ, онъ испускаетъ страшные вопли, руки и ноги его корчатся, и онъ уже не въ силахъ хранить созерцательное спокойствіе, приличествующее буддѣ. Но зато, за подвигъ свой, онъ чтится наравнѣ съ другими величайшими буддами и называется, не смотря на страшный свой видъ, добрымъ богомъ.

Digitized by Google

II.

«Героическая» симфонія и «Фиделіо». 1802—1806 гг.

Три концерта для фортепіано и оркестра, квартеты ор. 18. Септуоръ. 1-я и 2-я симфоніи. Критики Бетховена. «Христосъ на Масличной горѣ». Бетховенъ и Наполеонъ. Егӧса. Взгляды на нее Вагнера и Берліоза. Значеніе Бетховена для музыки XIX вѣка. Соната D-moll, ор. 31, и «Буря», Шекспира. Соната для скрипки и фортепіано ор. 30 и Крейцерова. Духовныя пѣсни и характеръ религіозности Бетховена. Предложеніе написать оперу. Сюжетъ «Леоноры», или «Фиделіо». Отсутствіе драматическаго движенія. 4 увертюры. Музыка оперы. Ея неуспѣхъ. Почему Бетховенъ написалъ «Фиделіо»?

Тотъ рядъ событій въ жизни Бетховена, который вызвалъ его «Гейлигенштадтское завѣщаніе», не замедлилъ отразиться на его творчествѣ. Уже чисто внѣшній признакъ характеризуетъ перемѣну въ этой области: Бетховенъ перешелъ отъ фортепіано къ оркестру, отъ сонаты къ симфоніи.

Переходъ этотъ однако произошелъ не сразу, но постепенно, путемъ цѣлой вереницы промежуточныхъ композицій. Таковыми были прежде всего первые три концерта для фортепіано съ оркестромъ: ор. 15, 19 и 37 (C-dur и B-dur—1798 г., а C-moll—1800 г.). Въ нихъ много красотъ. Характеристиченъ простонародный гайдновскій финалъ въ 1-мъ,—сущая музыка на нѣмецкомъ деревенскомъ tanzboden'ѣ, съ вертящимися Германомъ и Доротеей, и старыми бюргерами, потягивающими рейнвейнъ изъ зеленыхъ стаканчиковъ,—но въ ней еще не слышно Фауста, задумчиво блуждающаго среди этого веселья; прелестно adagio втораго, полное нѣжныхъ вздоховъ и того томленія, которое впослѣдствіи оставалось чуждо пѣвцу борьбы и міровой скорби,—въ то время «суровый Дантъ не презиралъ сонета»;—блещетъ свѣжестью, мягкостью и красотой романтическаго колорита весь третій концертъ. Впрочемъ, едва ли эти композиціи по своимъ достоинствамъ стоятъ выше первыхъ тріо. Интересно во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что Бетховенъ, противопоставляя фортепіано оркестру, какъ бы сравниваетъ и выбираетъ.—Въ томъ же году, 1800, и ранѣе, написаны шесть квартетовъ для двухъ скрипокъ, альта и віолончели, ор. 18 (F-dur, G-dur, D-dur, C-moll, A-dur, B-dur). Квартетъ также относится къ оркестру, какъ акварель—къ картинѣ масляными красками, т. е. ближе, чѣмъ фортепіано, сравнимое въ данномъ случаѣ съ гравюрой; отсюда видно, съ какою осторожностью подходилъ Бетховенъ къ своимъ большимъ трудамъ. Бетховенъ въ этихъ квартетахъ еще нейдетъ далѣе традицій Гайдна и Моцарта: въ нихъ бьетъ свѣжій и ясный родникъ вдохновенья, еще не разлившійся въ широкую рѣку, способную и играть, и грозить, и отражать звѣзды небесныя. Едва ли не характернѣйшее мѣсто въ нихъ—это финалъ шестаго квартета, въ безмятежное allegro котораго, ясное, какъ лазурь, вплываетъ adagio, какъ «послѣдняя туча разсѣянной

Digitized by Google

бури».—Еще яснѣе выраженъ шагъ къ оркестру въ «большомъ септуорѣ», op. 20 (Es-dur), для скрипки, альта, віолончели, контрбаса, кларнета, фагота и волторны, 1800 г. Эта композиція написана немножко въ манерѣ «серенадъ» Моцарта; вниманіе композитора направлено не на развитіе основной мысли, а на красоту и легкость музыкальнаго движенія,—бетховеновское adagio вдругъ разрѣшается въ гайдновскій юморъ, въ скерцо съ комическими скачками фагота. Отъ септета Бетховенъ перешелъ непосредственно къ оркестру.

Въ 1800 году онъ вступилъ, наконецъ, на давно намѣченное имъ поприще: въ этомъ году была написана его первая симфонія, C-dur op. 21. О вліяніи предшественниковъ можно и не упоминать впредь, со времени появленія этой симфоніи: въ этой области искусства Бетховенъ—Колумбъ и откроетъ новые міры.

Уже по первой симфоніи видно, что Бетховена стѣснялъ оркестръ Моцарта и Гайдна: вмѣсто прежней манеры писать для гобоя *или* кларнета, онъ пишетъ для гобоя *и* кларнета, отводитъ болѣе самостоятельную роль каждой группѣ инструментовъ,—струнной, духовой и ударной,—и укрѣпляетъ силы новой группы мѣди, этой артиллеріи оркестра, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ поле дѣятельности для каждаго инструмента въ отдѣльности. Онъ преобразовываетъ свое войско совершенно по наполеоновскимъ началамъ, дисциплинируетъ его и, требуя отъ каждаго инструмента виртуозности, предоставляетъ ему самостоятельность,—въ его оркестрѣ каждый солдатъ можетъ стать маршаломъ. И, только убѣдившись въ непобѣдимости своего войска, онъ идетъ завоевывать человѣчество.

Ни одна изъ композицій Бетховена не дышетъ такимъ упоеніемъ творчества, какъ эта первая симфонія. Вся эта симфонія—одно сплошное, великое торжество, вступленіе во святая святыхъ искусства. Въ восторгѣ, которымъ она проникнута, есть нѣчто эпическое, библейское; колоссальная сила творчества сравнима съ ветхозавѣтнымъ конемъ,—«онъ топаетъ ногами и радуется мощи своей, и дрожитъ, и бѣснуется, и взрываетъ землю, и не внемлетъ звуку трубы»; зато временами слышится безконечное умиленіе, невольно напоминая стихъ поэта:

Я плачу сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ земли обѣтованной.

Въ 1802 г., въ Гейлигенштадтѣ была окончена вторая симфонія, D-dur, op. 36. Кромѣ того невольнаго упоенія торжествомъ завоеванной геніальности, которое господствуетъ въ первой симфоніи, мы встрѣчаемъ въ ней уже другіе звуки. Уже въ выборѣ болѣе рѣзкаго основнаго лада симфоніи, спартанскаго D-dur, въ сравненіи со спокойнымъ C-dur, предчувствуется извѣстная напряженность настроенія. Эта напряженность слышится даже въ безмятежномъ Larghetto, полномъ того мягкаго чувства природы, достойнаго Гёте, когда взоръ спокойно скользитъ по засыпающимъ лѣсамъ и вершинамъ, на которыхъ догораетъ закатъ,—«погоди немного, отдохнешь и ты». Въ судорожномъ весельѣ финала слышится упоеніе незримой, но великой побѣдой въ Гейлигенштадтѣ или, точнѣе, сказывается первый пылъ этого упоенія, когда побѣдитель еще не замѣчаетъ, что самъ истекаетъ кровью.

Digitized by Google

Насколько оригинальною казалась эта симфонія современникамъ Бетховена, лучше всего видно изъ отзывовъ о ней критики. Вообще критика съ самаго начала отнеслась къ художнику недоброжелательнѣе публики, какъ элементъ, вообще, болѣе консервативный. Такъ, въ Берлинѣ даже первые квартеты Бетховена были провозглашены «чудачествомъ»; старый теоретикъ Клементи, при проѣздѣ черезъ Вѣну, не пожелалъ познакомиться съ композиторомъ; въ числѣ порицателей Бетховена былъ даже его старый учитель, Альбрехтсбергеръ; невѣжественные же рецензенты поголовно находили его музыку ученой, но неестественной. Особеннымъ нападкамъ подверглась вторая симфонія. Одинъ критикъ, думая, что онъ бранится, сравнивалъ симфонію D-dur съ чудовищемъ, съ «раненымъ, необузданно-извивающимся дракономъ, который живучъ, и, даже истекая кровью—въ финалѣ,—бѣшено бьетъ вокругъ себя хвостомъ, въ безсильномъ гнѣвѣ».—Бетховенъ этимъ не смущался; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ обращается къ своимъ критикамъ: «вы просто меня не понимаете, pax vobiscum»! (миръ вамъ).

Въ 1803 году Бетховенъ окончилъ свою единственную ораторію: «Христосъ на Масличной горѣ». Ею онъ доказалъ, что къ нему до извѣстной степени приложимъ эпитетъ «жестокаго таланта». Упоеніе страданіемъ и вѣра въ его спасительность, столь естественныя для Бетховена въ этотъ періодъ жизни, должны были повліять на выборъ этого сюжета и породнить до нѣкоторой степени Бетховена съ нашимъ Достоевскимъ. Но душевный разладъ, мучительная раздвоенность натуры находятъ болѣе блестящее изображеніе въ прозѣ, чѣмъ въ музыкѣ, требующей прежде всего непосредственности и свѣжести чувства. Бетховенъ писалъ ораторію въ слишкомъ возбужденномъ настроеніи и не удивительно, что эта композиція имѣетъ преимущественно психологическій, а не художественный интересъ. Христосъ въ ней является, въ сравненіи съ евангельскимъ образомъ, столь же театральнымъ и мелкимъ, какимъ явился у Бетховена Прометей въ трико (въ балетѣ, написанномъ ранѣе) въ сравненіи съ титаномъ Эсхила.

Но въ томъ же 1803 году появляется произведеніе, которое одно могло бы обезсмертить имя своего творца.

Поэтъ борьбы и міровыхъ идей, какимъ былъ по преимуществу Бетховенъ, долженъ былъ раздѣлить увлеченіе своихъ современниковъ личностью Наполеона Бонапарта, тогда еще консула. Бетховенъ видѣлъ въ немъ носителя великой республиканской идеи, новой цивилизаціи, новаго счастья, которое онъ, путемъ своихъ завоеваній, даруетъ міру.—Свою великую эпопею идейной борьбы, свою третью «героическую» симфонію, Бетховенъ рѣшилъ посвятить своему кумиру, своему герою во вкусѣ Плутарха.—Въ маѣ 1804 г. симфонія была окончена и на заглавномъ листѣ ея композиторъ написалъ: «Бонапарту—Бетховенъ». Но внезапно въ Вѣну пришло извѣстіе, что Наполеонъ провозгласилъ себя императоромъ. «Такъ это самый заурядный тиранъ»?! воскликнулъ взбѣшенный Бетховенъ, поспѣшилъ сорвать заглавный листокъ съ партитуры и съ цѣлымъ залпомъ проклятій бросилъ ее подъ столъ.—Впослѣдствіи его уговорили однако напечатать ее. Композиція (Es-dur) поя-

Digitized by Google

вилась въ 1806 г. подъ ор. 55 и заглавіемъ: «Sinfonia eroica, composta per festeggiare il sovvenire di un grand uomo», т. е. «Героическая симфонія, сочиненная въ *воспоминаніе* о великомъ человѣкѣ».

Но посвященіе остается только посвященіемъ. Для того чтобы понять содержаніе и значеніе великаго произведенія, надо постараться отдѣлаться отъ Наполеона и имѣть въ виду только Бетховена; Eroica не имѣетъ ничего общаго съ симфоніями въ родѣ гайдновской «военной», съ звуками трубъ и барабановъ.—Впрочемъ, можно сказать, что духъ Наполеона несомнѣнно царитъ надъ симфоніей, основная идея которой—бонапартовская: «сила—мораль всякаго великаго человѣка»; еще точнѣе ее можно передать поговоркою Листа: «le génie oblige»,—только геній налагаетъ обязательства на великаго человѣка. Симфонистъ задался цѣлью изобразить душевный обликъ всякаго героя, *идею* героя, если прибѣгнуть къ языку платоновской діалектики, но матеріалъ для этой характеристики онъ почерпнулъ не извнѣ, а изъ собственнаго жизненнаго опыта. Передъ глазами Бетховена носилась битва не при Аустерлицѣ, а въ Гейлигенштадтѣ. То, чего не досказала поэма второй симфоніи, должна была выразить во всей полнотѣ эпопея третьей.

Симфонія начинается двумя могучими ударами всего оркестра («Вниманье! Прочь, думы о всемъ будничномъ и житейскомъ»!)—и віолончели начинаютъ главную «героическую» мысль, выраженную въ темѣ, полной холодной и спокойной рѣшимости; вотъ она подхвачена, какъ призывъ вождя, всѣмъ войскомъ, всѣмъ оркестровымъ tutti, и рвется впередъ съ неодолимой силой. Мягкая и нѣжная, но неумолимо-настойчивая фраза духовыхъ инструментовъ выступаетъ ей навстрѣчу (т. н. Seitensatz); въ борьбѣ этихъ двухъ, равно свѣтлыхъ мыслей кипитъ, блещетъ и бушуетъ все первое allegro, какъ два враждебныхъ войска, какъ два равныхъ по силѣ и красотѣ бойца Иліады. Любовь къ искусству и любовь къ жизни, любовь къ истинѣ и любовь къ человѣчеству—вотъ какъ можно охарактеризовать эти двѣ основныя мысли. Полубогъ побѣждаетъ человѣка, Ахиллесъ—Гектора; экстазъ беретъ верхъ надъ жизнерадостностью,—побѣдными волнами разливается и катится цѣлое море буйнаго ликованья.

Но какъ за побѣдою слѣдуетъ плачъ надъ убитыми и погребеніе ихъ, такъ за этимъ блестящимъ, могучимъ allegro слѣдуетъ мрачное и тихое, какъ подавленное рыданіе, adagio, въ видѣ погребальнаго марша. Побѣда куплена дорогой цѣною навѣкъ утраченныхъ надеждъ на счастье; мелодія трогательна и задушевна, какъ жалоба эврипидовой Ифигеніи, посвящающей себя богамъ:

О, факелъ Зевса! Лучъ прекрасный дня!
Иная жизнь открылась предо мною,
Иной судьбѣ во власть я предаюсь—
Прости навѣкъ, возлюбленное солнце!

Эту печаль должно смягчить воспоминаніе о славѣ—и слѣдуетъ новая вспышка экстаза (maggiore, C-dur); нѣсколько могучихъ вздымающихся аккордовъ какъ бы напоминаютъ о трупахъ героевъ, поднятыхъ на щитъ при кликахъ толпы, воздающей имъ почести.

Digitized by Google

Но потери слишкомъ велики,—еще безотраднѣе, еще мрачнѣе гремитъ погребальный маршъ; это уже не пѣсня Ифигеніи, у которой есть проблескъ надежды, это жалоба Антигоны, сознающей, что вслѣдъ за исполненіемъ долга ее ждетъ смерть.

Но вотъ смутные, чисто инстинктивные источники жизни пробуждаются въ изболѣвшемся сердцѣ, таинственные голоса, шепчущіе: «все таки живи». Такимъ пробужденіемъ и воззваніемъ къ жизни, можетъ быть и насмѣшкою надъ отчаяніемъ, является скерцо. Въ полныхъ жгучаго стремленія впередъ звукахъ волторны, въ тріо этого скерцо сказывается уже пробужденіе прежней силы.

Конецъ, такимъ образомъ, ясенъ: герой побѣдилъ и долженъ остаться героемъ. Вся симфонія, поэма отреченія и страданія, завершается байроническимъ финаломъ,—въ немъ царитъ самоудовлетвореніе одиночествомъ и стремленіемъ къ одной цѣли, къ одному идеалу, мрачное блаженство мученичества и подвижничества, героизма въ бетховеновскомъ смыслѣ.

Понять эту симфонію возможно, только заглянувъ въ то таинственное горнило, въ которомъ выработалась она,—въ настроеніе и міровоззрѣніе Бетховена въ періодъ ея созданія. Безъ знанія біографическихъ данныхъ, эта лирика не можетъ быть схвачена во всей ея глубинѣ и цѣльности. Поэтому коментаріи на «героическую» симфонію Рихарда Вагнера и Берліоза, разсматривающихъ ее независимо отъ мѣста, занимаемаго въ біографіи Бетховена, должны быть признаны неполными. Первый въ началѣ симфоніи видитъ борьбу рѣшительно всѣхъ силъ человѣка между собою; въ adagio—стремленіе къ покою и воспоминаніе о любви; въ скерцо—пробужденіе мужественной веселости, и въ финалѣ—гармонію, уравновѣшенность всѣхъ силъ примиреннаго съ самимъ собою человѣка. Берліозъ довольствуется тѣмъ, что лишь указываетъ на общій, несомнѣнно грустный, ускользнувшій отъ Вагнера, колоритъ симфоніи: «Здѣсь нѣтъ ни баталій, ни побѣдныхъ маршей,—писалъ онъ въ своихъ «Etudes symphoniques»,—здѣсь мысли величавыя и глубокія, скорбныя воспоминанія, какіе-то обряды, поражающіе величіемъ и грустью, въ родѣ тѣхъ, что совершали воины Иліады надъ могилами своихъ вождей».

Если несомнѣнно художественное значеніе «Героической» симфоніи, то несомнѣнно и чисто-музыкальное значеніе ея въ исторіи музыки; въ сравненіи съ временами и композиціями Моцарта и Гайдна, то были «новыя времена—новыя пѣсни». Музыка обогатилась новыми идеями, новымъ содержаніемъ и, слѣдовательно, новыми формами и средствами выраженія. Понятно, что заурядная критика, слѣдующая лишь по пятамъ великихъ произведеній и съ трудомъ мѣняющая свои мѣрки и требованія, напала на «Эроику»: бранили неправильность формы, диссонансы, стремительность въ смѣнѣ идей и т. д.—словомъ, принципы, извлеченные изъ изученія моцартовскихъ композицій, примѣняли къ бетховеновскимъ. Гомера сравнивали съ Шекспиромъ и осыпали послѣдняго бранью [1]).

[1]) Заслужилъ печальную извѣстность въ этомъ отношеніи нашъ соотечественникъ Улыбышевъ, авторъ біографіи Моцарта, считавшейся нѣкогда лучшей.

Digitized by Google

Между тѣмъ, еслибы Бетховенъ написалъ только одну «Героическую» симфонію, то и въ такомъ случаѣ инструментальная музыка всего XIX вѣка была бы обязана ему рѣшительно всѣмъ: развитіемъ мелодіи въ вышину и ширину, ея полифонической (многоголосной) и варіаціонной разработкой, выжимающей изъ мелодіи все, что только можетъ она дать; энергіей и разнообразіемъ ритма, смѣлостью и богатствомъ переходовъ изъ лада въ ладъ, изъ настроенія въ настроеніе (модуляціи), блескомъ и новизной музыкальныхъ красокъ (инструментовки), размахомъ и свободою оркестроваго стиля. Уже въ «Героической» Бетховенъ является душою и центромъ всей симфонической музыки XIX вѣка.

Но это вліяніе еще шире; оно не ограничивается одною сферою симфоніи, — Бетховенъ становится главою цѣлаго движенія въ музыкѣ, основателемъ романтическаго направленія въ ней. Подъ романтизмомъ и классицизмомъ, однако, не слѣдуетъ понимать въ данномъ случаѣ спора теоретическихъ школъ. Словамъ этимъ должно придавать болѣе широкій и жизненный смыслъ, подразумѣвая подъ классицизмомъ—художественное міровоззрѣніе, указывающее для достиженія цѣли искусства (прекраснаго) путь созерцанія; подъ романтизмомъ — міровоззрѣніе, стремящееся къ прекрасному путемъ борьбы. Итакъ, классицизмъ — поэзія равновѣсія, равноправности ума и чувства, романтизмъ—поэзія стремленій, апоѳеозъ чувства. Только въ такомъ широкомъ смыслѣ и возможно разумѣть романтизмъ, какъ новое направленіе въ музыкѣ, указанное Бетховеномъ; признакъ формы, болѣе или менѣе совершенной, въ данномъ случаѣ является несущественнымъ; вмѣсто слова: «классическій», въ смыслѣ гармоніи формы и идеи въ произведеніи искусства, цѣлесообразнѣе употреблять слово: «художественный». Классикъ-музыкантъ вездѣ находитъ прекрасное, въ изображеніи самыхъ простыхъ и заурядныхъ душевныхъ движеній; романтикъ-музыкантъ въ области чувства любитъ все болѣе или менѣе исключительное, изъ ряда вонъ выходящее. Музыкальный классицизмъ, какъ и всякій другой, коренится въ культѣ природы; музыкальный романтизмъ, какъ и всякій другой, предполагаетъ культъ духа. Оба эти міровоззрѣнія, въ историческомъ своемъ развитіи, постоянно смѣняютъ другъ друга, взаимно продолжаются и дополняются; аллегорическая картина исторіи музыки напомнила бы картину Рафаэля: «Аѳинская школа»,— какъ тамъ художникъ поставилъ рядомъ классика-философа и романтика-философа, Аристотеля и Платона, и сгруппировалъ около нихъ представителей всевозможныхъ школъ, такъ здѣсь художникъ поставилъ бы рядомъ Баха и Генделя, сгруппировавъ около нихъ Моцарта и Глюка, Гайдна и Бетховена. Исторія яснѣе всего доказываетъ вѣчное право на существованіе этихъ двухъ міровыхъ теченій художественнаго творчества; такимъ образомъ, вслѣдъ за Моцартомъ, этимъ Гомеромъ музыки, появляется Бетховенъ, Байронъ симфоніи, какъ у насъ вслѣдъ за Глинкою,—Пушкинымъ русской музыки,—появляется Чайковскій, муза котораго столь сродни лермонтовской. Самымъ типичнымъ представителемъ романтизма XIX вѣка,—не какъ школы, а какъ направленія,—заявилъ себя Бетховенъ, и такимъ образомъ онъ оказалъ вліяніе и на появленіе

Digitized by Google

романтической школы; Бетховенъ наложилъ печать своего генія на всю музыку XIX вѣка, какъ на инструментальную, такъ и на вокальную; Шуманъ, Берліозъ и Брамсъ—такіе же ученики его, какъ Шубертъ, Веберъ и Вагнеръ.

Своей «Героической» симфоніей Бетховенъ положилъ начало этому вліянію. Время созданія ея и развитія всѣхъ, не только творческихъ, силъ композитора сказалось и на болѣе мелкихъ произведеніяхъ Бетховена. Въ 1803 году были написаны три сонаты ор. 31, изъ которыхъ замѣчательнѣйшая — вторая, D-molle. Указаніе на ея идею сдѣлано самимъ композиторомъ; на вопросъ о ея содержаніи Бетховенъ отозвался, по обыкновенію, лаконически: «Прочтите шекспировскую «Бурю»!—Но тщетно мы стали бы искать въ сонатѣ програмныхъ картинъ и образовъ, руководиться, быть можетъ, симфонической поэмой Чайковскаго на тотъ же сюжетъ; предъ нами пронесется лишь образъ главнаго героя великой трагедіи, мудреца Просперо. Въ основаніе «Бури» поэта залегло то мрачное разочарованіе, то глубокое знаніе людей и свѣта, та безотчетная грусть, которыми отличается извѣстный періодъ дѣятельности Шекспира; все это воплотилось въ образѣ Просперо, въ каждомъ словѣ котораго слышится нравственное достоинство, чистое благородство и глубина мудрости. Въ первомъ же глубокомъ и медленно восходящемъ аккордѣ arpeggio бетховенской сонаты чуется эта глубина самоиспытующаго духа; въ слѣдующей же за нимъ фразѣ—стремленіе къ познанію всей жизни извнѣ; въ речитативахъ этого allegro — отреченіе отъ обычныхъ наслажденій и идеаловъ толпы; это та же борьба и та же побѣда, что и въ первой части «Героической». Трагическое adagio также можетъ напомнить «погребальный маршъ» всѣмъ надеждамъ и стремленіямъ юности. Легкою, безотчетною и спокойною, просперовскою грустью, звучитъ послѣднее allegro; скерцо нѣтъ, чѣмъ еще болѣе подчеркивается сдержанность и простота композиціи. Къ этой сонатѣ примыкаютъ по содержанію сонаты слѣдующаго, 1804 года, — ор. 53 (C-dur) и 54 (F-dur). Въ первой изумителенъ финалъ, вспышками, неукротимой, всепрезирающей ироніи; въ немъ—мефистофелевскій смѣхъ или воззваніе Гейне къ бурѣ: «Чашу вселенскаго горя всю расплещи»; — во второй заслуживаетъ особеннаго вниманія allegretto безпокойной темы, которая, появляясь въ различныхъ голосахъ аккорда, какъ бы сама себя пришпориваетъ, напоминая стихъ другаго поэта-романтика:

Мой каждый шагъ—борьба, и къ ней я не стремлюсь,
И, загнанный я конь, шатаюсь и валюсь.

Стоитъ оглянуться на какой нибудь годъ назадъ, чтобы понять, какими гигантскими шагами Бетховенъ идетъ по пути своего развитія. Поучительны въ этомъ отношеніи три сонаты для фортепіано и скрипки, ор. 30, конца 1802 г., задуманныя значительно ранѣе и посвященныя императору Александру Павловичу. Въ нихъ еще нѣтъ ничего «героическаго», и среди композицій этого времени онѣ производятъ эффектъ мефистофелевскихъ свѣтлыхъ, заманчивыхъ видѣній въ готической лабораторіи Фауста. Въ особенности блещетъ свѣжестью письма и роскошью фантастики соната C-moll,

Digitized by Google

вторая; эффектъ полнозвучной мелодіи скрипки и шопотъ фортепіанныхъ пассажей въ adagio по красотѣ своей необычаенъ—музыка для дуэта Оберона и Титаніи въ чащѣ лѣса, подъ шелестъ листьевъ, не могла бы быть написана поэтичнѣе; въ скерцо слышатся легкіе звуки воздушнаго барабана Аріэля,—все дышетъ роскошнымъ, рубенсовскимъ колоритомъ шекспировскихъ комедій. Но слѣдующая за сонатами op. 30 для скрипки, op. 47 (A-dur), посвященная скрипачу Крейцеру, 1803 года, опять выдаетъ автора «Эроики»: ея presto звучитъ обычной, характерной для того періода, аскетически-настойчивой энергіей и борьбой, отдыха отъ которой композиторъ ищетъ только въ благоговѣйномъ чувствѣ природы, выливающемся въ adagio съ великолѣпными, исчерпывающими тему, варіаціями; въ послѣднемъ presto мы опять наталкиваемся на просперовскую рѣшимость, если не желаніе, жить—«чтобъ мыслить и страдать». Во всей музыкальной литературѣ едва ли можно указать на композицію, въ которой фортепіано и скрипка сливались бы столь тѣсно и вмѣстѣ съ тѣмъ свободно въ одно художественное цѣлое,—со времени «Героической» симфоніи Бетховенъ перестаетъ писать талантливыя композиціи и пишетъ только геніальныя.

Даже въ области вокальной музыки сказывается это развитіе, между прочимъ, въ шести духовныхъ пѣсняхъ на слова Геллерта, op. 48, все того же 1803 года. Пѣсни эти несравненно выше его ораторіи: «Христосъ на Масличной горѣ». Небольшая 3-я пѣсня, «О смерти», по силѣ выраженія можетъ соперничать съ «плясками смерти» средневѣковыхъ живописцевъ; вскрикъ при словахъ: «Что съ того, что я еще живу?» смѣняется шопотомъ: «О смерти думай, человѣкъ!»—и заключительные аккорды звучатъ отдаленнымъ погребальнымъ звономъ.

О характерѣ религіозности Бетховена (по вѣроисповѣданію—католика) лучше всего свидѣтельствуютъ выписки изъ сочиненія Шамполіона о древнемъ Египтѣ, которыя стояли въ рамкахъ на письменномъ столѣ композитора. Символомъ вѣры Бетховенъ избралъ надписи изъ древнихъ храмовъ:

I.

Я то, что̀ есть. Я все, что̀ есть, было и будетъ, и ни одинъ смертный не приподымалъ покрова моего.

II.

Онъ—Единый отъ себя, и Ёму Единому все обязано своимъ бытіемъ.

При столь ясно выраженномъ стремленіи къ разнообразію и разносторонности творчества, въ Бетховенѣ должно было пробудиться желаніе испытать свои силы даже въ родахъ искусства, чуждыхъ его лирическому генію. Бетховенъ рѣшилъ написать оперу. Знакомство съ драмами Шиллера и Гёте, съ древними классиками и Шекспиромъ, даже съ теоріями Аристотеля съ одной стороны, и операми Моцарта и Глюка, а также съ ораторіями Генделя — съ другой, казалось Бетховену достаточнымъ для того, чтобы попытать свои силы и на этомъ поприщѣ. Легко понять нецѣлесообразность

Digitized by Google

этого шага, если сравнить крайняго представителя этого рода музыки, Глюка,—обожавшаго слово и молившаго о томъ, чтобы отъ его оперъ «не пахло музыкою»,—съ Бетховеномъ, презиравшимъ «сухія буквы». Какъ бы то ни было, когда директоръ вѣнской оперы, Шикандеръ, заказавшій нѣкогда Моцарту «Волшебную флейту», обратился въ 1803 г. къ Бетховену съ предложеніемъ написать оперу, композиторъ согласился. При замѣстителѣ Шикандера, Зоннлейтнерѣ, Бетховенъ помѣстился на квартирѣ, предоставленной ему дирекціей, и принялся за работу. Зоннлейтнеръ съумѣлъ предложить композитору сюжетъ, сразу его восхитившій, и написалъ ему либретто. Весь 1804 годъ Бетховенъ проработалъ надъ своей «Леонорой» и окончилъ ее лѣтомъ 1805 года. 20 ноября 1805 г. состоялось ея первое представленіе.

Сюжетъ «Леоноры», впослѣдствіи перекрещенной въ «Фиделіо», заимствованъ изъ какой-то испанской повѣсти. Содержаніе либретто слѣдующее.—Флорестанъ, супругъ Леоноры, томится въ тюрьмѣ. Будучи другомъ всемогущаго при дворѣ министра, онъ обѣщаетъ обличить намѣстника Пизарро въ его произвольныхъ поступкахъ при управленіи ввѣреннымъ ему краемъ. Пизарро тайкомъ схватываетъ его и заключаетъ въ тюрьму, въ качествѣ якобы государственнаго преступника. Леонора рѣшается спасти мужа. Переодѣвшись въ мужское платье подъ именемъ Фиделіо, она поступаетъ въ услуженіе къ надзирателю тюрьмы, въ которой, по ея соображеніямъ, томится ея мужъ. Въ мнимаго юношу влюбляется дочь этого тюремщика Рокко, Марцеллина, къ великому горю ея жениха Жакино. Рокко очень симпатизируетъ Фиделіо и не прочь выдать за него замужъ свою дочь. Внезапно приходитъ извѣстіе, что министръ ѣдетъ осматривать тюрьмы. Пизарро рѣшается убить Флорестана въ томъ же подземельѣ, въ которомъ онъ заключенъ, и тамъ же зарыть его тѣло при помощи Рокко. Леонора вызывается помогать Рокко въ этой работѣ; имени плѣнника не знаетъ даже тюремщикъ, и она лишь предчувствуетъ, что это ея мужъ. Помогая Рокко копать могилу, она успѣваетъ утолить жажду узника, не узнавая его въ темнотѣ. Является Пизарро, осыпаетъ Флорестана насмѣшками и упреками и, назвавъ по имени, бросается на него съ кинжаломъ. Какъ львица, бросается между ними Леонора съ пистолетомъ и восклицаетъ: «Убей сначала его жену»! Пизарро въ испугѣ роняетъ кинжалъ—и въ эту же минуту звучитъ трубный сигналъ, возвѣщающій прибытіе министра. Флорестанъ спасенъ, министръ предаетъ суду Пизарро и выпускаетъ на волю всѣхъ остальныхъ жертвъ его произвола; конецъ—всеобщее ликованіе и прославленіе Леоноры.

Драматическаго развитія чувства въ подобномъ сюжетѣ и быть не можетъ. Всякое движеніе устранено—мы не видимъ, какъ и за что попадаетъ Флорестанъ въ темницу и какъ Леонора рѣшается его спасти: это просто рядъ драматическихъ живыхъ картинъ. Трудно говорить поэтому о типичности дѣйствующихъ лицъ. Пизарро и министръ—абстракціи, воплощеніе философскихъ принциповъ добра и зла. Рокко, Марцелина и Жакино играютъ слишкомъ второстепенную роль, чтобы драматизировать пьесу. Хоры плѣнниковъ, солдатъ, народа, служатъ лишь декораціями, оттѣняющими указанныя живыя картины.

Digitized by Google

О музыкѣ всей этой оперы можно судить по увертюрѣ ея, или, точнѣе, по увертюрамъ, такъ какъ Бетховенъ написалъ четыре увертюры къ единственной своей оперѣ,—«Леонора» № 1, 2-й, 3-й и «Фиделіо». Въ этой заботѣ объ увертюрѣ, какъ будто о центрѣ всей оперы, виденъ симфонистъ. Первая изъ этихъ увертюръ, помѣченная op. 138, относится къ 1805 году [1]). Она всего скорѣе могла бы быть названа увертюрой въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. композиціей, имѣющей цѣлью только подготовить слушателя къ музыкѣ оперы. Въ мирную, безмятежную, какъ семейное счастье, мелодію врывается крикъ скорби; блуждающая перекличка всѣхъ инструментовъ напоминаетъ растерянный полетъ голубки, на глазахъ которой коршунъ унесъ голубка. Женственная жалоба, плачъ состраданья слышатся въ соло духовыхъ инструментовъ; но ритмы крѣпнутъ, назрѣваетъ рѣшимость и легкими, быстрыми шагами спѣшитъ впередъ allegro con brio. Послѣ второй части, adagio ma non troppo на тему аріи Флорестана въ темницѣ, эта рѣшимость вполнѣ назрѣваетъ; послѣднее allegro дышетъ уже не женскою отвагою.—Но этой увертюрой-сонатой Бетховенъ не остался доволенъ; въ томъ же 1805 году послѣдовала вторая, C-dur, op. 72a. Въ ней героизмъ Леоноры подчеркнутъ уже рѣзче—средняя часть 1-й увертюры, элементъ скорби, появляется лишь въ началѣ увертюры, въ видѣ эпизода. Леонора прямо предстаетъ передъ нами въ видѣ Антигоны или шекспировской Имогены.—Однако, недовольный и этою увертюрою, Бетховенъ написалъ еще новую, цѣлую симфоническую поэму, «Леонору № 3», въ 1806 г. Въ ней онъ сосредоточиваетъ главнѣйшіе моменты оперы,—мотивъ отваги и рѣшимости Леоноры, арію Флорестана въ тюрьмѣ, трубный сигналъ, возвѣщающій развязку, ликованіе влюбленныхъ и освобожденныхъ плѣнныхъ,—и создаетъ нѣчто столь же грандіозное, какъ «Героическая» симфонія, и равное ей. Антигона и Имогена превращается уже въ какую-то Жанну Даркъ или, точнѣе, въ героя третьей симфоніи.—Увертюра эта такъ удается композитору, что онъ начинаетъ бояться за оперу,—какъ бы вся она не явилась коментаріемъ къ его «Леонорѣ № 3» и не болѣе художественнымъ, чѣмъ коментарій Гервинуса къ страницѣ Шекспира. Какъ бы сознавъ несостоятельность этого замысла—увертюрой замѣнить оперу—Бетховенъ, уже въ 1814 году, пишетъ четвертую увертюру, простенькую, легкую и изящную увертюрку «Фиделіо», въ E-dur.—Какъ бы то ни было, цѣль композитора была достигнута: эти четыре увертюры составили въ совокупности столь же монументальное произведеніе, какъ и вся его опера, и Шуманъ могъ съ полнымъ правомъ выразиться по ихъ поводу: «Это — четырехъ-увертюрная поэма. Бетховенъ творитъ, какъ сама природа: въ первыхъ двухъ увертюрахъ мы видимъ сѣть корней, изъ которыхъ подымается могучій стволъ «Леоноры № 3», широко распростирающій свои объятія, а затѣмъ онъ завершается послѣднею увертюрою, какъ легкой цвѣтущей короною».

Если отнестись къ оперѣ не какъ къ сценическому, а какъ къ

[1]) Мы придерживаемся, въ отношеніи времени возникновенія этихъ увертюръ, старой хронологіи, оспариваемой Ноттебомомъ, присоединяясь къ возраженіямъ Бенке, въ 4-мъ изданіи біографіи Маркса.

Digitized by Google

лирическому произведенію, то насъ поразитъ ея безконечно-богатая и глубоко-выразительная мелодичность. Бетховенъ, какъ оперный композиторъ, долженъ былъ пойти по стопамъ драматической музыки Моцарта, а не музыкальной драмы Глюка. Но мелодичность эта перенесена со сцены въ оркестръ,—Бетховенъ въ «Фиделіо» развивъ роль оркестра, въ сравненіи съ этою ролью въ операхъ Моцарта, до неузнаваемости, становится нѣкоторымъ образомъ основателемъ оперы современнаго вагнеровскаго типа. Это—пріемъ не драматическаго музыканта, въ родѣ Моцарта, и не музыкальнаго драматика, въ родѣ Глюка, но лирика и симфониста. Съ точки зрѣнія чистѣйшаго лиризма и слѣдуетъ судить о музыкѣ «Фиделіо». Съ этой точки зрѣнія, опера безукоризненна, какъ лучшія созданія Бетховена, какъ непосредственная предшественница «Фиделіо»—Eroica. Арія Леоноры: «Взойди, звѣзда надежды», арія Флорестана въ темницѣ—«Во дни моей весны», дуэтъ Леоноры и Флорестана «О, радость безконечная»!—все это вѣчная музыка, которая будетъ слушаться, пока существуетъ самый родъ искусства. Даже въ ансамбляхъ, требующихъ отъ генія прежде всего объективности, Бетховенъ подымается до недостижимой высоты, хотя вовсе не стремится индивидуализировать чувства дѣйствующихъ лицъ. Таковъ квартетъ перваго акта: «Не знаю, что со мной», напоминающій по содержанію и духу квартетъ изъ «Жизни за царя»: та же отеческая радость счастью дѣтей, то же общее безмятежное настроеніе, слишкомъ ясное, чтобы не прокралось въ него грустная нотка предчувствія недолговѣчности всякаго земнаго счастья; древніе иногда изображали богиню радости въ задумчивости.—Если «Фиделіо» не опера, то колоссальная симфоническая фантазія, блещущая неувядаемыми красотами; не удивительно, что она не сходитъ съ репертуара лучшихъ оперныхъ сценъ и не сойдетъ никогда.

«Леонора», со второю увертюрою, шла впервые, какъ было упомянуто, 20 ноября 1805 года, т. е. въ моментъ, выбранный какъ нельзя болѣе неудачно. За недѣлю до того, Вѣну заняли французы; много высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ и меценаты Бетховена, покинули городъ. «Леонору» слушали почти одни французскіе офицеры и, вѣроятно, посмѣивались надъ этой идилліей въ шиллеровскомъ духѣ. Послѣ трехъ представленій, Бетховенъ принужденъ былъ снять оперу со сцены.

Бетховенъ приписалъ неуспѣхъ оперы интригамъ своихъ враговъ, преимущественно пѣвцовъ, съ которыми не умѣлъ ладить [1]). Въ особенности же онъ негодовалъ на то, что дирекція перекрестила его «Леонору» въ «Фиделіо», въ виду наличности итальянской оперы нѣкоего Пера на тотъ же сюжетъ; сравненіе съ послѣднимъ композиторомъ казалось Бетховену очень обиднымъ. Друзья

[1]) Слушая плохое пѣніе, Бетховенъ начиналъ улыбаться и кричать: «Da capo» (т. е. еще разъ). Этимъ онъ намекалъ на свой любимый музыкальный анекдотъ. Слабогрудый, безголосый пѣвецъ спѣлъ арію въ операхъ. Публика безмолвствовала, но одинъ господинъ въ партерѣ крикнулъ: da capo! Пѣвецъ повторилъ арію; публика молчала, но тотъ же господинъ опять закричалъ: da capo! Пѣвецъ затянулъ арію въ третій разъ. «Да вы о чемъ хлопочете»? спросилъ сосѣдъ безпокойнаго господина.—«Хочу, чтобы этотъ подлецъ лопнулъ»!

Digitized by Google

его судили однако иначе и думали исправить оперу урѣзками. Съ величайшимъ трудомъ они уговорили Бетховена выпустить нѣсколько нумеровъ комическаго характера.

Но и съ этими купюрами «Фиделіо» прошелъ 23 марта 1806 г. безъ особеннаго успѣха, былъ повторенъ 10 апрѣля и исчезъ на нѣсколько лѣтъ. Причиной неуспѣха могло быть отчасти и то обстоятельство, что оперу въ теченіе 4-хъ изъ пяти первыхъ представленій дирижировалъ самъ Бетховенъ; желая яснѣе разслышать свою музыку, онъ часто наклонялъ ухо,—замедлялъ тактъ и сбивалъ музыкантовъ. Даже въ 1814 году, когда въ «Фиделіо» нѣкто Трейчке измѣнилъ либретто, сдѣлалъ изъ трехъ дѣйствій два и похлопоталъ о бо̀льшей сценичности оперы, и самъ Бетховенъ передѣлалъ аріи Леоноры и Флорестана, а также оба финала,—даже и тогда опера имѣла лишь succès d'éstime; надо замѣтить притомъ, что сами вѣнцы просили объ ея постановкѣ. Воскресить неэффектную и несценичную оперу къ жизни могли лишь послѣ смерти композитора такія геніальныя Леоноры, какъ Шредеръ-Девріенъ въ Германіи и Малибранъ-Гарсіа во Франціи. Это было уже въ то время, когда уровень музыкальнаго развитія массы поднялся настолько, что она могла оцѣнить чисто-музыкальныя достоинства «Фиделіо». Во всякомъ случаѣ Бетховенъ имѣлъ право воскликнуть: «Эта опера—мой терновый вѣнецъ»!

Если композиторъ проникъ въ область оперы, совершенно ему чуждую, то понятно, что его влекло туда могучее развитіе его творческой силы. Но спрашивается: чѣмъ привлекъ его сюжетъ «Леоноры»?

Трудно не видѣть въ выборѣ этого сюжета, въ этомъ гимнѣ женщинѣ, стремленіе идеалиста вернуть вѣру въ идеалъ, поколебленную жизнью. Не подругу дѣтства, Элеонору Брейнингъ, какъ думаютъ нѣкоторые біографы, должно считать прототипомъ Леоноры, но графиню Джульету Гвиччарди въ томъ видѣ, въ какомъ предстала она впервые влюбленнымъ очамъ композитора. Въ такомъ случаѣ «Фиделіо»—самая трогательная жалоба, когда либо вырывавшаяся изъ человѣческаго сердца, это гимнъ женщинѣ, спѣтый поэтомъ, разочарованнымъ въ ней. Вотъ главная причина, почему «Фиделіо» производитъ обаятельное, непостижимое, почти благоговѣйное впечатлѣніе на слушателя. Ничего подобнаго не найдется въ области другихъ искусствъ; даже облики шекспировскихъ героинь кажутся матеріальнѣе образа Леоноры. Бетховеновскій идеалъ могъ найти выраженіе только въ музыкѣ,—это вытекаетъ изъ самаго существа искусства, о которомъ такъ метко выразился другой пѣвецъ страданія, Мюссэ:

Сестра страданья—Музыка, Гармонья!
Ты—генію дарованный языкъ
Для выраженья чувствъ неизъяснимыхъ!
Языкъ нѣжнѣйшій сердца, ты одинъ
Вспугнуть не можешь грёзу, эту дѣву
Въ таинственномъ, стыдливомъ покрывалѣ,
Которую тревожитъ даже тѣнь.

В. Чешихинъ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

НАДОРВАННЫЯ СИЛЫ.

Романъ.

XVII.

— Ты, милый? Какъ я рада!

Кренева появилась на порогѣ, въ темномъ капотѣ, и, чуть чуть пошатнувшись, прижалась къ Ордынцеву.

Въ ея движеніяхъ и въ выраженіи лица замѣчалась какая-то особенная, трогательная нѣжность. Ослабѣвшая и нервная, она дѣлалась болѣе женственною и удивительно привлекательною.

Ордынцевъ обнялъ ее за талію и бережно повелъ къ дивану.

— Я ничего... ты не думай, не волнуйся. Вовсе не серьезная болѣзнь. Это моя Маша изволила испугаться... Вчера долго сидѣла, устала немножечко... Пройдетъ!—бодрясь, говорила Ольга.

Германъ Михайловичъ молчалъ. Онъ только крѣпче и нѣжнѣе сжималъ ея станъ, казавшійся ему сегодня болѣе полнымъ.

— Вы спросите, когда мы легли нынче?! — въ догонку сказала имъ Маша.—Иду убирать комнаты... часовъ 9 было, а барышня еще не ложились спать! Хорошо?!

— Ахъ, Оля... Оля! А сама обѣщала?!

— Ничего, мой дорогой, ничего!

И такъ какъ Ордынцевъ продолжалъ глядѣть на нее съ выраженіемъ безграничной нѣжности, молодая женщина добавила, стараясь и оправдаться, и успокоить любимаго человѣка:

— Сегодня зато рано лягу спать. Мнѣ нужно было окончить ту работу. Помнишь, я говорила... мою повѣсть... Кончила!

Digitized by Google

Креневой самой нравилась эта вещица. Она писала ее, волнуясь и увлекаясь. Кое о чемъ, по поводу этого произведенія, они говорили, спорили, и Ольгѣ было пріятно похвастать, что она окончила свой трудъ. Ордынцевъ молча кивалъ головой. Молодая женщина стала сообщать, какъ поступили ея герои и героини, чѣмъ закончилась повѣсть, но Германъ Михайловичъ, пристально смотря на Ольгу, ничего не слышалъ, ничего не понималъ. Онъ чувствовалъ себя и безгранично счастливымъ, и необыкновенно несчастнымъ. Въ голосѣ Креневой онъ улавливалъ какія-то новыя нотки сдерживаемой радости и горделивой стыдливости. Ему хотѣлось сказать ей: «знаю, что ты отъ меня скрываешь»! но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся, что она скажетъ ему эту тайну... Все произошло такъ быстро, такъ неожиданно...

Ордынцевъ вспомнилъ сцену съ Софи, ея слезы, укоры, любовныя слова, и, съ ужасомъ припоминая все, что онъ говорилъ самъ, а—главное—то, что осталось недоговореннымъ и будетъ истолковано женою въ желанномъ для нея смыслѣ,—нервно вздрогнулъ и провелъ рукою по лицу. «Подлецъ, подлецъ»!—стучало у него въ головѣ. «Негодяй я... А меня любятъ двѣ хорошія женщины».

— Тебѣ не нравится конецъ?—спросила Ольга, полагавшая, что онъ внимательно слушалъ сюжетъ ея повѣсти.—Нельзя иначе. Она должна была разойтись съ нимъ. У нея такая натура. Или полная, чуткая и нѣжная любовь—или одиночество... А ты думаешь иначе? Погоди, когда напечатаютъ, прочтешь и согласишься. Я не умѣю разсказывать.

— Полно, моя дорогая; ты чудесно, ты замѣчательно разсказываешь!—пылко хвалилъ Ордынцевъ, въ сущности благодаря ее за деликатность отношеній.

Сотни женщинъ, находясь въ ея положеніи, поспѣшили бы со слезами и жалобами сообщить новость. Не давая времени человѣку очнуться, онѣ закрѣпостили бы его такъ или иначе, а затѣмъ потянулись бы мрачные дни укоровъ и намековъ.

Ольга нѣсколько волновалась, боясь, что докторъ сказалъ Герману что нибудь, и прибѣгла къ хитрости.

Посмѣявшись надъ простоватой манерой врача и замѣтивъ, что всѣ они любятъ дѣлать изъ мухи слона, Кренева спросила:

Digitized by Google

— А ты его на лѣстницѣ встрѣтилъ?

— Доктора? Нѣтъ... Да, да, на лѣстницѣ... А что?

— Нѣтъ, такъ... Онъ мою Таню похвалилъ!—съ самодовольствомъ любящей матери, продолжала она.— Хотя говоритъ: надо на дачу...

Ордынцевъ молчалъ. Дальнѣйшее развитіе разговора грозило ему опасностью.

— Я думаю взять дачку въ Шуваловѣ. И тебѣ недалеко, и песокъ для Тани будетъ... Вѣдь въ субботу ты можешь пріѣзжать на два дня, да и вообще тутъ недалеко, и сообщеніе удобное. Не станешь же ты сидѣть въ пустой квартирѣ.

Все это было рѣшено между ними еще давно, и Ольга нетерпѣливо ожидала, когда онъ наконецъ скажетъ, что его семья уѣхала. Молодая женщина такъ мечтала о лѣтѣ. Она экономила и бралась за лишнія работы, только бы скопить необходимую для переѣзда на дачу сумму. Тамъ, хотя и недолго, но она будетъ чувствовать себя «семейною женщиной»; тамъ—Германъ будетъ принадлежать только ей.

— А въ іюнѣ ты возьмешь отпускъ на двѣ недѣли и мы съѣздимъ на Иматру,—продолжала мечтать Ольга, крѣпко прижавшись къ плечу Ордынцева.

— Да, да, дружокъ... Непремѣнно!

«Что я дѣлаю... что дѣлаю?—терзался онъ.—Я обѣщалъ Софи... обѣщаюсь Ольгѣ... Нѣтъ, такъ нельзя! Невозможно. Гнусная ложь... Ольгу люблю!.. Сейчасъ признаюсь ей во всемъ... Пусть знаетъ... Поберегать надо, поберегать»! вдругъ вспомнились слова доктора, и Ордынцевъ малодушно спрятался за нихъ, мысленно увѣряя себя, что откровенность можетъ убить Ольгу.

— Мнѣ придется, пожалуй, съѣздить въ командировку... Когда—неизвѣстно, но въ теченіе лѣта...—вырвалось у него.— А праздники, конечно, у тебя буду. Только вотъ Шувалово... Тамъ—милліонъ знакомыхъ...

— Вашихъ? Да, да, тогда нельзя...

Кренева вспыхнула, подумавъ, что черезъ мѣсяцъ-другой ея «положеніе» станетъ очень замѣтнымъ и возбудитъ разговоры. Она оберегала Ордынцева, но горькое чувство сжало ея сердце.

Даже материнства приходится ей стыдиться, какъ позора!.. А поступи она жостче, потребуй, чтобы Германъ развелся съ

Digitized by Google

Софи (какъ онъ самъ желалъ и настаивалъ) и, въ качествѣ жены Ордынцева, она могла бы гордиться, что выноситъ здороваго ребенка...

— Положимъ, *мнѣ* все равно,—возразилъ Германъ Михайловичъ,—для тебя будетъ непріятно...

Кренева быстро посмотрѣла на него.

«Знаетъ? Угадалъ? Докторъ или Маша проболтались? Ахъ, зачѣмъ»...

— Тамъ живетъ Антоновская и еще разныя сплетницы... Потомъ вѣдь Шувалово—чиновничье гнѣздо.

Онъ все *о себѣ* заботился, хотя думалъ, что ограждаетъ любимую женщину... Ольга не замѣчала его эгоистичности. Она все еще безгранично любила Германа, любила съ ослѣпленіемъ, не допуская ни сомнѣній, ни подозрѣній. Все, что онъ ни дѣлалъ—было хорошо; если ей казалось иначе,—значитъ она виновата: не умѣла понять и оцѣнить.

— Но какъ же ты сдѣлаешься съ редакціей? Каждый день ѣздить—очень тяжело,—между прочимъ замѣтилъ онъ, припоминая, что дѣлалось съ Софи передъ рожденіемъ Насти.

— Я не буду работать въ редакціи,—краснѣя, сказала она, и начала ходить по комнатѣ.

— Не будешь? Отчего? Непріятности какія нибудь?

— Нѣтъ, никакихъ. Съ чего ты это взялъ?.. Просто такъ. Дома буду работать и посылать.

Отказываться отъ работы было настолько не въ привычкѣ Ольги, что могло удивить Ордынцева, относись онъ внимательнѣе къ ея дѣятельности. Молодая женщина стала объяснять, что ей жаль оставлять Таню одну, что сама она хочетъ попользоваться воздухомъ; но, чувствуя, что эти доводы не показались бы ей убѣдительными въ устахъ работницы, обязанной трудиться ради куска хлѣба, добавила:

— Вообще, есть причины, въ силу которыхъ я...

Креневой показалось страннымъ, что она такъ упорно скрываетъ правду отъ Германа. Да, ей *пришлось* отказаться отъ занятій въ редакціи, такъ какъ одна изъ сотрудницъ уже замѣтила и сообщила кое-кому. Всѣ журналисты—народъ развитой, но... всѣ они такіе же сплетники, какъ и чиновники, и очень довольны посудачить насчетъ ближнихъ. Женщина-кокетка и женщина-работница въ ихъ глазахъ разные люди. Первую —

Digitized by Google

они не уважаютъ, но угождаютъ, балуютъ ее, стараются доставить удовольствіе; вторая—пользуется ихъ уваженіемъ, но, гдѣ только возможно, они постараются подставить ей ножку... Со своей точки зрѣнія—они правы. Кокетка—краситъ ихъ существованіе; труженица—отнимаетъ ничтожную часть заработка...

Все это говорила Ольга, волнуясь и спѣша. Какъ это часто случается съ нервными людьми, Кренева развивала свою мысль, не сказавъ самаго факта. Ордынцевъ слушалъ и не могъ уловить, въ чемъ дѣло. Наконецъ онъ спросилъ:

— Но что же они могли про тебя говорить? Интимная жизнь ни до кого не касается...

— Они... Становится замѣтнымъ... Ахъ, какъ ты не понимаешь. Ну, я... Ахъ...

Разомъ овладѣвъ волненіемъ и побѣдивъ неловкость, Ольга Юрьевна вымолвила то слово, которое въ семьѣ—даетъ счастье, а при такихъ отношеніяхъ — доставляетъ и тревогу, и горе. Ордынцевъ опустилъ голову.

Ничего, кромѣ стыда, не ощущалъ онъ въ данную минуту,—мучительнаго, гнетущаго стыда. Онъ боялся взглянуть на Ольгу, а она, жертва ненормальныхъ условій жизни, уже успѣвшая пострадать, опасалась только, что Германъ станетъ жалѣть ее, говорить участливыя слова.

Какъ смѣлый человѣкъ, на глазахъ котораго погибаетъ все имущество, старается утѣшить близкихъ, высказывая надежду, хотя самъ не вѣритъ въ нее,—такъ и Кренева желала вдохнуть въ Германа мужество и энергію.

— Но это ужасно, Оля... ужасно!..—прошепталъ онъ, беря ея похолодѣвшія руки и прижимая ихъ къ своимъ губамъ.

— Мы не дѣти... мы знали, на что идемъ...

«Нѣтъ, я не думалъ объ этомъ!» хотѣлъ было сказать Ордынцевъ, но у него сорвалось другое.

— Бѣдная ты моя... милая...

У Креневой слезы навернулись отъ этихъ словъ, но она опять побѣдила себя. Съ принужденнымъ спокойствіемъ, продолжая щадить Германа, она говорила, что тутъ нѣтъ ничего ужаснаго.

— Останусь на дачѣ подольше. Тамъ все это окончится; тамъ удобнѣе. Возьму кормилицу. Вотъ придется другую квартиру брать... Конечно, хлопотъ будетъ много.

Digitized by Google

Ордынцевъ не понималъ ея героизма, не понималъ, что она нарочно говоритъ о мелочахъ, такъ какъ касаться другой стороны вопроса слишкомъ тяжело, и мысленно порицалъ ее за легкое отношеніе.

— Квартира... кормилица... все это пустяки, но... имя... имя? Это ужасно!.. *Мой* ребенокъ... *мое* дитя—и вдругъ...

Все мужское себялюбіе сказалось въ этихъ словахъ. «Мой» — вотъ въ чемъ ужасъ... Креневу покоробило. Послѣ недолгой паузы, она вымолвила холоднымъ, рѣшительнымъ тономъ:

— Незаконный ребенокъ — принадлежитъ *только* матери. Справлюсь! Выростила Таню, вырощу и другаго. Силы есть, работать умѣю...

Ольга страстно ждала, что онъ скажетъ то, что̀ *долженъ* сказать. Пусть будущее заставитъ его измѣнить слову, но есть фразы, которыя настоятельно необходимы, которыя не только утѣшаютъ, но даютъ вѣру и энергію. Вмѣсто *закона*, который не защищаетъ безправнаго ребенка, вмѣсто брачныхъ узъ, гарантирующихъ заботу о малюткѣ, ну, пусть скажетъ, что для него *есть нравственный долгъ*...

Нѣтъ, Ордынцевъ ничего подобнаго не сказалъ, да и не подумалъ, вѣроятно, какой серьезный моментъ переживаетъ любимая женщина, жаждущая услыхать слово поддержки. Нѣжный и страстный любовникъ, привыкшій уже къ двойственному положенію, онъ какъ-то терялся при мысли, что, кромѣ Насти и Миши, у него будетъ еще маленькое существо,— къ которому, говоря откровенно, онъ относился почти враждебно.

— Кажется, ты недоволенъ? — съ легкою раздражительностью спросила Ольга, уязвленная его молчаніемъ.

— Мнѣ тебя жаль, дорогая моя, хорошая... И страданія предстоятъ, и, помимо всего,—двое дѣтей! Трудно тебѣ будетъ!.. Держать кормилицу, бонну... Кормить четверыхъ, одѣвать, жалованье платить. Все это заработывать перомъ. Ужасная вещь! Ты не представляешь себѣ, я думаю, какъ это невыразимо тяжело!

Кренева подняла голову, поглядѣла на Германа и хотѣла улыбнуться, но нервы не выдержали. Припавъ лбомъ къ краю стола, она горько и тихо зарыдала.

«Беречь надо... нервы!» вспомнились слова доктора. Ордынцевъ испугался, принесъ воды и, гладя волосы Ольги, гово-

Digitized by Google

рилъ о своей любви къ ней, о томъ, что она—безгранично дорога ему, что онъ не въ силахъ жить безъ нея... Беззвучно рыдая, Кренева сознавала, что она — одинока, что Германъ эгоистически любитъ ее и иначе любить неспособенъ. И тутъ же, ощущая слабыя трепетанія подъ сердцемъ, понимала, что связана съ Ордынцевымъ, тѣсно связана, и что, обманывая себя самоё, она будетъ и любить его, и вѣрить, и оправдывать—что бы онъ ни сдѣлалъ... Вдумчивая, привыкшая къ самоанализу, Кренева возмущалась слабостью женской натуры, но въ то же время чувствовала, что доводы разума безсильны. Жажда личнаго счастья бросила ее въ объятья любимаго человѣка. Она пошла на жертвы; она энергично переносила множество мелочныхъ непріятностей, видя въ нихъ результатъ ея поступка, и не жаловалась. Но вотъ—новое явленіе. Она готовится быть матерью, а онъ, Германъ, отецъ. Почему же все, все, и страданія, и позоръ, и заботы—все удѣлъ женщины, а онъ, представитель сильнаго пола, онъ только говоритъ нѣжныя рѣчи, шепчетъ любовныя слова?

— Не плачь такъ, Оля моя. Не плачь! *Я* видѣть не могу твоихъ слезъ... Оля, я *самъ* расплачусь... Олечка!.. Умоляю!..

Первый разъ въ жизни съ Креневой сдѣлалась истерика, настоящая, а не такая, какія видѣлъ Ордынцевъ на своемъ вѣку. Кренева лежала мертвенно-блѣдная, съ посинѣвшими губами, и судороги потрясали ея стройное тѣло.

Никогда еще Германъ Михайловичъ не любилъ Ольгу съ такою мукой, какъ въ теченіе этой ночи, когда молодая женщина могла ежеминутно умереть. Но его терзанія не возвращали ей утраченной вѣры.

Любовница... другъ... товарищъ, да, *этимъ* она была для него несомнѣнно, но такое отношеніе не могло удовлетворить ее нравственно.

Къ женѣ—при точно такихъ же условіяхъ—онъ, конечно, отнесся бы иначе... Въ душѣ Ольги—говорила не зависть, нѣтъ! Въ ней поколебалась увѣренность въ стойкости убѣжденій любимаго человѣка; она увидѣла, что законный долгъ—для него важнѣе нравственнаго, что дѣло нейдетъ за словомъ. Будь она менѣе чутка,—вся эта сцена послѣ объясненія не произвела бы на нее такого удручающаго впечатлѣнія. Ордынцевъ самъ удивился бы и нашелъ бы обвиненіе несправедливымъ, если-

Digitized by Google

бы о такихъ вещахъ можно было говорить. Развѣ не сама она заявила, что безправное дитя — принадлежитъ матери? Развѣ не сама обдумала планъ и сообщила его только къ свѣдѣнію? Да скажи она, потребуй чего угодно, онъ все, все сдѣлалъ бы. Вѣдь онъ — любитъ, уважаетъ Ольгу!.. Онъ бы засыпалъ ее деньгами, только потребуй. Но она не хочетъ. Любилъ и уважалъ, но понять не умѣлъ, а это главное... Привыкшій къ *требованіямъ* Софи, онъ ждалъ того же и отъ Креневой, истолковывая ея деликатность въ смыслѣ запрета или отказа.

Всѣ эти печальныя мысли приходили въ голову молодой женщинѣ въ теченіе двухъ дней, послѣдовавшихъ за болѣзнью.

Ордынцевъ присылалъ узнавать о здоровьѣ, но самъ заѣхалъ только на минутку. Ольгѣ даже показалось, что въ ихъ отношеніяхъ появилось нѣчто новое. Германъ Михайловичъ робко и осторожно говорилъ съ нею, не смѣлъ поцѣловать крѣпко и спѣшилъ соглашаться съ каждымъ ея словомъ, какъ съ больною, которую нельзя раздражать, а это, наоборотъ, особенно сердило Креневу.

— Мои завтра уѣзжаютъ. Много хлопотъ... Вотъ отправлю— и свободный человѣкъ!—сказалъ онъ, между прочимъ.

— Поѣдешь провожать...

Ольга сказала утвердительнымъ тономъ, а Германъ тревожно смотрѣлъ на нее, стараясь угадать: какой отвѣтъ будетъ ей пріятнѣе. Она поняла, что Ордынцевъ готовъ и солгать, и поддакнуть.

— Неудобно же и трудно Софьѣ Леонидовнѣ одной съ дѣтьми!—повышая голосъ, замѣтила она, начиная злиться за оскорбительную и ненужную угодливость, выказываемую Германомъ передъ нею.

Они разстались въ тотъ разъ—какъ-то странно. Ордынцевъ казался печальнымъ и озабоченнымъ, Ольга—раздражительной, и чѣмъ онъ старался быть мягче, тѣмъ возбужденнѣе становилась Кренева.

«Положеньице!—думалъ Германъ Михайловичъ, торопясь домой.—Счастье... любовь... Ха, ха, герой романа! Обѣ любятъ, а я бы петлю на шею и въ воду... Съ наслажденіемъ. Дома—слезы, здѣсь—истерика... А дальше-то, дальше что будетъ... Уфъ! Помню я, когда Настя и Миша являлись на свѣтъ божій...»

Digitized by Google

И вдругъ Ордынцеву показалась крайне глупой и ненужной вся эта любовная исторія... Пока былъ флиртъ, тревога, неизвѣстность, да, тогда — хорошо, а потомъ... Ну, чѣмъ въ сущности онъ пользовался? Нѣсколько дней бурнаго счастья, а теперь—расплата... И какая еще расплата!

Сейчасъ, вернувшись, придется бесѣдовать съ женою, а у нея съ утра глаза заплаканы. Быть грозѣ...

«Я самый несчастный человѣкъ!» — рѣшалъ Ордынцевъ, поднимаясь по лѣстницѣ.—«Другіе умѣютъ... у другихъ—все хорошо... Да, права Софи, я слишкомъ деликатенъ и мягокъ... Вотъ и помыкаютъ мною...»

Кто имъ помыкаетъ? Оставалось неизвѣстнымъ, но Герману Михайловичу понравилось это словечко. Вообще, онъ склоненъ былъ жалѣть себя. Все, что случалось съ другими—Ордынцевъ умѣлъ представлять въ смягченномъ свѣтѣ, а личныя неудачи—видѣлъ въ мрачной окраскѣ.

Дома Германа Михайловича ожидала новая непріятность, встревожившая его очень сильно.

XVIII.

Изъ частнаго письма Ордынцевъ узналъ, что полученіе ожидаемаго повышенія—отодвинулось надолго, если не навсегда. Пріятель сообщалъ, что Тропинъ, любимецъ вліятельнаго воротилы, потерявъ жену, не хотѣлъ оставаться въ томъ городѣ, гдѣ служилъ, и изъ участія къ его горю,—ему предоставили мѣсто, на которое всѣ права имѣлъ Германъ Михайловичъ. Въ чиновничьей сферѣ, это называлось не неудачей,—а пораженіемъ, почти позоромъ. Ордынцевъ могъ считать себя оскорбленнымъ.

Случись такая вещь прежде,—онъ способенъ былъ выйти въ отставку, но теперь необходимость содержать семью сдѣлала его болѣе выносливымъ. Неудача по службѣ произвела не только тяжелое впечатлѣніе въ нравственномъ смыслѣ, но и въ матеріальномъ. Обнадеженный начальствомъ, сдѣлавшимъ нѣсколько прозрачныхъ намековъ, Ордынцевъ, какъ говорится, немного зарвался.

Лишніе расходы, вызванные болѣе свободнымъ взглядомъ на будущее частое пребываніе внѣ дома, обѣды и ужины въ

Digitized by Google

ресторанахъ, когда ему становилось невыносимо видѣть сумрачное лицо Софи, а Кренева былъ очень занята,—все это, въ связи съ нѣкоторымъ щегольствомъ въ костюмѣ, заставило его войти въ долги.

Теперь еще жена уѣзжала въ деревню и, послѣ тягостныхъ разговоровъ, послѣ примиренія — нужно было не только дать ей денегъ, но даже дать побольше, чтобы стушевать всѣ бывшія недоразумѣнія. Поведеніе Софи за эти два дня очень трогало Ордынцева. Она держала себя просто и мило. Не подчеркивая состоявшагося факта, Софи все таки вносила нѣчто новое, сердечно дружелюбное въ ихъ обостренныя отношенія. Она поступала, какъ мать, воспитательница, ожидавшая, что напроказившій ребенокъ скоро совсѣмъ раскается, а пока—не желала торопить его. Софи не вмѣшивалась въ его дѣла, не разспрашивала, какъ прежде, бывало, о всякой мелочи, но заботилась устроить для него все поудобнѣе. Она совѣщалась съ кухаркой, что̀ и какъ подавать барину на завтракъ и обѣдъ, показывала, гдѣ лежитъ его бѣлье, гдѣ запасное серебро, на случай, если гость зайдетъ напиться чаю, и т. д.; словомъ, бразды правленія опять очутились въ ея рукахъ. Прислуга чувствовала возстановленіе прежняго режима, а Германъ Михайловичъ сознавалъ, что не только *та сцена*, но и настоящая дѣятельность Софи закрѣпощаетъ его...

Держа въ рукахъ письмо пріятеля и слыша громкій, властный голосъ жены, отдававшей распоряженія, молодой человѣкъ какъ-то не могъ сосредоточиться.

Голосъ Софи мѣшалъ ему думать. Еще недавно, она говорила тихо, а теперь... Да, всѣ пережитыя испытанія, всѣ тревоги,—все пошло прахомъ... Начинать съизнова, сказать женѣ, что это былъ только порывъ жалости, вспышка минувшей нѣжности? Невозможно. Повторить ей и сегодня, что они разстаются навсегда и должны съ осени жить порознь? Но развѣ это возможно?..

А тутъ еще проклятое письмо, отнимающее чудную надежду.

— Ахъ, какой я несчастный! Какой я несчастный!—вырвалось у него восклицаніе.

Ордынцевъ сѣлъ къ столу, какъ былъ, въ лѣтнемъ пальто, и, опустивъ голову на руки, думалъ отрывочно, съ горечью, съ отчаяньемъ въ душѣ.

Digitized by Google

Всѣхъ-то, всѣхъ ему жалко, а вотъ его — никто не пожалѣетъ... Эгоистомъ называютъ! Хорошъ эгоистъ, который ничѣмъ не пользуется, и тамъ даже, гдѣ каждый дуракъ умѣетъ быть счастливымъ,—для него все складывается отвратительно тяжело. Хотѣлъ просто, по дружески обращаться съ женою, вышло, что опять закрѣпостился; думалъ въ отношеніяхъ къ Ольгѣ найти отдыхъ, отраду,—оказалось, что тамъ ему грозятъ тревоги... Работалъ, какъ волъ, надѣясь, что мѣсто за нимъ,—изъ подъ носа выхватили... И, главное, самъ онъ ни въ чемъ не виноватъ... Ни Софи, ни Ольга, да и никто изъ знакомыхъ не можетъ назвать его нечестнымъ человѣкомъ. Добръ онъ, уступчивъ, мягокъ, и вотъ—пользуются...

Чѣмъ пользуются и кто именно — неизвѣстно. Эти слова засѣли у него въ головѣ еще очень давно, когда жена укоряла его за излишнюю мягкость къ прислугѣ или къ подчиненнымъ. Существуютъ пороки, въ которыхъ особенно пріятно быть обвиняемымъ, и любящія женщины охотно корятъ мужей, напримѣръ, за щедрость или баловство, если они изливаются лично на нихъ...

Измѣняется объектъ—измѣняется и отношеніе.

— Можно къ тебѣ?—спросила Софи, появляясь на порогѣ.

— Пожалуйста... Я не занятъ...

Софья Леонидовна вошла и, оглядѣвшись, произнесла:

— Я приказала завѣсить и картины, и бронзу. У тебя въ кабинетѣ это завтра сдѣлаютъ. Ты насъ проводишь на вокзалъ?

— Конечно, конечно! Сегодня вѣдь? Да, а насчетъ квартиры...

— Я уже переговорила съ хозяиномъ. Потолки выбѣлятъ, пока ты возьмешь отпускъ и пріѣдешь къ намъ...

— Квартиру придется перемѣнить!—сквозь зубы произнесъ Ордынцевъ, забывая, что жена не знаетъ содержанія письма, и невольно перенося на нее раздраженіе за служебную неудачу.

Софья Леонидовна иначе объяснила его слова. Она поняла, что прежній планъ не измѣненъ и онъ опять толкуетъ о жизни порознь. Съѣхать съ этой квартиры—Софи не хотѣлось. Она уже представляла себѣ, что станутъ говорить, какъ будутъ судачить. Да и, кромѣ того, въ ней сказывалась чисто женская привычка къ стѣнамъ, въ которыхъ жилось хорошо. Въ другой квартирѣ—они навѣрное не помирились бы въ тотъ

Digitized by Google

вечеръ, а вотъ тутъ, и именно въ его кабинетѣ,—гдѣ столько пережито вмѣстѣ,—на нихъ пахнуло старымъ добрымъ временемъ и бранчивая ссора окончилась поцѣлуями.

— Ты все таки хочешь...—начала она.

— Понятно, захочешь, если жить нечѣмъ!—гнѣвно крикнулъ онъ.—Мѣсто отдано Тропину... Ты понимаешь: Тропину, который...

И, съ обидчивостью обойденнаго начальствомъ чиновника, началъ Ордынцевъ высказывать все дурное, что было за Тропинымъ, выставляя тутъ же свои неоцѣненныя заслуги. Германъ Михайловичъ изливалъ накипѣвшее озлобленіе и чувствовалъ, что ему дѣлается легче, и именно потому легче, что онъ говоритъ съ Софи. Она знала все предъидущее, всю исторію событій и не задавала ни одного лишняго вопроса. Онъ могъ высказываться на распашку и знать, что его слушаетъ союзникъ, а не судья, какъ Ольга, способная замѣтить, что онъ измѣнилъ тому или другому принципу. Въ качествѣ жены, Софи понимала, что есть разговоры для гостей и другіе, интимные, которые ведутся съ глазу на глазъ, а Кренева считала всякіе разговоры одинаково серьезными.

Убѣжденій праздничныхъ и будничныхъ она не допускала и изумилась бы, слыша все, что высказывалъ Ордынцевъ.

Но Герману Михайловичу было отрадно сбросить всякое стѣсненіе. Довольный по службѣ, онъ могъ съ порицаніемъ относиться къ искательству и къ протекціи, но когда его затронули, задѣли его служебную гордость,—тутъ дѣло другое.

— Надо съѣздить къ дядѣ, узнать, что тамъ такое!—входя въ прежнюю роль, сказала Софи.—Какая досада. Уже поздно... Надо на вокзалъ.

— А отложить отъѣздъ на одинъ день?

Ордынцевъ спросилъ робко, боясь отказа.

— Конечно, можно! Я полагаю, это важнѣе. Телеграмму послать только, чтобъ лошади ждали.

Софи обрадовалась возможности остаться на одинъ день. Ее безпокоила мысль, что въ вопросѣ о мѣстѣ — постарался дядюшка. Правда, она сама виновата, наговорила тогда пустяковъ... Но это все поправимо. Пусть чувствуетъ Германъ, что его благосостояніе зависитъ отчасти отъ нея. Ставровскій—другъ Креневой, однако она для Германа не постаралась...

Digitized by Google

Софья Леонидовна съѣздила, куда оказалось нужнымъ, и возвратилась съ добрыми вѣстями. Пріятель, какъ водится, поспѣшилъ сообщить только тревожное, а хорошее замолчалъ.

Тропина *нужно* устроить, но зато Ордынцева ждетъ нѣчто весьма серьезное.

Разсказывая, присочиняя немножечко и очень тонко льстя уязвленному самолюбію мужа, Софи производила на него буквально умиротворяющее впечатлѣніе.

Тамъ, у Креневой, Ордынцеву было очень хорошо и отрадно, но тамъ онъ жилъ литературными и общественными интересами, а говорить о полученной на службѣ обидѣ—и не могъ, и не сталъ бы, и, главное, никогда не получилъ бы такого успокоенія. Чтобы такъ тонко понимать и сочувствовать, нужно было долго стоять рядомъ съ борцомъ и входить въ мельчайшіе его интересы, зная, что благосостояніе мужа—личное благосостояніе жены.

Тонкія нити, порванныя было вспышкою Ордынцева, снова вытягивались, росли и запутывали Германа Михайловича. Все время, наканунѣ отъѣзда Софи въ деревню и въ самый день прощанья, супруги не разставались. Они передавали другъ другу все то, что̀ за періодъ враждебнаго молчанія оставалось невысказаннымъ, и эта откровенность тѣсно сближала ихъ, роднила, какъ прежде.

Софи давала совѣты, дѣлала заключенія, и онъ восхищался ея практичностью и пониманіемъ, а молодая женщина, расцвѣтая отъ радости, что все идетъ такъ хорошо, дѣлалась еще проницательнѣе.

Ни о чувствахъ, ни о виновности мужа не было произнесено ни слова.

Софья Леонидовна сознавала, что полное примиреніе—вопросъ времени, не больше, и не торопила, а Германъ Михайловичъ старался убѣдить себя, что съ женою—у него только дружба, хорошая, честная дружба, и теперь онъ можетъ быть сравнительно счастливѣе.

Укоровъ совѣсти не будетъ и всѣ довольны...

— Къ осени—мѣсто за тобою. Дядя обѣщалъ!—эти слова жены, которой онъ привыкъ вѣрить въ дѣловыхъ вопросахъ, утѣшили Ордынцева и онъ старался не думать о пережитой неудачѣ.

Накупивъ дѣтямъ множество ненужныхъ вещей, сдѣлавъ

Digitized by Google

подарокъ нянѣ и деньгами, и на платье, Ордынцевъ не испытывалъ однако того радостнаго чувства, которое, бывало, ласкало его душу.

Сначала ему показалось, что подарки не понравились, малоцѣнны или безвкусны, но затѣмъ понялъ причину.

Отъ него принимали дары, какъ отъ раскаявшагося преступника, который долженъ заслуживать свою вину. Это его взорвало, разозлило и онъ рѣзко прикрикнулъ на Марью Ивановну, осмѣлившуюся сказать снисходительнымъ тономъ:

— Слава богу, вспомнили дѣтишекъ! А то хоть безъ игрушекъ уѣзжай, да безъ лакомствъ... У мамаши денегъ въ обрѣзъ дадено, а дѣти вѣдь, *по прежнему*, пріучены къ баловству. И то Мишенька говорилъ...

— Дѣлайте свое дѣло и поменьше разговаривайте.

Но это была единственная непріятность. Все остальное предусматривалось Софи и слова: «баринъ такъ любитъ», «баринъ такъ приказалъ»,—опять носились въ воздухѣ, создавая атмосферу, въ которой дышалось и легко, и привольно. Супруги простились очень дружно. Софи крестила мужа, дѣти цѣловали папу и даже заплакали немножечко. Ордынцевъ горячо отдался заботамъ усадить семью поудобнѣе, поручилъ ихъ вниманію кондуктора, накупилъ въ буфетѣ еще разныхъ сластей и былъ растроганъ прощаньемъ.

— Пріѣзжай же скорѣй!—крикнула Софи изъ окна вагона.—Да не забудь: рыбій жиръ для Насти съ собою привези.

— Папа, пріѣзжай Скорѣе!—вторили дѣти, высовываясь изъ другаго окна.

Германъ Михайловичъ кланялся и даже махалъ платкомъ. Онъ былъ тронутъ сердечностью прощанья и ощущалъ грустное настроеніе, какъ человѣкъ, не привыкшій къ одиночеству.

— Какъ пріятно видѣть въ наше время такія хорошія семейныя отношенія,—съ любезною язвительностью сказала одна дама, знакомая Ордынцевыхъ, случайно очутившаяся на дебаркадерѣ.—Своихъ проводили?

— Да, поѣхали въ деревню на лѣто.

— Теперь вамъ посвободнѣе будетъ... заниматься,—продолжала лукавая особа.—Вы такъ много работаете. Все въ засѣданіяхъ да въ комисіяхъ. Когда ни спросишь о васъ Софью Леонидовну, все, оказывается, вы заняты.

Digitized by Google

Ордынцеву ужасно хотѣлось отвязаться отъ надоѣдливой особы, но она шла рядомъ.

— А что теперь не видно Ольги Юрьевны? Вы вѣдь видитесь съ нею? Такая она славная, милая...

Насилу отдѣлался Германъ Михайловичъ отъ этой собесѣдницы и подумалъ, что та непремѣнно поѣдетъ къ Креневой и съ прикрасами разскажетъ, какъ онъ нѣжно и любовно прощался съ Софи.

«Чортъ знаетъ, что̀ такое»! возмущался молодой человѣкъ, возвращаясь домой. Разстанься я враждебно съ Софи,—и она, и домашніе, и всѣ знакомые—всѣ считали бы меня грубымъ, жестокимъ человѣкомъ. Простившись хорошо, дружески,—оказывается,—я виноватъ передъ Ольгой... Что̀ ни дѣлай, какъ ни поступай—скверно на душѣ... Точно я изъ колеи выбился и мчусь по какимъ-то кочкамъ... И куда мчусь—самъ не знаю»...

Позднѣе, пріѣхавъ къ Ольгѣ, Ордынцевъ не имѣлъ мужества разсказать, ка̀къ онъ прощался съ женою. Онъ отвѣчалъ отрывисто, неохотно, и Кренева такъ и не знала, что супруги почти примирились. Въ логическомъ смыслѣ—получалось нѣчто невѣроятное. Ордынцевъ любилъ Ольгу, но обманывалъ ее ради нелюбимой жены... Онъ соглашался съ планами Креневой, ка̀къ имъ лучше провести его двухнедѣльный отпускъ, а самъ думалъ, что обѣщалъ быть это время въ деревнѣ. Путаница положенія раздражала его, и ему хотѣлось,—ради своего нравственнаго успокоенія хотѣлось,—чтобы между нимъ и Ольгой произошелъ нынче какой нибудь принципіальный споръ.

Но молодая женщина, нѣсколько ослабѣвшая послѣ недолгой болѣзни, находилась въ мирно-ласковомъ настроеніи. Ей дорого было нравственное общеніе, пріятна дружеская бесѣда, а доказывать, спорить или выслушивать спорныя положенія не хотѣлось.

Они сидѣли рядомъ на диванѣ. Кренева положила голову на плечо Ордынцева и мгновеньями закрывала глаза. Ей было хорошо, потому что она вѣрила въ Ордынцева, потому что скоро, на дняхъ она переѣдетъ на дачу и Германъ станетъ пріѣзжать къ ней обѣдать и проводить вмѣстѣ остатокъ дня. Даже финансовыя дѣла, тревожившія ее за послѣднее время, уладились. Деньги за работу она получила и получила заказъ по

Digitized by Google

переводному труду. Танѣ сдѣлано все необходимое, долги заплачены и есть небольшая сумма на переѣздъ.

— А Нина все чудитъ!—неожиданно сказала Кренева.—Мучитъ Владиміра Ивановича и сама мучится.

Ордынцевъ молчалъ. Ему хотѣлось говорить о себѣ, о служебной неудачѣ, но онъ желалъ, чтобы Ольга замѣтила его озабоченное настроеніе и выказала участіе. Сегодня онъ нуждался въ доказательствахъ ея любви или, вѣрнѣе, смутно желалъ найти подтвержденіе, что она любитъ его менѣе заботливо, чѣмъ Софи.

Виновный противъ Креневой, Германъ Михайловичъ малодушно стремился найти какой либо недостатокъ въ Ольгѣ, ради оправданія передъ самимъ собою.

— Она любитъ Ставровскаго!—продолжала молодая женщина.—Но изъ какой-то странной гордости не показываетъ своего чувства. И онъ тоже... любитъ серьезно. Какъ все это вышло,—заключила Ольга:—фиктивный бракъ предполагался, а между тѣмъ появилось настоящее чувство... Что ты сказалъ, Германъ.

— Ничего. Тебя слушалъ...

Креневой стало неловко. Значитъ то, что она сообщала, неинтересно, а она-то входила въ подробности. Ей сдѣлалось досадно, какъ человѣку, разсказавшему старый и избитый анекдотъ, пользуясь деликатностью слушателя, не перебившаго вовремя.

— Отчего ты сегодня такой... грустный? Я понимаю, конечно, отъѣздъ дѣтей... Но больше ничего нѣтъ непріятнаго?

Наконецъ-то она спросила! Раздражительно, съ намѣреніемъ подчеркивалъ онъ нѣкоторыя подробности своей исторіи, разсказывая о постигшей неудачѣ. Смутное недовольство противъ Ольги заставляло его особенно ярко говорить о карьерѣ, о Тропинѣ, которому «везетъ», который «умѣетъ вести дѣло».

Огорченіе любимаго человѣка возбуждало участье Креневой, но ее коробило отъ колорита его разсказа. Эти жалобы «чиновника», эти мелочныя сплетни,—все это такъ не шло къ ея милому, благородному Герману... Она помнила, что все это тенденціи Софи, та атмосфера, отъ которой онъ бѣжалъ, въ которой еще недавно задыхался, и слушала его съ удивленіемъ, почти съ досадой.

Digitized by Google

Въ этотъ вечеръ, Кренева и Ордынцевъ впервые поссорились и высказали другъ другу нѣсколько рѣзкостей.

— Неужели вопросъ о повышеніи имѣетъ для тебя такое важное значеніе? Ты самъ говорилъ, что здѣсь ты приносишь больше пользы!—сказала, между прочимъ, Ольга.

— Польза! Польза! Все это прекрасно... Конечно, но, я думаю, надо же мнѣ и средства имѣть... У меня семья... Отправляя своихъ, я занялъ болѣе 600 рублей... Наконецъ, твой... нашъ ребенокъ... Надо же думать о будущемъ.

Что-то неуловимое прозвучало въ тонѣ послѣднихъ словъ. Не такъ говоритъ отецъ о желанномъ дѣтищѣ, не такъ относится любящій человѣкъ къ подругѣ сердца, готовящейся быть матерью...

Кренева ясно почувствовала, что въ настоящій моментъ свершается переломъ ихъ отношеній и поэзія переходитъ въ прозу.

— Я уже сказала и повторяю, что этотъ вопросъ до тебя не касается.

— Да, да, помню!.. Но даромъ, мой другъ, ни доктора, ни кормилицы не найдешь.

— Знаю. Средства будутъ... У меня есть работа...

Ордынцевъ вспомнилъ сцену съ женой по поводу ея отказа отъ денегъ, вспомнилъ все послѣдующее, и тономъ превосходства, который Кренева ненавидѣла, замѣтилъ, что все это—разговоры...

Вотъ тутъ и произошла непріятная вспышка, первая за время ихъ сближенія. Какъ всегда при подобныхъ объясненіяхъ, сказалось взаимное недовѣріе, непониманіе, и раздался первый упрекъ. Кренева обвиняла Германа въ непослѣдовательности, въ томъ, что дѣло—противорѣчитъ у него слову, а Германъ Михайловичъ укорялъ Ольгу въ резонерствѣ и сухости, въ томъ, что она не хочетъ войти въ его положеніе, а между тѣмъ—онъ глубоко, глубоко несчастенъ.

Влюбленная парочка холодно разсталась. Ольга даже не спросила: пріѣдетъ ли онъ завтра, а Германъ Михайловичъ не освѣдомился: дома ли она, что̀ постоянно дѣлалось ими обоими въ моментъ прощанья.

Послѣ трогательнаго прощанья съ женою, Ордынцевъ чувствовалъ бы себя совсѣмъ негодяемъ, еслибы не поссорился

Digitized by Google

съ Ольгой, а молодая женщина, оставшись одна, укоряла себя за несдержанность.

«Онъ скучалъ, только что проводивъ семью, а я отнеслась къ нему такъ строго. Просто нервы у него разстроены, оттого онъ и говорилъ нынче дикія вещи... Завтра Германъ будетъ опять самимъ собою... Но какъ странно... Пока онъ не зналъ о моемъ положеніи—у насъ не было ни одной размолвки, а теперь... Нѣтъ, просто случайность... Какъ я могу подозрѣвать его? Да и наконецъ, развѣ этотъ фактъ кладетъ на него какія нибудь обязательства? Ничего, кромѣ нравственныхъ отношеній... Мужчины такъ привыкли платить за все, что даже не вѣрятъ въ существованіе дѣйствительно свободной женщины, несущей послѣдствія безъ ихъ обязательной или добровольной помощи... Увидитъ... О, только бы здоровье не измѣнило»...

Пока Ордынцевъ и Кренева горячо спорили, обмѣниваясь возраженіями, каждый изъ нихъ твердо вѣрилъ въ справедливость своихъ мнѣній, но, разставшись и размышляя о происшедшей размолвкѣ, и тотъ и другая начинали находить долю правды въ словахъ опонента.

Такія соображенія способствовали примиренію. Ордынцевъ пріѣхалъ къ Ольгѣ и, хотя ни съ одной стороны не было сдѣлано словесной уступки, оба чувствовали себя пристыженными по поводу вчерашней вспышки и старались взаимною ласкою затушевать непріятное впечатлѣніе. Миръ и согласіе воцарились снова, но теперь и Германъ Михайловичъ, и Ольга избѣгали разсуждать о нѣкоторыхъ вопросахъ.

XIX.

Ольга Юрьевна уже нѣсколько недѣль жила на дачѣ, когда Ордынцеву пришлось поѣхать въ командировку. Его посылали всего на три дня въ Тверь,—такъ сказалъ онъ Креневой и, конечно, молодая женщина не сомнѣвалась. Не могло же ей прійти въ голову, что Германъ, безгранично къ ней привязанный, станетъ скрывать поѣздку къ женѣ.

Нужно ему повидаться съ семьей, или соскучился о дѣтяхъ,—это такъ понятно, что Ольга скорѣе одобрила бы его поступокъ, чѣмъ выразила порицаніе. Но Ордынцевъ, совершенно выбившійся изъ колеи, лгалъ и обманывалъ, самъ не

Digitized by Google

понимая чего ради. Болѣе чѣмъ когда либо влюбленный въ Креневу, какъ въ женщину, онъ чувствовалъ себя нечестнымъ и передъ нею, и передъ Софи. Разговаривая съ Ольгой и боясь, не угадываетъ ли она его примиренія съ женой, Германъ Михайловичъ очень часто начиналъ порицать Софи за то или за другое, а, возвратившись домой, писалъ къ женѣ грустно тоскующія письма, въ которыхъ жаловался на одиночество и выражалъ желаніе скорѣе поѣхать «домой», къ милой семьѣ. Случалось, что ему дѣлалось стыдно подобной двойственности, но тогда являлось самоустрашеніе: «Надо успокоить... Вѣдь неправъ я передъ нею». А потомъ, сидя у Ольги, онъ восхищался дѣловитостью и прелестью Креневой и, точно также укоряя себя, старался искупить свою вину. Правда, теперь между Ольгой и Ордынцевымъ происходили столкновенія по поводу различныхъ знакомыхъ, а иногда и изъ-за Тани, съ враждебностью любимицы относившейся къ чужому дядѣ.

Еслибы Ольга была женою Германа, дѣвочкѣ сказали бы, что она должна называть Ордынцева «папой», и ребенокъ привыкъ бы къ отчиму. Но ненормальный складъ отношеній производилъ впечатлѣніе и на малютку, тѣмъ болѣе, что чуткое ухо ребенка воспринимало многое, что говорилось въ его присутствіи.

Таня дичилась Ордынцева. Она слышала, какъ прислуга называла его «нашъ баринъ»; замѣчала, какъ радовалась мама его пріѣзду, и мало по малу сообразила, что лучшіе куски за обѣдомъ попадаютъ на тарелку дяди; когда же она бывала съ мамой вдвоемъ,—они принадлежали ей. Замѣчая, что Ольга страстно любитъ Таню, Ордынцевъ, какъ истый эгоистъ, ревновалъ ребенка и, кромѣ того, ревновалъ Креневу къ прошлому.

Искажая ради самооправданія истину, Германъ Михайловичъ не особенно довѣрялъ и разсказу Ольги объ ея первомъ романѣ. Ему казалось, что она говоритъ не все и подчасъ онъ мучился завистью къ тому человѣку, который возбудилъ юную и свѣжую любовь Креневой. Такая мелочь вліяла на его расположеніе и иногда дѣлала раздражительнымъ.

Во время отсутствія Ордынцева, Нина пріѣхала на дачу къ Ольгѣ. Онѣ сидѣли на террасѣ, обѣ грустныя и задумчивыя. Малецкая только что разсказала, что сегодня долженъ вернуться Ставровскій, а она нарочно исчезла изъ дому.

Digitized by Google

Ольга отнеслась съ порицаніемъ къ ея поступку и замѣтила, что съ честнымъ чувствомъ надо честно обращаться.

— Ставровскій—рѣдкій человѣкъ,—добавила она.—Ты подумай только, какъ онъ поступилъ по отношенію къ твоему отцу. Заплатилъ всѣ ваши долги, дѣла устроилъ и уѣхалъ, чтобы не смущать тебя своимъ присутствіемъ.

— Уѣхалъ, потому что ненавидитъ меня!

— Ставровскій тебя ненавидитъ? Полно глупить, Нина. Это, конечно, разсказы твоего Марьянова.

— Не говори о немъ. Не говори! Слышать не могу.

— Да? Значитъ это нелѣпое увлеченіе прошло?

— И какъ мнѣ стыдно за него... ахъ, какъ стыдно!—прошептала Нина, прижимаясь къ Ольгѣ.

Кренева обняла ее, поцѣловала. Она сейчасъ только замѣтила, какъ похудѣла и поблѣднѣла ея пріятельница, какое глубокое выраженіе пріобрѣли ея глаза.

— Что же тебя мучитъ теперь?

— Ахъ, Оля, Оля... Какъ это *ты* не понимаешь? Я бы такъ хотѣла не быть обязанной Ставровскому, быть совсѣмъ, совсѣмъ свободной. Меня съ ума сводитъ мысль, что... Я знаю, Ставровскій презираетъ меня. Онъ правъ, да... да, знаю, но ахъ, какъ мнѣ это горько!

— Презираетъ? Полно, любитъ онъ тебя, Нина, крѣпко, хорошо любитъ, оттого и страдаетъ. Ну, легкомысленна ты была, повѣрила фату, такъ жалѣетъ тебя Ставровскій, а вовсе не ненавидитъ. Наконецъ, ничего между тобою и Марьяновымъ серьезнаго и не было.

— Но *онъ* можетъ думать.

— Нѣтъ, вѣритъ онъ тебѣ, Нина. Въ послѣднемъ письмѣ Ставровскій писалъ мнѣ...

— Обо мнѣ писалъ? Да? Ради бога, умоляю, покажи... Ахъ, только бы онъ не презиралъ меня.

— Какъ ты его мало знаешь! Пойми, вѣдь ты — первая любовь Ставровскаго. Еслибы ты была даже виновата, такъ и то этотъ человѣкъ отдалъ бы всѣ силы, чтобы спасти тебя... Нѣтъ, его любовь—возрождаетъ, а не губитъ.

Нина краснѣла и блѣднѣла, читая письмо Ставровскаго къ Ольгѣ. Она чувствовала, что Владиміръ Ивановичъ любитъ ее нѣжно и преданно, но робко и осторожно говоритъ о своемъ

Digitized by Google

чувствѣ. Разлука умудрила дѣвушку. Она понимала теперь, что ея отношенія къ Марьянову были просто кокетствомъ, желаніемъ добиться побѣды.

Пока Ставровскій былъ тутъ, она точно нарочно дразнила его и мучила, но едва Владиміръ Ивановичъ уѣхалъ по дѣламъ, какъ она поняла, что онъ ей безгранично дорогъ.

Нина тосковала и плакала, а вокругъ нея шушукались и родные и знакомые, что она не съумѣла удержать такого жениха, что онъ нарочно уѣхалъ, чтобы отказаться отъ нея. Тутъ же мать дѣлала намеки, что Ставровскій, конечно, не дуракъ и взыщетъ судомъ данныя имъ деньги.

Нина пылко возражала. Да, свадьба ихъ, вѣроятно, разстроится, но Владиміръ Ивановичъ—идеально-честный человѣкъ и не сдѣлаетъ никакой непріятности. Надъ Ниной смѣялись, называли дурочкой, относились, какъ къ опальной, и опять положеніе ея въ семьѣ становилось тягостнымъ. Прежде Нина находила утѣшеніе въ семьѣ Ольги, но теперь, сознавая себя виноватой передъ Ставровскимъ, дѣвушка не смѣла искать участія у Креневой. Кромѣ того, присутствіе Ордынцева мѣшало откровенному общенію пріятельницъ, и послѣднее время онѣ видѣлись рѣдко. Изъ уважаемыхъ личностей, Ольга попала въ разрядъ такихъ, о которыхъ говорить не принято и почти всѣ отшатнулись отъ Креневой. Вотъ и сегодня, Нина тайкомъ поѣхала къ Ольгѣ. Сказать правду дома — значило подвергнуться воркотнѣ, а Нина такъ нуждалась въ добромъ участьѣ. Кренева угадывала, что Нина бываетъ у нея по секрету, и это оскорбляло ее, какъ доказательство того пошлаго мнѣнія, которое высказывали о ней прежнія знакомыя.

— Я думаю, Владиміръ Ивановичъ сюда пріѣдетъ,—замѣтила Ольга.

— Сюда? Неужели пріѣдетъ?

— Вѣдь это только ты находишь нужнымъ скрывать свои посѣщенія!—съ горечью возразила Кренева.—Ставровскій—человѣкъ твердыхъ убѣжденій.

— Но я не виновата... я люблю тебя по прежнему... Maman...

— Какая заслуга, подумаешь!—съ ироніей отозвалась Ольга.—Да что же, хуже я стала теперь, чѣмъ прежде? Вотъ въ томъ-то и дѣло, Нина, вотъ кто толкаетъ на зло, на эгоистическіе

Digitized by Google

поступки. Еслибы я не отказалась отъ развода, еслибы, ради моего удобства, жена и дѣти Ордынцева были бы брошены, ко мнѣ относились бы съ уваженіемъ. Еще бы! Невѣста, а потомъ супруга Германа Михайловича. Но я не захотѣла дѣлать зла его семьѣ и вотъ—награда. Еслибы мы могли вступить въ бракъ, конечно, и мнѣ, и Герману было бы пріятнѣе, но вѣдь я бы горе доставила людямъ,—и горе, и позоръ. Я все взяла на свою долю, я должна была разойтись со всѣми знакомыми. Мало того, я работу потеряла...

И Кренева, не имѣющая возможности говорить о своихъ дѣлахъ съ Германомъ, находила нынче какое-то особенное наслажденіе высказывать свои жалобы именно Малецкой, которая не могла ни помочь, ни утѣшить. Это была мелочность, но мелочность крупной и сильной натуры, не просящей поддержки или сожалѣнія, но ощущающей непреодолимую потребность констатировать фактъ.

Нина съ удивленіемъ слушала рѣчь Ольги. Со стороны,—ей казалось, что Кренева удивительно-счастливо устроилась.

Любима, любитъ, абсолютно свободна и никому не обязана; но по мѣрѣ того, какъ Ольга разсказывала пріятельницѣ всѣ подробности своей жизни, Малецкая приходила въ ужасъ.

— Прости меня, Оля, не мое это дѣло, но все таки... Зачѣмъ же ты создала себѣ такую тягостную обстановку?

— Люблю Германа... Люблю больше всего на свѣтѣ, больше чѣмъ себя! А ради подобной любви всякая жертва ничтожна.

— Но онъ... цѣнитъ онъ? Любитъ?

— Я—безгранично счастлива. Да, да, счастлива!—громче, чѣмъ слѣдовало, отвѣчала Кренева, и Нина невольно подумала, что Ольга сама себя убѣждаетъ въ сказанномъ.

— Полнаго, безоблачнаго счастья нѣтъ, да и быть не можетъ,—говорила Ольга, между прочимъ.—И людей вполнѣ хорошихъ нѣтъ, нѣтъ и совсѣмъ дурныхъ. Вся суть въ томъ, что съ однимъ — можно и должно мириться, а съ другимъ... если и можно, то не должно...

Нина не понимала ея словъ. Кренева говорила, объясняла, приводила примѣры.

— Мое счастье—не безоблачно, но я дорожу имъ. Есть факты, которые меня мучатъ, но зато я имѣю самое дорогое: я вѣрю въ Германа! Мы вполнѣ откровенны, мы дружны.

Digitized by Google

— Но эта жизнь порознь...

— Еще лучше, Нина! Мы близки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ пошлости отношеній, нѣтъ возможности надоѣдать другъ другу. Днемъ у него своя работа, у меня — своя, а потомъ сходимся, живемъ общими интересами.

Малецкая отрицательно покачала головой. Она вѣрила Ольгѣ, но лично ей—такая жизнь казалась бы далеко не соблазнительной. И вопросы дѣвушки разбередили рану въ душѣ молодой женщины. Незамѣтно для себя высказывала она различные факты, благодаря которымъ передъ Ниной рисовались вовсе непривлекательныя картины.

— Что же это выходитъ?—воскликнула Нина.—Изъ боязни быть въ тягость любимому человѣку,—ты все, все взяла на себя! На твоихъ рукахъ и работа, и заботы о семьѣ. Ты несешь всякія обязанности, но ничѣмъ не пользуешься, ни именемъ, ни положеніемъ, ни средствами... Мало того, тебя же позорятъ... А онъ, Ордынцевъ, почему же онъ пользуется и уваженіемъ, и свободою? Онъ къ тебѣ пріѣзжаетъ отдыхать.. Онъ раздражается, если у тебя знакомые, которые ему не нравятся; онъ ворчитъ, если Таня вертится возлѣ тебя, когда онъ что нибудь разсказываетъ. Ты вѣчно стараешься угодить ему, такъ отчего же онъ...

— Я люблю его, Нина... Мнѣ пріятно, если ему хорошо у меня.

— Но и онъ долженъ... Если любитъ, то...

— Погоди, Нина, ты забываешь, что каждый человѣкъ любитъ по своему... Моя любовь—это любовь-забота, его...

— Эгоизмъ!—брякнула Нина, давно уже роптавшая въ душѣ на Ордынцева за то, что Креневой жилось очень нелегко.

— Если ты мнѣ другъ, то никогда не говори о Германѣ Михайловичѣ такъ, какъ сейчасъ,—строго остановила Ольга.—Чтобы судить о человѣкѣ, надо знать все...

Но крылатое словечко было произнесено. Дѣйствительно, Ольгѣ самой казалось иногда страннымъ, что Ордынцевъ такъ свободно и просто принимаетъ всякія жертвы, даже не сознавая ихъ значенія. Сначала она думала, что это — извѣстная совѣстливость и деликатность, но оказывалось, что Германъ Михайловичъ считалъ себя центромъ круга и оскорблялся, если ему не угождали...

Digitized by Google

Онъ привыкъ къ извѣстному значенію въ своей семьѣ, а здѣсь, ничего не внося, ничѣмъ не поступаясь, ожидалъ такого же поклоненія своей личности.

— Ты любишь Ставровскаго,—сказала Кренева Нинѣ,—и онъ тебя любитъ, но развѣ ваше чувство одинаково? Нѣтъ. Такъ и у насъ... Только изстрадавшійся человѣкъ умѣетъ любить, заботясь, баюкая и лелѣя, а люди счастливые любятъ, стремясь къ наслажденію...

— Ты удивительная женщина, Ольга! Знаешь, когда я думаю о вашихъ отношеніяхъ, мнѣ за тебя страшно дѣлается.

— Отчего? Почему страшно?

— А если онъ разлюбитъ? Если вы разойдетесь?

— Невозможно!—съ гордою улыбкою отвѣчала Кренева.— Въ насъ столько общаго, родственнаго... Наконецъ, теперь существуетъ связь, которая окончательно сблизила насъ.

И, краснѣя, Ольга сообщила ей, что будетъ матерью. Нина отнеслась къ этому извѣстію съ наивностью человѣка, не знающаго жизни, и упросила позвать ее «крестною»... Кренева согласилась.

Среди разговора ей пришлось коснуться печальнаго вопроса относительно своей дѣятельности.

— Вотъ только что плохо,—говорила она.—Будь я женою Германа—мое положеніе возбуждало бы участье, даже уваженіе, а теперь... Пойми, я работу вездѣ потеряла... Неловко идти въ редакцію или къ издателю... Знаютъ, что я не замужемъ... Начнутъ дѣлать обобщеніе относительно трудящихся женщинъ вообще. И то мнѣ одна переводчица дерзостей наговорила... Позорю, говоритъ, всѣхъ труженицъ... Права, вѣдь, права...

— Оттого-то я такъ ненавижу твоего Ордынцева!—пылко воскликнула Нина.—Послушаешь: фразы либеральныя, принципы, убѣжденія... А тутъ... за что же ты одна страдаешь? Гадкіе мужчины...

— Прекрасная встрѣча!—произнесъ знакомый голосъ и изъза куста появился Ставровскій.—Кого и за что вы такъ браните, Нина Матвѣевна?

Боясь болтливости Малецкой, которая, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, могла сказать что нибудь лишнее, Ольга сдѣлала ей знакъ молчанія.

Digitized by Google

Владиміръ Ивановичъ замѣтилъ, что отъ него что-то скрываютъ, и подумалъ, что это касается Нины и Марьянова.

Бѣдняга Ставровскій, поздно сравнительно, но горячо полюбившій Малецкую, испытывалъ много тревоги и огорченій.

И его соблазнила мечта личнаго счастья; и онъ сталъ думать о семейномъ очагѣ, но... Марьяновъ, появившійся на его дорогѣ, разбилъ всѣ эти свѣтлыя надежды.

На время уѣхавъ изъ Петербурга, онъ старался забыть Нину и втянуться въ прежнюю дѣятельность, но образъ милой дѣвушки стоялъ передъ нимъ и манилъ, ласкалъ...

Не выдержавъ искуса, Ставровскій вернулся. Вотъ онъ сидитъ на террасѣ, рядомъ съ Ольгой, и смотритъ въ смущенное и похудѣвшее лицо Нины.

Она кажется ему еще прелестнѣе, съ виновато-стыдливымъ выраженіемъ потемнѣвшихъ глазъ, со вспыхивающимъ румянцемъ на щекахъ.

«Я отдамъ вамъ все свое состояніе, я устрою вашъ бракъ съ Марьяновымъ; только будьте счастливы, милая, дорогая Нина»! хочется сказать Ставровскому, но, какъ это случается, онъ говоритъ совсѣмъ о другомъ и сообщаетъ какъ нарочно самые неинтересные факты.

«Онъ не умѣетъ нравиться»! думаетъ про него Ольга. «Онъ ненавидитъ меня»! въ свою очередь воображаетъ Нина—и всѣмъ неловко, тяжело, а самому Владиміру Ивановичу хуже всѣхъ, потому что онъ увѣренъ, что помѣшалъ своимъ появленіемъ.

— А я встрѣтилъ Германа Михайловича!—между прочимъ, сказалъ Ставровскій.

— Да, онъ поѣхалъ въ Тверь... Завтра вернется...

— Въ Тверь? А я...

Владиміръ Ивановичъ хотѣлъ сказать, что встрѣтилъ его на линіи Варшавской желѣзной дороги, но какое-то чутье остановило его.

На террасу вошла горничная и стала шептать что-то Ольгѣ Юрьевнѣ. Молодая женщина встревожилась.

— Скажите, что 1-го... раньше не могу...

— Онъ требуетъ... Дерзости говоритъ...

— Хорошо, хорошо, я сейчасъ...

Кренева извинилась и ушла во дворъ. Ставровскій и Нина сидѣли молча. До нихъ долетали звуки голосовъ: грубаго и дерзкаго, а затѣмъ просительнаго.

Digitized by Google

Очевидно, Ольгѣ приходилось выслушивать укоры разнощика или мясника, и извиняться передъ ними.

Ставровскій хотѣлъ пойти и уладить дѣло, но вспомнилъ, что Кренева не проститъ такого вмѣшательства.

Приходилось сидѣть и молчать.

— Да что же это,—вырвалось у него,—неужели Ордынцевъ не понимаетъ, какъ ей трудно жить одной? Вѣдь это же—безпощадно наконецъ.

— Ольга сама не хочетъ...

— Не хочетъ! Любилъ бы, какъ она того стоитъ, съумѣлъ бы поставить, какъ слѣдуетъ... Деревяшки, не люди!... И какъ это она сказала, что онъ—въ Твери?

— Германъ Михайловичъ поѣхалъ въ командировку...

— Нѣтъ, тутъ не то...

Нина встала. Ставровскій побоялся, что дѣвушка сейчасъ уйдетъ или даже уѣдетъ отъ Креневой. Онъ спѣшилъ успокоить ее.

— А я собираюсь въ далекое путешествіе,—началъ онъ съ улыбкой, хотя губы его дрожали.—Надумался въ Томскъ поѣхать...

— И скоро?

— Дня черезъ два, никакъ не позже...

— Надолго?—едва слышно спросила Нина, чувствуя, что ея сердце замираетъ отъ невыразимой боли.

— Не... не знаю...

Въ голосѣ Нины ему послышалось что-то нѣжное и Ставровскій жадно глядѣлъ на нее, ожидая, что она посмотритъ на него, вымолвитъ доброе слово.

Но дѣвушка молчала. Она хотѣла бы высказать все, что̀ накипѣло на душѣ, но боязнь встрѣтить недовѣріе—парализовала ея стремленіе.

— Когда я вернусь, Нина Матвѣевна,—продолжалъ онъ съ усиліемъ,—вы будете уже замужемъ и, надѣюсь, вполнѣ счастливы...

— За что вы меня такъ ненавидите? За что?—дрожа отъ волненія, прошептала она.—Ну, да, я виновата... Очень... ужасно виновата... Цѣнить не умѣла, а теперь... Я... васъ... Простите меня... простите...

Ставровскій не вѣрилъ своимъ ушамъ. Нина просила прощенья... Нина страдала...

Digitized by Google

— Я ненавижу васъ? Я? Ахъ, дѣточка милая, да еслибы у меня было двѣ жизни, я послѣдовательно отдалъ бы ихъ вамъ... Милая... сокровище...

И этотъ серьезный, сильный духомъ человѣкъ чуть не плакалъ отъ радости, когда Нина вымолвила наконецъ завѣтное «да».

Они такъ долго злоупотребляли словомъ: «люблю», играя роль жениха и невѣсты, что въ данную минуту, когда сказалось истинное чувство, имъ было неловко повторять его.

Да теперь въ немъ не встрѣчалось и надобности. Всѣ недоразумѣнія исчезли и Ставровскій душою чувствовалъ, что Нина любитъ его, что фиктивный бракъ—превращается въ союзъ, основанный на взаимномъ влеченіи.

Когда вернулась Ольга, видимо усталая послѣ непріятныхъ дебатовъ и озабоченная, какъ справиться съ матеріальными дѣлами,—Владиміру Ивановичу было еще досаднѣе, что онъ не можетъ помочь ей.

Говоря о своемъ полномъ счастьѣ, обмѣниваясь нѣжными взорами съ Ниной, Ставровскій ощущалъ кипучую злобу противъ Ордынцева.

Ольга Юрьевна душевно радовалась, что наконецъ наступила желанная развязка. Она горячо поздравила Нину и, пожимая руку Ставровскаго, сказала:

— Теперь я васъ обоихъ привѣтствую отъ всего сердца. Да, это—настоящій бракъ, настоящее счастье...

А въ душѣ ея шевелился горькій вопросъ: «Отчего *мнѣ* не выпало счастье быть женою и матерью? За что должна *я* стоять одинокая и, неся на себѣ всѣ заботы, какъ мужчина, подвергаться позору, какъ женщина? Въ чемъ дѣло, въ чемъ? Чья вина? Отчего для однихъ любовь—синонимъ позора, для другихъ—пьедесталъ? Отчего одинъ любитъ, заботясь, другой—ища наслажденій»?

Но не Креневой было отвѣтить на эти «проклятые вопросы»... Жизнь ежедневно даетъ новыя и новыя иллюстраціи, но исхода не указываетъ.

XX.

Свадьба Ставровскаго была назначена въ началѣ іюля, и Нина убѣдила, умолила Креневу быть посаженою матерью.

*

Digitized by Google

Это было желаніемъ Владиміра Ивановича, которому хотѣлось выказать уваженіе къ молодой женщинѣ, не взирая на двусмысленное положеніе, въ которое поставила ее связь съ Ордынцевымъ.

Часто бывая въ послѣднее время у Креневой, Владиміръ Ивановичъ буквально возмущался поведеніемъ ея друга.

Ничего рѣзкаго или грубаго, конечно, не было, но эгоизмъ и безсердечіе проявлялись такъ ясно, что Ставровскій не понималъ, какъ мирится Ольга, какъ она не замѣчаетъ.

Не смѣя высказывать своихъ соображеній Креневой, Владиміръ Ивановичъ нерѣдко заводилъ съ Ордынцевымъ принципіальныя бесѣды и вставлялъ даже шпильки.

Ему хотѣлось дать почувствовать Герману Михайловичу, что онъ поставилъ Ольгу въ невозможное положеніе, но тотъ не желалъ или не умѣлъ понять намека, хотя сталъ относиться къ Ставровскому крайне недружелюбно.

Страдающимъ лицомъ оказывалась Ольга. Она любила Ордынцева и очень дружески относилась къ Ставровскому, а они видимо враждовали.

Какъ-то разъ, истративъ большую сумму на подарокъ Нинѣ, Ставровскій услыхалъ отъ Ольги упрекъ въ баловствѣ.

— Будьте осторожнѣе,—шутя, замѣтила она,—Нина увлекается нарядами, брилліантами, кружевами.

— Если ей это доставитъ удовольствіе, то, конечно, *я* не откажу.

— Но, кажется, ваши принципы и брилліанты несовмѣстимы!—язвительно сказалъ Ордынцевъ.

— Одно другому не мѣшаетъ. Передѣлывать Нину я не стану. Я уважаю волю и свободу другаго. Придетъ время, она сама увидитъ, что̀ ей дастъ больше наслажденія.

— Да, конечно, но къ тому времени, пожалуй, на проведеніе принциповъ и средствъ не останется!

— Моя мать хорошо знала женское сердце и оставила мнѣ извѣстную сумму прямо на прихоти моей будущей жены. Да еслибы этихъ средствъ у меня и не было, все таки я не позволилъ бы себѣ отказать. Женщина, которую я люблю, должна быть всегда довольна и ни въ чемъ не нуждаться.

— Взглядъ крѣпостника. Я удивляюсь!—Ставровскій вспыхнулъ, но удержался и отвѣчалъ спокойно:

Digitized by Google

— Долгъ мужчины охранять женщину. Мужъ-эгоистъ, заботящійся только о себѣ—недостоинъ уваженія...

— Мало вы знаете нашихъ женъ! Не позаботься о нихъ, такъ истерика за истерикой.

— А если истерика не дѣлается, такъ заботиться не нужно?

Ольга вмѣшалась и перемѣнила разговоръ. Въ этотъ день она была очень разстроена. Маленькая Таня захворала; докторъ сказалъ, что у нея золотуха, и посовѣтовалъ, чтобы вовремя захватить болѣзнь, свезти дѣвочку въ Старую Русу. Молодая женщина спросила Владиміра Ивановича, сколько стоитъ тамъ прожить шесть недѣль и, хотя у нея совсѣмъ не было матеріальной возможности отправить больную дѣвочку, все же она увлеклась этимъ вопросомъ.

Ордынцевъ сталъ говорить, что это пустяки,—что лѣчиться можно и здѣсь, а затѣмъ началъ иронизировать надъ вредною нѣжностью и баловствомъ.

Разговоръ принадлежалъ къ числу непріятныхъ. Ольга отмалчивалась, но взгляды Ставровскаго, положительно удивлявшагося ея терпѣнію, заставили ее отвѣчать.

— Странно, Германъ; ты самъ еще недавно находилъ, что твоей дочери, Настѣ, нужно ѣхать за границу лѣчиться отъ какого-то пустяка...

— Хорошъ пустякъ! У хорошенькой дѣвочки зобъ можетъ вырости...

— А у моей Тани могутъ быть кривыя ноги...

— Фантазія! Докторъ сболтнулъ, а ты и повѣрила. Маменькина нѣжность, ничего больше.

— У васъ, кажется, лѣчитъ одинъ и тотъ же докторъ!—сказалъ Ставровскій.

— Ничего не значитъ!—возразилъ Ордынцевъ, принимая вызовъ.—Настя привыкла къ другой системѣ... Ее постоянно лѣчатъ. Теперь нужны болѣе сильныя средства...

Ольга и Ставровскій переглянулись. Одна и та же мысль мелькнула у нихъ, и молодой женщинѣ стало стыдно за Ордынцева. Она хотѣла сгладить невыгодное впечатлѣніе, произведенное его словами.

— Да, но я все таки устрою Таню въ Старой Русѣ. Разъ докторъ говоритъ, что это нужно—нечего и толковать.

— Вотъ, вотъ, а потомъ будешь морить себя надъ лишней

Digitized by Google

работой и уставать, а затѣмъ тебя надо лѣчить. Ахъ, эти женщины!

Онъ говорилъ, какъ будто бы ему приходилось заботиться о ея лѣченіи. Всѣ тѣ укоры, которые, быть можетъ, заслуживала Софи, произносились въ присутствіи Креневой безъ имени, и получалась вопіющая и оскорбительная несправедливость. Женщина, на которую онъ не тратилъ никакой заботы, могла бы считаться посторонними за капризницу. Ставровскій зналъ истину и потому подобное отношеніе Германа—производило на него непріятное впечатлѣніе.

Черезъ нѣсколько дней, Ордынцевъ пріѣхалъ къ Ольгѣ очень озабоченнымъ и не въ духѣ. Онъ говорилъ, что получилъ письмо изъ деревни, что у него просятъ денегъ. Надо послать рублей пятьсотъ, но у него только половина нужной суммы.

— Жена нездорова, Настя хвораетъ, просто бѣда... Я думалъ попросить тебя, Оля, не можешь ли ты взять у Ставровскаго, конечно, для себя. Черезъ мѣсяцъ я отдамъ...

— Жаль, что я раньше не знала. Я только что заняла у Владиміра Ивановича, и довольно много. Пока не отдамъ—неудобно брать.

— А ты взяла на долгій срокъ?

— Какъ окончу и продамъ рукопись.

— Ахъ, какая досада! Много ты взяла?

— Четыреста рублей.

— Куда тебѣ такъ много денегъ?—продолжая досадовать на неудачу, допрашивалъ Германъ Михайловичъ.

— Завтра я отправляю Таню съ бонной въ Старую Русу, это стоитъ рублей триста, а затѣмъ дѣлаю себѣ платье нарядное. Вѣдь 3-го іюля свадьба Нины!

— Развѣ ты поѣдешь на свадьбу?

— Непремѣнно. Я буду посаженою матерью Нины.

Ордынцевъ даже поблѣднѣлъ отъ досады. Невозможность достать денегъ, о присылкѣ которыхъ Софи просила немедленно, отправленіе Тани на воды (что, конечно, сейчасъ же будетъ извѣстно Софи и вызоветъ непріятныя для него заключенія) и, кромѣ того, появленіе Ольги на свадьбѣ,—все раздражало Германа Михайловича.

— Неужели ты твердо рѣшила? Вѣдь это же неудобно. По моему, не слѣдуетъ...

Digitized by Google

— Ты опять о Танѣ? Нѣтъ, Германъ, оставь,—серьезно прервала молодая женщина.—Каждый человѣкъ исполняетъ свой долгъ такъ, какъ находитъ нужнымъ. Я совѣтовалась съ другимъ докторомъ и онъ повторилъ то же самое. Ничего, кромѣ здоровья, я своимъ дѣтямъ доставить не могу.

— Надѣюсь, образованіе не отрицаешь?—Ольга пожала плечами въ отвѣтъ на эту ненужную колкость. За послѣднее время, эти маленькія колкости перестали быть рѣдкостью. Раздраженный сознаніемъ своей виновности, подавленный нравственнымъ превосходствомъ Ольги, Ордынцевъ, что называется, «дерзилъ» ей, какъ школьникъ учителю. Еслибы онъ могъ быть съ нею по прежнему откровеннымъ,—имъ обоимъ было бы легче, но скрытность съ одной стороны и возрастающая подозрительность съ другой создавали между ними какую-то невидимую стѣну.

— Я думаю, всѣ мы обязаны заботиться о здоровьѣ нашихъ дѣтей,—черезъ мгновенье сказалъ онъ, смягчая тонъ.—Но здоровье и прихоть—вещи разныя. Конечно, я не вмѣшиваюсь... не имѣю права...

Кренева продолжала молчать. Она думала, какъ страшно измѣнился Германъ и вообще, и по отношенію къ ней. Ее занималъ вопросъ: всегда ли онъ былъ такой мелочно-придирчивый и раздражительный, или это наслоенія послѣдняго времени, вызванныя непріятностями.

«Или я слишкомъ увлекалась и не замѣчала? Но теперь, развѣ я *уже* не увлекаюсь, не люблю»?

Ольгѣ стало страшно отъ такой мысли. Тяжело и больно потерять любовь близкаго человѣка, но ощущать, какъ въ нашей душѣ погибаетъ нѣжное чувство, какъ претворяется любовь въ равнодушіе, о, это тоже больно, и тоже тяжело...

— У тебя теперь такая дружба со Ставровскимъ, что я иногда чувствую себя лишнимъ,—вызывающимъ тономъ продолжалъ Ордынцевъ.—Вы вдвоемъ рѣшаете всѣ вопросы...

— Всегда одна рѣшаю...

— На мѣстѣ Нины, я бы сталъ ревновать.

— Я не люблю такихъ шутокъ, Германъ!

— Мало ли чего *я* не люблю?!—вспыхнувъ, крикнулъ Ордынцевъ. — Такъ невозможно. Ты держишь себя, какъ... ну, герцогиня какая-то. О томъ не говори, этого не дѣлай... Я не

Digitized by Google

рабъ... Вчера началъ ходить по комнатѣ,—мѣшаю; сейчасъ пошутилъ,—разсердилась.

— Вчера я работала и ходьба мнѣ мѣшала... Ты знаешь это.

— Но вѣдь я не мертвый! Не могу быть прикованнымъ. Пріѣдешь отдохнуть, а ты—или работаешь, или читаешь...

— Развѣ ты не можешь идти гулять одинъ?

— Удивительно весело! Одинъ—я могу поѣхать и въ Аркадію, и въ Эрмитажъ; я къ тебѣ пріѣзжаю...

— У меня спѣшная работа...

Ордынцевъ махнулъ рукой, какъ бы говоря: «Сговоришься развѣ съ женщиной»!

Такія ссоры, съ пошловатымъ оттѣнкомъ, случались нерѣдко и крайне мучили Ольгу. Тонъ объясненій, выработанный дебатами съ женою, примѣнялся Ордынцевымъ и въ размолвкахъ съ Креневой. Онъ не умѣлъ понять различія въ характерахъ обѣихъ женщинъ и забывалъ, что одна—была его женою, а другая—свободнымъ существомъ. Въ началѣ, Ордынцевъ слѣдилъ за собою и, желая нравиться, сдерживался, но мало по малу, сживаясь съ Ольгой, удивлялся, что она не слѣдуетъ его примѣру. Въ ссорахъ съ женою, вслѣдъ за обмѣномъ дерзкихъ словъ, начинались поцѣлуи, но Кренева не могла такъ относиться.

Не ссорясь изъ-за пустяковъ, она неспособна была и мириться на пустякахъ. Софи—капризничала, а потомъ уступала; Ольга проводила свой принципъ—и не шла на сдѣлки, но Ордынцевъ и то, и другое считалъ, огуломъ, бабьими прихотями и искренно жаловался на своенравіе и строптивость Креневой.

Все, что она говорила раньше, все, что проводила въ своихъ произведеніяхъ,—все нравилось ему въ теоріи, но когда молодая женщина слѣдовала своимъ убѣжденіямъ,—Ордынцевъ называлъ ее ригористкой и педанткой...

— Неужели же ты въ самомъ дѣлѣ поѣдешь на свадьбу Нины?—опять спросилъ Германъ Михайловичъ, дня черезъ два, когда модистка принесла Креневой очень изящное свѣтлое платье.

— Какъ ты мнѣ надоѣлъ!—шутя, отозвалась Ольга.—Да, да, да, поѣду! Даже буду танцовать.

Digitized by Google

— Но если я попрошу тебя отказаться?—помолчавъ, началъ Ордынцевъ.

— Но я пошутила... танцовать не буду.—Кренева вообразила, что онъ заботится о ея здоровьѣ.

— Не въ танцахъ дѣло!—сурово вымолвилъ онъ.—Тамъ будутъ всѣ знакомые...

— Такъ что же такое? У меня отличный костюмъ и совершенно ничего не замѣтно. Ты удивишься, какая я буду стройная...

Въ качествѣ красивой женщины, Ольгѣ была непріятна ея замкнутость. Она не находила нужнымъ скрываться и вести себя отшельницей, лицемѣрно прячась отъ людей. Ставровскаго и Нину она любила и очень желала быть на ихъ свадьбѣ, тѣмъ болѣе, что они вымолили ея обѣщаніе. Сплетни и косые взгляды не смущали молодую женщину и, конечно, она не думала, что Германъ стыдится быть вмѣстѣ съ нею.

— Я серьезно прошу тебя отказаться и не ѣздить на свадьбу.

— Почему?

— Какъ ты не понимаешь, Ольга? Ты, такая чуткая, наблюдательная... Я же говорю, что тамъ будутъ почти всѣ знакомые, будетъ братъ Владиміра Ивановича... наконецъ, мой начальникъ.

— Такъ что же, что же? Объясни? *Тебѣ* мѣшаетъ мое присутствіе?

Ордынцевъ долго мялся и наконецъ сознался, что ея присутствіе поставитъ его въ затруднительное положеніе.

Ненормальность отношеній, давно ими обоими сознаваемая, выступила въ яркихъ чертахъ. Выгода положенія и здѣсь была на сторонѣ Ордынцева, но у него не хватило деликатности и умѣнья поставить вопросъ въ мягкой формѣ. Думая только лично о себѣ, Германъ Михайловичъ забылъ о естественной гордости Креневой, гордости, имъ беззаботно попираемой.

Онъ не ожидалъ того идейнаго протеста, съ которымъ выступила Ольга Юрьевна.

— Ты говоришь: мнѣ не ѣхать... Говоришь: мнѣ нельзя появляться въ обществѣ. Нѣтъ, Германъ, это не такъ... Я—не жена твоя, да, но и не любовница... Я—человѣкъ, свободный и самостоятельный. Кого *ты* любишь, *кто* тебѣ близокъ,—тебя никто спросить не смѣетъ, но точно также и меня никто

Digitized by Google

спрашивать не осмѣлится. Сплетни? Отъ нихъ никто не гарантированъ, ни ты, ни я, ни молодая дѣвушка, которая выѣдетъ на первый балъ...

— Но знаютъ вѣдь...

— Что знаютъ? Что ты разошелся съ женою и хотѣлъ развестись, но я отказалась... Знаютъ, что я живу на свои заработанныя деньги и никому, ни тебѣ, ни другому, не обязана кускомъ хлѣба? И пусть знаютъ. Я войду съ гордо поднятой головою...

— Посвящать чужихъ людей въ свою интимную жизнь! Кто же повѣритъ, что ты, женщина, сама заработываешь себѣ и ребенку средства къ жизни? Могутъ думать...

Кровь хлынула въ голову Ольги. Да, она какъ-то слышала, при ней говорили, что *Ордынцеву теперь трудно*... Затѣмъ онъ часто занималъ въ это время деньги. Кто знаетъ, можетъ быть, ея имя связываютъ съ именемъ Германа, говорятъ, что она—пользуется его средствами...

— *Ты* знаешь, на какія деньги я живу, знаетъ это и Ставровскій, и Нина, да и товарищи мои могутъ подтвердить, еслибы явилось подобное подозрѣніе. Надѣюсь, ты самъ можешь сказать при случаѣ, въ разговорѣ.

— Полно, Ольга! Ну, мыслимо ли, чтобы при мнѣ происходили подобные разговоры?

— Вполнѣ возможно. Да и наконецъ, я на твоемъ мѣстѣ сама бы сказала какъ нибудь...

— Благодарю за совѣтъ! Неужели ты не понимаешь, что это неловко? Неловко!

— А если станутъ подозрѣвать, что я пользуюсь твоими средствами,—это ловко?

— Такая обычная вещь.

— Да, но ея нѣтъ и быть не можетъ при нашихъ отношеніяхъ! — пылко возразила Ольга. — Мы сошлись, какъ равноправные люди... Ни ты, ни я, мы не обязаны другъ другу...

— Какъ ты любишь затѣвать исторіи изъ-за пустяковъ, а на главное—никакого вниманія.

— Но для меня это не пустяки! Вся женская самостоятельность, всѣ права,—это способность честно заработать кусокъ хлѣба. Еслибы я жила на твои средства, каждый мо-

Digitized by Google

жетъ назвать меня нехорошимъ словомъ. Но я сама работаю, сама справляюсь.

— О, какъ ты это часто говоришь...

— Потому что ты забываешь этотъ фактъ, потому что и ты, и всѣ вы, общество, относитесь возмутительно-жестоко. Если *жена* разоряетъ мужа,—ничего... такъ и слѣдуетъ. Очень немногіе рѣшаются порицать. Но если женщина, никому не обязанная, сама добываетъ кусокъ хлѣба—вы стараетесь игнорировать такой фактъ, вмѣсто того чтобы отмѣчать его, гордиться, что есть у насъ женщина-человѣкъ.

Кренева говорила въ идейномъ смыслѣ, а Германъ Михайловичъ, раздраженный ея капризнымъ рѣшеніемъ ѣхать на свадьбу, воображалъ, что она предается самовосхваленію.

— Не знаю, чего ты отъ меня требуешь,—съ досадой прервалъ онъ ея рѣчь.— Восхищаться твоею энергіей, трудолюбіемъ? Изволь. Готовъ. Хотя все таки я держусь того мнѣнія, что женщина, мать семьи—симпатичнѣе женщины-работницы...

— Прежде ты говорилъ иначе!

— Но развѣ я зналъ оборотную сторону. Я видѣлъ внѣшность, очень красивую, признаюсь. Женщина-писательница, получающая гонораръ, женщина-дѣятель... Ново, эффектно... Но когда я увидѣлъ, что ради полученія сотни рублей нужно проводить ночи безъ сна, дѣлаться нервной, нетерпѣливой, когда эта сотня собирается изъ пятикопѣечной платы за строку, когда близкій человѣкъ не смѣетъ ни пройтись по комнатѣ, ни заговорить,—все работѣ мѣшаетъ—тогда, конечно, я пришелъ къ заключенію, что это не годится... Женщина — жена и мать!.. Кусокъ хлѣба добывать—дѣло мужа и отца!.. Только тогда и будетъ въ семьѣ и порядокъ, и тотъ отдыхъ, который необходимъ мужчинѣ.

Слова были банальны; ихъ повторяютъ мужья-владыки и въ палатахъ, и въ хижинахъ; но Ольгу злилъ тонъ превосходства и горделиваго сознанія своей правоты.

— Можетъ быть, это и такъ,—холодно возразила она,—но только... Есть семьи, гдѣ не мужъ является главою, а жена, женщина, сама трудящаяся.

— Но это—ненормально.

— Однако есть! Есть, вотъ въ чемъ дѣло, и ставить вопросъ на чисто эгоистическую точку—неудобно.

Digitized by Google

— Благодарю! Я попалъ въ эгоисты? Я, испортившій всю свою жизнь ради другихъ... Нѣтъ, Ольга, это что-то невозможное и отъ тебя я ожидалъ бо́льшаго пониманія, бо́льшей чуткости.

И Ордынцевъ ропталъ, искренно и убѣжденно обвиняя Креневу въ отсутствіи наблюдательности. Онъ приводилъ примѣры изъ своей семейной жизни, перечислялъ всѣ уступки, сдѣланныя ради Софи, но, вмѣсто того чтобы убѣдить Ольгу, возбуждалъ въ душѣ молодой женщины ощущенія протеста.

— Да, рано вамъ еще имѣть жену-друга, жену-союзника,— съ горечью замѣтила она.—Самые лучшіе изъ васъ,—все таки не умѣютъ еще понимать новый типъ женщины. Жена-куколка, или жена-деспотъ, силою слезъ или воркотни заставляющая васъ повиноваться—вотъ что нужно для вашего счастья! Вы только говорите о свободѣ, о равноправности, а когда вамъ даютъ такія отношенія,—вы опять стремитесь очутиться подъ башмакомъ...

— Ты, кажется, не понимаешь, что́ говоришь, Ольга!— воскликнулъ Ордынцевъ, думая, что она намекаетъ на его домашнія отношенія.

— Къ сожалѣнію, понимаю и чувствую глубже, чѣмъ хотѣлось бы...

— Въ чемъ же *ты* можешь упрекнуть меня? Въ чемъ? Кажется, кромѣ уваженія, ничего... Я бываю у тебя все свободное время... подчиняюсь всѣмъ твоимъ капризамъ... люблю тебя...

Ордынцеву надоѣло вести такой острый разговоръ. Какъ при размолвкахъ съ Софи, онъ хотѣлъ прервать его поцѣлуемъ и лаской, но Кренева гордо отодвинулась, когда онъ потянулся къ ней.

— Что ты?—гнѣвно произнесла она.

— Испугалась? Ахъ ты, моя милая спорщица! Все идеи... идеи! Поцѣловать тебя хотѣлъ, больше ничего...

Ольга Юрьевна съ изумленіемъ глядѣла на него, не понимая, *какъ можно* думать о поцѣлуяхъ, когда они ведутъ принципіальный разговоръ и въ корнѣ расходятся.

Въ это мгновеніе, какъ-то разомъ, молодая женщина поняла то, что́ до сихъ поръ ускользало отъ ея пониманія, и она смотрѣла на Ордынцева просвѣтленнымъ взоромъ.

Digitized by Google

Говоря съ мужчиной, споря съ нимъ, возражая,—развѣ могъ бы онъ быстро перейти отъ одного настроенія къ другому и послѣ укора отнестись любовно? Нѣтъ! Значитъ онъ не признаётъ въ собесѣдницѣ серьезнаго протеста, значитъ въ глазахъ его всѣ рѣчи Ольги—блажь, пустая болтовня...

— Ну, дай же лапочку! Ахъ, капризница...—Ордынцевъ хотѣлъ овладѣть ея рукой, но Ольга рѣзко произнесла:

— Неужели ты не понимаешь, что мнѣ не до ласки? У меня здѣсь, на душѣ, нехорошо...

— И это все изъ-за свадьбы? Удивляюсь. Неужели тебѣ такъ хочется обновить модное платье? Ха, ха, да; все таки въ тебѣ много женской мелочности...

Кренева крѣпко стиснула свои руки. Намѣренное или случайное, но это непониманіе глубоко возмущало ее и она высказала Ордынцеву свое негодованіе. Ольга говорила, что онъ ставитъ ее въ невозможное положеніе не то любовницы, не то еще хуже, что не ея любовью къ нему, любовью чистою и честною, но его отношеніемъ къ ней создалась та тягостная обстановка, въ которой она находится.

— Ты даже не понимаешь,—заключила она,—что мнѣ необходимо быть на свадьбѣ Нины; необходимо, или я сама докажу обществу, что стыжусь своего поведенія...

— Но если тебѣ кто нибудь не поклонится, если тебѣ сдѣлаютъ дерзость...

— Твоей защиты не попрошу! У меня есть свое заслуженное имя и ради него...

— Какая наивность! Имя? Да, оно есть у тебя для редакцій, быть можетъ, для читателей, но въ обществѣ ты не имѣешь его, да, да, не имѣешь...

Они разстались, враждебно настроенные. Ордынцевъ возмущался ея непониманіемъ, злился, что она хочетъ быть на свадьбѣ, гдѣ неизбѣжна встрѣча со знакомыми и съ его начальникомъ, считалъ ея поступокъ бабьимъ капризомъ, а Ольга чувствовала себя безусловно правой.

Ему, связанному съ другой, близость къ Креневой вмѣняется въ честь; а ей, свободной, несущей послѣдствія своего проступка,—любовь вмѣняется въ преступленіе... Если такое мнѣніе еще живетъ въ обществѣ,—надо бороться съ нимъ, надо протестовать.

Digitized by Google

Роскошно одѣтая кокотка, жена-измѣнница пользуются внѣшнимъ почтеніемъ, а она, ради счастья семьи Ордынцева отказавшаяся отъ брака,—является опозоренной...

XXI.

Еслибы Германъ Михайловичъ понималъ душевное состояніе Ольги и то гнетущее нравственное ощущеніе, которое она испытывала, онъ зналъ бы, что̀ надо сдѣлать.

Стоило ему дружески-тепло поговорить съ Креневой, высказать участіе, и для нея было бы ясно, что онъ находится не въ средѣ тѣхъ, травящихъ, а въ одномъ лагерѣ съ нею, въ лагерѣ протестующихъ противъ лицемѣрной нравственности. Слабый и безхарактерный, эгоистъ вдобавокъ, Ордынцевъ былъ неспособенъ сказать Ольгѣ то, чего она жадно и серьезно ждала, на что имѣла право.

И сказать-то нужно было немногое. «Ради *нашего* счастья, ты одна несешь на себѣ всю тяготу. Я пользуюсь общимъ уваженіемъ, а ты, болѣе меня его достойная, должна выносить оскорбленія. Это ужасно и возмутительно. Я не сочувствую *имъ*, но бороться не могу, не умѣю. Все же я люблю тебя, *я понимаю*, какую жертву ты приносишь, я уважаю тебя»...

Вотъ и все, что̀ было нужно.

И тогда Кренева помирилась бы со своимъ положеніемъ, но Ордынцевъ, боясь ея появленія въ обществѣ, сталъ доказывать, что ей *нельзя*, не слѣдуетъ ѣхать на свадьбу, и такой, казалось бы, пустякъ произвелъ на Ольгу удручающее впечатлѣніе. Молодая женщина поняла, что фразы — сами по себѣ, а жизнь сама по себѣ; поняла, что Ордынцевъ—рабъ привычки и, передовой человѣкъ на словахъ, оставался трусливымъ, когда приходилось доказывать на дѣлѣ свои убѣжденія.

— Ты ради моей семьи отказалась отъ брака!—говорилъ онъ ей прежде съ восторгомъ и нѣжностью.—Но вѣдь я цѣню дѣло, а не слова. Ты—жена моя, ты—единственный другъ.—А теперь онъ же, любящій человѣкъ, показывалъ и доказывалъ ей, что въ качествѣ его любовницы она не должна появляться въ обществѣ.

Получалось нѣчто грубое по своей лживости, нѣчто такое, съ чѣмъ не могла помириться Кренева и она желала доказать

Digitized by Google

Ордынцеву, что онъ не правъ. Вѣроломная жена, кокетка, живущая на чужія средства, шуллеръ, предатель, — всѣ могутъ бывать въ обществѣ, а она... она не имѣетъ права.

Ставровскій зналъ всю исторію ея борьбы съ Ордынцевымъ и принялъ мѣры, чтобы Ольга играла выдающуюся роль на его свадьбѣ. Тѣ, которые не знали отношеній, существующихъ между Креневой и Германомъ Михайловичемъ, держали себя крайне почтительно, но другіе, знакомые Софи, возмущались присутствіемъ «этой особы».

Ольга Юрьевна знала, на что идетъ, и рѣшила владѣть собою. Когда молодые и гости возвратились изъ церкви, стало шумно и весело. Безгранично-счастливый Ставровскій, сіяющая отъ радости Нина, старики-родители, — всѣ были оживлены.

Кренева, окруженная мужскимъ обществомъ, громко разговаривала и смѣялась, а Германъ Михайловичъ, не спускавшій съ нея глазъ, блѣднѣлъ отъ злобы. До него уже достигло нѣсколько замѣчаній, лестныхъ, быть можетъ, но оскорбительныхъ для Ольги. Говорили, что она—красива и эффектна, но выражали надежды на доступность, и Ордынцевъ смолчалъ. Она вѣдь не жена, но и не афишированная подруга сердца, вступаться за которую позволяется... Быть можетъ, дороже той и другой; быть можетъ, женщина, готовая отдать за него всю жизнь, да... но защищать ея имя—онъ «не имѣетъ права».

Ордынцевъ сознавалъ лживость и нелѣпость такого факта, но, какъ это нерѣдко случается, злился на Ольгу, поставившую его въ подобное положеніе, а не на себя, рабствующаго передъ обычаемъ. Не выдержавъ, онъ шепнулъ молодой женщинѣ, что ей не слѣдуетъ быть только въ мужскомъ обществѣ, но Ольга гордо взглянула на него.

Онъ показался ей нынче такимъ ничтожнымъ и недостойнымъ любви. Будь она на его мѣстѣ, развѣ она такъ поступила бы? Не взирая на косые взгляды, она стояла бы рядомъ съ нимъ, вѣрная принципу.

А онъ... ласки любви, нѣжность и преданность — дома, а здѣсь—среди чужихъ—самый чуждый.

Нина подошла къ пріятельницѣ и стояла съ нею обнявшись. Онѣ смѣялась и разговаривали. Ордынцевъ тоже приблизился къ нимъ, и въ это мгновенье возлѣ нихъ очутилась

Digitized by Google

Антоновская. Что-то тревожное кольнуло въ сердце Германа Михайловича. Онъ замѣтилъ особливо-любезное выраженіе лица сплетницы и угадалъ, что та готова ужалить и его, и Креневу.

— Какъ я рада, что вижу васъ здѣсь!—обратилась она къ Ордынцеву.—Я вчера только пріѣхала. Знаете, гдѣ была? У Софьи Леонидовны гостила! Да, у нея... Три дня провела... Вамъ записочка есть.

Ордынцевъ взялъ записочку, развернулъ и прочелъ. Сообщеніе Софи произвело на него тяжелое впечатлѣніе, и онъ съ тупымъ выраженіемъ глядѣлъ и на Ольгу, и на Антоновскую.

А та продолжала говорить съ Ольгой и Ниной, сообщая, какъ хорошо въ деревнѣ.

— Только мы мало гуляли... Нельзя было...

— Отчего? Погода отличная.

— При настоящемъ положеніи Софьи Леонидовны...—подчеркнула Антоновская,—надо быть осторожнѣе... Поздравимъ васъ скоро, Германъ Михайловичъ, съ птенчикомъ.

Наступила секунда молчанія. Ольга ждала, что Ордынцевъ отвѣтитъ сплетницѣ заслуженною рѣзкостью, но... онъ молчалъ и вертѣлъ въ рукахъ записочку, очевидно подтверждавшую извѣстіе.

Антоновская продолжала свою роль, наслаждаясь эффектомъ.

— Вѣдь я, знаете, на другой же день послѣ васъ пріѣхала къ Софи... Да, да, на тѣхъ же лошадяхъ отъ станціи. Вы—три дня прожили, и я три.

У Креневой закружилась голова. Нина замѣтила блѣдность и угадала ее, а Антоновская продолжала говорить, восхищаясь возстановленнымъ счастьемъ супруговъ Ордынцевыхъ, восхваляя красоту Софи, поздоровѣвшей и веселой.

Ольга только одинъ разъ взглянула на Германа, но поняла, что Антоновская передаетъ правду.

Уѣзжалъ въ командировку, въ Тверь, а самъ былъ у Софи; говорилъ, что совсѣмъ разошелся,—а между тѣмъ готовится быть отцомъ. Зачѣмъ же эта ложь, зачѣмъ обманъ? Любитъ жену, тѣмъ лучше, но какое же у него отношеніе къ Ольгѣ?

Кренева переживала мучительные часы.

Уѣхать раньше—значитъ доставить торжество Антоновской и ея союзницамъ; оставаться, быть мишенью всѣхъ взглядовъ,

Digitized by Google

предметомъ острыхъ и тупыхъ насмѣшекъ—еще тяжелѣе, но Ольга Юрьевна все таки осталась.

Домой Кренева возвратилась обезсиленная. Провожая ее, Ставровскій сказалъ:

— Я потребую отъ него отчета? Я заставлю его...

— Полноте, дорогой мой! Въ чемъ требовать отчета? Онъ правъ... Виновата только я... Надо было наложить на него ярмо долга, обязанности, надоѣдать укорами, поступать такъ, чтобы онъ чувствовалъ извѣстную тягость... Я относилась иначе... Я вѣрила въ *нравственный долгъ*, въ силу слова...

— Но что же теперь будетъ?

Горькая улыбка появилась на губахъ молодой женщины.

— То же, что было... Стану ростить своихъ дѣтей и... не вѣрить въ чувство...

Въ тотъ же вечеръ, позднѣе, говоря съ Ниной, Ставровскій замѣтилъ:

— Какъ я боюсь, что Кренева проститъ его, помирится съ такимъ фактомъ...

— А развѣ одиночество лучше? Да и наконецъ... вѣдь онъ къ женѣ вернулся, а не другою увлекся...

Нина повторяла чужія слова, схваченныя налету, и Ставровскій подумалъ, что они—выраженіе общественнаго мнѣнія..

— Потерять довѣріе къ человѣку,—все потерять,—началъ Владиміръ Ивановичъ, но вдругъ замолчалъ и крѣпко обнялъ молодую жену.

Въ эту секунду онъ далъ себѣ слово проще относиться къ жизни, не увлекаться теоріями, и, дѣлая добро ближнимъ, не требовать отъ нихъ полной покорности.

На другое утро—Ордынцевъ пріѣхалъ къ Ольгѣ. Онъ засталъ ее бодрою, за работой, со свѣжимъ румянцемъ на щекахъ. Конечно, онъ и подумать не могъ, чтобы этотъ румянецъ являлся искусственнымъ, но Кренева впервые въ жизни прибѣгла къ баночкѣ съ карминомъ. Она сознавала свою слабость и, боясь ея вліянія, желала показать, что тверда и рѣшительна.

Молодая женщина знала мужское сердце. При видѣ слезъ Ольги, Ордынцевъ почувствовалъ бы свою вину и, какъ это ни странно, но рядомъ со словами утѣшенія, произносимыми вполнѣ искренно, онъ также искренно ненавидѣлъ бы ту, ради которой ему приходилось унижаться.

Digitized by Google

Привычка быть вѣчно правыми заставляетъ мужчинъ нерѣдко злобствовать противъ уличающихъ ихъ въ неправдѣ...

Ордынцевъ нѣсколько растерялся, увидѣвъ, что Кренева встрѣтила его спокойно.

Онъ ждалъ жестокой сцены, укоровъ и слезъ, а съ нимъ поздоровались, какъ всегда, просто и заговорили о постороннемъ.

Германъ Михайловичъ отвѣчалъ отрывисто.

Выждавъ удобной минуты, онъ подошелъ къ Ольгѣ и, съ мольбою смотря на нее, сказалъ:

— Ты негодуешь?.. Ты возмущена?..

— Чѣмъ? Что случилось?

Ордынцевъ растерялся.

«Не повѣрила она словамъ Антоновской? Думаетъ, что это сплетни? Нѣтъ, не похоже! Но неужели я долженъ подтвердить случившееся? Это уже слишкомъ»!..

— Ты знаешь, о чемъ я говорю... Но еслибы ты могла отнестись хладнокровно, если...

— А я недостаточно спокойна? Ты находишь, что я взволнована?—прервала его Кренева и съ этой минуты стало ясно для обоихъ, что все преимущество на сторонѣ Ольги.

— Я люблю и любилъ только тебя...

— Погоди, Германъ! Я хотѣла не касаться этого вопроса, но ты самъ началъ... «Ты любилъ»; «ты любишь»! Вотъ, не говори только никогда такихъ словъ,—и тогда ты будешь всегда правъ... Я много, много думала. Ты любишь только себя, а всѣ люди—для тебя игрушки. Твоя жена,—она хорошая женщина, но ты сначала любилъ ее, потомъ бросилъ, потомъ опять, въ силу прихоти, полюбилъ...

— Не правда...

— Минуточку... Это—послѣдній нашъ разговоръ. Ты со мною встрѣтился. Романъ съ интеллигентною женщиной соблазнялъ тебя, но ты не подумалъ, что здѣсь—нельзя имѣть интрижку... Увлекая, вообразилъ, что и самъ влюбленъ, сталъ умолять о бракѣ...

— Но, Ольга, будь же справедлива! Требовать брака...

— Я даже отказалась, не только не требовала, но твой взглядъ—я знаю... Ты, всѣ вы разсуждаете изумительно!.. Еслибы у тебя укралъ деньги воръ, то развѣ слѣдуетъ изъ

Digitized by Google

того, чтобы и другой имѣлъ право украсть? Нѣтъ, это будетъ несправедливо. Но если на долю женщины выпалъ неудачный романъ, то второй ея поклонникъ смѣло говоритъ ей: вы даже не смѣете требовать брака! Ты помнишь, долженъ помнить, что я и не требовала... Да и наконецъ, развѣ бракъ гарантируетъ счастье, если человѣкъ любитъ только себя? Нѣтъ, не въ томъ дѣло. Я ошиблась, Германъ, но—я сильна и обвиняю только себя. Хотѣлось вѣрить, что ты человѣкъ новаго склада, умѣющій ходить не только на помочахъ законности; а у васъ и чувство, и понятія о чести, и добро, и зло—все является только въ рамкахъ законности. Жена и дѣти носятъ *мое имя*—я долженъ заботиться о нихъ, обязанъ защищать ихъ честь; работать на службѣ долженъ,—потому что получаю и деньги, и повышенія; поддерживать связи съ обществомъ—долженъ, потому что карьера мнѣ нужна... Все остальное—должно мнѣ доставлять наслажденія, и чѣмъ меньше я связываю себя,—тѣмъ я умнѣе, практичнѣе...

— Ты меня подлецомъ считаешь!

— Нѣтъ. Считаю современнымъ человѣкомъ, себялюбивымъ и самодовольнымъ... Ты—какимъ былъ, такимъ и остался, а я вообразила въ тебѣ другаго: того, кого мнѣ хотѣлось видѣть. Знаешь, меня удивляло прежде отношеніе Софьи Леонидовны, но теперь я ее понимаю. Рабъ привычки, слуга обычая,—ты неспособенъ на смѣлый шагъ. Тебя влекутъ мечты, на словахъ ты смѣлъ и энергиченъ, а у меня... У меня еще осталась глупая манера вѣрить словамъ. Софья Леонидовна изучила тебя до тонкости. Она знаетъ, что, истративъ всю энергію на рѣчи и споры,—ты становишься безсильнымъ и тобою можно управлять. Я—уважаю и свою, и чужую свободу; я не стану подчинять человѣка своей власти, потому что... Ну, любить перестала бы я, раба моей воли...

Ордынцеву невыразимо надоѣла рѣчь Ольги. Ему было бы пріятнѣе вынести бурную ссору, а потомъ помириться или разстаться, а тутъ—онъ рѣшительно не могъ понять, чѣмъ окончатся эти проповѣди.

Въ то же время мысль о разлукѣ съ Креневой приводила его въ отчаянье. Онъ любилъ ее, по своему, конечно, но любилъ; онъ чувствовалъ себя безмѣрно виноватымъ противъ Ольги Юрьевны, но все таки ему хотѣлось, чтобы она не отчитывала его, а поняла—и простила.

*

Digitized by Google

Перебивая Креневу, Ордынцевъ успѣлъ таки высказать кое-что въ свое оправданіе, но молодая женщина замѣтила:

— Мы точно на разныхъ языкахъ говоримъ! Ты поѣхалъ къ женѣ; вы снова стали близкими людьми; ты побоялся быть возлѣ меня, когда твоя нравственная поддержка была мнѣ нужна,—все это факты, ты совершалъ ихъ, не стыдясь, не смущаясь,—но сказать о нихъ мнѣ—не хотѣлъ! Вотъ отчего я поняла, что я тебѣ—чужая, что наша связь не имѣетъ внутренняго содержанія.

— Ну, вотъ, вотъ! Такъ я и зналъ, что этимъ кончится... Оля, дорогая... люблю я тебя... только тебя.

— Но не такъ, какъ я хочу быть любимой... Нѣтъ, Германъ, мы должны разстаться...

Ордынцевъ упрашивалъ, умолялъ, онъ стоялъ на колѣняхъ и даже плакалъ. Ольга не скрывала, что любитъ его, что разлука съ нимъ—тяжела ей, что вся ея жизнь теперь окончательно испорчена, но съ тоскою и рѣшительностью повторяла:

— Нечѣмъ жить! Пойми, жить нечѣмъ!

— Ты не имѣешь права прогнать меня,—наконецъ сказалъ онъ, цѣпляясь за послѣдній доводъ.—Ты отнимаешь отца у ребенка...

Кренева вспыхнула и отстранила его рукой.

— Зачѣмъ ты вспомнилъ о немъ? Зачѣмъ! это звучитъ насмѣшкой... Точно вамъ дѣло до этихъ несчастныхъ? Безучастные, вы позорите и издѣваетесь надъ тѣми матерями, которыя не бросаютъ своихъ дѣтей. Еще бы: преступница, неприличная особа! Могла уничтожить послѣдствія—и не сдѣлала этого. Теперь вѣдь и наука къ услугамъ такихъ «приличныхъ» особъ... Да, вы лицемѣрно возмущаетесь Скублинскими, требуете военнаго суда и надъ нею, и надъ несчастными матерями, а я спрашиваю: *гдѣ отцы?* Они—сидятъ присяжными, судьями, прокурорами и защитниками, они—пишутъ и печатаютъ громовыя статьи... Да, на аренѣ публичности одно, а въ тиши своихъ квартиръ другое... За что ко мнѣ стали относиться съ презрѣніемъ? За то, что у меня есть дитя, Таня моя!.. Сдай я ее во-время на руки Скублинской—я пользовалась бы уваженіемъ... Сойдись я съ тобою, заставивъ развестись съ женой,—ко мнѣ опять таки относились бы съ почтеніемъ, а теперь—меня травятъ... Даже ты не смѣешь защищать меня.

Digitized by Google

Кренева тихо заплакала, когда Ордынцевъ, нѣсколько разъ уходя и снова возвращаясь, наконецъ исчезъ.

Мучительная тоска переполняла ея душу. Одинокая, съ истерзаннымъ сердцемъ, она была глубоко несчастна.

Разставшись съ Германомъ, Ольга поступила, какъ нужно. Продолжать такія отношенія—нельзя, нечестно, но какъ пережить такое горе, какъ справиться съ собою?

Наступило время обѣда, потомъ насталъ вечеръ. Кренева лежала на кушеткѣ совершенно больная, изнемогающая.

А тутъ еще преданная служанка съ непрошеннымъ, раздражающимъ участьемъ, съ вопросами: пріѣдетъ ли баринъ и что приготовить къ ужину для Германа Михайловича...

— Надо бы льду купить,—вспомнила горничная.—Баринъ сердился, что пиво теплое...

Привычныя заботы о «баринѣ» охватывали всѣхъ. Избалованный Ордынцевъ какъ бы вносилъ вмѣстѣ съ собою необходимость думать о его удобствахъ. Всякую услугу онъ принималъ по барски, съ сознаніемъ своего достоинства, и пробуждалъ въ людяхъ рабскіе инстинкты.

Измученная, оскорбленная и тоскующая, Кренева думала о Германѣ. Ей представлялось, какъ онъ теперь одинъ въ городской квартирѣ, какъ тяжело ему должно быть при сознаніи своей виновности, и жалость смѣняла озлобленіе...

«Любитъ вѣдь... да, да, знаю, что любитъ... Но—безхарактерный... увлекающійся. Я понимаю: *та* стала дѣлать разные фокусы, разжалобила... Какъ онъ плакалъ сегодня... какъ умолялъ простить... Точно я сержусь? Разстаться мы должны... непремѣнно! Я выдержала характеръ! А потомъ, со временемъ, ну, будемъ видѣться»...

— Ольга Юрьевна, нашъ баринъ ѣдетъ!

Кренева вскочила, все забывъ. Но, мгновенно опомнившись и зная, что Ордынцевъ *не можетъ* пріѣхать, съ досадой вымолвила:

— Напугала меня какъ! Германъ Михайловичъ сегодня не будетъ. Онъ уѣзжаетъ. И зачѣмъ вы называете: «нашъ баринъ». Не надо совсѣмъ. По фамиліи говорятъ.

Горничная подозрительно посмотрѣла на Ольгу. Она сама называла такъ Ордынцева за глаза; даже маленькая Таня лепетала: «нашъ баринъ»; а тутъ—новости пошли!..

Digitized by Google

«Проѣхалъ мимо! Куда же онъ могъ поѣхать? Къ кому?—думала Кренева, выдя на балконъ.—Конечно, мнѣ *теперь* все равно... Я такъ»...

Сознаніе, что *теперь*—ей должно быть безразлично все касающееся Ордынцева, не мирилось съ горячимъ чувствомъ, временно придавленнымъ, но все таки могучимъ. Точно можно сказать себѣ: «не люблю, потому что любить нельзя» и вытравить чувство? Точно любятъ только героевъ?.. Точно легко разстаться съ дорогимъ человѣкомъ? Еслибы Ольга могла злобствовать,—ей было бы легче, но привычка къ анализу, наблюдательность и умѣнье разбирать самыя тонкія душевныя движенія,—дѣлали ее менѣе эгоистичной. Опершись на балконъ, молодая женщина вглядывалась въ сумракъ надвигающагося вечера и вспомнила все то хорошее, что̀ давала ей привязанность Ордынцева.

Размолвки, взаимныя недоразумѣнія, ссоры, вызванныя его эгоизмомъ,—да! но зато какіе часы слѣдовали за примиреніемъ, какой душевный отдыхъ имѣла она...

И теперь все, все кончено!

Онъ виноватъ—и она его оттолкнула... Она не захотѣла понять, что даже сильные люди совершаютъ преступленія...

Молодая женщина не слыхала быстрыхъ и легкихъ шаговъ, раздавшихся сзади нея. Она обернулась, когда чья-то рука обвилась вокругъ ея таліи и милый голосъ, съ выраженіемъ беззавѣтной нѣжности, шепталъ ей:

— Прости меня... прости... жить безъ тебя не могу. Не прогоняй меня... пожалѣй!

И эта женщина, такъ гордо оттолкнувшая его на основаніи доводовъ разсудка,—съ крикомъ безумной радости припала къ нему на грудь.

Съ настоящей минуты наступилъ періодъ власти Ордынцева. Въ душѣ Ольги свершился переломъ. Разсуждающая, она превратилась въ беззавѣтно любящую и, когда Германъ Михайловичъ хотѣлъ было возвратиться къ утреннему объясненію, она прервала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо!.. Не говори... Ахъ, все равно теперь... Люблю и не хочу, боюсь разстаться...

Digitized by Google

XXII.

Наступалъ августъ, начались темные вечера. Ставровскій съ женою уѣхали за границу и часто писали къ Ольгѣ о своемъ счастьѣ. Молодая женщина жила на дачѣ, много работала, возилась съ возвратившеюся Таней и каждый день видѣлась съ Германомъ.

Ихъ отношенія установились по внѣшности, но потеряли прежній колоритъ. Еслибы Ольга могла представить себѣ, что̀ выдетъ изъ ихъ примиренія, вѣроятно, она постаралась бы пережить острую муку разставанья или покончила бы съ собою. Одна уступка влекла за собою другую, третью и, мало по малу, свободная и самостоятельная женщина—обратилась въ рабыню Ордынцева. Онъ ничего не требовалъ и не вынуждалъ, но страхъ потерять любимаго человѣка—угнетающимъ образомъ вліялъ на Креневу. Ошиблась ли Софи, или нарочно обманула мужа, но розсказни Антоновской оказались пустяками. Ольга Юрьевна была безгранично довольна, что слухъ опровергался, и еще больше любила и нѣжила Германа Михайловича. Прежде, въ первое время сближенія, право первенства принадлежало Ольгѣ, но теперь она глядѣла въ глаза Ордынцеву, стремясь дѣлать все для него пріятное. Когда вернулись Ставровскіе, имъ показалась странною такая перемѣна.

— Я не узнаю Ольги,—говорила Нина.—Куда дѣлась ея гордость, смѣлость...

Владиміръ Ивановичъ печально покачалъ головою.

— Голосъ природы... ея месть!—сказалъ онъ, между прочимъ.—Въ серьезной мыслящей женщинѣ—проснулась самка. Ты знаешь ли, Нина, самыя крупныя глупости дѣлаются умными людьми. Ольга отрицала чувство и его власть, говорила, что женщина-работница не только не должна, но даже не можетъ увлечься, и вотъ... Вмѣсто прежней работы, полной огня и мысли, она берется за трудъ ради денегъ...

— Неужели же любовь виновата?

— Не любовь, дружокъ, а тотъ, *кого* любишь! Экономія природы требуетъ соединенія противоположныхъ натуръ и рѣдко бываетъ такое счастье, чтобы сошлись двѣ даровитыя натуры. Посмотри: или женщина влечетъ мужчину внизъ и заставляетъ

Digitized by Google

опошлиться, или обратно... Прежде, такихъ фактовъ было мало, да вѣдь и женщинъ, выходящихъ за уровень, было еще меньше. Теперь есть онѣ, но мы, мужчины, еще не привыкли серьезно относиться къ такимъ личностямъ. Мнѣ тяжело бывать у Креневой... Меня за душу хватаетъ, когда я вижу, что Ольга, умная, серьезная, преслѣдующая извѣстную идею,—волнуется, что Ордынцеву пережарили бифштексъ, что вино или очень холодно, или слишкомъ тепло... Не люблю я его!

— Но онъ держитъ себя хорошо... Очень скроменъ... уважителенъ...

— Можетъ быть, но онъ угнетаетъ ее нравственно. Послушай ихъ разговоры. Онъ сообщаетъ ей мельчайшія подробности, касающіяся его службы, и недоволенъ, если она забыла какую нибудь глупость о писцѣ, или товарищескую сплетню; а объ своей работѣ Ольга и говорить не смѣетъ. Отношеніе съ кондачка, иронія надъ современными писателями. Никакого интереса къ ея труду, а вѣдь, помимо идейнаго значенія, она семью кормитъ... И что получается? Ольга сама стала говорить о себѣ, какъ о пишущей машинѣ... въ каждой похвалѣ ищетъ насмѣшки, оглядывается, боясь, что Ордынцевъ услышитъ... станетъ иронизировать. Жаль мнѣ Креневу. Неувѣренность въ своихъ способностяхъ—подрываетъ силы... Ордынцевъ топчетъ ея талантъ, отнимаетъ энергію...

— Но это ужасно... Неужели все такъ и пойдетъ...

— Нѣтъ, разсудокъ возьметъ свое!.. Когда Ольга переболѣетъ—въ ней воскреснетъ энергія. Такія натуры отдаются всецѣло, но ихъ надо умѣть удержать... Я предложилъ Креневой деньги на изданіе журнала. Это было всегда ея мечтою. Отказалась. Какая, говоритъ, я теперь работница... Но ничего... ничего... Пройдетъ періодъ чисто-женскаго настроенія, и Кренева воскреснетъ...

Ставровскій разсуждалъ правильно. Положеніе Ольги, ожиданіе рожденія ребенка, его безправіе и полная невозможность бывать гдѣ нибудь и видѣть людей, все какъ бы приковывало молодую женщину къ виновнику ея нравственныхъ и физическихъ страданій.

Безгранично любящая и ревнующая, Ольга была почти больна страстью къ Ордынцеву. Стоило ему сказать, что завтра онъ не будетъ у нея, занятъ или ѣдетъ въ гости, и Кренева

Digitized by Google

сходила съ ума отъ тоски, тревоги и подозрительности. Очутившись опять подъ ферулой ревнивой женщины, Германъ Михайловичъ начиналъ сравнивать Ольгу и Софи, и выводилъ заключенія въ пользу послѣдней. Не то чтобы Софья Леонидовна казалась ему лучше, но... тамъ, при привычномъ строѣ, жизнь была глаже. Счастье незаконной любви—не выкупало ея тревогъ и огорченій. Его порицали за отношенія къ Креневой, а онъ и самъ подчасъ думалъ: «ахъ, еслибы это кончилось какъ нибудь»!

Какъ это можетъ кончиться?—Ордынцевъ и самъ не додумывался, но иногда бранилъ себя за свой пріѣздъ тогда, вечеромъ. Въ подобные моменты, онъ становился придирчивымъ, вымещая на Ольгѣ свои позднія сожалѣнія, и злился еще больше, когда та, встревоженная и испуганная, спѣшила соглашаться и уступать.

Чувствуя, что съ каждымъ днемъ она становится болѣе некрасивой и неграціозной, Кренева съ трогательною благодарностью принимала самую ничтожную ласку. Но чѣмъ нѣжнѣе дѣлалась бѣдная женщина, тѣмъ холоднѣе становился Ордынцевъ. Не только любящій, но просто наблюдательный человѣкъ могъ бы замѣтить одну подробность, которая могла бы возбудить самонедовольство, но Германъ Михайловичъ былъ занятъ только собою. Мѣсто, котораго онъ ожидалъ, очистилось. Еще недѣля-другая и состоится назначеніе. И онъ не обращалъ вниманія, какъ мужественно выносила Ольга всѣ страданія. Десятки женщинъ на его глазахъ, а Софи въ особенности, отчаянно капризничаютъ въ это время, сознательно пріобщая законнаго мужа къ своимъ страданіямъ, а Кренева, стыдясь, скрывала все, и онъ не слыхалъ ни одной жалобы.

— Завтра моя семья пріѣзжаетъ!—заявилъ Ордынцевъ, какъ-то возвратившись изъ города къ обѣду.—Пожалуйста, не безумствуй, и не пиши ко мнѣ отчаянныхъ записокъ. Я дня два не пріѣду къ тебѣ.

Онъ говорилъ, снисходительно улыбаясь. Кренева поблѣднѣла. Она знала, что въ эти два дня должно случиться *то*, что и страшило, и радовало ее.

— Но если...—начала она робко.

— Нѣтъ, прошу, безъ всякихъ «если»... Можно, я полагаю,

Digitized by Google

и любить, и все такое, но надо же быть благоразумной... У меня теперь дѣла поверхъ горла...

Кренева молчала, а Ордынцевъ, вкусно прожевывая кровавый бифштексъ, очень умно и логично доказывалъ, что надо умѣть владѣть собою...

— Хоть вы на нее повліяйте!—обратился онъ къ Нинѣ, заѣхавшей навѣстить пріятельницу.—Я страшно занятъ, а она требуетъ: сиди возлѣ.

— Не требую я, Германъ, но боюсь...

— Чего это? Полно, полно... Это женская манера. Вотъ и Софья Леонидовна тоже. Злится, бывало, что я у тебя долго сижу и, чуть пріѣдешь домой, сейчасъ: «Я мышей боялась... спать не могла»! Ха, ха, а эти мыши—собственно ревность...

«Какой у него нехорошій тонъ»! вдругъ подумала Ольга и быстро взглянула на Нину.

«И ты его *можешь* любить? Ты, чуткая, умная»? казалось, говорили глаза пріятельницы.

— Ольгѣ нехорошо теперь быть одной!—серьезно вымолвила Нина.

Ордынцевъ сталъ подсмѣиваться надъ ея опытностью, а потомъ болтать о всякихъ пустякахъ. Кренева глядѣла на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, и ей дѣлалось холодно, почти жутко.

На завтра вечеромъ у Ольги родился сынъ, родился и умеръ, принявъ скорбный поцѣлуй матери... Отецъ не видѣлъ малютки... Отецъ даже не зналъ, какъ страдала Кренева, какъ близко витала надъ нею смерть. Возлѣ пріятельницы находилась Нина, а рядомъ, въ сосѣдней комнатѣ, бодрствовалъ Ставровскій. Ордынцевъ пріѣхалъ черезъ два дня. Онъ получилъ мѣсто, еще лучшее, чѣмъ ожидалъ, но съ переводомъ въ губернію. Это устроила Софи, рѣшившая, что надо увезти мужа и тѣмъ покончить нелѣпую исторію, затянувшуюся слишкомъ долго. Если она опасалась протеста Германа, то ошиблась. Ордынцевъ нашелъ, что это отлично, превосходно, и горячо благодарилъ жену. Онъ самъ понималъ, что надѣлалъ массу глупостей, и необходимо, чтобы въ кружкѣ знакомыхъ позабыли о немъ. Со временемъ, вернувшись, онъ займетъ такое положеніе, что всѣ вольныя и невольныя вины станутъ называть милыми шалостями, вспышками даровитой натуры, и т. д.

Digitized by Google

«Вотъ только какъ сказать Креневой? Ахъ, эти женщины,— думалъ Ордынцевъ, подъѣзжая къ знакомой дачѣ.—Пока я безумно любилъ Ольгу—она относилась холодно, разсудительно... Удрала тогда на цѣлую недѣлю, мучила меня совершенно напрасно, а потомъ... У меня прошла горячка страсти, а она тутъ-то и влюбилась до помраченія... Ничего наши женщины не умѣютъ въ мѣру... Да, вотъ и интеллигентная, развитая... писательница!—усмѣхаясь, заключилъ онъ.—Такая же, какъ всѣ!.. Нѣтъ! Съ нею еще тяжелѣе... Проницательность, наблюдательность... анализъ... чутье... Эхъ!... Изъ всего самаго простаго создаютъ вопросы, портя жизнь и себѣ, и другимъ»!

Германъ Михайловичъ приказалъ кучеру ѣхать потише. Онъ все еще не придумалъ, что̀ и какъ сказать Ольгѣ. Рѣшить и поступить оказывалось легче—чѣмъ сознаться.

— А, чего тутъ стѣсняться!—взглянувъ на часы, сказалъ онъ.—Тогда, *женѣ*—и то я не затруднился предложить разлуку... Софи поняла же... И въ самомъ дѣлѣ, не отказываться же мнѣ отъ такого мѣста? Вѣдь это—ступень къ будущему.

Ордынцевъ не замѣтилъ, что въ окнахъ дачи спущены сторы. Онъ громко позвонилъ и, нѣсколько сдвинувъ шляпу на затылокъ, нетерпѣливо ожидалъ, пока отворятъ.

— Ольга Юрьевна не спитъ?—произнесъ онъ готовый вопросъ и отшатнулся.

Передъ нимъ стоялъ Ставровскій, блѣдный, съ красными, припухшими отъ безсонницы, глазами.

— Ольга Юрьевна умираетъ,— стиснувъ зубы, отвѣчалъ онъ.—А это,—указывая на раскрытую дверь сосѣдней комнаты,— видите? Ребенокъ... мальчикъ, умершій черезъ полчаса послѣ рожденія!

Ордынцевъ тяжело опустился на стулъ. Ничего подобнаго онъ не ожидалъ, даже не предполагалъ, и теперь ему было невыразимо стыдно и горько.

— Но... но... съ чего же это случилось?—пробормоталъ онъ.

— Съ чего случилось?! *Вы* спрашиваете! Вы! Да развѣ не вы убили и ее, и ребенка? Что случилось! Стыдно вамъ, господинъ Ордынцевъ, стыдно! Васъ полюбила такая хорошая женщина... Отдала она вамъ всю себя, и нравственно, и физически, а вы... развѣ берегли вы ее, холили? Съ послѣдней кокоткой вы обращались бы лучше, чѣмъ съ этою женщиной,

Digitized by Google

которая изъ принципа никакихъ условій не ставила, ничего не просила и ото всего отказывалась. А вы и обрадовались. Еще бы! Наслажденія... союзъ любящихъ сердецъ, а на подкладку—никакого вниманія. Вы пріѣзжали къ ней, когда *вамъ* хотѣлось отдохнуть, а когда *ей* нужна была поддержка — вы забывали... Вы тратили сотни рублей на себя, а она работала до изнеможенія.

— Но позвольте! — возразилъ Ордынцевъ, довольный, что можетъ оправдаться.— Она сама ничего не брала, сердилась, когда я начиналъ говорить... Я уважалъ ея самостоятельность. Надѣюсь, въ скупости меня никто не можетъ упрекнуть.

— О, конечно, конечно, вы—щедры. Эта щедрость заслоняетъ вашу душевную черствость. Не о деньгахъ я вамъ и говорю. Знаю, Ольга Юрьевна изнемогать будетъ, но у васъ, особенно у васъ, у близкаго человѣка, не попроситъ. Не за это я и виню васъ... Вы измучили Ольгу своимъ непониманіемъ ея даровитой, недюжинной натуры... Вы причислили ее къ тѣмъ женщинамъ, съ которыми легко завести интрижку и, разъ она не предъявляла *требованій*, вы считали себя правымъ. Порицать Ольгу могли другіе, но вѣдь она *отъ васъ* слышала порицанія... Издѣваться надъ женскимъ трудомъ имѣли право другіе, но не вы... не вы! Ахъ, да какъ перечислить всѣ тѣ уколы, которые она переживала, какъ объяснить вамъ ея страданія?..

— Мнѣ не въ чемъ обвинять себя! Я честно относился... я не измѣнялъ...

Ставровскій горько усмѣхнулся.

— Какъ вы еще не похвастаетесь, что ничего не воровали!.. Видите ли, мнѣ съ вами не сговориться, а Кренева — болѣе выработанная натура. Подъ вліяніемъ страсти, долго отрицавшая любовь, она увлеклась вами, вознесла на пьедесталъ, но вы... вы не съумѣли удержаться. Собственно говоря, васъ и винить строго нельзя. Вы привыкли къ женскому кокетству и лицемѣрію, привыкли, чтобы васъ осаждали требованіями, терзали слезами и истериками, а женщина-человѣкъ, женщина, сама отвѣчающая за свои поступки и несущая послѣдствія своихъ ошибокъ,— непонятна она вамъ, чужда. Ея героизмъ вы называете резонерствомъ, ея подвигъ — считаете блажью... Ничего не давая, вы даже не умѣете уважать и цѣнить такихъ женщинъ. Да оно и понятно. Еслибы вы съумѣли отнестись

Digitized by Google

серьезно, — вамъ стало бы стыдно за свои привилегіи. Для насъ, мужчинъ, открыты всѣ пути, намъ предоставлены всѣ средства: и образованія, и дѣятельности, а имъ — почти ничего... И вотъ, когда такія женщины изъ ничего дѣлаютъ нѣчто,—мы же становимся на ихъ дорогѣ.

Ордынцевъ блѣднѣлъ и краснѣлъ. Онъ злился, слушая эти ненужныя и неидущія къ дѣлу разсужденія, но прервать ихъ не смѣлъ. Онъ даже боялся спросить, что̀ именно съ Креневой, и съ ужасомъ вспоминалъ слова доктора... Смерть Ольги возбудитъ говоръ... Его фамилью станутъ связывать съ этимъ фактомъ... Ахъ, ка̀къ бы выпутаться половчѣе?..

— Свиданье съ Ольгой Юрьевной теперь немыслимо,—сказалъ Ставровскій въ заключеніе.—Она такъ слаба...

Но Ордынцевъ и не желалъ свиданія. Здоровый и физически сильный, онъ всегда брезгливо относился къ больнымъ, особенно при такихъ недугахъ. Кромѣ того, онъ боялся разстроить себѣ нервы.

Помочь нельзя, а травить себя напрасно,— зачѣмъ? Германъ Михайловичъ хотѣлъ предложить денегъ, но не посмѣлъ. Онъ могъ дать сотню, да и ту оторвавъ отъ семьи, а Владиміръ Ивановичъ еще, пожалуй, обидится.

— Я на дняхъ уѣзжаю,— брякнулъ онъ, перебивая рѣчь собесѣдника.—Мѣсто получилъ. Необходимо ѣхать скорѣе...

Это извѣстіе обрадовало Ставровскаго. При другихъ обстоятельствахъ, онъ даже выразилъ бы готовность кредитовать его, но въ данное время промолчалъ.

Ордынцевъ уѣхалъ, не взглянувъ на малютку, лежавшаго въ гробу. Въ глубинѣ души шевельнулись укоры и становилось слишкомъ тяжело отъ сознанія, что Ставровскій съ презрѣніемъ смотритъ на него.

Кренева поправлялась медленно и была очень слаба. Когда ей сказали, что Ордынцевъ уѣхалъ,—она отнеслась безучастно, какъ будто это былъ чужой человѣкъ.

Ставровскій и Нина боялись, что вмѣстѣ съ возвращеніемъ силъ воскреснетъ былая привязанность, но они ошиблись.

— Ради бога,— сказала она имъ какъ-то.— Никогда, ни слова о немъ. Это была горячка, дань слабой женской натурѣ, послѣдняя вспышка мечтательности. Да, я вылѣчилась... Жен-

Digitized by Google

ское счастье—вообще рѣдкость, а для насъ, серьезнѣе смотрящихъ на жизнь,—нѣтъ его, да и быть не можетъ. Все лучшее, что̀ можетъ дать въ нравственномъ смыслѣ современный мужчина,—не удовлетворитъ самостоятельную женщину. Главное, не вѣрятъ они въ законность и правду нашихъ запросовъ. Думаютъ: новый видъ кокетства. Но жизнь мститъ и имъ. Все, чего я напрасно ждала, онъ положитъ къ ногамъ другой женщины, и, какъ на зло, встрѣтитъ совершенно иные запросы... Люди одного времени, мы относимся къ разнымъ направленіямъ... Мужчины считаютъ себя представителями высшей культуры и, ради отдыха, спускаются до банальности, а мы... мы стремимся завоевать положеніе и быть дѣйствительно самостоятельными. Такого друга, какъ Ордынцевъ, вѣдь я бы никогда не выбрала.

— А между тѣмъ любила,—напомнила Нина.

— И какъ еще любила! Встрѣться теперь хорошій, достойный человѣкъ, я вѣдь не повѣрю, да и силъ уже нѣтъ для глубокой любви... И знаешь, съ нимъ,—я говорю объ Ордынцевѣ,—то же самое будетъ... Неудовлетворительность душевная толкнетъ искать новаго счастья, но... силы надорваны... И вотъ всѣ мы такіе... Дѣлаясь настоящими двигателями, вступая на дорогу, какъ общественные дѣятели — мы приносимъ уже разбитую душу, надорванныя силы... Мы—выморочныя души...

— Выморочныя души!—повторила Нина.—Какое ужасное опредѣленіе!

— А жить съ такимъ состояніемъ еще ужаснѣе. Оттого и относятся люди такъ вяло къ дѣлу, которое они съ юности любили, къ которому стремились. Все истрачено въ періодъ достиженія цѣли, а когда надо дѣйствовать—изсякла энергія... Знаешь, я много, много думала: въ чемъ секретъ счастья и довольства прежнихъ людей, и пришла къ печальному выводу. Каждую мечту, всякую фантазію — мы спѣшимъ привести въ исполненіе и обрываемъ бутоны, не давая расцвѣсть пышному цвѣтку. Торопимся, толкаемъ другъ друга, топчемъ, а что̀ получимъ—сейчасъ теряетъ для насъ всякую цѣнность... Ты посмотри, Нина, что̀ теперь осталось прочнаго, стойкаго? Ни семьи, ни дружбы, ни простой пріязни. Надо всѣмъ смѣются, ко всему съ кондачка относятся и во всякомъ добромъ движеніи ищутъ практической подкладки...

Digitized by Google

— Скажи, Ольга, а ты... не скучаешь по немъ?

Кренева задумалась, глубоко вздохнула и отвѣчала:

— Да, я бы хотѣла вернуть его, но... вернуть такимъ, какимъ онъ никогда не былъ, какимъ я его воображала прежде, какимъ хотѣла видѣть и... вѣдь видѣла, не взирая на факты, на дѣйствительную жизнь!.. Нѣтъ, не скучаю!—докончила она бодрымъ тономъ.—Это была болѣзнь... испытаніе, но оно закалило меня. Теперь — никого, кромѣ моей Тани, ничего — кромѣ труда!

— Вѣчное одиночество, Ольга... Нѣтъ, ты должна выйти замужъ.

— Никогда! Материнство, да, это чувство облагораживаетъ женскую душу, но любовь физическая, любовь жены къ мужу — все таки дѣлаетъ женщину рабыней. Ты, Нина, да, ты можешь быть счастлива, но такіе люди—какъ Ставровскій—исключеніе. Вѣдь его культъ— видѣть вокругъ себя счастье, а остальные... хотятъ урвать во что бы то ни стало... пользоваться и ничѣмъ не рисковать... Нѣтъ, довольно!.. Теперь, ты знаешь, твой мужъ даетъ средства для изданія журнала и, кромѣ Тани, у меня будетъ другое дѣтище, такое же дорогое.

— Станешь проповѣдывать женскую самостоятельность!— шутливо замѣтила Нина.

Кренева строго взглянула на нее.

— Вотъ видишь, даже ты, ты не можешь говорить объ этомъ вопросѣ безъ иронiи! А развѣ ты изучила его, думала о немъ, присматривалась къ новымъ типамъ? Нѣтъ и нѣтъ! Ты дѣлаешь общую ошибку: смѣешься надъ тѣмъ, что непонятно. А между тѣмъ, еслибы ты посмотрѣла, чего достигли женщины за эти 25—30 лѣтъ,—ты бы изумилась. Нигилистки, возбуждавшія смѣхъ своею внѣшностью, переродились въ женщинъ труда; фразёрки—въ серьезныхъ работницъ-врачей; но общество продолжаетъ издѣваться надъ «синимъ чулкомъ»... Да эти «синіе чулки» не только семью содержатъ, но многихъ мужчинъ удерживаютъ отъ растратъ, отъ преступленій... Я знаю честныхъ и порядочныхъ людей, изъ увлеченія къ кокоткѣ или къ цыганкѣ, надѣлавшихъ уголовныхъ проступковъ, но ради «женщины-синяго чулка»—никто не совершитъ преступленія, а среди нихъ есть и хорошенькія, и красавицы... Да, Нина, мой журналъ будетъ бороться съ остатками предразсудка. Все,

Digitized by Google

чего мы пока добиваемся, это—права труда въ самомъ широкомъ смыслѣ, а рядомъ съ этимъ и счастья знать, что дитя мое, дитя ошибки, увлеченія или нелегальнаго союза,—все равно, но мною вскормленное и выращенное, не будетъ нести наказанія за мою вину...

— Ай, ай, ай,—замѣтилъ Ставровскій, входя въ комнату.—Будущій редакторъ—и не знаетъ закона объ усыновленіи. Новый законъ же есть!

— А если стыдно вамъ, но не мнѣ?! Да, знаю, но я могу усыновить пріемыша, крестника, чужое дитя,—всякаго, но... не свое, безправное...

И Кренева показала ему и законъ, и письмо адвоката,—отвѣтъ на ея просьбу. Ставровскій и Нина переглянулись и, не сговариваясь, въ одинъ голосъ сказали:

— Таня будетъ нашею дочуркой!

— Вотъ за что я люблю тебя такъ безгранично,—говорилъ Владиміръ Ивановичъ женѣ, нѣсколько минутъ спустя.—Не пойми ты моего настроенія, не откликнись на него душевно,—любилъ бы я тебя, конечно, но не такъ... Въ этомъ-то и счастье, дорогая, въ нравственномъ единеніи. Есть оно, живетъ—и не можетъ быть ни разочарованія, ни измѣнъ, ни ссоръ. Пройдетъ молодость, красота исчезнетъ, а душа останется такою же чуткою... Нѣтъ, еще лучше будетъ...

Нина ласково улыбнулась. Теперь ей казалось страннымъ, какъ могла она когда-то увлекаться пошлякомъ Марьяновымъ, какъ чуть-чуть не разошлась съ Владиміромъ Ивановичемъ. Она вспомнила слова Ольги и прошептала:

— Я тоже могла сдѣлаться «выморочною душой», какъ она говоритъ,—но ты воскресилъ меня!..

Счастливые и дружные, супруги Ставровскіе представляютъ для Креневой надежный оплотъ. Благодаря соціальному положенію и богатству Владиміра Ивановича,—къ Ольгѣ относятся съ уваженіемъ.

Теперь ей даже не въ вину, а въ подвигъ вмѣняютъ ея трогательную любовь и заботу о Танѣ! Дѣвочка носитъ чужое имя, но Кренева не скрываетъ, что это—ея дочь.

Digitized by Google

— Если я виновата противъ законовъ нравственности,—говоритъ она,—то и искупаю свою вину... Убійца, вернувшійся съ каторги, воръ, отбывшій наказаніе, считаются искупившими прошлое, а для матери, не бросившей свое незаконное дитя,—нужна защита и поддержка замѣтныхъ въ обществѣ людей,—чтобы не корили ее, не позорили...

Марьяновъ, долго злившійся на Креневу за вмѣшательство въ его отношенія къ Нинѣ, какъ-то встрѣтилъ молодую женщину. Случайно, они очутились рядомъ за столомъ, и волей-неволей нужно было поддерживать бесѣду.

Пошлый и нахальный, съ дерзкой улыбкой на губахъ, онъ сталъ сообщать Ольгѣ, что недавно былъ въ П., гдѣ служитъ Ордынцевъ.

Онъ говорилъ о счастьѣ супруговъ, о томъ, что Германъ Михайловичъ излѣчился наконецъ отъ стремленія ухаживать за каждою женщиной и оцѣнилъ свою прекрасную, достойную полнаго уваженія, супругу.

Кренева тактично поддерживала разговоръ, хотя весьма тяготилась имъ. Марьянова злило ея спокойствіе. Онъ сталъ хвалить дѣтей Ордынцева, разсказывалъ, какъ они умны и даровиты, передавалъ различные эпизоды и достигъ своей цѣли.

Горько стало на душѣ Ольги Юрьевны.

Ея дѣвочка была и красива, и очень умна, но открывать и выхвалять дѣтскіе таланты умѣютъ только льстецы, и исключительно въ такихъ семьяхъ, во главѣ которыхъ стоятъ нужные люди.

— А ваши дѣтки въ добромъ здоровьѣ, надѣюсь? Вѣдь вы—нѣжнѣйшая изъ матерей!—язвительно спросилъ Марьяновъ.

Кренева спокойно поблагодарила его и отвѣтила, что ея Таня—здорова.

— Ахъ, какой дрянной человѣкъ!—сказала Нина, когда Кренева передала ей разговоръ.—Вѣдь онъ оскорбить тебя хотѣлъ! И о дѣтяхъ спросилъ... Знаетъ, что у тебя только Таня.

— Нашелъ, чѣмъ уколоть! Я стыдилась бы имѣть такого сына, какъ онъ, а моя Таня—прелесть!

И, дѣйствительно, Таня была прелестная дѣвочка, но всѣ, кому хотѣлось сдѣлать шпильку Креневой или свѣтски-дели-

Digitized by Google

катно оскорбить ее—неизбѣжно касались ребенка. Но Ольга Юрьевна еще сильнѣе любила свою «маленькую птичку» и еще ревностнѣе служила своей идеѣ женской самостоятельности, мечтая, что ея дочери—будетъ уже легче жить...

Надорванныя, въ непосильной борьбѣ, силы однихъ—дадутъ торжество побѣды другимъ...

К. Назарьева.

Конецъ.

Digitized by Google

На свиданіи.

Она стояла предо мной
Съ мольбой безмолвною во взорѣ;
За навернувшейся слезой
Таилось истинное горе.
Она пришла не упрекать,
Томясь измѣною моею,
Она пришла ко мнѣ сказать:
«Мой другъ, прощай! Будь счастливъ съ нею!»
Горѣлъ печалью томный взоръ...
Я видѣлъ тайныя страданья,
Читалъ въ глазахъ ея укоръ,
А въ сердцѣ скрытыя рыданья.
И этотъ взоръ смутилъ меня,
Смутилъ проснувшуюся совѣсть
И озарилъ сіяньемъ дня
Былыхъ страстей живую повѣсть.
И вывелъ онъ изъ тьмы на свѣтъ
Уже забытое мной счастье —
И изъ подъ пепла прошлыхъ лѣтъ
Сверкнули ласка и участье.
И въ сердцѣ вспыхнули моемъ
Тоска, раскаянье, смятенье...
Тамъ слезы страсть сожгли огнемъ
И совершили искупленье.
И былъ порывъ любви глубокъ,
Любовь всходила, оживая...
Я палъ предъ нею и у ногъ
Молилъ простить меня, рыдая.

М. Гербановскій.

Digitized by Google

БѢЛОЕ БРАТСТВО.

Романъ А. Конэнъ-Дойля,

АВТОРА «МАЙКА-КЛЭРКА».

XI.

Алланъ, поучая другихъ, пріобрѣтаетъ новыя свѣдѣнія.

Наступило время хлопотъ и приготовленій. Чистились доспѣхи, стучали молотки по всѣмъ южнымъ графствамъ. Быстро переносились вѣсти отъ селенія къ селенію, отъ замка къ замку, о томъ, что старая игра возобновилась и что ранней весной Львы и Лиліи опять сойдутся въ полѣ. Эта новость имѣла великое значеніе въ ту суровую и жестокую эпоху, когда война была ремесломъ, а войска и плѣнные — торговымъ транспортомъ. Шесть лѣтъ страдали сыны Англіи подъ игомъ перемирія. Они ждали теперь войны, какъ праздника. Старые, посѣдѣвшіе въ битвахъ, воины радостно ожидали звука военной трубы, но еще радостнѣе были пылкіе юноши, съ дѣтства привыкшіе слушать воинственные разсказы своихъ отцовъ. На протяженіи всего берега, въ каждомъ коттэджѣ натягивались луки, въ каждомъ замкѣ звенѣла сталь.

Немного требовалось времени, чтобы каждая крѣпость выставила свою конницу и каждое селеніе—пѣхоту. Начиная съ поздней осени и до первой половины зимы, по всѣмъ дорогамъ и проселкамъ звучали трубы и литавры, слышалось ржаніе боевыхъ коней и мѣрный топотъ марширующихъ полковъ. Отъ валлійскихъ болотъ Врэкина до Котсвольда на западъ, или Ботсера на югъ, не было ни одного холма, съ котораго не видѣлъ бы крестьянинъ яркаго блеска оружія и волнующихся знаменъ. Отовсюду, со всѣхъ тропинокъ, лѣсныхъ просѣкъ, съ извилистыхъ проселочныхъ дорогъ, стекались маленькіе отряды,

Digitized by Google

которые соединялись потомъ въ большіе полки. Итакъ, день за днемъ, шли сборы, и суета, и работа, пока нагружались огромные корабли и, развернувъ бѣлые паруса, уходили въ открытое море при звонѣ кимваловъ, барабанномъ боѣ и громкихъ кликахъ тѣхъ, которые уплывали, и тѣхъ, которые оставались. Отъ Орвеля до Дарта не осталось ни одного порта, который не выставилъ бы своего маленькаго флота, по праздничному весело разукрашеннаго флагами и знаменами. Такимъ образомъ къ серединѣ зимы военныя силы Англіи были сосредоточены на морѣ.

Въ старомъ населенномъ Гэмпширѣ, никогда не было недостатка въ вождяхъ и солдатахъ, когда дѣло шло о службѣ, приносившей славу и деньги. На сѣверѣ двигалось сильное войско стрѣльцовъ изъ Гольта, Вульмера и Гервудскихъ лѣсовъ. На востокѣ командовалъ де-Боргенъ, на западѣ—сэръ Джонъ де-Монтэгю. Сэръ Лука де-Пониндж, сэръ Томасъ Вестъ, сэръ Морицъ де-Бріенъ, сэръ Артуръ Липскомбъ, сэръ Вальтеръ Рамсей и могучій сэръ Оливеръ Бёттсторнъ маршировали на югѣ съ новобранцами Андовера, Эльресфорда, Одигема и Винчестера, между тѣмъ какъ отъ Суссекса шли сэръ Джонъ Клинтонъ, сэръ Томасъ Шейнъ и сэръ Джонъ Фэльсли, съ отрядами отборныхъ воиновъ, направляясь въ Сутгамптонъ. Но самымъ значительнымъ пунктомъ для сбора войскъ былъ замокъ Твайнгэмъ, потому что имя и слава сэра Найгиля привлекали къ нему лучшихъ воиновъ, жаждавшихъ имѣть его своимъ вождемъ. Стрѣлки изъ Нью-Фореста и Форестъ-Бира, алебардщики изъ живописныхъ провинцій, орошаемыхъ Стуромъ и Авономъ, юные кавалеры старинныхъ гэмпширскихъ домовъ — всѣ стекались въ Кристчёрчъ, подъ знамя пяти алыхъ розъ.

Имѣй теперь сэръ Найгиль необходимое для ранга количество земель, онъ легко могъ бы замѣнить свое вилообразное знамя—четырехъугольнымъ, и занять подобающее мѣсто на полѣ битвы. Но бѣдность угнетала его; земли были скудны, сундуки пусты, и даже замокъ, служившій ему пріютомъ, былъ собственностью другаго. Съ болью въ сердцѣ видѣлъ онъ, какъ искусные стрѣлки и закаленные копьеносцы отходили отъ его воротъ, потому что не на что было одѣвать ихъ и платить имъ жалованье. Однако письмо, которое привезъ ему Эльвардъ, облекало его извѣстной властью и значеніемъ. Въ этомъ письмѣ

Digitized by Google

сэръ Клодъ Латуръ говорилъ ему, что въ его распоряженіи имѣется сотня стрѣлковъ и двадцать копьеносцевъ, которые, въ соединеніи съ тремя сотнями ветерановъ Бѣлаго братства, уже находятся во Франціи и могутъ составить войско, достойное знаменитаго вождя. Мудро и тщательно выбиралъ престарѣлый рыцарь своихъ людей изъ толпы волонтеровъ. Много было тревожныхъ совѣщаній съ Чернымъ Симономъ, Самомъ-Эльвардомъ и другими опытными людьми его команды, насчетъ того, кто долженъ идти и кто остаться.

Ко дню всѣхъ святыхъ, однако же, когда еще не упали послѣдніе листья на просѣки Гольмслея Вельверлея, онъ сформировалъ отрядъ самыхъ отборныхъ гэмпширцевъ, которые когда либо натягивали лукъ. Кромѣ того, двадцать копьеносцевъ, снабженныхъ конями и оружіемъ, составляли конницу отряда, между тѣмъ какъ юный Петръ Торлекъ изъ Фергема и Вальтеръ Фордъ изъ Ботлея поступили на службу къ сэру Найгилю на своемъ содержаніи и должны были раздѣлять съ Алланомъ обязанности оруженосцевъ.

Однако, не смотря на окончаніе вербовки, еще многое оставалось сдѣлать, прежде чѣмъ отрядъ могъ выступить. Латы, мечи и копья не требовали никакихъ заботъ, потому что въ Бордо они были и лучше, и дешевле, чѣмъ въ Англіи. Но по части стрѣлъ было совсѣмъ иначе. Конечно, въ Испаніи можно было достать тисовый лукъ и древко, но необходимо взять съ собой запасъ. Кромѣ того, для каждаго лука полагалось три запасныя тетивы. Слѣдовало, также, позаботиться о кольчугахъ, шлемахъ и наручникахъ, составлявшихъ важнѣйшую часть въ вооруженіи стрѣлка. Женщины, на цѣлыя мили въ окружности, работали безъ устали, кроя и сшивая бѣлыя куртки—эмблему Бѣлаго братства—и украшая ихъ на груди краснымъ львомъ св. Георга. Когда все было готово и сдѣлали смотръ войску на дворѣ замка, то даже самый старый изъ ветерановъ французской войны долженъ былъ сознаться, что никогда еще не видалъ онъ лучше вооруженнаго и болѣе воинственнаго отряда людей, начиная со стараго рыцаря въ шолковомъ камзолѣ, и кончая Джономъ Гордлемъ, этимъ великаномъ, который стоялъ въ послѣднемъ ряду, опираясь на огромный черный колчанъ.

Шесть долгихъ недѣль продолжались эти приготовленія и,

Digitized by Google

наконецъ, къ Мартынову дню все было готово, и можно было выступить. Алланъ Эдриксонъ уже два мѣсяца находился въ замкѣ Твайнгэмъ, и эти два мѣсяца совершенно перевернули его жизнь, заставили его бросить печальный одинокій путь, избранный имъ прежде, и показали ему другія болѣе свѣтлыя и радостныя перспективы. Теперь онъ благословлялъ своего отца за его мудрое желаніе показать своему сыну этотъ прекрасный міръ, прежде чѣмъ юноша произнесетъ отреченіе.

Міръ былъ не таковъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ по описанію старшихъ братьевъ, какъ арену жадныхъ волковъ, хищно стороживших мирныя сѣни Болье. Безъ сомнѣнія, въ мірѣ было много жестокостей, любви къ излишеству, много преступленій и страданій. Но возможно ли такая идеальная добродѣтель, которая могла бы устоять противъ искушеній безпрерывной, грубой житейской борьбы? Какъ ничтожна добродѣтель, порожденная невозможностью согрѣшить, какъ безславна побѣда, купленная цѣною бѣгства отъ враговъ! Не смотря на монастырское воспитаніе, Алланъ сохранилъ врожденную проницательность, а юный гибкій умъ его безъ труда воспринималъ новыя убѣжденія и отказывался отъ старыхъ. Онъ видѣлъ, что люди, окружавшіе его теперь, не смотря на свою грубую рѣчь, жестокость, вѣчные раздоры, были гораздо выше въ нравственномъ отношеніи, и приносили міру больше пользы, чѣмъ волоокіе братья, которые только и дѣлали, что пили, ѣли и спали, изъ года въ годъ, никогда не покидая заколдованнаго круга своего безцѣльнаго существованія. Аббатъ Бержеръ былъ хорошій человѣкъ, но развѣ можно его сравнить съ этимъ благороднымъ рыцаремъ, который живетъ такъ просто, такъ высоко держитъ знамя своего долга, такъ безстрашно жертвуетъ своей жизнью? Алланъ былъ убѣжденъ, что, оставивъ перваго и перейдя на сторону послѣдняго, онъ нимало не измѣнитъ своимъ идеальнымъ стремленіямъ. Правда, его нѣжная и мечтательная душа содрогалась при видѣ убійства и войны, но въ ту эпоху всѣ люди составляли воинственное братство, и не было строгаго различія между солдатомъ и пріестомъ. Служитель Бога и воинъ, безъ затрудненія, соединялись въ одномъ и томъ же лицѣ. Почему онъ, еще не бывъ монахомъ, долженъ быть такимъ щепетильнымъ и упустить счастливый случай? Онъ выдерживалъ борьбу съ самимъ собой, молился по

Digitized by Google

ночамъ, былъ полонъ тревоги, недоумѣній, колебаній, и наконецъ, по исходѣ трехъ дней своего пребыванія въ Твайнгемѣ, поступилъ на службу къ сэру Найгилю, и получилъ коня и доспѣхи, за которые долженъ былъ заплатить впослѣдствіи, изъ своей доли военной добычи. Съ этого времени онъ ежедневно, въ теченіе семи часовъ, упражнялся на ристалищѣ, чтобъ сдѣлаться достойнымъ оруженосцемъ достойнаго рыцаря. Благодаря молодости, гибкости и живости, и всей мощи и крѣпости, которую сохранило ему спокойное и строго-нравственное воспитаніе, онъ скоро научился такъ хорошо управлять лошадью и оружіемъ, что заслужилъ одобрительный поклонъ строгихъ воиновъ, и могъ состязаться на турнирахъ съ Торлекомъ и Фордомъ—его товарищами-оруженосцами.

Но не было ли другой причины, заставившей Аллана позабыть о кельѣ? Человѣческое сердце полно такихъ глубокихъ тайниковъ, что трудно изслѣдовать причину его движеній. Передъ Алланомъ открылась новая сторона жизни, въ которой онъ былъ несвѣдущъ, какъ ребенокъ, и которая, тѣмъ не менѣе, сильно повліяла на его будущность. Женщина, въ представленіи монаховъ, была вмѣстилищемъ всѣхъ соблазновъ и опасностей. Присутствіе женщины считалось настолько оскверняющимъ, что истый цистерціанецъ не смѣлъ поднимать глаза на ихъ лицо, или прикасаться къ нимъ, подъ страхомъ смертнаго грѣха и церковнаго отлученія. А между тѣмъ Алланъ, по два часа ежедневно, находился въ обществѣ трехъ дѣвушекъ, юныхъ, прекрасныхъ и, слѣдовательно, вдвойнѣ опасныхъ съ монашеской точки зрѣнія. Однако онъ чувствовалъ въ ихъ присутствіи, что становится непринужденнѣе, свободнѣе, что лучшія качества его души проявляются сильнѣе, — и сердце его наполнялось могучей, невѣдомой радостью.

Но, тѣмъ не менѣе, леди Модъ была далеко не такая ученица, съ которой легко справиться. Даже болѣе старый и опытный наставникъ былъ бы смущенъ ея измѣнчивымъ настроеніемъ, ея внезапными капризами, ея раздраженіемъ противъ малѣйшихъ замѣчаній. Если предметъ интересовалъ ее, если было въ немъ что нибудь похожее на романъ и возбуждавшее воображеніе, она принималась за него такъ усердно, что забѣгала впередъ, предоставляя своимъ товаркамъ и учителю скучное зубреніе. Съ другой стороны, надо было много тер-

Digitized by Google

пѣнія, чтобы заставить ее учиться и постояннымъ упражненіемъ развивать свою память, потому что ея живой и пылкій умъ не могъ удержать самаго простаго факта. Когда Алланъ разсказывалъ сказки о волшебницахъ и герояхъ, или указывалъ на мѣсяцъ и звѣзды, пытаясь проникнуть скрытыя тайны вселенной, онъ имѣлъ самую внимательную ученицу, щоки которой пылали отъ волненія, и которая могла повторить на память слово въ слово то, что̀ онъ говорилъ. Но чуть дѣло касалось астролябіи, ариѳметики, ея мысли обращались къ лошади и гончимъ, а разсѣянный взоръ и равнодушное лицо говорили учителю, что онъ уже не владѣетъ вниманіемъ своей ученицы. Тогда ему стоило только принести старинный романъ, со слѣдами пальцевъ на переплетѣ изъ овечьей кожи и золотыми буквами на красномъ корешкѣ, какъ ея своенравный умъ опять обращался къ занятіямъ.

По временамъ, на нее находили припадки дикаго упорства, и она дерзко возставала противъ деликатной твердости Аллана. Но Алланъ спокойно продолжалъ урокъ, не обращая вниманія на ея рѣзкость, пока она, побѣжденная его кротостью, разражалась внезапными самоосужденіями, гораздо болѣе сильными, чѣмъ заслуживала ея вина. Однажды, когда она была въ подобномъ настроеніи, Агата, молоденькая камерфрау, думая угодить госпожѣ, начала тоже вздергивать голову и дѣлать колкія замѣчанія на слова учителя. Леди Модъ, побѣлѣвъ отъ гнѣва, смѣрила ее сверкающимъ взглядомъ.

— Вы!?—произнесла она.— Вы осмѣлились это сказать?!.

Испуганная камерфрау пыталась защититься.

— Но, дорогая миледи,— бормотала она,— что̀ же я сдѣлала? Я сказала не болѣе, чѣмъ вы.

— Какъ вы осмѣлились! — повторила леди Модъ прерывающимся голосомъ.—Вы, неповоротливая дура, безмозглая тупица, которая не понимаетъ ничего выше шитья рубашекъ! А онъ такой ласковый, такой кроткій, такой безконечно терпѣливый! И вы осмѣлились... вонъ изъ комнаты!

Ея голосъ постепенно возвышался, она сжимала и разжимала свои длинные бѣлые пальцы, и потому не удивительно, что Агата мгновенно шмыгнула за дверь, и изъ коридора донеслись ея заглушенныя рыданія.

Алланъ смотрѣлъ широко открытыми глазами на леди Модъ,

Digitized by Google

которая изъ нападающей такъ внезапно превратилась въ тигрицу, защищавшую его.—Не надо такъ гнѣваться,—мягко замѣтилъ онъ.—Слова дѣвушки нисколько не обидѣли меня. Вы сами виноваты гораздо болѣе.

— Я знаю это!—вскричала она.—Я самая злая женщина въ свѣтѣ. Но довольно и того уже, что я одна оскорбляю васъ. Ma foi! Я не хочу, чтобъ это дѣлала еще и другая.

— Нѣтъ, нѣтъ! меня никто не оскорбляетъ,—отвѣчалъ Алланъ.—Вы виноваты въ томъ, что были слишкомъ рѣзки съ ней. Вы называли ее дурой, тупицей, и еще не помню какъ.

— Вы меня сами учили говорить правду!—воскликнула она.—Я дѣлаю это теперь и все таки не могу угодить вамъ. Она дѣйствительно идіотка и такъ ее слѣдуетъ называть.

Эти внезапныя стычки нарушали однообразіе школьныхъ занятій. Постепенно, однако, онѣ становились все рѣже и слабѣе, потому что твердый и настойчивый характеръ Аллана пріобрѣлъ вліяніе на леди Модъ. Но онъ тоже измѣнился, и чувствовалъ это. Стараясь побѣдить леди Модъ, онъ самъ былъ побѣжденъ ею. Напрасно говорилъ онъ себѣ, что безумно, съ его стороны, мечтать о дочери сэра Найгиля. Могъ ли онъ—младшій сынъ въ семьѣ, бѣдный клеркъ, оруженосецъ, который не можетъ даже сдѣлать на свой счетъ доспѣховъ—подымать глаза на самую прекраснѣйшую дѣвушку въ Гемпширѣ? Такъ говорилъ разсудокъ, но вопреки ему голосъ леди Модъ продолжалъ звучать въ ушахъ юноши, и ея образъ оставался въ его сердцѣ. Этотъ старый-старый тиранъ, называемый любовью, былъ сильнѣе разсудка, сильнѣе убѣжденій, и хотѣлъ царить безраздѣльно въ его груди.

И тѣмъ не менѣе онъ былъ пораженъ, когда увидѣлъ значеніе, какое имѣла для него эта дѣвушка. Всѣ его прежнія стремленія, возвышенные порывы, сосредоточились теперь на этомъ суетномъ созданіи, на этой горсти праха. Онъ не смѣлъ размышлять о томъ, что происходило съ нимъ, но нѣсколько случайно брошенныхъ словъ, какъ молнія, освѣтили все.

Въ одинъ ноябрьскій день онъ возвращался вмѣстѣ съ Петеромъ Торлекомъ отъ дорсетширскаго оружейника. День ихъ отъѣзда почти наступилъ и оба юноши неслись быстрымъ галопомъ, поспѣшая домой. Петеръ былъ сильный, жилистый, смуглолицый малый. Онъ ожидалъ войны, какъ школьникъ

Digitized by Google

ждетъ праздника. Теперь, однако, онъ былъ печаленъ и задумчивъ, и ѣхалъ молча всю дорогу.

— Скажите мнѣ, Алланъ Эдриксонъ,—началъ онъ вдругъ,—не кажется ли вамъ, что леди Модъ стала въ послѣднее время блѣднѣе и молчаливѣе обыкновеннаго.

— Можетъ быть,—отвѣчалъ Алланъ коротко.

— Она теперь все сидитъ въ своей комнатѣ, вмѣсто того чтобъ весело охотиться, какъ бывало. Мнѣ кажется, Алланъ, что это ваша наука лишила ее живости и веселья. Эти мудрости ей не по силамъ, какъ тяжелое копье слабому всаднику.

— Этого желала миледи, ея мать.

— Клянусь Богородицей!—воскликнулъ Петеръ,—не взирая на все мое уваженіе къ миледи, я долженъ сознаться, что она съ бо́льшимъ успѣхомъ могла бы вести отрядъ на приступъ, чѣмъ воспитывать эту нѣжную, бѣлую, какъ молоко, дѣвушку. Слушайте, Алланъ, я скажу вамъ то, чего еще никому не говорилъ. Я люблю прекрасную леди Модъ, и готовъ отдать за нее всю кровь своего сердца.—Онъ говорилъ, задыхаясь, и при лунномъ свѣтѣ можно было замѣтить, что его лицо вспыхнуло отъ волненія.

Алланъ молчалъ, но сердце его похолодѣло.

— У моего отца много земель,—продолжалъ Петеръ.—Есть доходныя фермы, строевой лѣсъ, солодильни, стада овецъ — чего душа пожелаетъ—и я единственный сынъ. Навѣрное сэръ Найгиль будетъ обрадованъ такой партіей.

— А леди Модъ?—спросилъ Алланъ съ усиліемъ.

— Ахъ, мой другъ, въ этомъ-то все и несчастье. При малѣйшемъ намекѣ на мои чувства, она закидываетъ голову и опускаетъ глаза. Гораздо легче ухаживать за королевой-снѣгурочкой. Вчера я осмѣлился попросить у нея зеленый вуаль, чтобы носить его на своемъ шлемѣ, но она объявила, что бережетъ его для кого нибудь получше меня, и тотчасъ же стала извиняться за свой грубый отвѣтъ. Но все же она не дала мнѣ вуаля. Какъ ты думаешь, Алланъ, не любитъ ли она кого нибудь?

— Не знаю,—сказалъ Алланъ, и сердце его забилось безумной надеждой.

— Я подумывалъ объ этомъ, но кого же она могла полюбить? Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ меня, Вальтера Форда,

Digitized by Google

васъ,—полу-монаха,—отца Христофора изъ аббатства и пажа Бертрана—кого она видитъ здѣсь?

— Не знаю,—кратко отвѣтилъ Алланъ, и оба оруженосца продолжали ѣхать, погруженные каждый въ свои мысли.

На слѣдующій день за урокомъ, учитель замѣтилъ, что его ученица, дѣйствительно, казалась блѣдной и утомленной, и взглядъ у нея былъ разсѣянный. Онъ съ огорченіемъ замѣтилъ эту печальную перемѣну въ ней.

— Боюсь, Агата, что ваша госпожа нездорова,—сказалъ онъ камерфрау, когда леди Модъ удалилась въ свою комнату.

Дѣвушка бросила на него лукавый взглядъ.—Ея болѣзнь не опасная,—замѣтила она.

— Дай Богъ, чтобъ нѣтъ! Но скажите мнѣ, Агата, что съ ней.

— Мнѣ сдается, что еще кто-то страдаетъ тою же болѣзнью, какъ и она,—отвѣчала дѣвушка, метнувъ на него новымъ взглядомъ.—Вы такъ свѣдущи въ медицинѣ, что навѣрное знаете это лучше меня.

— Нѣтъ, не знаю; я вижу только, что она тоскуетъ.

— Ну, такъ вспомните же о томъ, что черезъ три дня всѣ уѣдутъ и Твайнгэмъ станетъ скученъ, какъ монастырь. Развѣ этого мало, чтобы опечалить леди?

— Да, вы правы,—сказалъ онъ.—Я забылъ, что ей предстоитъ разлука съ отцомъ.

— Съ отцомъ?—воскликнула камерфрау, громко смѣясь.—О, глупый, глупый!—И она, какъ стрѣла, пустилась бѣжать, между тѣмъ какъ Алланъ глядѣлъ ей вслѣдъ, колеблясь между страхомъ и надеждой, и не смѣя вѣрить тому, на что она намекала.

XII.

Бѣлое братство выступаетъ.

Миновалъ день св. Луки, и наканунѣ Мартынова дня, когда ведутъ быковъ на бойню, Бѣлое братство было готово къ походу. Громко трубили мѣдныя трубы съ крѣпостныхъ валовъ и подъ арками проходовъ, весело били барабаны, когда воины собрались на дворѣ передъ замкомъ, при свѣтѣ факеловъ, потому что утро еще не наступило. Алланъ видѣлъ изъ окна

Digitized by Google

оружейной палаты пятна желтыхъ колеблющихся огней, ряды суровыхъ бородатыхъ лицъ, вспыхивающій блескъ оружія, сухія головы лошадей. Во фронтѣ стояли стрѣлки, передъ которыми расхаживали унтеръ-офицеры, равняя ряды, дѣлая выговоры и замѣчанія. Позади виднѣлась небольшая группа верховыхъ латниковъ, съ поднятыми пиками и длинными значками, развѣвающимися на концѣ дубовыхъ древковъ. Впереди ихъ, на длину копья, виднѣлась на конѣ сухая долговязая фигура Симона Чернаго; его суровое, съ рѣзкими чертами лицо обрамлялъ стальной шлемъ, и надъ правымъ плечемъ развѣвался шолковый унтеръ-офицерскій значокъ. Близь горящихъ факеловъ толпились слуги замка, солдаты, составлявшіе гарнизонъ, и небольшая группа женщинъ, которыя рыдали, закрывшись передниками, и громко взывали къ святымъ угодникамъ, чтобы тѣ сохранили и защитили ихъ Вата, Вилля или Петэркина, уѣзжавшихъ на войну.

Молодой оруженосецъ смотрѣлъ на трогательную и воинственную сцену, когда вдругъ услышалъ позади легкій вздохъ: леди Модъ, прижавъ руки къ сердцу и прислонившись къ стѣнѣ, стояла блѣдная и прекрасная, какъ полураскрытая лилія. Она отвернулась, но по ея прерывистому дыханію Алланъ видѣлъ, что она плачетъ.

— Боже мой!—воскликнулъ онъ, потрясенный.—О чемъ же вы такъ печалитесь, леди?

— Объ этихъ мужественныхъ воинахъ,—отвѣчала она,—о томъ, что много ихъ идетъ, но мало возвратится. Я видала подобныя сцены, когда была еще ребенкомъ. Они собирались на дворѣ, точь въ точь какъ теперь, и миледи-матушка держала меня на рукахъ у этого самаго окна, чтобъ я тоже могла видѣть.

— Богъ дастъ, вы увидите ихъ снова, раньше, чѣмъ черезъ годъ,—сказалъ онъ.

Она покачала головой и обратила на него взоръ; щоки ея вспыхнули, глаза заблистали.—О, какъ я ненавижу себя за то, что я женщина!—вскричала она, топнувъ маленькой ножкой.—Я не могу быть ничѣмъ полезна. Я обязана сидѣть здѣсь, разговаривать, шить и прясть, прясть, шить и разговаривать! Вѣчно одно и то же, и нѣтъ конца этой скукѣ. А теперь и вы уйдете, и некому будетъ отвлечь мои мысли отъ этихъ сѣрыхъ

Digitized by Google

стѣнъ, отъ скучной прялки и пялецъ. Что могу я сдѣлать? Я также безполезна, какъ разбитый лукъ.

— Но для меня вы дороже всего въ мірѣ!—страстно воскликнулъ Алланъ.—Вы мое сердце, моя жизнь, моя первая и единственная мысль. О, Модъ! Я не могу жить безъ васъ, не могу васъ покинуть, не сказавъ вамъ ни слова. Все стало другимъ, съ тѣхъ поръ какъ я узналъ васъ. Я бѣденъ, неизвѣстенъ, недостоинъ васъ. Но если безграничная любовь можетъ перевѣсить все—то моя любовь должна сдѣлать это. Скажите мнѣ только одно слово надежды, я возьму его съ собой на память—только одно. О, вы дрожите, вы трепещете! Я испугалъ васъ своими дикими словами!

Она дважды открывала губы, но не могла произнести ни слова. Наконецъ она заговорила медленно и нерѣшительно:

— Это такъ неожиданно,—сказала она,—еще недавно вы были равнодушны къ міру. Вы перемѣнились однажды; это можетъ случиться и въ другой разъ.

— Жестокая!—вскричалъ онъ,—кто же заставилъ меня перемѣниться?

— Право, мнѣ думается,—продолжала она съ легкимъ смѣхомъ и не обращая вниманія на его вопросъ,—что это фамильное свойство Эдриксоновъ. Нѣтъ, простите: я не буду шутить. Но въ самомъ дѣлѣ, Алланъ, это слишкомъ внезапно, и я не знаю, что̀ вамъ сказать.

— Скажите мнѣ слово надежды, хоть самой отдаленной, какое нибудь ласковое слово, которое я могъ бы хранить въ своемъ сердцѣ.

— Нѣтъ, Алланъ, это была бы не ласка, а жестокость,—вы были слишкомъ добрымъ и вѣрнымъ другомъ для меня, чтобъ я обращалась съ вами такъ недостойно. Между нами не можетъ быть ничего общаго. Безуміе думать объ этомъ. Не говоря о другихъ препятствіяхъ, мой отецъ и вашъ братъ не захотятъ и слышать объ этомъ.

— Но какое дѣло до этого моему брату? А вашъ отецъ...

— Послушайте, Алланъ, не вы ли сами учили меня говорить правду всѣмъ и моему отцу?

— Да. Но вы не отказываете мнѣ, Модъ? Вы оставляете мнѣ нѣкоторую надежду? Я не прошу слова или обѣщанія. Скажите только, что я вамъ не противенъ, что когда нибудь вы заговорите со мной ласковѣе.

Digitized by Google

Ея взглядъ сталъ нѣжнѣе, ласковый отвѣтъ готовъ былъ сорваться съ ея губъ, но со двора замка донеслись громкіе клики, зазвенѣло оружіе, раздался топотъ и ржаніе боевыхъ коней. При этихъ звукахъ, лицо ея измѣнилось, глаза засверкали; она выпрямилась, щоки ея вспыхнули, голова откинулась назадъ; сердце воина билось въ этомъ юномъ тѣлѣ женщины.

— Мой отецъ уже тамъ!—вскричала она.—Ваше мѣсто возлѣ него! Нѣтъ, не смотрите на меня, Алланъ. Теперь не время для нѣжностей. Заслужите любовь моего отца, и тогда все будетъ возможно. Храбрый солдатъ долженъ, прежде всего, исполнить свой долгъ, и тогда уже требовать награды. Прощайте, и да хранитъ васъ Господь!—Она протянула ему тонкую бѣлую руку, и когда онъ, нагнувшись, поцѣловалъ ее, она исчезла, оставивъ ему тотъ самый зеленый вуаль, котораго такъ напрасно добивался бѣдный Петеръ Торлекъ.

Опять раздался внизу громкій кликъ, и Алланъ услышалъ, какъ заскрипѣла опускная рѣшетка. Прижавъ вуаль къ губамъ, онъ спряталъ его на груди подъ плащомъ, и поспѣшилъ надѣть оружіе и присоединиться къ отряду.

Туманное раннее утро наступило, прежде чѣмъ успѣли обнести кругомъ горячій, пряный эль и сказать послѣднее прости. Съ моря дулъ холодный, рѣзкій вѣтеръ, и разорванныя тучи быстро неслись по небу. На Авонскомъ мосту толпились горожане — женщины, кутаясь въ свои шали, мужчины, завернувшись въ плащи,—когда по извилистой дорогѣ, со стороны замка, показалась маленькая армія, и мѣрный шагъ ея гулко раздавался по замерзшей почвѣ. Сперва показался Симонъ Черный, со своимъ знаменемъ, сидѣвшій на могучемъ и, подобно своему всаднику, суровомъ и жилистомъ конѣ. Слѣдомъ за нимъ ѣхало девять копьеносцевъ, все бывалые солдаты, знавшіе равнины Пикардіи не хуже своего Гэмпшира. Они были вооружены копьями, мечами, палицами, и носили четырехъугольные щиты, зазубренные вверху, чтобы служить опорой для копья. На каждомъ была предохранительная куртка, сплетенная изъ кожаныхъ ремней, и снабженная на плечахъ, локтяхъ и верхней части рукъ стальными нашивками. Ножные латы и наколѣнники были также изъ кожи, подбитой сталью, а рукавицы и башмаки изъ желѣзныхъ пластинокъ, очень искусно соединенныхъ. Такъ ѣхали они черезъ авонскій мостъ,

Digitized by Google

при звонѣ оружія и стукѣ копытъ, между тѣмъ какъ бюргеры громкими криками привѣтствовали и знамя пяти красныхъ розъ и его храбрыхъ защитниковъ.

За ними слѣдовало сорокъ стрѣлковъ, бородатыхъ, рослыхъ, каждый съ круглымъ щитомъ на спинѣ и большимъ желтымъ лукомъ за плечами, этимъ смертоноснѣйшимъ оружіемъ, когда либо придуманнымъ человѣческою изобрѣтательностью. У каждаго на поясѣ висѣлъ мечъ или сѣкира, смотря по его выбору, а на правомъ боку—кожаный колчанъ. Позади стрѣлковъ ѣхали два трубача, играя на литаврахъ, и два барабанщика, въ пестрой одеждѣ. За ними двадцать семь вьючныхъ лошадей везли походныя палатки, холсты, запасное оружіе, шпоры, клинья, котелки для кушанья, лошадиныя подковы, мѣшки съ гвоздями, и множество различныхъ вещей, которыя опытъ научилъ считать необходимыми въ чуждой и осаждаемой странѣ. Слуга велъ подъ уздцы бѣлаго мула въ красной сбруѣ, навьюченнаго принадлежностями кухни сэра Найгиля. Затѣмъ слѣдовало опять сорокъ стрѣлковъ, десять копьеносцевъ и, наконецъ, арьергардъ изъ двадцати стрѣлковъ, съ большимъ Джономъ во фронтѣ и ветераномъ Эльвардомъ, маршировавшимъ сбоку, въ своихъ помятыхъ латахъ и выцвѣтшей курткѣ, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ бѣлоснѣжнымъ одѣяніемъ и блестящими латами его товарищей. Маршируя, воины обмѣнивались привѣтствіями, вопросами, грубыми шутками съ товарищами и глазѣвшею на нихъ толпою горожанъ.

— Эй, дѣдушка Гигчинсонъ! — закричалъ Эльвардъ, примѣтивъ солидную фигуру деревенскаго трактирщика.—Прости твое славное винцо, mon garçon! Мы его оставляемъ.

— Не правда, клянусь св. Павломъ! Вы берете его съ собою. Чорта съ два вы оставили въ большомъ бочонкѣ.

— Коли бочка опустѣла, значитъ мошна потолстѣла, дѣдушка!—воскликнулъ громогласно Джонъ Гордль. — Смотрите, чтобъ былъ добрый запасъ вина къ нашему возвращенію.

— Смотрите, чтобъ осталась цѣла ваша глотка, стрѣлокъ!—крикнулъ кто-то, и толпа захохотала при этой грубой остротѣ.

— Если вы ручаетесь за пиво, я ручаюсь за глотку, — отвѣтилъ Джонъ невозмутимо.

— Сомкнуть ряды!—крикнулъ Эльвардъ.—En avant, mes enfants! А! Клянусь всѣми суставами, это моя Мери, съ мо-

Digitized by Google

пастырской мельницы. Ma foi, но она прекрасна! Adieu, Мери, ma cherie! Mon coeur est toujours à toi. Поясъ потуже, Уаткинъ, и плечи держите выше, какъ подобаетъ исправному воину! Клянусь честью, ваши куртки скоро будутъ грязнѣе моей, если вы не перестанете глазѣть по сторонамъ!

Братство уже достигло поворота дороги, когда изъ воротъ показался сэръ Найгиль на своемъ Поммерѣ, сильномъ ворономъ ратномъ конѣ, копыта котораго громко застучали по деревянному подъемному мосту, и прокатилось гулкое эхо подъ сводами угрюмой арки. Сэръ Найгиль былъ по прежнему въ бархатномъ свѣтскомъ одѣяніи и плоскомъ бархатномъ комендантскомъ беретѣ, который былъ украшенъ страусовымъ перомъ съ золотымъ аграфомъ. На немъ не было никакого оружія, кромѣ длиннаго, тяжелаго меча, висѣвшаго на сѣдельной лукѣ. Но Торлекъ везъ передъ нимъ огромный шлемъ, украшенный гребнемъ виверны, Фордъ — тяжелое ясеневое копье, между тѣмъ какъ Аллану былъ порученъ гербовый щитъ. Леди Лоринъ ѣхала на своей лошади рядомъ съ мужемъ, потому что она хотѣла проводить его до опушки лѣса. По временамъ она обращала къ нему лицо и окидывала его задумчивымъ и заботливымъ взглядомъ.

— Кажется, ничего не забыто,—сказала она, дѣлая знакъ Аллану ѣхать возлѣ нея.—Я поручаю лорда вашимъ заботамъ, Эдриксонъ. Чулки, рубашки, исподніе кафтаны лежатъ въ темной корзинѣ, съ правой стороны мула. Въ холодную погоду милордъ пьетъ вино подогрѣтымъ. Слѣдите за тѣмъ, чтобы онъ тотчасъ же послѣ боя перемѣнялъ бѣлье и не оставался вспотѣвшимъ. Если старыя раны откроются въ непогоду,—въ ящичкѣ есть мазь изъ гусинаго жира. Смотрите, чтобъ не отсырѣли его одѣяла, и...

— Полно, мое сердце,—перебилъ маленькій рыцарь, — не думайте теперь о такихъ пустякахъ. Почему такъ блѣденъ Эдриксонъ? Развѣ видъ этого благороднаго братства, этихъ смѣлыхъ копьеносцевъ и рослыхъ стрѣлковъ не заставляетъ биться сердце мужа? Трудно было бы мнѣ угодить, еслибъ я не радовался, видя Красныя Розы, волнующіяся надъ головой такого благороднаго войска!

— Кошелекъ я вамъ уже отдала, Эдриксонъ,—продолжала миледи.—Въ немъ лежатъ двадцать три марки, одинъ ноблъ,

Digitized by Google

три шиллинга и четыре пенса, что̀ составляетъ очень солидную сумму для одного человѣка. И прошу васъ запомнить, Эдриксонъ, что у милорда двѣ пары башмаковъ: одна изъ красной кожи, для ежедневной носки, а другая, съ золотыми носками, которая надѣвается только въ торжественныхъ случаяхъ—при свиданіи съ принцемъ или Шандо.

— Пташка моя,—сказалъ сэръ Найгиль, — жаль разставаться съ вами, но мы теперь на опушкѣ лѣса и я не смѣю долѣе отвлекать правительницу замка отъ ея обязанностей.

— О, дорогой милордъ! — произнесла она дрожащими губами,—позвольте мнѣ проводить васъ еще немного, удѣлите мнѣ частицу того долгаго пути, который вы проѣдете въ одиночествѣ.

— Хорошо, моя радость,—отвѣтилъ сэръ Найгиль,—но за это возьму съ васъ взятку. У меня вошло въ обычай, дорогая, съ тѣхъ поръ какъ я узналъ васъ, объявлять черезъ глашатая въ каждомъ станѣ, городѣ или крѣпости, которые мнѣ случится проѣзжать, что моя леди есть, безъ всякаго сравненія, самая прекраснѣйшая и добрѣйшая во всемъ христіанскомъ мірѣ, и что я буду почитать для себя великой честью и удовольствіемъ, если какой нибудь кавалеръ пожелаетъ выступить противъ меня три раза съ поднятымъ копьемъ, чтобы заслужить расположеніе своей дамы, если онъ таковую имѣетъ, и отстоять ея честь. Поэтому, голубка, прошу васъ: подарите мнѣ одну изъ вашихъ перчатокъ, чтобъ я могъ носить ее, какъ знакъ расположенія той, которой я буду служить вѣчно.

— Прекраснѣйшая и добрѣйшая! — воскликнула она печально.—Я хотѣла бы сдѣлаться такой для васъ, дорогой милордъ, но увы! я стара и безобразна, и рыцари станутъ смѣяться, что вы подымаете копье за такую даму.

— Эдриксонъ! — началъ сэръ Найгиль, — у васъ молодые глаза, а мои немного ослабѣли. Если вы замѣтите, что какой нибудь рыцарь смѣется, улыбается, или даже только подымаетъ брови и шевелитъ губами, вообще какимъ нибудь образомъ выражаетъ удивленіе, что я желаю быть рыцаремъ леди Мери Лоринъ, постарайтесь хорошенько запомнить его имя, его доспѣхи и мѣсто его жительства. Вашу перчатку, любовь души моей!

Леди Мери сорвала съ руки желтую перчатку, и сэръ Най-

Digitized by Google

гиль, принявъ ее съ благоговѣйнымъ почтеніемъ, прикрѣпилъ ее спереди къ своему бархатному берету.

— Пусть она будетъ въ числѣ моихъ ангеловъ-хранителей,—замѣтилъ онъ, указывая на медали святыхъ, украшавшія его шляпу.—А теперь, моя безцѣнная, вы ѣхали уже довольно. Да хранитъ васъ Пречистая! Одинъ поцѣлуй!—Онъ нагнулся въ сѣдлѣ, потомъ выпрямился, ударилъ лошадь шпорами по бокамъ и поскакалъ во весь галопъ за своими людьми въ сопровожденіи трехъ оруженосцевъ. Черезъ полмили, тамъ, гдѣ дорога поднималась на холмъ, они оглянулись: леди Мери еще оставалась неподвижна на своей бѣлой лошади, тамъ, гдѣ они покинули ее. Черезъ мгновеніе они спустились съ холма, и леди скрылась изъ виду.

XIII.

Сэръ Найгиль ищетъ случая совершить подвигъ по пути.

Нѣсколько времени сэръ Найгиль казался печальнымъ и подавленнымъ; онъ ѣхалъ, насупивъ брови и уставивъ глаза на гриву лошади. Эдриксонъ и Торлекъ ѣхали позади не въ лучшемъ настроеніи, а Фордъ, беззаботный, легкомысленный юноша, подсмѣивался надъ меланхоліей товарищей и весело размахивалъ тяжелымъ мечемъ своего господина, то направо, то налѣво, какъ чаладинъ, отбивающійся отъ вражьей толпы. Если сэръ Найгиль случайно поворачивался въ сѣдлѣ, Фордъ, въ то же мгновеніе, становился такъ прямъ и неподвиженъ, какъ будто проглотилъ аршинъ. Всѣ четверо ѣхали одни, потому что отрядъ скрылся за поворотомъ дороги, хотя Алланъ различалъ тяжелые, мѣрные отголоски ихъ марша, а сквозь вѣтви обнаженныхъ деревьевъ по временамъ блистало оружіе.

— Поѣзжайте рядомъ со мной, друзья мои, прошу васъ,—сказалъ сэръ Найгиль, сдерживая коня, чтобъ оруженосцы могли съ нимъ поравняться.—Съ тѣхъ поръ какъ вы служите у меня, вамъ не лишнее узнать поближе, въ чемъ состоитъ эта служба. Не сомнѣваюсь, что вы, Торлекъ, окажетесь достойнымъ сыномъ вашего храбраго отца, а вы, Фордъ—вашего, и что вы, Эдриксонъ, напомните имя и главу древняго рода, отъ котораго происходите. А пока запомните хорошенько, что мы идемъ не за добычей и богатыми выкупами, хотя можетъ случиться, что

Digitized by Google

мы будемъ имѣть и то, и другое. Мы идемъ во Францію, и потомъ, вѣроятно, въ Испанію, идемъ за побѣдой и славой. Поэтому, считаю необходимымъ объяснить вамъ, что я не упущу ни одного случая отличиться. Я желаю, чтобъ вы не упускали этого изъ виду и дали мнѣ слово извѣщать меня о всякихъ турнирахъ, вызовахъ, безславныхъ поступкахъ и недостойномъ обращеніи съ дамами, за которое слѣдуетъ наказать. Иногда ничтожное происшествіе имѣетъ важныя послѣдствія. Какіе нибудь пустяки, въ родѣ паденія перчатки, оканчиваются благороднѣйшимъ рыцарскимъ состязаніемъ. Но скажите, Эдриксонъ, не обманываютъ ли меня глаза? Я вижу: черезъ эту рощицу ѣдетъ какой-то рыцарь.

— Да, это старый Гобъ Давидсонъ, милордъ,—замѣтилъ Фордъ, подымаясь на стременахъ и прикрывая глаза рукою,— толстый мильтонскій мельникъ!

— А, конечно, такъ!—сказалъ сэръ Найгиль, прищуриваясь.—Но не слѣдуетъ находить смѣшное въ турнирахъ рыцарей на большой дорогѣ, потому что нѣтъ ничего прекраснѣе такихъ случайныхъ встрѣчъ. Хорошо помню, какъ недалеко отъ города Реймса я повстрѣчалъ очень доблестнаго и вѣжливаго французскаго кавалера, съ которымъ имѣлъ достойнѣйшее состязаніе въ теченіе цѣлаго часа. Мнѣ всегда было жаль, что я не зналъ его имени: онъ замахнулся своей палицей и вступилъ въ бой тотчасъ же, такъ что я не имѣлъ времени для разспросовъ. Я имѣлъ еще подобный же случай, когда былъ раненъ въ плечо де-Монкуромъ, съ которымъ встрѣтился на большой дорогѣ, между Ливорно и Бордо. Я встрѣтилъ его только однажды, но ни къ кому не чувствовалъ бо́льшей любви и уваженія. Тоже самое и съ кавалеромъ Ле-Буржемъ, который навѣрное былъ бы храбрымъ полководцемъ, останься онъ въ живыхъ.

— Такъ онъ умеръ?—спросилъ Алланъ Эдриксонъ.

— Увы! злая судьба предназначила мнѣ убить его въ одномъ сраженіи. Не могу припомнить, какъ именно это произошло; въ то время принцъ проѣзжалъ черезъ Лангедокъ, и случались постоянныя стычки. Можетъ ли что быть почетнѣе схватки съ доблестнымъ рыцаремъ, который былъ полководцемъ арміи и видѣлъ осаду Норбонны и Монгискара? Я встрѣтилъ одного такого въ Вентадурѣ, и онъ схватывался со мной три раза, на разсвѣтѣ, въ честь своей леди.

Digitized by Google

— И вы убили его также, милордъ?—спросилъ Фордъ почтительно.

— Никогда не могъ узнать этого достовѣрно. Я сломалъ тогда себѣ ногу и не могъ ѣздить на лошади, и даже стоять на ногахъ. Однако, по волѣ небесъ и милости св. Георга, я уже въ скоромъ времени сидѣлъ на своемъ конѣ и могъ участвовать въ сраженіи. Но кто это здѣсь? Прелестная и благовоспитанная дѣвушка, если не ошибаюсь?

Это была высокая, дородная поселянка, съ корзиной шпината на головѣ и большимъ кускомъ копченаго мяса въ свободной рукѣ. Она испуганно сдѣлала реверансъ, когда сэръ Найгиль снялъ съ головы беретъ и придержалъ поводья.

— Богъ въ помощь, красавица!—сказалъ онъ.

— Богъ да хранитъ тебя, милордъ!—отвѣчала дѣвушка на западно-саксонскомъ языкѣ и въ смущеніи переминалась съ ноги на ногу.

— Не бойтесь, прекрасная дѣвица,—проговорилъ сэръ Найгиль,—и скажите мнѣ, не можетъ ли вамъ оказать услугу бѣдный и недостойнѣйшій рыцарь. Если кто нибудь оскорбилъ васъ, я могу наказать виновнаго.

— Никто, добрый сэръ,—отвѣчала она, крѣпче прижимая къ себѣ свою ношу, какъ будто въ рыцарскихъ словахъ милорда она заподозрила покушеніе на свою собственность.—Я живу скотницей у фермера Арнольда, а онъ такой добрый хозяинъ, какъ нельзя лучше пожелать.

— Это хорошо,—сказалъ сэръ Найгиль и, тронувъ поводья, поѣхалъ черезъ лѣсъ.—Я хотѣлъ показать вамъ,—продолжалъ онъ, обращаясь къ оруженосцамъ,—что рыцарская вѣжливость заключается не въ томъ, чтобы почитать только дѣвицъ высокаго происхожденія: для истиннаго рыцаря нѣтъ женщины настолько скромной, чтобъ онъ не выслушалъ ея жалобы и не пошелъ на ея защиту. Но къ намъ навстрѣчу ѣдетъ кавалеръ, несомнѣнно куда-то очень торопящійся. Намъ слѣдуетъ освѣдомиться, куда онъ ѣдетъ; весьма возможно, что онъ жаждетъ рыцарскаго подвига.

Дорога впереди нихъ, извиваясь, спускалась въ небольшую долину, потомъ взбѣгала на холмъ и терялась среди гигантскихъ сосенъ. Вдали, между темными стволами, сверкала сталь, какъ молнія, указывая движеніе войска. На сѣверѣ темнѣли

Digitized by Google

лѣса; на югѣ, между высокими песчаными холмами, свѣтилось холодное сѣрое море, а на далекомъ горизонтѣ виднѣлся парусъ галеры. Прямо, навстрѣчу воинамъ, подымался по склону холма всадникъ, нещадно погоняя лошадь шпорами и хлыстомъ. Когда онъ приблизился, Алланъ замѣтилъ, что рыжій конь былъ запыленъ и взмыленъ, какъ будто проскакалъ безъ отдыха нѣсколько миль. Всадникъ имѣлъ суровое лицо, острый взоръ; тяжелый мечъ позванивалъ сбоку, къ сѣдлу былъ привязанъ свертокъ, обернутый холстомъ.

— Королевскій посолъ!—закричалъ онъ, продолжая скакать во весь опоръ.—Посолъ королевскій! Дорогу королевскому послу!

— Потише, любезный!—замѣтилъ маленькій рыцарь, поворачивая лошадь и становясь ему поперекъ дороги.—Я былъ тридцать лѣтъ слугою короля, но никогда не кричалъ подобнымъ образомъ на большой дорогѣ.

— Я ѣду по королевскому приказу!—крикнулъ всадникъ.—Я везу королевскій пакетъ, и вы на свою голову загородили мнѣ дорогу!

— Но именемъ королевскихъ слугъ нерѣдко прикрываются королевскіе враги,—сказалъ сэръ Найгиль.—Вы должны чѣмъ нибудь доказать намъ, что не лжете.

— Тогда я пробью себѣ дорогу!—крикнулъ всадникъ и схватился за мечъ.—Я не позволю всякому бродягѣ останавливать королевскаго слугу!

— Еслибы вы были джентльменомъ въ гербѣ и латахъ, я съ удовольствіемъ продолжалъ бы нашу бесѣду,—проговорилъ сэръ Найгиль.—Въ противномъ случаѣ, меня могутъ замѣнить три достойнѣйшіе оруженосца. Каждый изъ нихъ будетъ готовъ принять все дѣло лично на себя и порѣшить его съ вами самымъ честнымъ образомъ.

Незнакомецъ окинулъ трехъ оруженосцевъ угрюмымъ взглядомъ и опустилъ руку.

— Вы спрашивали доказательства,—сказалъ онъ.—Вотъ оно!—если желаете.—Съ этими словами онъ сдернулъ холщевой покровъ, и присутствующіе увидѣли съ ужасомъ отрубленную человѣческую ногу.—Клянусь Богомъ!—продолжалъ онъ съ жестокимъ смѣхомъ.—Вы хотѣли знать, нѣтъ ли у меня гербовъ: пожалуй, что и есть, потому что я помощникъ дворцоваго лѣс-

Digitized by Google

ничаго въ Линдгурстѣ. Нога этого мошенника будетъ повѣшена въ Мильтонѣ, а другая уже болтается въ Брокенгёрстѣ, чтобы показать людямъ, чѣмъ кончается охота за королевской дичью.

— Тьфу!—вскричалъ сэръ Найгиль.—Переѣзжай на другую сторону дороги, и скорѣе долой съ нашихъ глазъ! Надо пустить лошадей, друзья мои, черезъ эту пріятную долину; потому что, клянусь Богородицей, послѣ такого зрѣлища необходимо подышать свѣжимъ воздухомъ.

— Думали встрѣтить сокола,—замѣтилъ онъ черезъ секунду—а попали на стервятника. Ма foi! есть люди, у которыхъ сердце грубѣе, чѣмъ шкура вепря. Я привыченъ къ войнѣ и видалъ всякіе ужасы, съ тѣхъ поръ какъ сталъ расти первый пухъ у меня на бородѣ, но никогда не былъ мясникомъ.

— И, однако, дорогой милордъ,—произнесъ Алланъ,—во Франціи, какъ я слышалъ, было совершено немало подобныхъ злодѣйствъ.

— Немало, немало,—согласился милордъ.—Но я всегда замѣчалъ, что только трусы бываютъ жестоки. Они избѣгаютъ опасностей, но когда путь расчищенъ руками героевъ, они лѣзутъ впередъ и, прикрываясь именемъ другихъ, совершаютъ жестокости. Но что это виднѣется среди деревьевъ?

— Часовня Пресвятой Богородицы,—отвѣчалъ Торлекъ,—а у дверей—слѣпой нищій, который живетъ милостыней прохожихъ.

— Часовня! — воскликнулъ рыцарь. — Мы здѣсь помолимся.—Обнаживъ голову и скрестивъ руки, онъ громко запѣлъ: «Benedictus dominus, deus meus, qui docet manus meas ad proelium, et digitos meos ad bellum». Странной казалась его маленькая фигура, сидящая на большомъ конѣ, съ глазами, обращенными къ зимнему солнцу, которое ярко сіяло на его лысинѣ.—Это молитва рыцарей,—замѣтилъ онъ, опять надѣвая беретъ.—Меня научилъ ей благородный рыцарь Шандо. Ну, какъ поживаете, дѣдушка? Жалѣю васъ, потому что и мои глаза плохи.

— Увы, добрый сэръ!—воскликнулъ слѣпой.—Я уже сорокъ лѣтъ не видалъ голубаго неба.

— Вы не видали много прекраснаго и добраго,—замѣтилъ сэръ Найгиль,—но зато не видали печальнаго и ужаснаго. Мы сейчасъ видѣли зрѣлище, которое заставило насъ содрогнуться,

Digitized by Google

а вы къ нему остались бы равнодушны. Но клянусь св. Павломъ! Намъ надо торопиться, или братство подумаетъ, что потеряло своего полководца еще раньше битвы. Бросьте старику мой кошелекъ, Эдриксонъ, и ѣдемъ.

Алланъ остался позади и, помня наставленія леди Лоринъ, рѣшилъ сократить королевскую милостыню рыцаря до размѣровъ одного пенни, который былъ принятъ слѣпцомъ со многими благословеніями и спрятанъ имъ въ суму. Тогда молодой оруженосецъ пришпорилъ коня и поспѣшилъ догнать товарищей, которые были уже на опушкѣ лѣса, тамъ, гдѣ начинается болото, и по обѣ стороны извилистой, глубоко-колейной дороги виднѣются разбросанныя хижины деревушки Гордль. Братство почти миновало селеніе, но когда рыцарь и кавалеры подъѣхали ближе, они услыхали звуки пронзительнаго женскаго голоса, на который стрѣлки отвѣчали раскатистымъ хохотомъ. Черезъ минуту они подъѣхали къ арьергарду, солдаты котораго маршировали, помирая со смѣху. Рядомъ съ ними шагалъ огромный рыжеволосый стрѣлокъ, сильно жестикулируя руками, между тѣмъ какъ слѣдомъ за нимъ бѣжала маленькая сморщенная старушонка, изрыгая цѣлые потоки визгливой брани, сопровождаемой полновѣсными ударами ея палки, которою она размахивала изо всѣхъ силъ, хотя эти удары также мало дѣйствовали на Джона, какъ на каменную глыбу.

— Надѣюсь, Эльвардъ,—сказалъ сэръ Найгиль строго,—что этой женщинѣ не сдѣлали ничего дурнаго. Если это случится, объявляю вамъ, что виновный будетъ повѣшенъ, даже если онъ самый прекраснѣйшій стрѣлокъ.

— Нѣтъ, милордъ,—отвѣчалъ Эльвардъ, ухмыляясь,—не женщина обижена, а мужчина. Онъ самъ родомъ изъ Гордля, и вотъ его старуха пришла съ нимъ повидаться.

— Негодный лѣнтяй!—визжала старуха, нанося удары за каждой передышкой.—Безстыжій огромный дылда! Я тебѣ покажу. Я изобью тебя палкой!

— Замолчи, мать,—промолвилъ Джонъ, не переставая идти и оглядываясь на нее искоса.—Я вѣдь и такъ иду во Францію, для того чтобы раздавать удары и самому получать ихъ.

— Во Францію?!—завопила престарѣлая дама.—Оставайся со мной и ты получишь ихъ гораздо больше! Коли ты ищешь колотушекъ, незачѣмъ идти дальше Гордля.

Digitized by Google

— Клянусь честью! добрая женщина права,—замѣтилъ Эльвардъ.—Во Франціи, пожалуй, не угостятъ его такъ славно.

— Ты что тамъ бормочешь, бритый каторжникъ?—закричала старуха, свирѣпо обращаясь къ Эльварду.—Развѣ вы не можете придержать свой болтливый языкъ, когда я разговариваю съ сыномъ? Называешься солдатомъ, а на бородѣ ни волоска. Видала я такихъ солдатъ, съ соскою во рту и свивальникомъ вмѣсто доспѣховъ.

— Держись крѣпче, Эльвардъ! — съ хохотомъ кричали стрѣлки.

— Не раздражай ее, камрадъ,—сказалъ большой Джонъ,—она еще сильная женщина для своихъ лѣтъ, и не выноситъ противорѣчій. Такъ славно чувствовать себя по домашнему, когда она кричитъ и бѣжитъ слѣдомъ за мною! Но, мать, намъ теперь лучше проститься: эта дорога становится тяжела для вашихъ ногъ, а я зато привезу вамъ шолковое платье изъ Франціи или Испаніи, и серебряный пенни для Джинни. Прощайте, и Богъ да хранитъ васъ!—Онъ приподнялъ маленькую старушку, осторожно поцѣловалъ ее и, поставивъ на землю, быстро занялъ свое мѣсто и продолжалъ маршировать среди всеобщаго хохота.

— Вотъ онъ всегда такой!—вскричала старушка, обращаясь къ сэру Найгилю, который придержалъ лошадь и слушалъ ее съ величайшей вѣжливостью.—Онъ идетъ себѣ своей дорогой, не смотря на всѣ мои усилія исправить его. Сперва онъ захотѣлъ идти въ монахи, потому что дѣвка была несовсѣмъ глупа и наклеила ему носъ. Теперь затесался въ толпу бродягъ и тащится на войну, а я на старости лѣтъ буду брошена безъ призора, такъ что некому ни огня засвѣтить, если онъ потухнетъ, ни корову загнать! А я, однако, была доброй матерью для него. По три палки въ день ломала я объ его плечи, а онъ, бывало, и ухомъ не ведетъ, какъ сегодня на вашихъ глазахъ.

— Будьте увѣрены, что онъ вернется къ вамъ невредимый и съ добычей,—промолвилъ сэръ Найгиль.—Очень сожалѣю, что уже отдалъ свой кошелекъ нищему на дорогѣ, и потому...

— Нѣтъ, милордъ,—вмѣшался Алланъ,—у меня еще осталось немного денегъ.

Digitized by Google

— Такъ отдайте ихъ, прошу васъ, этой превосходнѣйшей женщинѣ.—Съ этими словами онъ пустилъ коня галопомъ, между тѣмъ какъ Алланъ облегчилъ кошелекъ еще на два пенса и оставилъ старую даму стоящей у послѣдняго коттэджа Гордля и произносящей, на этотъ разъ, благословенія своимъ пронзительнымъ голосомъ.

По дорогѣ къ Лимингтонскому форту, они проѣхали два перекрестка, и сэръ Найгиль каждый разъ подымалъ коня на дыбы и начиналъ дѣлать скачки и пируэты, ожидая, что откуда нибудь появится достойный состязатель. Подобныя сраженія мимоѣздомъ сэръ Найгиль считалъ особенно пріятными, и въ молодости нерѣдко проводилъ цѣлыя недѣли на большой дорогѣ, состязаясь со всѣми проѣзжими рыцарями, во славу и честь своей леди. Но времена перемѣнились; лѣсные тракты, молчаливые и пустынные, извиваясь, убѣгали вдаль, нигдѣ не слышалось ржанія ратнаго коня или звона доспѣховъ, знаменующихъ приближеніе врага, и сэръ Найгиль ѣхалъ далѣе неутѣшный. Въ Лимингтонѣ они перешли рѣку въ бродъ и расположились на противоположномъ берегу, на лужайкѣ, завтракать хлѣбомъ и солониной. Потомъ, когда солнце еще стояло посреди неба, они быстро и весело тронулись въ дальнѣйшій путь.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога сворачиваетъ отъ Болдра къ рыбачьей деревушкѣ Питсъ-Дипъ, они опять подъѣхали къ перекрестку. По дорогѣ приближались навстрѣчу къ нимъ два человѣка, слѣдуя другъ за другомъ по пятамъ. Всадники невольно придержали коней, потому что болѣе странной пары имъ никогда не приходилось видѣть. Впереди шелъ безобразный, покрытый грязью, человѣкъ съ хитрымъ и свирѣпымъ взглядомъ и спутанными красными волосами. Онъ высоко держалъ надъ головой небольшое деревянное распятіе, какъ бы желая показать его всѣмъ. Казалось, онъ только что избѣжалъ смертельной опасности; лицо было искажено, члены дрожали, какъ въ лихорадкѣ. Слѣдомъ за нимъ и такъ близко, что задѣвалъ его пятки, шелъ суровый чернобородый незнакомецъ съ крѣпко сжатыми губами и угрюмымъ взглядомъ. Онъ несъ на плечѣ большую сучковатую палку, съ тремя зазубренными гвоздями на концѣ, и по временамъ замахивался ею, но не опускалъ, какъ бы съ трудомъ удерживаясь отъ искушенія

Digitized by Google

раскроить черепъ своему товарищу. Такъ продолжали они идти молча подъ тѣнью зеленыхъ вѣтвей, по тропинкѣ, заросшей травой.

— Клянусь св. Павломъ!—замѣтилъ рыцарь.—Вотъ необычайно странное зрѣлище! Эдриксонъ, прошу васъ подъѣхать къ нимъ и спросить, что̀ это значитъ.

Но въ это время странная пара приблизилась къ нимъ почти вплотную, и человѣкъ, державшій крестъ, опустился на траву близъ дороги, а другой сталъ возлѣ него и опять занесъ надъ его головой огромную палицу, не замѣчая рыцаря и его оруженосцевъ.

— Скажите, пожалуйста, любезный,—заговорилъ сэръ Найгиль,—кто вы такой, и почему вы такъ жестоко преслѣдуете этого человѣка?

— Пока я нахожусь подъ защитой короля, мнѣ нѣтъ надобности объяснять свои поступки каждому встрѣчному,—грубо отвѣчалъ незнакомецъ.

— Вы не сильны въ логикѣ, мой милый,—замѣтилъ сэръ Найгиль,—потому что, если вы можете подъ защитой короля грозить ему своей палицей, я, по тѣмъ же законнымъ причинамъ, имѣю право грозить вамъ мечемъ.

Въ тотъ же мигъ человѣкъ, сидѣвшій на землѣ, упалъ на колѣни, поднявъ надъ головой крестъ, и лицо его освѣтила надежда.—Спасите, милордъ, ради Христа!—закричалъ онъ.—У меня въ поясѣ лежитъ много денегъ, я отдамъ ихъ вамъ съ радостью, если только вы пронзите этого человѣка своимъ мечемъ.

— Что вы сказали, негодяй?—гнѣвно спросилъ сэръ Найгиль.—Вы осмѣлились думать, что рыцарь продаетъ свою руку, какъ торгашъ свой товаръ? Клянусь св. Павломъ! теперь я не сомнѣваюсь, что этотъ человѣкъ имѣетъ основательную причину васъ ненавидѣть.

— И вы не ошибаетесь, милордъ,—замѣтилъ обладатель палицы, между тѣмъ какъ его товарищъ опять безнадежно опустился на землю,—потому что этотъ человѣкъ—Петеръ Петерсонъ, знаменитый воръ, грабитель и убійца, который много лѣтъ разбойничалъ въ окрестностяхъ Винчестера. Недавно онъ убилъ моего младшаго брата Вилльяма въ Биръ-Форестѣ и за это—клянусь всѣми святыми!—я выпущу изъ него всю кровь, хотя бы мнѣ пришлось идти за нимъ на край свѣта!

Digitized by Google

— Но если все это правда, зачѣмъ же вы очутились съ нимъ здѣсь, въ этомъ далекомъ лѣсу?—спросилъ сэръ Найгиль.

— Потому что я честный англичанинъ и не хочу поступать противъ закона. Совершивъ убійство, низкій и подлый злодѣй спрятался въ церкви, подъ защитой св. креста. Я бросился за нимъ съ толпой народа, но пріоръ объявилъ, что, пока этотъ человѣкъ держитъ крестъ въ рукахъ, никто не смѣетъ его тронуть, подъ страхомъ церковнаго проклятія, отъ чего да хранитъ меня Господь! Но если онъ хоть на мгновеніе выпуститъ крестъ изъ своихъ рукъ, или откажется идти въ Питсъ-Дипъ, гдѣ ему приказано сѣсть на корабль и плыть въ изгнаніе; если онъ опоздаетъ къ первому кораблю, и если въ ожиданіи втораго не будетъ стоять каждый день въ водѣ по поясъ—тогда онъ будетъ считаться внѣ закона, и я вышибу мозгъ изъ его головы!

При этомъ человѣкъ, сидѣвшій на землѣ, зарычалъ, какъ звѣрь, а другой, стиснувъ зубы и потрясая палицей, бросилъ на него свирѣпый взглядъ. Рыцарь и оруженосцы взглянули на злодѣя и на мстителя, но такъ какъ они не имѣли права вмѣшиваться въ это дѣло, то и поѣхали своей дорогой. Алланъ оглянулся и увидѣлъ, что убійца вынулъ изъ дорожной сумки хлѣбъ и сыръ и молча принялся за ѣду, продолжая прижимать къ себѣ спасительный крестъ, между тѣмъ какъ другой человѣкъ, черный и угрюмый, стоялъ на дорогѣ, ярко озаренной солнцемъ.

XIV.

Желтый корабль выходитъ въ море изъ Липа.

Эту ночь братство провело въ Санъ-Леонардѣ, въ огромныхъ монастырскихъ житницахъ, мѣстѣ, хорошо знакомомъ Аллану, и находившемся почти въ виду аббатства Болье. Странное чувство охватило юношу, когда онъ увидѣлъ стользнакомыя бѣлыя одежды монаховъ и услышалъ мѣрный и глубокій звонъ вечерняго колокола. Утромъ они переправились на паромѣ черезъ широкую, лѣниво катившую свои волны, рѣку, и среди утренней прохлады направились далѣе, мимо Эксбери къ Липу. Поднявшись на холмъ, они внезапно увидѣли

Digitized by Google

передъ собой панораму стараго портоваго города—группы домовъ, струи голубаго дыма, лѣса мачтъ. Синія волны рядами подымались на желтый песчаный берегъ и, ударяясь, оставляли бѣлую пѣну. Невдалекѣ отъ пристани, лѣниво покачивались на водѣ парусныя суда. Далѣе виднѣлся большой купеческій корабль, окрашенный въ канареечно-желтый цвѣтъ и казавшійся великаномъ среди рыбачьихъ судовъ.

— Клянусь св. Павломъ!—сказалъ рыцарь,—добрый купецъ изъ Сутгамптона не обманулъ насъ: кажется, я различаю вонъ тамъ нашъ корабль. Купецъ говорилъ, что судно очень большое и окрашено въ желтый цвѣтъ.

— Клянусь честью, это правда!—произнесъ Эльвардъ,—желтый, какъ лапа коршуна, и вмѣститъ людей видимо-невидимо.

— Тѣмъ лучше,—замѣтилъ Торлекъ,—потому что, я думаю, дорогой милордъ, не одни мы жаждемъ переплыть въ Гасконію. Мои глаза примѣчаютъ какой-то подозрительный блескъ вонъ за тѣми домами, и, конечно, это не куртки моряковъ и горожанъ сверкаютъ подобнымъ образомъ.

— Я также замѣчаю это,—сказалъ Алланъ, затѣняя глаза рукою.—И могу различить воиновъ въ тѣхъ лодкахъ, между берегомъ и кораблемъ. Но, кажется, нашъ приходъ очень желателенъ: народъ привѣтствуетъ насъ.

Шумная толпа рыбаковъ, горожанъ и женщинъ приближалась къ нимъ отъ сѣверныхъ воротъ, махая имъ руками и прыгая отъ радости. Впереди ѣхалъ высокій и важный съ виду человѣкъ, съ длиннымъ подбородкомъ и отвислою губой. На немъ была мѣховая пелеринка, съ тяжелой золотой цѣпью поверхъ ея и медальономъ, который звенѣлъ на груди.

— Привѣтъ могущественному и благороднѣйшему лорду!—воскликнулъ онъ, снимая шляпу передъ Симономъ Чернымъ.—Я слыхалъ о доблестныхъ подвигахъ вашихъ, и они вполнѣ соотвѣтствуютъ наружности и манерамъ вашего сіятельства. Не могу ли оказать вамъ какой нибудь ничтожной услуги?

— Отчего же!—сказалъ копьеносецъ.—Коль скоро вы обращаетесь ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, я не прочь позаимствовать у васъ пару колечекъ изъ той цѣпи, что̀ виситъ у васъ на шеѣ.

— Какъ!! Моей цѣпи!!—вскричалъ тотъ въ ужасѣ.—Древней цѣпи города Липа! Это недостойная шутка, сэръ Найгиль.

Digitized by Google

— Такъ зачѣмъ же вы обращаетесь ко мнѣ?—спросилъ Симонъ.—Если желаете говорить съ сэромъ Найгилемъ, такъ вотъ онъ ѣдетъ на ворономъ конѣ.

Мэръ города Липа въ смущеніи глядѣлъ на кроткое лицо и хилую фигуру сэра Найгиля.

— Прошу прощенія, всемилостивѣйшій милордъ,—проговорилъ онъ.—Въ лицѣ моемъ вы видите мэра и главнаго магистрата стариннаго и могущественнаго города Липа. Привѣтствуемъ васъ отъ всего сердца, тѣмъ болѣе что вы являетесь въ такую минуту, когда мы нуждаемся въ защитѣ.

— А!—промолвилъ сэръ Найгиль, навостривъ уши.

— Да, милордъ, потому что городъ нашъ очень древній, и стѣны городскія тоже древней закладки. Между тѣмъ знаменитый, кровожадный норманскій пиратъ, по прозвищу Черная голова, вмѣстѣ съ генуэзцемъ Тито Караччи, извѣстнымъ подъ именемъ Бороды-лопатой, сдѣлались настоящимъ бичемъ для этого побережья. Это жестокіе, безсердечные злодѣи, милордъ, и если они приблизятся къ древнему и могущественному городу Липу, тогда...

— Тогда прощай древній и могущественный городъ Липъ,—закончилъ Фордъ, легкомысленный языкъ котораго не могло сдержать даже присутствіе сэра Найгиля.

Рыцарь, однако, такъ былъ занятъ разговоромъ, что не замѣтилъ дерзкой выходки своего оруженосца.—Имѣете вы какое нибудь основаніе думать, что эти люди нападутъ на васъ?—спросилъ онъ.

— Они приплыли на двухъ огромныхъ весельныхъ галерахъ, съ большимъ запасомъ военныхъ орудій и сильнымъ войскомъ. Они убивали и грабили въ Веймутѣ и Портлендѣ. Вчера они были въ Коузѣ, и мы видѣли дымъ горящихъ изгородей. Сегодня они стали близь Фрешватера, и мы дрожимъ, каждую минуту ожидая нападенія.

— Мы не можемъ терять времени,—сказалъ сэръ Найгиль, направляясь къ городскимъ воротамъ, между тѣмъ какъ мэръ ѣхалъ рядомъ съ нимъ съ лѣвой стороны.—Принцъ ожидаетъ насъ въ Бордо, и мы не должны отставать отъ арміи. Но обѣщаю вамъ, однако, что по пути мы завернемъ въ Фрешватеръ, и принудимъ этихъ разбойниковъ не безпокоить васъ болѣе.

— Много обязаны вамъ за это!—вскричалъ мэръ.—Но осмѣ-

Digitized by Google

люсь замѣтить, милордъ: для меня непонятно, какъ можете вы, не имѣя военнаго корабля, выступить противъ этихъ людей, между тѣмъ какъ съ вашими стрѣлками вы можете причинить имъ значительный вредъ, если они высадятся на берегъ.

— Тамъ, я вижу, славное судно. Всякій корабль, имѣя на палубѣ моихъ людей, становится военнымъ. Слѣдовательно, мы поступимъ такъ, какъ я говорю, и не позднѣе, какъ нынѣшній день.

— Милордъ,—заговорилъ грубый темнолицый человѣкъ, который шелъ по другую сторону рыцаря, склонивъ ухо такъ, чтобъ не проронить ни слова изъ его рѣчи,—съ вашего позволенія, замѣчу, что я нимало не сомнѣваюсь въ вашемъ искусствѣ по части сухопутныхъ сраженій и копья, но — клянусь моей душой!—море—это совсѣмъ особая статья! Я шкиперъ этого желтаго корабля, и мое имя Годвинъ Готэйнъ. Я плаваю съ тѣхъ поръ, какъ былъ не выше моей палки, и сражался съ норманами и генуэзцами, а также съ шотландцами, бретонцами, испанцами и маврами. По чести скажу вамъ, сэръ, корабль мой очень непроченъ и черезчуръ легокъ для такой работы, и кончится это тѣмъ, что намъ перерѣжутъ глотки или продадутъ насъ въ неволю варварамъ.

— Я также имѣлъ одну или двѣ серьезныя битвы на морѣ,—замѣтилъ сэръ Найгиль,—и радъ отъ души такому прекрасному случаю. Я увѣренъ, добрый шкиперъ, что мы съ вами отличимся въ этомъ дѣлѣ, и по всему видно, что вы сильный и мужественный человѣкъ.

— Мнѣ это не нравится,—заявилъ шкиперъ рѣшительнымъ тономъ.—Клянусь Богомъ, это мнѣ не по вкусу! Но, однако, Годвинъ Готэйнъ не такой человѣкъ, чтобъ отступать, когда другіе идутъ впередъ. Будь, что̀ будетъ, а я поверну таки корабельный носъ къ Фрешватерской бухтѣ, и если хозяину, доброму мастеру Витертону, не понравится мое поведеніе,—пусть ищетъ себѣ другаго шкипера.

Они были у старыхъ сѣверныхъ воротъ маленькаго городка, и Алланъ, повернувшись въ сѣдлѣ, оглянулся на пеструю толпу, слѣдовавшую за ними. Стрѣлки и копьеносцы, разомкнули свои ряды и смѣшались съ рыбаками и горожанами, смѣющіяся лица и привѣтливые жесты которыхъ доказывали, что желанное прибытіе воиновъ избавляло ихъ отъ большой

Digitized by Google

опасности. Кое-гдѣ, среди потока темныхъ куртокъ и бѣлыхъ мундировъ, пестрѣли алыя и голубыя пятна, и развѣвались женскія шали. По обѣимъ сторонамъ Аллана шли двѣ дѣвушки рыбачки, и онъ поперемѣнно наклонялся то къ той, то къ другой, между тѣмъ какъ Большой Джонъ, возвышаясь, какъ башня, въ арьергардѣ, несъ на плечѣ маленькую круглолицую дѣвушку, и ея нѣжная бѣлая ручка обвивала его сверкающій шлемъ. Потокъ продолжалъ двигаться до самыхъ воротъ, гдѣ явилось неожиданное препятствіе въ видѣ чрезвычайно тучнаго человѣка, который вылетѣлъ впередъ, какъ бомба, пылая отъ ярости, которая выражалась въ каждой чертѣ его краснаго лица.

— Что это значитъ, г-нъ мэръ?!—заревѣлъ онъ, какъ разъяренный быкъ.—Гдѣ же ракушки и устрицы?!

— Дорогой сэръ Оливеръ, клянусь Пречистой! мнѣ столько заботы съ этими подлыми пиратами, что я позабылъ обо всемъ.

— Толкуйте, толкуйте!—свирѣпо закричалъ толстякъ.—Меня не проведете словами. Говорю вамъ опять: гдѣ ракушки и устрицы?

— Дорогой сэръ, вы, право, меня смущаете!—нетерпѣливо отвѣчалъ мэръ.—Я человѣкъ смирный и не привыкъ, чтобъ на меня кричали подобнымъ образомъ изъ-за пустяковъ.

— Изъ-за пустяковъ!—завопилъ толстякъ.—Позвать меня къ своему столу, чтобы угостить вкуснымъ національнымъ кушаньемъ, а вмѣсто того я застаю пустую комнату и пустой столъ. Эй, гдѣ мой оруженосецъ!

— Полно, сэръ Оливеръ!—вскричалъ сэръ Найгиль со смѣхомъ.—Да утихнетъ вашъ гнѣвъ: вмѣсто вкуснаго блюда вы видите предъ собой стараго друга и товарища.

— Клянусь св. Мартиномъ Турскимъ! вѣдь это мой дорогой, маленькій, боевой пѣтушокъ временъ Гаронны! Ахъ, милый кузенъ, право же радъ васъ видѣть. Сколько пережили мы съ вами!

— Да, немало!—отозвался сэръ Найгиль, и глаза его блеснули.—Мы видали много смѣлыхъ воиновъ, и наши знамена не однажды развѣвались на благородномъ полѣ битвы. Клянусь св. Павломъ! Франція доставила намъ бездну радостей!

— И печалей также,—прибавилъ собесѣдникъ.—У меня немало грустныхъ воспоминаній объ этой странѣ. Помните вы, что произошло съ нами въ Ливорно?

Digitized by Google

— Нѣтъ, ничего не могу припомнить, кромѣ стычекъ и сраженій.

— О, человѣкъ, человѣкъ!—промолвилъ сэръ Оливеръ.—Вамъ только и мерещится, что битвы да сраженія. Неужели нѣтъ мѣста въ твоемъ сердцѣ болѣе нѣжнымъ радостямъ? О, даже и теперь, я не могу объ этомъ говорить равнодушно! Такой чудесный пирогъ, такіе вкусные голуби, а въ соусѣ—сахаръ вмѣсто соли! Вы были тогда со мной, а также сэръ Клодъ Латуръ и лордъ Поммеръ.

— Я помню это,—сказалъ серъ Найгиль, смѣясь,—и помню, какъ вы гонялись по улицѣ за поваромъ, и кричали, что сожжете трактиръ. Клянусь св. Павломъ, достопочтеннѣйшій мэръ! мой старый другъ—человѣкъ опасный, и я совѣтую вамъ покончить миролюбиво всѣ ваши счеты съ нимъ.

— Ракушки и устрицы будутъ готовы черезъ часъ,—отвѣчалъ мэръ.—Я просилъ сэра Оливера сдѣлать мнѣ честь, отвѣдать за моимъ столомъ блюдо, которое составляетъ нашу національную гордость, но эти пираты подняли такую тревогу, что я совсѣмъ потерялъ голову. Надѣюсь, сэръ Найгиль, что вы не откажетесь раздѣлить нашу трапезу?

— У меня страшно много дѣла,—отвѣчалъ сэръ Найгиль,—потому что всѣ мы—люди и лошади—должны какъ можно скорѣе сѣсть на корабль. Сколько у васъ людей, сэръ Оливеръ?

— Триста сорокъ. Сорокъ—всѣ пьяны, три сотни немного трезвѣе. Я уже посадилъ ихъ на корабль.

— Имъ слѣдуетъ поскорѣй отрезвиться, потому что я найду работу каждому изъ нихъ, еще до захода солнца. Я намѣренъ, если вы ничего не имѣете возразить, сдѣлать нападеніе на этихъ нормандскихъ и генуэзскихъ разбойниковъ.

— Они везутъ превосходную икру и самыя отборныя пряности на генуэзскихъ судахъ,—въ раздумьѣ промолвилъ сэръ Оливеръ.—Это дѣло можетъ принести громадную добычу. Пожалуйста, шкиперъ, какъ взойдете къ себѣ на палубу, зачерпните полный шлемъ холодной воды и вылейте на голову каждому изъ моихъ бездѣльниковъ.

Покинувъ тучнаго рыцаря и городскаго мэра, сэръ Найгиль повелъ своихъ людей прямо къ берегу, и легкія лодки быстро понесли ихъ къ кораблю. Одна за другой были под-

Digitized by Google

няты лошади на палубу и помѣщены въ заранѣе приготовленныя стойла. Въ тѣ времена, англичане были искусны и проворны въ подобныхъ вещахъ, и незадолго передъ этимъ, въ портѣ Орвеллѣ, король Эдуардъ успѣлъ посадить на корабли до пятидесяти тысячъ войска съ лошадьми и багажемъ, всего въ теченіе однихъ сутокъ. Сэръ Найгиль хлопоталъ на берегу, а шкиперъ Годвинъ на палубѣ, и, благодаря этому, едва успѣлъ сэръ Оливеръ проглотить послѣднюю устрицу, какъ зазвучала труба и загремѣли литавры, возвѣщавшія, что все кончено и готовятся снять якорь. Когда послѣдняя лодка отчалила отъ берега, въ ней сидѣли оба полководца, составлявшіе по внѣшности рѣзкій контрастъ. Когда они взошли на палубу, корабль распустилъ большой парусъ пурпуроваго цвѣта, посрединѣ котораго выдѣлялась золотая фигура св. Христофора, держащаго на плечѣ Младенца Христа. Повѣялъ вѣтеръ, паруса надулись и величавое судно понеслось впередъ, разрѣзывая голубыя волны, подъ звуки пѣсенъ, звучавшихъ съ кормы и при кликахъ толпы, которая черной бахрамой окаймляла песчаный берегъ. Налѣво зеленѣлъ изумрудный островъ Уайтъ съ его низкими, волнистыми холмами, выглядывающими одинъ за другимъ; направо, насколько могъ хватать глазъ, темнѣлъ лѣсистый гемпширскій берегъ; надъ головой сіяло голубое небо, ярко свѣтило зимнее солнце, но воздухъ былъ настолько морозенъ, что отъ дыханія поднимался паръ.

— Клянусь св. Павломъ! — весело заговорилъ сэръ Найгиль, который, стоя на кормѣ, любовался окружающимъ. — Вотъ страна, за которую стоитъ отдать жизнь, и, право, досадно идти во Францію за тѣмъ, что можно получить и дома. Вы не замѣтили никакого калѣки на берегу?

— Никого не замѣтилъ! — проворчалъ сэръ Оливеръ, — мнѣ не дали какъ слѣдуетъ проглотить послѣднюю устрицу и на столѣ остался непочатый кубокъ кипрскаго вина.

— Милордъ, я видѣлъ калѣку, — сказалъ Торлекъ, — онъ старикъ, одно плечо у него выше другаго.

— Это къ счастью, — замѣтилъ сэръ Найгиль. — Кромѣ того, намъ перешла дорогу женщина и пріестъ, значитъ все будетъ благополучно. Что скажете, Эдриксонъ?

— Не могу быть судьею въ этомъ вопросѣ, милордъ. Древніе римляне, впрочемъ, считались очень мудрымъ народомъ и,

Digitized by Google

однако же, вѣрили въ примѣты. То же самое встрѣчаемъ мы у грековъ и другихъ народовъ древности, прославленныхъ за свою ученость. Тѣмъ не менѣе и среди древнихъ находятся многіе, которые смѣются надъ подобными предзнаменованіями.

— Въ такихъ вещахъ нельзя сомнѣваться,— сказалъ сэръ Оливеръ.—Я отлично помню, какъ однажды въ Наваррѣ, при безоблачномъ небѣ, послышался громовой ударъ. Мы знали, что это предвѣщаетъ несчастье, которое и не заставило себя ждать; черезъ какихъ нибудь тринадцать дней, волки утащили, чуть не изъ моей палатки, заднюю ногу превосходнѣйшей дичины, и въ тотъ же злосчастный день прокисли двѣ фляжки стараго вина.

— Принесите сюда латы для меня, а также, пожалуйста, и для сэра Оливера,— сказалъ сэръ Найгиль своимъ оруженосцамъ,—мы надѣнемъ ихъ здѣсь. Послѣ этого вы можете заняться собою; я надѣюсь, что вашъ сегодняшній дебютъ на рыцарскомъ полѣ будетъ вполнѣ удаченъ, и вы покажете себя самыми достойными и храбрыми оруженосцами. А теперь, сэръ Оливеръ, займемся дѣломъ: желаете вы, чтобы я командовалъ, или возьмете эту обязанность на себя?

— Вы командуйте, мой пѣтушокъ, вы! Устраивайте все по своему вкусу.

— Если такъ, развертывайте свое знамя на передней части, а я на кормѣ. Для передоваго отряда я даю вамъ сорокъ человѣкъ вашихъ собственныхъ людей и четыре десятка стрѣлковъ. Еще сорокъ человѣкъ, съ моими копьеносцами и оруженосцами, будутъ служить прикрытіемъ кормы. Десять стрѣлковъ и тридцать матросовъ подъ надзоромъ шкипера будутъ отстаивать среднюю часть корабля, между тѣмъ какъ десять залягутъ наверху, съ камнями и арбалетами. Какъ вы находите этотъ планъ?

— Хорошій, клянусь душой, хорошій планъ. Но вотъ несутъ мои доспѣхи, и мнѣ предстоитъ немалая работа, потому что я не могу уже влѣзать въ нихъ съ такой легкостью, какъ прежде, когда я впервые показалъ носъ на ратномъ полѣ.

Между тѣмъ, во всѣхъ частяхъ огромнаго корабля поднялась суматоха и начались приготовленія. Стрѣлки стояли группами на палубѣ, осматривая свои луки и пробуя ихъ упругость. Между ними двигался Эльвардъ и другіе испытанные солдаты, дѣлая шопотомъ замѣчанія и давая совѣты.

*

Digitized by Google

— Держитесь крѣпче, мои золотые,—говорилъ испытанный стрѣлокъ, переходя отъ одной кучки къ другой.—Клянусь честью! намъ везетъ счастье на этотъ разъ. Вотъ и готово: шлемъ на головѣ, наручникъ на лѣвой рукѣ, перчатка на правой, и въ поясѣ воску на фартингъ — болѣе ничего не требуется воину.

— Не мѣшало бы еще привѣсить къ поясу на четыре фартинга вина,—замѣтилъ Джонъ Гордль.

— Сперва дѣло, потомъ вино, mon камрадъ. Но теперь время строиться, потому что я, кажется, различаю между скалами непріятельскія галеры. Гьоветъ! Кукъ! Джонсонъ! Кунингэмъ! ваши люди будутъ на кормѣ. Торнбёри! Вальтеръ! Гакеттъ! Бэддльсмиръ! вы съ сэромъ Оливеромъ станете на передней части. Вы, Симонъ, возьмете знамя своего лорда. Десять человѣкъ должны выступить!

Спокойно и быстро заняли люди свои мѣста на палубѣ, ложась плашмя, лицомъ внизъ, какъ приказывалъ сэръ Найгиль. На носу корабля было поставлено копье сэра Оливера, съ его знаменемъ—красная голова медвѣдя на золотомъ полѣ. Возлѣ него развѣвалось знамя сэра Найгиля. Посреди корабля собрались сутгамптонскіе моряки, дюжіе бородачи, безъ куртокъ, съ туго перетянутыми поясами, съ мечами, молотками и сѣкирами въ рукахъ. Ихъ вождь, шкиперъ Годвинъ, стоялъ на кормѣ, разговаривая съ сэромъ Найгилемъ, и по временамъ бросалъ взглядъ на раздувающіеся паруса и оглядывался на двухъ моряковъ, державшихъ румпель.

— Запомните,— говорилъ сэръ Найгиль,— что ни одинъ человѣкъ не долженъ браться за оружіе или натягивать лукъ, пока не затрубитъ мой трубачъ. Надо сдѣлать видъ, что нашъ корабль—торговое судно изъ Сутгамптона, команда и пассажиры котораго стараются убѣжать отъ пиратовъ.

— Мы сейчасъ ихъ увидимъ,—сказалъ шкиперъ.—Что! не говорилъ ли я? Они тамъ, водяныя змѣи, во Фрешватерской бухтѣ. Видите, вонъ въ той сторонѣ, клубы дыма? Это они побывали тамъ. Это ихъ дьявольская работа! Видите, какъ ихъ лодки отчаливаютъ отъ берега. Они примѣтили насъ и зовутъ своихъ людей на бортъ. Смотрите, какъ они копошатся на палубѣ, словно муравьи! У нихъ манеры опытныхъ моряковъ. Милордъ, я убѣжденъ, что мы взяли на себя слишкомъ много.

Digitized by Google

Каждый изъ ихъ кораблей представляетъ собою укрѣпленное судно, огромныхъ размѣровъ и самой быстроходной конструкціи.

— Хотѣлъ бы я имѣть ваши глаза! — сказалъ сэръ Найгиль, прищуриваясь на галеры пиратовъ. — Онѣ кажутся вполнѣ галантными кораблями, и я ожидаю немало удовольствія отъ этой стычки. Не имѣете вы, по счастью, какого нибудь священника или монаха на кораблѣ, мастеръ Готэйнъ?

— Нѣтъ, милордъ.

— Впрочемъ, это не важно для братства; они всѣ исповѣдались и причастились, передъ тѣмъ какъ мы покинули замокъ Твайнгэмъ, и отецъ Христоферъ увѣрилъ меня, что они могутъ теперь попасть на небо также легко, какъ въ Гасконію. Но меня сильно безпокоятъ винчестерскіе люди, которые идутъ съ сэромъ Оливеромъ; они кажутся очень ненадежной толпой. Прикажите людямъ стать на колѣни, и пусть унтеръ-офицеры прочтутъ имъ Отче Нашъ, Богородицу и Вѣрую.

Звеня оружіемъ, опустились на колѣни грубые стрѣлки и матросы, склонивъ головы, скрестивъ на груди руки, и слушали чтеніе молитвъ. Настала странная тишина. Плескъ воды, шелестъ паруса, скрипъ мачты, внезапно стали громкими и явственными. Многіе стрѣлки вынимали амулеты и ладонки, бережно хранимые на груди, и всѣ эти вещицы переходили по рядамъ колѣнопреклоненныхъ, гдѣ каждый спѣшилъ поцѣловать ихъ и прикоснуться къ святынѣ.

Желтый корабль вышелъ теперь изъ тѣсной бухты и шелъ по открытому каналу. Дулъ свѣжій восточный вѣтеръ, большой парусъ надувался, и корабль быстро скользилъ по волнамъ, глубоко врѣзываясь крѣпкими боками въ голубую воду и обдавая палубу клочьями бѣлой пѣны. Налѣво темнѣли двѣ галеры, которыя уже подняли паруса и выходили изъ Фрешватерской бухты, работая изо всѣхъ силъ двойнымъ рядомъ своихъ веселъ. Немыслимо было какому бы то ни было судну спастись отъ этихъ быстролетныхъ галеръ.

— Повернуть, милордъ, или держаться прежняго направленія? — спросилъ шкиперъ, бросая тревожные взгляды назадъ.

— Нѣтъ, мы будемъ держаться прежняго направленія, и разыгрывать роль безпомощныхъ купцовъ.

— Но ваши знамена? Они доказываютъ, что съ нами ѣдутъ два рыцаря.

Digitized by Google

— Для рыцаря унизительно опускать свое знамя. Пусть они думаютъ, что мы веземъ вино въ Гасконію или шерсть изъ Стэпля. Ma foi! Но какъ они проворны! Они летятъ на насъ, какъ два ястреба на цаплю. Не видно никакого символа или девиза на ихъ парусахъ?

— На правомъ парусѣ, кажется, изображена голова эфіопа,— сказалъ Эдриксонъ.

— Это значокъ нормандца, Черной головы! — закричалъ шкиперъ. —Я видалъ его прежде, когда онъ гнался за нами въ Винчельси. Это огромнаго роста силачъ, безжалостный ко всѣмъ. Говорятъ, у него сила шестерыхъ людей, и столько же преступленій на его черной душѣ. Посмотрите на этихъ несчастныхъ, которые качаются на реяхъ!

Дѣйствительно, на каждой реѣ висѣла темная фигура и, при малѣйшемъ толчкѣ судна, раскачивалась изъ стороны въ сторону.

— Клянусь св. Павломъ и помощью нашего св. Георга, что не пройдетъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ этотъ черноголовый повиснетъ точно также на реѣ! — воскликнулъ сэръ Найгиль.—Но что это такое на другой галерѣ?

— Красный генуэзскій крестъ. Этотъ Борода-лопатой—очень искусный капитанъ и хвалится тѣмъ, что во всемъ мірѣ не найдется такихъ матросовъ и стрѣлковъ, которые могутъ сравниться съ подданными дожа Бокканегра,— отвѣчалъ шкиперъ, и добавилъ:—пожалуй, мы докажемъ, что онъ правъ, но все же не мѣшаетъ намъ поднять забрала и щиты, чтобы прикрыться отъ его стрѣлъ.—Онъ громкимъ голосомъ отдалъ приказанія, и вся его команда молча и проворно принялась за работу. По приказанію сэра Найгиля, были принесены на палубу три корабельныхъ якоря и прикрѣплены къ мачтѣ, съ канатомъ между ними, въ двадцать футовъ длины, и каждый якорь оставленъ подъ охраной четырехъ матросовъ. Тутъ же были поставлены восемь человѣкъ съ кожаными мѣхами, наполненными водой, чтобы тушить огненныя стрѣлы, если онѣ залетятъ на палубу, между тѣмъ какъ другіе расположились на реяхъ и приготовились метать камни или стрѣлы—смотря по необходимости.

— Принесите имъ все, что̀ есть вѣскаго и тяжелаго на кораблѣ,—сказалъ сэръ Найгиль.

— Тогда пошлемъ къ нимъ сэра Оливера, — замѣтилъ Фордъ.

Digitized by Google

Рыцарь такъ посмотрѣлъ на него, что улыбка застыла на губахъ юноши.

— Не слѣдъ моему оруженосцу смѣяться надъ заслуженнымъ рыцаремъ,—сказалъ сэръ Найгиль.—Но, впрочемъ,—прибавилъ онъ, и глаза его стали мягче,—я знаю, что это только рѣзвость мальчика, и не имѣетъ въ себѣ злаго умысла. Тѣмъ не менѣе я буду чувствовать себя виноватымъ передъ вашимъ отцомъ, если не научу васъ сдерживать свой игривый языкъ.

— Они хотятъ налечь на насъ съ обоихъ бортовъ!—вскричалъ шкиперъ.— Смотрите, какъ они разъединились. У нормандца на передней части стоитъ метательный снарядъ.

— Эльвардъ!—крикнулъ рыцарь,—позовите трехъ самыхъ меткихъ стрѣлковъ, но только чтобы съ галеръ не замѣтили этого; мнѣ кажется, они теперь на разстояніи стрѣлы.

— Триста сорокъ шаговъ,—сказалъ стрѣлокъ, измѣряя глазомъ разстояніе.—Клянусь моими суставами! на такомъ разстояніи стыдно не попасть. Гей, Уаткинъ! Арнольдъ! Вилльямсъ! Покажемъ злодѣямъ, что они имѣютъ дѣло съ англійскими стрѣлками.

Три названные стрѣлка уже стояли на кормѣ, широко разставивъ ноги и натянувъ луки.—Вы цѣлите вѣрнѣе, Уаткинъ,—сказалъ Эльвардъ, становясь между ними.—Возьмите себѣ того мошенника, въ красномъ колпакѣ. А вы двое свалите этого человѣка, въ шлемѣ; я буду наготовѣ и поддержу васъ въ случаѣ промаха. Пускайте стрѣлы, mes garçons, или будетъ поздно.

Толпа пиратовъ отодвинулась отъ огромнаго метательнаго снаряда и возлѣ него остались только два человѣка. Одинъ въ красной шапкѣ наклонился къ орудію, укрѣпляя зазубренный камень на длинномъ ложкообразномъ деревянномъ рычагѣ. Другой держалъ веревочную петлю, посредствомъ которой сообщаютъ брошенной тяжести вращательное движеніе. Они, на мгновеніе, оставались въ этой позѣ, рѣзко и ясно обрисовываясь на фонѣ бѣлаго паруса. Потомъ тотъ, что былъ въ красной шапкѣ, вдругъ повалился на орудіе, пронзенный стрѣлою между реберъ, а его товарищъ, которому одна стрѣла попала въ ногу, а другая впилась въ горло, упалъ на землю, корчась въ судорогахъ. Падая, онъ выпустилъ веревку, и огромный рычагъ закружился съ ужасающей силой, и такъ высоко

Digitized by Google

подбросилъ растерзанное тѣло убитаго, что оно перелетѣло на англійскій корабль и ударило стоявшихъ на кормѣ, а камень упалъ въ воду на половинѣ разстоянія. Среди стрѣлковъ, при этомъ, раздались веселые крики и громкій смѣхъ, на который пираты отвѣтили ревомъ ярости.

— Ложитесь ничкомъ, mes enfants!—кричалъ Эльвардъ.— Они становятся умнѣе; несутъ щиты и шлемы. Надо беречь намъ свои уши отъ камней.

XV.

Желтый корабль побѣждаетъ двѣ разбойничьи галеры.

Всѣ три судна продолжали быстро двигаться на западъ, и англійскій корабль все еще шелъ впереди, хотя непріятель понемногу настигалъ его съ обѣихъ сторонъ. Налѣво, на безоблачной линіи горизонта, не бѣлѣло ни одного паруса. Островъ казался теперь далекимъ облакомъ. Направо, впереди, виднѣлся Санъ-Альбанъ-Гидъ, и въ туманной дали рисовался Портлендъ. Алланъ стоялъ у румпеля и глядѣлъ назадъ. Свѣжій зимній вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо, пощипывая кожу и развѣвая подъ шлемомъ золотистыя кудри. Щоки его были красны и глаза блистали, потому что кровь воинственныхъ саксонскихъ предковъ начинала бурлить въ его жилахъ.

— Что это?—спросилъ онъ, когда мимо его уха пронесся какъ бы чей-то свистящій рѣзкій шопотъ. Рулевой улыбнулся и ногою указалъ ему то мѣсто, гдѣ короткая тяжелая стрѣла еще трепетала, вонзившись въ досчатый полъ. Въ тотъ же самый моментъ, одинъ изъ людей склонился на колѣно и бездыханный простерся на палубѣ, а между плечъ у него торчала окровавленная стрѣла. Когда Алланъ наклонился поднять его, ему казалось, что весь воздухъ наполненъ жужжаніемъ и трепетомъ стрѣлъ, и онѣ падали на палубу безпрерывно, съ глухимъ стукомъ, какъ зрѣлые плоды.

— Еще двухъ на корму!—спокойно произнесъ сэръ Найгиль.

— И одного къ рулю!—закричалъ шкиперъ.

— Бейтесь съ ними, Эльвардъ, при помощи вашихъ людей,—продолжалъ рыцарь,—а десять стрѣлковъ изъ отряда сэра Оливера должны заняться генуэзцами. Я не хочу показать имъ съ первой минуты, насколько мы для нихъ опасны.

Digitized by Google

Десять искусныхъ стрѣлковъ выстроились, подъ командой Эльварда, въ линію, на широкой палубѣ, и для молодыхъ оруженосцевъ, еще не извѣдавшихъ войны, было поучительнымъ зрѣлищемъ видѣть, какъ спокойно стояли эти старые солдаты, какъ быстро отдавалась команда, и еще быстрѣе исполнялась этими людьми, которые всѣ двигались, какъ одинъ человѣкъ. Ихъ товарищи, лежавшіе за укрѣпленіями, посылали по ихъ адресу грубыя, веселыя шутки, отрывистыя критическія замѣчанія и совѣты. «Выше, Ватъ, выше»! «Напирай сильнѣе тѣломъ, Вилль»! «Не забудь про вѣтеръ, Галь»! И надъ этимъ хоромъ проносились вверху стрѣлы со свистомъ и жужжаніемъ, слышались отрывистые крики команды.

Теперь на каждой галерѣ дѣйствовалъ катапультъ, но такъ искусно прикрытый и защищенный, что лишь въ моментъ выстрѣла можно было угадать, гдѣ онъ помѣщался. Огромный камень съ генуэзской галеры просвистѣлъ надъ ихъ головой и съ плескомъ погрузился въ воду. Другой, отъ нормандцевъ, ударился о палубу, раздробилъ спину лошади и перескочилъ черезъ бортъ. Слѣдующіе два прилетѣли вмѣстѣ, пробили св. Христофора, изображеннаго на парусѣ, и свалили трехъ копьеносцевъ изъ людей сэра Оливера, защищавшихъ среднюю часть корабля. Шкиперъ взглянулъ на рыцаря съ тревогой.

— Они держатся отъ насъ въ отдаленіи,—сказалъ онъ.— Наши стрѣлки превосходны, и пираты боятся подойти ближе. Чѣмъ мы защитимся противъ камней?

— Мнѣ кажется, я могу съиграть съ ними ловкую штуку,— весело отвѣтилъ рыцарь и отдалъ приказаніе стрѣлкамъ. Тотчасъ же пятеро изъ нихъ вскинули руки къ верху и растянулись, какъ мертвые, на палубѣ. Одинъ изъ нихъ былъ дѣйствительно сраженъ стрѣлой, и только четверо упали притворно.

— Это придастъ имъ смѣлости,—сказалъ сэръ Найгиль, слѣдя за галерами, которыя двигались съ разныхъ сторонъ, медленными размѣренными взмахами своихъ огромныхъ веселъ, съ шумомъ и пѣной поднимавшихъ воду.

— Они все еще держатся вдали!—закричалъ шкиперъ.

— Такъ пусть упадутъ и два остальные!—воскликнулъ полководецъ.—Это подѣйствуетъ. Ma foi! Они попались на нашу приманку, какъ птица въ клѣтку. Къ оружію! Знамя позади меня, вокругъ знамени оруженосцы! Становитесь съ якорями

Digitized by Google

посрединѣ, и будьте наготовѣ. Теперь затрубите въ трубы, и благословеніе Господне да будетъ съ честными воинами!

Въ это время, съ обѣихъ галеръ донеслись громкіе крики барабанный бой, и вода зашумѣла подъ быстрыми ударами веселъ. Онѣ приближались, одна справа, другая слѣва, усѣянныя черными фигурами, сверкавшія оружіемъ. Тѣсными кучками толпились люди на передней части галеръ, каждую минуту готовясь броситься на добычу. Здѣсь были лица бѣлыя, коричневыя, желтыя и черныя, были смуглые итальянцы, свирѣпые левантинскіе разбойники, пылкіе мавры, люди всѣхъ странъ и оттѣнковъ, связанные между собой лишь дикими, кровожадными инстинктами. Работая веслами, они издавали ужасный вой и ревъ при видѣ безпомощнаго корабля.

Но эти крики сдѣлались еще пронзительнѣе и ужаснѣе, когда изъ подъ тѣни молчаливыхъ бастіоновъ поднялись линіи англійскихъ стрѣлковъ, и быстрыя стрѣлы зажужжали и замелькали вокругъ, и стали сыпаться, какъ смертоносный градъ, на обезумѣвшую, неприготовленную толпу пиратовъ. Съ высокихъ боковъ корабля стрѣлки могли пускать стрѣлы сверху внизъ, и разстояніе было такъ близко, что стрѣлы пронизывали латы и щиты, хотя эти послѣдніе были изъ твердаго, въ дюймъ толщиною, дерева. Алланъ видѣлъ, какъ на палубѣ галеръ въ смятеніи кидались люди во всѣ стороны, видѣлъ множество фигуръ, движущихся рукъ, возбужденныхъ лицъ. Черезъ мгновеніе, это была лишь груда окровавленныхъ тѣлъ; они валились другъ на друга рядами; живые прятались подъ мертвыми, трепеща передъ этимъ ужасающимъ порывомъ смертоноснаго урагана. Между тѣмъ матросы, назначенные сэромъ Найгилемъ, зацѣпили якорями борты галеръ, и всѣ три судна, сомкнутыя желѣзнымъ объятіемъ, тяжело покачивались на волнахъ.

И тогда началась кровавая сѣча, о которой не говоритъ ни одинъ лѣтописецъ и не воспѣваетъ ни одинъ поэтъ. Въ теченіе многихъ столѣтій, по всему южному побережью, умирали безвѣстные герои, на безвѣстномъ полѣ битвы, и единственный ихъ памятникъ—тихій, спокойный берегъ и страна, которую болѣе не разоряютъ варвары.

Стрѣлки проворно очищали съ высоты корабля непріятельскія галеры, но каждый разъ, съ обѣихъ сторонъ, стекались новыя скопища пиратовъ къ серединѣ галеръ, гдѣ они смѣ-

Digitized by Google

шивались со стрѣлками и матросами, товарищи которыхъ поэтому не могли послать имъ на помощь свои стрѣлы, боясь поранить своихъ. Это былъ дикій хаосъ, въ которомъ сѣкиры и мечи подымались и опускались, гдѣ англичанинъ, нормандецъ и итальянецъ боролись и падали, спотыкаясь о тѣла убитыхъ, скользя по доскамъ, покрытымъ густою кровью. Стукъ поражающихъ мечей, стоны раненыхъ, короткіе, глухіе крики островитянъ, свирѣпое гиканье пиратовъ,—все это сливалось въ одинъ адскій оглушительный вой, между тѣмъ какъ прерывистое дыханіе людей превращалось въ паръ на морозномъ воздухѣ и казалось дымомъ огромнаго очага. Великанъ Черная голова, закованный съ ногъ до головы въ латы, велъ свою команду, размахивая огромной дубиной, которой онъ пришибалъ каждаго, кто осмѣливался приблизиться къ нему. На другой галерѣ, Борода-лопатой, карликъ по росту, но замѣчательный по ширинѣ плечъ и длинѣ рукъ, почти отрѣзалъ путь къ мачтѣ, со своими шестидесятью генуэзскими копьеносцами. Между этихъ двухъ огней матросы постепенно сжимались все тѣснѣе и тѣснѣе, пока наконецъ были прижаты къ самой мачтѣ, между двухъ линій свирѣпаго врага.

Но помощь была близка. Къ нимъ спѣшилъ сэръ Оливеръ со своими копьеносцами, между тѣмъ какъ сэръ Найгиль, въ сопровожденіи оруженосцевъ, Симона Чернаго, Эльварда, Джона Гордля и двадцати людей, кинулся съ кормы въ самый пылъ сраженія. Алланъ, какъ требовалъ его долгъ, не спускалъ глазъ со своего господина и слѣдовалъ за нимъ по пятамъ. Часто слышалъ онъ объ умѣньѣ сэра Найгиля владѣть всякимъ рыцарскимъ оружіемъ, но его дѣйствительное искусство и спокойствіе превышали всѣ эти разсказы. Казалось, самъ дьяволъ сидитъ въ немъ; онъ леталъ, какъ птица, и появлялся всюду, коля, рубя, подхватывая удары щитомъ, возвращая ихъ лезвіемъ, уклоняясь отъ размаха сѣкиры, прыгая черезъ поднятые мечи съ такимъ проворствомъ и ловкостью, что врагъ не успѣвалъ слѣдить за его движеніями. Онъ свалилъ трехъ пиратовъ, ранилъ въ шею Бороду-лопатой, когда вдругъ норманскій гигантъ прыгнулъ на него сбоку и занесъ надъ нимъ свою страшную палицу. Сэръ Найгиль наклонился, чтобы избѣжать удара, отражая въ то же время нападеніе генуэзскаго солдата, но, поскользнувшись ногой въ лужѣ крови, тяжело

Digitized by Google

упалъ на землю. Алланъ кинулся на пирата, но подъ могучимъ ударомъ палицы мечъ его сломался, и самъ онъ былъ поверженъ на землю. Однако, прежде чѣмъ пиратъ успѣлъ снова замахнуться палицей, желѣзные пальцы Джона сдавили ему руку, и онъ, первый разъ въ жизни, почувствовалъ, что попалъ въ руки человѣка болѣе сильнаго, чѣмъ онъ самъ. Онъ свирѣпо боролся, силясь высвободить оружіе, но Джонъ продолжалъ медленно отгибать его руку назадъ, пока она не затрещала, какъ сломанное древко, и палица не выпала изъ обезсиленныхъ пальцевъ. Тщетно пытался онъ освободиться: врагъ продолжалъ гнуть его назадъ, пока съ ревомъ ярости и боли гигантъ не растянулся во весь ростъ на полу, а ножъ, блеснувшій передъ его забраломъ, не заставилъ его лежать неподвижно, ожидая скораго конца.

Устрашенные потерей своего вождя, нормандцы отступили, и устремились теперь, черезъ бастіоны, къ своей галерѣ безпорядочной толпой. Но якорь продолжалъ держать ихъ въ своей когтистой лапѣ, и слѣдомъ гнался сэръ Оливеръ съ пятидесятью людьми. Стало просторнѣе на кораблѣ, и стрѣлки могли опять натягивать лукъ, а сверху начали метать камни, и они падали съ грохотомъ среди бѣгущихъ злодѣевъ. Они бѣжали съ дикими криками и проклятіями, прятались за паруса и реи, забивались въ углы, какъ кролики, испуганные хорькомъ, и такіе же безпомощные и жалкіе. Для нихъ настали черные дни: если честный солдатъ, не имѣя денегъ на выкупъ, долженъ умереть, то какого же милосердія могутъ ожидать морскіе разбойники, враги всѣхъ беззащитныхъ, взятые на мѣстѣ преступленія, и съ поличнымъ въ видѣ несчастныхъ повѣшенныхъ, которые болтались на реяхъ воровскихъ галеръ?

Но на другой галерѣ сраженіе приняло новый и странный оборотъ. Борода-лопатой и его люди медленно отступали, сильно тѣснимые сэромъ Найгилемъ, Эльвардомъ, Симономъ Чернымъ и отрядомъ, защищавшимъ корму. Итальянецъ отступалъ шагъ за шагомъ; его доспѣхи были залиты кровью, щитъ раскололся, голосъ былъ хриплый и прерывался отъ усталости. Но онъ съ неустрашимой храбростью встрѣчалъ врага лицомъ къ лицу, устремлялся впередъ, нанося удары, дѣлалъ скачки назадъ, и его твердая рука имѣла необычайное

Digitized by Google

проворство и силу. Отброшенный къ палубѣ своего судна и преслѣдуемый англичанами, онъ ловко увернулся отъ нихъ, быстро сбѣжалъ съ палубы, прыгнулъ на корабль, перерѣзалъ веревку, державшую якорь, и черезъ секунду былъ опять на галерѣ, среди своихъ арбалетчиковъ. Въ то же время генуэзскіе матросы уперлись своими веслами въ корабельный бокъ и пространство между обѣими судами стало быстро расширяться.

— Клянусь св. Георгомъ, мы отрѣзаны отъ сэра Найгиля!— закричалъ Фордъ.

— Онъ погибъ!—произнесъ Торлекъ задыхающимся голосомъ.—Попробуемъ перепрыгнуть!—Оба юноши сдѣлали отчаянный прыжокъ, и Форду удалось схватиться руками за канатъ и перекинуться на палубу. Торлекъ упалъ подъ весла и затертый ими былъ унесенъ теченіемъ. Алланъ, шатаясь, подошелъ къ борту и готовъ былъ кинуться за Торлекомъ, но Джонъ Гордль оттащилъ его за поясъ.

— Вы еле на ногахъ держитесь, куда же вамъ прыгать,— сказалъ онъ.—Смотрите, какъ бѣжитъ кровь изъ подъ вашего шлема.

— Мое мѣсто у знамени!—воскликнулъ Алланъ, стараясь вырваться.

— Стой здѣсь! Безъ крыльевъ теперь не догнать сэра Найгиля.

Дѣйствительно, галера настолько отодвинулась отъ корабля, что гребцы могли налегать на весла всей силой, и судно быстро удалялось.

— Боже мой, какъ они славно дерутся!—закричалъ Джонъ Гордль, хлопая въ ладоши.—Они очистили корму и теперь перескочили на середину. Славно, милордъ! Отлично, Эльвардъ! Посмотрите на Симона Чернаго, какъ онъ бушуетъ среди матросовъ! Но, однако, этотъ Борода-лопатой—храбрый воинъ. Онъ собираетъ своихъ людей на бакъ. Онъ убилъ стрѣлка! А! милордъ кидается на него! смотрите, Алланъ! Смотрите, какъ они схватились.

— Сэръ Найгиль падаетъ, клянусь небомъ!— вскричалъ оруженосецъ.

— Поднялся!—заоралъ Джонъ.—Это была уловка. Онъ отбиваетъ его назадъ. Гонитъ къ борту! О, Пресвятая Богородица! онъ поразилъ его мечомъ. Они сдаются. Падаетъ Красный Крестъ, и Симонъ подымаетъ Алыя Розы!

Digitized by Google

Смерть генуэзскаго вождя, дѣйствительно, положила конецъ сраженію. При громкихъ привѣтственныхъ кликахъ съ корабля, на галерѣ заволновалось раздвоенное знамя сэра Найгиля, и судно, сдѣлавъ поворотъ, возвратилось къ кораблю, по приказанію побѣдителя.

Оба рыцаря взошли на корабль, якоря были сняты, и всѣ три судна могли плыть рядомъ.

— Къ сожалѣнію, нашъ корабль сильно поврежденъ,—сказалъ шкиперъ.—Въ боку большая трещина, и не знаю, что̀ я скажу мастеру Витертону, когда возвращусь домой.

— Клянусь св. Павломъ! досадно будетъ, если вы пострадаете за сегодняшнюю работу,—сказалъ сэръ Найгиль.—Вы должны взять съ собой эти галеры, и мастеръ Витерторнъ можетъ ихъ продать. Изъ вырученныхъ денегъ онъ часть употребитъ на починку, а остальныя сохранитъ до нашего возвращенія, когда мы подѣлимъ добычу по̀ровну. Я обѣщалъ поставить въ часовню Богородицы серебряный образъ, въ пятьнадцать дюймовъ высоты, потому что милосердію Пречистой Дѣвы обязанъ я тѣмъ, что повстрѣчалъ этого сильнаго и доблестнаго воина, генуэзскаго вождя. Но что̀ съ вами, Эдриксонъ?

— Ничего, милордъ,—отвѣчалъ Алланъ, который теперь снялъ свой шлемъ, разбитый ударомъ нормандца. Но едва онъ проговорилъ эти слова, какъ голова его закружилась, и онъ упалъ на палубу, а изъ его рта и носа ручьемъ хлынула кровь.

— Онъ скоро очнется,—сказалъ рыцарь, наклоняясь къ юношѣ и проводя пальцами по его кудрямъ.—Я уже потерялъ сегодня одного храбраго и славнаго оруженосца, и не хочу потерять другаго. Сколько убитыхъ?

— Я сдѣлалъ зарубки для памяти,—отвѣчалъ Эльвардъ.—Семь винчестерцевъ, одиннадцать матросовъ, вашъ оруженосецъ, молодой мастеръ Торлекъ, и девять стрѣлковъ.

— А непріятель?

— Они всѣ убиты, за исключеніемъ нормандскаго рыцаря, который стоитъ позади васъ. Что съ нимъ дѣлать?

— Онъ будетъ повѣшенъ на реѣ его судна. Это былъ мой обѣтъ, и онъ долженъ быть исполненъ.

Черная-голова стоялъ у бастіоновъ, со связанными руками,

Digitized by Google

подъ охраной двухъ сильныхъ стрѣлковъ. При словахъ сэра Найгиля онъ дико затрепеталъ и его смуглыя черты покрыла мертвенная блѣдность.

— Какъ, сэръ рыцарь!—закричалъ онъ ломанымъ англійскимъ языкомъ.—Повѣсить!? Повѣсить, какъ собаку!?

— Это мой обѣтъ,—сказалъ сэръ Найгиль коротко.—Кажется, вы не особенно задумывались, вѣшая другихъ.

— Крестьянъ, подлыхъ холоповъ! Они достойны такой смерти. Но я—сеньоръ, въ моихъ жилахъ течетъ королевская кровь!

Сэръ Найгиль отвернулся, и два матроса накинули петлю на шею пирату. Но едва онъ почувствовалъ прикосновеніе веревки, какъ съ трескомъ разорвалъ путы, связывавшія его, отшвырнулъ одного стрѣлка въ сторону и, схвативъ другаго за талію, исчезъ съ нимъ въ волнахъ.

— Клянусь честью, онъ ушелъ!—закричалъ Эльвардъ, кидаясь къ борту.—Они пошли ко дну, словно два камня.

— Я радъ этому, — сказалъ сэръ Найгиль. — Потому что хотя обѣтъ мой и не исполненъ, но я долженъ сознаться, что этотъ человѣкъ велъ себя, какъ настоящій рыцарь.

XVI.

Желтый корабль переплываетъ пороги Жиронды.

Въ теченіе двухъ дней судно быстро шло впередъ, гонимое сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, и на зарѣ третьяго дня открылась возвышенная страна Уэссанъ, лежавшая подобно туману на свѣтящейся линіи горизонта. Къ полудню вѣтеръ утихъ и пошелъ сильный дождь, но къ вечеру опять засвѣжѣло, и шкиперъ Годвинъ, измѣнивъ направленіе, сталъ держаться къ югу. На слѣдующій день они миновали Прекрасный островъ и встрѣтили множество транспортныхъ судовъ, возвращавшихся изъ Гвіаны. Тотчасъ же сэръ Найгиль и сэръ Оливеръ выставили свои щиты на борту и развернули знамена, какъ было принято, съ жаднымъ любопытствомъ разглядывая отвѣтные символы, и стараясь угадать имена рыцарей, которые по причинѣ болѣзни или ранъ покидали принца въ такое критическое время.

Digitized by Google

Къ вечеру съ запада стала надвигаться грозная туча, а шкиперъ Годвинъ былъ встревоженъ, потому что треть его команды была перебита, а половина остальныхъ работала на галерахъ, и его поврежденный корабль не могъ выдержать приближающейся бури. Всю ночь дулъ рѣзкій порывистый вѣтеръ и вода обдавала бастіоны. Поутру Алланъ, очень больной и слабый, еще чувствуя звонъ въ ушахъ отъ полученнаго удара, выбрался на палубу. Свободная, омытая волнами, палуба казалась гораздо привлекательнѣе ужасныхъ темныхъ чулановъ, замѣнявшихъ каюты. Прислонившись къ мачтѣ, онъ глядѣлъ на длинныя линіи черныхъ волнъ, съ бѣлыми пѣнистыми хребтами, двигавшіяся безпрерывно, одна за другою, съ востока. Огромная туча висѣла на горизонтѣ. Налѣво, подъ туманнымъ покровомъ, смутно рисовались очертанія земли. Франція! Это имя звучало, какъ призывный колоколъ, въ ушахъ молодаго англичанина. Франція, политая кровью его предковъ, колыбель рыцарства и доблестныхъ подвиговъ, страна героевъ, прекрасныхъ женщинъ, пышныхъ дворцовъ, очагъ мудрости, изящества и благочестія! Онъ прижалъ къ своимъ губамъ смятый вуаль и далъ обѣтъ заслужить храбростью любимую дѣвушку или умереть. Его мысли унеслись къ минстидскому лѣсу и старой оружейной палатѣ, когда суровый голосъ шкипера возвратилъ его къ дѣйствительности.

— Клянусь честью, сэръ,—сказалъ онъ угрюмо, — у васъ лицо такое унылое, какъ у чорта, когда его собираются помазать муромъ. Да оно и понятно: я сталъ плавать съ тѣхъ поръ, какъ былъ не больше вашего меча, а такой дьявольской ночи еще не запомню.

— Нѣтъ, я думаю совсѣмъ о другомъ, — отвѣчалъ оруженосецъ.

— Каждый думаетъ о своемъ, — сердито крикнулъ шкиперъ.—Предоставьте это дѣло моряку. Шкиперъ знаетъ свое дѣло. Пусть управляется съ этимъ, какъ знаетъ, добрый мастеръ Годвинъ! Никогда мнѣ не было такой непріятности, съ тѣхъ поръ какъ я впервые вышелъ въ море!

— Что случилось?—спросилъ Алланъ, удивленный сердитымъ тономъ шкипера.

— Что случилось! У меня осталась только половина матросовъ, и трещина въ кораблѣ отъ этихъ проклятыхъ камней!

Digitized by Google

Что я буду дѣлать? Мы такъ нахлебаемся морской воды, что станемъ похожи на свѣже-просольныхъ сельдей въ бочонкѣ.

— А что сказалъ вамъ на это сэръ Найгиль?

— Онъ сидитъ внизу и разбираетъ старые доспѣхи своего дѣда. «Не надоѣдайте мнѣ съ такими пустяками»! —вотъ все, что онъ сказалъ мнѣ. Я пошелъ къ сэру Оливеру. «Поджарьте въ маслѣ, по гасконски», — пробурчалъ онъ и сталъ бранить меня за то, что я не держу повара на кораблѣ. Я пошелъ къ стрѣлкамъ, но и на тѣхъ надежда плоха.

— Они отказались помочь вамъ?

— Да. Всѣ они—Эльвардъ, рыжій великанъ, который сломалъ руку нормандцу, Симонъ Черный и другіе—собрались въ кружокъ и бросали кости. «Господа»,—сказалъ я имъ,—«нашъ корабль совсѣмъ отказывается служить». «Это твое дѣло, старый боровъ»! крикнулъ Симонъ. «Le diable t'emporte»! проворчалъ Эльвардъ.—«Пять и четыре»!—заоралъ великанъ во всю мочь.—Подите къ нимъ, молодой сэръ, и вы увидите, что я говорю правду.

Въ это время съ бака донеслись гнѣвныя восклицанія, проклятія и веселый смѣхъ играющихъ.

— Не могу ли я помочь вамъ?—спросилъ Алланъ.—Скажите только слово, и все будетъ сдѣлано, что только могутъ сдѣлать двѣ человѣческія руки.

— Нѣтъ, нѣтъ!—ваша голова еще слаба, и не будь крѣпкаго шлема, вамъ и не сносить бы ее вовсе. Все сдѣлано, что возможно: мы заткнули отверстіе парусами и укрѣпили канатами изнутри и снаружи. Однако намъ угрожаетъ опасность. А! слава св. Христофору! Здѣсь сэръ Найгиль.

— Прошу у тебя извиненія,—сказалъ сэръ Найгиль шкиперу, пробираясь вдоль бастіоновъ.—Я не имѣлъ намѣренія оскорбить такого достойнаго человѣка, но просто былъ занятъ однимъ вопросомъ, относительно котораго, Алланъ, я былъ бы радъ выслушать ваше мнѣніе. Дѣло идетъ о доспѣхахъ моего дяди, сэра Джона Лейтона... Но что съ вами, шкиперъ?

— Худо, милордъ. Не знаю, какъ быть съ кораблемъ.

— Позовите скорѣй сэра Оливера!—сказалъ сэръ Найгиль, но въ это время почтенный рыцарь появился самъ на палубѣ, едва не падая на скользкомъ полу.

— Клянусь моей душой, шкиперъ, это наконецъ нестер-

Digitized by Google

пимо!—закричалъ онъ съ гнѣвомъ.—Если вашему кораблю пришла охота дергаться и плясать, какъ клоуну, то помѣстите меня на галеру. Я только что усѣлся въ обычный часъ за фляжку мальвазіи и кусокъ свинины, когда вдругъ началась дикая качка и вино пролилось мнѣ на колѣни, а жаркое попало за воротникъ. Но вы посылали за мной, сэръ Найгиль?

— Да, сэръ Оливеръ, мнѣ надо съ вами посовѣтоваться. Мастеръ Годвинъ боится, что, когда мы станемъ поворачивать, вода хлынетъ въ отверстіе.

— Такъ не надо поворачивать,—поспѣшно отвѣтилъ сэръ Оливеръ.—А теперь, милѣйшій, я поспѣшу назадъ и взгляну, что̀ дѣлается съ моей свининой.

— Но это невозможно!—вскричалъ шкиперъ. — Если мы не свернемъ, то разобьемся о скалы.

— Такъ поворачивайте!—сказалъ сэръ Оливеръ.—Это мой совѣтъ, и затѣмъ, сэръ Найгиль, я попрошу...

Но въ это время съ бака донеслись тревожные крики матросовъ. «Скалы»!—вопили они, указывая впередъ пальцами.—«Скалы у самаго корабля»! На разстояніи ста шаговъ, изъ темныхъ сердитыхъ валовъ подымалась зубчатая, угрюмая, каменная громада.

— Живѣй, живѣй!—кричалъ шкиперъ, бросаясь къ рулю.—Натягивайте. Ставь два курса къ вѣтру!

Судно трепетало и содрогалось.

— Оно еле движется!—сказалъ шкиперъ, постоянно перебѣгая глазами отъ паруса къ водѣ. — Да поможетъ намъ св. Юліанъ, и трижды святой Христоферъ!

— Въ виду такой опасности, сэръ Оливеръ,—проговорилъ сэръ Найгиль,—рыцарямъ необходимо выставить свое знамя. Прошу васъ, Эдриксонъ, распорядитесь!

— И пусть затрубятъ трубачи!—вскричалъ сэръ Оливеръ.—«In manus tuas, Domine»! Mon Dieu, какъ ревутъ волны! Ну, что, мастеръ шкиперъ?

— Поворачиваемъ! поворачиваемъ!—кричалъ Годвинъ, все не спуская глазъ съ воды. — О, Святая Заступница, помоги намъ!

И вслѣдъ за этимъ судно медленно обогнуло рифъ, касаясь бокомъ его камней, которые срѣзали длинную кудрявую стружку отъ кормы до середины палубы. Затѣмъ судно стало прямо,

Digitized by Google

паруса развернулись, и при громкихъ крикахъ матросовъ и стрѣлковъ оно двинулось по волнамъ.

— Слава Пречистой!—сказалъ шкиперъ, вытирая лобъ.— Непремѣнно поставлю свѣчу, если возвращусь благополучно въ Сутгамптонъ. Смѣлѣй, голубчики!

— Клянусь моей душой, я не хотѣлъ бы умереть мокрымъ, какъ губка, — замѣтилъ сэръ Оливеръ, — хоть я, впрочемъ, съѣлъ столько рыбы на своемъ вѣку, что было бы вполнѣ справедливо, еслибъ онѣ, въ свою очередь, съѣли меня. Ну, теперь я могу возвратиться въ каюту, гдѣ меня ожидаютъ нѣкоторыя дѣла.

— Нѣтъ, сэръ Оливеръ, лучше оставайтесь здѣсь и разверните свое знамя,—возразилъ сэръ Найгиль.—Насколько понимаю дѣло, мы изъ одной опасности попали въ другую.

— Мастеръ Годвинъ! — закричалъ, подбѣгая, боцманъ. — Сильная течь! Вода размыла парусъ, которымъ законопачена трещина.—Въ это время матросы бросились на корму и бакъ, спасаясь отъ воды, которая лилась черезъ огромное отверстіе. Заглушая ревъ вѣтра и шумъ моря, пронзительно ржали испуганные кони, при видѣ воды, которая быстро заливала ихъ.

— Заткните скорѣй!—кричалъ шкиперъ, схватывая конецъ мокраго паруса, которымъ была законопачена щель.—Скорѣй, родимые, или мы погибли!

Быстро, съ помощью каната и паруса, забили отверстіе снаружи, чтобы оно могло сдержать напоръ воды, но ея уже набралось много; судно сильно погрузилось въ воду, и она заливала бастіоны.

— Едва ли мы выдержимъ это направленіе!—кричалъ Годвинъ.—А если повернемъ, то налетимъ на скалы.

— Не снять ли паруса и выждать перемѣны? — спросилъ сэръ Найгиль.

— Нѣтъ, насъ тогда понесетъ на скалы. Тридцать лѣтъ служу на морѣ, а еще не видалъ ничего подобнаго! Но все въ рукахъ святыхъ.—Шкиперъ взглянулъ по направленію галеръ съ задумчивымъ видомъ. — Еслибы онѣ были ближе, мы могли бы спастись, даже если корабль пойдетъ ко дну. Вы будете моими свидѣтелями передъ мастеромъ Витингтономъ, что я сдѣлалъ, чего можно требовать отъ моряка. А теперь, сэръ Найгиль, не худо бы вамъ снять свою мантію и доспѣхи,

*

Digitized by Google

потому что, клянусь распятіемъ, намъ слѣдуетъ спасаться вплавь!

— Нѣтъ,—возразилъ маленькій рыцарь;—кавалеру не пристало снимать свои доспѣхи ради такихъ пустяковъ. Я хочу лучше, чтобы мое братство собралось вокругъ меня на кормѣ, и мы дружно перенесемъ всякое испытаніе, ниспосланное намъ Создателемъ.

Шкиперъ, прикрывъ глаза рукой, внимательно всматривался въ туманъ. Вдругъ онъ вскричалъ радостно:

— Это мысъ Трамблядъ! Я и не думалъ, что мы отплыли такъ далеко. Жиронда передъ нами, и если только удастся подойти къ Туръ-де-Кордонъ — мы спасены. Поворачивай снова!

Поврежденный, отяжелѣвшій корабль повернулся и взялъ новое теченіе.

— Тутъ есть проливъ, который мнѣ показывалъ шкиперъ принца. Прикажите вашимъ людямъ лечь!—закричалъ Годвинъ, принимаясь за руль и зорко глядя впередъ.—Черезъ нѣсколько минутъ мы или погибнемъ, или будемъ спасены.

Стрѣлки и матросы лежали на палубѣ, въ молчаніи ожидая своей гибели. Годвинъ всей тяжестью налегъ на руль, стараясь изъ подъ паруса глядѣть впередъ. Сэръ Оливеръ и сэръ Найгиль стояли на кормѣ, выпрямившись и скрестивъ руки на груди. Медленно подвигалось огромное судно по узкому каналу, ведущему къ безопасной пристани. Но его направлялъ вѣрный глазъ и твердая рука. Корабль заскрипѣлъ и задрожалъ, зашумѣли кругомъ волны, онъ сдѣлалъ скачекъ и поплылъ по широкому и спокойному устью Жиронды.

XVII.

Сэръ Найгиль, по обѣту, закрываетъ одинъ глазъ.

Въ пятницу утромъ, 22 ноября, за два дня до праздника св. Андрея, корабль и двѣ плѣненныя галеры, послѣ утомительнаго плаванія по Жирондѣ и Гароннѣ, бросили, наконецъ, якорь въ благородномъ городѣ Бордо. Алланъ, склонившись на бастіоны, глядѣлъ, изумленный и восхищенный, на цѣлую флотилію судовъ, скользившихъ по лону широкаго извилистаго пролива, и на сѣрый, въ видѣ полумѣсяца, городъ, съ его башнями и минаретами, лежавшій на западномъ берегу. Никогда

Digitized by Google

не видалъ онъ такого большаго города, и во всей Англіи, за исключеніемъ Лондона, не было ему равнаго по величинѣ и богатству. Буря утихла теперь, и легкій вѣтерокъ приносилъ къ нему протяжные звуки трубы съ древнихъ укрѣпленій.

— Ну, mon petit!—сказалъ Эльвардъ, подходя къ нему.—Вы теперь оруженосецъ и скоро добудете себѣ золотыя шпоры, между тѣмъ какъ я только стрѣлковый старшина и такимъ останусь навѣки. Теперь я уже не осмѣлюсь говорить съ вами такъ свободно, какъ тогда, когда мы шли по товарищески въ замокъ Твайнгэмъ, или предложить свои услуги быть вашимъ проводникомъ по Бордо, который знаю, какъ свои пять пальцевъ.

— Нѣтъ, Эльвардъ,—отвѣчалъ Алланъ, положивъ руку на плечо стараго воина,—вы не должны считать меня такимъ низкимъ; я не забуду стараго друга только потому, что судьба послала мнѣ нѣкоторый успѣхъ. Право, нехорошо, съ вашей стороны, думать такъ обо мнѣ.

— Ну, хорошо, mon garçon. Это была только проба, чтобы узнать, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ, хотя, конечно, я скотина, за то что сомнѣвался въ васъ.

— Ахъ, Эльвардъ! не повстрѣчайся я съ вами въ линдгерстскомъ трактирѣ, кто знаетъ, гдѣ былъ бы я теперь? Тогда я не пошелъ бы въ Твайнгэмъ, не сдѣлался оруженосцемъ сэра Найгиля, не увидалъ...—Онъ внезапно остановился и покраснѣлъ до самыхъ волосъ, но воинъ былъ такъ погруженъ въ свои мысли, что не замѣтилъ смущенія юноши.

— Славный трактиръ, этотъ «Пестрый Мерлинъ»,— отозвался Эльвардъ.—Когда я повѣшу на гвоздь свой лукъ, и доспѣхи замѣню плащемъ, пожалуй, недурно будетъ взять себѣ и хозяйку, и отель.

— Мнѣ казалось, что вы были помолвлены съ какой-то дѣвушкой въ Кристчёрчѣ?

— Съ тремя,—угрюмо отвѣчалъ Эльвардъ,—съ тремя! Но боюсь, что мнѣ не придется быть снова въ Кристчёрчѣ. Замѣчаете вы эту высокую башню съ широкимъ знаменемъ на вершинѣ? Видите, какъ сверкаетъ солнце на золотыхъ львахъ? Это королевское знамя Англіи, водруженное принцемъ. Онъ тамъ живетъ, въ аббатствѣ св. Андрея, который считается патрономъ этого города.

— А какая это сѣрая башня налѣво?

Digitized by Google

— Это храмъ Сенъ-Мишеля, а направо—Санъ-Реми.

— А почему это изъ города слышится постоянная музыка, какъ будто множество оркестровъ сливаются вмѣстѣ?

— Потому что въ городѣ много важныхъ лордовъ, англійскихъ и гасконскихъ, и каждый заставляетъ играть своихъ трубачей какъ можно громче, чтобъ не уронить своего достоинства. Посмотрите, какъ на берегу пажи купаютъ лошадей и потомъ прогуливаютъ ихъ за городомъ, на полянѣ!

— Надѣюсь, Эльвардъ,—сказалъ сэръ Найгиль, появляясь на палубѣ,—люди готовы къ высадкѣ! Скажите имъ, что лодки будутъ черезъ часъ.

Стрѣлокъ поднялъ руку въ видѣ салюта и поспѣшилъ исполнить приказаніе. Сэръ Оливеръ появился вслѣдъ за своимъ товарищемъ-рыцаремъ, и оба стали молча ходить по кормѣ; сэръ Найгиль все еще въ своемъ темнокрасномъ бархатномъ костюмѣ, плоскомъ беретѣ, украшенномъ напереди перчаткою миледи и обвитомъ страусовымъ перомъ.

— Опять мы здѣсь, сэръ Оливеръ,—заговорилъ сэръ Найгиль,—у вратъ славы, которыя такъ часто намъ открывались! Вонъ тамъ развѣвается знамя принца, и намъ слѣдуетъ поспѣшить на берегъ и представиться ему.

— У Западныхъ воротъ есть отель, гдѣ умѣютъ прекрасно жарить цыплятъ,—замѣтилъ сэръ Оливеръ.—Прежде чѣмъ бѣжать къ принцу, не мѣшаетъ утолить свой голодъ, потому что хотя у его высочества превосходное столовое бѣлье и серебро, но онъ не гастрономъ и не понимаетъ толку въ хорошей ѣдѣ. Довольно посмотрѣть, какъ онъ возится цѣлый часъ съ маленькимъ кусочкомъ хлѣба, и тянетъ свое вино, трижды разбавленное водой, чтобы у всякаго человѣка пропалъ апетитъ. Война и слава, мой другъ, прекрасныя вещи въ своемъ родѣ, но отъ нихъ не станетъ тѣснѣе мой поясъ.

— Вотъ наша лодка, сэръ Оливеръ; я думаю, намъ слѣдуетъ отправиться въ аббатство съ оруженосцами, и предоставить шкиперу разгрузку судна.

Лошади обоихъ рыцарей и оруженосцы были очень скоро перевезены на берегъ. Сэръ Найгиль, выдя изъ лодки, благоговѣйно преклонилъ колѣно, потомъ досталъ изъ-за пазухи черную мушку и плотно заклеилъ ею свой лѣвый глазъ.

— Да будутъ св. Георгъ и воспоминаніе о дорогой ми-

Digitized by Google

леди моей помощью! — произнесъ онъ.— Даю обѣтъ, что до тѣхъ поръ не сниму этой мушки съ моего глаза, пока не увижу Испаніи и не исполню того долга, за которымъ сюда прибылъ. Клянусь въ этомъ надъ моимъ мечемъ и надъ перчаткой миледи!

— Вы напомнили мнѣ то, что̀ было лѣтъ двадцать назадъ,—сказалъ сэръ Оливеръ, когда они медленно ѣхали верхомъ.— Я думаю, французы почитали насъ арміей слѣпыхъ; почти у каждаго одинъ глазъ былъ завязанъ въ честь его дамы. Но вамъ не слѣдуетъ этого дѣлать, потому что и съ двумя глазами вы не отличите лошади отъ мула. Право, мой другъ, въ этомъ случаѣ вы поступаете неблагоразумно.

— Сэръ Оливеръ Бутсторнъ,—рѣзко заговорилъ маленькій рыцарь,—прошу васъ понять, что, не смотря на всю свою слѣпоту, я хорошо съумѣю различить дорогу чести, и на этомъ пути не нуждаюсь ни въ чьемъ рȕководствѣ.

— Клянусь моей душой, вы сегодня кислы, какъ незрѣлое яблоко!—сказалъ сэръ Оливеръ.—Если вамъ угодно ссориться со мной, я васъ оставляю и ухожу въ этотъ отель, гдѣ, я вижу, слуга разноситъ дымящееся блюдо, которое пахнетъ чѣмъ-то очень вкуснымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричалъ сэръ Найгиль, — мы знаемъ другъ друга такъ давно, что не станемъ ссориться, какъ сварливые молодые пажи. Вы сначала должны поѣхать со мной къ принцу, а потомъ уже въ отель, хоть я увѣренъ, что его высочество будетъ глубоко опечаленъ, если какой нибудь достойный кавалеръ предпочтетъ таверну королевскому столу Это не милордъ ли Дильверъ машетъ намъ рукой? Эй, дорогой милордъ! да будетъ съ вами Пречистая Дѣва. Тамъ и сэръ Робертъ Кнэй. Доброе утро, Робертъ! Радъ видѣть васъ.

Рыцари съѣхались, между тѣмъ какъ Алланъ, Фордъ и Джонъ Нортбёри, оруженосецъ сэра Оливера, ѣхали нѣсколько позади, сопровождаемые Симономъ Чернымъ и винчестерскимъ унтеръ-офицеромъ. Нортбёри, сухощавый молчаливый воинъ, бывалъ въ этихъ мѣстахъ раньше, и оставался теперь спокоенъ. Но оба юные оруженосцы съ жаднымъ любопытствомъ глядѣли по сторонамъ и постоянно дергали другъ друга за рукавъ, показывая что нибудь новое и непонятное.

Не удивительно, что богатство города и красота зданій такъ

Digitized by Google

поражали молодыхъ людей. Городъ былъ, въ то время, на высотѣ своего развитія. Кромѣ торговыхъ продуктовъ и оружейныхъ издѣлій, были и другіе источники богатства. Война, приносившая такой вредъ другимъ прекраснымъ городамъ, доставляла Бордо только выгоды. Въ то время какъ его французскіе братья разорялись, онъ богатѣлъ, потому что къ нему отовсюду стекались воины продавать добычу и тратить золото, полученное за плѣнныхъ. Точно также придворный штатъ принца, всѣ эти высокородные бароны и богатые рыцари, многіе изъ которыхъ брали съ собой на войну женъ и дѣтей, помогали, въ значительной степени, благосостоянію горожанъ.

Передъ монастыремъ и аббатствомъ св. Андрея стояла большая толпа народа—священники, солдаты, женщины, монахи и мѣщане,—всѣ, кто имѣетъ охоту до зрѣлищъ и болтовни. Между группъ шумливыхъ и жестикулирующихъ горожанъ, виднѣлось много верховыхъ рыцарей и оруженосцевъ, которые направлялись къ жилищу принца, гдѣ высокія, окованныя желѣзомъ, двери были раскрыты настежъ въ знакъ того, что у принца пріемъ. Сорокъ стрѣлковъ стояли у воротъ и, по временамъ, древками копій осаживали любопытную толпу, окружавшую входъ. Два рыцаря въ полномъ вооруженіи, съ поднятыми пиками и опущеннымъ забраломъ, стояли по обѣимъ сторонамъ входа. Между ними стоялъ человѣкъ благородной наружности въ длинномъ пурпуровомъ одѣяніи и, съ помощью двухъ пажей, отмѣчалъ на пергаментѣ званіе и титулъ каждаго посѣтителя, согласно этому назначая ему мѣсто въ пріемной. Длинная бѣлая борода и проницательный взоръ придавали ему строгій и величественный видъ.

— Это сэръ Вильямъ Пекинтонъ, собственный секретарь и глашатай принца,—шепнулъ сэръ Найгиль, когда они стали въ ряды рыцарей, ожидавшихъ пріема.—Плохо будетъ тому, кто задумаетъ обмануть его! Онъ знаетъ на память имя каждаго рыцаря, французскаго и англійскаго, и все его родословное дерево. Мы можемъ оставить теперь своихъ коней на попеченіе прислуги и отправиться далѣе, вмѣстѣ съ оруженосцами.

Слѣдуя совѣту сэра Найгиля, они сошли съ коней и стали пробираться къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ секретарь принца, сердито споривній въ это время съ молодымъ щеголеватымъ рыцаремъ, который хотѣлъ пройти мимо.

Digitized by Google

— Мекворть!—повторилъ секретарь.—Сколько помнится, молодой сэръ, вы еще ни разу не были представлены.

— Нѣтъ. Я всего день какъ пріѣхалъ въ Бордо, но боялся, что его высочество будетъ недоволенъ, если я не поспѣшу явиться къ нему.

— Его высочеству есть много о чемъ думать, кромѣ васъ,— замѣтилъ сэръ Вильямъ Пекинтонъ.—Если вы Мекворть, такъ вы, должно быть, Мекворть норментонскій, и я вижу, дѣйствительно, на вашемъ гербѣ соболя и горностая.

— Да, я Мекворть норментонскій,—отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Такъ вы, значитъ, сэръ Стефенъ Мекворть, потому что, когда умеръ старый сэръ Гай, все его состояніе, имя и гербы перешли къ его сыну.

— Сэръ Стефенъ—мой старшій братъ, а я второй сынъ, Артуръ,—отвѣтилъ юноша.

— Такъ, такъ!—воскликнулъ сэръ Вильямъ съ насмѣшкой.— А позвольте спросить у васъ, сэръ второй сынъ, гдѣ же установленная марка, отмѣчающая вашъ титулъ? Вы осмѣливаетесь носить гербы вашего брата, не ставя полумѣсяца, который долженъ означать, что вы младшій? Уходите отсюда и не приближайтесь къ покоямъ принца, пока оружейникъ не сдѣлаетъ вамъ щита, соотвѣтствующаго вашему рангу!—И когда юноша, смущенный, удалился, острые глаза сэра Вильяма различили въ тучѣ знаменъ пять красныхъ розъ.

— А!—закричалъ онъ.—Здѣсь есть гербы неподдѣльные! Розы Лорина и медвѣжья голова Бутсторна не должны прятаться позади. Добро пожаловать, сэръ Оливеръ, сэръ Найгиль! Шандо будетъ радъ отъ всего сердца видѣть васъ. Сюда, мои дорогіе сэры! Ваши оруженосцы, безъ сомнѣнія, вполнѣ достойны своихъ господъ. Сюда, сэръ Оливеръ. Эдриксонъ! А! Конечно, потомокъ древнихъ гемпширскихъ Эдриксоновъ. А Форды—южно-саксонская фамилія, очень достойной репутаціи. Хорошо, мои прекрасные сэры, я позабочусь, чтобы васъ поскорѣе приняли.

Съ этими словами онъ распахнулъ дверь и ввелъ посѣтителей въ обширную залу, которая была наполнена людьми, ожидавшими, подобно имъ, аудіенціи. Комната была очень велика и освѣщена съ одной стороны тремя сводчатыми окнами,

Digitized by Google

а съ другой огромнымъ каминомъ, въ которомъ горѣлъ веселый огонь. Большинство присутствующихъ толпилось у огня, потому что погода была очень холодная. Но оба рыцаря помѣстились на скамьѣ. Оруженосцы стояли позади нихъ. Окинувъ комнату взглядомъ, Алланъ замѣтилъ, что полъ и потолокъ сдѣланы изъ богатѣйшаго дуба и, кромѣ того, потолокъ скрѣпленъ двѣнадцатью дугообразными перекладинами, углы которыхъ были украшены лиліями и львами королевскаго герба. Въ противоположной стѣнѣ находилась небольшая дверь, по обѣимъ сторонамъ которой стояли воины. По временамъ, изъ этой двери выходилъ пожилой сутуловатый человѣкъ въ черной одеждѣ, съ бѣлымъ жезломъ въ рукѣ, и дѣлалъ знакъ кому нибудь изъ присутствующихъ, послѣ чего вызванный обнажалъ голову и уходилъ за нимъ.

Оба рыцаря съ увлеченіемъ бесѣдовали, когда Алланъ замѣтилъ одного человѣка необыкновенной наружности, который направлялся въ ихъ сторону. Когда онъ проходилъ мимо какой нибудь группы кавалеровъ, каждая голова поворачивалась, чтобъ посмотрѣть ему вслѣдъ, и, судя по всеобщимъ поклонамъ и почтительнымъ привѣтствіямъ, было очевидно, что интересъ, возбуждаемый этимъ человѣкомъ, относился не къ одной только его наружности. Онъ былъ высокъ и прямъ, какъ стрѣла, не смотря на старые годы, о которыхъ говорили его вьющіяся подъ герцогской шапкой кудри, бѣлыя, какъ первый снѣгъ. Однако быстрота и легкость поступи доказывали, что онъ еще далеко не потерялъ юношескаго огня и гибкости. Его суровое, съ орлинымъ взоромъ, лицо было все гладко выбрито, какъ у пріеста, за исключеніемъ длинныхъ бѣлыхъ усовъ, которые висѣли почти до плечъ. Орлиный носъ и классическій подбородокъ сохраняли былую красоту, но всѣ его черты были такъ обезображены рубцами и шрамами старыхъ ранъ и потерей одного глаза, совсѣмъ вырваннаго изъ орбиты, что никто не призналъ бы въ немъ блестящаго молодаго рыцаря, который былъ нѣкогда красивѣйшимъ и храбрѣйшимъ изъ англійскихъ кавалеровъ. Однако, кто изъ людей, наполнявшихъ залу св. Андрея, не отдалъ бы съ радостью свою молодость, красоту и богатство за славу этого человѣка? Кто не захотѣлъ бы носить имя Шандо, незапятнаннаго рыцаря, мудраго министра, доблестнаго воина, героя столькихъ сраженій?

Digitized by Google

— А, мое золотое сердечко!—вскричалъ онъ вдругъ и бросился обнимать сэра Найгиля.—Я узналъ, что вы здѣсь, и все время искалъ васъ.

— Любезный и дорогой милордъ!—сказалъ рыцарь, также обнимая Шандо.—Конечно, я возвратился къ вамъ, потому что у кого же больше могу научиться благородству и неустрашимости?

— И въ самомъ дѣлѣ мы теперь славная парочка,—съ улыбкой сказалъ Шандо,—вы закрыли себѣ одинъ глазъ, а я лишился одного изъ своихъ, и такимъ образомъ вдвоемъ мы составимъ одного зрячаго. А, сэръ Оливеръ! Вы стоите возлѣ слѣпаго глаза и я васъ не замѣтилъ. Умная женщина предсказала мнѣ, что этотъ слѣпой глазъ, въ одинъ прекрасный день, будетъ причиной моей смерти. Мы сейчасъ отправимся къ принцу; но, сказать по правдѣ, ему бездна хлопотъ и съ королемъ Маіорки, и съ королемъ Наварры, у котораго семь пятницъ на недѣлѣ, и съ этими гасконскими баронами, которые торгуются, какъ сельскіе разносчики:—не легкая роль выпала на его долю. Но какъ поживаетъ леди Лоринъ?

— Хорошо, милордъ, она посылаетъ вамъ почтеніе и сердечныя привѣтствія!

— Я всегдашній рыцарь ея и покорный слуга. А ваше путешествіе? Было оно пріятно?

— Какъ нельзя болѣе. Мы встрѣтили двѣ разбойничьи галеры и даже имѣли съ ними легкую стычку.

— Какъ всегда, окончившуюся побѣдой, Найгиль!—замѣтилъ Шандо.—Вы должны разсказать все подробно. Но теперь вамъ лучше оставить здѣсь своихъ оруженосцевъ и идти за мною, потому что, какъ бы ни былъ занятъ принцъ, онъ не станетъ держать старыхъ сотоварищей за дверями. Слѣдуйте за мною, а я возьму на себя обязанность стараго сэра Вильяма, хотя, конечно, не съумѣю провозгласить ваше имя и титулъ съ подобающимъ величіемъ.—Съ этими словами онъ направился во внутренніе покои, а оба рыцаря послѣдовали за нимъ, кланяясь налѣво и направо, когда видѣли знакомыя лица въ толпѣ.

Digitized by Google

XVIII.

Въ аббатствѣ св. Андрея.

Пріемная принца, небольшихъ размѣровъ комната, была убрана со всей роскошью и богатствомъ, какихъ требовали имя и положеніе ея обитателя. Высокій тронъ, въ дальнемъ концѣ комнаты, былъ украшенъ балдахиномъ изъ алаго бархата, расшитымъ серебряными лиліями и опиравшимся на серебряные жезлы. Къ трону вели четыре ступеньки, покрытыя такимъ же бархатомъ, а вокругъ были разбросаны богатыя подушки, восточныя цыновки и драгоцѣнные мѣха. Стѣны были покрыты превосходнѣйшими гобеленами, изображавшими битвы Маккавеевъ и различныхъ іудейскихъ воиновъ, одѣтыхъ въ броню, снабженныхъ гербовыми щитами, дротикомъ и перевязью— какъ представляла ихъ себѣ наивная фантазія художника. Нѣсколько богатыхъ скамеекъ съ роскошной рѣзьбой и обивкой изъ лакированной кожи, извѣстной подъ названіемъ *orbasané*, дополняли убранство аппартамента, не считая того, что съ одной стороны трона стояла высокая подставка, на которой сидѣли три величавые прусскіе кречета въ колпачкахъ, такіе же молчаливые и неподвижные, какъ придворный птицеловъ, стоявшій возлѣ нихъ.

Посреди трона стояли два кресла съ очень высокими спинками, обитыя свѣтло-голубымъ шолкомъ, густо усѣяннымъ золотыми звѣздами. На одномъ изъ этихъ креселъ, направо, сидѣлъ очень высокій и хорошо сложенный человѣкъ, съ рыжими волосами и холодными, голубыми глазами, въ которыхъ было что-то особенно злое и угрожающее. Онъ откинулся назадъ въ беззаботной позѣ, и безпрерывно зѣвалъ, какъ будто все окружающее ему надоѣло, наклоняясь по временамъ, чтобы приласкать лохматую испанскую левретку, лежавшую у его ногъ. На другомъ креслѣ возсѣдалъ прямо, какъ стрѣла, благодушный, пріятный по обращенію индивидуумъ, съ круглымъ, похожимъ на яблоко, лицомъ, который улыбался и кивалъ каждому, кого встрѣчали его глаза. Между ними и нѣсколько впереди, на обыкновенномъ стулѣ, сидѣлъ тонкій, смуглый молодой человѣкъ, простой нарядъ и скромныя манеры котораго никому не сказали бы, что передъ нимъ находится одинъ изъ замѣчатель-

Digitized by Google

нѣйшихъ принцевъ Европы. Камзолъ изъ темносиней матеріи, украшенный золотыми пряжками, казался слишкомъ темнымъ и простымъ среди шолка, горностаевъ и парчи. Онъ сидѣлъ, обхвативъ руками колѣно, слегка наклонивъ голову, и выраженіе нетерпѣнія и тревоги лежало на его чистыхъ, правильныхъ чертахъ. Позади трона стояли два человѣка въ пурпурной одеждѣ, съ монашескими, гладко выбритыми лицами, и еще съ полдюжины важныхъ сановниковъ. Внизу трона, по обѣ стороны ступеней, стояло до пятидесяти бароновъ, рыцарей и царедворцевъ, тройными рядами, между которыми оставался свободный проходъ.

— Вотъ это сидитъ принцъ,—прошепталъ сэръ Джонъ Шандо, когда они вошли.—Направо донъ Педро, котораго мы собираемся посадить на испанскій престолъ. Возлѣ него—донъ Джемсъ, котораго, съ божьей помощью, надѣемся сдѣлать королемъ Маіорки. Теперь слѣдуйте за мной, и не огорчайтесь, если принцъ будетъ немного молчаливъ, потому что его умъ теперь полонъ многихъ; очень тягостныхъ заботъ.

Но принцъ уже замѣтилъ ихъ и, быстро поднявшись на ноги, приблизился къ нимъ съ плѣнительной улыбкой и ласковымъ привѣтомъ во взорѣ.

— Нѣтъ, сэръ Джонъ, мы избавимъ васъ отъ обязанностей глашатая,—сказалъ онъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ,—эти храбрые рыцари мнѣ очень хорошо извѣстны. Добро пожаловать, сэръ Найгиль Лоринъ и сэръ Оливеръ Бутсторнъ! Нѣтъ, нѣтъ, поберегите колѣнопреклоненіе для Виндзора и для моего милаго отца. Я хочу пожать вамъ руки, друзья мои. Кажется, мы дадимъ вамъ работу, прежде чѣмъ вы увидите снова свой Гемпширъ. Знаете вы что нибудь объ Испаніи, сэръ Оливеръ?

— Ничего, ваше высочество! Слыхалъ только, что есть испанское блюдо, называемое олла, но никакъ не могъ рѣшить, похоже ли оно на южное рагу, или приправлено, по испанской модѣ, укропомъ и чеснокомъ.

— Ваши сомнѣнія, сэръ Оливеръ, скоро будутъ разрѣшены,—сказалъ принцъ, смѣясь отъ всей души, чему вторила и свита, окружавшая его.—Его величество, присутствующій здѣсь, безъ сомнѣнія угоститъ васъ этимъ блюдомъ, приправленнымъ острыми спеціями, когда мы благополучно прибудемъ въ Кастилію.

Digitized by Google

— Да, я угощу кое-кого блюдомъ съ острыми приправами!—отвѣчалъ донъ Педро съ холодной усмѣшкой.

— Но мой другъ, сэръ Оливеръ, умѣетъ прекрасно сражаться и на голодный желудокъ,—замѣтилъ принцъ.—Развѣ мнѣ не приходилось видѣть, какъ, послѣ двухсуточнаго голода, когда мы ничего не имѣли, кромѣ корки хлѣба и кружки грязной воды, онъ велъ себя, какъ достойнѣйшій рыцарь? Я видѣлъ своими глазами, какъ онъ во время сраженія снесъ голову пикардійскому рыцарю однимъ ударомъ своего меча.

— Бездѣльникъ стоялъ между мной и французской повозкой съ припасами!—проворчалъ сэръ Оливеръ, среди новаго смѣха придворныхъ, которые стояли ближе и разслышали его слова.

— Сколько людей съ вами?—спросилъ принцъ, становясь серьезнымъ.

— У меня сорокъ копьеносцевъ, ваше высочество,—сказалъ сэръ Оливеръ.

— А я имѣю сотню стрѣлковъ и двадцать копьеносцевъ, да еще здѣсь, на границѣ Наварры, меня ожидаютъ двѣ сотни людей.

— Кто они такіе, сэръ Найгиль?

— Они волонтеры, государь, и называются Бѣлымъ братствомъ.

Къ изумленію рыцаря, его слова вызвали веселый смѣхъ среди придворныхъ, къ которому охотно присоединились оба короля и принцъ. Сэръ Найгиль кротко замигалъ глазами, глядя то на одного, то на другаго, и наконецъ, замѣтивъ возлѣ себя дюжаго чернобородаго рыцаря, который смѣялся громче другихъ, онъ легонько тронулъ его за рукавъ.

— Дорогой сэръ,—прошепталъ онъ,—нѣтъ ли у васъ на сердцѣ какого нибудь обѣта, который я помогъ бы вамъ исполнить? Не обсудить ли намъ этотъ вопросъ по рыцарски?

— Полно, сэръ Найгиль!—воскликнулъ принцъ.—Не ополчайтесь на сэра Роберта Брике, потому что мы всѣ виноваты. Сказать правду, мы только что выслушали разсказъ о дѣяніяхъ этого братства, и я далъ обѣтъ повѣсить полководца этой арміи. Не ожидалъ я, что этотъ полководецъ—храбрѣйшій изъ лучшихъ моихъ вождей. Но теперь мой обѣтъ не имѣетъ значенія, потому что вы никогда не видали братства, и смѣшно осуждать васъ за его поступки.

Digitized by Google

— Государь мой,—сказалъ сэръ Найгиль,—не велика бѣда, если я буду повѣшенъ, хоть я не готовился къ такой позорной смерти. Но очень прискорбно, что вы, принцъ Англіи и краса всего рыцарства, могли дать обѣтъ,—хотя бы и по невѣдѣнію,—и потомъ его не исполнить.

— Не тревожьтесь этимъ,—отвѣчалъ принцъ, улыбаясь.—Мы видѣли сегодня монтабанскаго жителя, и онъ разсказалъ намъ такіе ужасы о разореніи, грабежахъ и убійствахъ, что кровь наша вскипѣла. Но мы обратили свой гнѣвъ на человѣка, который былъ командиромъ этихъ людей, а не на того, кто даже и не видалъ ихъ.

— Дорогой и высокочтимый государь мой!—воскликнулъ сэръ Найгиль въ страшной тревогѣ.—Боюсь, что по мягкости своего сердца вы отказываетесь отъ даннаго обѣта. Если затрудненіе заключается лишь въ томъ, какой способъ смерти долженъ быть предпочтенъ, то...

— Тише, тише!—прервалъ принцъ нетерпѣливо.—Я могу самъ заняться своими обѣтами и слѣдить за ихъ исполненіемъ. Надѣемся видѣть васъ обоихъ въ банкетной залѣ. Вы должны быть тамъ въ числѣ нашей свиты.—Онъ поклонился, и Шандо, схвативъ сэра Оливера за рукавъ, повелъ ихъ въ задніе ряды царедворцевъ.

— Мой маленькій кузенъ,—прошепталъ онъ,—вы изъ всѣхъ силъ старались залѣзть въ петлю. Клянусь моей душой! Попроси вы объ этомъ нашего новоиспеченнаго союзника, дона Педро, онъ не сталъ бы долго упрямиться. Между нами, онъ гораздо болѣе похожъ на палача, чѣмъ на царственную особу. Но, дѣйствительно, это Бѣлое братство—просто шайка разбойниковъ, и вамъ необходимо будетъ начать свое командирство съ самой суровой дисциплины.

— Съ помощью св. Павла, я надѣюсь привести ихъ въ нѣкоторый порядокъ,—отвѣчалъ сэръ Найгиль.—Но здѣсь множество новыхъ для меня лицъ, хоть я вижу и такія, которыя знавалъ еще во времена юности. Скажите мнѣ, сэръ Джонъ, что это за монахи стоятъ возлѣ трона?

— Архіепископъ бордосскій и епископъ эдженскій.

— А этотъ смуглый рыцарь въ бородѣ съ просѣдью? Видъ у него очень мудрый и внушительный.

— Это сэръ Вильямъ Фельтонъ, который, вмѣстѣ съ ва-

Digitized by Google

шимъ покорнѣйшимъ слугой, состоитъ главнымъ совѣтникомъ принца.

— А эти рыцари на правой сторонѣ, возлѣ дона Педро.

— Это испанскіе дворяне, которые послѣдовали за нимъ въ изгнаніе. Тотъ, что̀ стоитъ ближе къ дону Педро—Фернандо ди-Кастро, смѣлый и преданный рыцарь. Впереди стоятъ гасконскіе лорды. По ихъ нахмуренному челу вы легко можете догадаться, что они враждебно настроены противъ принца. Того высокаго и дороднаго мужчину вы, безъ сомнѣнія, знаете, потому что трудно встрѣтить болѣе отважнаго рыцаря. Дворянинъ мрачной наружности, который шепчетъ ему что-то на ухо—лордъ Оливеръ де-Клиссонъ, извѣстный также подъ именемъ мясника. Онъ глава возстанія, и старается всегда раздуть пламя подъ пепломъ. Человѣкъ съ наростомъ на щекѣ—лордъ Поммеръ, а два его брата стоятъ позади, вмѣстѣ съ лордами Леспперромъ, де-Роозомъ, де-Мьюсидентомъ, сэромъ д'Альбертомъ, и другими. Назади стоятъ рыцари изъ Лимузена и другихъ городовъ, и храбрый сэръ Гискаръ д'Энгль. Онъ въ розовомъ кафтанѣ съ горностаемъ.

— А рыцари съ лѣвой стороны?

— Это все англичане. Одни принадлежатъ къ придворному штату, другіе, подобно вамъ, полководцы отрядовъ. Тамъ стоятъ, между прочимъ, лордъ Невиль, сэръ Стефенъ Кессингтонъ, сэръ Матью Джурней, сэръ Вальтеръ Гитъ, сэръ Томасъ Бенстеръ и сэръ Томасъ Фельтонъ, братъ королевскаго совѣтника. Замѣтьте хорошенько человѣка съ бѣлокурой бородой, который положилъ руку на плечо смуглому, суровому съ лица дворянину въ запыленномъ камзолѣ.

— Клянусь св. Павломъ! Подъ ихъ одеждой такъ и чудится воинская кольчуга,—замѣтилъ сэръ Найгиль.—Это люди, которымъ легче дышется на полѣ брани, чѣмъ во дворцѣ.

— Какъ многимъ изъ насъ, Найгиль,—сказалъ Шандо,—а также и властелину этого дворца. Одинъ изъ этихъ рыцарей—сэръ Гугъ Кельверлей, другой—сэръ Робертъ Кнолль.

Сэръ Найгиль и сэръ Оливеръ вытянули шеи, чтобы лучше разглядѣть знаменитыхъ людей, одинъ изъ которыхъ былъ избраннымъ полководцемъ волонтеровъ, а другой, благодаря своей неукротимой энергіи и доблести, поднялся до такой высоты, что былъ вторымъ, послѣ Шандо, въ военномъ мірѣ.

Digitized by Google

— Тяжелая рука у сэра Роберта!—произнесъ Шандо.—Когда онъ проходитъ черезъ страну, послѣ него остаются слѣды на многіе годы.

— Я часто слыхалъ о немъ, и надѣялся когда нибудь помѣряться съ нимъ силами,—сказалъ сэръ Найгиль.—Но что такое съ принцемъ, сэръ Джонъ?

Пока Шандо бесѣдовалъ съ рыцарями, пріемную наводнялъ непрерывный потокъ посѣтителей—спекуляторовъ, желавшихъ продать свой мечъ, купцовъ, изливавшихъ жалобы на убытки и притѣсненія, въ родѣ корабля, замедлившаго свой ходъ, вслѣдствіе переправы войскъ, или тонны сладкаго вина, выпитой стрѣлками вмѣсто воды. Принцъ клалъ резолюцію въ немногихъ словахъ, и если проситель оставался недоволенъ, монархъ указывалъ ему на дверь быстрымъ взоромъ своихъ темныхъ глазъ, и всѣ жалобы мгновенно умолкали. Молодой правитель продолжалъ сидѣть задумчиво на своемъ тронѣ, посреди двухъ кукольныхъ монарховъ, возсѣдавшихъ позади его. Но вдругъ мрачная тѣнь прошла по его лицу, и онъ вскочилъ на ноги, въ одномъ изъ тѣхъ приступовъ гнѣва, которые были единственнымъ пятномъ, омрачавшимъ его благородную, великодушную натуру.

— Что скажете, донъ Мартинъ ди-ла-Карра?—закричалъ онъ.—Что скажете новаго? Какія вѣсти принесли вы намъ отъ нашего брата изъ Наварры?

Человѣкъ, къ которому относились эти рѣзкіе вопросы, былъ высокій, замѣчательно красивый дворянинъ, только что вошедшій въ пріемную. Смуглыя щоки и черные, какъ воронова крыло, волосы говорили о южномъ происхожденіи, и онъ носилъ пòлу своего длиннаго чернаго плаща граціозно перекинутой черезъ плечо, что̀ не было англійской или французской модой. Почтительнымъ шагомъ, съ глубокими поклонами приблизился онъ къ трону и отвѣтилъ.

— Могущественный и достославный государь мой,—началъ онъ, — Карлъ, король наваррскій, графъ иврекскій и шампаньскій, и повелитель Бирна, посылаетъ свою любовь и привѣтствія дорогому кузену Эдуарду, принцу уэльскому, правителю...

— Довольно, довольно, донъ Мартинъ!—перебилъ принцъ, нетерпѣливо стучавшій ногой, во время этого церемоннаго пре-

Digitized by Google

дисловія.—Намъ извѣстны титулы и званіе нашего кузена также хорошо, какъ наши собственные. Къ дѣлу, и поскорѣе! Открыты для насъ проливы, или вашъ господинъ беретъ назадъ свое слово, которое далъ мнѣ въ Ливорно, въ день св. Михаила?

— Всемилостивѣйшій государь мой, было бы нечестно брать назадъ данное слово. Онъ только проситъ маленькой отсрочки и нѣкоторыхъ условій и обезпеченія...

— Условій! Обезпеченія! Это говоритъ онъ мнѣ, принцу Англіи?! Условія... Вотъ какъ! Не пришлось бы ему самому въ скоромъ времени представлять условія и обезпеченія! Слѣдовательно, проливы для насъ закрыты?

— Нѣтъ, государь...

— Такъ открыты?

— Нѣтъ, государь, если только вы...

— Довольно, довольно, донъ Мартинъ!—вскричалъ принцъ.—Жаль видѣть преданнаго рыцаря, исполняющаго такое недостойное порученіе. Мы знаемъ характеръ нашего кузена Карла. Мы знаемъ, что правой рукой, принимая отъ насъ пятьдесятъ тысячъ кронъ за свободный проходъ, онъ протягиваетъ лѣвую Генри Трестмеру или королю Франціи, и готовъ съ нихъ получить столько же за то, чтобы держать проливъ закрытымъ. Я знаю нашего добраго Карла, и клянусь, что докажу ему это. Онъ продаетъ свое королевство тому, кто дастъ больше, какъ лукавый барышникъ больную лошадь. Онъ...

— Милордъ!—вскричалъ донъ Мартинъ.—Я не могу выслушивать такихъ выраженій о моемъ господинѣ! Еслибъ они исходили изъ другихъ устъ, я зналъ бы, какъ отвѣчать на нихъ.

Донъ Педро нахмурился и закусилъ губы, но принцъ улыбнулся и кивнулъ головой въ знакъ одобренія.

— Ваше поведеніе и ваши слова, донъ Мартинъ, совершенно таковы, какихъ я ожидалъ отъ васъ,—замѣтилъ онъ.—Передайте королю и господину вашему, что онъ уже получилъ свою плату, и если намѣренъ сдержать свое обѣщаніе, я, въ свою очередь, даю ему слово, что его подданнымъ не будетъ сдѣлано ни малѣйшаго вреда, а также ихъ имуществу и жилищамъ. Но если мы не имѣемъ пропуска, я выступаю тотчасъ же, безъ его позволенія, и беру съ собой ключъ, который отопретъ все, что онъ вздумаетъ запереть.—Онъ наклонился и прошепталъ что-то сэру Роберту Кноллю и сэру Гугу Кель-

Digitized by Google

верлею, которые въ отвѣтъ радостно улыбнулись и поспѣшили изъ комнаты.

— Нашъ кузенъ,—продолжалъ принцъ,—уже испыталъ нашу дружбу,-а теперь,—клянусь всѣми святыми!—испытаетъ нашу вражду. Я отправляю нашему кузену Карлу посланіе, которое можетъ прочесть все его королевство. Пусть онъ остережется, чтобъ не случилось худшаго. Гдѣ милордъ Шандо? Сэръ Джонъ, поручаю вашимъ заботамъ этого достойнаго рыцаря. Распорядитесь, чтобъ онъ имѣлъ содержаніе и деньги на свои потребности, потому что каждый дворъ можетъ гордиться честью принимать такого благороднаго и честнаго рыцаря. Что вы сказали, государь?—спросилъ онъ, обращаясь къ испанскому изгнаннику, между тѣмъ какъ посолъ наварскаго короля вышелъ изъ комнаты, въ сопровожденіи стараго воина.

— Въ Испаніи нѣтъ обычая награждать дерзкихъ пословъ,—отвѣчалъ донъ Педро, погладивъ голову своей левретки.—Впрочемъ, мы уже слышали, до чего простирается великодушіе вашего высочества.

— Да, конечно,—отозвался король Маіорки.

— Кто знаетъ это лучше насъ,—продолжалъ донъ Педро съ горечью,—когда въ своемъ несчастьѣ мы бѣжали къ вамъ, защитнику всѣхъ угнетенныхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! вы бѣжали, какъ братья къ брату!—воскликнулъ принцъ и глаза его засверкали.—Мы надѣемся, съ божьей помощью, скоро возвратить васъ на престолы, которые у васъ были такъ вѣроломно отняты.

— Когда наступитъ этотъ счастливый день,—сказалъ донъ Педро,—Испанія будетъ вамъ вѣчно предана, и вы, когда только пожелаете, можете разсчитывать на каждый корабль, надъ которымъ развѣвается кастильское знамя.

— И на все, что можетъ предложить вамъ богатство и сила Маіорки,—прибавилъ другой изгнанникъ.

— Что касается ста тысячъ кронъ, въ которыхъ я состою должникомъ вашимъ,—продолжалъ донъ Педро беззаботнымъ тономъ,—то не сомнѣвайтесь, что...

— Ни слова объ этомъ, государь, ни слова!—вскричалъ принцъ.—Въ эти дни горести я не хочу тревожить васъ такими ничтожными и непріятными дѣлами. Я сказалъ однажды и навсегда, что я вашъ, съ каждымъ воиномъ моей арміи и каждымъ флориномъ моей казны.

Digitized by Google

— А! вотъ образецъ истиннаго рыцаря!—проговорилъ донъ Педро.—Я думаю, сэръ Фернандо, что если щедрость принца такъ велика, мы можемъ еще разъ воспользоваться его добротой и сдѣлать заемъ, въ размѣрѣ пятидесяти тысячъ кронъ. Добрый сэръ Вильямъ Фельтонъ присутствуетъ здѣсь, и, конечно, согласится взять на себя устройство этого дѣла.

Пожилой совѣтникъ былъ нѣсколько озадаченъ этимъ внезапнымъ желаніемъ воспользоваться щедростью его господина.

— Позволю себѣ замѣтить, ваше высочество,—сказалъ онъ,—что фонды наши очень низки, ибо я уплатилъ жалованье двѣнадцати тысячамъ воиновъ, а государственные налоги—поземельный и акцизный сборъ—еще не поступили въ казну. Еслибы, ваше высочество, нашли возможнымъ подождать, пока прибудетъ изъ Англіи обѣщанная помощь...

— Не надо, не надо, милый кузенъ!—воскликнулъ донъ Педро.—Еслибъ мы знали, что ваша собственная казна такъ пуста, и что эта жалкая сумма причинитъ вамъ какое нибудь безпокойство, мы никогда не рѣшились бы...

— Довольно, государь, довольно!—сказалъ принцъ, краснѣя отъ досады.—Если государственные фонды истощились, такъ вѣдь есть, я полагаю, мои личные доходы, которыхъ я никогда не тратилъ на себя, и теперь могу воспользоваться ими, чтобы выручить друга изъ бѣды. Достаньте необходимую сумму подъ залогъ моихъ драгоцѣнностей, если нѣтъ другаго источника, и уплатите деньги, донъ Фернандо.

— Въ обезпеченіе я предлагаю...—началъ донъ Педро, но принцъ прервалъ его:

— Полно, полно! Я не ростовщикъ. Ваше королевское слово служитъ лучшей порукой. Но я имѣю вѣсти для васъ, милорды и властелины: нашъ братъ Ланкастеръ приближается къ нашей столицѣ и ведетъ на помощь нашему предпріятію четыре сотни копьеносцевъ и столько же стрѣлковъ. Когда онъ прибудетъ, и когда возвратится здоровье къ нашей любезнѣйшей супругѣ,—что, я надѣюсь, по милости Господа, случится очень скоро,—тогда мы присоединимся къ арміи, и опять развернемъ на полѣ битвы наши знамена.

Шопотъ радости пробѣжалъ по устамъ воиновъ, стоявшихъ у трона. Принцъ улыбнулся.

— Я могу еще сообщить вамъ,—продолжалъ онъ,—что этотъ

Digitized by Google

Генри—очень храбрый полководецъ и располагаетъ противъ насъ такими силами, что встрѣча съ нимъ принесетъ намъ и славу, и удовольствіе. Какъ я слышалъ, онъ привелъ съ собой пятьдесятъ тысячъ войска и двѣнадцать тысячъ французскихъ волонтеровъ, которые, какъ вамъ извѣстно, очень храбрые и опытные воины. Извѣстно также, что отважный и достойный Бертранъ дю-Гескленъ отправился во Францію къ герцогу анжуйскому, и предполагаетъ навербовать огромное количество рекрутъ въ Пикардіи и Бретани. Мы глубоко уважаемъ Бертрана, нашего смѣлаго и достойнаго противника. Что вы думаете объ этомъ, мой достойный Кептэль? Мнѣ кажется, у васъ теперь удобный случай расплатиться съ нимъ за старое.

Гасконскій воинъ и рыцари, окружавшіе его, немного смутились при этомъ намекѣ, потому что только однажды рѣшились они выйти противъ французской арміи безъ помощи англичанъ, и понесли тяжелое пораженіе.

— Я слыхалъ, ваше высочество,—отвѣтилъ рослый де-Клиссонъ,—что старый долгъ уже выплаченъ съ лихвой, и что немного сдѣлали бы англичане безъ помощи гасконцевъ.

— Клянусь небомъ! Это уже черезчуръ!—вскричалъ англійскій дворянинъ.—Гасконія слишкомъ маленькій пѣтухъ, чтобы такъ задирать свой носъ.

— Маленькій пѣтухъ, милордъ Одлей, часто имѣетъ большія шпоры,—возразилъ Кептэль де-Бюшъ.

— Слишкомъ длинныя шпоры подрѣзываютъ, если онѣ мѣшаютъ другимъ,—ввернулъ англичанинъ.

— Клянусь Пречистой Дѣвой!—воскликнулъ лордъ Мьюсидентъ.—Этого я не могу перенести. Сэръ Джонъ Чернелль, вы мнѣ отвѣтите за эти слова!

— Охотно, милордъ, и въ какое угодно время,—беззаботно отозвался англичанинъ.

— Милордъ де-Клиссонъ!—вскричалъ лордъ Одлей. — Вы смотрите черезчуръ прилежно въ мою сторону. Клянусь Богомъ! Я не прочь побесѣдовать съ вами еще объ этомъ дѣлѣ!

— А вы, милордъ Поммеръ,—сказалъ сэръ Найгиль, выступая впередъ,—должны разрѣшить этотъ вопросъ въ честномъ поединкѣ со мной.

Темное облако вражды, висѣвшее надъ рыцарями двухъ различныхъ націй, разрѣшилось цѣлой дюжиной вызововъ, ко-

Digitized by Google

торые, какъ выстрѣлы, раздавались по всѣмъ направленіямъ. Гасконцы бѣсновались и жестикулировали, англичане оставались холодны и насмѣшливы, между тѣмъ какъ принцъ съ полуулыбкой взглядывалъ то на одну партію, то на другую, какъ человѣкъ, который любитъ подобныя бурныя сцены и въ то же время боится, какъ бы распря не зашла слишкомъ далеко, такъ что и его авторитетъ не въ силахъ будетъ примирить враговъ.

— Друзья мои!—крикнулъ онъ наконецъ.—Ссора не должна идти далѣе этой комнаты, въ противномъ случаѣ мнѣ отвѣтитъ за это каждый,—будь онъ гасконецъ или англичанинъ. Я разсчитываю на ваши мечи, такъ не обращайте же ихъ одинъ на другаго. Сэръ Джонъ Чернель! лордъ Одлей!—вы сомнѣваетесь въ храбрости нашихъ гасконскихъ друзей?

— Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ лордъ Одлей.—Я слишкомъ часто видалъ ихъ на полѣ битвы, чтобъ сомнѣваться въ ихъ храбрости.

— И я согласенъ съ этимъ,—сказалъ другой англичанинъ.—Трудно забыть ихъ доблесть, когда они постоянно болтаютъ объ этомъ.

— Сэръ Джонъ, каждый народъ имѣетъ свои обычаи и привычки, — сказалъ принцъ укоризненно. — Съ точки зрѣнія другихъ, мы можемъ казаться черезчуръ холодными, тупыми и мо́лчаливыми. Слышите, гасконскіе милорды! Эти джентльмены нимало не сомнѣваются въ вашей чести и смѣлости, а потому пускай утихнетъ всякая вражда между вами. Клиссонъ! Кептэль! де Поммеръ!—вы даете мнѣ слово?

— Мы ваши подданные, государь, — отвѣтили гасконскіе бароны съ недовольнымъ видомъ.—Ваши слова—законъ.

— Такъ мы зальемъ всѣ эти распри бокаломъ мальвазіи,—весело сказалъ принцъ.—Эй! отворите двери банкетной залы. Мы соскучились безъ нашей любезнѣйшей супруги, но тотчасъ же возвратимся къ вамъ.—Онъ вышелъ изъ пріемной въ сопровожденіи королей, между тѣмъ какъ обѣ партіи, закусивъ губы и сверкая глазами, медленно проходили черезъ боковую дверь въ огромную залу, гдѣ были накрыты королевскіе столы.

Digitized by Google

XIX.

Алланъ завоевываетъ положеніе въ высшемъ обществѣ.

Пока засѣдалъ совѣтъ принца, Алланъ и Фордъ оставались въ первой залѣ, гдѣ ихъ скоро окружила толпа молодыхъ англичанъ, одного съ ними ранга, страстно желавшихъ услышать какія нибудь вѣсти о своей родинѣ.

— Какъ поживаетъ старый король въ Виндзорѣ?—спрашивалъ одинъ.

— И добрая королева?

— И госпожа Алиса Пирръ?—кричалъ третій.

— Чортъ побери вашъ дурацкій языкъ!—сказалъ высокій молодой человѣкъ, схвативъ говорившаго за воротникъ и сильно встряхивая его.—За эти слова принцъ отрубитъ вамъ голову!

— Уаттъ ничего не потеряетъ, клянусь Богомъ!—замѣтилъ другой.—Его голова пуста, какъ сума у нищаго.

— Что за дьявольщина происходитъ съ дворецкимъ и лакеями! — крикнулъ первый.— До сихъ поръ не накрываютъ столовъ.

— Mon Dieu! еслибы за хорошій апетитъ посвящали въ рыцарство, то вы, Гумфри, давно имѣли бы свое знамя,—замѣтилъ второй среди всеобщаго смѣха.

— А еслибы награждали за пьянство, такъ вы, старая кожаная башка, давно считались бы первымъ барономъ! — крикнулъ обиженный Гумфри. — Ну, что новаго въ Англіи, лоринскіе парни?

— Я полагаю,—отвѣчалъ Фордъ,—что въ Англіи все идетъ по старому, какъ было и при васъ, за исключеніемъ того, что теперь тамъ стало немного потише.

— Отчего потише, юный Соломонъ?

— Предоставляю вамъ самимъ это угадать.

— Pardieu! Сюда явился паладинъ, у котораго еще не высохла на башмакахъ гемпширская грязь. Онъ хочетъ сказать, что безъ насъ въ Англіи стало тише!

— Однако, они тутъ стали очень проворны!—сказалъ Фордъ, обращаясь къ Аллану.

— Какъ понять ваши слова?—спросилъ взбѣшенный Гумфри.

Digitized by Google

— Какъ угодно!—беззаботно отвѣтилъ Фордъ.

— Это дерзость!—крикнулъ Гумфри.

— Сэръ, я изумленъ вашей проницательностью.

— Оставьте, Гумфри!—вскричалъ, смѣясь, высокій оруженосецъ.—Вамъ не справиться съ этимъ джентльменомъ, какъ видно. Гемпширскіе языки очень остры, сэръ.

— А мечи?

— Гм! Можно испытать. Черезъ два дня назначенъ турниръ, и мы увидимъ, такъ ли остро ваше копье, какъ остеръ вашъ умъ.

— Все это прекрасно, Роджеръ Геркомбъ!—замѣтилъ дюжій молодой человѣкъ съ бычачьей шеей, крѣпкія плечи котораго и мускулистыя руки показывали большую физическую силу.—Но вы относитесь слишкомъ легко къ дѣлу. Мы такъ скоро не поддадимся. Конечно, имя лорда Лорина много значитъ, тѣмъ не менѣе, мы ничего не знаемъ о его оруженосцахъ, кромѣ того, что одинъ изъ нихъ очень дерзокъ на языкъ. Что касается васъ, юный сэръ...—началъ онъ, опуская тяжелую руку на плечо Аллана.

— Что касается меня, юный сэръ?..

— Ma foi! да это молоденькій пажъ миледи! Ваши щоки станутъ смуглы и рука загрубѣетъ къ тому времени, какъ вы опять увидите свою мамашу.

— Хотя моя рука и не груба, но зато способна къ дѣлу.

— Какому? Нести шлейфъ миледи?

— Наказать нахала, сэръ!—вскричалъ Алланъ съ пылающими глазами.

— Милый мальчикъ,—отвѣчалъ дюжій оруженосецъ.—Какой чудный цвѣтъ лица, какой нѣжный голосъ! Глаза стыдливой дѣвушки и волосы, какъ у трехлѣтняго ребенка.—И онъ грубо провелъ толстыми пальцами по золотымъ локонамъ Аллана.

— Вы ищете ссоры, сэръ?— спросилъ Алланъ, побѣлѣвъ отъ гнѣва.

— А что если такъ?

— Но ищете ее, какъ мужикъ, а не какъ благородный дворянинъ. Низкій по рожденію, и также низко воспитанный! Я служу господину, который можетъ научить васъ, какъ поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ!

Digitized by Google

— А какъ бы онъ поступилъ, о, самый розовый изъ оруженосцевъ?

— Онъ не былъ бы ни крикливъ, ни грубъ, но еще болѣе деликатенъ, чѣмъ обыкновенно. Онъ сказалъ бы: «сэръ, считаю великой для себя честью поднять противъ васъ оружіе, не ради себя и своего честолюбія, но во славу миледи и благороднаго рыцарства». Потомъ онъ снялъ бы перчатку, вотъ такъ, и бросилъ бы ее на землю, а еслибъ имѣлъ основаніе предполагать, что говоритъ съ мужикомъ, то бросилъ бы перчатку ему въ лицо—какъ я бросаю!

По толпѣ оруженосцевъ пробѣжалъ ропотъ волненія, когда Алланъ, деликатная натура котораго была возмущена безпричиннымъ оскорбленіемъ, съ силой бросилъ перчатку въ лицо зубоскалу. Со всѣхъ сторонъ залы сбѣжались пажи и оруженосцы и окружили противниковъ.

— Вы поплатитесь за это жизнью!—проговорилъ насмѣшникъ, лицо котораго исказилось отъ ярости.

— Если вы съумѣете ее взять!—возразилъ Алланъ.

— Славно,—шепнулъ ему Фордъ.—Стойте на своемъ!

— Надо ихъ разсудить по справедливости! — вскричалъ Норбёри, молчаливый оруженосецъ сэра Оливера.

— Вы сами во всемъ виноваты, Джонъ Трентеръ,—сказалъ высокій оруженосецъ, котораго называли Роджеромъ Геркомбомъ.—Всегда задираете новичковъ. Стыдно заводить это далѣе. Парень велъ себя отлично.

— Но пощечина, пощечина!— кричали оруженосцы постарше.—Этого нельзя такъ оставить!

— Трентеръ первый зацѣпилъ его волосы,—отвѣчалъ Геркомбъ.—Что скажете вы, Трентеръ? Какъ порѣшить дѣло?

— Мое имя здѣсь извѣстно! — надменно отвѣчалъ Трентеръ.—Я могу презирать то, что̀ другіе считаютъ обидой. Пусть онъ подниметъ свою перчатку и попроситъ извиненія.

— Скорѣе онъ попадетъ въ лапы къ дьяволу!—прошепталъ Фордъ.

— Слышите, молодой сэръ? — спросилъ примиритель. — Нашъ другъ согласенъ покончить дѣло, если только вы скажете, что поступили въ раздраженіи и необдуманно.

— Я не могу сказать этого,—отвѣчалъ Алланъ.

— У насъ въ обычаѣ, молодой сэръ, испытывать нович-

Digitized by Google

ковъ-оруженосцевъ, когда они пріѣзжаютъ сюда изъ Англіи. Человѣкъ долженъ пробовать свое копье въ мирное время, чтобъ знать, годится ли оно для войны. Точно также мы должны испытывать и своихъ товарищей.

— Совѣтую вамъ покончить миромъ, если возможно,—шепнулъ Норбёри на ухо Аллану.— Онъ замѣчательно владѣетъ мечемъ и гораздо сильнѣе васъ.

Но Эдриксонъ принадлежалъ къ упорной саксонской расѣ, кровь которой разгорается медленно, но зато не скоро охладѣваетъ. Предостереженія Норбёри только усилили его рѣшимость.

— Я пришелъ сюда по волѣ своего господина,—проговорилъ онъ,—и смотрѣлъ на каждаго англичанина, какъ на друга. Этотъ джентльменъ привѣтствовалъ меня дерзостью, и если я отвѣтилъ ему тѣмъ же, онъ самъ въ этомъ виноватъ. Я подниму перчатку, но не беру назадъ сдѣланнаго, пока онъ первый не попроситъ у меня прощенія.

Трентеръ пожалъ плечами.—Вы сдѣлали все, чтобы спасти его, Геркомбъ,—сказалъ онъ.— Намъ лучше начать поскорѣй.

— Я говорю то же самое!—произнесъ Алланъ.

— Совѣтъ будетъ продолжаться до банкета,—замѣтилъ сѣдовласый оруженосецъ.— У васъ останется свободныхъ два часа.

— А мѣсто?

— Турнирная арена совершенно пуста въ это время дня.

— Нѣтъ, во дворцѣ неудобно. Если узнаетъ принцъ—всѣмъ достанется за это.

— Есть одно спокойное мѣстечко близь рѣки,—сказалъ какой-то юноша.—Стоитъ пройти только монастырскія владѣнія, и спуститься мимо церкви Санъ-Реми.

— Идемъ!—отрывисто сказалъ Трентеръ, и все общество высыпало на открытый воздухъ, исключая тѣхъ, которые не могли оставить своего мѣста, по особому приказу господъ. Эти несчастливцы бросились къ маленькимъ окнамъ и слѣдили, пока было возможно, за удаляющейся толпой.

На самомъ берегу Гаронны зеленѣла небольшая лужайка. Съ одной стороны подымалась высокая ограда монастырскаго парка, съ другой виднѣлись безлистныя деревья фруктоваго сада. Глубокая и быстрая рѣка ударялась о крутой берегъ, но ло-

Digitized by Google

докъ было очень мало, и корабли стояли далеко. Здѣсь противники обнажили мечи и сбросили свои камзолы, потому что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ кольчуги. Дуэль, съ ея строгимъ этикетомъ, тогда еще не вошла въ обычай, но грубыя стычки и внезапныя состязанія были обычнымъ явленіемъ той эпохи, когда пылкій юноша могъ ѣздить свободно по чужимъ краямъ, съ мечемъ у пояса. Трентеръ считался извѣстнымъ на турнирахъ и всякихъ состязаніяхъ. Но Алланъ, упражняясь ежедневно, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и одаренный отъ природы вѣрнымъ глазомъ и быстрой рукой, могъ считаться теперь не послѣднимъ оруженосцемъ. Они представляли странную пару, когда сошлись лицомъ къ лицу: Трентеръ—черный, дюжій и тяжеловѣсный, съ волосатой грудью и жилистыми руками; а рядомъ съ нимъ Алланъ, воплощеніе красоты и граціи, съ его золотыми волосами и нѣжной, какъ у женщины, кожей. Силы казались неравными до крайности, но нѣкоторые, наиболѣе опытные изъ присутствующихъ, замѣтили нѣчто въ твердыхъ, сѣрыхъ глазахъ юноши и его размѣренной поступи, и начинали думать, что исходъ битвы еще далеко не рѣшенъ.

— Стойте, сэры, стойте!—закричалъ Норбёри, когда они подняли мечи.—У этого джентльмена обоюдоострый мечъ и много длиннѣе, чѣмъ у нашего друга.

— Возьмите мой мечъ, Алланъ!—сказалъ Фордъ.

— Нѣтъ, друзья мои!—отвѣчалъ Алланъ.—Я изучилъ свой мечъ, и хорошо знаю его вѣсъ и балансъ. Къ дѣлу, сэръ! Милордъ ожидаетъ насъ въ аббатствѣ.

Огромный мечъ Трентера, дѣйствительно, былъ важнымъ преимуществомъ. Трентеръ стоялъ, плотно сдвинувъ ноги и согнувъ колѣни. Онъ держалъ передъ собою мечъ, поднятый прямо къ верху, такъ что онъ могъ или нанести имъ ударъ, или, поворачивая широкое лезвіе, прикрывать имъ голову и тѣло. Хорошей защитой, кромѣ того, могла служить широкая и крѣпкая рукоятка меча, снабженная глубокой зазубриной, въ которую можно было поймать непріятельскій мечъ и, ловкимъ поворотомъ кисти, сломать его въ куски. Алланъ же могъ только надѣяться на острое зрѣніе и быстроту движеній, потому что его мечъ, хотя замѣчательно острый, былъ легкой и граціозной конструкціи.

Трентеръ хорошо зналъ свое преимущество и спѣшилъ

Digitized by Google

воспользоваться имъ. Когда его противникъ сталъ приближаться, онъ сдѣлалъ внезапный прыжокъ впередъ и съ такой силой опустилъ мечъ, что этотъ ударъ могъ бы разрубить надвое Аллана, еслибъ онъ не сдѣлалъ легкаго прыжка назадъ. Гибкій, какъ пантера, Алланъ бросился впередъ и нанесъ ударъ, но Трентеръ, столько же проворный, какъ и сильный, отразилъ ударъ движеніемъ тяжелаго меча. Опять онъ размахнулъ своимъ мечемъ такъ ужасно, что у зрителей замерло сердце, и опять Алланъ съ изумительной ловкостью уклонился отъ него и нанесъ два такихъ быстрыхъ удара, что противникъ едва успѣлъ ихъ отразить. Но они были теперь такъ близко одинъ къ другому, что Алланъ не успѣлъ уклониться отъ слѣдующаго удара, который выбилъ у него мечъ изъ рукъ и оцарапалъ лобъ, такъ что кровь начала струиться по глазамъ и лицу. Противники стояли, тяжело дыша, а вокругъ нихъ слышались громкія одобренія толпы.

— Оба молодцы!—кричалъ Геркомбъ.—Обоимъ это состязаніе принесло честь, и будетъ грѣшно и стыдно продолжать его долѣе.

— Довольно, Эдриксонъ!—сказалъ Норбёри.

— Вы вели себя достойнымъ образомъ,—говорили старые оруженосцы.

— Съ своей стороны, я не имѣю охоты убивать этого молодаго человѣка,—сказалъ Трентеръ, вытирая мокрый лобъ.

— Согласенъ ли этотъ джентльменъ просить у меня прощенія, за то что оскорбилъ меня?—спросилъ Алланъ.

— Нѣтъ, я не согласенъ.

— Такъ берегитесь, сэръ!—Опять со звономъ встрѣтились двѣ стали. Алланъ устремлялся впередъ, Трентеръ постоянно отступалъ, чтобъ имѣть мѣсто для свободнаго размаха мечемъ. Послѣ одного удара, изъ лѣваго плеча Аллана показалась кровь, и въ тотъ же моментъ онъ слегка ранилъ Трентера въ бедро. Но вслѣдъ затѣмъ его мечъ попалъ на фатальную зарубку, послышался трескъ, звонъ упавшаго осколка, и Алланъ увидѣлъ, что отъ его меча осталась только половина.

— Ваша жизнь въ моихъ рукахъ,—сказалъ Трентеръ съ жестокой усмѣшкой.

— Нѣтъ, нѣтъ! онъ сдается!—вмѣшались присутствующіе.

— Другой мечъ!—крикнулъ Фордъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, сэръ,—сказалъ Геркомбъ,—это не принято.

— Бросьте этотъ осколокъ, Эдриксонъ!—закричалъ Норбёри.

— Нѣтъ!—проговорилъ Алланъ.—Просите вы у меня прощенія, сэръ?

— Вы сумашедшій, если спрашиваете это!

— Такъ берегитесь!—крикнулъ молодой оруженосецъ, бѣшено кидаясь впередъ съ обломкомъ своего меча. Отъ его вниманія не укрылось, что противникъ дышалъ коротко и тяжело, какъ человѣкъ, готовый упасть отъ изнеможенія. Теперь настало время показать силу и преимущество гибкаго и легкаго тѣла Аллана. Онъ все наступалъ и наступалъ; зубчатый осколокъ его меча постоянно грозилъ то лицу врага, то горлу, то груди, и безпрерывными ударами старался оттолкнуть широкое лезвіе, прикрывавшее, какъ щитъ, тѣло его противника. Но опытный Трентеръ зналъ, что это не можетъ долго продолжаться. Малѣйшая усталость со стороны Аллана, и онъ погибъ. А онъ непремѣнно ослабѣетъ! Человѣкъ не можетъ выдержать долго такого напряженія. Вотъ уже удары юноши становятся менѣе сильны, ноги менѣе тверды, хотя не потухаетъ рѣшимость въ его смѣлыхъ сѣрыхъ глазахъ. Трентеръ, наученный опытомъ многихъ лѣтъ, зналъ, что теперь наступилъ удобный моментъ. Онъ оттолкнулъ въ сторону жалкое оружіе, грозившее ему, поднялъ огромный мечъ, сдѣлалъ прыжокъ назадъ, чтобъ шире размахнуться, и... исчезъ въ волнахъ Гаронны.

И зрители, и сражающіеся были такъ заняты битвой, что совсѣмъ забыли о крутомъ берегѣ и быстрой рѣкѣ, скрывавшейся за нимъ. Когда Трентеръ, отступая передъ яростнымъ нападеніемъ противника, былъ уже на самомъ краю обрыва, раздался общій крикъ ужаса, и послѣдній прыжокъ, послѣ котораго онъ думалъ нанести смертельный ударъ Аллану—бросилъ его въ глубину холоднаго леденящаго потока. Два раза его изнеможенное лицо и костенѣющіе руки показывались на поверхности шумящаго зеленаго водоворота. Напрасно товарищи опустили къ нему связанные ножны мечей, древесныя вѣтви и пояса. Алланъ опустилъ разбитый мечъ и стоялъ, дрожа всѣми членами, а его ярость внезапно смѣнилась жалостью. Въ третій разъ утопающій показался на по-

Digitized by Google

верхности—руки покрыты тинистой болотной травой, глаза въ отчаяніи обращены къ берегу. Алланъ встрѣтилъ эти глаза и не могъ выдержать ихъ молчаливой мольбы. Еще мгновеніе,—и онъ также былъ въ Гароннѣ, плывя изо всѣхъ силъ, чтобы спасти недавняго врага.

Теченіе было очень быстро и сильно, и хотя Алланъ прекрасно плавалъ, ему пришлось сильно работать мускулами. Подплыть къ Трентеру и схватить его за волосы — было минутнымъ дѣломъ, но держать голову утопающаго надъ водой и, въ то же время, одной рукой бороться противъ теченія,—это совсѣмъ другое дѣло. Дѣлая сотню размаховъ рукой, онъ, казалось, не подвигался даже на вершокъ. Наконецъ, среди радостныхъ криковъ и похвалъ товарищей, ему удалось выбраться изъ водоворота, и въ ту же минуту ему въ руки спустили канатъ изъ перевязей, соединенныхъ вмѣстѣ застежками. Еще нѣсколько взмаховъ сильными руками, и оба противника, вымокшіе и блѣдные, были на берегу и, задыхаясь, повалились на траву.

Джонъ Трентеръ первый пришелъ въ себя, потому что хотя онъ и пробылъ долѣе въ водѣ, но ему почти не пришлось бороться съ волнами. Онъ всталъ на ноги и посмотрѣлъ внизъ, на своего спасителя, который, приподнявшись на локоть и слабо улыбаясь, выслушивалъ громкія поздравленія и похвалы товарищей.

— Очень обязанъ вамъ, сэръ,—проговорилъ Трентеръ, не особенно дружескимъ тономъ.—Еслибъ не ваша помощь, я лежалъ бы теперь на днѣ рѣки, потому что я уроженецъ Варвикшира, мѣстности сухой, гдѣ почти никто не умѣетъ плавать.

— Я не прошу благодарности,—рѣзко отвѣтилъ Алланъ.—Фордъ, помогите мнѣ встать.

— Рѣка была мнѣ врагомъ,—сказалъ Трентеръ,—а вамъ—добрымъ другомъ: она спасла васъ отъ смерти.

— Можетъ быть,—отвѣтилъ Алланъ.

— Но теперь все кончилось,—вмѣшался Геркомбъ,—и къ тому же совершенно благополучно, на что̀ я почти не смѣлъ надѣяться. Нашъ юный другъ съ честью заслужилъ свое право именоваться членомъ достопочтеннаго клуба бордосскихъ оруженосцевъ. Вотъ вашъ камзолъ, Трентеръ.

Digitized by Google

— Увы, мой бѣдный мечъ покоится на днѣ Гаронны,— проговорилъ Трентеръ.

— Вотъ вашъ плащъ, Эдриксонъ!—крикнулъ Норбёри.— Набросьте его на плечи, онъ сухой.

— А теперь—въ аббатство,—заговорили всѣ.

— Одну минуту, господа!—воскликнулъ Алланъ, опиравшійся на плечо Форда и сжимавшій въ рукѣ сломанный мечъ, который онъ поднялъ съ земли.—Меня немного оглушила вода, и потому я могъ не разслышать того, что говорилось вокругъ. Я желаю знать, просилъ ли этотъ джентльменъ у меня извиненія за тѣ обиды, которыя нанесъ мнѣ въ дворцовой залѣ?

— Что! вы все еще стоите на своемъ?—спросилъ Трентеръ.

— А почему же нѣтъ, сэръ? Если я пожелалъ чего нибудь добиться, то буду добиваться этого до послѣдняго вздоха!

— Ma foi! но вы и безъ того уже блѣдны, какъ смерть,— проговорилъ Геркомбъ.—Послушайтесь моего совѣта, сэръ, и оставьте это дѣло, которое такъ счастливо окончилось.

— Нѣтъ!—отвѣчалъ Алланъ.—Не я началъ эту ссору, но если я уже здѣсь, то клянусь, что не покину этого мѣста, пока не получу должнаго удовлетворенія. Итакъ, сэръ, просите прощенія, или берите другой мечъ и становитесь опять!

Молодой оруженосецъ былъ мертвенно блѣденъ послѣ страшной борьбы на землѣ и съ волнами. Одежда напиталась водой, на лбу и на бѣломъ плечѣ сочилась кровь, но вся его поза и лицо выражали твердую рѣшимость. Болѣе тупая и грубая натура его противника была наконецъ побѣждена нравственной силой Аллана.

— Я не думалъ, что вы примете это такъ серьезно,—проворчалъ онъ.— Это была шутка, за которую не стоитъ сердиться, и, если желаете, я извиняюсь.

— И я также!— отвѣтилъ Алланъ порывисто.—Вотъ вамъ моя рука!

— Обѣденный сигналъ слышался уже три раза,—замѣтилъ Геркомбъ, когда вся толпа, болтая, двинулась въ путь.— Не знаю, что подумаетъ главный поваръ его высочества. Клянусь честью, мастеръ Фордъ! вашему другу не худо бы выпить бокалъ вина послѣ гароннской водицы. Никогда я не ожидалъ, смотря на его прекрасное лицо, что онъ способенъ къ такой настойчивости.

Digitized by Google

— Правда! — отозвался Фордъ. — Это, должно быть, бордосскій воздухъ превратилъ нашу горлицу въ такого забіяку. Во всемъ Гемпширѣ не было болѣе кроткаго и вѣжливаго юноши.

— Его господинъ, насколько я замѣтилъ, тоже очень кроткій и вѣжливый джентльменъ,—проговорилъ Геркомбъ.—Но я думаю, что и съ нимъ тоже шутки плохи.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

ЧТО ДѢЛАЕТСЯ ВЪ ДЕРЕВНѢ?

Маленькіе разсказы [1]).

IV.

Тюрьма и свобода.

И, затерянный въ народѣ,
Вдругъ исчезъ Иванъ...
Какъ живешь ты *на свободѣ*?
Гдѣ ты?.. Эй, Иванъ!

Н. А. Некрасовъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я жилъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ, расположенныхъ по берегу огромной судоходной рѣки, и лѣтомъ, какъ-то поутру, зашелъ къ знакомому вице-губернатору...

Мы сидѣли въ его кабинетѣ; вице-губернаторъ подписывалъ бумаги, съ вечера принесенныя изъ губернскаго правленія и теперь лежавшія на его письменномъ столѣ, а въ то же время разговаривалъ со мною о какихъ-то пустякахъ... Не подумайте, пожалуйста, что я обмолвился или написалъ несообразность, сказавъ, что вице-губернаторъ дѣлалъ одновременно два дѣла:—одно чисто служебное, другое совершенно частное. Нисколько... Вопреки общепринятой привычкѣ всѣхъ даже мало-мальски занятыхъ людей, этотъ вице-губернаторъ любилъ, чтобы тѣ полчаса, которые онъ занимался подписываніемъ бумагъ на дому, кто нибудь сидѣлъ у него въ кабинетѣ, и притомъ непремѣнно бесѣдовалъ съ нимъ; и если въ это раннее время дня въ его домѣ не случалось гостя, онъ звалъ къ себѣ въ кабинетъ жену или кого нибудь изъ дѣтей и, подписывая бумаги, толковалъ съ ними о чемъ попало. Дѣлать одновременно два дѣла было для него, очевидно, настолько же легко, насколько одной моей знакомой старушкѣ,—давнымъ-давно постигшей искусство вязать чулки и вязавшей ихъ сорокъ лѣтъ съ лишнимъ, стало въ концѣ концовъ легко вязать чулокъ, считать при этомъ

[1]) См. первые разсказы въ январьской книгѣ этого года.

Digitized by Google

петли, и одновременно читать газету или какую нибудь книгу. Какъ и знакомому вице-губернатору, я немало дивился знакомой старушкѣ, а она, будто еще хвастая своей способностью дѣлать одновременно нѣсколько дѣлъ и самодовольно ухмыляясь, порою ухитрялась въ то же время еще и отвѣчать на мои вопросы!..

Чрезвычайно опытнымъ чиновникомъ былъ и знакомый мой вице-губернаторъ. Ему вовсе не надо было читать подписываемую бумагу, вникать въ смыслъ ея и раздумывать надъ тѣмъ: совершѣнна она, или хотя бы удовлетворительна, подписывать ли ее въ томъ видѣ, какъ она составлена дѣлопроизводителемъ или его помощникомъ, скрѣплена тоже безъ прочтенія секретаремъ и совѣтникомъ, подана ему для подписанія и для того же будетъ подана губернатору; или же просмотрѣть ее и, замѣтивъ какой нибудь пропускъ, недосмотръ, а нерѣдко и безсмыслицу, передѣлать бумагу, отдать ее снова въ переписку и уже затѣмъ подписать свою фамилію... Это только какой нибудь молодой, рьяный и неопытный чиновникъ изъ «желторотыхъ воробьевъ» могъ—и тоже, конечно, до поры до времени—поступать такимъ образомъ, воображая въ своемъ маломыслiи, что всѣ эти бумаги, которыя онъ подписываетъ, а порою даже составляетъ лично, когда ихъ можетъ составить и его подчиненный,—представляютъ изъ себя нѣчто дѣльное, важное, дѣйствительно необходимое, безъ чего пошатнется государство и погибнетъ народъ. Этотъ вице-губернаторъ—давно служащій и «здравомыслящій» чиновникъ, такъ сказать, воробей старый и обстрѣленный—убѣдился не сегодня и не вчера въ томъ, что отъ подписываемой имъ бумаги никому,—ни даже тому учрежденію, въ которое она направляется,—ничего, кромѣ именно подписи его, и не требуется!.. За долгое время своей службы, онъ убѣдился также и въ томъ, что все, по мнѣнію Петербурга, *дѣйствительно нужное* для деревни, присылается оттуда къ исполненію и примѣненію готовымъ и разжеваннымъ, а имъ,—мѣстнымъ администраторамъ, положительно ни на что не уполномоченнымъ,—предоставляется дѣлать только свое дѣло: изъ года въ годъ подписывать какія-то шаблонныя,—въ большинствѣ случаевъ не писанныя даже, а «по примѣру прошлыхъ лѣтъ» напечатанныя въ губернской типографіи,—донесенія *вверхъ* и приказанія *внизъ* по администраціи... А разъ убѣдившись въ этомъ, вице-губернаторъ, подобно милліону другихъ чиновниковъ, подписывалъ, уже не читая, тѣ ворохà казенной бумаги, которые, никогда и ни на что свѣта не прольютъ, никому пищи, безъ сомнѣнія, не дадутъ, но въ которые—чтò дѣлать? все имѣетъ свое назначеніе—черезъ четверть вѣка мелочные лавочники будутъ завертывать грядущему поколѣнію съѣстные припасы и освѣтительные товары...

Digitized by Google

И ежедневно, въ разъ навсегда опредѣленное время—въ половинѣ одиннадцатаго утра—генеральскій лакей («чиновниковъ особыхъ порученій» вице-губернаторамъ по штату не положено) вытаскивалъ съ нѣкоторымъ усиліемъ изъ присланнаго губернскимъ правленіемъ портфеля груду бумагъ, акуратно складывалъ эту груду съ лѣвой стороны вице-губернаторскаго стола и, войдя затѣмъ въ столовую, гдѣ только что проснувшійся генералъ кушалъ чай, докладывалъ: «бумаги готовы, ваше превосходительство»! Генералъ уносилъ съ собою въ кабинетъ второй стаканъ чаю, ставилъ его передъ собою, закуривалъ папироску, бралъ въ руку перо и тутъ начинался служебный день его превосходительства:—вице-губернаторъ начиналъ «подписывать бумаги»... Въ извѣстныхъ случаяхъ, крайне сообразительные и всегда предупредительные къ начальству мелкіе чиновники, уловивъ однажды способъ занятія начальства, облегчали ему даже дѣло подписыванія: подготовляя въ правленіи бумаги къ отсылкѣ, они складывали ихъ такъ, чтобы сверху лежалъ не заголовокъ, не начало каждой бумаги, а конецъ ея, то есть именно та страница, на которой было оставлено мѣсто для подписи и уже выведены писцомъ ея начальныя слова: «Вице-губернаторъ»;—такимъ образомъ, генералу оставалось только подписать: «Дѣлягинъ» и расчеркнуться... Поэтому, изъ груды, положенной лакеемъ съ лѣвой стороны письменнаго стола, одна за другой, бумаги быстро скользили на середину его только на время, необходимое для подмахиванія фамиліи «съ росчеркомъ», а затѣмъ,—чтобы не перемѣшать подписанныя съ неподписанными,—складывались опять одна на другую, но уже съ правой стороны стола... И ровно въ одиннадцать часовъ вся груда выростала по правую сторону генерала. Потомъ, на звонокъ являлся лакей, съ тѣмъ же усиліемъ сгребалъ груду обратно въ портфель, передавалъ оный правленскому сторожу, а тотъ уносилъ опять въ правленіе эту временную усыпальницу дѣлъ губернской администраціи...

Итакъ, вице-губернаторъ прихлебывалъ чай, подписывалъ бумаги, курилъ, и мы разговаривали... Было, вѣроятно, уже безъ четверти одиннадцать, потому что на столѣ вице-губернатора,—какъ на кладбищѣ дерновыя насыпи на одновременно задѣланныхъ могилахъ,—уже возвышались и по правую, и по лѣвую сторону одного размѣра пачки бумагъ, когда въ дверяхъ кабинета появился вѣстовой генерала—старшій въ городѣ заслуженный полицейскій солдатъ Трифоновъ.

— Иванъ Обойденовъ—къ вашему превосходительству!—доложилъ онъ.

— Кто?—не отрываясь отъ дѣла, переспросилъ пренебрежительно

Digitized by Google

вице-губернаторъ. Звонка не было слышно въ прихожей, стало быть, онъ зналъ уже, что проситель—съ чернаго хода и особенно безпокоиться было не о чемъ:—можетъ и подождать, и въ другой разъ зайти, да и вообще...

— Иванъ Обойденовъ, ваше превосходительство!—повторилъ Трифоновъ.

— Что такое за гусь?—на этотъ разъ не то игриво, не то разсѣянно спросилъ богъ вѣсть кого: себя или Трифонова—генералъ, все подписывая и перекладывая бумаги.—Кто *обошелъ* этого Ивана *Обойденова*?—сострилъ онъ затѣмъ, улыбаясь и обращаясь уже ко мнѣ.

Я промолчалъ, потому что, еще не имѣя понятія объ этомъ Иванѣ, не могъ знать, конечно, и о томъ, кто его обошелъ. Тѣмъ временемъ Трифоновъ, предположивъ, что вопросъ о томъ, что̀ за гусь этотъ Иванъ Обойденовъ, предложенъ генераломъ именно ему, доложилъ:

— Папиросникъ, арестантъ бывшій, ваше превосходительство!

— А-а-а!.. Вотъ это кто!—протянулъ, вспоминая, вице-губернаторъ.—Выпустили?!.. Да, да... Бутыркинъ докладывалъ мнѣ на дняхъ... Срокъ кончился... Жалко, жалко! При немъ дешево обходились намъ папиросы,—проговорилъ онъ и затѣмъ спросилъ:—Что жь ему надо?

— Не могу знать-съ, ваше превосходительство! Сказываетъ, необходимо лично видѣть...

— Даже необходимо?!.. Скажи, пожалуйста!—посмѣялся генералъ.

— Ну, ужь если *необходимо*, такъ доложи, пожалуйста, Ивану Обойденову, что я прошу *ихъ* обождать, пока вотъ бумаги подпишу,—добавилъ онъ.

Отвѣтивъ: «слушаю-съ, ваше превосходительство», Трифоновъ удалился на цыпочкахъ черезъ залу въ переднюю, а генералъ, продолжая перекладывать бумаги и разговаривать со мною, просидѣлъ за столомъ еще минутъ десять—до тѣхъ поръ, пока вся груда бумагъ возвысилась съ правой стороны, а на лѣвой отъ нея не осталось и слѣда. Затѣмъ онъ бросилъ перо, хрустнулъ пальцами, поднялся съ кресла, потянулся и вздохнулъ вздохомъ глубокимъ и облегченнымъ, какъ человѣкъ, кончившій наконецъ утомительный и нѣсколько даже обезсиливший его умственный трудъ... Я взглянулъ на часы: они показывали одиннадцать безъ двухъ минутъ...

— Такъ видите,—говорилъ мнѣ въ то же время генералъ,—у меня были: король, дама, валетъ и десятка пикъ, а у губернатора...

И онъ разсказалъ мнѣ подробно, какъ удачно вчера вечеромъ у жандармскаго полковника онъ съ губернаторомъ разыграли одну

Digitized by Google

партію въ винтъ, играя противъ предсѣдателей казенной и контрольной палатъ. Затѣмъ мы поговорили о томъ, о семъ еще съ четверть часа и, наконецъ, я напомнилъ ему и о томъ, что его ждетъ проситель.

— Ахъ, да!—зѣвая, вспомнилъ объ этомъ и генералъ.—Пройдемте вмѣстѣ. Тамъ не можетъ быть секрета... Это отсидѣвшій срокъ арестантъ, явившійся, вѣроятно, проститься и поблагодарить... Мы ему дѣлали особенныя льготы:—прекрасный папиросникъ,—пояснилъ онъ и добавилъ:—Да, впрочемъ, всѣ они теперь набалованы. Такъ *сверху* требуется, и духъ времени, видите ли, таковъ!.. Гуманность, гуманность, даже съ этими прохвостами—гуманность!..

Мы прошли залу и вышли въ переднюю, гдѣ стоялъ этотъ «прохвостъ», пользовавшійся двойной порціей административной гуманности и, по словамъ генерала, явившійся теперь благодарить за нее...

— Ну, здорово!—сказалъ генералъ какимъ-то такимъ голосомъ, какимъ никогда не говорилъ ни со мной, ни съ семейными своими, ни со знакомыми: голосомъ зычнымъ и звучнымъ до чрезвычайности, скорѣе военно, нежели гражданско-генеральскимъ,—голосомъ, незамѣнимымъ тамъ, на обширныхъ площадяхъ, при смотрахъ и парадахъ, и втунѣ погибавшимъ въ присутственныхъ комнатахъ губернскаго правленія... Не шутя, еслибы не пожары, на которыхъ генералъ всегда распоряжался и, правда, дивно распоряжался, да не тюрьмы и арестантскія роты, въ которыхъ онъ былъ главнымъ командиромъ,—за неимѣніемъ практики, пожалуй, онъ совсѣмъ спалъ бы съ голоса, какъ пѣвецъ, временно почему либо лишенный возможности пѣть... Притомъ, выдя въ переднюю, и позу онъ принялъ сразу такую, въ какой обыкновенно не стоялъ, да и не могъ бы долго выстоять:—онъ выпятилъ неестественно грудь впередъ и черезчуръ сильно закинулъ назадъ свое бритое фельдфебельское лицо съ длинными рыжевато-сѣдыми усами.

— Здравія желаю, ваше превосходительство!—отчеканилъ каждое слово Иванъ Обойденовъ, отвѣчая генералу тоже совсѣмъ не такъ, какъ отвѣчалъ обыкновенно людямъ вообще, а такъ, какъ только солдаты отвѣчаютъ своему начальству, а арестанты—своему: вытянувши руки по швамъ, поднявъ къ верху голову и превративъ осмысленное лицо въ глупую морду съ вытращенными до границъ возможнаго глазами...

— Кончилъ срокъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Ну, поздравляю!

Бывшій арестантъ, очевидно, не сообразилъ сразу, что̀ ему слѣдуетъ выкрикнуть въ данномъ случаѣ.—Рады стараться, ваше...—

Digitized by Google

началъ было онъ, нотутъ же вспомнивъ, что существуетъ гораздо болѣе подходящій возгласъ, оборвалъ начатый и выкрикнулъ:—покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство!..

Случайно присутствуя на этомъ офиціальномъ пріемѣ, я по неволѣ наблюдалъ и принимавшаго, и принимаемаго. И думалъ я, глядя на перваго: «Чего, въ сущности, хочетъ онъ достигнуть этой позой памятника, этимъ трубнымъ звукомъ неестественнаго голоса, этими холодными, шаблонными, казарменными вопросами, отвѣты на которые къ тому же извѣстны ему впередъ изъ предшествовавшаго доклада смотрителя Бутыркина?.. Вѣдь можетъ же онъ стоять иначе,—не какъ памятникъ, а какъ живой человѣкъ, можетъ и говорить такъ, какъ говорятъ люди, и если держитъ себя именно такъ, а не иначе, то, очевидно, это дѣлается съ намѣреніемъ, съ цѣлью... Но какая же цѣль, какая?!.. Страха нагнать? Внушить къ себѣ боязнь, трепетъ?.. Но для чего?!.. Ну, положимъ, по его мнѣнію, все это необходимо, когда онъ — крупное начальство — является въ арестантскія роты и «разноситъ» тамъ заключенныхъ; такъ тамъ и изображай изъ себя еще не поставленный памятникъ, издавай трубные звуки, потрясай воздухъ, пугай и запугивай людей! А тутъ-то, съ этимъ человѣкомъ?! Вѣдь онъ уже не арестантъ, онъ вольный гражданинъ, свободный человѣкъ! Неужели онъ и ему подобные воображаютъ, что и этотъ человѣкъ, Иванъ Обойденовъ, и всѣ прочіе Обойденовы, Притѣсненовы и Удрученовы — весь этотъ маленькій, простой людъ, вернувшись изъ города въ деревню, станетъ, *восхищаясь*, разсказывать тамъ *своимъ* о надутости и неприступности большаго человѣка, станетъ восторгаться его мнимымъ величіемъ?!.. Нѣтъ и нѣтъ!.. Эти самые простые люди, привыкшіе въ деревнѣ къ простотѣ, окруженные тамъ своимъ братомъ, *простымъ человѣкомъ*, *живущіе по простотѣ и только простоту любящіе*, вспоминаютъ съ любовью только тѣхъ большихъ людей, тѣхъ господъ и чиновниковъ, которые *просто*, по людски говорили съ ними и не смотрѣли на нихъ съ высоты шаткихъ ходуль!.. Нѣтъ! Народъ не помянетъ ихъ добрымъ словомъ и въ сердцѣ своемъ не поставитъ имъ памятника».

Самого «принимаемаго» я пока только разглядывалъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, высокаго роста, худощавый и прекрасно, какъ-то не «по мужицки», сложенный. Онъ былъ прямъ, грудь его не была вдавлена, какъ обыкновенно у мужиковъ, а потому не было сутуловатости, и лопатки не выдавались; голову онъ держалъ высоко и прямо, какъ пожилой русскій крестьянинъ никогда ее не держитъ... Да и по костюму онъ не былъ вовсе похожъ на крестьянина-земледѣльца. Все на немъ надѣтое: — и высокіе смазные са-

Digitized by Google

поги, и заправленныя въ голенища штаны изъ дешеваго сукна, и выпущенная поверхъ штановъ красная кумачевая рубаха, и рыночные, тоже дешевые, но тоже суконные жилетъ и «спинжакъ», а также и фуражка, которую онъ держалъ въ рукахъ,—все было новенькое и, очевидно, только что купленное; къ тому же съ шеи, по груди его и до жилетнаго кармана, спускалась серебряная часовая цѣпочка—этотъ высшій признакъ благосостоянія простаго человѣка. «Должно быть, изъ достаточныхъ»! подумалъ я, оглядывая его франтовской костюмъ. «Впрочемъ,—папиросникъ: стало быть, человѣкъ фабричный», рѣшилъ я тутъ же, тѣмъ болѣе, что Обойденовъ имѣлъ теперь видъ именно мастероваго или фабричнаго человѣка, зарабатывающаго хорошія деньги, и притомъ какъ разъ тотъ праздничный видъ, когда, вырядившись, онъ собрался въ гости или въ кабакъ. «Видно, все таки, мало показалось трудовыхъ денегъ: стащилъ что нибудь и попался»! по скверной людской привычкѣ обвинять не зная, осудилъ уже и я Обойденова, тоже еще не зная, за какую вину отбылъ онъ наказаніе. Благодаря самодовольному лицу его и франтовской внѣшности, Обойденовъ не возбуждалъ во мнѣ и того сожалѣнія, какое, не взирая на доказательства разсудка, сердце человѣка чувствуетъ обыкновенно ко всякаго рода преступникамъ, порою даже къ каторжнымъ, разъ только они имѣютъ жалкій, оборванный и страдающій видъ. Но больше всего заинтересовало меня лицо вице-губернаторскаго просителя. Частью это было «благородное» лицо, частью—«простонародное». Оно было блѣдно, чисто и безъ малѣйшаго загара; и это была вовсе не желтоватая блѣдность изнуреннаго человѣка, волей-неволей изводящаго себя губительнымъ фабричнымъ трудомъ, и совсѣмъ не «тюремная» зеленоватая блѣдность болѣзненно-истощеннаго человѣка; нѣтъ, это была матовая блѣдность, блѣдность природнаго аристократа. Голубые глаза Ивана и его правильный тонкій носъ тоже, какъ говорится, «кричали о породѣ», но особенно кричали о ней его руки: акуратныя, словно точеныя, красивыя, съ длинными пальцами и твердыми ногтями,—словомъ такія, какихъ не бываетъ у простонародья и какія, по свидѣтельству многихъ, служатъ самымъ первѣйшимъ признакомъ «благорожденныхъ» людей. Но зато, съ другой стороны, густые и вьющіеся темно-каштановые безъ просѣди волосы Обойденова, позади подстриженные по мужицки «въ скобку» и сильно смазанные не то лампаднымъ, не то коровьимъ масломъ; толстыя губы, да бѣлые, ровные, крѣпкіе зубы,—какихъ въ нашемъ сословіи не бываетъ даже у женщинъ и у дѣтей, — свидѣтельствовали о томъ, что предки Ивана—именно русскіе крестьяне. «Что за ублюдокъ такой»?! думалъ я. «Вѣроятно, ему лѣтъ сорокъ пять;

Digitized by Google

родился, стало быть, при крѣпостномъ правѣ»!.. Припомнился мнѣ тутъ же разсказъ отца объ одномъ помѣщикѣ-крѣпостникѣ, который нынче выдавалъ замужъ за своего раба забеременѣвшую отъ него, отъ помѣщика, крѣпостную дѣвушку, а черезъ восемнадцать лѣтъ выдавалъ родившуюся отъ этой любовницы - рабыни свою дочь - рабыню тоже за раба, и тоже беременную... Припомнилось и еще нѣсколько подобныхъ разсказовъ... «Ну, что жъ мудренаго, что и этотъ»?! казалось мнѣ.

— Изъ конторы все заработанное получилъ? — продолжалъ, между тѣмъ, свои служебно-прописные вопросы вице-губернаторъ.

— Такъ точно, ваше превосходительство! — отвѣчалъ бывшій арестантъ, все также однообразно, какъ однообразно отвѣчаетъ индѣйскій пѣтухъ на однообразный посвистъ мальчишки.

— Претензій никакихъ не имѣешь?

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

Тутъ генералъ усмотрѣлъ, что всѣ вопросы, приличные данному случаю, заданы и отвѣты на нихъ получены.

— Ну, прощай! Смотри жь не попадайся больше!—сказалъ онъ въ заключеніе и, все еще не разгибаясь, пока былъ въ передней, вышелъ.

— Ваше превосходительство!—началъ было Обойденовъ, теперь, по окончаніи офиціальныхъ вопросовъ, намѣреваясь видимо сказать или спросить нѣчто нужное ему, а не пустое и уже извѣстное генералу.

Но генералъ былъ уже въ залѣ, разогнулся тамъ и шелъ въ кабинетъ. Я тоже пошелъ было за нимъ, но, услыхавъ призывъ Обойденова, взглянулъ на него и увидѣлъ крайне растерянное лицо просителя. Онъ имѣлъ видъ человѣка, опоздавшаго на тотъ поѣздъ желѣзной дороги, съ которымъ ему необходимо было выѣхать. Я хотѣлъ было передать объ этомъ вице-губернатору, но Трифоновъ, очевидно еще до пріема бесѣдовавшій съ Иваномъ и въ сущности знавшій настоящую причину его прихода къ генералу, предупредилъ меня. Онъ нагналъ генерала.

— Ваше превосходительсто! Папиросникъ проситъ—еще на минутку,—доложилъ онъ.

— Ну, что ему надо?!—воскликнулъ нетерпѣливо генералъ.— Время было завтракать. Къ часу дня генералъ пріѣзжалъ обыкновенно въ правленіе, гдѣ сидѣлъ до конца присутствія, до двухъ часовъ, и только затѣмъ переодѣвался изъ форменнаго платья въ статское и считалъ служебный день оконченнымъ:—Что жъ онъ не говорилъ, пока я былъ въ передней? — добавилъ онъ, но, однако, принявъ опять позу неприступнаго человѣка, вернулся въ переднюю.—Что тебѣ?—сурово спросилъ онъ Обойденова.

Digitized by Google

Проситель сообразилъ, вѣроятно, что генералъ торопится, что ему некогда, а потому безъ предисловій высказалъ свою просьбу и огорошилъ ею и генерала, да—каюсь—и меня...

— Явѝте божескую милость, ваше превосходительство!.. Не осмѣлился я прямо къ губернатору идти... Извольте приказать посадить меня опять въ тюрьму!—воскликнулъ онъ и совсѣмъ неожиданно бухнулся генералу въ ноги.

Вице-губернаторъ отступилъ.

— Встань, болванъ!.. Да скажи, пожалуйста, что ты рехнулся, что ли?—крикнулъ онъ, хмуря брови.

Перетрусившій Обойденовъ сконфуженно поднялся съ полу.

— Покажись?—продолжалъ вице-губернаторъ, дѣлая видъ, что оглядываетъ его.— Нѣтъ, не пьянъ! Что жь ты, спятилъ, что ли? Я только что пожелалъ тебѣ больше не попадаться, а ты самъ просишься въ тюрьму, и притомъ безо всякой вины? Лѣнтяи вы, лежебоки, бездѣльники, дармоѣды! Работать лѣнь, такъ и въ тюрьму проситесь, лишь бы на даровые хлѣба! Вотъ вамъ, до чего доводитъ гуманность,—замѣтилъ онъ мнѣ по французски; а затѣмъ, опять по русски, сказалъ Обойденову:—Ты бы раньше хоть у него спросилъ—генералъ указалъ на Трифонова:—можно ли посадить человѣка въ тюрьму безо всякой вины. Это даже онъ знаетъ, что нельзя! А ты ко мнѣ лѣзешь, меня безпокоишь такими пустяками. Да еще и къ губернатору собрался. Не смѣть! И думать не смѣй безпокоить губернатора. Слышишь? А то вышлю на родину по этапу. Въ двадцать четыре часа вышлю.

— Простите, ваше превосходительство! Осмѣлился, потому думалъ: ваша милость всегда можете приказать посадить,—оправдывался Иванъ.—А мнѣ бы сѣсть опять, потому, вотъ вамъ крестъ святой,—продолжалъ онъ, перекрестившись:—только съ тѣхъ поръ и жить началъ человѣкомъ, и баба съ ребятишками въ деревнѣ не голодаютъ, какъ я въ тюрьму попалъ и сталъ папиросы работать на вашу милость и на другихъ господъ... Явѝте божескую милость, ваше превосходительство! Заставьте за себя вѣкъ вѣчный Господа Бога молить. Извольте приказать поса...

— Дуракъ!—презрительно оборвалъ его генералъ.—Порядочные люди стыдятся сидѣть въ тюрьмѣ, за позоръ это считаютъ, за наказаніе, а ты...

И въ благородномъ негодованіи, пожавъ плечами, генералъ вышелъ.

Хотя мнѣ, гостю, это было и несовсѣмъ ловко, я все таки не послѣдовалъ теперь за генераломъ-хозяиномъ; я не могъ уже разстаться съ Обойденовымъ, не разузнавъ подробно все то, что за-

Digitized by Google

интересовало меня, послѣ высказанной имъ исключительной, оригинальной и въ своемъ родѣ единственной просьбы. Помилуйте! Арестантъ, въ видѣ наказанія высидѣвшій въ тюрьмѣ положенный срокъ и только что выпущенный изъ нея, самъ умоляетъ на колѣняхъ, чтобы начальство снова посадило его въ тюрьму. Да это нѣчто совершенно новое, небывалое, исключительное! «Только съ тѣхъ поръ, говоритъ, и жить началъ человѣкомъ, и баба съ ребятишками въ деревнѣ не голодаютъ, какъ я въ тюрьму попалъ» Помните, Петруха Киселевъ—жертва судебной «кое-какины»,—съ которымъ я познакомилъ васъ въ первомъ разсказѣ этой серіи, передавая мнѣ подробности своего возмутительнаго дѣла, сказалъ, между прочимъ: «Ну, въ острогѣ-то сидя, какъ водится, не нажился, а прожился». А этотъ говоритъ какъ разъ противоположное! И оба утверждаютъ по опыту:—оба побывали въ русской тюрьмѣ! «Странно, очень странно»! думалъ я тогда и остался сидѣть въ передней на ларѣ.

Какъ только вице-губернаторъ вышелъ, Обойденовъ опустилъ голову и задумался. Теперь онъ имѣлъ видъ человѣка, у котораго въ жизни оставалась лишь одна надежда выпутаться изъ скверныхъ, тугихъ обстоятельствъ и который только что узналъ, что и эта послѣдняя надежда рухнула.

— Да скажите же, пожалуйста, какую выгоду вы нашли въ тюрьмѣ? Неужели жь тамъ лучше, чѣмъ дома, и выгоднѣе, нежели на волѣ, на свободѣ?—спросилъ я его.

— Какъ можно, ваше благородіе! Этого мы не говоримъ. Это никакъ не возможно, чтобы человѣку въ тюрьмѣ было лучше, чѣмъ дома,—отвѣтилъ Обойденовъ:—какой онъ ни есть домъ, а все таки—домъ. Ну, и опять же—дѣти, жена... да и слобода... воля, какъ вы изволите сказывать... Только намъ-то... мнѣ, то есть, скажемъ, выгоды той нѣтъ дома жить или, скажемъ, при мѣстѣ, какая есть—въ тюрьмѣ! По нынѣшнимъ временамъ, да по нашей бѣдности, самое для меня развыгодное мѣсто—тюрьма... Вотъ что-съ!..

Я заинтересовался еще сильнѣе, задалъ ему еще вопросъ, еще и еще, и Обойденовъ—не знаю, думалъ ли онъ, что, участливо разспрашивая, я помогу его горю, упрошу генераловъ посадить его въ тюрьму, или просто обрадовался барину, всезнающему человѣку, съ которымъ можно теперь посовѣтоваться—подробно и откровенно разсказалъ мнѣ всю суть дѣла. И изъ этой бесѣды съ нимъ до завтрака, изъ разговора о немъ же съ генераломъ во время завтрака, да изъ бесѣдъ съ Обойденовымъ впослѣдствіи я узналъ многое...

Во-первыхъ, мое предположеніе оказалось справедливымъ: Иванъ

Digitized by Google

Обойденовъ былъ дѣйствительно незаконнымъ сыномъ своего бывшаго барина, князя Гущина, и только по записямъ считался сыномъ его крѣпостнаго человѣка Ѳомы Обойденова, за котораго мать Ивана, крѣпостная дѣвка Дарья, была выдана замужъ, побывавъ любовницей барина всего два-три мѣсяца... До четырехлѣтняго возраста, Ваньку билъ отецъ и *жалѣла* мать, а уже съ четырехъ лѣтъ онъ былъ взятъ въ барскій домъ; затѣмъ, до десяти былъ не то компаньономъ, не то лакеишкой законнаго князька, а съ десяти и до двадцати—вплоть до объявленія «воли» и одновременно до дня смерти стараго князя (Гущинъ умеръ отъ удара, а крестьяне говорили «отъ злости», въ то самое утро, когда «его» сельскій попъ прочелъ въ «имъ» построенной церкви великій манифестъ объ освобожденіи крестьянъ)—Иванъ исправлялъ въ княжескомъ домѣ своего дѣйствительнаго отца самыя разнообразныя, но одинаково бездѣльническія обязанности. Онъ ѣздилъ сначала форейторомъ, а потомъ выѣзднымъ лакеемъ съ княгиней, набивалъ трубку князю, во время обѣда отгонялъ отъ него большой вѣткой мухъ, передъ послѣобѣденнымъ сномъ чесалъ ему пятки, причесывалъ, мылъ и купалъ любимыхъ княжескихъ борзыхъ собакъ, жившихъ въ комнатахъ, а не на псарномъ дворѣ, а когда подросъ, то сталъ и чиновникомъ особыхъ порученій князя по его амурнымъ дѣламъ съ крѣпостными любовницами... Ни какому либо мастерству, ни настоящему дѣлу его такъ и не научили до двадцатилѣтняго возраста; былъ онъ «комнатный мальчишка» и, еслибы сохранились порядки прежняго времени, превратился бы съ годами въ «комнатнаго человѣка»—и свѣковалъ бы вѣкъ тунеядцемъ... Теперь «воля» застала его взрослымъ человѣкомъ, но никѣмъ: онъ не былъ ни настоящимъ лакеемъ, ни кучеромъ, ни поваромъ, ни садовникомъ, не зналъ никакого ремесла, а къ чисто крестьянскому земледѣльческому труду и подавно не былъ пріученъ. Его «метрическій» отецъ—Ѳома—былъ сынъ двороваго человѣка и самъ дворовый, но не холопъ, не бездѣльникъ, а лейбъ-шорникъ и людской башмачникъ княжескаго двора, а мать, взятая княземъ изъ деревни въ любовницы на семнадцатомъ году, была тогда же произведена въ прачки и, выданная замужъ за двороваго, превратилась тоже въ дворовую да такъ и осталась прачкой уже навсегда. Наравнѣ со всѣми дворовыми людьми, Ѳома и Дарья Обойденовы не получили при волѣ земельнаго надѣла, да и ничего въ сущности не получили, а, подобно большинству, и послѣ манифеста остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ, въ услуженіи у молодаго князя Гущина, но, какъ вольные люди, остались, конечно, уже на жалованьѣ. И, работая, дожили они свой вѣкъ, но жили недолго: Ѳома умеръ черезъ два года

Digitized by Google

послѣ «воли», а Дарья черезъ четыре. Также и Иванъ былъ оставленъ молодымъ княземъ въ комнатахъ, и тоже, конечно, на мизерномъ жалованьѣ, и въ сущности все для тѣхъ же бездѣльническихъ обязанностей... Продолжалось все то же; не было только чесанія пятокъ, потому что молодой князь засыпалъ прекрасно и безъ этого; но и трубки, и псы, и амурное адьютантство—все это осталось; только то, что̀ прежде творилось съ дѣвками «по праву», теперь обдѣлывалось при помощи денегъ, обмановъ и «безправныхъ» насилій... Однако, когда Ивану стукнуло двадцать пять лѣтъ и, «влюбившись» въ княжескую горничную, онъ женился на ней, «амурная» должность стала уже стѣснять его; слѣдствіемъ этого стѣсненія были промахи адьютанта и неудачно выполненныя порученія, и, разъ-другой обозлившись на него за это, князекъ живо пріискалъ себѣ болѣе сообразительнаго малаго, а Ивану отказалъ... Обойденовъ подыскалъ себѣ новое мѣсто,—и уже мѣсто «настоящаго» лакея; женѣ его въ томъ же домѣ вышло мѣсто горничной, и перекочевали они къ новымъ, къ «чужимъ» господамъ; у этихъ господъ они прослужили до тѣхъ поръ, пока произвели на свѣтъ третьяго по счету ребенка; а какъ родился онъ—господа отказали имъ отъ мѣста... Да и то: лакей съ утра до вечера долженъ находиться въ передней, горничная—въ дѣвичей; но и ночью барынѣ можетъ что нибудь понадобиться:—уйти нельзя и на ночь... А на кого же броcить дѣтей?.. Ну, кабы одинъ, куда ни шло, спихнули бы кому нибудь изъ родныхъ, чтобы не мѣшалъ пискунъ родителямъ заработывать хлѣбъ; а съ цѣлой тройкой куда же дѣваться?! Кто ее возьметъ?.. Никто! Кромѣ того, что жь это за горничная, какъ будетъ она всецѣло посвящать свой «оплаченный» день господамъ (а требовательны и придирчивы были они въ ту пору), когда она то беременна, то рожаетъ, то грудью кормитъ?!.. При второмъ ребенкѣ, Обойденовымъ посчастливилось: рожая, жена Ивана сошлась срокомъ съ барыней и была взята барыней въ кормилицы, а своего мальчика выкормила на рожкѣ; но послѣ третьяго—господа отказали... Сунулся Иванъ къ другимъ господамъ, туда, сюда: не беретъ никто!.. Какъ услышатъ, что при новой прислугѣ трое ребятъ, такъ ни за что и не берутъ. Одинъ баринъ такъ прямо и сказалъ: «да ихъ-то за что же я буду хлѣбомъ кормить? Нѣтъ, братецъ мой, теперь вы вольные, теперь ужь это ваши дѣти, а не наши рабы. Кормите сами»!.. Нечего было дѣлать: Обойденовъ поступилъ одинъ на мѣсто въ лакеи, а жену съ ребятишками помѣстилъ на наемной квартирѣ, въ ближайшей къ усадьбѣ деревнѣ, въ избѣ одного крестьянина. Жалованье получалъ онъ по тому времени порядочное:—пять рублей въ мѣсяцъ; только, какъ пожилъ,

Digitized by Google

видитъ: и за квартиру семьи отдай, и хлѣба ей купи, и хоть во что нибудь ее заверни, а самъ притомъ одѣвайся прилично, и все изъ этихъ пяти рублей!.. Какъ ни жался онъ, а концы съ концами никакъ не могъ свести:—жалованья не хватало. А тутъ еще, какъ на грѣхъ, то роды, то крестины, то похороны: пять лѣтъ онъ прожилъ на послѣднемъ мѣстѣ и за это время дифтеритъ отнялъ у него двухъ старшихъ мальчиковъ, а вмѣсто нихъ жена родила ему трехъ дѣвочекъ... Прошелъ еще годъ—еще ребенокъ... Что тутъ дѣлать?!.. Пятеро всего. Хорошо еще, что двое померло... Съ пятью ребятами становилось уже совершенно немыслимо существовать!.. Иванъ просилъ прибавки жалованья:—баринъ не прибавилъ; правда, кругомъ господа платили лакеямъ еще дешевле. Что было дѣлать?!. Обойденовъ опять задумался... Думалъ онъ, думалъ, а тутъ, какъ на грѣхъ, прослышалъ отъ пріѣзжаго изъ губернскаго города лакея, что тамъ лакеямъ платятъ гораздо дороже:—и восемь, и даже девять рублей въ мѣсяцъ... Иванъ собралъ свои скудные пожитки, жену и дѣтей, и махнулъ въ губернскій городъ. Тамъ ему сразу посчастливилось:—мѣсто онъ нашелъ скоро и притомъ на восемь рублей; больше, впрочемъ, ему не давали, какъ только узнавали, что онъ «изъ провинціи» и въ городѣ никогда не служилъ. «Порядковъ здѣшнихъ не знаешь, пріучать еще придется»,—говорили ему нанимавшіе... Но не помогли ему эти лишніе три рубля, что онъ сталъ получать противъ деревни въ городѣ. Самъ онъ не догадался поразспросить смутившаго его городскаго лакея, а тотъ—вѣроятно, холостой человѣкъ—тоже не догадался предупредить Ивана о томъ, что жизнь съ семьею въ городѣ вдвое, если не втрое, дороже жизни въ деревнѣ; оказалось же,—и въ очень скоромъ времени,—что все, начиная съ квартиры и хлѣба и кончая какой нибудь иголкой, было здѣсь дороже... Однако, и тутъ онъ пробился года три... А тѣмъ временемъ, Богъ наградилъ его еще двумя дѣтьми; было ихъ теперь семь человѣкъ, и Обойденовъ влѣзъ въ страшные, не сообразные съ его доходами, долги: за эти три года онъ задолжалъ по мелочамъ болѣе ста рублей!.. А тутъ извѣстно вѣдь: бѣда одна не приходитъ—баринъ, у котораго онъ служилъ, разорился... Это было какъ разъ въ то время, когда господа разорялись уже не по одиночкѣ, не одинъ за однимъ, а цѣлыми компаніями, цѣлыми уѣздами... И Иванъ остался безъ мѣста!..

«Прекрасно»! какъ, повѣствуя и разсказывая что либо, говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, и «отвратительно»! какъ бываетъ въ дѣйствительности, при подобныхъ обстоятельствахъ... Лакей безъ мѣста, жена его безъ должности и при нихъ пять человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше! Люди, не имѣющіе ни кола, ни

Digitized by Google

двора, люди, которымъ некуда головы приклонить, люди—нищіе!.. Иванъ—благо еще, что онъ былъ человѣкъ не пьющій—бросился искать мѣста по городу, разспрашивалъ даже, не найдется ли гдѣ мѣстечка по близости и въ деревнѣ, но, какъ на зло,—нашла, видно, полоса несчастій и неудачъ,—прошло цѣлыхъ полгода, а мѣста все не было и не было... Туго пришлось! Семья, ребята просили ѣсть, а хлѣба купить было не на что:—жалованье не шло, а прежніе кредиторы, видя оскуденіе должника и опасаясь, что и ранѣе взятое имъ пропадетъ теперь, перестали вѣрить, перестали давать... Бился, бился Иванъ и наконецъ отправилъ семью опять въ деревню, на квартиру къ тому же крестьянину, у котораго она жила и раньше; все же тамъ было легче перебиться до полученія мѣста: ежели въ городѣ въ недѣлю,—хоть лопни,—надо было прожить съ такой оравой ребятъ два-три рубля, то въ деревнѣ за то же время выходилъ одинъ рубль... Иванъ рѣшилъ, въ случаѣ даже и поступить на мѣсто, оставить семью въ деревнѣ до поры до времени, хоть до тѣхъ поръ, пока расквитается съ кредиторами... И, кое-какъ устроивъ теперь семью, самъ вернулся снова въ городъ, и уже съ какимъ-то трусливымъ отчаяніемъ пустился опять въ поиски за мѣстомъ... Онъ проискалъ еще мѣсяца три, но опять—тщетно. Такъ-таки, будто никто и не нуждался въ его услугахъ!... А въ сущности это объяснялось просто. За послѣднія тридцать лѣтъ не одного этого Ивана время заставило свернуть съ лакейской дороги... У «настоящихъ» господъ,—какъ самъ онъ выразился, разсказывая мнѣ впослѣдствіи этотъ періодъ своей жизни,—доживали свой вѣкъ старые крѣпостные слуги, а прочіе господа, кто прежде держалъ пятерыхъ лакеевъ, теперь сошелъ на одного, большинство же и совсѣмъ распускало прислугу, начиная съ мужской, какъ съ обходившейся дороже; крупные чиновники были все тѣ же помѣщики, тѣ же господа; мелкіе—жили всегда безъ лакеевъ; у офицеровъ служили деньщики, а губернскіе купцы въ массѣ тогда не поднялись еще до фрачныхъ лакеевъ и потому лакейскія мѣста стали открываться лишь изрѣдка... Тосковалъ Иванъ, тосковалъ и сталъ было уже задумываться о какомъ нибудь иномъ мѣстѣ, объ иномъ дѣлѣ. Но какую иную должность могъ принять на себя этотъ ничему не обученный и ничего не знающій дворовый или, точнѣе сказать, «комнатный человѣкъ» прежняго крѣпостнаго времени? Никакой!.. Только эту и могъ, потому что только на должностяхъ лакея и горничной, какъ извѣстно, не требуется никакихъ особенныхъ знаній:—люди, принявшіе на себя эти должности, должны дѣлать только то, что̀ богатый человѣкъ *не хочетъ* дѣлать самъ, но что̀ всякій человѣкъ *можетъ* дѣлать самъ для себя...

Digitized by Google

Однако, въ концѣ концовъ, и на горькую долю Ивана выпало дѣло, кромѣ лакейскаго. Въ трактирѣ повстрѣчалъ онъ и познакомился за чаемъ съ человѣкомъ, служившимъ на табачной фабрикѣ. Они разговорились, и этотъ человѣкъ посовѣтовалъ ему опредѣлиться туда же. «Дѣло не мудрое папиросы дѣлать,—говорилъ этотъ человѣкъ:—въ день научишься, коли захочешь, а въ недѣлю такъ станешь крутить, что и не отличишь: ты ли скрутилъ ее, или давно служащій... И жалованье хорошее:—семь, восемь рублей взрослому человѣку даютъ. Иди-ка, братъ! Слышалъ я: какъ разъ теперь люди требуются»... Утромъ на другой день, Иванъ явился къ управляющему и въ тотъ же день поступилъ уже на фабрику на семирублевое жалованіе. И, дѣйствительно, онъ быстро наловчился крутить папиросы, дѣлать гильзы, словомъ, скоро перенялъ нехитрую работу и черезъ годъ получалъ уже восемь рублей... Но больше ему не прибавили ни на слѣдующій годъ, ни въ наступившій затѣмъ,—въ тотъ самый, когда на фабрикѣ же съ нимъ случился тотъ грѣхъ, за который его накрыли сѣрымъ арестантскимъ колпакомъ... Дѣло это состояло вотъ въ чемъ. Просидѣвъ болѣе десяти мѣсяцевъ безъ должности, Иванъ къ прежнему долгу прибавилъ еще пятьдесятъ рублей, такъ что къ тому времени, когда онъ поступилъ на фабрику, онъ былъ уже долженъ разнымъ пріятелямъ болѣе ста пятидесяти рублей, и кредиторы стали приставать къ нему теперь съ уплатою долговъ. Но Иванъ даже понемногу не имѣлъ возможности выплачивать ихъ: его семи, а потомъ восьми-рублевое жалованье уходило цѣликомъ на самое скудное существованіе семьи въ деревнѣ и на такое же прозябаніе въ городѣ его самого. И, всячески отдѣлываясь отъ кредиторовъ, онъ обманывалъ, лгалъ, обѣщалъ отдать вотъ-вотъ, когда прибавятъ жалованья; но и послѣ прибавки не отдавалъ, хотя сознавалъ и самъ, что оказался подлецомъ передъ добрыми людьми, въ свое время выручавшими его, то есть вѣрнѣе—спасавшими семью его чуть ли не отъ голодной смерти... Онъ и самъ страдалъ немало, а тутъ еще кредиторы, окончательно потерявъ терпѣніе, а иногда—судьба перемѣнчива!—сами нуждаясь теперь, грозили и судьей (у нѣкоторыхъ были и расписки) и самовольной расправой. «Постой... запопаду я тебя гдѣ ни на есть—я тебѣ ребра-то сочту»! грозили послѣдніе несчастному банкроту... И вотъ тутъ-то *подошелъ случай*... Было первое число мѣсяца. На фабрикѣ раздавали жалованье; по обыкновенію, рабочіе получали деньги въ конторѣ. Иванъ получилъ свои восемь рублей еще поутру, но подъ вечеръ по какому-то дѣлу ему снова пришлось проходить черезъ комнату, въ которой помѣщалась контора. Когда онъ вошелъ въ нее, тамъ не было ни души, не смотря на то, что

Digitized by Google

на столѣ конторщика, правда, огороженномъ съ трехъ сторонъ проволочной сѣткой, лежали еще не собранныя и не приведенныя въ порядокъ деньги; очевидно, конторщикъ сводилъ счеты и по какому нибудь неотложному дѣлу отлучился на минутку куда нибудь въ смежную комнату... Иванъ остановился на мгновеніе и взглянулъ на разбросанныя по столу крупныя и мелкія бумажки... На самомъ виду лежали одна на другой двѣ сторублевыя... Сердце у него забилось, кровь бросилась въ голову... «Всѣ бы долги выплатилъ, да и про черный день еще осталось бы съ полсотни», успѣлъ онъ только сообразить... И въ тотъ же мигъ, тревожно оглядываясь, торопливыми, но неслышными шагами, потому что былъ босъ, онъ забѣжалъ за сѣтку, стянулъ двѣ соблазнившія его радужныя и наскоро сунулъ ихъ въ карманъ. А затѣмъ, сильно взволнованный и впервые совершонною кражею, и радостной надеждой избавиться отъ назойливыхъ кредиторовъ, онъ пошелъ дальше по своему дѣлу, а вернулся на мѣсто уже кругомъ, другими комнатами... Конечно, не прошло и двухъ часовъ, когда конторщикъ, хватившись пропавшихъ денегъ, поднялъ на ноги всю фабрику. Всѣхъ рабочихъ собрали въ одну обширную комнату и стали допрашивать. «Кто укралъ? Скажите только, сознайтесь и верните деньги:—простимъ и дѣла не начнемъ», обѣщали администраторы фабрики... Иванъ не сознавался. Засунувъ руку въ карманъ и придерживая тамъ бумажки, онъ молчалъ также, какъ молчали и всѣ... Но вдругъ управляющій приказалъ запереть всѣ двери той комнаты, въ которой рабочіе были собраны. «Обыскивать буду,—объявилъ онъ:—всѣхъ обыщу»!.. Иванъ поблѣднѣлъ... Все пропало теперь! Запрятать деньги было некуда; передать некому; бросить ихъ на полъ или проглотить,—такъ и то рядомъ стоявшіе товарищи замѣтятъ... «Простить обѣщали»! вспомнилъ и сообразилъ онъ теперь и, также быстро, какъ быстро рѣшился на кражу, рѣшился теперь на признаніе... Съ густою краской стыда на лицѣ и съ опущенной головой онъ выступилъ впередъ и подалъ управляющему двѣ сотенныя...

Конечно, его не простили, а привлекли, судили и посадили на два года въ арестантскія роты... Тамъ начальство спросило прежде всего о томъ, какое онъ знаетъ мастерство, и на отвѣтъ Ивана, что онъ папиросникъ, смотритель махнулъ только рукой; очевидно, подобный ремесленникъ не требовался для мастерскихъ арестантской роты... Однако, лишь какихъ нибудь двѣ недѣли Иванъ просидѣлъ безъ работы, а затѣмъ тотъ же смотритель принесъ ему фунтъ табаку и папиросную бумагу, и приказалъ сдѣлать папиросъ. «А если узнаю, что самъ куришь или арестантамъ продаешь табакъ—морду сворочу!» добавилъ онъ. «Помилуйте, ваше благоро-

Digitized by Google

діе!» отвѣтилъ Иванъ и, порядкомъ соскучившись уже безъ работы, принялся теперь съ жаромъ за дѣло, а черезъ день представилъ смотрителю умѣло и добросовѣстно выполненный заказъ. Прошло три дня. Смотритель принесъ еще двѣ фунтовыя коробки съ табакомъ; на одной былъ наклеенъ ярлыкъ съ сокращенной надписью: «Его Пр—во, г. Виц.-губ.», а на другой: «чинов. особ. пор. Пристяжкинъ». «Гляди, табаки не перемѣшай!» добавилъ смотритель при этомъ заказѣ... Иванъ исполнилъ и его. А тамъ посыпались къ нему коробки съ самыми разнообразными, но всегда сокращенными надписями, сдѣланными рукой смотрителя на ярлыкахъ. Тутъ были коробки: и «Его Пр—ва, г. Губ.», и «Прок.», и «Пред. Суд.», и «Тов. Пред.», и «Чл. Суд. Закисаева», и даже—«Полиц...» Словомъ, работы оказалось столько у этого арестанта-мастера, какъ ни у кого изъ мастеровыхъ-арестантовъ: столяровъ, портныхъ, сапожниковъ... Да еще бы: онъ работалъ на весь курившій личный составъ мѣстнаго суда и прокурорскаго надзора, и на всю администрацію!.. Всѣ эти чиновники видѣли, что изготовленіе курева обходится имъ гораздо дешевле, съ тѣхъ поръ какъ арестантъ сдѣлался ихъ лейбъ-папиросникомъ, и у Обойденова было уже столько заказовъ, что одинъ онъ не могъ справляться съ работой. Онъ доложилъ объ этомъ смотрителю, доложилъ и о томъ, что ему тѣсновато работать въ общемъ помѣщеніи, и смотритель «внялъ». Всего черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ Обойденовъ попалъ въ тюрьму, онъ сидѣлъ и работалъ уже въ отдѣльномъ свѣтломъ помѣщеніи и въ помощь ему, въ «ученики», были даны два мальчика, переведенные изъ особаго отдѣленія роты для несовершеннолѣтнихъ...

И стало Ивану *«житье»* въ арестантскихъ ротахъ!.. О мать протекція, всевластная царица!.. Что жить? не только жить легко при ея милостяхъ, но умрешь — и тебѣ отведутъ на кладбищѣ лучшее мѣстечко, если *она* прикажетъ смотрителю онаго; въ тюрьму попадешь — и тюрьма покажется тебѣ раемъ, а не адомъ, если у тебя есть *она* же—протекція!.. А у Ивана была теперь такая протекція, о какой, конечно, онъ и не мечталъ никогда! Посѣщая по дѣламъ службы роту, все начальство, и даже самое крупное, спрашивало смотрителя, указывая на Обойденова: «такъ это нашъ табачный фабрикантъ?» и зачастую разговаривало даже съ самимъ Иваномъ... И работалъ Иванъ на славу, и былъ доволенъ своей судьбой или — точнѣе — своимъ заработкомъ, какъ никогда! Любой мѣсяцъ, при строго-законномъ разсчетѣ, давалъ ему совсѣмъ чистыхъ двѣнадцать рублей и никогда меньше, а зачастую и больше. Двѣ пятыхъ его ежедневнаго заработка поступали въ казну, одна пятая—на улучшеніе пищи арестантовъ вообще, а остальныя двѣ

Digitized by Google

пятыхъ—въ его пользу; стало быть, если въ день, при помощи двухъ мальчиковъ, работавшихъ, конечно, даромъ—т. е. ничего не получавшихъ ни отъ казны, ни отъ него,—онъ вырабатывалъ только одинъ рубль, то въ его пользу ежедневно очищалось — сорокъ копѣекъ, что и составляло въ мѣсяцъ двѣнадцать рублей.

Послѣ того какъ Иванъ Обойденовъ разсказалъ мнѣ свою предшествовавшую жизнь, вывелъ теперь этотъ разсчетъ и добавилъ къ тому же, что съ разрѣшенія начальства смотритель отправлялъ ежемѣсячно въ деревню его семьѣ по десяти рублей изъ хранившихся въ конторѣ заработанныхъ имъ денегъ,— мнѣ стала уже ясной и понятной его просьба о томъ, чтобы его посадили снова въ тюрьму. Дѣйствительно, гдѣ, какъ не тутъ, онъ могъ имѣть столько чистой прибыли отъ своего труда, гдѣ могъ устроиться выгоднѣе, нежели устроился здѣсь, въ тюрьмѣ?!. И, не зная въ данную минуту, что ему присовѣтовать,—а онъ настоятельно просилъ совѣта,—я спросилъ было его: почему онъ не обойдетъ всѣхъ своихъ бывшихъ заказчиковъ и не попроситъ ихъ и теперь, когда онъ на волѣ, заказывать папиросы ему, а не другимъ?

— Да какая же имъ теперь во мнѣ выгода, ваше благородіе?— отвѣтилъ онъ.—Вѣдь по арестантской цѣнѣ я не могу теперь брать заказы.

— Да, конечно! Но набавьте немного, берите все таки дешевле другихъ, и, я думаю, тогда всѣ останутся вашими заказчиками,— замѣтилъ было я, сообразивъ уже кое-что изъ его разсчетовъ.

Но онъ, очевидно обдумавъ уже этотъ вопросъ всячески, перебилъ меня и тутъ же разъяснилъ все остальное, — то, что я не могъ сразу сообразить.

— Нѣтъ, ваше благородіе, это дѣло не подходящее,— сказалъ онъ.—Первое, въ тюрьмѣ у меня и квартира, и отопленіе, и освѣщеніе, и харчъ, и обужа, и одежа: все даровое, все готовое; ученики, помощники-мальчики, и тѣ даровые. А на волѣ я ихъ найми, жалованье имъ отдай, либо одѣвай ихъ и корми; и все купи на волѣ, и за квартиру плати, да еще, поди, скажутъ, безъ правовъ нельзя заведеніе имѣть,—стало быть, и за права заплати!.. Второе, въ тюрьмѣ-то, кромѣ этого, никакого у тебя дѣла нѣтъ; сиди день цѣлый, отъ зари до зари, и работай; потому, коли ты мастеровой человѣкъ, такъ все тебѣ готово, сдѣлано и принесено, а ты знай только свое дѣло дѣлай. Ну, а на волѣ:—самъ и дровъ принеси, и по воду сходи, и въ лавку сбѣгай, и то сдѣлай по хозяйству, и другое! Анъ, глядишь, половина рабочаго дня на эти дѣла и отойдетъ... Нѣтъ, какъ можно равнять!.. Вы извольте сами понять, ваше благородіе,—продолжалъ онъ пояснять.—Вотъ теперь я только два

Digitized by Google

года высидѣлъ. И что жь?!. Перво-на-перво, каждый мѣсяцъ семейству — десятка!.. И рады жь они тамъ, сердешные! Вѣдь имъ все единственно: въ тюрьмѣ ли я, на фабрикѣ ли, при должности, такъ ли, сякъ ли, все равно по годамъ не видимся: ни я ихъ, ни они меня... И пишетъ теперь жена: «живемъ, слава богу, сытно, хорошо, не хуже, а и лучше другихъ»; то, пишетъ, ребятъ обула изъ остатковъ, то одѣла, то себѣ-то-то или то-то справила. О долгахъ ужь и говорить нечего: новыхъ не дѣлаемъ! Да мало того: старые которые были, меньшую половину ужь выплатилъ, выдя вотъ изъ острога!.. Ну, и одѣлся... Сами изволите видѣть: по одежѣ любому торговцу подъ стать, и при часахъ!.. Нѣтъ, это какой же можетъ быть для насъ разсчетъ: на волѣ работать или въ тюрьмѣ!— заключилъ онъ...

Я задумался; задумался и онъ... Да и Трифоновъ, все время присутствовавшій тутъ, жалѣлъ, кажется, о томъ, что судьба пустила его по полицейской службѣ, а не упрятала на такихъ выгодныхъ условіяхъ въ тюрьму...

— Эхъ, кабы опять въ острогъ попасть! — продолжалъ между тѣмъ Обойденовъ.—Просидѣлъ бы еще годика три, и остальные бы долги выплатилъ, и скопилъ бы деньжонокъ!.. А тамъ бы вышелъ,— къ тому времени и ребята поднялись бы, и тогда, съ ихъ помощью да съ деньгами, взялся бы за какое нибудь дѣло, — размечтался онъ и добавилъ:—Хоть бы вы, ваше благородіе, упросили ихъ превосхо...

— Да полно вамъ съ этимъ болваномъ разговаривать! Идите:— завтракъ остынетъ!—услыхали мы вдругъ зычный голосъ генерала, проходившаго черезъ залу въ столовую — завтракать... Обойденовъ испуганно встрепенулся, молча и торопливо поклонился мнѣ и Трифонову и, пріотворивъ входную дверь, проскользнулъ въ нее и скрылся...

«До чего дошелъ человѣкъ, до чего дожилъ: въ тюрьмѣ лучше, чѣмъ дома и на волѣ!»—думалъ я...

Съ этого времени прошло не болѣе двухъ недѣль, когда я былъ опять въ гостяхъ у вице-губернатора. Былъ чудный, жаркій лѣтній день; всѣ окна уличнаго фасада одноэтажнаго, но помѣстительнаго дома, въ которомъ квартировалъ генералъ, были настежъ растворены. Мы сидѣли въ столовой за обѣдомъ. Вся семья была въ сборѣ и прислуга суетилась около стола. Вдругъ съ улицы донеслись крики и возгласы, свистки, возня,— словомъ, такой шумъ, какой бываетъ всегда при «нарушеніи тишины и спокойствія», при уличныхъ скандалахъ... Всѣ мы бросились, конечно, къ открытымъ окнамъ, и глазамъ нашимъ представилась слѣдующая картина: пе-

*

Digitized by Google

редъ самымъ домомъ вице-губернатора, не на улицѣ даже, а на тротуарѣ, подъ окнами кабинета, барахтался на землѣ рослый дѣтина; городовой, стоявшій обыкновенно на посту, невдалекѣ отъ квартиры начальства, осѣдлалъ уже дѣтину, а въ то же время какой-то прохожій парень вырывалъ изъ его воровскихъ рукъ бронзовый колокольчикъ и малахитовую рамку съ портретомъ ея превосходительства; это были вещи, стоявшія обыкновенно на письменномъ столѣ генерала. Дѣтина настолько подозрительно-слабо отбивался отъ городоваго и не выпускалъ изъ рукъ доставшіяся ему въ сущности грошевыя драгоцѣнности, что мнѣ показалось, будто онъ дѣлаетъ только видъ, что борется съ поймавшими его... Я заглянулъ въ его лицо:—это былъ Иванъ Обойденовъ!.. Тутъ же его узнали и Трифоновъ, и другой, статскій лакей генерала да и самъ генералъ; и тутъ же Обойденовъ сдался и, по приказанію вице-губернатора, былъ отправленъ въ кварталъ. Впослѣдствіи я добился свиданія съ Обойденовымъ, и онъ чистосердечно сознался, что умышленно пошелъ воровать при дневномъ свѣтѣ, и именно къ вице-губернатору, чтобы его непремѣнно поймали и посадили въ тюрьму. Но, Боже, какъ сильно ошибся бѣдняга!.. За вторую кражу судьи присудили его къ строжайшему, нежели за первую, наказанію: срокъ ему былъ значительно увеличенъ, но главное — его не посадили уже въ выгодныя арестантскія роты, а послали отсиживать срокъ въ какую-то уѣздную тюрьму, въ которой можно было развѣ только прожиться, но ужь никакъ не нажиться!.. Планъ Ивана не удался, надежды его рухнули, а что̀ сталось теперь съ его огромной семьей,—я не знаю, потому что вскорѣ уѣхалъ изъ тѣхъ мѣстъ... Впрочемъ, объ этомъ не трудно и догадаться.

Да! Такъ вотъ какъ, затерянный въ народѣ, живетъ «*на свободѣ*» этотъ «Эй, Иванъ!..»

В. Рышковъ.

Digitized by Google

Лѣснь миннезингера.

Ароматная ночь и тиха, и тепла,
И, обрызганъ росой, садъ задумчивый спитъ,
Но прозрачна ночная, сребристая мгла,
Посмотри,—ужь твой рыцарь у оконъ стоитъ.

О, скорѣй отомкни ты лилейной рукой
Золоченый засовъ у глубокихъ оконъ,
И явись ты ко мнѣ, метеоръ золотой,
Какъ лилея блѣдна и воздушна, какъ сонъ.

Упоительна ночь, и тиха, и тепла,
Подъ покровомъ росы, садъ задумчивый спитъ,
Но прозрачна ночная сребристая мгла,
Посмотри,—здѣсь твой рыцарь у оконъ стоитъ.

П. Головинъ.

Digitized by Google

ШКОЛА ЖИЗНИ *).

(Изъ воспоминаній сельскаго учителя).

IV. Отцы.

Занятія начались только на третій день моего пребыванія въ Княжевѣ. Согласно установившемуся обычаю, отецъ Андрей долженъ былъ отслужить торжественный молебенъ. Школу подмели, протерли окна, зажгли лампадку передъ образомъ; учительскій столъ покрыли чистой скатертью; поставили «супникъ» со святой водой, прилѣпивъ къ нему три восковыхъ свѣчки, затѣмъ принесли священническое облаченіе, крестъ и евангеліе. Торжество было приготовлено, но отецъ Андрей медлилъ и еще не являлся.

Часовъ въ 7 утра, когда, по деревенскимъ обычаямъ, всѣ уже давно встали, дверь моей комнаты отворилась и ко мнѣ вошелъ мѣстный купецъ—Никаноръ Григорьевичъ, о существованіи котораго мнѣ уже сообщалъ Петръ. Въ рукахъ онъ держалъ какой-то свертокъ. Поздоровавшись, онъ довольно безцеремонно, не дожидаясь моего приглашенія, усѣлся за столъ, на которомъ еще кипѣлъ самоваръ. По разнымъ манерамъ этого господина, длиннополому суконному сюртуку и той безцеремонности, съ которой онъ сунулъ мнѣ руку и усѣлся за столъ,—я не могъ не догадаться, что имѣю дѣло съ вліятельнымъ человѣкомъ въ деревнѣ. Заговорила ли во мнѣ барская кровь, или сознательно воспитавшаяся нелюбовь къ деревенскимъ кулакамъ, — не знаю, но помню, что я немедленно ощетинился и готовъ былъ дать «достойный» отпоръ. Мой гость, очевидно, не замѣчалъ моего настроенія и, нисколько не смущаясь молчаніемъ хозяина, заговорилъ самъ.

— Познакомиться пришелъ. Отецъ Андрей говорили, что новый учитель у насъ изъ господъ,—такъ вотъ я думаю себѣ: дай зайду до молебствія побесѣдовать о томъ, о семъ, да вотъ и съ новосельемъ поздравить.

При этихъ словахъ, Никаноръ Григорьевичъ положилъ на столъ свертокъ, который держалъ въ рукахъ. Я чувствовалъ, что вся

*) См. «Наблюдатель» №№ 7 и 8.

Digitized by Google

кровь бросилась мнѣ въ лицо, что вотъ-вотъ я сдѣлаю какую нибудь глупость, большую нетактичность. Едва владѣя собой, съ большимъ усиліемъ, я проговорилъ неяснымъ охрипшимъ голосомъ:

— Я не нуждаюсь въ вашихъ подаркахъ.

Должно быть, видъ у меня былъ совсѣмъ особенный, потому что Никаноръ Григорьевичъ, взглянувъ на меня, очевидно смутился, быстро сунулъ свертокъ въ задній карманъ сюртука и, вскочивъ со стула, тоже не безъ волненія, залепеталъ:

— Просимъ прощенія. Я вѣдь ничего, я такъ... Полфунтика чайку... Потому мой сынишка тоже школяръ... Я не въ обиду... Просимъ прощенія.

Онъ готовъ былъ ретироваться. Но я уже успѣлъ овладѣть собой и гораздо спокойнѣе заявилъ ему, что никакихъ приношеній не беру и что если онъ не хочетъ обижать меня, а желаетъ жить со мной въ ладу, то пусть никогда не заикается о подаркахъ и другимъ при случаѣ посовѣтуетъ не приносить ихъ.

Говоря это, я все время чувствовалъ, что поступилъ въ чемъ-то не такъ, какъ слѣдовало. Струсившій же и недоумѣвающій Никаноръ Григорьевичъ всей фигурой своей подтверждалъ, что не понимаетъ, въ чемъ тутъ дѣло; но чувствуетъ, что задѣлъ за живое барскій гоноръ молодаго «паныча». Изъ нахальнаго и развязнаго человѣка онъ превратился въ кроткаго и почтительнаго. Повторивъ свои извиненія, что онъ не желалъ-де меня обидѣть, что и «батюшкѣ» онъ отнесъ табачку, и что предшественникъ мой «одолжался» у него,— онъ ушелъ уже, не посмѣвши протянуть мнѣ руки.

Я въ волненіи шагалъ по комнатѣ, мучась сознаніемъ, что вся сцена вышла глупой, что я вовсе не достигъ того, чего хотѣлъ. Мои терзанія были прерваны пріѣздомъ Клеоника Петровича, сюрпризомъ явившагося на открытіе школьныхъ занятій.

Я, разумѣется, поспѣшилъ передать ему только что разыгравшуюся сцену и излилъ свои терзанія по поводу моего неумѣлаго и глупаго поведенія и нахальства «Никанорки».

— Вы, несомнѣнно, поступили такъ сгоряча,—замѣтилъ Клеоникъ Петровичъ,—но инаго и ожидать было трудно отъ человѣка вашихъ лѣтъ и вашего положенія.

— Разсудите сами,—черезъ минуту продолжалъ онъ.—Изъ вашего кичливаго: «я не нуждаюсь» Никанорка, какъ умный человѣкъ, совершенно основательно сдѣлалъ заключеніе, что вы обидѣлись его приношеніемъ не какъ попыткой подкупить ваше расположеніе и вниманіе къ его сыну, а какъ фактомъ, задѣвшимъ ваше барское самолюбіе. «Я принялъ его за голоштаннаго панка»—разсуждаетъ теперь Никанорка на своемъ жаргонѣ,—«а онъ (т. е. вы)и кри-

Digitized by Google

читъ: «не нуждаюсь», я, молъ, самъ капиталъ имѣю на 1/2 ф. чаю». Ну, а что, если Никанорка такимъ же логическимъ путемъ придетъ къ заключенію, что вашему «собственному капиталу» есть предѣлъ, что поэтому въ приношеніи побольше и покрупнѣе вы уже будете нуждаться и, по его логикѣ, вытекающей изъ обращенной къ нему фразы, должны принять его подарокъ?!

— Мнѣ все это и въ голову не приходило,—въ полномъ отчаяніи восклицаю я. Но Клеоникъ Петровичъ не унимается и продолжаетъ.

— Значитъ, вы не только совсѣмъ не сдѣлали того, что̀ нужно было, т. е. не сообщили ему, что брать такія приношенія и предлагать ихъ не хорошо, не честно, но еще дали ему поводъ ложно понять вашъ отказъ, заподозрить васъ въ желаніи сорвать побольше.

Я былъ совсѣмъ удрученъ и молчалъ. Въ это время, въ комнату вошелъ отецъ Андрей.

— Извините, пожалуйста,—заговорилъ онъ, обращаясь къ Клеонику Петровичу,—что опоздалъ къ вамъ. Никаноръ Григорьевичъ задержалъ меня. На васъ жаловался,—полушутя, сообщилъ священникъ, поворачиваясь ко мнѣ и здороваясь.

— Мы только что объ этомъ говорили,—грустно замѣтилъ я.

— Не одобряю, не одобряю,—продолжалъ отецъ Андрей.—Пришелъ ко мнѣ Никаноръ Григорьевичъ и говоритъ: «такъ и такъ, принесъ это я учителю, по бѣдности своей, полфунтика хорошаго чаю, а онъ какъ затопочетъ, какъ закричитъ: «не нуждаюсь», «не такія», молъ, «приношенія видѣли».

— Но позвольте...—вскакиваю я съ мѣста, чувствуя, что кровь опять приливаетъ мнѣ въ голову.

— Что тутъ: «позвольте»,—перебиваетъ меня священникъ,—въ нашемъ положеніи, батенька вы мой, и полфунтикомъ пренебрегать нельзя... Однако, пора молебствовать.

— Обождите минутку, отецъ Андрей,—останавливаетъ его Клеоникъ Петровичъ.—Дѣло это требуетъ поясненія. Нашъ новый товарищъ,—кивнулъ онъ на меня,—не потому отказался отъ полфунтика, что желалъ получить фунтикъ или два, а потому, что онъ въ принципѣ не согласенъ пользоваться приношеніями, даваемыми отцомъ съ очевидной цѣлью задобрить учителя къ сыну-ученику, независимо отъ качества послѣдняго. Такъ вѣдь можно установить большую несправедливость въ отношеніяхъ къ ученикамъ. Въ устраненіе этого, учителямъ назначено жалованье, а потому всякое приношеніе для нихъ—уже взятка. Духовенство не получаетъ жалованья, а потому къ нему эта мѣрка не примѣнима.

Digitized by Google

Но учитель долженъ относиться къ этому иначе. Никанорка вашъ привралъ, а нашъ новый товарищъ былъ совершенно правъ, отказавшись отъ его подарка. Я, какъ попечитель школы, вполнѣ одобряю такой отказъ и желалъ бы, чтобы въ будущемъ и поводовъ къ нему не было.

Клеоникъ Петровичъ проговорилъ это хотя и мягко, но достаточно внушительно. Священникъ посмотрѣлъ на меня не то съ сожалѣніемъ, не то съ недовѣріемъ; однако, увидя наши серьезныя лица, ограничился короткимъ нерѣшительнымъ замѣчаніемъ:

— А по мнѣ, такъ доброхотная благодарность за трудъ не есть взятка и стяжательство. Прошу покорно на молебенъ,—добавилъ онъ, вставая и выходя въ классную комнату.

Я съ благодарностью пожалъ руку Клеонику Петровичу.

— Не за что,—улыбнулся онъ.—Я охотно принимаю на себя роль Стародума, тѣмъ болѣе, что и резонерство-то мое ужь очень элементарно.

По окончаніи молебна, отецъ Андрей сказалъ «прочувствованное слово». Нужно сознаться, что онъ очевидно хорошо понималъ, о чемъ говорилъ, а потому и рѣчь его вышла осмысленной, безъ витіеватостей, и видимо произвела впечатлѣніе. Впрочемъ, народу набралось на молебенъ немного: староста, десятскій, писарь, 2—3 старухи, 5—6 стариковъ, десятка два бывшихъ учениковъ школы, съ десятокъ вновь поступающихъ, да 40—50 «школяровъ».

Обычное въ день открытія школы чаепитіе у отца Андрея не состоялось: Клеоникъ Петровичъ спѣшилъ въ городъ, а я, подъ предлогомъ головной боли, заперся въ своей комнатѣ. Священникъ объяснилъ учащимся воскресное евангеліе и отпустилъ ихъ по домамъ. Я снова остался одинъ среди водворившейся кругомъ тишины. Къ счастію, меня не тревожили до вечера и я нѣсколько поуспокоился, придя къ заключенію, что послѣ глупой исторіи съ Никаноркой меня хоть на нѣкоторое время оставятъ въ покоѣ съ «доброхотными приношеніями». По отношенію къ мѣстнымъ богачамъ, это такъ и случилось. Только еще одинъ разъ сельскій «шинкарь» и мясникъ приходилъ сообщить, что для меня онъ будетъ отпускать самую лучшую говядину на 1 коп. дешевле за фунтъ, «а если прикажите»,—добавилъ онъ,—«то привезу изъ города и столовой очищенной горилки». Отъ уступки на говядинѣ и отъ «горилки» я отказался, увѣривъ мясника, что его сыновьями,—кстати сказать, тупыми и наиболѣе испорченными изъ числа другихъ мальчиковъ,—я буду заниматься не менѣе, чѣмъ и другими дѣтьми.

Однако вопросъ о приношеніяхъ могъ считаться покончennымъ

Digitized by Google

только по отношенію къ «дукачамъ» и «богатырямъ», т. е. къ той наиболѣе зажиточной и вліятельной части сельскаго населенія, которая склонна оказывать нѣкоторое милостивое покровительство своему учителю. Сѣрый же заурядный мужичокъ оказался настойчивѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Большинство вновь поступающихъ въ школу дѣтей приходили сами, или съ братьями и товарищами, уже посѣщавшими училище. Придетъ, бывало, такой молодецъ въ классную комнату, усядется тамъ, гдѣ ему укажутъ школяры, или станетъ у дверей, дожидаясь учителя. На вопросы послѣдняго скажетъ, что его «послалы батько» или «маты», что зовутъ его Герасимомъ, Иваномъ или какъ нибудь въ этомъ родѣ. Всѣ формальности этимъ и оканчивались. Правда, отсутствіе родителей могло указывать на малый интересъ ихъ къ школѣ и этимъ удручать учителя. Но, говоря откровенно, такой способъ поступленія въ школу, въ началѣ моего учительствованія, больше нравился мнѣ, такъ какъ первый и отчасти второй пріемъ убѣдили меня, что приходъ съ ученикомъ родителя или родительницы знаменуетъ собой «доброхотное приношеніе» въ видѣ «паляныци», куска сала, десятка яицъ, а то и прямо зажаренной въ видѣ лепешки яичницы. Появлялись иногда и нѣсколько пироговъ съ горохомъ или капустой, холодные блины, или же гарнецъ крупъ, подсолнечнаго сѣмени и т. д. Все это предлагалось такъ радушно, просто и, повидимому, безъ задней мысли, что заподозрить у приносившихъ какія либо практическія цѣли было мудрено. Отказаться отъ хлѣба - соли довольно трудно; но выбора не было: я долженъ былъ брать или со всѣхъ, или ни съ кого. Предпочитая послѣднее, я отказывался отъ всѣхъ приношеній наотрѣзъ. Многимъ я объяснялъ при этомъ причины, почему дѣлаю такъ, и большинство понимало или, быть можетъ, дѣлало видъ, что понимаетъ меня.

— Щобъ сумленія не було,—говорили мужики, глубокомысленно покачивая головами.

— Чтобы не вводити въ соблазнъ,—разсуждали сельскіе грамотѣи изъ разряда клиросныхъ чтецовъ и пѣвчихъ. Однако нѣкоторые, особенно бабы, не проникались никакими резонами.

— Брезгаете нашимъ кухмистерствомъ,—обидчиво заявила мнѣ бывшая прачка въ семьѣ покойнаго князя, когда я отказался отъ горячихъ пшеничныхъ пироговъ, принесенныхъ ею. Другія, усиленно кланяясь, настойчиво просятъ принять и не стыдить ихъ «на все село». Однако я остаюсь непреклоннымъ, сознавая, что отказъ иногда выходитъ довольно грубымъ. Но, узнавъ впослѣдствіи всю безъисходность нужды и бѣдности во многихъ крестьянскихъ

Digitized by Google

семействахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя присылали мнѣ эти самыя «доброхотныя приношенія», я никогда не каялся, что подчасъ грубовато отказывался отъ нихъ. Не только «жарена гуска», но и тотъ десятокъ яицъ, который пошелъ на «смашну яешню», во многихъ случаяхъ были единственнымъ ресурсомъ дневнаго пропитанія.

Во второй годъ моего пребыванія въ школѣ, всѣ подобныя приношенія повторялись уже, какъ единичные случаи, а съ третьяго года прекратились совершенно. Напрасно нѣкоторые радѣтели сельской школы, въ родѣ нашего инспектора Щукина, увѣряютъ, что, уклоняясь отъ подарковъ, учитель показываетъ свое нежеланіе сблизиться съ родителями и привлечь послѣднихъ къ школѣ и ея интересамъ. Поводы къ сближенію такого характера совершенно излишни, такъ какъ жизнь даетъ много болѣе серьезныхъ и болѣе важныхъ случаевъ заинтересовать крестьянъ школой и обученіемъ дѣтей. Нужно помнить, что учитель все еще остается единственнымъ вполнѣ грамотнымъ человѣкомъ въ селѣ и что послужить обществу онъ всегда можетъ. Съ этой точки зрѣнія, онъ надолго будетъ важнымъ и интереснымъ членомъ деревенской общины. Встрѣтится ли надобность прочесть письмо отъ солдата, написать прошеніе, или просто посовѣтоваться о какомъ либо дѣлѣ, и крестьянинъ всегда пойдетъ къ учителю, если только послѣдній не фыркаетъ и не избѣгаетъ его. Въ такихъ случаяхъ легко привлечь вниманіе населенія и къ самой школѣ. Напримѣръ, прошенія, подаваемыя въ крестьянское присутствіе, я заставлялъ переписывать старшихъ учениковъ, а письма писали подъ моимъ надзоромъ всѣ ученики 3-го отдѣленія школы. Крестьяне въ этихъ случаяхъ воочію убѣждались въ практической важности школы и, разумѣется, никогда не могли въ массѣ своей относиться къ ней недружелюбно или враждебно.

Наши «интеллигенты» обыкновенно утрируютъ въ дурную или въ хорошую сторону отношеніе крестьянъ къ народной школѣ. Одни увѣряютъ, что сѣрая масса населенія питаетъ къ школѣ какое-то любовное чувство, смотритъ на нее, какъ на святыню, относится къ ней съ рѣдкимъ вниманіемъ и заботливостью. Другіе, напротивъ, утверждаютъ, что крестьяне, какъ дикари, не понимаютъ значенія школы и чуть ли не ненавидятъ ее. Я убѣдился, что тотъ и другой взгляды совершенно не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Малорусскій мужикъ, будучи отъ природы умнымъ, а часто и талантливымъ, сильно подавленъ условіями своей жизни, вѣчной заботой о кускѣ хлѣба, о дневномъ пропитаніи. Онъ, просто на просто, не думаетъ или мало думаетъ о школѣ и пользѣ, приносимой ею

Digitized by Google

Мелькомъ слыхалъ онъ отъ стариковъ или отъ батюшки, что школа—дѣло хорошее, полезное. Онъ воспринялъ это, не анализируя, и лишь смутно представляя себѣ пользу школы. «Будетъ хлопецъ на клиросѣ читать», мелькаетъ у него въ головѣ. «Письмо напишетъ» и т. п. А потому, когда наступаетъ поздняя осень, полевыя работы оканчиваются, а хлопецъ только и дѣлаетъ, что скачетъ по огороду, дуетъ въ застывшіе пальцы, да «цкуе собакъ»,—отецъ естественно вспоминаетъ, что въ школѣ не балуются, что тамъ, пожалуй, и чему нибудь полезному выучатъ. Не останавливаясь долго, по неподвижности своего мозга, на этой мысли, сѣрый заурядный крестьянинъ грозитъ «сучьему сыну» здоровымъ кулакомъ и приказываетъ ему идти въ школу. «Сучій сынъ», разумѣется, немедленно повинуется. Если на дворѣ холодно, морозно и сыро, у «хлопца» же нѣтъ «чоботовъ» или «свитки», а между тѣмъ онъ все еще балуется, мѣшаетъ матери и старшимъ, и поминутно отъ бездѣлья проситъ хлѣба,—то «батько» попадаетъ въ болѣе затруднительное положеніе. Настойчивый и энергичный мужикъ добудетъ средствъ и одѣнетъ сына, а при невозможности велитъ надѣть «ненькины чоботы» и ея же свитку. Въ такомъ костюмѣ, чуть не со шлейфомъ, хлопецъ является въ школу, не вызывая ничьего удивленія, ничьей насмѣшки. Но бѣда въ томъ, если «ненькѣ» самой потребуются и свитка, и чоботы, чтобы идти «на ричку прать». Тогда для хлопца наступаютъ каникулы, онъ снова балуется дома, щиплетъ меньшихъ братьевъ и сестеръ, и «цкуе собакъ», пока чоботы и свитка опять поступятъ въ его временное распоряженіе.

Менѣе настойчивый и энергичный хозяинъ, затрудняясь въ «одежѣ» для сына, склоненъ махнуть рукой и примириться съ своей долей. Если онъ услышитъ въ шинкѣ или на улицѣ брань по адресу школы отъ какого нибудь шальнаго пропойцы, котораго въ пьяномъ видѣ вывели изъ классной комнаты за ненужное и непристойное краснорѣчіе, то онъ, пожалуй, и обрадуется этой брани, какъ оправданію собственной безпечности относительно сына.—А и то правда,—скажетъ онъ радостно,—чему доброму выучатъ въ школѣ?!.. только пуще разбалуютъ: ишь вѣдь учитель самъ съ дѣтьми по площади взапуски бѣгаетъ.—Случайно зародившаяся мысль о пользѣ школы также случайно забывается и погибаетъ у слабыхъ людей. Но они составляютъ меньшинство, столь же малочисленное, какъ и то, которое горитъ нетерпѣніемъ имѣть въ своемъ селѣ школу, выучить въ ней дѣтей, довести ихъ «до разума». Такое меньшинство тоже имѣется въ каждой деревнѣ и принадлежитъ оно преимущественно къ числу сельскихъ грамотѣевъ—писарей, дьячковъ и т. п., а также къ наименѣе симпатичнымъ

Digitized by Google

обывателямъ деревни—кулакамъ, торговцамъ и «дукачамъ», которымъ требуется, чтобы дѣти ихъ знали счетъ и записывать могли. Эти люди и бываютъ въ большинствѣ случаевъ иниціаторами при открытіи школы, при постройкѣ для нея зданія, при ассигнованіи жалованья учителю, если оно идетъ отъ общества, а не отъ земства. Большинство же сѣрыхъ заурядныхъ мужиковъ относятся безъ особаго рвенія и особой заботливости къ школѣ, но не питаетъ къ ней и особыхъ нѣжныхъ чувствъ. Отношеніе ихъ вѣрнѣе всего можно назвать пассивной доброжелательностью, развивающейся въ сторону maximum'а или minimum'а въ зависимости отъ ихъ матеріальной обезпеченности и нѣкоторыхъ другихъ факторовъ. Къ личности учителя тоже преобладаетъ пассивное отношеніе. Если онъ дѣйствительно учитъ, а не пьянствуетъ и развратничаетъ, если школяры у него не распущены и не дебоширятъ, если, наконецъ, самъ онъ не сторонится крестьянъ, то большинство доброжелательствуетъ ему; однако, имѣя въ виду всю массу учителей, по поводу замѣщенія ихъ на новыя мѣста, крестьяне характерно говорятъ: «намъ все равно, кто учитъ, лишь бы училъ», «что ни попъ—то батька». Но если учитель совсѣмъ дурной человѣкъ, то школа падаетъ въ мнѣніи крестьянъ: число учениковъ уменьшается, повинности по отношенію къ школѣ отбываются еще неохотнѣе и съ бо́льшими затрудненіями. Хорошихъ учителей цѣнятъ и любятъ больше. Имъ нерѣдко приходится имѣть очень значительное вліяніе на многія общественныя дѣла и на отношенія населенія къ нуждамъ школы.

Того любовнаго отношенія къ ней, о которомъ сантиментальничаютъ нѣкоторые изъ нашихъ интеллигентовъ, совсѣмъ нѣтъ въ массѣ крестьянскаго населенія. Но если вспомнить равнодушіе нашихъ культурныхъ слоевъ общества къ народному образованію, то крестьянство, примѣнительно къ своему умственному развитію, относится къ просвѣщенію нисколько не хуже. Напротивъ, принявъ во вниманіе тѣ жертвы, которыя несетъ крестьянинъ, покупая школяру чоботы и свитку, зная, что́ стоитъ ему «жареная гуска» для учителя, необходимо признать, что только очень немногіе культурные люди способны сдѣлать такія затраты на обученіе дѣтей, которыя находились бы въ одинаковомъ съ крестьянскими отношеніи къ ихъ средствамъ. Эта разница получаетъ особо́е значеніе при поголовномъ и, можно сказать, колоссальномъ невѣжествѣ малорусскаго мужика въ нашихъ глухихъ и захолустныхъ мѣстахъ. Для характеристики этой непроходимой темноты, не могу не привести нѣсколькихъ примѣровъ, ясно сохранившихся въ моей памяти.

Нѣкоторая часть нашей печати и общества усердно ставитъ въ

Digitized by Google

примѣръ интеллигенціи религіозность русскаго крестьянина. Не знаю, какіе крестьяне и какія мѣстности имѣются при этомъ въ виду. Но на пространствѣ всей слободской украины, а не въ одномъ только с. Княжевѣ, я встрѣчался съ поразительными, феноменальными случаями религіознаго невѣжества. Случаи эти, къ сожалѣнію, не рѣдки и не малочисленны. Въ курской и харьковской губерніяхъ, а также и въ самомъ Княжевѣ, я слышалъ такія искаженія молитвъ, что никогда не повѣрилъ бы существованію ихъ въ такомъ видѣ, еслибы самъ, собственными своими ушами, не слышалъ благоговѣйнаго произношенія ихъ. Вотъ, напримѣръ, вставка въ исковерканный вообще текстъ символа вѣры: «при понтыйстимъ Пилаты прицилывся стриляты, да не влучывъ (т. е. не попалъ) бисивъ сынъ». А вотъ молитва за всѣхъ, встрѣчающаяся, по газетнымъ свѣдѣніямъ, и въ кіевской губерніи: «кэ въ поли, кэ въ мори, кэ въ жывотыни, кэ въ буркотыни, отсунь, засунь, прысунь, яко благъ и человѣколюбецъ». Не менѣе интересенъ текстъ первой заповѣди и многихъ другихъ молитвъ, на которыхъ мы не останавливаемся, чтобы не утомлять читателя.

Пораженный до чрезвычайности такими фактами изъ области народной религіозности, иду я подѣлиться впечатлѣніями къ отцу Андрею и поразспросить его въ качествѣ свѣдущаго человѣка. Оказывается, что онъ все это знаетъ и добавляетъ еще много новаго и интереснаго.

— Сижу я какъ-то на крылечкѣ,—разсказываетъ онъ мнѣ,—и сумерничаю. Уже совсѣмъ стемнѣло и плохо видно. Только вижу: идетъ мимо мужикъ съ поводкомъ и торбочкой, и хлопчишка за нимъ бѣжитъ. На ночное, коней пасти, шли. Узнаю по голосу, что это Степанъ Грыценко съ сыномъ. Мужикъ хорошій, хозяйственный. Слышу: мальчишка и говоритъ: «Возьмить мене, тато, завтра пахать на зябь».—«Тю-тю, дурный»,—отвѣчаетъ Степанъ,—«хиба жь у пятницу пашуть»? А дѣло-то было подъ пятницу.—«А чему не пашуть»? пристаетъ хлопчикъ, очевидно очень балованный.—«Не можно, сынку»—объясняетъ отецъ—«свята пьятныца покараетъ». Тутъ ужь я не вытерпѣлъ и изъ незамѣтности своей вышелъ, подозвалъ Степана, да и спрашиваю: какая такая пятница святая? Я-то все это знаю, да такъ, для вразумленія, разговоръ завелъ. А Степанъ сейчасъ и отвѣчаетъ:—«Святительница пьятныца есть. Да се вамъ, батюшка, краще насъ звисно. Отъ позаторикъ (т. е. позапрошлый годъ) Семенъ Колодченко ставъ пахать у пьятныцю, а вона его и покарала: кобыла къ риздву здохла, та сама, на которой винъ пахалъ. Я съ воли (т. е. съ освобожденія отъ крѣпостной зависимости) николы не пахавъ по пьятныцамъ, а три годы и ко-

Digitized by Google

сыть переставъ». Тутъ ужь я его сократилъ и объяснилъ, что никакой «святительныци пьятныци» нѣтъ, а что день сей надлежитъ чтить въ воспоминаніе страданій и крестной смерти Господа нашего Іисуса Христа.

— Но, отецъ Андрей,—замѣтилъ я,—вѣдь православная церковь не установила празднованія пятницы. Отчего же вы не указали этого Степану. Лишній праздникъ въ рабочей недѣлѣ стóитъ иногда громадныхъ денегъ.

— Помолиться никогда не мѣшаетъ,—наставительно отвѣчалъ хитроумный «батюшка».—Я по пятницамъ часто служу и церкви доходъ доставляю.

«Желательно знать,—чуть-чуть не сорвалось у меня съ языка,—что̀ тутъ играетъ бо̀льшую роль: радѣніе ли о томъ, чтобы прихожане помолились, или же чтобы доходъ поступалъ почаще»?!

Немного помолчавъ, отецъ Андрей разсказалъ мнѣ нѣсколько извращенный, но извѣстный малороссійскій анекдотъ о томъ, какъ сельская «громада»бога выбирала. По его словамъ, дѣло было такъ.

Въ скорости послѣ смерти императора Николая Павловича, въ глухой мѣстности Малороссіи зашелъ мужичокъ въ корчму, одиноко стоявшую на «шляху». Здѣсь онъ засталъ цѣлое общество, сильно подгулявшее, но взволнованное и огорченное. Вслушивается мужичокъ въ разговоры и слышитъ странныя слова: «отъиде въ вѣчность», «умре», «въ Бозѣ почилъ». Слышитъ, какъ старый солдатъ съ отчаяніемъ восклицаетъ: «земной богъ... и... и... умре». Компанія вторитъ ему: «да, да, истинный земной богъ... помре... почивъ»... Недовѣрчивый мужикъ сомнѣвается, но снова слышитъ тѣ же слова, тѣ же восклицанія. Огорченный въ свою очередь, спѣшитъ онъ въ сосѣднее село и приноситъ съ собой крупную новость: «земной богъ помре», «богъ почывъ», «богъ вмеръ». Селяне заволновались: вѣсть, что «богъ вмеръ», переходила изъ устъ въ уста. Собралась громада и перво-на-перво заинтересовалась вопросомъ: какъ же будетъ съ урожаемъ, кто позаботится о немъ. Слѣдомъ появился и другой болѣе общій вопросъ: кто же будетъ управлять міромъ? Бабы, что̀ вышли на громаду посмотрѣть, немедленно рѣшили вопросъ:—Хто! звістно хто—Маты Божа». Но мужики не согласились.—«Се не жиноче діло», замѣтили они. Тогда «замисто бога» была поставлена кандидатура св. Николая. Но старики и къ этому отнеслись неблагопріятно, сообщивъ, что «св. Николай дуже молебны любе». Долго толковали мужики и только къ вечеру порѣшили: «хай Георгій правыть».

— Необычайно несуразный анекдотъ,—сказалъ отецъ Андрей,

Digitized by Google

заканчивая разсказъ, сообщенный имъ не безъ юмора,—но долженъ сознаться, что понятія о вѣрѣ Христовой столь смутны у мужиковъ, что и сіи святотатственныя происшествія возможны, хотя, разумѣется, и въ менѣе несообразномъ видѣ.

— Вы не повѣрите,—продолжалъ онъ,—что у нихъ даже о Тріединомъ Божествѣ понятія должнаго нѣтъ, а ересь аріанскую, почитай, повсемѣстно встрѣтишь. Матерь Божія многими чтится болѣе своего Божественнаго Сына, а почитаніе святыхъ перемѣшивается съ почитаніемъ домовыхъ, русалокъ и т. п. Языческія празднованія всѣми признаются и исполняются. Храмъ божій, хотя и больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, посѣщается, а все въ будни иногда литургію совершаешь при пяти-шести молельщицахъ. Одинъ соблазнъ. Объ упокоеніи родителей не заботятся...—и т. д.

По обыкновенію, отецъ Андрей догматическіе вопросы перемѣшалъ съ обрядною стороною и заключилъ все «скудостью средствъ», недостатками доходовъ и т. п. Я поспѣшилъ уйти. Сообщенные имъ факты, наряду съ тѣми, которые уже были извѣстны мнѣ, рисовали дѣйствительно неприглядную картину религіознаго развитія. Зная это развитіе, перестаешь удивляться тѣмъ проявленіямъ дикаго суевѣрія, которыя обнаруживались во многихъ мѣстахъ въ истекшемъ году во время холеры. Газеты сообщали, что казаки запрягали въ плугъ обнаженныхъ дѣвушекъ и опахивали ими станицу, въ наивной вѣрѣ, что за борозду холера не переступитъ; толпы горожанъ вѣрили, что холера ѣздитъ запрятанная въ ассенизаціонныя бочки или въ санитарные фургоны, что доктора отравляютъ воду, хоронятъ живыхъ людей. Что̀ удивительнаго въ этомъ, если ужь извѣстно, что «св. Микола молебны любыть», и потому не можетъ безкорыстно управлять міромъ, а «припонтыйстый Пилатъ прицылывся стриляты»?!

Велика еще ты, безпросвѣтная, непроглядная темнота русскаго народа. Если ужь въ области религіозныхъ вѣрованій можно встрѣтиться съ такими нелѣпостями, то въ сферѣ, напримѣръ, политическихъ воззрѣній сумбуръ понятій еще болѣе поразителенъ. По мнѣнію народа, «сынодъ» играетъ у насъ первую роль. Не различаемый отъ сената,—не нѣкоторыми только крестьянами, а всѣми поголовно,—этотъ «сынодъ» считается единственнымъ высшимъ учрежденіемъ, пожалуй, даже болѣе высокимъ, чѣмъ монархическое начало въ нашемъ государствѣ. Этотъ самый «сынодъ» является вершителемъ всѣхъ судебъ, высшимъ руководителемъ не только религіозной и гражданской жизни, но даже и военныхъ дѣйствій. «Паны хотилы зъ нимцемъ воювать»—пришлось слышать мнѣ политическій разговоръ,—«а сынодъ не звыливь». «Паны», въ воображеніи мало-

Digitized by Google

русскаго крестьянства, являются носителями и иниціаторами всего зловреднаго, затѣваемаго вообще, а противъ мужика въ особенности. Поэтому и ужасное событіе 1 марта 1881 г. всецѣло было взвалено на головы бѣдныхъ пановъ. Когда пришло печальное извѣстіе и народъ впервые былъ призванъ къ присягѣ,—разговорамъ, толкамъ и нелѣпымъ угрозамъ по адресу «пановъ» не было конца. Я слышалъ ихъ много разъ и въ различныхъ варіантахъ. Вотъ содержаніе одного изъ такихъ разсказовъ знакомаго старика-крестьянина объ участіи «пановъ» въ событіи, повергнувшемъ въ ужасъ всѣхъ культурныхъ людей. За нѣсколько мѣсяцевъ до этого событія, по селамъ будто бы разъѣзжали какіе-то люди. То были отъ «велыкыхъ панивъ посланци». Они заѣзжали рѣшительно ко всѣмъ панамъ въ усадьбы и долго «промежъ себе шепоталысь». Имъ поручено было отобрать отъ «панивъ» руки (т. е. подписи) на злодѣйское дѣло, чтобы послѣ него снова возстановить крѣпостное право. Вездѣ ихъ принимали. Всѣ давали свое согласіе. Только сосѣдъ Еремѣевъ — глубокій старикъ и добрый человѣкъ — сказалъ: «я уже старый, мени людской неволи не треба». Когда посланци объѣхали всѣхъ, тогда и совершилось злодѣяніе. «Якъ тамъ хотять паны»,— рѣшительно добавилъ разсказчикъ,—«а громада на неволю не согласна». Народъ безсмысленно ждалъ попытки къ возстановленію крѣпостнаго права, но, разумѣется, не дождался и порѣшилъ, что паны «погрызлысь» между собою, «а сынодъ не схотилъ знову людей губыть».

О мѣстномъ начальствѣ понятія тоже неопредѣленныя. Исправника, становаго и судью знаютъ всѣ, но остальныя лица, имѣющія отношеніе къ крестьянскому управленію — предводитель дворянства, предсѣдатель управы, члены ея, непремѣнный членъ, судебный приставъ и пр. — всѣ называются общимъ именемъ — «членъ».

— Видъ члена бумага прыйшла,—говорятъ мужики,—щобъ гамазей (продовольственный магазинъ) засыпали.

— Прыиздывъ членъ, хлибъ у кущца опысавъ, та продавать, кажуть, буде,—сообщаютъ другіе.

— Чи правда, що члены новаго учителя прислалы?—спрашиваютъ у священника третьи.

Волостныя и сельскія дѣла крестьяне знаютъ лучше, но и тутъ каждый пьяный писарь или старшина водитъ ихъ за носъ. Каждая смѣна волостнаго начальства сопровождается растратой общественныхъ суммъ, а выборные только затылки чешутъ, чувствуя свое полное безсиліе противъ этого общероссійскаго бѣдствія. Нельзя сказать, чтобы они не принимали противъ него никакихъ мѣръ, чтобы

Digitized by Google

не старались выбирать въ старосты и старшины лучшихъ людей. Но старосты безсильны и находятся въ полной зависимости отъ старшинъ, а потому отъ обязанности «старостовать» уклоняются всѣ лучшіе люди, исполняя ее лишь «по череду», т. е. когда придетъ очередь. Старшины—въ такой же зависимости отъ становыхъ приставовъ, исправниковъ и другихъ начальствъ. Но у себя въ волости они имѣютъ значительную власть. Унижаясь передъ мелкимъ уѣзднымъ начальствомъ, они стараются наверстать свою власть у себя дома, ломаются и самоуправствуютъ. Поводовъ и соблазновъ очень много. Богачъ всегда и угоститъ, и попотчуетъ, и «уважитъ» старшину. Поэтому, если въ число ихъ и попадется порядочный мужикъ, но по обыкновенію неразвитой и нестойкій, то очень скоро сопьется, избалуется и изворуется. На повѣрку выходитъ, что бѣда не въ недостаткѣ порядочныхъ людей для занятія должностей старостъ и старшинъ, а въ тѣхъ неудобныхъ положеніяхъ, къ которымъ приводятъ ихъ обязанности, въ томъ униженіи, которое выпадаетъ на ихъ долю, смѣняясь вслѣдъ затѣмъ самодурствомъ; въ той массѣ соблазновъ, которыми наполнена жизнь исключительно въ темной средѣ, отсутствіе новыхъ элементовъ, способныхъ если не освѣжить волостные порядки, то, по крайней мѣрѣ, косвенно повліять на нихъ. Будь учитель, священникъ, докторъ, помѣщикъ и другіе привилегированные люди членами одной всесословной волости, навѣрно тотъ же старшина, который валяется теперь пьяный въ судейской комнатѣ, нѣсколько подтянулся бы и повоздержался. Разумѣется, пока истинное образованіе и культура будутъ обходить деревню, до тѣхъ поръ значительныхъ улучшеній въ волостныхъ порядкахъ нельзя ждать, но нужно помнить, что всякій культурный человѣкъ, входящій въ составъ некультурной среды, несетъ за собой, даже помимо своей воли, новые элементы, воспитательнаго значенія которыхъ нельзя игнорировать. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ вліяніе хорошаго помѣщичьяго хозяйства,—если оно гдѣ-либо возникаетъ,—на крестьянское. Какъ ни незначительно это вліяніе, а отрицать его невозможно. Вслѣдъ за помѣщиками крестьяне начинаютъ унавоживать землю, лучше и глубже пахать, начинаютъ обновлять сѣмена, заводить вѣялки и т. п.

Прогрессъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ несомнѣнно дѣлаетъ свое дѣло, но дѣлаетъ чрезвычайно медленно, совсѣмъ не пропорціонально потребности въ немъ. Умственная неподвижность и крайняя бѣдность въ этомъ случаѣ являются главнымъ тормозомъ. Разъ заведенные порядки измѣняются чрезвычайно туго даже въ мелочахъ. Такъ напримѣръ, мужики отгораживаютъ засѣянныя поля отъ выгона плетнемъ, съ цѣлью преградить къ полямъ доступъ скотинѣ.

Digitized by Google

Дѣлаютъ это они ежегодно; ежегодно собирается громада, шумитъ, споритъ объ очереди, о прочности «тына» и т. п. Наконецъ плетень начинаютъ сооружать: одни дворы—что̀ поисправнѣй—поставятъ свою часть скорѣе, другіе позже, а третьи вовсе отвиливаютъ по болѣе или менѣе резоннымъ причинамъ.

Въ незагороженныя части пробирается скотъ и дѣлаетъ потравы. Изъ-за нихъ снова поднимаются споры, «свары», перебранка, а иногда и потасовка. Незагородившій свою часть крестьянинъ попадаетъ иногда и въ «холодную» или отдѣлывается штрафами, пока наконецъ, среди лѣта, не поставитъ свою часть плетня. Съ такимъ трудомъ сооруженная постройка, казалось бы, должна сохраняться съ особенной тщательностью. Но въ дѣйствительности выходитъ какъ разъ наоборотъ. Едва успѣютъ снять хлѣбъ съ полей, какъ «царина»—такъ называется этотъ плетень—мгновенно разбирается тѣми же хозяевами, которые поставили ее. Единственнымъ мотивомъ для этого служитъ лишь то обстоятельство, что на слѣдующій годъ царину должны ставить другіе хозяева. Сколько ни убѣждалъ Клеоникъ Петровичъ сдѣлать на тынъ «остришку», т. е. покрыть его плохенькой соломкой и тѣмъ сохранить года на четыре, крестьяне только почесывали затылки, говорили: «такъ-то воно такъ», «сходнійше не разорять тына, а весты череду на четыре лита», но въ концѣ концовъ все таки разбирали плетень и весной снова начинали старую исторію съ нимъ. Долго отстаивали крестьяне и безнавозное хозяйство. Говорили, что навозъ портитъ зерно, а только солому улучшаетъ, что всходы на навозной землѣ выпрѣваютъ и т. п.

— Якъ Богъ дасть, то и безъ навозу урожай буде, а якъ не дасть, то и навозъ не поможе,—говорили мужики на разные лады въ отвѣтъ на всѣ доводы болѣе свѣдущихъ людей.

Но мало по малу очевидность пользы навоза выступала все ярче и рельефнѣе; отрицать ее сдѣлалось невозможнымъ и болѣе подвижные и расторопные крестьяне стали сами дѣлать опыты. Теперь унавоживаніе полей признаётся всѣми, но дѣлаютъ его далеко не всѣ, и значительная часть драгоцѣннаго навоза идетъ на плотины, гребли, на заваливаніе лужъ и даже овраговъ. Иному приняться за вывозку навоза въ поле мѣшаетъ недостатокъ рабочей силы въ семьѣ, у другаго—плохой возъ, который развалится отъ тяжести, а третьему необходимо приберечь лошаденку до пахоты, а то она не вынесетъ всей тяжести работъ. Но большинству изъ числа не пользующихся навозомъ препятствуетъ неподвижность мысли, привычка къ традиціонному укладу жизни, къ обычнымъ, такъ сказать, заученнымъ работамъ. Это не лѣнь, а именно косность, боязнь новшествъ, пассивное отношеніе къ жизненнымъ явле-

Digitized by Google

ніямъ. Хорошо бы было вывезти навозу—думаетъ мужикъ—да вотъ вилокъ или лопаты «нема», отложу еще на нѣсколько дней. Вилки и лопату легко достать у сосѣда, но для этого нужно бросить, напримѣръ, починку хомута, одѣться да пойти. Если же и вилки, и лопата есть, то является новый вопросъ: а съумѣетъ ли «жинка» разбросать и разгрести навозъ, да, пожалуй, изъ-за непривычной работы еще «лаяться» начнетъ. Итакъ, изо дня въ день откладывается начало новаго дѣла, затягивается изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ, уладить которыя ничего не стоитъ, но которыя служатъ оправданіемъ передъ другими и передъ собой. Пока мужикъ затягиваетъ дѣло да откладываетъ—смотришь: и весна пришла, навозить поздно, нужно ужь приниматься за другія работы. «Ну,—думаетъ крестьянинъ,—теперь не собрался; Богъ дастъ и такъ уродитъ; вѣдь родило же до сихъ поръ; а на тотъ годъ непремѣнно унавожу». Но такъ проходятъ года и десятки лѣтъ. Эта умственная неподвижность, эта пассивность въ жизни народа, несомнѣнно даровитаго и жизнеспособнаго, проходитъ красной нитью во всемъ его бытѣ. Она очевидна въ отношеніи крестьянъ къ школѣ, къ церкви, къ своему самоуправленію, къ хозяйству. Какъ только всколыхнется она, какъ только замѣнится болѣе активнымъ отношеніемъ къ окружающему,—такъ въ деревнѣ проявляется сейчасъ же новая жизнь. Въ экономической жизни проявляется она въ переселеніяхъ, въ исканіи новыхъ мѣстъ. Такимъ образомъ, какъ ни подавлена нуждой и невѣжествомъ народная масса, она все таки даетъ слишкомъ много поводовъ считать существующимъ въ ней—стремленіе выйти изъ умственной неподвижности и проявить себя активной жизнью. Наличность этого стремленія служитъ лучшимъ и важнѣйшимъ основаніемъ вѣры въ будущность русскаго народа, въ его способность идти по пути прогресса и занять со временемъ подобающее мѣсто въ культурной международной семьѣ.

VII. Дѣти.

Занятія въ школѣ наладились у меня довольно скоро. Сельскія дѣти—совсѣмъ не то, что городскія, и постановка школы съ ними зависитъ отъ учителя въ значительно большей мѣрѣ, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. Наибольшее затрудненіе, разумѣется, доставляли новички. Возни съ ними было немало, такъ какъ на самые обычные и элементарные вопросы они обыкновенно не могли отвѣчать.

— Какъ тебя звать?—спрашиваю я въ первый же свой урокъ одного изъ новичковъ.

Digitized by Google

— Володько,—робко отвѣчаетъ онъ.

— А отца твоего какъ зовутъ?—продолжаю я.

Новичокъ молчитъ. Товарищи объясняютъ ему, что мнѣ нужно имя его «батька». Но онъ, смущаясь, продолжаетъ молчать. Я повторяю вопросъ.

— Лысый,—со внезапной рѣшимостью произноситъ спрашиваемый.

Старшіе ученики хохочутъ, а новичокъ совсѣмъ робѣетъ. Я объясняю, что «Лысый»—это прозвище, а мнѣ нужно «хрещене имя». Только послѣ этого Володько говоритъ, что батька его—Макаръ. Но полнаго своего, а не уменьшеннаго, имени онъ не знаетъ и, кажется, очень удивился, когда ему объяснили, что онъ не Володько, а Владиміръ. Фамиліи же своей онъ такъ-таки и не могъ сообщить. Пришлось узнать ее отъ сосѣдей—старшихъ учениковъ.

Этотъ опросъ новичка оказался характернымъ. По крайней мѣрѣ, двѣ трети вновь поступившихъ учениковъ знали только свое уменьшительное имя, а «не хрещене», фамилій не зналъ почти никто, а многіе не знали и именъ своихъ отцовъ. Что же касается хозяйства, то большинство могло обстоятельно сообщить, сколько у нихъ «коній», коровъ, овецъ и даже поросятъ. Только въ такомъ случаѣ, если счетъ превышалъ десятокъ, новички испытывали затрудненіе. Были однако и такіе, которые болѣе трехъ считать не могли.

Начиная ученіе, приходилось давать ученикамъ самыя элементарныя понятія. Такъ, многіе не знали правой и лѣвой стороны, не опредѣляли, гдѣ верхъ и гдѣ низъ. Послѣ первыхъ разспросовъ и ознакомленія съ подготовкой дѣтей, я былъ пораженъ ихъ малымъ умственнымъ развитіемъ. Поговорка, по которой «деревенскій ребенокъ, что̀ городской теленокъ», очевидно оправдывалась. Слово: Богъ было для нихъ однозначуще съ иконой; религіозныхъ понятій, можно сказать, не было никакихъ. Молитвы замѣнялись безсмысленнымъ шептаніемъ: «Господи Сусе», «Господи Сусе». Все, что̀ выходило за предѣлы села, было для большинства совершенно непонятно. Скоро я убѣдился, что въ моихъ разговорахъ и объясненіяхъ немало мѣшаетъ моя русская рѣчь. «Потолокъ» былъ непонятенъ для всѣхъ новичковъ, а «стелю» знали многіе. Точно также лѣстницы не знали, а что́ такое «дробына» понимали. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и малорусскій говоръ, которымъ я владѣлъ, не помогалъ вполнѣ, такъ какъ о многомъ дѣти совсѣмъ не имѣли представленія. Прежде чѣмъ дать имъ въ руки грифель и аспидную доску, пришлось выучить названіе пальцевъ, частей руки; пришлось выучить хоть отчасти отдѣлять палецъ отъ пальца, а не совать ихъ вмѣстѣ, къ видѣ кулака.

Digitized by Google

Долженъ сознаться, что со стороны опрятности мои ученики держали себя, какъ настоящіе поросята. Воздухъ портили постоянно и вонь въ классѣ стояла въ первое время невообразимая. Отъ непривычки кружилась голова и дѣлалось дурно. Отучить моихъ хлопцевъ отъ такихъ привычекъ было довольно трудно, тѣмъ болѣе что отецъ Андрей сначала не обращалъ никакого вниманія на это, какъ онъ выражался, «чревобѣсіе», но въ концѣ концовъ все таки удалось значительно уменьшить это «свинство». Тѣмъ не менѣе, почти всегда воздухъ въ классѣ былъ очень тяжелъ, а потому уроки для меня нерѣдко заканчивались головной болью. Противъ этого систематическаго отравленія воздуха всякая дисциплина безсильна. Но въ то же время сельская патріархальная вѣжливость соблюдается. Всякій ученикъ, входя къ вамъ въ комнату, непремѣнно поклонится и скажетъ: «здравствуйте вамъ», а развязные новички изъ богатыхъ домовъ даже руку протягиваютъ. О старшихъ, и особенно объ отцѣ и матери, школяры всегда говорятъ во множественномъ числѣ: «батько казалы», «маты звелилы». Ни насмѣшки, ни осужденія, ни даже простой непочтительности по отношенію къ родителямъ я никогда не слыхалъ отъ своихъ школяровъ. Въ этомъ отношеніи патріархальные нравы очень еще сильны въ малорусской деревнѣ.

Школьная дисциплина налаживается довольно легко. Но необходимое условіе для этого—пониманіе учениками цѣли требованій учителя. Я пишу на доскѣ элементы буквъ и спрашиваю дѣтей, видятъ ли они написанное. Многіе вскакиваютъ на своихъ мѣстахъ, перегибаются черезъ парту или же взбираются на нее съ ногами.

— Вася,—обращаюсь я тогда къ одному изъ сидящихъ за крупнымъ мальчикомъ, вскочившимъ на ноги,—тебѣ видно, что̀ написано на доскѣ?

— Нѣтъ, не видно: Степанъ «затулывъ».

Нѣсколько такихъ случаевъ убѣждаютъ Степана и другихъ болѣе подвижныхъ дѣтей, что вскакивать не слѣдуетъ и что учитель, въ такихъ случаяхъ, предъявляетъ совершенно резонное требованіе—сидѣть по мѣстамъ смирно. Вообще всѣ требованія дисциплины исполняются новичками охотно, и привыкаютъ они къ веденію занятій скоро—дня въ два-три. Потомъ приходится только дополнять и уяснять частности. Вниманіе на урокахъ и интересъ къ нимъ со стороны учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ то время, когда я учился въ городскихъ школахъ, о такомъ вниманіи нельзя было и думать. Крупныхъ шалостей въ средѣ моихъ школяровъ тоже не бывало.

Digitized by Google

Дѣтскія взаимныя потасовки случались, разумѣется, нерѣдко, но о такихъ дракахъ, какія происходили въ мое время въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ и нерѣдко заканчивались выбитіемъ зубовъ или инымъ членовредительствомъ—въ сельской школѣ не было и слуха. Не практиковалось здѣсь и то систематическое озлобленное дерганье за вихры, щипанье и награжденіе увѣсистыми «тумаками», которое примѣнялось великовозрастными учениками старой уѣздной школы по отношенію къ молодымъ членамъ ея, съ единственною цѣлью поддерживать авторитетъ «старшихъ» и держать въ постоянномъ страхѣ младшихъ, чтобы они не ябедничали и не «доказывали». Въ сельской школѣ нѣтъ старшихъ, которые угнетали бы младшихъ. Всѣ держатся между собою одинаково ровно, на товарищеской ногѣ. Никакого ябедничанья и докащичества тоже нѣтъ между учениками, и если они являются иногда къ учителю съ жалобами другъ на друга, то, во-первыхъ, въ исключительныхъ случаяхъ, а, во-вторыхъ, не съ цѣлью повредить товарищу и самому выдвинуться, а исключительно ради возстановленія попраннаго права. Поэтому такая жалоба не унижаетъ жалобщика, не приравниваетъ его къ ябеднику и доносчику, и нисколько не измѣняетъ отношеній къ нему товарищей. Для устраненія всякихъ поводовъ къ развитію ябеды, я уничтожилъ практикующееся почти во всѣхъ сельскихъ школахъ нашей мѣстности назначеніе дежурныхъ учениковъ. На обязанность послѣднихъ обыкновенно возлагаютъ наблюденіе за цѣлостью школьнаго имущества: мѣлковъ, чернильницъ, грифельныхъ досокъ и т. п., надзоръ за соблюденіемъ учениками чистоты и опрятности, порядка выхода изъ класса, обтиранія ногъ и т. п. Еще при скитаніи моемъ по городскимъ школамъ, когда я готовился къ пробнымъ урокамъ, я замѣтилъ, что такое дежурство не особенно благотворно дѣйствуетъ на учениковъ. У нѣкоторыхъ оно развиваетъ повелительный тонъ, наклонность дать подзатыльникъ тому, кто послабѣе физически, и вообще держать товарищей въ томъ самомъ трепетѣ, въ которомъ пребывали и мы «у старшихъ» во время нашего ученія въ дореформенныхъ городскихъ училищахъ. Другихъ учениковъ—по преимуществу физически слабыхъ—дежурство пріучаетъ къ инымъ, еще менѣе желательнымъ способамъ поддержанія своего авторитета, какъ дежурнаго. Они начинаютъ «доносить» учителю, ябедничать и даже лжесвидѣтельствовать. Въ виду этого, я всѣ обязанности дежурныхъ принялъ на себя, а дежурство отмѣнилъ совсѣмъ. Всѣ ученики, независимо отъ своего возраста, общественнаго положенія родителей и отъ своихъ познаній, были всегда равны для меня.

А разница между отдѣльными учениками была иногда довольно

Digitized by Google

велика. Начать съ возраста. Были у меня семилѣтніе ученики. Были даже попытки приводить въ школу шестилѣтнихъ, но такихъ молодцовъ я безцеремонно отсылалъ назадъ,—еще годикъ посидѣть дома. Я пришелъ къ убѣжденію, что для воспріятія грамоты у дѣтей наступаетъ извѣстный періодъ зрѣлости, которымъ и необходимо пользоваться. Бывали случаи, когда ребенку грамота видимо не дается. Бьешься, бьешься съ нимъ—и все безрезультатно. Ученикъ кажется тупымъ, совсѣмъ неспособнымъ. Но стоитъ прекратить съ нимъ занятія на нѣсколько мѣсяцевъ и ребенокъ дѣлается неузнаваемымъ. Воспринимаетъ онъ быстро, запоминаетъ легко, прочно и скоро выучивается грамотѣ сознательно, безъ особаго усилія и труда. Это значитъ—наступила зрѣлость для воспріятія грамотности. До шести лѣтъ у деревенскихъ дѣтей такая зрѣлость является очень рѣдко, а потому, повторяю, я принялъ за правило отсылать ихъ домой. Возни съ ними много, толку же мало; между тѣмъ они задерживаютъ все первое отдѣленіе. Были случаи, когда и семилѣтнихъ приходилось отсылать. Но большинство учащихся является въ школу въ возрастѣ 8-и даже 9-ти лѣтъ. Въ крестьянской средѣ это самые благопріятные для обученія годы. Мальчикъ учится безъ особаго труда, сознательно, а—главное—быстро. Но не всякому, разумѣется, приходится попасть въ школу въ этомъ возрастѣ. Бываютъ и такіе, которые приходятъ въ первый разъ въ 10—12 лѣтъ, а въ двухъ случаяхъ, за пять учебныхъ лѣтъ моей учительской практики, поступали и 14-лѣтніе ученики. Одинъ изъ нихъ кончилъ курсъ, а другой походилъ недѣли три и пересталъ. «Не понравилось», говорили о немъ другіе ученики. Большинство учениковъ, вслѣдствіе неисправнаго посѣщенія уроковъ, проходитъ курсъ не въ три, а въ четыре года, оставаясь на второй годъ преимущественно въ послѣднемъ отдѣленіи. Поэтому ученики въ возрастѣ 15—16-ти лѣтъ не составляютъ рѣдкаго исключенія. Школа такимъ образомъ вмѣщаетъ въ себѣ и чуть не младенцевъ 7-ми лѣтъ, и 16-лѣтнихъ «отроковъ», и затѣмъ почти юношей.

Большое разнообразіе въ сельской школѣ наблюдается на дѣтяхъ и по имущественному положенію ихъ родителей. Нѣкоторые ходятъ едва одѣтые, почти въ рубищахъ, въ большихъ сапогахъ, въ женской свиткѣ. Были и такіе молодцы, которые прибѣгали въ школу зимой, по снѣгу, въ «черевыкахъ» и даже босикомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ есть въ школѣ и «аристократія», которая одѣвается въ суконныя «чинарки», въ теплые полушубки и даже въ триковые «пинжаки». Это дѣти мѣстныхъ торговцевъ, членовъ причта и болѣе зажиточныхъ крестьянъ изъ бывшихъ дворовыхъ. Къ чести ихъ нужно сказать, что они не держатся особнякомъ—что замѣчается

Digitized by Google

иногда въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ,—не образуютъ отдѣльной группы, а все время пребыванія въ школѣ остаются такими же дѣтьми, какъ и всѣ остальныя. Болѣе вкусные завтраки, которые приносятъ они съ собой, нерѣдко распредѣляются щедрой рукой между сосѣдями по партѣ или болѣе близкими товарищами. Все, чѣмъ выдѣляются они изъ товарищеской среды, заключается въ нѣкоторомъ относительно—бо́льшемъ умственномъ развитіи, да въ большей чистотѣ и опрятности. Я помню только одинъ случай, когда ученикъ попытался перенести въ школу торгашескіе обычаи и привычки своей семьи. Это былъ одинъ изъ сыновей того самаго шинкаря-мясника, который являлся ко мнѣ еще въ началѣ моей учительской службы. Онъ вздумалъ, съ чисто ростовщическимъ процентомъ прибыли, вести въ школѣ торговлю стальными перьями, карандашами и т. п. письменными принадлежностями. Но когда я энергично и рѣзко остановилъ его поползновенія, мои школяры долго не давали проходу практичному мальчишкѣ, насмѣшливо называя его «купцомъ». Впрочемъ, такіе случаи нисколько не разстраивали товарищеской среды моихъ учениковъ, державшихся всегда дружно, вмѣстѣ, какъ бы постоянно чувствуя ту связь, которую устанавливала общая для всѣхъ ихъ и, смѣю сказать, любимая ими школа. Даже дѣвочки,— число которыхъ рѣдко превышало 15-ть изъ всѣхъ 80-ти учащихся,—не смотря на склонность «дівчатъ» шушукаться «промежъ себе», особенно не выдѣлялись, играя и разговаривая вмѣстѣ съ мальчиками. Боязнь, что ихъ нравы и онѣ сами пострадаютъ отъ такого общенія, никогда не оправдывалась. Деревенскіе мальчики, равно какъ и дѣвочки, настолько чисты даже въ своихъ помышленіяхъ, настолько патріархальны въ своихъ нравахъ, что ничего грязнаго, развращающаго—допустить между ними совершенно невозможно. Даже такой блюститель деревенской нравственности, какъ отецъ Андрей, который, охраняя цѣломудріе молодежи, воспретилъ невиннѣйшія «вечерныци» и «вулыцю», и тотъ говорилъ мнѣ, что никогда не замѣчалъ даже и тѣни такихъ отношеній между учениками и ученицами, которыя подали бы поводъ къ какимъ либо «сальнымъ»,—какъ выражался онъ,—подозрѣніямъ. Правда, ученикъ не постѣснится сходить при дѣвочкѣ «за естественной нуждой», не постѣснится снять рубашку или порты, если это потребуется, но въ деревенскомъ быту, гдѣ люди разныхъ половъ и возрастовъ живутъ въ одной хатѣ, такія явленія освящены обычаемъ, обусловливаются характеромъ братскихъ отношеній и, разумѣется, не возбуждаютъ никакихъ грязныхъ мыслей, на которыя такъ падокъ взрослый горожанинъ.

Прославленныхъ на Руси «ругательскихъ ругательствъ», съ по-

Digitized by Google

стояннымъ упоминаніемъ родительницы, я никогда не слышалъ среди крестьянскихъ дѣтей. Простонародное же названіе той части тѣла, къ которой теперь вдругъ почувствовали особую нѣжность современные педагоги, думающіе, по примѣру своихъ дореформенныхъ собратьевъ, путемъ воздѣйствія на нее, дѣйствовать и на душу ребенка,—только, говорю, эта часть тѣла, да физіологическія функціи, совершаемыя при ея участіи, свободно и безъ стѣсненія называются, при нуждѣ, своими именами, одинаково какъ мальчиками, такъ и дѣвочками. Но «скоромнаго» въ этомъ никто никогда не видѣлъ и отсутствіе стѣсненій на этотъ счетъ объясняется тою же простотой и патріархальностью нравовъ. Обычное малорусское ругательство — «сучій сынъ», употребляемое, впрочемъ, и какъ ласкательное названіе, потеряло всякое значеніе, превратилось въ поговорку, въ пустой звукъ, который никакихъ грязныхъ представленій не вызываетъ даже у людей, уже соблазненныхъ «городской цивилизаціей». Что касается остальныхъ бранныхъ словъ, употребительныхъ въ малорусскомъ лексиконѣ, то, разумѣется, они грубы и непріятны, но въ общемъ нисколько не хуже по смыслу и значенію тѣхъ, которыя нерѣдко обильно расточаются нѣжными барынями и эфирными барышнями по адресу своей прислуги и зависимыхъ отъ нихъ людей. Если дѣти, обучающіяся въ сельской школѣ, во всемъ этомъ являются менѣе культурными съ чисто внѣшней стороны, то дѣйствительная цѣломудренность ихъ значительно выше, чѣмъ у горожанъ всѣхъ возрастовъ, начиная со школьнаго.

Сельскіе школяры несомнѣнно стоятъ выше городскихъ и по своему отношенію къ школѣ и учителю. Я уже говорилъ, что они гораздо внимательнѣе, послушнѣе и дисциплинированнѣе городскихъ дѣтей. Но, кромѣ того, у нихъ и самыя чувства къ школѣ лучше и глубже, чѣмъ въ городѣ. На это мнѣ могутъ возразить ссылкой на извѣстный фактъ пропуска уроковъ. Эти пропуски несомнѣнно существуютъ и притомъ въ самомъ ужасномъ размѣрѣ, но объясняются они совсѣмъ иными причинами, чѣмъ въ другихъ высшихъ школахъ. Кромѣ пропусковъ, самый учебный годъ въ сельской школѣ очень не великъ. Занятія я всегда начиналъ съ первыхъ чиселъ сентября; но въ теченіе его школу посѣщало не болѣе четвертой части учениковъ. Всѣ остальные находились при исполненіи своихъ домашнихъ обязанностей: днемъ водили лошадь въ боронѣ, если отецъ пахалъ или сѣялъ, сгребали и вязали солому, если онъ молотилъ, возили съ нимъ копны и исполняли всѣ другія хозяйственныя работы, въ которыхъ нуждается крестьянская семья. Ночью они водили «коней пасты», или же, при выѣздѣ взрослыхъ въ поле и въ лѣсъ, оставались присмотрѣть за скотомъ, за хозяйствомъ и

Digitized by Google

за младшими дѣтьми. Упрекнуть крестьянъ въ томъ, что они предпочитаютъ эти дѣтскія работы школьнымъ занятіямъ—никакъ нельзя, уже въ силу самаго строя крестьянскаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бросить въ боронѣ одного двухлѣтняго жеребенка, когда онъ добровольно не желаетъ тянуть лямки своихъ родителей. Поставить же въ «погонычи» къ этому жеребенку взрослаго—неразсчетливо, потому что полный работникъ и «на паньщини заробыть». Отложить бороньбу невозможно, такъ какъ время упустишь, а его, и безъ того, въ страдную пору очень мало. Значитъ, ничего больше не остается, какъ поручить жеребенка съ бороной «хлопцю». Хлопецъ же прекрасно сознаётъ, что своевременное выполненіе работъ въ сельскомъ хозяйствѣ очень важно, что иначе зерно не взойдетъ, колосъ проростетъ въ снопахъ, свиньи и птица солому и умолотъ переведутъ. Поэтому онъ чувствуетъ, что дѣлаетъ необходимое и важное дѣло; что онъ работникъ, кормилецъ, что, не смотря на свои семь лѣтъ, въ семьѣ всего «два мужика—отецъ мой да я». Какъ только надобность въ его хозяйственныхъ работахъ миновала, онъ отправляется въ школу, если нѣтъ другихъ препятствій. Къ октябрю сельско-хозяйственный годъ въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ заканчивается, а потому посрединѣ его три четверти учениковъ уже собираются въ школу. Остальная четверть собирается и еще позднѣе, но уже по исключительнымъ причинамъ: крайней бѣдности, неимѣнію необходимой одежды, своей болѣзни или болѣзни работника, котораго нужно замѣнить, и т. п. Такимъ образомъ, до рождественскихъ праздниковъ учебное время для полной школы продолжается не болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Съ новаго года, занятія тянутся обыкновенно до пасхи, т. е. въ среднемъ до начала апрѣля. Если изъ этого періода исключить часть рождественскихъ каникулъ, масляницу, а иногда и говѣнье, то опять на занятія останется тоже никакъ не болѣе двухъ съ половиной мѣсяцевъ. Слѣдовательно, весь учебный годъ продолжается только въ лучшихъ случаяхъ пять мѣсяцевъ. Съ весной открываются полевыя работы,—выгонъ скота въ поле,—и ученики перестаютъ ходить въ школу. До 1-го мая остаются только приготовляющіеся къ выпускному экзамену.

При такомъ до чрезвычайности короткомъ учебномъ времени, всякіе пропуски являются истиннымъ несчастіемъ для учителя, а—какъ я убѣдился,—и для учениковъ. Я систематично, изъ года въ годъ, отмѣчалъ причины, по которымъ ученики пропускали уроки. Записи эти, къ сожалѣнію, не сохранились. Но я хорошо помню, что пропуски по «неуважительнымъ» причинамъ не достигали и 1% общаго числа ихъ. Главной причиной являлись домашнія ра-

Digitized by Google

боты: «батько въ городъ поихали, а маты занедужили», значитъ «хлопцю» пришлось «ѣхать по воду», гнать скотъ на водопой, заложить ему корму и т. п., или—«батько и маты на панщыни, а я бувъ на господарстви». Часто были ссылки и на матеріальные недостатки: «маты пишлы прать (т. е. бѣлье мыть на рѣкѣ) и мои чоботы обулы», или «братъ Петрусь пишовъ на панщину и свитку узявъ». Всѣ такія показанія почти всегда провѣрялись мной. Впрочемъ, и безъ того, извѣстно всѣмъ знающимъ сельскихъ ребятишекъ, что они не лгутъ и не желаютъ лгать, а еслибы и пожелали, то сосѣди-товарищи не допустятъ этого.

При такихъ причинахъ пропусковъ, разумѣется, языкъ не поворачивается осуждать за нихъ учениковъ. Почти всегда они сознаютъ всѣ невыгоды и неудобства пропусковъ, плачутъ о нихъ, не смотря на вполнѣ кроткое отношеніе къ этому учителя, видимо сами мучатся ими и все таки ничего не могутъ подѣлать. Естественно, что послѣ всего этого отнести пропуски къ несочувствію учениковъ школѣ невозможно. Напротивъ, лучшаго отношенія со стороны ихъ къ школѣ и ожидать нельзя. При сколько нибудь благопріятныхъ условіяхъ, дѣти охотно идутъ въ школу, нерѣдко преодолѣвая серьозныя препятствія и даже,—какъ я уже говорилъ,—рискуя пробѣжать босикомъ по снѣгу не одинъ десятокъ саженей. Старшіе ученики постоянно просятъ позволенія приходить послѣ обѣда и для вечернихъ занятій, а новички положительно обижаются, если занятія съ ними ограничиваются двумя часами въ сутки. Школа ревниво защищается учениками отъ несправедливыхъ нападокъ и инсинуацій старшихъ. Мнѣ не разъ приходилось выслушивать отъ учениковъ жалобы со слезами на глазахъ о томъ, какъ какой нибудь пьяный «москаль» или кто либо другой «лаявъ» школу или учителя. Долженъ замѣтить, что привязанность учениковъ къ учителю тоже не оставляетъ желать ничего лучшаго. Той враждебности, основанной на противоположности интересовъ учащихъ и учащихся, которая господствуетъ между нами въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, въ сельской школѣ я никогда не замѣчалъ. Даже «нерадивые» ученики, какъ говорилъ отецъ Андрей, и тѣ относились къ нему и ко мнѣ вполнѣ искренно и сердечно.

Впрочемъ, эта «нерадивость» учащихся—понятіе очень условное. Кромѣ двухъ-трехъ учениковъ, явно неспособныхъ, и кромѣ большинства среднихъ, между остальными ярко выдѣлялись два типа — «шустрыхъ» и «тугихъ», по терминологіи отца Андрея. Первые всегда отличались значительной легкостью и быстротой, съ которыми они воспринимали новыя знанія. Это были дѣти того

Digitized by Google

типа, которыя въ культурной средѣ восхищаютъ родителей своими якобы недюжинными способностями. Въ этой средѣ они въ два года отъ роду поютъ романсы, въ три играютъ на роялѣ и читаютъ, въ четыре свободно говорятъ уже на двухъ языкахъ, въ пять готовы къ поступленію въ гимназію, а въ двадцать лѣтъ уже опредѣляются, какъ вполнѣ негодные, ни на что не способные люди, съ громаднымъ самомнѣніемъ и съ колоссальнымъ нахальствомъ. Въ деревнѣ этотъ типъ тоже не рѣдкость. Здѣсь «шустрый» не похожъ на того новичка, который не знаетъ, какъ зовутъ его отца или сколько у него пальцевъ. Онъ сообщитъ вамъ свое имя, отчество, фамилію, скажетъ, какой онъ крестьянинъ, какого села, стана, уѣзда, какой волости и т. п. Онъ сосчитаетъ не только пальцы, но и всѣхъ учениковъ. Онъ быстро выучится грамотѣ, счету, быстро приспособится къ письму, выучитъ молитвы, стихи и т. п. Онъ даже пишетъ сначала правильнѣе другихъ, очевидно обладая зрительной памятью и потому запомнивъ правильное начертаніе словъ въ книгѣ. Но тѣмъ не менѣе его трудно приготовить къ экзамену. Какъ только дѣло дойдетъ до болѣе глубокой сообразительности, до обдуманнаго, напримѣръ, примѣненія грамматическихъ правилъ, такъ «шустрый» начнетъ не успѣвать, отставать отъ другихъ. Если запаса его быстрыхъ способностей станетъ на то, чтобы блестящимъ образомъ окончить сельскую школу, то впослѣдствіи, когда онъ перейдетъ въ училище съ бо́льшимъ курсомъ, онъ легко можетъ отстать, остановиться. Вообще это типъ неглубокій, ненадежный, воспринимающій впечатлѣнія поверхностно и ненадолго. «Тугіе» начинаютъ хуже. Съ ними много и хлопотъ. Усвоиваютъ они медленно, туго, нерѣдко опять забываютъ усвоенное, и обученіе приходится начинать почти сначала. Способности ихъ развиваются медленно, съ большими потугами. Но разъ что нибудь сдѣлано на этомъ пути, разъ ребенокъ что нибудь сознательно усвоилъ, онъ можетъ считаться небезнадежнымъ. У меня были рѣзкіе примѣры въ этомъ отношеніи. Я помню, напримѣръ, двухъ учениковъ, которые при поступленіи въ школу представляли собой наиболѣе ярко выраженный типъ «тугихъ». Одинъ изъ нихъ былъ косноязыченъ и заика, оба говорили очень плохо, не договаривали окончанія словъ, не имѣли почти никакого представленія о согласованіи ихъ, не знали самыхъ простыхъ и самыхъ элементарныхъ вещей. Оба окончили сносно, пробывъ въ школѣ по четыре года. Но одинъ изъ нихъ перешелъ затѣмъ въ низшую сельско-хозяйственную школу и прошелъ курсъ ея уже однимъ изъ лучшихъ учениковъ. Я встрѣтилъ его впослѣдствіи положительнымъ молодымъ человѣкомъ, начитаннымъ, умнымъ и съ

Digitized by Google

непреодолимымъ стремленіемъ развиваться и совершенствоваться все дальше. Вообще мой педагогическій опытъ убѣдилъ меня, что туго развивающіяся дѣти не только не безнадежны, но часто даютъ больше шансовъ на дальнѣйшую успѣшность въ занятіяхъ, чѣмъ такъ называемые «шустрые».

Деревенскія дѣти, будучи почти всегда менѣе испорчены, относясь ко всему серьезнѣе, и внимательнѣе, въ силу условій хозяйственной жизни нашихъ крестьянъ, и оставаясь во всемъ проще и непосредственнѣе, являются въ школу, что называется, непочатыми, нетронутыми той уродливой стороной современной культуры, которая губитъ столько жизней. Разумѣется, и въ деревнѣ ребенокъ— не чистый воскъ, изъ котораго можно сдѣлать что угодно; не бѣлая бумага, на которой возможно писать по собственному усмотрѣнію, а плоть отъ плоти, кровь отъ крови своихъ отцовъ и дѣдовъ. Поэтому онъ требуетъ не меньшей осторожности отъ учителя, не меньшаго вниманія къ себѣ. Но такъ какъ онъ и количественно имѣетъ меньше впечатлѣній, чѣмъ дитя болѣе культурной среды, и качественно воспріимчивъ къ лучшимъ изъ нихъ, то воздѣйствіе на него путемъ школы должно быть и сильнѣй, и глубже. Поэтому задача сельскаго учителя всегда сложнѣй и отвѣтственнѣй, а дѣло и трудно, и громадно по своему значенію.

Отцы и дѣти одинаково нуждаются въ такомъ толчкѣ, который вывелъ бы ихъ изъ состоянія безразличія и умственной неподвижности, столь мѣшающихъ всякимъ улучшеніямъ въ крестьянской жизни. Я уже говорилъ, какъ все, рѣшительно все, страдаетъ въ деревнѣ отъ незнанія и умственной неподвижности, какъ медленно подъ вліяніемъ ихъ прогрессируетъ крестьянское самоуправленіе, какъ коснѣетъ ихъ религіозная жизнь, какъ самыя дикія воззрѣнія получаютъ право гражданства, какъ ничтожно улучшеніе хозяйства и т. д. При такой спячкѣ и пассивности, единственнымъ средствомъ къ улучшенію жизни, къ сколько нибудь человѣческому существованію, остается знаніе, школа, обученіе. «Свѣта, свѣта» — вотъ тотъ вопль, который постоянно слышится изъ деревни, а въ прошломъ году, во время холерныхъ бунтовъ, пронесся потрясающимъ душу крикомъ. Когда поймешь и узнаешь всю вопіющую нужду многомилліоннаго русскаго народа въ знаніи, когда составишь себѣ представленіе о подавляющемъ объемѣ этой нужды,—какими жалкими и ничтожными становятся всѣ разговоры о тѣхъ школахъ, какія нужны, какія наиболѣе умѣстны, какія соотвѣтствуютъ тѣмъ или другимъ цѣлямъ и т. п. Какъ вопіюще-возмутительны тѣ радѣтели народнаго блага, которые разсуждаютъ о томъ, что лучше закрыть нѣсколько народныхъ училищъ, помѣщающихся въ плохихъ домахъ,

Digitized by Google

чтобы улучшить остальныя; что лучше совсѣмъ не имѣть школъ, чѣмъ открывать маленькія школы грамотности; что лучше отказаться отъ просвѣтительной дѣятельности, чѣмъ ставить ее въ зависимость отъ такого ненадежнаго элемента, какъ земство. Сколько чиновничьяго безсердечія, сколько столичной безучастности въ этихъ словахъ! Намъ нужна школа и школа. Лучшая—та, которая даетъ больше, а такой бываетъ министерская и земская, но если ихъ мало, то давайте школу церковно-приходскую, школу грамотности, или какую либо другую,—только давайте. Пусть народъ учится грамотѣ, пусть читаетъ книжки, безъ которыхъ никакая школа не можетъ имѣть надлежащаго значенія. Поэтому школа и библіотека должны составлять лозунгъ всѣхъ тѣхъ, кто дѣйствительно радѣетъ о народномъ благѣ, кто хоть сколько нибудь задумывается о судьбѣ роднаго народа и желаетъ ему блага.

Школа и библіотека—вотъ условіе, безъ котораго немыслимо наше гражданское и экономическое развитіе, безъ котораго всѣ важнѣйшія реформы въ соціальной жизни, столь рельефно выяснившіяся послѣ прошлогодняго голода, потеряютъ, по крайней мѣрѣ, на половину свое значеніе.

VIII. Учителя.

При важности дѣла, врученнаго народнымъ учителямъ, при громадности предстоящаго имъ труда, интересно знать, кто они, эти люди, призванные къ столь отвѣтственнымъ и сложнымъ занятіямъ?

Задавшись этимъ вопросомъ, я постарался познакомиться и сойтись съ своими новыми товарищами. Въ нашемъ уѣздѣ было 44 школы съ 48 учителями. Два изъ нихъ, вмѣстѣ со мною, побывали въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, жили студенческой жизнью и пошли учительствовать вполнѣ сознательно, съ цѣлью послужить народу присмотрѣться къ его жизни и поучиться самимъ. Была въ такомъ же положеніи и одна дѣвушка, окончившая высшіе женскіе курсы. Но она не вынесла учительства чисто физически: ей нѣсколько разъ въ теченіе урока дѣлалось дурно, а отъ сырости и холода классной комнаты она расхворалась и должна была покинуть школу послѣ первыхъ трехъ мѣсяцевъ занятій.

Изъ остальныхъ учителей, около 20-ти происходили изъ духовнаго званія и обучались въ учебныхъ заведеніяхъ духовнаго вѣдомства. Бо̀льшая половина ихъ окончила мѣстную епархіальную семинарію и учительствовала въ ожиданіи священническихъ мѣстъ. Меньшая часть не кончила семинаріи, но, выдя изъ старшихъ классовъ ея, тоже разсчитывала получить мѣсто, если и не священника,

Digitized by Google

то дьякона и даже псаломщика въ хорошемъ приходѣ. Всѣ такіе учителя, готовящіеся въ священно- и церковно-служители, смотрятъ на свои учительскія обязанности, какъ на временныя, и потому охотно покидаютъ ихъ. Даже по отзыву такого «божественнаго» человѣка, какъ нашъ инспекторъ Щукинъ, они никуда негодны въ своемъ дѣлѣ, небрежничаютъ и манкируютъ имъ, нисколько не стѣсняясь, притомъ, въ своемъ поведеніи. Въ школѣ они несдержанны, драчливы и грубы, работаютъ мало и нерѣдко пропускаютъ уроки. Инспекторъ говорилъ даже мнѣ, что окончившіе полный курсъ духовной семинаріи—обыкновенно наихудшіе учителя, потому что они совсѣмъ не связаны со школой и имѣютъ возможность почти всегда въ крайности перейти въ псаломщики. Не окончившіе курса уже нѣсколько лучше, потому что потеря учительскаго мѣста хоть временно поставитъ ихъ въ затрудненіе. Полные же недоучки стараются больше всѣхъ, такъ какъ школа для нихъ—синица въ рукѣ, которую нужно крѣпко держать, а церковно-служительство—журавль въ небѣ, котораго не такъ-то легко поймать, да и поймавъ, не очень-то имъ полакомишься.

Я зналъ нѣкоторыхъ изъ такихъ учителей. Только одинъ изъ нихъ былъ горькій пьяница, совсѣмъ павшій и спившійся человѣкъ. Онъ служилъ когда-то и въ Княжевѣ, но послѣ него было еще два учителя, предшествовавшихъ мнѣ. Онъ пилъ запоемъ по двѣ-три недѣли сряду, пропивалъ все свое имущество, затѣмъ ходилъ выпрашивать денегъ у крестьянъ. Оборванный, жалкій, съ испитымъ лицомъ и слезящимися красными глазами, подходилъ онъ къ окну крестьянской избы и стучалъ въ окно, какъ нищій, трясущимися, иззябшими руками. Онъ былъ жалокъ и противенъ. Дѣти нерѣдко заставали его въ классной комнатѣ распростершимся на полу и почти нагимъ. Поднимались смѣхъ, грубыя шутки, а иногда и издѣвательства. Но при всемъ томъ онъ не былъ лишенъ дидактическаго умѣнія. Когда онъ протрезвлялся и видѣлъ необходимость «подогнать» школу, онъ усердно принимался за занятія, и дѣйствительно «подгонялъ». Обученіе шло у него скоро и успѣшно. Всѣ бывшіе ученики его бойко и выразительно читали, красиво и довольно правильно писали, но хромали въ счетѣ и ариѳметикѣ. Съ учениками онъ не былъ жестокъ, и къ горечи воспоминаній о немъ у бывшихъ учениковъ почти всегда примѣшивалась нотка состраданія и жалости. За пьянство его переводили все на худшія и худшія мѣста, пока, наконецъ, черезъ годъ послѣ поступленія моего въ школу, не удалили совсѣмъ.

Изъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ учителей-недоучекъ, большинство занималось усердно, хотя и не особенно успѣшно. Многіе были уже семейными людьми и обзавелись своимъ хозяйствомъ. Эти осо-

Digitized by Google

бенно цѣпко держались за свои мѣста. Происходя изъ среды духовенства, выросши и воспитавшись среди него, они имѣли особую склонность къ доброхотнымъ приношеніямъ, видимо пристрастно относились къ дѣтямъ болѣе богатыхъ и вліятельныхъ родителей, и вообще, съ этой стороны, оставляли желать многаго. Получая отъ школы очень мало, они волей—неволей обращались къ посторонниmъ заработкамъ: снимали землю подъ бахчи, держали пасѣки, нанимали въ аренду фруктовые сады, а иногда принимали участіе и въ мелкихъ торговыхъ операціяхъ. Если хозяйство шло удачно и доставляло значительные доходы, то интересъ къ школѣ постепенно слабѣлъ и обученіе забрасывалось. Въ большинствѣ же случаевъ хозяйство было крошечное и приносило очень мало, а потому школа, дававшая 200—250 р. жалованья въ годъ, представляла довольно значительный интересъ. Учитель усердно посѣщалъ ее, усердно велъ занятія, особенно въ ожиданіи инспекторской ревизіи, но относился къ дѣлу формально. Все сосредоточивалось только на томъ, чтобы представить къ экзамену учениковъ не меньше, какъ и въ другихъ школахъ, и не съ худшей подготовкой, да чтобы инспектору показать дѣло съ лицевой стороны. Тотъ, кто «собаку съѣлъ въ начальствѣ», всегда съумѣетъ сдѣлать это. Ученики стройно пропоютъ передъ начальствомъ «Царю небесный» или «Боже Царя храни», достанутъ быстро и ловко тетрадки, красиво и правильно напишутъ одну-двѣ строчки, прочтутъ десятокъ строкъ и вообще покажутъ себя «молодцами». Начальство приходитъ въ полное восхищеніе даже отъ перваго отдѣленія школы, не подозрѣвая, что всѣ эти «первогодники» ходятъ въ школу, по крайней мѣрѣ, двѣ-три зимы и цѣлую недѣлю долбили образцовый урокъ. Вообще такіе учителя любятъ задерживать учениковъ въ школѣ на пять-шесть лѣтъ и не любятъ дѣлать большихъ пріемовъ учениковъ, избѣгая ихъ иногда совсѣмъ. Дальше формы, требованія начальства, они нейдутъ, да едва ли вполнѣ понимаютъ, что можно идти дальше. Почти всѣ они, не смотря на свою относительную молодость, люди старозавѣтные, смирные, ограниченные, неспособные на крупную подлость, но и никогда не додумывающіеся до того, напримѣръ, чтобы признать нечестнымъ свою снисходительность къ богатому ребенку или свой отказъ въ пріемѣ въ школу бѣдняка. Это самые заурядные и, пожалуй, самые типичные сельскіе учителя. Они довольно симпатичны своей скромностью, вызываютъ искреннее желаніе помочь имъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ они жалки своей униженностью и уклоненіемъ отъ доброй половины того дѣла, которое могли и должны были бы дѣлать.

Среди ихъ попадаются и интриганы, и забіяки, и нахалы. Но эти качества чаще встрѣчаются въ средѣ учителей, окончившихъ

Digitized by Google

весь курсъ епархіальныхъ семинарій. Положеніе сельскаго учителя они считаютъ ниже своего достоинства, своихъ способностей и своего образованія. Поэтому, кстати и некстати, они стараются показать свой «гоноръ» и свою ученость, не подозрѣвая, разумѣется, что они противны и смѣшны. Если учитель-недоучка довольствуется обществомъ болѣе зажиточныхъ крестьянъ, лавочниковъ и членовъ причта, то учитель изъ окончившихъ семинарію непремѣнно старается втереться и въ дома сосѣдей-помѣщиковъ. Здѣсь онъ приметъ дѣятельное участіе въ игрѣ въ винтъ, войдетъ во вкусъ дамскихъ сплетень и судаченья, и начнетъ утверждать, что мужикъ—«хамъ, лѣнтяй и пьяница». Прежній типъ «батюшки» и его сыновей-семинаристовъ, стоящихъ близко къ народу, не чуждыхъ физическаго труда, столь же простыхъ и патріархальныхъ въ своихъ привычкахъ, какъ и сами крестьяне, вымираетъ, отходитъ въ область преданія. Новый «батюшка» изъ новыхъ семинаристовъ воспиталъ у себя вкусъ къ глаженымъ воротничкамъ, къ мягкой мебели, къ препровожденію времени за винтомъ и въ гостинной. Крестьянинъ не входитъ къ нему въ школу по дѣламъ, а дожидается въ передней или въ сѣнцахъ. Пока такой «батюшка» in spe учительствуетъ въ сельской школѣ и получаетъ содержаніе отъ земства, а не отъ сельскаго общества, онъ чувствуетъ себя еще болѣе независимымъ отъ народа и проявляетъ свое презрѣніе къ нему еще съ большей откровенностью и выразительностью. Какъ всякій полуобразованный и малоразвитый человѣкъ, мнящій себя однако цѣлой головой выше другихъ, онъ высокомѣренъ со слабымъ и, наоборотъ, подобострастенъ съ сильными міра сего. Въ школѣ онъ въ лучшихъ случаяхъ безполезенъ, а часто просто вреденъ своей грубостью, своей лѣнью и своимъ презрѣніемъ къ народу и къ дѣтямъ его. Такой учитель, очень распространенный въ наше время,—истинное зло въ сельской школѣ, избавиться отъ котораго мечтаютъ и все село, и ученики, и инспекція, и земство. Но избавиться отъ него не легко.

Ближе другихъ къ этому несимпатичному типу приближаются учителя изъ учительскихъ семинарій. Ихъ было въ нашемъ уѣздѣ около двадцати. Но нужно сознаться, что въ общемъ они все таки гораздо симпатичнѣе епархіальныхъ семинаристовъ, хотя и менѣе ихъ образованы. Изъ несимпатичныхъ сторонъ они сохранили стремленіе къ внѣшнимъ проявленіямъ барства, любятъ разыгрывать изъ себя «панычей», хотя въ большинствѣ случаевъ вышли изъ среды того же народа, надъ которымъ не прочь поглумиться. Умственное развитіе ихъ не велико, и выходятъ они въ жизнь въ большинствѣ случаевъ очень молодыми людьми, часто совсѣмъ не-

Digitized by Google

установившимися. Въ тѣхъ случаяхъ, когда вблизи найдутся порядочные интеллигентные люди, которые обласкаютъ, поддержатъ и направятъ жизнь такого юнаго учителя, изъ него можетъ выработаться небезполезный для общества человѣкъ. Къ тому же всякая учительская семинарія, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, все таки больше другихъ учебныхъ заведеній подготовляетъ своихъ питомцевъ къ педагогической дѣятельности. Поэтому большинство такихъ учителей—хорошіе преподаватели и даже сносные воспитатели. Считая себя спеціально подготовленными къ учительской дѣятельности, они крѣпче держатся за свои мѣста, больше дорожатъ ими и, по крайней мѣрѣ, въ первые годы службы не стремятся уйти отъ школы на первое попавшееся мѣсто. Да и выбора имъ меньше: въ духовенство ихъ, какъ получившихъ «свѣтское» образованіе, не пустятъ, а другую службу въ провинціи найти не легко. Держась довольно крѣпко за свои мѣста, они успѣваютъ недурно поставить школы и во всякомъ случаѣ значительно лучше епархіальныхъ семинаристовъ. Нравственное же вліяніе ихъ и чисто воспитательное,—какъ мы говорили уже,—въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ той среды, въ которую попадаютъ они. Я перезнакомился почти со всѣми учителями, окончившими курсъ учительскихъ семинарій, и могу сказать, что около половины изъ нихъ уже вступили на путь своихъ сотоварищей—епархіальныхъ семинаристовъ. Другая же половина, вѣроятно, пойдетъ инымъ путемъ и выработаетъ изъ себя хорошихъ учителей и полезныхъ людей. Интересно отмѣтить, что въ этой послѣдней категоріи было два - три человѣка, которые шли совершенно самостоятельно, сознательно стремясь къ самоусовершенствованію. Происходя изъ крестьянскихъ семей, они продолжали въ теченіе лѣта исполнять крестьянскія работы, жили у родителей и вообще, стремясь не разрывать своихъ связей съ народомъ, продолжали работать и надъ своимъ умственнымъ развитіемъ.

Были у насъ учителя изъ недоучекъ-неудачниковъ: изъ уѣздныхъ училищъ, среднихъ и низшихъ классовъ гимназій и другихъ среднеучебныхъ заведеній, и просто «домашняго образованія». Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ, такіе учителя численно преобладали, но въ мое время ихъ оставалось уже очень немного. Въ общемъ они приближались къ своимъ сотоварищамъ—неудачникамъ изъ среды духовенства, но часто уступали имъ въ своихъ нравственныхъ качествахъ. Это были настоящіе неудачники, нерѣдко пившіе «горькую» и всегда колебавшіеся между выборомъ должности сельскаго учителя и сельскаго писаря. Но были изъ нихъ и порядочные люди, начинавшіе занятія въ качествѣ помощниковъ учителей, и выработавшіеся впослѣдствіи въ очень недурныхъ преподавателей.

Digitized by Google

Наконецъ, въ послѣдніе годы моего учительства, какимъ-то циркуляромъ министра народнаго просвѣщенія, а, быть можетъ, и попечителя учебнаго округа, было разрѣшено: допускать дѣвушекъ, окончившихъ четырехклассныя прогимназіи, къ практическимъ занятіямъ въ народныхъ училищахъ, и затѣмъ, когда онѣ пріобрѣтутъ преподавательскій навыкъ, — давать имъ мѣста учительницъ народныхъ училищъ. Такихъ «учителекъ», какъ звали ихъ насмѣшливо товарищи, набралось въ послѣднее время довольно много, но, по отзывамъ инспектора, почти всѣ онѣ были плохія учительницы. При малой теоретической подготовкѣ, имъ недоставало педагогическаго опыта и той чисто физической выносливости, которая требуется отъ преподающаго въ сельской школѣ. Въ городскихъ же начальныхъ училищахъ, гдѣ условія обученія съ матеріальной стороны лучше, учительницы изъ окончившихъ полный курсъ женскихъ гимназій были вполнѣ на своихъ мѣстахъ и вели свое дѣло довольно успѣшно.

Такимъ образомъ, лучшими учителями были окончившіе курсъ учительскихъ семинарій, затѣмъ слѣдовали недоучки, прочно водворившіеся на своихъ мѣстахъ. Послѣднее же мѣсто принадлежало окончившимъ духовныя семинаріи. Вообще всѣ тѣ, кто видитъ въ учительствѣ переходное занятіе, случайное и непродолжительное, тѣ, за очень рѣдкими исключеніями, оказываются плохими учителями. Они бываютъ нѣсколько лучше, если имѣютъ хоть какую нибудь спеціально-педагогическую подготовку, но, не видя хорошаго примѣра, часто совсѣмъ опускаются. На такой ходъ ихъ дѣятельности немало вліяетъ недостаточный надзоръ за обученіемъ, отсутствіе добраго совѣта и помощи. Правительственный инспекторъ— всегда и прежде всего чиновникъ, относящійся къ дѣлу чисто формально, да и не могущій относиться иначе уже оттого, что завѣдуетъ онъ, по крайней мѣрѣ, тремя уѣздами съ добрыми 100—150 школами. Ему едва хватаетъ времени разъ въ годъ объѣхать ихъ, посидѣть на урокѣ 1—2 часа, пока обогрѣется и пока перемѣнятъ ему лошадей. Вникнуть же въ дѣло имъ, положительно, некогда. Да и подготовка у нихъ для пониманія дѣла очень не велика. Тѣ изъ нихъ, которыхъ зналъ я, имѣли семинарское образованіе, побывали въ архіерейскихъ пѣвчихъ, учительствовали въ теченіе, по крайней мѣрѣ, четверти столѣтія въ духовныхъ и гражданскихъ уѣздныхъ училищахъ и, постепенно подымаясь по іерархической лѣстницѣ, добрались наконецъ до инспекторскаго мѣста. Съ народной школой они ничего общаго не имѣли и не имѣютъ, народной жизни не знаютъ и не понимаютъ, и даже съ педагогической литературой знакомы больше по наслышкѣ. Могутъ ли они, при такой

Digitized by Google

подготовкѣ и при такихъ условіяхъ дѣятельности, быть полезными народной школѣ?—предоставляю судить читателю.

Все, что̀ дѣлается для школы, дѣлается одними земцами. Постановка народнаго образованія въ нашемъ уѣздѣ всецѣло обязана земству, которое приняло всего 8 школъ и довольно быстро увеличило число ихъ въ $5^1/_2$ разъ. Оно взяло на себя заботу о пріисканіи учителей, назначило имъ жалованье, освободивъ отъ его уплаты сельскія общества, выдавало субсидіи на постройки домовъ, снабжало училища учебными пособіями. Очень скоро расходы на народное образованіе, и притомъ преимущественно на народныя школы, превысили 20 т. руб. и составили такимъ образомъ около четвертой части всего земскаго бюджета. Разумѣется, земству предстоитъ еще много работы, такъ какъ дѣло только что начато, но важно уже и то, что оно начато, что путь проложенъ, что новое дѣло наладилось и начинаетъ приносить извѣстные результаты. Правда, въ земствѣ многое зависитъ отъ отдѣльныхъ лицъ; а въ нашемъ уѣздѣ народное образованіе двинулось въ ходъ, благодаря активному участію въ немъ Клеоника Петровича и пассивной поддержкѣ Даниловыхъ. Но, какъ и всегда, важнѣй всего бываетъ начало: разъ двинувшееся въ ходъ дѣло уже трудно остановить и личное дѣло превращается въ общественное. Поэтому, какая бы ни господствовала партія въ нашемъ уѣздѣ, а давить и разрушать то, что̀ было сдѣлано раньше для народнаго образованія, она уже не считала возможнымъ. Мелкіе выборщики,—а они составляютъ у насъ главную избирательную силу,—несомнѣнно завопили бы при всякомъ покушеніи на народную школу и, разумѣется, жестоко отмстили бы тѣмъ, кто затронулъ бы ихъ, въ этомъ случаѣ, святые интересы. За все двадцатипятилѣтіе существованія земства, въ нашемъ уѣздѣ былъ только одинъ случай,—уже послѣ выхода моего изъ народныхъ учителей, — когда молодая, увѣренная въ своихъ силахъ, партія рискнула временно прикрыть нѣсколько школъ до исправленія обществами школьныхъ зданій и замѣнить два-три училища въ маленькихъ селеніяхъ школами грамотности. Для такого шага въ то время наступилъ очень удобный моментъ: партія имѣла за себя подавляющее большинство голосовъ на избирательныхъ съѣздахъ; въ средѣ ея находились наиболѣе вліятельные представители нѣкоторой части дворянства, зараженнаго крѣпостничествомъ; отовсюду шли теченія благопріятныя или полному закрытію школъ, или замѣнѣ ихъ церковно-приходскими и школами грамотности. Тѣмъ не менѣе, и при такихъ условіяхъ, новые земцы не рискнули всецѣло осуществить свое постановленіе и исполнили только часть его. Кончиться это дѣло должно было при новомъ со-

Digitized by Google

ставѣ земскихъ собраній, въ которыхъ мелкій выборщикъ уже потерялъ свое прежнее значеніе. Чѣмъ именно окончилось оно, я, къ сожалѣнію, не знаю.

Какъ бы ни пошло народное образованіе въ новомъ земствѣ, какъ бы ни упало оно въ другихъ уѣздахъ, при новомъ составѣ земскихъ учрежденій, для меня ясно только одно: его можно будетъ *затормозить*, но не *задавить* окончательно. Какъ ни плохъ земецъ, даже современный намъ, онъ все таки знаетъ жизнь въ сотню разъ больше петербургскаго чиновника. Въ большинствѣ случаевъ онъ понимаетъ, что разъ проявившееся въ лучшихъ людяхъ и въ массѣ населенія, хотя бы чисто пассивное, стремленіе къ образованію остановить совсѣмъ—невозможно, не рискуя многими дѣйствительными устоями народной жизни. Онъ знаетъ и не можетъ не знать, что это пробудившееся стремленіе только въ самой малой степени характеризуетъ громадную и колоссальную потребность народа въ свѣтѣ знанія, что лишить его возможности проникнуть въ темную массу населенія—значитъ погубить всю нашу будущность, погубить самихъ себя. Поэтому, хотя онъ и можетъ разсчитывать, что на его вѣкъ «дураковъ хватитъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ непремѣнно, въ глубинѣ души, будетъ сознавать предстоящую опасность отъ неудовлетворенности народныхъ стремленій и возникшихъ потребностей. Не сознаётъ этого только заскорузлый чиновникъ, да невѣжественный полуграмотный газетчикъ—истинная темная сила государства, истинные подрыватели всѣхъ основъ нашей жизни. Этихъ людей не смущаетъ ни религіозное и гражданское невѣжество народа, поднимающаго холерные бунты въ защиту своихъ собственныхъ идей о религіи и гражданственности, ни физическое вырожденіе его, ни разореніе милліоновъ семействъ отъ перваго значительнаго «недорода» хлѣбовъ, ни масса другихъ явленій народной жизни, отъ которыхъ волосъ становится дыбомъ у всякаго мало-мальски цивилизованнаго человѣка и искренняго патріота. Все это имъ нипочемъ, потому что религія, патріотизмъ и народное благо,—слова, на которыхъ они постоянно играютъ,—въ сущности миѳъ, пустой звукъ для нихъ. Только на такой основѣ умственнаго и нравственнаго развитія могутъ возникнуть разговоры о безполезности и даже вредности народной школы, о необходимости закрыть однѣ изъ нихъ, высшія по курсу, чтобы открыть другія, низшія; о томъ, что учить можно при воздѣйствіи на «сѣдалище» человѣка, а не на душу его. Недалеко то время, когда исторія произнесетъ свой нелицепріятный приговоръ надъ этимъ темнымъ скопомъ темныхъ людей!

М. Слобожанинъ.

Digitized by Google

ПАРТИЗАНЫ.

Повѣсть изъ временъ наполеоновскаго нашествія, **Ганса Гофмана.**

VI.

Шевалье де-Роспильяръ сидѣлъ молча и безъ слезъ. Онъ вынулъ свое ручное зеркальце, снялъ съ головы платокъ, намотанный на ней въ видѣ чалмы, и приглаживалъ волосы, тщательно посыпая ихъ пудрой изъ маленькой коробочки.

— Не знаю,—проговорилъ онъ съ равнодушной, слабой улыбкой,—можетъ быть, это одинъ обманъ здѣшняго полинялаго сѣвернаго солнца, но только мое лицо никогда еще не представлялось мнѣ такимъ отчаянно изможденнымъ, какъ сегодня; на немъ нѣтъ слѣда округлости живаго человѣка; все угловато, заострено, все исхудало и ввалилось. А жаль; я уже нѣсколько дней питалъ надежду комфортабельно умереть у теплой печки, но теперь, кажется, этому не бывать: такая заманчивая перспектива дальше отъ насъ, чѣмъ когда либо. Мои руки одеревенѣли, словно колья, и отказываются исполнять самыя важныя обязанности.

— Тогда вамъ слѣдуетъ отложить исполненіе ихъ до тѣхъ поръ, пока мы расположимся на настоящей квартирѣ, гдѣ, пожалуй, найдемъ даже болѣе любезное зеркало, чѣмъ ваше,— отвѣтилъ Бельяръ, пытаясь ободрить старика своей шутливостью.

— Счастливая молодежь, — воскликнулъ тотъ, снисходительно улыбаясь,—она даже въ настоящую минуту способна вѣрить подобнымъ мечтамъ! А я, добрѣйшій Гастонъ, пришелъ къ твердому убѣжденію, что мы сегодня же найдемъ себѣ квартиру такого рода, какую обрѣли вонъ тѣ шестеро желтогривыхъ молодцовъ; однако, мнѣ не хотѣлось бы предстать въ неприличномъ видѣ передъ всесильной самодержицей—смертью.

Digitized by Google

Вспомните, любезный другъ, когда его величество императоръ потребовалъ васъ къ себѣ, чтобы похвалить за вашъ геройскій поступокъ подъ Краснымъ,—тогда вы тоже нашли нужнымъ пригладить свои лохмотья. А смерть, безъ сомнѣнія, будетъ поважнѣе самого Наполеона.

Капитанъ вздохнулъ, но вскорѣ опять поднялъ голову, точно прислушиваясь къ чему-то вдали, и его черные глаза приняли почти мечтательное выраженіе.

— Слышите!—воскликнулъ онъ съ жаромъ,—тамъ, совсѣмъ вдалекѣ, глухой, едва уловимый шумъ...

— Можно подумать, что вы услышали, какъ растетъ трава,— замѣтилъ шевалье,—если въ этой благословенной сторонкѣ имѣется хоть какая нибудь растительность. Я не слышу ничего, кромѣ противнаго завыванья вѣтра надъ нашей головой, да различаю еще, какъ съ шипѣньемъ хлещетъ вокругъ проклятый песокъ.

— Но за этимъ слышно еще кое-что,—подтвердилъ Бельяръ увѣреннымъ и радостнымъ тономъ,—другой шумъ, глухой, величественный, чудный, какъ отдаленный, сливающійся вмѣстѣ, звонъ колоколовъ: шевалье, это рокочетъ море.

Онъ выпрямился въ сильномъ волненіи, и его взоръ жадно устремился къ верху крутаго ската дюны.—Тамъ, за нею, по ту сторону—море!—повторялъ молодой человѣкъ, вздыхая.

Де-Роспильяръ взглянулъ по тому же направленію и пожалъ плечами.

— Ну, что же, вскарабкайтесь на эту твердыню изъ сыпучихъ песковъ, чтобы поискать ваше море,—насмѣшливо произнесъ онъ,—и вы тотчасъ найдете такой же быстрый и блаженный конецъ, какъ вашъ глупый швейцарецъ — погонщикъ воловъ, любезно послужившій намъ проводникомъ въ эту гостепріимную трущобу.

— Ахъ, я не могу забыть ужасной картины,—печально замѣтилъ капитанъ,—какъ мы его нашли посрединѣ залива перекинувшимся черезъ стоящій дыбомъ осколокъ льдины и замерзшаго жалкимъ образомъ. Онъ опирался на руку подбородкомъ, а его мертвые глаза были неподвижно утремлены на мнимые глетчеры. Впрочемъ, онъ нашелъ болѣе счастливую смерть, чѣмъ сотни тысячъ другихъ раньше его: онъ воображалъ, умирая, что видитъ передъ собою милую родину. Я не

Digitized by Google

сталъ бы жаловаться, еслибъ мнѣ пришлось умереть точно также въ виду моря. Я вообразилъ бы, что слышу плескъ волнъ въ моемъ родимомъ Провансѣ.

— Ну, а что же будетъ съ бородинскимъ орломъ? — спросилъ шевалье съ холодной улыбкой.

Молодой офицеръ торопливо вскочилъ, хватая значокъ, лежавшій рядомъ.

— Впередъ!—воскликнулъ онъ.—Надо идти дальше. Кто хочетъ замерзнуть, оставайся. Намъ встрѣтится деревушка и мы будемъ спасены. Въ эту трущобу не заберется ни одинъ русскій. Впередъ!

— Ну, русскій-то, пожалуй, нѣтъ,—замѣтилъ шевалье,—но тѣмъ вѣрнѣе—его паршивые союзники: морозъ, холодъ, безуміе и, наконецъ, прусское предательство. Сегодня мы проснулись въ числѣ шестнадцати человѣкъ, теперь же насъ осталось только девять; потому что меня нельзя причислить къ живымъ. Если такъ пойдетъ дальше, съ тою же быстротой...

— Давешнее нападеніе было совершенной неожиданностью,—мрачно возразилъ Бельяръ,—прямо скажу: оно даже необъяснимо. Когда эти люди помчались съ высоты, можно было подумать, что вся дюна готова обрушиться на наши головы. Точно духи-мстители, вырвавшіеся изъ преисподней...

Онъ подошелъ къ мертвецамъ. Братья лежали на пескѣ рядомъ, шестеро могучихъ, рослыхъ, бравыхъ молодцовъ, грозныхъ и красивыхъ даже по смерти, чисто и прилично одѣтыхъ, въ странныхъ вѣнкахъ на золотистыхъ кудряхъ, которыми они украсили себя точно для погребенія. И какой контрастъ представляли съ ними жалкіе уцѣлѣвшіе бѣглецы, небольшаго роста, исхудалые, съ черными всклоченными волосами, въ грязномъ рубищѣ, почти утратившіе еще при жизни человѣческій обликъ.

Капитанъ внезапно вскрикнулъ и долго стоялъ надъ трупами, точно ошеломленный.

— Шевалье,—глухо произнесъ онъ наконецъ,—какъ ужасно сбываются иногда мечты! Вѣдь это былъ тотъ самый прусакъ, котораго я нѣкогда спасъ, мечтая скрестить съ нимъ оружіе въ честномъ бою и стать его побѣдителемъ. Мое желаніе осуществилось!

— Красавецъ юноша,—хладнокровно замѣтилъ шевалье,—

Digitized by Google

да и другіе не хуже. Мнѣ почти жаль ихъ... Но гораздо было бы хуже, еслибы погибъ другой красивый малый, а тому въ свою очередь было бы ужасно жаль опять своей птицы—золоченой игрушки... Другъ Гастонъ, не лучше ли намъ оставить мертвецовъ? Они сами себя похоронятъ...

— Впередъ!—воскликнулъ Гастонъ, съ усиліемъ отрываясь отъ непріятельскихъ труповъ. Онъ взмахнулъ орломъ, и маленькій отрядъ пустился въ дорогу. Французы пошли по узкому краю берега, у подножія крутой дюны, утопая въ пескѣ, который сыпался на нихъ и сверху желтоватымъ колкимъ дождемъ. Солнце свѣтило ярко, но безъ малѣйшей теплоты, и его лучи рѣзко ударяли въ холодную стѣну песчанаго обрыва.

Бѣглецы пробирались такимъ образомъ часъ или болѣе, когда наконецъ высокій валъ дюны понизился передъ ними справа, образуя отлогій проходъ внутрь страны. Съ трудомъ взобрались они на песчаный перевалъ, спустились по другую сторону, утопая по колѣни въ пескѣ, съ болѣе крутаго обрыва внизъ, и очутились въ продолговатой, замкнутой кругомъ, котловинѣ между двумя мощными песчаными гребнями. Тутъ не открывалось вида ни въ какую сторону; повсюду глазъ встрѣчалъ лишь унылую, монотонную, ослѣпительную желтизну голыхъ равнинъ и склоновъ, да особенно глубокую синеву неба, опрокинутаго надъ ними подобно массивному колоколу. Медленно потащились изнеможенные путники дальше по своему тяжелому пути, кто съ усталымъ ропотомъ, кто въ молчаливомъ отчаяніи; одни поднимали взглядъ къ верху, другіе мучительно содрогались отъ невыносимаго жуткаго чувства. Желтыя, блестящія стѣны, казалось, коварно ползли впередъ, сходясь все ближе и ближе, чтобы стиснуть ихъ между собою и раздавить, а ужасный стеклянный куполъ надъ головою точно собирался опуститься внизъ. Они видѣли свои глубокіе слѣды, спускавшіеся въ котловину и какъ будто кончавшіеся въ этой пустынѣ, точно отсюда не могло быть выхода живому существу, и пугающіе призраки рисовались ихъ воображенію.

Песчаное ущелье и съ другаго конца замыкалось низкимъ поперечнымъ переваломъ. Приближаясь къ нему, бѣглецы замѣтили, что почва имѣла здѣсь иную окраску; она переходила въ блѣдно-сѣроватый цвѣтъ, была темнѣе, тверже и не пода-

Digitized by Google

валась подъ ногою. По ней тянулась густая заросль тростника, сухіе, шуршащіе стебли котораго съ какимъ-то жалобнымъ видомъ поднимали свои головки къ наступавшимъ на нихъ, сходящимся вмѣстѣ песчанымъ массамъ. Французы начали продираться сквозь тростникъ и съ радостью почувствовали подъ собою твердый грунтъ, значительно облегчавшій ходьбу, какъ вдругъ съ высоты раздался громкій возгласъ:—Назадъ! Здѣсь зыбучіе пески!—Вскинувъ глаза, они увидали надъ своими головами высокую фигуру молодой дѣвушки, словно парившую надъ желтой массой поперечнаго хребта.

Бѣглецы остановились въ испугѣ и нерѣшительности. Въ нѣсколько прыжковъ дѣвушка очутилась внизу и пошла къ нимъ навстрѣчу, старательно обходя полукругъ, заросшій тростникомъ. Французы также уклонились въ сторону отъ опаснаго мѣста къ горному склону и подошли къ ней. Тутъ она вдругъ остановилась, какъ вкопанная, отстраняя ихъ издали жестомъ руки; ея прекрасное лицо омрачилось выраженіемъ гнѣва и страха. Но молодой капитанъ уже стоялъ передъ нею съ вѣжливымъ поклономъ и говорилъ, употребляя невѣроятное усиліе, чтобы держаться прямо:

— Вы насъ спасли отъ невѣдомой опасности. Я знаю, что въ этой странѣ на французовъ перестали смотрѣть, какъ на друзей. Тѣмъ благороднѣе вашъ поступокъ. Такое великодушіе почти заставляетъ надѣяться, что вы не захотите подвергнуть одинокихъ странниковъ еще болѣе мучительной смерти отъ голода въ этой непроходимой глуши.

Бельяръ во время своей рѣчи началъ медленно сгибаться напередъ, однако и это невольное движеніе, вызванное усталостью, было исполнено плѣнительной граціи, между тѣмъ какъ его черные глаза остановились съ мечтательной задумчивостью на лицѣ прекрасной спасительницы, черты которой выражали глубокое разстройство. Она отвернула отъ говорившаго свой взволнованный взглядъ и робко окинула имъ жалкую ватагу бѣглецовъ. Шевалье тащился рядомъ со своимъ юнымъ другомъ, который, не смотря на усталость, несъ еще ружье старика, кромѣ своего собственнаго.

— Этому молодому герою,—заговорилъ онъ,—цѣлые мѣсяцы служившему намъ, закаленнымъ старымъ воинамъ, яркимъ образцомъ доблести, я желалъ бы, по крайней мѣрѣ, честнаго

Digitized by Google

погребенія. Противно подумать, что бѣшеный песокъ со здѣшнихъ дюнъ будетъ играть его трупомъ, грызть и точить его, какъ разъяренный звѣрь; мы же, остальные, пожалуй, давно освоились съ мыслью, что намъ въ скоромъ времени предстоитъ валяться безъ кожи и прочаго туалета по краямъ дороги, какъ ископаемымъ животнымъ допотопнаго періода.

Эльсбета съ дрожью смотрѣла себѣ подъ ноги, погруженная въ мрачныя думы.

— Можно ли губить тѣхъ, кого только что спасъ отъ смерти?— прошептала она.

Но тотчасъ, отступивъ шагъ назадъ, дѣвушка громко воскликнула рѣзкимъ тономъ, гнѣвно нахмуривъ брови:

— Чего вы отъ меня хотите? Я не могу ничего сдѣлать для васъ. Спасайтесь въ дюнахъ или на берегу, какъ знаете. Убѣжища въ этой странѣ вамъ не найти. А еслибы кто нибудь и предложилъ вамъ его, то вы скорѣе нашли бы тамъ себѣ погибель, чѣмъ въ этой пустынѣ.

Гастонъ посмотрѣлъ ей въ лицо твердымъ страдальческимъ взоромъ; потомъ молча поклонился и повернулся къ своимъ спутникамъ.

— Впередъ! — воскликнулъ онъ.— Намъ остается самимъ пріискать себѣ мѣсто, гдѣ бы мы могли умереть болѣе достойнымъ образомъ.

Товарищи повиновались ему безъ слова ропота и послѣдовали за нимъ, пройдя мимо дѣвушки. Она провожала ихъ смущеннымъ взглядомъ и вдругъ, заломивъ руки, прикрыла ими лицо, чтобы не видѣть раздирающей душу картины.

— Я спасла ихъ,— повторила шопотомъ Эльсбета,— и не могу смотрѣть, какъ они идутъ на гибель. Вѣдь это такіе же люди; неужели дать имъ умереть въ этихъ пескахъ!

Бѣглецы между тѣмъ стали взбираться по склону холма. Одинъ изъ солдатъ медленно опустился на песчаный откосъ и остался тутъ сидѣть, нѣмой и неподвижный. Онъ провожалъ товарищей жалобнымъ, отчаяннымъ, окаменѣлымъ взглядомъ, спокойно кивая имъ головой на прощанье. Немного спустя, грянулъ выстрѣлъ. Странники въ испугѣ обернулись назадъ автоматическимъ усталымъ движеніемъ. Солдатъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, но совсѣмъ склонился на одну сторону, а изъ его виска струилась алая кровь на желтый песокъ.

Digitized by Google

— Впередъ!—воскликнулъ капитанъ, поднимая орла послѣ минутнаго молчанія, когда всѣ они остолбенѣли отъ ужаса, — насъ осталось еще девятеро... Пойдемте!

— Остановитесь!—раздался какъ разъ позади него громкій возгласъ дѣвушки.—Я не могу этого вынести,—произнесла она, отводя руки отъ глазъ.—Это свыше человѣческихъ силъ. Я поведу васъ. Да проститъ мнѣ Господь.

— Господь да благословитъ васъ, наша дорогая спасительница!—отвѣчалъ Гастонъ, радостно взглядывая на нее.

Но Эльсбета еще разъ отступила назадъ, вся дрожа, и замедлила шаги.

— А что, если мой отецъ...—со страхомъ прошептали ея губы. Но тутъ же глаза дѣвушки внезапно сверкнули огнемъ и она прибавила еще тише, точно обращаясь къ летучимъ пескамъ на высотѣ:—Ну, вотъ, Урта, я и нашла, чѣмъ уязвить отца въ самое сердце.

И, снова выступивъ впередъ, Эльсбета коснулась руки молодаго француза, говоря твердымъ тономъ:

— Я отведу васъ въ свой домъ и ручаюсь головою за вашу безопасность. Но что вы сдѣлаете, однако, съ трупомъ своего несчастнаго товарища?

— Прелестнѣйшая покровительница,—быстро вмѣшался шевалье,—вотъ уже нѣсколько недѣль, а пожалуй и мѣсяцевъ, какъ мы пріобрѣли дурную привычку усыпать свой путь подобными сувенирами. Примите это, какъ полезный придорожный знакъ для прочихъ товарищей, которые, можетъ быть, забредутъ сюда вслѣдъ за нами; у насъ нѣтъ времени оставлять болѣе веселыхъ указаній.

Эльсбета съ ужасомъ отвернула въ сторону лицо и медленно пошла впереди отряда къ подъему на небольшую возвышенность, съ которой спустилась. Французы послѣдовали за нею, ободренные новой надеждой. За переваломъ они вступили въ болѣе широкую долину между дюнами, а потомъ, медленно поднявшись по отлогому скату, вскорѣ достигли лѣса. Тутъ они наткнулись на проѣзжій трактъ, однако ихъ путеводительница повернула на тропинку влѣво, отрывисто замѣтивъ:

— Эта большая дорога ведетъ черезъ лѣсъ опять въ степь. Попавъ на нее, вы рисковали погибнуть. Ближайшая деревня лежитъ въ четырехъ миляхъ отсюда.

Digitized by Google

И она повела ихъ дальше. Они прошли къ краю холма и спустились по дорогѣ къ деревнѣ. Передъ холмами не было видно народу, только въ окнахъ показались кое-гдѣ головы мѣстныхъ жителей.

Наконецъ, французы остановились у дома содержателя почты.

— Смѣемъ ли мы полюбопытствовать, какъ зовутъ хозяина, гостепріимствомъ котораго намъ пришлось воспользоваться? — спросилъ Гастонъ, прежде чѣмъ войти.

— Мой отецъ Штурмгёфель,—съ гордостью отвѣчала Эльсбета, какъ будто это имя пользовалось міровой извѣстностью. Затѣмъ она поднялась на крыльцо и отворила наружную дверь. Бѣглецы, спотыкаясь, бросились за нею, спѣша проникнуть въ теплыя сѣни. Только одинъ Гастонъ остался позади, колеблясь входить.

— Это имя можетъ навлечь на насъ гибель,—мрачно прошепталъ онъ,—впрочемъ, теперь слишкомъ поздно, намъ не остается другаго выбора.

И со внезапной рѣшимостью онъ перешагнулъ порогъ.

VII.

Арнольдъ Штурмгёфель одиноко стоялъ на дюнѣ, среди клубящагося песчанаго моря, окидывая пристальнымъ взглядомъ извилистую, изрѣзанную бухтами, береговую линію, терявшуюся на сѣверѣ въ туманной дали. Вдругъ онъ слегка вздрогнулъ и выпрямился, напряженно всматриваясь въ какой-то предметъ. Передъ нимъ появилась черная точка, подвигавшаяся еще очень далеко у подножія дюны.

— Пожалуй, это всадникъ,—сказалъ онъ себѣ, и его глаза вспыхнули огнемъ,—а если такъ, то онъ долженъ былъ встрѣтить моихъ сыновей и можетъ принести мнѣ о нихъ вѣсточку.

Твердыми шагами поспѣшилъ онъ спуститься къ морю по отлогому скату. Приближаясь къ берегу, старикъ увидалъ недалеко отъ твердой земли на мелкомъ мѣстѣ большое судно, потерпѣвшее крушеніе и сильно накренившееся на одинъ бокъ. Бизань-мачта была сломана и дико металась со своими снастями по волнамъ; переднія мачты держались еще твердо, только стеньги и нѣкоторыя реи висѣли раздробленныя, болтаясь туда и сюда отъ вѣтра на своихъ канатахъ; обрывокъ

Digitized by Google

паруса хлесталъ по нимъ съ громкимъ хлопаньемъ. Вокругъ чернаго корпуса корабля плясали бѣлые гребни волнъ въ перемежку съ ледяными осколками; они вздымались, кидаясь на него, какъ жадныя морскія чудовища, и обдавали брызгами пѣны даже накренившіяся мачты. Всѣ реи и канаты были обвѣшаны безчисленными ледяными сосульками, словно тончайшимъ дивнымъ плетеньемъ изъ стекла, которое сверкало на солнцѣ тысячью огней, отливая всѣми цвѣтами радуги. Несчастное разбитое судно, какъ будто на зло своимъ притѣснителямъ, красовалось въ этомъ роскошномъ уборѣ.

— Оно еще сегодня должно окончательно развалиться,— промолвилъ Штурмгёфель,—давленіе черезчуръ сильно. Завтра мы будемъ собирать по берегу топливо. Кто знаетъ, гдѣ нашелъ себѣ конецъ злополучный экипажъ.

И снова онъ началъ всматриваться вдаль по направленію къ сѣверу. Теперь ему казалось, что онъ ясно различаетъ приближающагося всадника.

— Онъ навѣрно встрѣтился съ ними,—повторялъ довольнымъ тономъ старикъ.

Вдругъ со стороны моря послышался глухой трескъ, покрывшій даже безпрерывный шумъ прибоя. Корпусъ разбитаго судна раздался посединѣ. Бѣлогривыя волны съ тяжелымъ плескомъ ринулись въ зіяющую разсѣлину, расширяя ее все больше, отщепляя новые обломки.

Съ мрачной радостью наблюдалъ Штурмгёфель за этимъ быстрымъ разрушеніемъ.

— Такъ ему и надо!—пробормоталъ онъ.—Это былъ датчанинъ, другъ французовъ. Пускай бы всѣ они такъ погибли!

Въ ту же минуту надъ обшивкою шканцевъ на носу, который продолжалъ еще держаться, показалась голова собаки, скрылась на минуту и вынырнула снова. Порывы вѣтра доносили до берега ея жалобный вой.

— Они оставили тутъ бѣднягу защищать ихъ право собственности до послѣдняго момента,—сказалъ себѣ старикъ.— Значитъ, экипажъ покинулъ корабль еще во время прилива.

Онъ поспѣшилъ къ самому краю берега и сталъ пристальнѣе вглядываться въ корабль. Покинутое животное въ страхѣ металось во всѣ стороны.

— Жаль оставить на погибель бѣднаго пса,—проворчалъ

Digitized by Google

Штурмгёфель и пронзительно свиснулъ. Собака подняла голову и неподвижно смотрѣла на него. Онъ опять позвалъ ее строгимъ тономъ, съ повелительными жестами; она тотчасъ послушно бросилась въ воду и поплыла къ нему.

— Я правильно судилъ о тебѣ,—одобрительно произнесъ старикъ,—не страхъ передъ волнами удерживалъ тебя здѣсь, а послушаніе и вѣрность. Ты исполнила свой долгъ и заслуживаешь спасенія.

Спокойно пошелъ онъ на встрѣчу животному, отчаянно боровшемуся съ прибоемъ; въ этомъ мѣстѣ во время отлива вода была мелка, но хлещущія о берегъ волны обдавали его брызгами съ ногъ до головы. Однако смазанная саломъ шуба Штурмгёфеля не пропускала сквозь себя сырости. Одна изъ волнъ подбросила плывущую собаку прямо къ нему; онъ крѣпко схватилъ ее за кожу на загривкѣ и благополучно вытащилъ на сушу. Спасенное животное оказалось великолѣпнымъ ньюфаундлендомъ.

Собака стояла передъ нимъ, разставивъ ноги и пошатываясь; она тяжело мотала головою, но смотрѣла прямо въ глаза своему спасителю. Бѣдный песъ попробовалъ сдѣлать къ нему нѣсколько шаговъ, но пошатнулся еще сильнѣе, судорожно подергиваясь всѣми членами; заднія ноги у него подломились; онъ свалился на бокъ и безпомощно лежалъ на пескѣ, стараясь выказать свое усердіе къ новому хозяину лишь слабымъ помахиваньемъ пушистаго хвоста, и по прежнему не сводилъ съ него глазъ. Въ нихъ не было ни страха, ни жалобы, а только безграничное довѣріе къ доброму человѣку. Штурмгёфель наклонился надъ нимъ, чтобы погладить ему красивую голову. Собака еще разъ попыталась встать, но опять упала въ легкихъ судорогахъ и осталась недвижимой; она издохла. Старикъ задумчиво смотрѣлъ съ минуту на ея неподвижное тѣло, потомъ снова поднялся немного отъ берега и началъ ждать приближенія всадника.

Крикъ изумленія внезапно вырвался у него изъ груди; машинально схватился онъ за ружье, между тѣмъ какъ его глаза еще пристальнѣе впивались въ даль. Прошло нѣсколько минутъ. Штурмгёфель со внезапной рѣшимостью подался немного назадъ до опушки лѣса, гдѣ притаился въ кустахъ, съ волненіемъ поглядывая на почтовый трактъ.

Digitized by Google

— Э, да это въ самомъ дѣлѣ французъ! — воскликнулъ онъ рѣзкимъ тономъ, крѣпче сжимая винтовку.

Всадникъ подъѣхалъ ближе. Все яснѣе выступала его амуниція, большая кожаная сумка, болтавшаяся черезъ плечо, карабинъ за спиною, смѣлая осанка и даже смуглое лицо, дышавшее презрительной надменностью.

— Ну, этотъ не участвовалъ въ отступленіи изъ Москвы,— сказалъ самъ себѣ содержатель почты,—онъ можетъ быть только курьеромъ Макдональда и очевидно старается проскользнуть черезъ наши мѣста въ Пиллау или Кёнигсбергъ, такъ какъ прямая дорога уже заперта Теттенборномъ. Но какъ это случилось, что онъ попалъ сюда живымъ и невредимымъ? Неужели мои сыновья не встрѣтили его?.. Развѣ это возможно?

Разстроенный и смущенный, старикъ обдумывалъ загадочный вопросъ, не спуская глазъ съ незнакомца.

— Должно быть, они перешли на другую сторону, къ заливу,—рѣшилъ онъ наконецъ и съ облегченіемъ вздохнулъ.— Только зачѣмъ же это? Чтобы защититься отъ сѣверозападнаго вѣтра? Но вѣдь они никогда не были у меня такими нѣженками. Кромѣ того, берегъ бухты теперь почти недоступенъ, а идти по льду я имъ запретилъ... все равно, они перешли дюну. Да, впрочемъ, что за бѣда? Если имъ не удалось убить этого, такъ я стою за ними. Арнольдъ Штурмгёфель не оставляетъ своего поста.

Онъ нащупалъ книгу у себя за пазухой и проговорилъ вполголоса, но съ жаромъ:—«Убивайте непріятельскихъ курьеровъ, посланныхъ и развѣдчиковъ... Имъ позволены также всѣ военныя уловки, хитрости и засады»... Парень долженъ мнѣ поплатиться за то, что не попался имъ,—тихо прибавилъ онъ со внезапнымъ порывомъ гнѣва.

Французъ приблизился, между тѣмъ, на разстояніе выстрѣла. Штурмгёфель приложился и началъ прицѣливаться, но вдругъ опять опустилъ ружье. Этотъ маневръ повторился три раза. Старикъ тяжело дышалъ и въ его чертахъ отражалась тревога.

— Противная охота!—бормоталъ онъ про себя.—Настоящее ремесло мясника.

Вдругъ всадникъ осадилъ лошадь и сталъ прислушиваться, обративъ лицо къ темной лѣсной просѣкѣ, точно у него мель-

Digitized by Google

кнуло инстинктивное подозрѣніе. Штурмгёфель вздохнулъ свободнѣе и началъ цѣлить. Въ ту же минуту, у него надъ головой раздался пронзительный клекотъ хищной птицы; тотъ самый орелъ съ подшибленнымъ крыломъ, котораго онъ пощадилъ сегодня поутру, пролеталъ мимо, по направленію къ морскому берегу. Французъ схватилъ карабинъ и направилъ дуло въ его сторону.

— Калѣка прусскій орелъ!—воскликнулъ онъ съ ироническимъ смѣхомъ.

Грянулъ выстрѣлъ. Всадникъ съ громкимъ крикомъ опрокинулся навзничь. Лошадь шарахнулась въ сторону и помчалась по лѣсной дорогѣ. Раненый, падая съ сѣдла, запутался ногою въ стремени и, что̀ есть силы, ударился головою о стволъ ближайшаго дерева. Стремя оборвалось, испуганный конь полетѣлъ вихремъ безъ сѣдока и, не сворачивая съ проѣзжаго тракта, вскорѣ скрылся изъ глазъ въ чащѣ лѣса. Штурмгёфель смотрѣлъ ему вслѣдъ.—Порода изъ восточной Пруссіи,—сурово вымолвилъ онъ,—навѣрно захваченъ насильно. Ну, ничего: онъ найдетъ дорогу къ жилищу крестьянъ и послужитъ еще въ борьбѣ съ укравшими его разбойниками.

Съ этими словами онъ подошелъ къ трупу убитаго. Пуля угодила ему прямо въ лобъ. Старикъ снялъ съ него кожаную сумку и повѣсилъ себѣ черезъ плечо. Потомъ онъ оттащилъ тѣло немного въ сторону отъ дороги, бросилъ на него три горсти песку и торопливо направился лѣсомъ къ себѣ въ деревню. Спускаясь съ лѣсистой возвышенности, содержатель почты замѣтилъ на берегу залива, пониже своего дома, необычное оживленіе, темную массу народа, столпившагося въ кучу вокругъ одного человѣка, который какъ будто убѣждалъ ихъ въ чемъ-то; говорившіе отъ времени до времени оборачивались къ его жилищу, указывая жестами въ ту сторону. Всѣ эти люди были вооружены, немногіе ружьями, остальные же топорами, кольями, баграми для причаливанія лодокъ и тому подобными грубыми орудіями.

Штурмгёфель ускорилъ шаги и приблизился къ своему дому. Тутъ онъ съ удивленіемъ увидѣлъ на площадкѣ крыльца высокую фигуру дочери, стоявшую съ ружьемъ въ рукахъ и спокойно смотрѣвшую на взволнованную толпу рыбаковъ. Старикъ поспѣшилъ приблизиться къ ней, настойчиво спрашивая:

Digitized by Google

— Эльсбета, что съ тобою? Что такое случилось? Что за штуки выкидываешь ты и чего хотятъ крестьяне?

— У насъ гости, отецъ,—хладнокровно отвѣчала та, однако не безъ оттѣнка робкаго упрямства.

— Опять гости?—съ удивленіемъ спросилъ онъ,—впрочемъ, это хорошо, я очень радъ; по крайней мѣрѣ, нѣтъ пустоты въ домѣ... А съ чего же взбѣленились рыбаки?

— Можетъ быть,—холодно и рѣзко отвѣчала Эльсбета,—эти гости и несовсѣмъ желанные, собственно для васъ самихъ, батюшка. Въ вашемъ домѣ нашли себѣ пріютъ французы.

Штурмгёфель въ ужасѣ попятился назадъ.

— Эльсбета,—воскликнулъ онъ съ нерѣшительнымъ гнѣвомъ,—что значатъ эти дерзкія шутки? Я не могу допустить... враги въ моемъ жилищѣ!..

— Враги?—торопливо перебила дочь съ глубокой горечью,—*ваши* враги, ну да, но почему ваши враги должны быть и моими врагами? Васъ не было дома; вы вздыхали гдѣ-то о своихъ любезныхъ сынкахъ... съ какой же стати я была обязана разыгрывать здѣсь тѣмъ временемъ роль вашей покорной дочери и справляться о вашихъ желаніяхъ? Нѣтъ, мнѣ гораздо пріятнѣе быть самостоятельной хозяйкой въ пустомъ домѣ, а потому я дружески пріютила у себя чужестранцевъ по праву гостепріимства, и теперь стою на стражѣ людей, принятыхъ мною подъ свою защиту. Я поручилась имъ за ихъ полную безопасность и сдержу свое слово; въ этомъ отношеніи я, конечно, намѣрена выказать себя вполнѣ вашей дочерью.

И дѣйствительно она стояла, твердо выпрямившись, съ ружьемъ въ рукахъ на крыльцѣ отцовскаго жилища, какъ надежный стражъ.

Отецъ уставился на нее глазами, растерявшійся, потрясенный, и все еще не могъ выговорить ни слова. Только зловѣщая дрожь, подергивавшая огрубѣлыя жилистыя руки старика, обнаруживала его внутреннее волненіе. Но вдругъ онъ заговорилъ совершенно спокойно, почти ласково:—Я понимаю тебя, дитя мое. Ты поступила очень умно. Тебѣ слѣдовало ихъ задержать. Всякія военныя хитрости и уловки позволительны намъ съ непріятелемъ. Теперь они въ нашихъ рукахъ...

Дѣвушка страшно испугалась этого хладнокровія и воскликнула совершенно измѣнившимся, тревожнымъ и умоляющимъ тономъ:

Digitized by Google

— Отецъ, прежде чѣмъ дѣйствовать, войдите въ домъ и взгляните на этихъ несчастныхъ; вѣдь это тѣни вмѣсто людей, полумертвыя тѣни... Батюшка, вамъ не можетъ быть пріятно убивать живыхъ мертвецовъ!

Старикъ слегка вздрогнулъ. — А почему же нѣтъ? — мрачно произнесъ онъ вслѣдъ затѣмъ,—гораздо отвратительнѣе убивать людей, полныхъ силы; да, это отвратительно и страшно, а между тѣмъ необходимо, когда повелѣваетъ отечество... Я взгляну на этихъ людей, но не поддамся малодушной жалости.

Онъ поднялся по ступенямъ и прислонилъ свое ружье къ периламъ крыльца, послѣ чего послѣдовалъ за дочерью въ сѣни. Она отворила дверь налѣво; отецъ вошелъ вмѣстѣ съ нею и окинулъ взглядомъ комнату. Девятеро мужчинъ лежали здѣсь, какъ попало, точно внезапно застигнутые смертью; одни изъ нихъ растянулись прямо на голомъ полу, другіе—прислонившись къ стѣнѣ головою или туловищемъ, и всѣ спали мертвымъ сномъ. Здѣсь было душно и жарко; тяжелая атмосфера въ особенности непріятно дѣйствовала сейчасъ послѣ свѣжаго воздуха, но между тѣмъ большинство бѣглецовъ какъ можно плотнѣе жалось къ топившейся печкѣ.

У задней стѣны, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ прочихъ, сидѣлъ на скамьѣ Гастонъ Бельяръ. Его красивая голова съ изящными чертами свѣсилась на бокъ и потихоньку кивала во снѣ. Было замѣтно, что онъ долго боролся съ одолѣвавшей его усталостью и заснулъ сидя, стараясь держаться прямо. Но впереди всѣхъ, касаясь порога вытянутыми изсохшими ногами, помѣщалась въ креслѣ оригинальная фигура шевалье съ безукоризненно завитой головою. Черты его лица, изможденнаго, исхудалаго, маленькаго и желтаго, какъ воскъ, остались неподвижными, но глаза взглянули твердо и открыто на вошедшаго хозяина. На ручкахъ креселъ лежало поперекъ его ружье, которое онъ крѣпко держалъ своими костлявыми пальцами. Медленно вытянулъ старикъ одеревенѣлые члены и пошевелился, пытаясь поклониться, послѣ чего заговорилъ своимъ слабымъ, беззвучнымъ голосомъ:

— Вѣроятно, вы хозяинъ этого гостепріимнаго дома? Странные у васъ гости, нечего сказать! Вѣдь эдакая неотесанность—развалиться, гдѣ попало, и заснуть мертвымъ сномъ, даже не поздоровавшись съ вами! Да вотъ и теперь никто изъ насъ

Digitized by Google

не встаетъ при вашемъ приходѣ! Настоящіе россійскіе нравы, милостивый государь. Что дѣлать, невольно заражаешься дурными привычками и утрачиваешь благородное обращеніе, когда сходишься на короткую ногу съ невѣжественными варварами. Кромѣ того, къ величайшему прискорбію, долженъ сознаться: чтобы поднять мой трупъ и придать ему стоячее положеніе, понадобится подъемный воротъ. Если таковой имѣется у васъ подъ рукою...

— Вы мои плѣнники,—отрѣзалъ Штурмгёфель.

— У меня есть предчувствіе,—не моргнувъ бровью, отвѣчалъ французъ,—что ваши слова оправдаются въ извѣстномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ, относительно моей милой особы; пожалуй, даже одинъ или двое товарищей захотятъ изъ любезности составить мнѣ компанію. Запереть и сторожить насъ не составитъ вамъ особаго труда: лопаты двѣ вашего чистенькаго песочку будутъ совершенно достаточны для этой цѣли. А въ награду за такую покладливость, позвольте намъ немножко попользоваться тепломъ отъ вашей печки на это время. Жаль, что вы не видали, какое магическое дѣйствіе произвели на бѣдныхъ малыхъ эти великолѣпные накаленные изразцы. Будь отверстіе топки крошечку пошире, они влѣзли бы туда съ головою прямо въ огонь, какъ жизнерадостныя саламандры. Право, милостивый государь, вы не можете себѣ представить, сколько неисчерпаемыхъ наслажденій доставляетъ каждому изъ нашей честной компаніи бренное земное существованіе.

Штурмгёфель съ удивленіемъ и нѣсколько ошеломленный слушалъ рѣчи незнакомца, казавшіяся еще страннѣе на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ.

— Подайте сюда ваше оружіе,—сурово сказалъ онъ,—тогда мы позаботимся, чтобъ вамъ было тепло и сытно и на будущее время.

— Ну, вы должны немножко обождать и не настаивать на своемъ желаніи,—невозмутимо возразилъ шевалье,—пока проснется вонъ тотъ молодой офицеръ. Онъ одинъ имѣетъ власть заключать условія; но покажется ли ему исполнимымъ предложенный вами договоръ, этого ужь я не знаю. Въ данномъ случаѣ надо предоставить рѣшеніе ему и благосклонной судьбѣ.

— Если онъ вашъ начальникъ,—съ прежнею жосткостью произнесъ содержатель почты,—то разбудите его.

Digitized by Google

— Это было бы отвратительно-варварскимъ мѣропріятіемъ,—замѣтилъ шевалье,—молодежь любитъ спать и нуждается въ крѣпкомъ снѣ, а бѣдный юноша въ послѣдніе мѣсяцы немного черезчуръ уклонялся отъ этого закона природы. Взгляните на него, пожалуйста! Не правда ли, красивый малый? Но нѣжный, слишкомъ нѣжный, скажете вы. Да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, какую выносливость способна обнаружить въ случаѣ нужды такая съ виду хрупкая штучка. Тысячи и тысячи здоровенныхъ людей погибли въ пути вокругъ него, хотя имъ приходилось тащить только самихъ себя безо всякихъ военныхъ припасовъ и оружія, а онъ тащилъ на себѣ то и другое, да еще вдобавокъ императорскаго орла на плечѣ отъ самой Березины до вашихъ мѣстъ. Кому извѣстна эта дорожка, тотъ не станетъ отрицать, что такой подвигъ чего нибудь да значитъ, а между тѣмъ это пустяки въ сравненіи съ другими фокусами нашего капитана. Я уже не говорю о томъ, что Гастонъ Бельяръ подъ Бородинымъ взобрался однимъ изъ первыхъ на главное непріятельское укрѣпленіе, что подъ Мало-Ярославцемъ его безшабашное нападеніе съ фланга спасло императору цѣлый полкъ; мало того: Гастонъ Бельяръ находился въ числѣ знаменитаго отряда подъ Краснымъ, который продержался съ утра до ночи противъ непріятеля вдесятеро сильнѣе его, и наконецъ онъ же пробился первымъ въ самомъ первомъ ряду сквозь непріятельскую цѣпь, окружавшую французовъ желѣзнымъ кольцомъ; не стоитъ вспоминать также и про то, что нашъ капитанъ воспользовался случаемъ на березинскомъ мосту взять ледяную ванну, бросившись спасать утопавшаго ребенка, барахтавшагося между льдинами. Совершенно напрасное великодушіе, говоря между нами, такъ какъ мальчишка, все равно, вѣроятно, умеръ потомъ отъ простуды. Такихъ исторій я могъ бы разсказать вамъ цѣлую кучу, но что же тутъ особеннаго? То же самое продѣлывали и другіе. Но вотъ былъ кунштюкъ, какого не выкинулъ, конечно, ни одинъ изъ воиновъ великой арміи:—продержать подъ ружьемъ цѣлыя недѣли большую партію отбившихся отъ своихъ полковъ, не хотѣвшихъ знать дисциплины, отсталыхъ солдатъ. Сорокъ пять человѣкъ оставило подъ его командой Березину съ оружіемъ въ рукахъ, двадцать пять человѣкъ въ томъ же видѣ достигли Нѣмана. Не стану отрицать, что Бельяръ хладнокровно застрѣ-

Digitized by Google

лилъ перваго, бросившаго ружье; не скрою, что десять или двѣнадцать изъ нашего отряда пало на трудномъ пути подъ тяжестью этой ноши, тогда какъ безъ нея они, пожалуй, здравствовали бы до сей минуты—разумѣется, еслибъ не попались въ руки казакамъ, что̀ непремѣнно случилось бы съ ними, какъ и съ остальными двадцатью пятью, еслибъ не нашъ капитанъ. Переправу черезъ Нѣманъ мы, къ несчастію, прозѣвали, потому что казаки слишкомъ поспѣшили отличиться грабежами на прусской землѣ. Намъ пришлось идти по правому берегу внизъ по теченію рѣки и такимъ образомъ мы достигли этого залива, который и перешли въ числѣ пятнадцати душъ да еще съ металлическимъ орломъ на древкѣ въ придачу. И странное дѣло: вѣдь, говоря по чистой совѣсти, это императорскій орелъ помогъ намъ перенести всѣ невзгоды; это онъ ежедневно вливалъ въ жилы отважному мальчику огонь одушевленія, поддерживалъ въ немъ силу жить, потому что юному герою нельзя было умирать и у него хватило энергіи принудить къ безусловному повиновенію почти отупѣвшую отъ лишеній, полубезчувственную ватагу; онъ управлялъ ею съ желѣзной непреклонностью, такъ какъ нуждался въ вооруженныхъ, дисциплинированныхъ защитникахъ для своего орла. Наконецъ, тотъ же талисманъ внушилъ ему непоколебимую увѣренность, что эта старательно отлитая игрушка будетъ спасена. Вѣдь въ сущности, глядя на вещи здраво, развѣ можно счесть ее за что нибудь иное? Какой въ ней прокъ? Вотъ, милостивый государь, можетъ быть, у васъ есть дѣти или внуки; тогда совѣтую вамъ подарить имъ такую забавную штучку; ее можно пріобрѣсти всего-то за нѣсколько червонцевъ. И вы видите, что даже взрослые дѣти такъ дорожатъ ею, что готовы положить свой животъ за подобную финтифлюшку: до того она тѣшитъ дѣтское сердце.

Ораторъ умолкъ. Штурмгёфель стоялъ смущенный, въ борьбѣ съ самимъ собою.

— Не далъ погибнуть собакѣ, которая геройски исполнила свой долгъ,—глухо пробормоталъ онъ,—а этотъ...

Онъ взглянулъ черезъ комнату на лицо спящаго юноши, о подвигахъ котораго повѣствовали ему сейчасъ такимъ страннымъ тономъ, и въ чертахъ стараго исполина отразилось усиленное волненіе, вызванное и восторгомъ, и участіемъ, и мучи-

Digitized by Google

тельной нерѣшительностью. Но тутъ его смущенно блуждавшій взоръ нечаянно упалъ на дочь. Эльсбета напряженно наблюдала за отцомъ. Онъ замѣтилъ это и опомнился.

— Человѣкъ, которому нипочемъ такія дѣянія,—рѣзко вымолвилъ старикъ съ напускною холодностью,—внушаетъ вдвое больше опасеній и ненависти, въ качествѣ противника. Война теперь въ самомъ разгарѣ, нашъ народъ поднимается. Шестерыхъ сыновей выслалъ я сегодня на защиту отечества, неужели же мнѣ щадить вооруженныхъ враговъ у себя?

Изъ груди шевалье вырвался крикъ испуга; онъ устремилъ въ пространство остановившійся стеклянный взоръ, точно его внезапно хватилъ параличъ. Когда же старикъ былъ наконецъ въ состояніи перевести духъ и собраться съ мыслями, то голосъ его замѣтно перемѣнился и звучалъ почти угрозой, не смотря на игривость рѣчи.

— Вы, конечно, не можете серьезно вообразить, почтеннѣйшій хозяинъ, чтобы девятеро опытныхъ, закаленныхъ въ бою, солдатъ, будь они даже полумертвыми, сдались одному мужчинѣ да еще молоденькой барышнѣ? Къ ногамъ послѣдней, правда, мы готовы сложить свои сердца, но не оружіе. Сверхъ того, этотъ гостепріимный домъ, по моимъ соображеніямъ, можетъ послужить отличной крѣпостью; его легко, шутя, защитить девятью меткими ружьями отъ нѣсколькихъ дюжинъ осаждающихъ. А что въ немъ найдется достаточно всякихъ запасовъ на случай продолжительной осады, порукой въ томъ мнѣ служитъ приличная внѣшность его обладателя.

Штурмгёфель злобно стиснулъ зубы и сталъ дико метаться, ища оружія. Потомъ онъ насильно схватилъ за руку дочь и потащилъ ее вонъ изъ дверей, которыя шумно захлопнулъ за собою. На крыльцѣ онъ взялъ свое ружье и пошелъ крутыми шагами черезъ песчаную площадь къ берегу, гдѣ собрались рыбаки. Дѣвушка по прежнему осталась на караулѣ передъ домомъ.

VIII.

Шевалье съ трудомъ поднялся съ креселъ и заковылялъ мимо спящихъ товарищей къ капитану. Со стономъ опустился онъ рядомъ съ нимъ на скамью и сталъ трясти его за плечо своею слабою рукой.

Digitized by Google

— Проснитесь, юный другъ,—молилъ старикъ тревожнымъ шопотомъ,—берите вашего орла, да маршъ съ нимъ поскорѣе изъ какого нибудь окошка или заднихъ дверей прямо въ лѣсъ, откуда мы пришли. Торопитесь, не теряйте ни секунды. Это единственное средство спасенія. Мы, остальные, прикроемъ пока вашъ тылъ.

Капитанъ въ недоумѣніи вскинулъ на него сонные глаза.

— Въ умѣ ли вы, шевалье? — проворчалъ онъ усталымъ голосомъ.—Мнѣ бѣжать, да еще одному? Что это значитъ?

— Орелъ принужденъ спасаться бѣгствомъ, — убѣждалъ тотъ,—а вы должны ему сопутствовать. Понимаете? Вы совсѣмъ одни. Одного человѣка даже не хватятся. Если жь намъ двинуться всѣмъ, то за нами будетъ погоня, и тогда никому не сдобровать. Что касается моей особы, то я, все равно, не въ силахъ сдѣлать ни шагу. Мнѣ остается одно удовольствіе — умереть у теплой печки.

— А я долженъ опять слоняться по пустыннымъ трущобамъ?—съ горечью спросилъ Гастонъ. — Что̀ можетъ ожидать меня тамъ, кромѣ вѣрной смерти, которой мы только что избѣгли? И съ чего, скажите на милость, пришло вамъ въ голову такое безумство?

— Ну, иному смертному,—возразилъ шевалье,—я не сталъ бы совѣтовать ничего подобнаго, но вамъ, мой другъ, столько разъ удавались именно самыя отчаянныя безумства, вы осуществляли такъ много невозможнаго, что, пожалуй, и тутъ судьба не измѣнитъ своему баловню.

— Да съ чего, съ чего мнѣ бѣжать? — съ гнѣвомъ перебилъ Гастонъ.—Вы говорите загадками. Объяснитесь наконецъ: въ чемъ дѣло, что̀ тутъ произошло?

— Ну, такъ слушайте внимательно,—прошепталъ шевалье,—а затѣмъ—ни слова болѣе! Знаете ли, въ чей домъ мы забрели въ своей младенческой наивности? Нашъ хозяинъ—отецъ тѣхъ шестерыхъ молодцовъ, которыхъ мы сегодня укокошили.

— Я это зналъ,—съ твердостью вымолвилъ капитанъ.

— Знали?—воскликнулъ пораженный въ конецъ шевалье.

— Я подозрѣвалъ это еще при первомъ взглядѣ на молодую дѣвушку,—подтвердилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Гастонъ,—а потомъ окончательно убѣдился въ справедливости своихъ догадокъ, услыхавъ имя ея отца. Но что жь изъ этого?

Digitized by Google

Развѣ Штурмгёфель уже узналъ о катастрофѣ? Мнѣ что-то не вѣрится!

— Узнать-то пока не узналъ,—промолвилъ старикъ, — по крайней мѣрѣ, судя по внѣшности, этого незамѣтно, но онъ заходилъ сюда, назвалъ насъ, еще ничего не видя, врагами своего отечества и потребовалъ наше оружіе.

— Ну, пускай онъ возьметъ его!—съ живостью воскликнулъ Гастонъ, вскакивая на ноги,—скажите однако, шевалье, вѣдь хозяинъ меня видѣлъ, но не узналъ?

— Ахъ, бѣдный другъ,—со вздохомъ произнесъ тотъ,—да свыкнитесь вы наконецъ понемножку съ мыслью, что въ этой блѣдной, жалкой фигурѣ немыслимо узнать юнаго героя, отличавшагося прошлымъ лѣтомъ въ императорской арміи. Развѣ только родная мать или прежняя возлюбленная не ошиблась бы на вашъ счетъ, я такъ полагаю. Но даже, если Штурмгёфель васъ знаетъ, къ чему это поведетъ? Судя по вашимъ словамъ, это тотъ самый старикъ, у котораго вы когда-то спасли сына чисто изъ каприза упоеннаго властью побѣдителя. Ну, а сегодня мы убили у него шестерыхъ сыновей,—ужь на этотъ разъ совсѣмъ не изъ каприза. Такъ неужели вы думаете, что одно уравновѣшиваетъ другое? Или кто поручится вамъ, что слава нашей побѣды на берегу залива еще долго будетъ цвѣсти въ неизвѣстности? Каждый часъ можетъ оказаться для насъ предательскимъ, а мы тутъ заблаговременно засѣли уже въ западню. И вы же сами привели насъ въ эту ловушку вполнѣ сознательно. Ахъ, бѣдный Гастонъ, должно быть, нестерпимый здѣшній морозъ сомнительно похозяйничалъ въ вашемъ мозгу.

— Очень можетъ быть, — отвѣчалъ съ грустной улыбкой капитанъ,—что въ моей головѣ происходитъ что нибудь сомнительное, по крайней мѣрѣ, я поддался обаянію странныхъ волшебныхъ чаръ, которымъ и подчинилъ въ данномъ случаѣ свои дѣйствія. Когда среди ужасовъ непроходимой песчаной пустыни передъ нами внезапно мелькнулъ дивный образъ этой дѣвушки, когда она приблизилась къ намъ подобно милосердой богинѣ, я тотчасъ почувствовалъ, что погружаюсь въ какой-то невыразимо блаженный сонъ. А во снѣ мы подчиняемся не мыслящей волѣ, но невѣдомымъ силамъ своей души, съ помраченнымъ на время сознаніемъ. Можетъ быть, я также послушно послѣдовалъ бы за нею, еслибъ она поманила меня на плаху. Но

Digitized by Google

въ ея чертахъ свѣтилось состраданіе, и я не могъ противиться своему порыву. Сладостная мечта смѣнилась вѣрой въ счастье и спасеніе.

Шевалье озабоченно покачалъ головой.

— Вотъ уже нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ мнѣ небезъизвѣстно,—началъ онъ внушительнымъ тономъ,—что прекрасныя очи юныхъ красавицъ способны творить чудеса и возбуждать волшебныя мечты въ мужскихъ сердцахъ, но все же было бы рискованно, по моему мнѣнію, основывать на подобныхъ мечтахъ какія либо стратегическія или тактическія мѣропріятія, тѣмъ болѣе для васъ, который все еще не свыкся съ неизбѣжной необходимостью когда нибудь умереть. Вѣдь вы непремѣнно бы умерли, еслибъ васъ убили до смерти, хотя навѣрно протестовали бы противъ такой несправедливости. А теперь, въ угоду нелѣпой мечтѣ, вы дѣйствительно суетесь прямо подъ топоръ.

— Ну, положимъ, это несовсѣмъ такъ,—съ жаромъ перебилъ Гастонъ,—если волшебный сонъ руководилъ моимъ рѣшеніемъ, то онъ недолго продолжался. А вслѣдъ за пробужденіемъ вступилъ въ свои права точный разсчетъ, холодный и неумолимый. Ну-ка, скажите сами, что же намъ оставалось дѣлать давеча, какъ не послѣдовать за нашею путеводительницею, пренебрегая всякою опасностью? Вѣдь ни одинъ изъ насъ не выдержалъ бы долѣе часу этого ужаснаго странствованія. Теперь же мы хоть подкрѣпились недолгимъ отдыхомъ въ теплѣ для дальнѣйшаго пути. Тамъ — вѣрная смерть; здѣсь—можетъ быть, опасность. Могъ ли я колебаться? И тогда, въ этомъ критическомъ положеніи, мнѣ блеснула внезапная надежда, что мы непремѣнно будемъ спасены. Шевалье, если когда либо въ мірѣ совершались чудесныя спасенія, то непремѣнно черезъ женщинъ, которыя любили. Вы понимаете... когда я увидалъ нашу путеводительницу...

Шевалье съ удивленіемъ вытаращилъ глаза, а потомъ залился жиденькимъ смѣхомъ.

— Это идея, обличающая такую эластичность ума, что люди малодушные непремѣнно сочли бы ее бѣсовскимъ внушеніемъ,—вымолвилъ онъ, тихонько хлопая въ ладоши.—Нѣтъ, каково? Братьевъ убить, а сестрицу увлечь... Товарищъ, ну, право, мнѣ жаль, что я не молоденькая дѣвушка, чтобы расцѣловать васъ за такую геніальную комбинацію.

Digitized by Google

— Я содрогнулся до мозга костей, — перебилъ съ волненіемъ Гастонъ,—когда мнѣ стала ясна вся преступность моего плана, но я былъ словно въ чаду, чудовищность такого поступка именно и увлекла меня. Да, наконецъ, развѣ я не совершалъ еще болѣе возмутительныхъ вещей ради спасенія орла? Я собственноручно пристрѣливалъ товарищей только изъза того, что у нихъ не хватало больше силы тащить на себѣ оружіе, и теперь былъ бы виновенъ въ убійствѣ, еслибъ у меня не хватило духу одурачить молодую дѣвушку ради той же цѣли. Нѣтъ, клянусь Богомъ, мнѣ ничего не стоитъ совершить этотъ грѣхъ. Только одного я не въ состояніи сдѣлать даже ради своей великой цѣли—это бросить васъ, шевалье, а также и остальныхъ, чтобы спастись одному. Съ этимъ предложеніемъ можете убираться къ чорту, говорю вамъ прямо. Кромѣ того, я преисполненъ такого чувства надежды...

— Вы всегда имъ преисполнены, когда у васъ есть въ виду хорошенькая дѣвушка, — съ оттѣнкомъ досады вставилъ шевалье.—Тогда вы непоколебимо вѣрите въ чудеса.

— Чудеса творитъ лишь тотъ, кто въ нихъ вѣруетъ! — воскликнулъ Гастонъ съ блестящими глазами.—А развѣ можно придумать болѣе удивительное чудо, какъ эта неожиданная встрѣча въ пустынѣ? Сомнѣваться послѣ того въ нашемъ спасеніи было бы просто малодушіемъ.

— Вы положительно неисправимы!— сказалъ шевалье.— Передъ вашими сумасбродными выходками разсудокъ по неволѣ долженъ спасовать. Впрочемъ, говоря по правдѣ, не разсудокъ спасъ насъ и привелъ сюда изъ Россіи, а именно ваше безпутное сумасбродство. Итакъ, не станемъ терять надежды. Ваша дикая вѣра заразительна. Какіе однако чудесные подвиги затѣваете вы на случай новаго появленія разъяреннаго льва передъ собственнымъ логовищемъ?

— Прежде всего я намѣренъ держать себя миролюбиво, пока это возможно,—быстро отвѣчалъ Гастонъ,—а въ случаѣ крайности, биться здѣсь въ домѣ до послѣдняго издыханія. Послѣдній, кто останется въ живыхъ, броситъ орла въ печку. Однако я все еще разсчитываю на мирный исходъ. Дѣвушка поддалась состраданію; почему не можетъ случиться того же самаго съ отцомъ? Убитые сыновья спятъ себѣ, отлично спрятанные въ глубокихъ пескахъ. А кто другой, кромѣ насъ, пу-

Digitized by Google

стится по той ужасной дорогѣ? Этого совсѣмъ нельзя опасаться. Если же тайна не разоблачится хотя бы только до завтрашняго дня, мы преспокойно уйдемъ отсюда, послѣ хорошаго отдыха. Итакъ, будемъ сегодня веселы, и станемъ вѣрить въ свое счастье. Взгляните на этотъ славный огонь въ печкѣ: не наполняетъ ли васъ его отрадное пламя чувствомъ глубокаго довольства, проникающаго до мозга костей?

— Взглянемте-ка лучше, смѣю васъ просить,—прервалъ его шевалье, указывая рукою въ окно,—что̀ за вещи готовятся намъ на морозѣ. Подойдите къ моему креслу; отсюда все видно. Я рѣшительно не спускалъ глазъ съ окна, пока тутъ сидѣлъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гостепріимный хозяинъ дома сзываетъ вонъ тѣхъ рыбаковъ на битву съ нами. И долженъ сознаться, что лица этихъ людей обѣщаютъ мало хорошаго; они какъ будто затаили злобу и ждутъ удобнаго мо̀мента; мрачный, лукавый народецъ!

— Ну, а въ Москвѣ развѣ на насъ смотрѣли иначе?—небрежно вымолвилъ Гастонъ.—Однако, вѣдь мы нисколько не трусили? Итакъ, подождемъ, пока они подступятъ къ дому, а потомъ разбудимъ солдатъ, впрочемъ, не раньше, чѣмъ я попытаюсь порѣшить дѣло миромъ...

Штурмгёфель между тѣмъ подошелъ къ рыбакамъ. Мрачное молчаніе и взгляды тупаго недовольства встрѣтили его.

— Ступайте же!—крикнулъ онъ имъ.—Пустите въ ходъ ваше оружіе. Врагъ проникнулъ въ страну; необходимо истреблять его. Чего же вы стоите и колеблетесь? Или вы боитесь девятерыхъ до полусмерти изголодавшихся, полузамерзшихъ людей, которые едва могутъ держать въ рукахъ оружіе? Да вѣдь у васъ втрое больше ружей, а численностью вы превосходите ихъ вдесятеро; вамъ легко перебить непріятелей, какъ воронъ, попавшихъ въ силки, если они не сдадутся добровольно. Но они это сдѣлаютъ, какъ только увидятъ, что съ ними не шутятъ. Итакъ, впередъ! Это враги вашего короля и притѣснители отечества.

Крестьяне смотрѣли на говорившаго съ удивленіемъ и недовѣріемъ, молча кивая на человѣка, стоявшаго посреди нихъ. То былъ сѣдобородый старецъ съ длинными кудрями, не отличавшійся ничѣмъ инымъ по одеждѣ и наружности отъ прочихъ рыбаковъ, кромѣ глубокаго почтенія, которое они ему оказы-

Digitized by Google

вали, а также своего смиреннаго вида. Но къ этому смиренію и привычной кротости въ рѣчахъ и манерахъ примѣшивались какая-то оторопѣлость и даже коварство, смотрѣвшія изъ его широко раскрытыхъ, лишенныхъ выраженія, блѣдноголубыхъ глазъ.

— Енунейтъ, — обратился содержатель почты прямо къ нему,—здѣшній народъ называетъ тебя своимъ прорицателемъ и охотнѣе слушаетъ слово божіе изъ твоихъ устъ, чѣмъ изъ устъ своего пастора; объясни же имъ, въ чемъ заключается ихъ долгъ, когда непріятель обложитъ страну и проникнетъ въ нее.

— Штурмгёфель, — отвѣчалъ Енунейтъ плавнымъ и нѣсколько елейнымъ тономъ,—мы вотъ только что обсуждали: какъ повелѣваетъ поступить намъ долгъ, когда нашему господину содержателю почты придетъ въ голову пріютить у себя и согрѣть враговъ своего короля, да еще вдобавокъ въ воскресенье? И мнѣ еще не удалось найти такого текста священнаго писанія, который направилъ бы насъ на путь истины.

Содержатель почты гнѣвно топнулъ ногою:—Неужели вы, деревянныя башки, воображаете, что французы явились сюда по моей волѣ?—запальчиво воскликнулъ онъ.—Вамъ слѣдовало бы получше знать меня! Вы охотнѣе пригласили бы къ себѣ въ домъ чорта, чѣмъ я этихъ людей. Я былъ на берегу, когда они пришли, а теперь хотѣлъ выпроводить непрошенныхъ гостей, но они не хотятъ уходить. Вѣдь это насиліе по отношенію ко мнѣ, по отношенію къ вамъ. Неужели вы потерпите это? Неужели станете дожидаться, чтобы они снова принялись просверливать ваши челноки, рѣзать рыболовныя сѣти, оболыцать вашихъ женщинъ, подстрѣливать или бить хлыстомъ мужчинъ, жечь ваши лѣса?

— Штурмгёфель, — серьезно отвѣчалъ прорицатель,— мы уже обсудили все это сообща. Вамъ слѣдовало покрѣпче охранять свои двери, чтобы въ нихъ не забирались враги. Это ваша вина, а не наша. Теперь слишкомъ поздно. Сегодня воскресенье, а въ праздничный день христіанинъ не долженъ начинать никакого дѣла, отъ шести часовъ вечера наканунѣ до шести часовъ другаго вечера. Еслибъ мы были у себя въ жилищахъ, а непріятель на улицѣ, мы заперлись бы въ домахъ и посмотрѣли, осмѣлятся ли они на насъ напасть, потому что

Digitized by Google

защищать свою жизнь не значитъ начинать какое нибудь дѣло. А теперь намъ надо ждать до вечера, ибо такова господня заповѣдь.

— Святошеская глупость!—гнѣвно воскликнулъ Штурмгёфель.—Да вѣдь тѣмъ временемъ они отдохнутъ отъ своего изнеможенія, соберутся съ силами и, въ случаѣ нужды, могутъ отправиться дальше. Они выиграютъ время и возьмутъ перевѣсъ во всемъ остальномъ. Значитъ, если я употреблю противъ нихъ насиліе въ данную минуту и французы прольютъ мою кровь, вы только будете смотрѣть со стороны, сложа руки, и приговаривать:—Что намъ за дѣло? Вѣдь сегодня праздникъ!

— Если они прольютъ кровь,—торжественно произнесъ Енунейтъ,—тогда, какъ сказано въ писаніи, ихъ кровь также должна быть пролита. И это совершится, когда минуетъ праздничный день. На томъ мы порѣшили еще до вашего прихода, смѣемъ васъ увѣрить. Вонъ Матукатъ принесъ извѣстіе, которое вызвало у насъ горячій споръ: выходитъ такъ, что французы, пожалуй, ужь успѣли сегодня пролить кровь. Матукатъ ходилъ рано утромъ на заливъ, немного къ сѣверу, и слышалъ выстрѣлы въ той сторонѣ. Матукатъ, правду ли я говорю?

Спрошенный выступилъ впередъ и принялся обдуманно разсказывать:

— Да, это правда. Я прошелся сегодня по льду, не ради работы, а просто ради прогулки, чтобы взглянуть мимоходомъ на поставленные мною силки для воронъ. Тутъ мнѣ послышалось, будто бы съ бухты подъѣзжаютъ откуда-то сани. Когда же я насторожилъ уши, то различилъ человѣческіе шаги; они приближались издалека, но можно было догадаться, что идетъ большая партія людей. Видѣть ихъ я не могъ по причинѣ утренняго тумана и только дивился, кто рѣшается идти по льду послѣ оттепели. Сначала мнѣ, правда, пришло въ голову, что это, пожалуй, молодые господа Штурмгёфели...

— Вотъ вздоръ какой! — торопливо прервалъ содержатель почты,—я запретилъ имъ ходить черезъ заливъ, и знаю, что они не посмѣютъ ослушаться. Кромѣ того, они пошли по морскому берегу, вдоль пальвы...

— Да это въ самомъ дѣлѣ оказались не они,— спокойно подтвердилъ Матукатъ,—шаги приближались съ противоположной стороны къ нашему лѣсу. То были никто иные, какъ эти

Digitized by Google

французы. Ни одинъ здѣшній житель не пустился бы черезъ ледъ. А тутъ я услышалъ ружейную пальбу; выстрѣлы грянули, да такъ громко и явственно, потому что вѣтеръ дуетъ съ сѣвера. Сперва-то я точно подумалъ на молодыхъ господъ Штурмгёфелей; можетъ быть, думаю, стрѣляютъ чаекъ, но потомъ сейчасъ же мнѣ опять пришло въ голову: нѣтъ, вѣдь они идутъ со стороны моря, вдоль пальвы за дюною, а оттуда нельзя слышать пальбы такъ далеко. Вѣдь только по льду могутъ такъ гулко разноситься звуки. Значитъ, это стрѣляли французы, не иначе. А кто можетъ знать, по комъ они стрѣляли?

Штурмгёфель вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и взмахнулъ могучими руками по воздуху, точно ему внезапно нанесли, подкравшись сзади, жестокій ударъ, и онъ искалъ дубины, чтобы разнести черепъ врагу. Его лицо сдѣлалось мертвенно блѣднымъ, какъ сѣроватый песокъ, и онъ вдругъ разразился громкимъ, дикимъ хохотомъ.

— Зачѣмъ было моимъ сыновьямъ забираться къ заливу?— воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ.—Какая нелѣпость! Вотъ ужь сущая нелѣпость! Они пошли вдоль пальвы. По берегу залива теперь и не пробраться... А этотъ курьеръ... Надо вамъ сказать, что французскій курьеръ ѣхалъ тѣмъ путемъ, пока не перебрался на пальву, измучившись на плохой дорогѣ и рискуя быть засыпаннымъ летучими песками. Но съ моими сыновьями онъ не встрѣтился, они успѣли пройти дальше. Удивительно только одно: какъ онъ ухитрился перетащить черезъ дюну своего коня?.. Вѣдь на что не умудрятся эти мошенники!.. Но мои сыновья... да еслибъ они даже встрѣтили французовъ, то неужели вы думаете, дураки, чтобъ хотя одинъ изъ непріятелей добрался сюда живымъ? Кто смѣетъ это думать?

— Ни единый изъ насъ, Штурмгёфель, ни единый,—отвѣчалъ Енунейтъ.—Когда эти люди явились въ нашу деревню, ихъ легко было перебить палками, до того они ослабѣли. Только ужь по случаю воскресенья мы къ нимъ не подступались. Одинъ изъ вашихъ сыновей могъ бы справиться со всѣми ими. Можетъ быть, французы просто стрѣляли чаекъ или приняли того курьера, о которомъ вы толкуете, за казака и выстрѣлили по немъ, такъ какъ онъ ѣхалъ по заливу.

— Спросимте лучше ихъ самихъ,—въ страстномъ нетерпѣніи воскликнулъ содержатель почтовой станціи,— мы должны сей-

Digitized by Google

часъ же это разузнать. Пойдемте со мной къ моему дому. Горе тому, кто останется. Вамъ не нужно начинать никакого дѣла, а только стоять и слушать. Енунейтъ, скажи имъ, что они могутъ сдѣлать это въ воскресенье. Итакъ, ступайте за мной!

Не дожидаясь отвѣта, онъ пошелъ впередъ. Толпа медленно тронулась за нимъ черезъ пески. Однако, на половинѣ дороги Штурмгёфель внезапно остановился, сложилъ руки и взглянулъ на небо.

— Если такъ надо,—произнесъ онъ вполголоса,—если ты, Господи, такъ судилъ изъ-за давнишняго грѣха, который лежитъ на мнѣ, то возьми того изъ нихъ, котораго я долженъ тебѣ уступить, но пощади остальныхъ. Оставь мнѣ ихъ, милосердый Боже!

Рыбаки въ смущеніи переглянулись между собою и тоже стали, какъ вкопанные. Но старикъ уже умолкъ и снова двинулся впередъ, ускоривъ шаги. Когда они приблизились къ дому, молодой капитанъ вышелъ на крыльцо, въ изнеможеніи опираясь на свое ружье, но бодрый духомъ, и твердо взглянулъ на подошедшихъ. Эльсбета отступила немного въ сторону, однако осталась на караулѣ, непреклонная и угрожающая.

— Вы командуете этой шайкой мародеровъ,—холодно сказалъ содержатель почты,— и я требую, чтобъ вы намъ ихъ выдали!

— Значитъ, только постыдное коварство завлекло насъ въ этотъ предательскій домъ?!—съ горечью воскликнулъ Гастонъ.

Густая краска залила лицо стараго содержателя почты.

— Вы съумѣли умно воспользоваться безразсудствомъ молоденькой дѣвушки,—быстро возразилъ онъ,—чтобы забраться въ мой домъ противъ моей воли. Можете идти, откуда пришли и гдѣ вы были бы теперь безъ этой глупой дѣвочки.

— То есть, на встрѣчу вѣрной смерти!—гнѣвно воскликнулъ Гастонъ.—Смерти въ пустынѣ! Повсюду въ другихъ мѣстахъ, гдѣ живутъ люди, несчастіе для нихъ священно, а только здѣсь этого нѣтъ. Еслибы больной волкъ пришелъ къ людямъ, спасшись отъ такого бѣдствія, у нихъ не хватило бы духу убить хищное животное; здѣсь же убиваютъ гостей, довѣрчиво принявшихъ приглашеніе отдохнуть и обогрѣться.

Штурмгёфель вздрогнулъ.

— У нихъ не хватило бы духу убить больное хищное жи

Digitized by Google

вотное,—пробормоталъ онъ, погруженный въ мрачную задумчивость.—Мнѣ не слѣдовало щадить орла съ перешибленнымъ крыломъ; онъ можетъ выздоровѣть и снова сдѣлаться опаснымъ врагомъ человѣка... Если мои сыновья встрѣтили этихъ бѣглецовъ, неужели они также пришли въ нерѣшительность и поддались малодушной жалости?.. Но вѣдь тамъ слышались выстрѣлы...

Онъ выпрямился, собираясь задать вопросъ, но голосъ не повиновался ему; старикъ замялся и его лицо опять поблѣднѣло, какъ песокъ у него подъ ногами. Взглядъ Штурмгёфеля пристально и тупо остановился на свѣжемъ пятнѣ крови на платьѣ француза. Медленно поднялъ онъ свою тяжелую руку, чтобы указать на эту улику, и изъ его хрипящей груди вырвался стонъ, похожій на подавленный съ трудомъ крикъ бѣшенства.

Офицеръ въ свою очередь измѣнился въ лицѣ; морозъ пробѣжалъ у него по тѣлу; однако онъ съумѣлъ овладѣть собою.

— Кровь товарища,—пояснилъ онъ, коснувшись, послѣ короткаго молчанія, окровавленнаго мѣста на своей одеждѣ.—Силы оставили его; ему предстояло замерзнуть въ пустынѣ, и мы изъ жалости пристрѣлили несчастнаго.

Судорожное движеніе прошло по чертамъ и по всей исполинской фигурѣ старика. Онъ испустилъ крикъ, какъ будто ликуя отъ радости, поднялъ руки, точно для горячей благодарственной молитвы, и потомъ торопливо протянулъ ихъ незнакомцу для пожатія, весь трепещущій и просвѣтлѣвшій.

Но также торопливо Штурмгёфель сдержалъ свой порывъ. Съ непонятнымъ выраженіемъ безпомощной растерянности смотрѣлъ онъ то на француза, то на свою дочь, то на толпу рыбаковъ, стоявшихъ кругомъ, и опять взглядывалъ на капитана.

Вдругъ позади него раздался легкій возгласъ. Изъ кучки собравшагося народа выскочила женщина, взбѣжала, какъ бѣшеная, на ступеньки крыльца и ударила Гастона по щекѣ, такъ что тотъ отскочилъ и схватился за шпагу.

Штурмгёфель бросился за ней слѣдомъ, съ гнѣвомъ схватилъ ее за плечи и началъ трясти съ такою яростью, что она безсильно склонилась на колѣни, и наконецъ швырнулъ ее въ сторону, ударивъ о землю, точно какой нибудь безжизненный тюкъ.

Digitized by Google

— Герой не долженъ подвергаться позору отъ руки женщины у меня на глазахъ!—воскликнулъ онъ внушительнымъ тономъ.—Ступайте, милостивый государь, обратно ко мнѣ въ домъ; теперь онъ открытъ для васъ, а также и вашихъ людей. Вы мои гости: съ этой минуты вы находитесь подъ моей охраной въ нашемъ жилищѣ. Ручаюсь своимъ словомъ за вашу полнѣйшую безопасность. Пока я живъ, съ вами не случится ничего дурнаго.

Гастонъ протянулъ ему руку въ знакъ благодарности, но отвернулся въ сторону, почти пристыженный. По крайней мѣрѣ, въ его взглядѣ выражалось и упорство, и смущеніе.

— Можете разойтись по домамъ, пока я васъ позову,— кратко и холодно сказалъ Штурмгёфель рыбакамъ, въ рядахъ которыхъ раздался громкій ропотъ. И старикъ насмѣшливо прибавилъ:

— Вѣдь сегодня воскресенье; всякая работа запрещена. Эти чужестранцы взяты подъ мою защиту; пусть каждый знаетъ это.

Тонъ его словъ звучалъ суровой угрозой. Хозяинъ поднялся по ступенямъ крыльца и быстро послѣдовалъ за Гастономъ въ сѣни, гдѣ собрались вооруженные солдаты. Онъ спокойно кивнулъ имъ, приглашая ихъ въ комнату, позвалъ свою дочь и приказалъ, чтобы она распорядилась угощеніемъ.

— Войдите сюда со мною,—сказалъ онъ капитану,—я устрою вамъ постель поудобнѣе. Вы молоды, нѣжны и привыкли къ болѣе утонченному образу жизни. Тутъ, направо, спальня моихъ старшихъ сыновей: сегодня вы можете воспользоваться ею. Отдыхъ и тепло вамъ всего нужнѣе, а потомъ слѣдуетъ подкрѣпиться пищею.

Гастонъ нерѣшительно взглянулъ въ лицо человѣку, съ которымъ произошла такая быстрая перемѣна.

— Извините, я охотнѣе остался бы со своими,—сказалъ онъ наконецъ,—хотя отъ души благодаренъ вамъ за вашу любезность. Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ мы бѣдствуемъ сообща и дѣлимъ вмѣстѣ всѣ лишенія; поэтому мнѣ хотѣлось бы раздѣлить сегодня съ ними и отдыхъ, и проблескъ надежды.

— Послѣ! Послѣ! Сначала усните одинъ,—произнесъ Штурмгёфель спокойнымъ, убѣдительнымъ тономъ, какимъ уговариваютъ капризныхъ дѣтей.—Вы все таки слабѣе остальныхъ.

Digitized by Google

— Напротивъ, сильнѣе ихъ всѣхъ,—возразилъ тотъ, хотя смертельная блѣдность, разлившаяся по его лицу, какъ будто нарочно опровергала эти слова. Содержатель почты охватилъ правою рукою тонкую фигуру капитана и скорѣе донесъ его, чѣмъ довелъ въ указанную комнату. Однако молодой человѣкъ снова пытался освободиться. Штурмгёфель, замѣтивъ это, выпустилъ его.

— Вы мнѣ не довѣряете,—замѣтилъ онъ сурово. Капитанъ вскинулъ на говорившаго гордый и веселый взглядъ.

— Приставьте пистолетъ къ моему виску,—твердо вымолвилъ онъ,—и я засну, какъ ребенокъ подъ ласкающей рукою отца. Я пойду съ вами, чтобы доказать, что вѣрю вамъ.

Старикъ кивнулъ головою съ довольнымъ видомъ и повелъ его дальше черезъ большую чистую комнату въ спальню, расположенную рядомъ. Онъ указалъ гостю на постель, помогъ ему лечь и укрылъ его теплымъ шерстянымъ одѣяломъ.

— Ну, засните теперь,—сказалъ онъ мягкимъ тономъ, потихоньку и почти робко погладивъ его по головѣ, какъ больнаго мальчика.

Гастонъ, дѣйствительно, тотчасъ закрылъ глаза, какъ будто потерявъ сознаніе или отдавшись сладкимъ чарамъ. Старикъ еще долго съ любовью смотрѣлъ на его изящное лицо.

Потомъ онъ помѣшалъ огонь въ большой печи, вышелъ изъ комнаты и заперъ за собою дверь.

(Продолженіе будетъ).

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Винная монополія.—Два господствующихъ направленія въ оцѣнкѣ проэкта казенной продажи вина.—Значеніе проэкта, какъ перваго и серьезнаго шага къ упорядоченію потребленія вина.—Кабаки и кабачики, и ихъ вліяніе на массу народа.—Какая точка зрѣнія должна господствовать, при оцѣнкѣ мѣръ правительства по регулированію питейнаго дѣла.—Фискальное значеніе казенной продажи вина заключается не столько въ увеличеніи сборовъ, сколько въ улучшеніи общихъ условій народной жизни, а, слѣдовательно, въ повышеніи общихъ платежныхъ силъ народа.—Положеніе въ Россіи винокуренной промышленности въ связи съ правительственнымъ мѣропріятіемъ.—Важное значеніе винокуренія для земледѣльческой Россіи.—Размѣръ производства вина съ XVI ст.—Питейные сборы и ихъ исторія.—Цѣна вина.—Начало образованія заводскаго винокуренія.—Мѣры правительства противъ развитія большихъ водочныхъ заводовъ.—Винокуренная промышленность въ Россіи за послѣднія 30 лѣтъ.—Доходы казны при дѣйствіи акцизной системы.—Три вопроса, касающіеся общиннаго землевладѣнія: неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, передѣлы общинной земли и круговая порука.

Въ недалекомъ будущемъ, государственному совѣту, какъ извѣстно, предстоитъ разсмотрѣть проэктъ казенной продажи вина. Опубликованіе мотивовъ и сущности проэкта указываетъ на желаніе нашего правительства привлечь общественныя силы къ выясненію важнаго вопроса о потребленіи вина населеніемъ. Такой путь подготовленія реформъ, къ какой бы сторонѣ жизни онѣ ни относились, нельзя не считать, конечно, весьма правильнымъ. Общество состоитъ изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ, изъ представителей всевозможныхъ интересовъ и взглядовъ, и въ разнообразіи его составныхъ частей съ нимъ не можетъ сравниться ни одно правительственное учрежденіе. Кромѣ этого, такъ какъ реформа проэктируется въ интересахъ общественной жизни, желательно, чтобы и само общество предварительно высказалось по поводу реформы и чтобы проэктируемыя правительствомъ мѣры нашли себѣ всестороннюю оцѣнку, съ точки зрѣнія всевозможныхъ научныхъ направленій и практическихъ, жизненныхъ интересовъ.

Digitized by Google

Проэктируемая «питейная монополія» вызвала у насъ въ печати оживленный обмѣнъ мыслей, въ которомъ ясно выразились два господствующихъ направленія: одна часть органовъ нашей печати—и притомъ бо̀льшая—оказалась на сторонѣ проэкта, а другая—мѐньшая—обнаружила явно свое несочувствіе. Защитники проэкта указываютъ, во 1-хъ, на то, что только государственная продажа вина можетъ устранить многоразличныя и практикующіяся въ широкихъ размѣрахъ злоупотребленія со стороны заводчиковъ и виноторговцевъ, вредно отражающіяся не только на матеріальныхъ интересахъ фиска и народнаго хозяйства, но на нравственности и физическомъ здоровьѣ населенія. Во 2-хъ, казенная продажа вина явится, по мнѣнію защитниковъ проэкта, новымъ и весьма солиднымъ источникомъ государственныхъ доходовъ, способнымъ увеличить средства фиска на значительную сумму отъ 100 до 600 милліоновъ рублей, поступающую въ настоящее время въ карманы частныхъ торговцевъ. Напротивъ того, противники проэкта не признаютъ за питейной монополіею значенія источника финансовыхъ средствъ государства и, видя причину установленія монополіи, главнымъ образомъ, въ желаніи и даже необходимости для правительства увеличить свои доходы, не сочувствуютъ соединенію интересовъ государственнаго бюджета съ размѣромъ питейнаго дохода. Затѣмъ, такъ какъ интересы фиска и требованія успѣшной борьбы съ пьянствомъ діаметрально противоположны, то, по мнѣнію противниковъ проэкта, сосредоточеніе тѣхъ и другихъ заботъ въ однѣхъ рукахъ—въ рукахъ правительства—легко можетъ привести къ подчиненію интересовъ народной нравственности и народнаго благосостоянія финансовымъ соображеніямъ государства.

Собираясь въ настоящей книгѣ журнала поговорить о питейномъ вопросѣ въ Россіи, мы считаемъ нужнымъ высказать и нашъ взглядъ на проэктъ питейной реформы.

По нашему мнѣнію, проэктъ имѣетъ важное значеніе, какъ первый и серьезный шагъ къ упорядоченію потребленія вина населеніемъ. Всякій, кто знакомъ съ современными условіями продажи вина въ Россіи, согласится съ нами, что регулированіе потребленія вина возможно у насъ, въ связи съ другими мѣрами (поднятіе духовнаго и матеріальнаго состоянія народа), только путемъ казенной продажи вина, но при томъ лишь условіи, *чтобы въ этомъ дѣлѣ правительство исключительно руководствовалось требованіями борьбы съ пьянствомъ, а не заботами объ увеличеніи государственныхъ доходовъ*. Чтобы вполнѣ уяснить нашу мысль, мы позволимъ себѣ сдѣлать такое сравненіе. Наши современные кабачики подобны невѣжественнымъ знахарямъ, у которыхъ лѣчится нашъ народъ, а правильная организація врачебнаго дѣла близко напоминаетъ установленіе казенной продажи вина. Въ обстановкѣ нашей народной жизни существуетъ масса благопріятныхъ условій для развитія заболѣваемости и смертности, но знахари являются однимъ изъ факторовъ, точно также неблагопріятно вліяющихъ на здоровье населенія. Вмѣстѣ съ улучшеніемъ санитарныхъ условій жизни, а также экономическаго и нравственнаго состоянія народа, организація правильной врачебной помощи явится весьма важной

Digitized by Google

мѣрой, оберегающей жизнь и здоровье крестьянъ. Таково положеніе вопроса о заболѣваемости народа. Обращаясь теперь къ потребленію народомъ вина, мы замѣчаемъ, что въ складѣ народной жизни есть точно также много условій, вызывающихъ неразумное потребленіе нашими крестьянами вина, а кабаки и кабачики являются одной изъ главныхъ причинъ народнаго пьянства и разоренія. Подобно тому, какъ знахари, поддерживая невѣжество, предразсудки и суевѣрія въ народѣ, рѣдко излѣчиваютъ народъ отъ болѣзней, а чаще содѣйствуютъ ихъ распространенію, точно также и кабачики обираютъ крестьянъ и, систематически опаивая народъ вреднымъ для здоровья виномъ, содѣйствуютъ развитію среди него пьянства. Съ другой стороны, если врачъ, дѣйствительно борясь съ болѣзнями, уменьшаетъ смертность, а замѣняя собой невѣжественнаго знахаря, устраняетъ его вредное вліяніе, точно также и чиновникъ, завѣдывающій продажей вина, являясь, на мѣсто хищнаго кабачика, чтобы освободить народъ отъ этой темной силы и сократить потребленіе вина до возможнаго минимума, несомнѣнно ограничитъ пьянство среди народа. Все равно, какъ врачъ, подавая помощь больнымъ и всѣми силами стараясь предупредить развитіе болѣзней, совершилъ бы преступленіе одной уже мыслью о томъ, что еслибы всѣ были здоровы, то было бы очень плохо врачамъ, такъ точно и продавецъ казеннаго вина долженъ совершенно отрѣшиться отъ мысли, что еслибы народъ какимъ нибудь чудомъ отказался совсѣмъ отъ потребленія вина, то этимъ былъ бы нанесенъ казнѣ ущербъ въ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Болѣзнь и пьянство — народныя бѣдствія, которыя совершенно устранить невозможно; государственная же борьба съ ними должна привести только къ ихъ ограниченію, и въ этой послѣдней цѣли заключается громадный интересъ государства, такъ какъ чѣмъ меньше нашъ народъ будетъ пить и болѣть, тѣмъ онъ будетъ богаче и развитѣе, а богатый и развитой народъ, конечно, можетъ дать казнѣ гораздо больше, чѣмъ бѣдный и невѣжественный. Пьянство—это старый недугъ русскаго народа, а кабакъ и кабачики—главныя условія его распространенія. Только вслѣдствіе весьма грустнаго недоразумѣнія, интересы фиска нѣкогда ставились въ зависимость отъ потребленія народомъ вина, и еще сравнительно недавно проповѣдь трезвости духовенствомъ вызывала у насъ преслѣдованія и разсматривалась, какъ посягательство на уменьшеніе средствъ государства. Въ настоящее же время, для всѣхъ стало очевиднымъ, что пьянство есть причина ужасныхъ народныхъ бѣдствій и поэтому оно не можетъ и не должно быть основой финансоваго благополучія государства. Къ питейному доходу больше всего можно отнести справедливыя слова русскаго финансиста Посошкова: «Худой тотъ сборъ, аще кто казну царю собираетъ, а людей разоряетъ». Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, проэктъ казенной продажи вина нужно разсматривать только съ точки зрѣнія борьбы съ пьянствомъ и упорядоченія торговли виномъ, совершенно оставивъ въ сторонѣ фискальныя цѣли государства. Разсматривая же проэктъ съ указанной точки зрѣнія, мы находимъ, что казенная продажа вина, вмѣстѣ съ мѣрами культурнаго и экономическаго ха-

Digitized by Google

рактера, является единственнымъ исходомъ изъ той постановки питейнаго дѣла въ Россіи, которая оказываетъ, несомнѣнно, самое разорительное и деморализующее вліяніе на народъ. Переходъ отъ системы взиманія акциза къ системѣ казеннаго торга виномъ долженъ быть обставленъ прежде всего такъ, чтобы это привело къ ограниченію пьянства и къ освобожденію крестьянъ отъ сѣтей услужливаго кабачика. Мы не отрицаемъ фискальнаго значенія казенной продажи вина, но оно явится лишь какъ послѣдствіе, какое даетъ всякая мѣра, улучшающая общія условія жизни и охраняющая народъ отъ какихъ бы то ни было дурныхъ вліяній. Наконецъ, что касается до поступленія въ казну тѣхъ доходовъ, которые при акцизной системѣ идутъ въ пользу виноторговцевъ, то, конечно, казна получитъ довольно значительную прибыль, монополизировавъ въ своихъ рукахъ торгъ виномъ; но весь этотъ излишекъ доходовъ, какъ думается, долженъ быть употребленъ опять таки на борьбу съ пьянствомъ и его причинами. Правительство должно считать для себя опаснымъ поступленіе въ значительныхъ размѣрахъ сбора, облагающаго порокъ, особенно такой, какъ пьянство, которое весьма губительно отражается не только на финансовыхъ интересахъ государства, но и на всемъ экономическомъ и нравственно-бытовомъ складѣ народной жизни.

Разсмотримъ теперь положеніе въ Россіи винокуренной промышленности въ связи съ правительственными мѣропріятіями [1]).

Винокуреніе въ Россіи, какъ странѣ чисто земледѣльческой, имѣетъ важное значеніе и занимаетъ первое мѣсто среди техническихъ сельско-хозяйственныхъ ея производствъ. Винокуреніе находится въ тѣсной связи съ сельскимъ хозяйствомъ, съ одной стороны перерабатывая его продукты и, во-2-хъ, доставляя превосходный кормъ для скота. Употребленіе хлѣбнаго вина (водки) въ Россіи давно уже извѣстно и въ XVI столѣтіи въ русскихъ городахъ существовали казенные питейные дома. Въ XVII ст. продажа вина, пива и меда и винокуреніе для продажи составляли исключительное право казны, которая осуществляла его или черезъ своихъ агентовъ, или же уступала его частнымъ лицамъ за опредѣленную сумму—на откупъ. Такой порядокъ оставался и въ началѣ царствованія Петра I, но съ 1705 г. питейные сборы стали отдаваться на откупа. О степени развитія и размѣрахъ винокуреннаго производства въ половинѣ XVIII ст. можно судить по тому, что на всѣхъ заводахъ въ 1 годъ могло быть выкурено всего только 3.962,741 ведро вина. Въ 1781 г. заготовка вина откупщиками была отмѣнена и сдѣлалась исключительнымъ правомъ казны, которая заготовляла его или на собственныхъ заводахъ, или по подрядамъ; откупщикамъ же предоставлялась только торговля виномъ по цѣнѣ не свыше договоренной съ казною. Цѣна эта колебалась въ предѣлахъ *между 2 и 4 руб.* за ведро. Затѣмъ, въ 1795 году, казна уступила откупу еще часть своихъ правъ по заготовкѣ вина, и откупщики

[1]) При составленіи очерка положенія винокуренной промышленности, мы пользовались только что вышедшимъ трудомъ: «Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи», изданіе министерства финансовъ.

Digitized by Google

получили разрѣшеніе заказывать заводчикамъ вино безъ посредства казны, что поставило ихъ въ болѣе благопріятныя условія. Цѣна вина была *возвышена до 7 руб.* за ведро, откупщики-монополисты наживались, а винокуренная промышленность терпѣла отъ нихъ сильный гнетъ и казенные сборы поступали весьма неисправно. Въ 1819 г. снова было учреждено казенное управленіе въ великороссійскихъ губерніяхъ—вино заготовлялось казною на своихъ заводахъ или заподряжалось у частныхъ заводчиковъ; для продажи вина въ каждомъ городѣ было открыто по одной казенной ведерной лавкѣ и нѣсколько питейныхъ заведеній для дробной продажи. Цѣна на вино была назначена въ 7 руб. за ведро, акцизъ съ хлѣбныхъ водокъ взимался въ размѣрѣ 6 руб. съ ведра, а потребленіе вина въ 1819 году выразилось въ 18.545,531 ведро. Казенное управленіе продолжалось, однако, недолго, такъ какъ при немъ продажа вина сократилась и для поддержанія питейнаго дохода пришлось продажную цѣну вина *увеличить до 8 руб. за ведро.* Такъ, въ 1825 г. потребленіе вина выразилось въ 12.956,797 вед., а въ 1826 оно составляло 11.088,318 ведеръ. Вслѣдствіе такого сокращенія продажи вина, въ 1826 г. откупа были возстановлены вновь, почти на прежнихъ основаніяхъ, именно: вино въ извѣстной пропорціи заготовлялось казною и отпускалось откупщикамъ по опредѣленной цѣнѣ; вино же, превышавшее эту пропорцію, пріобрѣталось откупщиками помимо казны, какъ они находили для себя выгоднымъ. Продажныя цѣны были назначены разныя, смотря по сортамъ, *отъ 8 до 16 руб. ассиг. за ведро.* Въ 1847 г. откупная система была замѣнена системою такъ называемаго акцизно-откупнаго комисіонерства, состоявшаго въ томъ, что взиманіе акцизныхъ сборовъ съ питей по прежнему отдавалось на откупъ, причемъ откупщикъ, взявшій на себя взиманіе этихъ сборовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ становился комисіонеромъ по продажѣ вина. Питейная торговля и при этой системѣ по прежнему оставалась всецѣло въ рукахъ откупщиковъ, которые обогащались продажей собственнаго вина, доходъ же отъ взиманія акцизныхъ сборовъ имѣлъ при этомъ только второстепенное значеніе. Между тѣмъ винокуреніе было совершенно оторвано отъ земледѣлія и развивалось безъ всякаго отношенія къ послѣднему, почти совсѣмъ иногда исчезая въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно могло бы служить поддержкой земледѣлію, и развиваясь тамъ, гдѣ въ винокуреніи не было особенной надобности. Въ 1863 году послѣдовало радикальное измѣненіе въ формахъ взиманія питейныхъ сборовъ и введена была дѣйствующая нынѣ акцизная система взиманія налога со спиртныхъ напитковъ. Въ послѣднее время существованія откупа (т. е. передъ введеніемъ акцизной системы) винокуреніе находилось въ имперіи (за исключеніемъ Польши) въ слѣдующемъ положеніи:

Въ великороссійскихъ губерніяхъ, въ 1860 г., считалось *723* винокуренныхъ завода, хотя и не всѣ изъ нихъ дѣйствовали; общая возможная производительность ихъ опредѣлялась въ 113 мил. ведеръ полугара (т. е. вина въ 38% Тр.), что составляло въ среднемъ болѣе 155,000 ведеръ на заводъ. Среди заводовъ преобладали крупные, средняя выкурка которыхъ была около 100,000 вед. и

Digitized by Google

свыше. Въ привилегированныхъ губерніяхъ, заводовъ считалось въ томъ же году *4,437*, изъ нихъ также нѣкоторые не дѣйствовали; общая средняя производительность этихъ заводовъ достигала 7,700 ведеръ въ годъ. Въ Сибири дѣйствовали 3 казенныхъ завода съ нормальной силой до 1.800,000 ведеръ. Въ прибалтійскихъ губ. преобладали мелкіе заводы со средней ежегодной выкуркой въ 6,000 вед., но число всѣхъ бывшихъ здѣсь заводовъ въ точности неизвѣстно. Что касается польскаго края, то въ 1860 г. здѣсь дѣйствовало до 1897 винокурень, съ годовой производительностью въ 7.800,000 ведеръ полугара.

Со введеніемъ въ 1863 г. акцизной системы, винокуренная промышленность въ Россіи получила широкую свободу, такъ какъ винокуреніе сдѣлалось предметомъ свободнаго предпріятія, а торговля виномъ—предметомъ вольнаго промысла. Налогъ былъ установленъ въ видѣ акциза съ производства и въ видѣ патентнаго сбора съ заводовъ и мѣстъ продажи. Акцизъ съ выкуриваемаго спирта первоначально былъ назначенъ въ 4 коп. съ градуса ($^1/_{000}$ вед.), а для его учета были опредѣлены нормальные выходы спирта изъ всѣхъ употребляемыхъ на винокуреніе матеріаловъ: для хлѣба отъ 24 до 36 град., для картофеля—8—$8,_5$, для свекловицы—$6,_5$—7 град. съ пуда. Все количество спирта, которое заводчику удавалось получить сверхъ нормы (такъ называемый перекуръ) законъ предоставлялъ уже въ его безплатное пользованіе, желая этимъ повліять на совершенствованіе техники производства. Съ другой стороны, заводчиковъ, получавшихъ выходъ ниже нормы (недокуръ), законъ обязывалъ уплачивать акцизъ за весь нормальный выходъ. Послѣдствіемъ новаго положенія дѣла явилось то, что цѣна спирта опредѣлялась количествомъ полученнаго перекура, а это привело къ увеличенію выкурки, къ полной обособленности заводскаго винокуренія отъ сельскаго хозяйства и къ независимости ихъ существованія. Такимъ образомъ, винокуреніе понемногу стало принимать комерческій характеръ и сосредоточилось въ рукахъ капиталистовъ.

Такое ненормальное положеніе дѣла не могло не обратить на себя вниманія правительства, которое рядомъ мѣръ старалось уравновѣсить интересы крупныхъ и мелкихъ заводчиковъ, и постепенно пришло къ признанію главнаго основанія для учета подлежащаго налогу продукта не за нормами выходовъ спирта изъ различныхъ матеріаловъ, а за дѣйствительнымъ количествомъ выкуриваемаго спирта. Но важнѣйшей изъ правительственныхъ мѣръ по винокуренному производству за послѣднее время является законъ 4 іюня 1890 г. о мѣрахъ къ поощренію сельско-хозяйственнаго винокуренія, вступившій въ дѣйствіе 1 іюля 1891 г. Этимъ закономъ предоставляются сельско-хозяйственному винокуренію нѣкоторыя весьма существенныя льготы передъ винокуреніемъ промышленнымъ или комерческимъ.

Чтобы ослабить весьма нежелательное давленіе на сельско-хозяйственное винокуреніе со стороны крупныхъ, по преимуществу промышленныхъ, винокуренныхъ заводовъ, правительство замѣнило безакцизный перекуръ безакцизнымъ отчисленіемъ спирта, сообразно съ дѣйствительными потерями послѣдняго на заводахъ разныхъ ти-

Digitized by Google

повъ и положило предѣлъ развитію крупнаго производства. Наконецъ, въ скоромъ времени, какъ мы сказали выше, на разсмотрѣніе государственнаго совѣта поступитъ проэктъ казенной продажи вина, которой будетъ замѣнена дѣйствующая нынѣ акцизная система. Министерство финансовъ мотивируетъ переходъ къ системѣ государственной монополіи слѣдующими соображеніями: 1) улучшеніемъ качества хлѣбнаго вина въ гигіеническомъ отношеніи, путемъ лучшей его очистки, 2) удешевленіемъ стоимости вина для потребителя, обираемаго нынѣ кабачикомъ; 3) уменьшеніемъ въ народѣ пьянства и увеличеніемъ въ то же время количества потребляемаго имъ вина, путемъ пріученія къ правильному его потребленію; 4) увеличеніемъ дохода государственнаго казначейства путемъ ежегодной выборки въ него 110 мил. руб., которые поступаютъ теперь въ руки торговцевъ вина; 5) уничтоженіемъ тайной выкурки и продажи вина въ тайныхъ притонахъ и шинкахъ, подмѣси вина водою, отпуска вина въ долгъ и т. п.; 6) устраненіемъ спаиванія кулаками крестьянъ при всякихъ сдѣлкахъ съ ихъ обществами и 7) облегченіемъ винокуреннымъ заводамъ сбыта спирта, за который торговцы даютъ въ настоящее время слишкомъ низкія цѣны.

Посмотримъ теперь, какъ развивалась винокуренная промышленность въ Россіи и какіе она давала доходы казнѣ въ теченіе почти 30-лѣтняго примѣненія у насъ питейно-акцизной системы. Со введеніемъ акцизной системы въ 1863 году, акцизъ былъ установленъ въ 4 коп. съ градуса, въ 1864 году—въ 5 коп., въ 1869—6, въ 1874—7, въ 1881—8, въ 1885—9, въ 1888—9¼ и въ 1892 году—въ 10 коп. съ градуса. Акцизнаго сбору поступило:

Годы.	Акцизъ со спирта въ милліон. р.	Годы.	Акцизъ со спирта въ милліон. р.	Весь питейн. акцизсборъ за 14 лѣтъ. Сумма въ руб.
1863	106	1878	189	212.809,370
1864	114	1879	200	228.130,367
1865	112	1880	197	222.328,144
1866	106	1881	205	224.264,227
		размѣръ акц. 8 к. съ гр.		
1867	121	1882	223	251.841,712
1868	121	1883	223	252.644,889
1869	122	1884	217	243.963,663
1870	149	1885	207	231.188,767
		размѣръ акц. 9 к. съ гр.		
1871	156	1886	209	236.917,945
1872	155	1887	229	257.576,217
		размѣръ акц. 9¼ к. съ гр.		
1873	157	1888	237	265.045,981
1874	175	1889	247	274.865,424
1875	173	1890	239	268.307,208
	размѣръ акц. 7 к. съ гр.			
1876	167	1891	220	247.440,851
1877	167			

Въ послѣдніе годы дѣйствія откупной системы, общій доходъ казны съ винокуренія и торговли виномъ едва достигалъ 100 мил.

Digitized by Google

руб.; но, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы, вскорѣ послѣ реформы только одинъ акцизный доходъ превысилъ эту сумму. Приведенныя въ таблицѣ цифры свидѣтельствуютъ о быстромъ ростѣ акциза со спирта, поступленіе котораго за 29 лѣтъ увеличилось почти въ $2^1/_2$ раза.

При введеніи акцизной системы, въ Россіи считалось 6,487 винокуренныхъ заводовъ. За время дѣйствія акцизной системы построено еще 2,106 новыхъ заводовъ, но за тотъ же періодъ изъ числа прежде существовавшихъ закрылось до 4,728 (т. е. 73%), а изъ числа новыхъ—1,053 завода (50%), такъ что нынѣ остается всего 2,742 завода. Большой процентъ закрытія старыхъ заводовъ объясняется тѣмъ, что существовавшіе до 1863 года, преимущественно мелкіе, заводы не удовлетворяли новымъ требованіямъ и, не будучи въ состояніи выдержать конкурренціи съ производствомъ на крупныхъ заводахъ, должны были закрыться. Если взять число винокуренныхъ заводовъ и сопоставить его съ количествомъ выкуреннаго на нихъ спирта, съ показаніемъ при этомъ средней выкурки всѣхъ заводовъ, а также средней выкурки каждаго завода отдѣльно по пятилѣтіямъ, то получимъ слѣдующую таблицу:

Періоды.	Среднее число заводовъ.	Среднее ежегодное кол. ведеръ безводнаго спирта.	Средняя выкурка 1 зав. ведеръ безводнаго спирта.
1866—1871	4,353	29.432,418	6,760
1871—1876	3,460	31.294,434	9,045
1876—1881	2,596	30.729,466	11,840
1881—1886	2,449	32.709,175	13,356
1886—1891	2,107	32.155,966	15,261

Изъ этой таблицы слѣдуетъ, что число заводовъ постоянно уменьшалось и, вмѣсто 4,353 заводовъ, дѣйствовавшихъ, въ среднемъ, въ годъ за первое пятилѣтіе,—въ послѣднее пятилѣтіе приходилось въ годъ всего лишь 2,107 заводовъ; не смотря на такое сокращеніе числа заводовъ, производительность ихъ въ общемъ значительно возрастала, увеличившись за 25 лѣтъ съ 6,760 до 15,261 ведра, въ среднемъ, на заводъ.

Заканчивая обозрѣніе винокуренной промышленности, пожелаемъ, чтобы правительству скорѣе удалось измѣнить ту постановку питейнаго дѣла, съ которой мы встрѣчаемся теперь, и чтобы опытъ примѣненія казенной продажи вина въ 4 губерніяхъ—самарской, уфимской, пермской и оренбургской—далъ достаточно основаній для разрѣшенія вопроса о преимуществахъ этой системы.

Въ послѣднее время, въ нашей текущей печати и въ правительственныхъ сферахъ были возбуждены вопросы, касающіеся нашего крестьянскаго землевладѣнія—мы разумѣемъ неотчуждаемость крестьянскихъ надѣловъ, порядокъ передѣла земель при общинномъ землевладѣніи и круговую поруку. Хотя всѣ эти вопросы относятся къ различнымъ сторонамъ общинной жизни нашихъ крестьянъ, но они должны быть разсматриваемы въ тѣсной связи между собой. Община есть результатъ исторической жизни народа; она обнимаетъ и проникаетъ всѣ стороны народной жизни,—хозяйственныя, финансо-

Digitized by Google

выя, нравственныя, соціальныя. Община — это извѣстный строй жизни, съ которымъ крѣпко сжились цѣлые десятки милліоновъ нашего народа и съ которымъ связаны самые насущные и жизненные его интересы. Когда рѣчь идетъ о такомъ важномъ явленіи народной жизни, имѣющемъ къ тому же столь долгую исторію, необходима крайняя осторожность, и легкомысліе тутъ отнюдь не простительно. Между тѣмъ, у насъ весьма распространено обыкновеніе быстро разрѣшать самые трудные и самые сложные вопросы. Прежде всего мы вообще не можемъ похвастаться знаніемъ народа и его жизни: для однихъ—источникомъ свѣдѣній о народѣ является не живой народный бытъ, а одна только литература; другіе ограничиваются самостоятельнымъ изученіемъ народной жизни... изъ оконъ вагона; третьи, наблюдая эту жизнь въ одномъ какомъ нибудь уголку нашего обширнаго отечества, смѣло высказываются о цѣлой Россіи, совершенно забытая разнохарактерность ея частей и т. д. Все это создаетъ необыкновенную путаницу и сбивчивость, вслѣдствіе которыхъ одно и то же явленіе вызываетъ въ печати и обществѣ совершенно различную оцѣнку. Рѣшаясь высказаться о такой обширной и разнохарактерной странѣ, какой является Россія, мы всегда должны помнить относительность нашихъ выводовъ, мнѣній и взглядовъ, съ одной стороны, и малоизученность нашего отечества—съ другой. Если мы возьмемъ такой сложный вопросъ, какъ упадокъ крестьянскаго благосостоянія, то увидимъ, что въ нашей литературѣ высказывались и даже высказываются теперь смѣлыя мнѣнія, по которымъ означенный фактъ объясняется дѣйствіемъ одной какой нибудь причины. Между тѣмъ, ближайшее знакомство съ дѣломъ обнаруживаетъ всю ошибочность подобнаго мнѣнія, такъ какъ причины упадка крестьянскаго благосостоянія далеко не одинаковы въ различныхъ мѣстахъ Россіи, да и въ одномъ и томъ же мѣстѣ причины упадка не исчерпываются дѣйствіемъ одного какого нибудь факта. То же самое мы должны повторить и о нашемъ общинномъ землевладѣніи, порядки котораго весьма разнообразны и даже измѣнчивы: не только въ двухъ отдѣльныхъ уѣздахъ, но нерѣдко въ двухъ смежныхъ селеніяхъ существуютъ у насъ совершенно различные и постоянно мѣняющіеся обычаи относительно мірскаго пользованія земельными угодьями.

Въ Россіи издавна государственной власти принадлежитъ передовая роль въ экономическихъ движеніяхъ народной жизни. Если требуется крайняя осмотрительность въ мнѣніяхъ относительно обширной и еще малоизученной Россіи, то тѣмъ бо̀льшая осторожность необходима въ непосредственномъ вмѣшательствѣ государства въ жизнь народа: тутъ ломка установившихся отношеній можетъ вызвать серьезныя бѣдствія и явиться причиной ухудшенія условій народной жизни.

Какъ извѣстно, ни одинъ вопросъ русскаго крестьянскаго быта не вызвалъ такой обширной литературы, какъ вопросъ о поземельной крестьянской общинѣ. Разсматривая груду печатнаго матеріала, касающагося крестьянской общины, легко увидѣть два крайнихъ направленія въ оцѣнкѣ ея значенія. Такъ, одни писатели придаютъ господствующей нынѣ въ Россіи формѣ общиннаго владѣнія землею

Digitized by Google

исчерпывающее значеніе и, усматривая нѣкоторые недостатки въ этой формѣ, рѣзко высказываются противъ общины вообще. Другіе, напротивъ того, справедливо стоя за общинное землевладѣніе и видя въ немъ единственное средство въ борьбѣ съ развитіемъ пролетаріата, готовы закрывать глаза на дѣйствительно существующіе недостатки въ сельско-хозяйственныхъ порядкахъ нашего крестьянства. Между тѣмъ, безпристрастный взглядъ на общину приводитъ, по нашему мнѣнію, и къ признанію за ней значенія единственно раціональной поземельной организаціи, и къ сознанію многихъ неудобствъ въ нашихъ сельско-хозяйственныхъ порядкахъ. Прежде всего, значеніе общиннаго строя вытекаетъ изъ развитія при немъ общиннаго духа, которому подчиняется не только хозяйственная, но и духовная жизнь народа. Въ западной Европѣ, гдѣ индивидуализмъ привелъ къ полному расцвѣту капиталистическаго строя, замѣчается уже усиленное развитіе добровольныхъ сельско-хозяйственныхъ союзовъ, которые болѣе успѣшно, чѣмъ отдѣльныя личности, выполняютъ различныя предпріятія и улучшенія, требующія большихъ затратъ. Слагаясь въ организованныя единицы, мелкіе землевладѣльцы могутъ бороться за свое существованіе съ крупными землевладѣльцами, не рискуя быть ими поглощенными. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда въ западной Европѣ хлопочутъ о развитіи общиннаго духа, у насъ въ Россіи приходится доказывать его благотворное значеніе. Затѣмъ общинная форма землевладѣнія предупреждаетъ свободную мобилизацію земли, которая, являясь результатомъ начала личной земельной собственности, дѣйствуетъ весьма вредно на мелкое землевладѣніе. Разъ земля выброшена на рынокъ и обращена въ простой товаръ, она, при неравенствѣ покупательныхъ средствъ, у богатыхъ и бѣдныхъ, мало по малу переходитъ въ руки первыхъ, вслѣдствіе чего обезземеленная масса въ концѣ концѣ обращается въ батраковъ и пролетаріевъ. Между тѣмъ, при общинномъ землевладѣніи, общинникъ не можетъ отчуждать свою часть въ общинной землѣ, такъ что эта форма владѣнія землей является какъ бы страховымъ учрежденіемъ отъ безземелья и бездомности. Итакъ, община есть драгоцѣнное созданіе исторической народной жизни, заключающее въ себѣ не только правильную поземельную организацію, но и основу развитія народнаго общиннаго духа, какъ твердаго оплота противъ разнузданной борьбы частныхъ интересовъ и спекуляціи,—постепенно подкапывающихся подъ мелкую собственность,—и какъ нравственной школы, воспитывающей понятія, стремленія, привычки, потребности, нравы народа. Различные недостатки, съ которыми мы встрѣчаемся въ современной русской общинѣ, не связаны съ сущностью общиннаго землевладѣнія, а потому они и не могутъ служить аргументомъ противъ него.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію трехъ вопросовъ общиннаго землевладѣнія, о которыхъ мы говорили выше.

По газетнымъ извѣстіямъ, государственный совѣтъ утвердилъ законопроэктъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ. Этотъ проэктъ, направленный къ прекращенію возникающаго у насъ обезземеленія крестьянъ, устанавливаетъ слѣдующія правила отно-

Digitized by Google

сительно перехода крестьянскихъ надѣловъ въ постороннія руки: «земли, *отведенныя въ надѣлъ* крестьянъ-собственниковъ всѣхъ наименованій, не могутъ быть отчуждаемы изъ владѣнія сельскихъ обществъ и отдѣльныхъ домохозяевъ *въ руки лицъ, не принадлежащихъ къ сельскому состоянію*, никакими возмездными или безвозмездными способами. Отчужденію, на этомъ основаніи, не подлежатъ также семейные лѣсные участки, отведенные бывшимъ государственнымъ крестьянамъ, на основаніи закона 13 іюня 1873 года. На земли крестьянскаго надѣла не могутъ быть обращаемы взысканія для удовлетворенія претензій къ ихъ владѣльцамъ, какъ постороннихъ лицъ, такъ равно и лицъ, принадлежащихъ къ сельскому состоянію, и земли эти не подлежатъ продажѣ съ публичныхъ торговъ по судебнымъ рѣшеніямъ, состоявшимся въ пользу такихъ лицъ». Изъ этихъ словъ проэкта вытекаетъ, что онъ считаетъ необходимымъ установить преграды процессу обезземеленія крестьянъ-собственниковъ и съ этой цѣлью запрещаетъ переходъ крестьянскихъ надѣловъ въ руки лицъ не сельскаго состоянія. Между тѣмъ, вредное дѣйствіе обезземеленія крестьянъ вовсе не зависитъ отъ того, кто занимается этимъ обезземеленіемъ—крестьянинъ, купецъ или помѣщикъ, а потому законопроэктъ былъ бы значительно полнѣе, еслибы имъ была устранена возможность собиранія надѣловъ и сосредоточенія ихъ въ однѣхъ рукахъ, и притомъ хотя бы въ рукахъ крестьянскихъ. Такимъ образомъ, правительство должно предупреждать переходъ крестьянской земли не только въ не-крестьянскія руки, но и всякую возможность обезземеленія крестьянъ, все равно хотя бы путемъ сосредоточенія многочисленныхъ крестьянскихъ надѣловъ въ рукахъ немногихъ отдѣльныхъ крестьянъ. Послѣдняя цѣль вѣрнѣе всего достигается установленіемъ опредѣленной границы скопленію крестьянскихъ участковъ въ однѣхъ рукахъ, т. е. предѣльной нормою, до которой позволительно лицу сельскаго состоянія скупать надѣлы. Въ законопроэктѣ есть положенія, регулирующія и общинное землевладѣніе, и въ этомъ случаѣ особеннаго вниманія заслуживаетъ отношеніе законопроэкта къ 165 ст. Полож. о выкупѣ, которая весьма разрушительно вліяла на наше общинное землевладѣніе. Не отмѣняя досрочнаго выкупа, новый законъ значительно ограничиваетъ произволъ отдѣльныхъ лицъ, выкупающихъ въ собственность такую часть общинной земли, которая значительно больше надѣла, слѣдующаго имъ по разверсткѣ, соотвѣтственно числу душъ въ ихъ семействахъ. И въ такомъ своемъ видѣ законопроэктъ имѣетъ весьма важное значеніе, но онъ пріобрѣлъ бы еще бо́льшее значеніе, еслибы совершенно отмѣнилъ досрочный выкупъ. Дѣло въ томъ, что земля въ Россіи является кореннымъ источникомъ народнаго благосостоянія, а потому законодательству нашему необходимо запретить всякіе способы открытаго или замаскированнаго отчужденія крестьянами своихъ земель. Наблюденія показали, что ст. 165 Положенія о выкупѣ, предоставляя крестьянину право выдѣлиться изъ состава крестьянскаго общества, если онъ внесъ въ казначейство лежащую на его участкахъ сумму выкупнаго долга,—являлась удобнымъ выходомъ для отчужденія крестьянской земли, такъ какъ досрочный выкупъ

Digitized by Google

производился только для того, чтобы продать землю. Конечно, кромѣ этого способа, въ жизни выработано немало другихъ пріемовъ отчужденія земель, таковы: сдача въ аренду, залогъ земель, продажа инвентаря и проч.

Другой законопроэктъ касается регулированія общинныхъ передѣловъ земли и въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему: сельскимъ обществамъ предполагается воспретить передѣлы земель до составленія и утвержденія надлежащей властью особаго приговора о порядкѣ передѣла. Приговоръ схода о порядкѣ передѣла, составленный большинствомъ домохозяевъ, долженъ быть переданъ земскому начальнику, который повѣряетъ его и представляетъ въ уѣздный съѣздъ вмѣстѣ со своимъ заключеніемъ о правильности или неправильности его, а также и о цѣлесообразности выставленныхъ обществомъ основаній для передѣла земель. Уѣздному съѣзду будетъ принадлежать окончательное рѣшеніе вопроса о передѣлѣ. Сроки для передѣловъ не могутъ быть менѣе 12 лѣтъ, а частные передѣлы и вовсе не будутъ допускаемы.

Новый законопроэктъ, какъ видно, вводитъ значительныя поправки къ существующимъ законоположеніямъ и вызоветъ, несомнѣнно, существенныя измѣненія въ земельныхъ распорядкахъ нашего крестьянства. Первое, что бросается въ глаза въ проэктѣ, это—установленіе вмѣшательства въ дѣла общины. Положеніе 19-го февраля 1861 года и послѣдующія узаконенія признавали полную самостоятельность крестьянскихъ обществъ въ распоряженіи предоставленной имъ надѣльной землей. Но еще сенаторы, ревизовавшіе въ 1880—1881 годахъ нѣкоторыя губерніи европейской Россіи, указывали на произволъ и безпорядокъ, господствующіе при разрѣшеніи дѣлъ, касающихся распоряженія общинными землями. Затѣмъ, тульское губернское земство предлагало въ 1884 г., въ числѣ мѣръ къ улучшенію условій крестьянскаго землевладѣнія, установить обязательные сроки для общихъ передѣловъ (не менѣе 20 лѣтъ). Въ 1888 году, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ бывшаго орловскаго губернатора указывалось на многочисленность жалобъ на произвольное отнятіе сельскими обществами у отдѣльныхъ своихъ членовъ земельныхъ надѣловъ и передачу ихъ другимъ членамъ тѣхъ же обществъ. Наконецъ, въ 1892 году въ министерство внутреннихъ дѣлъ поступило мнѣніе симбирскаго губернскаго земскаго собранія о неправильномъ пользованіи надѣльною землей, какъ объ одной изъ причинъ дурнаго экономическаго положенія крестьянъ. Не смотря на такое свидѣтельство г.г. сенаторовъ, губернаторовъ и земства, мы все таки думаемъ, что община является наилучшей распорядительницей общинной земли, будучи одна только знакома съ подробностями взаимныхъ отношеній общественниковъ, ихъ экономической состоятельности, рабочей силы дворовъ, всѣхъ мѣстныхъ особенностей надѣла, его качества, расположенія и т. д. Всякое другое лицо или учрежденіе, при всемъ своемъ желаніи безпристрастно отнестись къ распредѣленію земли между отдѣльными общинниками, способны лишь внести въ сельскую жизнь массу несправедливостей, что вполнѣ объясняется невозможностью для нихъ вникнуть и оцѣнить всѣ тонкости отношеній членовъ общины между собой. Такимъ образомъ,

Digitized by Google

вмѣшательство извнѣ въ дѣла общины, по нашему мнѣнію, не можетъ привести къ ожидаемымъ результатамъ—къ справедливому распредѣленію общинной земли,—такъ какъ никто, кромѣ общины, не можетъ распорядиться землею сколько нибудь цѣлесообразно. Но есть и другое еще основаніе, по которому сельское общество должно остаться распорядителемъ общинной земли. Дѣло въ томъ, что крестьянская жизнь поставлена въ такія ненормальныя условія, что въ ней возможны всякаго рода несправедливости, неудобства, въ которыхъ, однако, ничуть не повинна община и ея законное право распредѣлять общинную землю по своему усмотрѣнію между отдѣльными членами. Только поверхностное наблюденіе надъ жизнью крестьянъ можетъ привести къ заключенію, что сельское общество, обязанное отвѣтственностью за исправность взноса государственныхъ налоговъ, можетъ хуже распорядиться раздачей земель между своими членами, чѣмъ какое нибудь административное лицо или учрежденіе. Отнять у общины право самостоятельно устраивать свое общинное земельное хозяйство, при существованіи круговой поруки, кажется намъ не только нецѣлесообразнымъ, но даже и несправедливымъ. Какъ вообще опасно вмѣшательство власти въ дѣла общины, видно уже изъ того, что законопроэктъ рекомендуетъ 12-лѣтній срокъ, по прошествіи котораго возможны общіе или коренные передѣлы земли. Законопроэктъ, назначая такой срокъ, имѣлъ въ виду парализовать дурныя послѣдствія частыхъ передѣловъ; между тѣмъ, едва ли возможно установленіе общихъ сроковъ для всей Россіи. Конечно, опять таки поверхностное знакомство съ различными сроками, черезъ которые въ разныхъ мѣстахъ совершаются передѣлы земли, можетъ привести къ заключенію о произвольности ихъ назначенія, но болѣе близкое знакомство указываетъ на то, что въ различныхъ полосахъ и мѣстностяхъ промежутки между передѣлами назначаются, дѣйствительно, разные, но это—отнюдь не простая случайность. Нечего и говорить, что для однихъ мѣстъ 12-лѣтній срокъ будетъ длиненъ, а для другихъ—коротокъ, и общій срокъ для передѣловъ какъ бы молчаливо предполагаетъ однообразіе жизненныхъ условій, чего въ дѣйствительности, конечно, не существуетъ.

Наконецъ, въ нашей печати былъ возбужденъ вопросъ о круговой порукѣ, обезпечивающей сборъ податей въ общинѣ. Большинство органовъ русской печати явились защитниками этого стараго института. И, дѣйствительно, съ какой бы стороны мы ни разсматривали круговую поруку, мы должны признать ея несомнѣнныя достоинства. Въ финансовомъ отношеніи, этотъ институтъ имѣетъ большое значеніе, въ виду особенности нашего бюджета, опирающагося на сборы съ массы народа. Благодаря круговой порукѣ, фиску приходится имѣть дѣло не съ многочисленными плательщиками въ отдѣльности, а съ коллективными плательщиками, вслѣдствіе чего взиманіе податей значительно упрощается и удешевляется. Связанные общей круговой порукой, члены общины надѣлены правомъ раскладки налога между собой, а это послѣднее обстоятельство весьма важно съ хозяйственной стороны, такъ какъ никто. кромѣ самого крестьянскаго общества, не можетъ знать всѣхъ подробностей эко-

Digitized by Google

номическаго состоянія отдѣльныхъ плательщиковъ и быть такъ сильно заинтересованнымъ въ сохраненіи ихъ податныхъ силъ. Кромѣ того, высокое хозяйственное значеніе института круговой поруки вытекаетъ изъ создающагося подъ его вліяніемъ безсознательнаго стремленія массы къ кооперації. Это стремленіе даетъ себя чувствовать всюду и притомъ оказываетъ самое благопріятное вліяніе на развитіе хозяйственной жизни нашего крестьянства.

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Новое правительство во Франціи.—Палата умѣренныхъ республиканцевъ.—Выборныя сцены.—Столкновеніе двухъ націй въ Эгмортѣ.—Безпорядки въ Италіи.—Волненія въ Испаніи и Голландіи.—Конгрессъ соціалистовъ въ Швейцаріи.—Бряцаніе германскаго меча въ Мецѣ.—Нѣмецкая печать, признающая всю Францію помѣшанной.—Либавскій портъ и конверсія золотой ренты.—Освобожденіе русскихъ финансовъ отъ нѣмецкаго гнета.—Мильярды и мильоны будущей войны.—Нѣмецкіе принцы.—Новый англійскій вассалъ Вильгельма II.—Ирландскій билль отвергнутъ палатою лордовъ.—Волненія въ Индіи.—Жиды въ Алжирѣ.—Новые фабричные законы въ Сѣверной Америкѣ.

Франція выбрала себѣ новую палату, которая до 1898 года будетъ править страною. Офиціальнымъ правительствомъ считается тамъ, конечно, президентъ, не имѣющій никакой власти, зато назначающій министровъ, которыхъ прогоняетъ палата. Но если не трудно попасть даже въ первые министры,—для этого достаточно быть только личнымъ пріятелемъ президента, какъ панамецъ Лубэ,—то гораздо труднѣе удержаться на этомъ посту, съ котораго палата можетъ каждую минуту согнать неугодившаго ей правителя. Значитъ, настоящая власть не та, которая даетъ мѣсто, а та, которая позволяетъ сохранить его. Эта же палата, прямое назначеніе которой должно состоять въ контролированіи дѣйствій министровъ, въ надзорѣ за правильнымъ ходомъ дѣлъ, въ утвержденіи законопроэктовъ, сама сочиняетъ ихъ и утверждаетъ вмѣстѣ съ сенатомъ, играющимъ въ администраціи роль ни къ чему не нужнаго пятаго колеса. И вся эта изумительная путаница административныхъ и юридическихъ понятій носитъ названіе парламентской системы. И въ этой системѣ народъ всеобщею подачею голосовъ выбираетъ своими представителями «излюбленныхъ» гражданъ, но только такихъ, которые имѣютъ возможность истратить на свои выборы 60 тысячъ франковъ. Въ послѣднихъ выборахъ не участвовало болѣе половины лицъ, имѣющихъ право быть избирателями, и было замѣтно повсемѣстное равнодушіе къ этому важнѣйшему акту представительнаго режима. Кандидаты, конечно, переругивались между собою въ своихъ программахъ и «платформахъ», но на это никто не обращалъ вниманія. Въ первый день выборовъ оказалось болѣе 180-ти лицъ—цифра не бывалая—подвергавшихся перебаллотировкѣ. Оказались неизбранными

Digitized by Google

даже такія выдающіяся лица, какъ Клемансо, Флокэ, Кассаньякъ. На вторыхъ выборахъ, происходившихъ по закону черезъ двѣ недѣли—эти же лица были окончательно забаллотированы, что, конечно, представляетъ любопытный фактъ. Глава радикаловъ, крушитель министерствъ, и глава бонапартистовъ, не принадлежатъ болѣе къ представителямъ націи, вмѣстѣ съ бывшимъ премьеромъ и президентомъ палаты депутатовъ. Можетъ быть, имъ и удастся еще попасть въ палату при какихъ нибудь дополнительныхъ и замѣстительныхъ выборахъ, но политическая роль ихъ въ странѣ во всякомъ случаѣ кончена и поприще государственной дѣятельности для нихъ навсегда закрыто. Задорный крикунъ Кассаньякъ только производилъ скандалы въ палатѣ и въ странѣ, не желающей и вспоминать о наполеонидахъ, принесшихъ столько зла Франціи. Клемансо, ратовавшій за пролетаріевъ и проживавшій 400,000 франковъ въ годъ, погибъ изъза своего друга Герца, устроителя грандіозной панамской кражи, за участіе въ которой поплатился и фразёръ Флокэ. Но вѣдь выбраны же другіе панамцы: Фрейсинэ, Рувье, Рибо,—вся эта братія, такъ долго и безцеремонно обворовывавшая Францію. Выбраны всѣ члены кабинета Дюпюи и всѣ проходимцы, наживавшіеся темными путями. Выбранъ акробатъ, представлявшій въ балаганахъ роль человѣка-пушки, театральный парикмахеръ Шовенъ; выбранъ даже знаменитый Вильсонъ, торговавшій продажею орденовъ и доходныхъ мѣстъ подъ покровительствомъ своего тестя, втораго президента республики, пока и зятя, и тестя не прогнало общественное мнѣніе. Этотъ послѣдній выборъ до того скандаленъ, что и теперь уже газеты говорятъ о необходимости кассировать его. Большинство въ палатѣ принадлежитъ умѣреннымъ республиканцамъ: ихъ до 400 членовъ; соціалистовъ и радикаловъ 80; консерваторовъ и монархистовъ до сотни. Больше всего надеждъ возлагаютъ на новыхъ лицъ, попавшихъ въ депутаты: ихъ 187. Изъ нихъ выдается только одинъ писатель Мельхіоръ Вогюэ. Леруа-Больё забаллотированъ. Выбраны коммунары: Паскаль Груссэ, Кловисъ Гюгъ и не выбраны такіе убѣжденные радикалы, какъ Пишонъ, Лиссагарэ, Лафаргъ. Бывшій премьеръ Гоблэ прошелъ, какъ соціалистъ. Не выбраны вожди католической партіи: графъ де-Мёнъ и Піу. Панамскіе обличители: Андріё, Делагэ не избраны; той же участи подвергся и антисемитъ Дрюмонъ, дравшійся потомъ на дуэли съ жидомъ Дрейфюсомъ. Дуэль на этотъ разъ была не шуточная: противники не хотѣли стрѣлять по воробьямъ и дрались на шпагахъ. Жиду очень хотѣлось уходить іудофоба, но самъ онъ получилъ двѣ раны и секунданты прекратили поединокъ.

Въ одного изъ кандидатовъ, соціалиста Локруа, выстрѣлилъ изъ револьвера кучеръ, и въ то же время поэтъ, Муръ. Викторъ Гюго когда-то похвалилъ его стихи и даже приглашалъ его къ себѣ на обѣдъ, а Локруа будто бы отказалъ поэтическому возницѣ въ 10-ти франкахъ, и это дало

Digitized by Google

ему поводъ покуситься на жизнь человѣка, не раздѣляющаго политическихъ убѣжденій кучера. Были и еще попытки отвѣчать револьверами на кандидатуру нѣкоторыхъ депутатовъ, но все это обычное явленіе во время выборныхъ агитацій. Какой-то агентъ сыскной полиціи Дюпа, прогнанный со службы, издалъ брошюру, обвиняющую правительство въ томъ, что оно не хотѣло поймать Артона и всячески покровительствовало Герцу, но все это уже старая исторія, и о двуличной роли всѣхъ министерствъ во время панамскаго дѣла давно уже всѣмъ извѣстно. Серьезное столкновеніе возникло близъ Марсели, въ Эгмортѣ, между французскими и итальянскими рабочими. Голодныхъ итальянцевъ приходитъ ежегодно во Францію на работы до двухсотъ тысячъ, но въ то время когда французскіе рабочіе получаютъ не менѣе 10-ти франковъ въ день, итальянцы довольствуются 4-мя. Понятно озлобленіе французовъ, а тутъ еще ихъ конкурренты вступили съ ними въ драку. Тогда взбѣшенная толпа бросилась на пришельцевъ и началась бойня; съ трудомъ удалось войскамъ прекратить кровопролитіе. Причина столкновенія была понятна: французы отстаивали въ своей странѣ право на работу, но итальянцы раздули эту стычку въ политическое дѣло. Въ Римѣ, Неаполѣ, Генуѣ и другихъ городахъ начались демонстраціи противъ французскаго правительства, сопровождаемыя сценами безпорядковъ на улицахъ. Сорваны были французскіе гербы и флаги; въ Римѣ чернь покушалась разрушить домъ французскаго посольства и академію французскихъ художниковъ. Толпу останавливали республиканцы и соціалисты, кричавшіе: «долой тройственный союзъ, долой австрійскаго полковника»! и протестовавшіе противъ оскорбленія Франціи. Толпа, перебившая всѣ стекла въ нижнихъ этажахъ посольскаго дома, кричала: «долой французовъ, смерть убійцамъ! хотимъ войны»! и съ трудомъ была разогнана. Въ войска стрѣляли изъ револьверовъ, бросали камни. Въ Неаполѣ еще раньше началась стачка извощиковъ, уничтожившихъ множество вагоновъ конно-желѣзной дороги. Демонстраціи противъ Франціи только увеличили безпорядки, принявшіе безусловно соціалистскій характеръ. Пробовали грабить частные дома. Большинство итальянскихъ газетъ порицали и безпорядки, и слабость правительства, не умѣвшаго пресѣчь ихъ въ самомъ началѣ; порицали и министерство, члены котораго, по примѣру своихъ прусскихъ коллегъ, предпочитаютъ дѣламъ прелести виледжіатуры. Но выходили также газеты, дѣлавшія все, чтобы правыхъ превратить въ виноватыхъ, и только способствовавшія возбужденію безпорядковъ неумѣренностью своихъ статей.

Французская печать строже отнеслась къ этимъ событіямъ. «Мы не удивляемся,—говоритъ парижская печать,—что итальянцы ненавидятъ въ насъ слишкомъ могущественныхъ друзей прошлаго времени; не удивительно, что Италія забываетъ, что она обречена на финансовую погибель и держится послѣднее время, благодаря поддержкѣ Франціи, но насъ поражаетъ,

Digitized by Google

что итальянцы, бросавшіе въ грязь наши гербы, продолжаютъ позорить французовъ, забывая, что за это могутъ дорого поплатиться ихъ соотечественники, постоянно эмигрирующіе во Францію, положеніе которыхъ зависитъ отъ нашего гостепріимства. Въ 1857 году, во Франціи было 63 тысячи итальянцевъ, а въ 1891 году ихъ было уже слишкомъ 286 тысячъ; изъ нихъ 53 тысячи пришли къ намъ за кускомъ хлѣба, который мы имъ и дали. Бо̀льшая часть этихъ пришельцевъ—бѣдняки, которымъ помогаютъ наши больницы и благотворительныя заведенія. Итальянцы дѣлаютъ видъ, будто не знаютъ этого, но можетъ наступить моментъ, когда французамъ надоѣстъ глядѣть на итальянскія демонстраціи». Нѣмецкія газеты говорятъ, что такого буйства, какъ въ Неаполѣ, не было въ теченіе послѣднихъ 30-ти лѣтъ. Тысячныя толпы истребляли французскіе вывѣски и гербы, остановили спектакли во всѣхъ театрахъ и требовали, чтобы оркестры играли германскій гимнъ; убитыхъ и раненыхъ было очень много. Правительства удовольствовались отставкою марсельскаго мэра и римскаго префекта. Но факты вандализма итальянцевъ, ихъ грубыя и нелѣпыя оскорбленія, относившіяся ко всему народу, не скоро забудутся во Франціи.

Итальянцы никакъ не могутъ развязаться со своей «панамой». Напечатанъ текстъ обвинительнаго акта противъ директора римскаго банка Танлонго, кассира и его племянника, шикарнѣйшаго представителя римской золотой молодежи; но эти синьоры отданы на жертву общественному мнѣнію только для того, чтобы не очень кричали о другихъ, болѣе высоко стоящихъ грабителяхъ. Директоръ съ кассиромъ обвиняются огульно въ фальшивой отчетности по банку, племянничекъ—въ полученіи 5½ милліоновъ лиръ подъ ничего не стоющіе векселя. Изъ билетовъ, незаконно выпущенныхъ римскимъ банкомъ на 65 милліоновъ—421,000 билетовъ, безусловно фальшивыхъ, заготовленныхъ директоромъ въ Лондонѣ. Чтобы не обнаружилась кража въ банкѣ, Танлонго подкупалъ министровъ, депутатовъ и журналистовъ. Обвинительный актъ говоритъ, что большинство этихъ лицъ «пользовалось любезностью банка, не считая, что̀ переходитъ границы дозволеннаго», но, однако, между этими лицами съ покладистой совѣстью встрѣчаются министры: Депретисъ, Гримальди, Микели, Ратацци, депутаты: Никотера, два сына Гарибальди—Ричіотти и Менотти, Динья, Камбраи, романистка Матильда Серао и ужь, конечно, журналисты изъ евреевъ—Люццати, Арбиби и др.

Въ Испаніи, во многихъ городахъ возникли волненія, сильно озабочивающія правительство. Въ сѣверныхъ провинціяхъ есть признаки карлистскаго движенія и борьбы за старинныя привилегіи (фуеросы). Въ Витторіи были крупные народные безпорядки, вслѣдствіе недовольства новыми и все возрастающими налогами. Военный губернаторъ и префектъ были ранены камнями; такія же манифестаціи были и въ Наваррѣ, но

Digitized by Google

сильнѣе всего безпорядки были въ Санъ-Себастьянѣ. Тамъ они приняли чисто анархистскій характеръ и съ трудомъ были усмирены войсками.

Народныя волненія произошли въ Гарлемѣ, но чисто по винѣ полиціи. Тамъ была ярмарка и полиція потребовала вечеромъ закрытія представленій. Народъ воспротивился этому и въ него начали стрѣлять; это, конечно, только усилило волненіе, для усмиренія котораго была вызвана кавалерія, начавшая разгонять народъ сабельными ударами; много было раненыхъ и арестованныхъ.

Въ Цюрихѣ происходилъ международный конгрессъ соціалистовъ. Швейцарцы и нѣмцы отказались принять въ свою среду анархистовъ, называвшихъ себя «независимыми». Бурныя пренія возникли о томъ: допускать ихъ или нѣтъ въ засѣданія конгресса. За нихъ стояли делегаты Франціи, Англіи и Голландіи, но анархисты все таки были удалены и вышли изъ залы съ громкими протестами. Рѣшено поддерживать: стачки, празднованіе 1-го мая, рабочій день въ 8-мъ часовъ. Объединеніе всѣхъ рабочихъ должно произойти при посредствѣ международнаго союза «биржъ труда» всѣхъ націй. Будущій конгрессъ соціалистовъ соберется въ 1895 году въ Лондонѣ.

Вильгельмъ II опять чувствительно побряцалъ оружіемъ въ своемъ добромъ городѣ Мецѣ, который дѣдъ его оттянулъ отъ Франціи послѣ постыдной сдачи крѣпости, никогда не принадлежавшей нѣмцамъ. Въ первой рѣчи своей императоръ говорилъ въ весьма миролюбивомъ тонѣ, явно стараясь подчеркнуть отсутствіе всякой задней мысли воинственнаго характера въ нынѣшнихъ маневрахъ нѣмецкихъ войскъ, театромъ которыхъ онъ избралъ однако Лотарингію, на самой французской границѣ. Но на другой же день передъ своими войсками онъ отличился краснорѣчіемъ уже далеко не такого благодушнаго характера и категорически объявилъ лотарингцамъ, всегда считавшимъ себя французами, что «они нѣмцы и останутся нѣмцами съ помощью божьею и нѣмецкаго меча». Зачѣмъ понадобилась воинственному оратору эта уже вовсе не миролюбивая угроза мечемъ—понять трудно. Ясно только, что это прямая угроза французамъ, точно также, какъ и настойчивое приглашеніе наслѣдника итальянскаго престола—участвовать въ маневрахъ на землѣ, еще такъ недавно принадлежавшей Франціи. Сынъ Гумберта долго не хотѣлъ ѣхать на эти маневры, но Каприви объявилъ прямо, что это воля императора. Понятно, что покорный слуга тройственнаго союза не могъ отказаться отъ любезнаго приглашенія своего сюзерена, но еще понятнѣе, какъ глубоко долженъ былъ оскорбить Францію поступокъ страны, за освобожденіе которой французы проливали свою кровь. Что бы заговорили итальянцы, еслибы, во время владычества австрійцевъ въ Италіи, французскій наслѣдникъ пріѣхалъ на ихъ маневры въ Миланъ? А между тѣмъ французы очень сдержанно относятся къ поступку принца неаполитанскаго, и говорятъ, что нисколько не оскорблены, хотя и не забудутъ этого.

Digitized by Google

Бряцаніе германскаго меча въ Мецѣ, по словамъ французскихъ газетъ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что въ самый день торжественнаго въѣзда императора въ Мецъ, въ многочисленной свитѣ итальянскаго и всякихъ нѣмецкихъ принцевъ, получено официальное извѣстіе, что русская эскадра придетъ въ Тулонъ 1-го октября, для отдачи кронштадтскаго визита. Это извѣстіе и грандіозныя приготовленія къ празднованію прибытія русскихъ судовъ до того вывели изъ себя нѣмецкую печать, что она назвала всѣхъ французовъ помѣшанными и совѣтуетъ надѣть на нихъ рубашку для сумашедшихъ. Заодно ужь, конечно, достается и Россіи, и не только за визитъ русскаго флота, но также и за устройство военнаго порта въ Либавѣ, и за то, что русскій хлѣбъ не падаетъ въ цѣнѣ, не смотря на таможенную войну, и даже за удачную конверсію нашей золотой шестипроцентной ренты въ четырехпроцентную, безъ участія берлинскихъ банкировъ. Но если сужденія французовъ о неприличности посѣщенія Меца сыномъ итальянскаго короля нѣмецкая печать называетъ полнымъ умопомѣшательствомъ всей націи, которую давно пора охладить холодными душами и заключеніемъ въ больничную рубашку, то французская печать имѣла полное основаніе отвѣтить: «мы сохранимъ русскій флотъ и предоставляемъ Вильгельму неаполитанскаго принца». Только менѣе умѣренные органы выражаются нѣсколько сильнѣе: «мы желали бы глядѣть безъ раздраженія на нашу восточную границу. Но намъ съ обидною настойчивостью указываютъ на тройственный союзъ, на Мецъ, гдѣ внукъ Виктора Эммануила своимъ услужливымъ присутствіемъ и вассальнымъ низкопоклонствомъ подтверждаетъ искалѣченіе Франціи. Какой это урокъ для тѣхъ, кто еще вѣритъ въ возможность братства и мира! Только союзъ съ Россіей можетъ поколебать заговоръ нашихъ враговъ и установить равновѣсіе въ Европѣ. Но до тѣхъ поръ, пока этотъ союзъ практически не осуществится, всѣ возлагаемыя на него надѣжды останутся въ области фантазіи. Устойчивость нынѣшней французской политики доказывается низверженіемъ Клемансо и его товарищей, измѣнически подрывавшихъ достоинство Франціи». Даже англійская печать, поющая въ унисонъ съ нѣмецкою, находитъ, что, «принимая во вниманіе чувствительность французовъ, приходится искренно сожалѣть о маневрахъ въ Мецѣ. Императоръ могъ бы посѣтить этотъ городъ въ другое время и армія его ничего не потеряла бы, еслибъ для ея упражненій выбрано было другое мѣсто». Только консервативныя газеты въ родѣ «Стандарта», признавая, что Франція велика, сильна и уважаема, увѣряютъ, что вооруженія Франціи заставляютъ Германію дѣлать безконечныя и тягостныя военныя затраты. Но вѣдь починъ жестокаго милитаризма выходитъ постоянно изъ Берлина, и въ Парижѣ никто не произноситъ волнующихъ Европу рѣчей о торжествѣ меча.

Говоря о либавскомъ портѣ, прусско-жидовскія газеты называютъ

Digitized by Google

закладку порта «маленькимъ и пріятнымъ сюрпризомъ панславистамъ» и увѣряютъ, что между ними поднялась шовинистская агитація. Нечего и говорить, что панслависты приплетены тутъ ни къ селу, ни къ городу, а если называть либавскій военный портъ сюрпризомъ, то во всякомъ случаѣ это большой сюрпризъ, а не маленькій. Другія газеты увѣряютъ, что Либава создана только для опоры противъ нѣмцевъ. «Berliner-Tageblatt» напоминаетъ объ армадѣ Филиппа II и прибавляетъ: «Балтійское море еще не сдѣлалось русскимъ, и если Богъ и нѣмцы этого не захотятъ, никогда оно русскимъ и не будетъ». Что за смѣсь вздора съ фарисействомъ! Армада испанцевъ была разбита не врагомъ, а бурей, которая легко можетъ погубить и нѣмецкій флотъ. Что за страсть вплетать во все Бога, который, по смыслу газетной фразы, не можетъ обойтись безъ нѣмцевъ, чтобы помѣшать русскимъ господствовать на Балтійскомъ морѣ. Только австрійскія газеты находятъ, что «опасенія прусскихъ шовинистовъ чрезвычайно преувеличены. Если въ приказѣ по балтійскому флоту сказано, что въ новой незамерзающей гавани онъ съумѣетъ дать отпоръ нападенію на русскіе берега и укрѣпитъ въ Балтійскомъ морѣ власть русскаго флага, то противъ этого никто ничего не можетъ возразить». О конверсіи прусскія газеты говорятъ, что «новый русскій министръ финансовъ хотѣлъ доказать, не прибѣгая къ Берлину, что русскій денежный рынокъ независимъ отъ Германіи. Возможно также, что нѣмецкое правительство запретило нѣмецкимъ капиталистамъ участвовать въ конверсіи, наконецъ, и просто банкирскій домъ, занимавшійся русскими займами, не нашелъ для себя выгоднымъ участвовать въ нихъ теперь. Намъ было бы всего пріятнѣе, еслибы здѣсь играла роль только эта третья причина». Понятно, что это было бы для нихъ всего пріятнѣе, но, повидимому, эта конверсія доказываетъ, что Россія хочетъ быть совершенно независимой отъ берлинскаго денежнаго рынка. Припомнимъ только нѣсколько цифръ изъ этого вліянія. Наканунѣ перехода русскихъ фондовъ на денежный рынокъ Парижа, въ 1887 году, нашъ 4% заемъ котировался 77,75%; съ переходомъ же нашихъ фондовъ въ Парижъ, тотъ же заемъ поднялся до 98,75%; тогда какъ итальянская рента, размѣщенная во Франціи, котировалась по 95%, а, перейдя къ союзникамъ въ Берлинъ, котируется по 84%. Италія могла бы подумать, какъ невыгодна для нея дружба Германіи, хотя бы въ финансовомъ отношеніи.

Не зная, чѣмъ угрожать намъ, нѣмцы увѣряютъ, что Вильгельмъ отправится въ Стокгольмъ заключать союзъ съ Швеціею и превратитъ тройной союзъ въ четверной. Другія газеты увѣряютъ, что Италія уступаетъ Германіи островъ на Средиземномъ морѣ для устройства станціи нѣмецкаго флота, который могъ бы противодѣйствовать вліянію русской эскадры, устраивающей постоянную морскую станцію въ одномъ изъ городовъ Корсики. Нѣмцы заботливо увеличиваютъ и свои морскія силы,

Digitized by Google

такъ какъ сухопутныя трудно уже увеличить. Въ 1869 году во всѣхъ европейскихъ арміяхъ было 2 милліона 200 тысячъ солдатъ, въ 1892 году ихъ 3 милліона 417 тысячъ; но еслибы возгорѣлась война, то полная мобилизація въ Европѣ поставила бы 12-ть милліоновъ солдатъ, а еслибы удалось провести всѣ задуманные проэкты военнаго дѣла, то имѣлось бы на лицо болѣе 22 милліоновъ (!!) Любопытно, что въ послѣднее время Франція увеличила свои военныя силы на 30%, тогда какъ бѣдная Италія на 130%. Издержки на армію въ Европѣ, въ 1869 году, равнялись 2-мъ милліардамъ, а въ 1892 году 4-мъ милліардамъ. Зато европейскія государства платятъ ежегодно по своимъ займамъ до 3-хъ милліардовъ 200 милліоновъ. И все это, благодаря прусскому милитаризму, продолжающему, между прочимъ, обращаться съ солдатами самымъ варварскимъ образомъ. Такъ, по словамъ «Мюнхенской почты», въ прошломъ году поступило 84 жалобы солдатъ на дурное обращеніе съ ними. По разслѣдованію, подверглись взысканію 7 офицеровъ и 63 унтеръ-офицера. Большое волненіе въ нѣмецкомъ обществѣ произвело вступленіе въ монахи саксонскаго принца Максимиліана, племянника короля Альберта. 23-лѣтній принцъ влюбился въ младшую сестру германской императрицы, но Вильгельмъ не согласился на бракъ, по причинѣ различія вѣроисповѣданій, за что католики очень недовольны императоромъ. Зато двоюродный дядя Вильгельма II, прусскій принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ, 73-хъ лѣтъ женился на 18-лѣтней актрисѣ, игравшей роли субретокъ на театрѣ Kärtner-Platz.

Въ маленькомъ нѣмецкомъ герцогствѣ, занимающемъ всего 35 квадратныхъ миль, произошла перемѣна правителя: умеръ владѣтельный герцогъ Эрнстъ, 75 лѣтъ, человѣкъ добродушный, любитель наукъ и искусствъ, либеральный въ молодости, консерваторъ подъ старость, оставившій даже два тома мемуаровъ, появившихся три года назадъ, довольно скучныхъ, плохо написанныхъ, но вполнѣ благонамѣренныхъ и безъ всякихъ разоблаченій, неприличныхъ для вѣнценосца, хотя и бывшаго участника въ переворотахъ, измѣнившихъ судьбу его отечества. Бывши близкимъ лицомъ къ старому Вильгельму I, онъ имѣлъ сначала нѣкоторое вліяніе и на его внука, вмѣстѣ съ Луитпольдомъ, регентомъ баварскимъ, и королемъ саксонскимъ. Съ тѣхъ поръ какъ германскій императоръ взялъ себѣ девизомъ: «нѣтъ закона выше воли монарха», вліяніе это, конечно, исчезло; но несомнѣнно, что, при началѣ новаго царствованія, герцогу Эрнсту удалось удержать отъ черезчуръ рѣзкихъ мѣръ своего юнаго племянника, раздраженнаго нелюбезнымъ пріемомъ въ Парижѣ его матери. Потомъ, подчиняясь мало по малу прусской дисциплинѣ, герцогъ сдѣлался только покорнымъ исполнителемъ императорскихъ вожделѣній, принявшихъ такое деспотическое направленіе, что отъ какихъ либо совѣтовъ Selbstherrscher'у, упоенному своимъ могуществомъ, уклонились: его мать, почти совсѣмъ по-

Digitized by Google

кинувшая берлинскій дворъ; королева Викторія, какъ представительница иностранной державы, не имѣющей права вмѣшиваться въ планы Германіи; императрица Августа-Викторія, исключительно мать и супруга, даже вовсе не интересующаяся политикой и посвящающая все свое время дѣтямъ. Послѣ нихъ, однимъ изъ интимнѣйшихъ друзей Вильгельма II былъ мужъ старшей сестры его, наслѣдный принцъ мейнингенскій Бернгардъ, но и тотъ, потерявъ, вѣроятно, всякую надежду на смягченіе безграничнаго самовластія, недавно подалъ въ отставку отъ всѣхъ должностей и окончательно оставилъ Берлинъ, гдѣ теперь «новому курсу» не представляется ни малѣйшаго препятствія. Больше всего Вильгельмъ II боится дать поводъ думать, что онъ когда нибудь и въ чемъ нибудь могъ дѣйствовать несамостоятельно. Придворные прямо утверждаютъ, что достаточно распространившагося въ публикѣ мнѣнія о томъ, что тотъ или другой совѣтникъ монарха имѣетъ на него вліяніе, чтобы лишить этого совѣтника высочайшей милости. Этимъ объясняется внезапное удаленіе графа Вальдерзее изъ Берлина, хотя Вильгельмъ, будучи принцемъ, былъ съ нимъ на «ты», и жена его была лучшимъ другомъ императрицы. Недаромъ прусскій министръ финансовъ Микель просилъ газеты, чтобы онѣ ничего не говорили объ немъ. Только этимъ средствомъ онъ и другія правительственныя лица удерживаются на своихъ мѣстахъ. Герцогъ Эрнстъ сказалъ въ своихъ мемуарахъ: «въ наше время человѣка возвышаютъ внутреннія достоинства, а не случайность его рожденія»—и оставался вѣренъ въ жизни этому правилу. Писатель Густавъ Фрейтагъ былъ его искреннимъ другомъ. Онъ оставался въ хорошихъ отношеніяхъ съ Бисмаркомъ, хотя и ходили слухи, что въ его отставкѣ Эрнстъ принималъ большое участіе. У герцога не было дѣтей, и это повело къ довольно странному политическому явленію: на престолъ нѣмецкаго герцогства вступилъ англійскій принцъ, племянникъ покойнаго, второй сынъ Викторіи, принцъ Альфредъ Эдинбургскій, начальникъ всего англійскаго флота. Отъ этого послѣдняго званія онъ долженъ былъ отказаться, принеся присягу на вѣрность Вильгельму II и германской имперіи. Такимъ образомъ, сынъ англійской королевы, индійской императрицы, сдѣлался вассаломъ нѣмецкаго императора. Для чего нужно было принцу Альфреду мѣнять свое почетное, независимое положеніе на роль мелкаго подвластнаго герцога—непонятно. Родственныя отношенія въ политикѣ не принимаются во вниманіе, но вѣдь все таки англійскій принцъ, вѣроятно, призадумался бы, еслибы горсть кобургъ-готскихъ солдатъ, которыми онъ командуетъ, получила вдругъ приказъ участвовать въ высадкѣ въ Англію. Всѣхъ удивило его желаніе сдѣлаться нѣмецкимъ герцогомъ; всѣ были убѣждены, что онъ передастъ этотъ микроскопическій престолъ своему сыну, хотя и несовершеннолѣтнему. Но онъ поспѣшилъ вступить въ ряды нѣмецкихъ князей, чѣмъ всего болѣе недовольны князья саксенъ-мейнингенскіе, титуловавшіеся всегда герцог-

Digitized by Google

скимъ высочествомъ, какъ и кобургъ-готскіе, а теперь принужденные уступить первое мѣсто его королевскому высочеству принцу Альфреду Эдинбургскому.

Послѣ всѣхъ громадныхъ усилій Гладстона къ проведенію ирландскаго билля, палата лордовъ, громаднымъ большинствомъ 419-ти голосовъ противъ 41, отвергла билль во второмъ чтеніи, посвятивъ однако четыре дня на его обсужденіе. Что будетъ дѣлать теперь маститый вождь либеральной партіи, въ виду такой упорной оппозиціи? Назначить новыхъ 380 членовъ палаты лордовъ, чтобы уравновѣсить большинство — не мыслимо; остается только внѣ парламентская агитація, путемъ такъ называемыхъ «митинговъ негодованія», или распущеніе парламента. На послѣднемъ средствѣ настаивалъ особенно глава консерваторовъ герцогъ Девонширскій, бывшій маркизъ Гартингтонъ, говорившій отъ имени оппозиціи. Но эта мѣра была бы невыгодна для Гладстона, и онъ объявилъ, что представитъ въ палату лордовъ еще нѣсколько либеральныхъ законопроэктовъ и отложитъ на время ирландскій билль, представивъ его вторично на утвержденіе лордовъ вмѣстѣ съ другими реформами, между которыми на первомъ планѣ стоитъ билль объ отвѣтственности работодателей за увѣчье рабочихъ и билль о приходскихъ совѣтахъ, имѣющій цѣлью положить конецъ аномаліи муниципальной организаціи англійскихъ городовъ и прежде всего Лондона. Мѣры эти будутъ, конечно, также отвергнуты лордами, не смотря на ихъ популярность, и тогда-то уже Гладстонъ обратится къ націи и распуститъ парламентъ съ увѣренностью, что Англія станетъ на его сторону и уничтожитъ оппозицію лордовъ. Но на все это нужно время, а вести упорную борьбу, хотя и съ непреклонной настойчивостью, не легко въ 85 лѣтъ. Въ англійской Индіи во многихъ мѣстностяхъ длились кровавыя столкновенія, потребовавшія вмѣшательства европейскихъ войскъ. Англійскія телеграммы приписывали безпорядки столкновенію индусовъ съ мусульманами. Послѣдователи религіи Брамы сожгли двѣ мечети въ Бомбеѣ, а мусульмане—4 браминскихъ храма. Мусульмане постоянно враждуютъ въ Индіи съ туземцами, въ ожиданіи, пока имъ можно будетъ сообща подняться на своихъ европейскихъ притѣснителей. Въ Остъ-Индіи имѣетъ огромную власть тайное политическое общество, въ которомъ громадное число членовъ—послѣдователей браминизма, подготовляющихъ, по увѣренію англичанъ, поголовное возстаніе индусовъ.

Въ Алжирѣ большое волненіе. Причина его—жиды, явившіеся и тутъ со своими продѣлками, какъ и въ другихъ странахъ, гдѣ скопляется сколько нибудь значительное число этого паразитнаго племени. Въ прошломъ году саранча поѣла въ Алжирѣ хлѣбные посѣвы до того, что правительство принуждено было снабжать населеніе зерномъ для обсѣмененія. Ростовщики, конечно, тотчасъ воспользовались этимъ, и бо́льшая часть новой жатвы оказалась въ жидовскихъ рукахъ. Евреевъ въ Алжирѣ не

Digitized by Google

особенно много, до 43 тысячъ, т. е. одинъ процентъ общаго количества мѣстнаго населенія, простирающагося до 3 милліоновъ 750 тысячъ. Но алжирская среда особенно благопріятна проявленію спеціальныхъ жидовскихъ свойствъ. Въ самой Франціи жидовъ еще меньше, всего до 170 тысячъ изъ 39 милліоновъ жителей, но и тамъ, не смотря на дѣловое, разсчетливое и экономное населеніе, жиды эксплуатируютъ его, прибравъ къ рукамъ печать и биржу, пробравшись въ судъ, въ администрацію, взобравшись на депутатскія и сенаторскія скамьи. Если жидовскому нашествію удалось послѣ 1870 года заполонить самую Францію, то легко представить безцеремонность ихъ продѣлокъ въ Алжирѣ, гдѣ они эксплуатируютъ пугливую и темную туземную массу. И теперь эта масса, не смотря на свою загнанность, поднимается противъ своихъ притѣснителей, которымъ бывшій министръ, жидъ Кремьё, предоставилъ въ Алжирѣ всѣ гражданскія права французовъ еще во время существованія правительства народной обороны, въ которомъ однако изъ 14 членовъ только 4 согласились признать жидовъ равноправными съ французами.

Три мѣсяца назадъ, мы говорили о процессѣ, возникшемъ въ Вѣнѣ по поводу обвиненія выкрестомъ изъ жидовъ, Павломъ Мейеромъ, нашего островскаго раввина въ царствѣ польскомъ въ убійствѣ христіанскаго мальчика съ ритуальною цѣлью. Обвиненіе это, поддержанное патеромъ Декертомъ и католическою газетою «Vaterland», надѣлало много шума въ Германіи, но, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, осталось недоказаннымъ и процессъ кончился ничѣмъ. Жиды умѣютъ такъ искусно прятать концы въ воду, что имъ сходятъ съ рукъ самыя возмутительныя преступленія. Процессъ выказалъ только наглость крещенаго жида, вздумавшаго увѣрять, что онъ ничего не знаетъ объ убійствѣ и никогда не писалъ объ немъ статей ни въ «Vaterland», ни въ другія газеты. На судѣ однако его уличили, что онъ доставлялъ извѣстія въ разныя изданія объ этомъ дѣлѣ, а патеръ Декертъ заявилъ, что онъ сдѣлался жертвою мошеннической продѣлки Мейера. Редакторъ «Фатерланда» Доль присужденъ къ 200 гульденовъ штрафа за распространеніе въ этой газетѣ ложнаго извѣстія, Декертъ къ 400 гульденовъ, а Мейеръ къ четырехмѣсячному аресту—за оскорбленіе чести умершаго островскаго раввина и его родственниковъ.

Давно уже опредѣлилось, что выставка въ Чикаго не дастъ тѣхъ блестящихъ результатовъ, какихъ отъ нея ожидали американцы. Даже пріѣзжихъ въ новый свѣтъ туристовъ было не больше обыкновеннаго, т. е. до 25-ти тысячъ человѣкъ. Эта скромная цифра лучше всего свидѣтельствуетъ, что переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ далеко не всѣмъ по карману. Но замѣчательно, что и число переселенцевъ сравнительно съ прошлымъ годомъ упало почти на четверть: съ 619 тысячъ на 437 тысячъ. Немудрено, что финансовое положеніе не процвѣтаетъ въ Америкѣ. И только комерческо-промышленная жизнь обнаруживаетъ

Digitized by Google

свою всегдашнюю дѣятельность. Этому содѣйствуютъ новые фабричные законы, касающіеся тѣхъ промышленныхъ учрежденій, которыя пользуются работою женщинъ и дѣтей. По новымъ постановленіямъ, въ частныхъ жилищахъ не позволяется приготовлять никакихъ принадлежностей костюма и вообще открывать что либо въ родѣ фабрики. Въ квартирѣ могутъ работать только члены живущей въ ней семьи, а если для этого приглашенъ въ нее посторонній человѣкъ, его уже нельзя посадить въ жилой комнатѣ, а должно устроить спеціальную мастерскую, согласно съ санитарными и техническими предписаніями. Этотъ законъ упраздняетъ грязные углы, гдѣ въ большихъ городахъ шьются принадлежности мужскихъ и женскихъ костюмовъ, и откуда нерѣдко распространяются заразныя болѣзни. Дѣти, не достигшія 14-ти лѣтъ, вовсе не допускаются къ работѣ въ мастерскихъ и на фабрикахъ, и до 16-ти лѣтъ не могутъ заниматься свыше 8 часовъ въ день или 48-ми въ недѣлю. То же постановленіе относится и къ женской работѣ. Дѣти, сверхъ того, должны имѣть врачебныя свидѣтельства, удостовѣряющія, что здоровье позволяетъ имъ заниматься фабричной работой. За исполненіемъ работы наблюдаютъ фабричные инспектора; число ихъ, однако, очень не велико: такъ, въ штатѣ Иллинойсъ съ громадными промышленными заведеніями главнымъ инспекторомъ состоитъ дама—Келли, дочь депутата, бывшая замужемъ за русскимъ врачемъ и учившаяся въ нѣмецкомъ университетѣ; помощникомъ у нея также дама—Стивенсъ, редакторъ газеты для рабочихъ. Изъ десяти младшихъ помощниковъ пятеро женскаго пола, изъ мужчинъ—портной Бисно, русскій еврей и извѣстный агитаторъ въ Чикаго. Жиды и тамъ проползаютъ, всюду, гдѣ только можно сдѣлать какой нибудь гешефтъ нечестными путями.

НОВЫЯ КНИГИ.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1086—1796) *Е. Лихачевой.* 1890.

Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи (1796—1828) *Е. Лихачевой.* 1893. Время императрицы Маріи Ѳедоровны.

Свое выдающееся изслѣдованіе, составляющее цѣнный вкладъ въ исторіи русской педагогики, авторъ начинаетъ замѣткой, что мы, въ отношеніи средняго и высшаго женскаго образованія, стояли до восьмидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія—впереди всѣхъ европейскихъ государствъ, и этимъ мы обязаны Екатеринѣ II и продолжательницѣ ея дѣла—Маріи Ѳедоровнѣ. Каждая изъ этихъ императрицъ въ теченіе 32 лѣтъ стояла

Digitized by Google

во главѣ управленія женскими заведеніями и ровно столько же лѣтъ завѣдывала ими Александра Ѳедоровна; но изслѣдованія г-жи Лихачевой останавливаются на эпохѣ императрицы Маріи, сдѣлавшей, дѣйствительно, у насъ чрезвычайно много для развитія средняго образованія дѣвушекъ. Исторіи женскихъ учебныхъ заведеній, какъ правительственныхъ, такъ и частныхъ, у насъ нѣтъ, хотя матеріаловъ для нея немало въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ, но обнародованы только мелкіе, отрывочные факты. Собрать и сгруппировать ихъ, а также сдѣлать извѣстными хоть часть ненапечатанныхъ данныхъ взялась г-жа Лихачева и выполнила свою задачу чрезвычайно отчетливо и добросовѣстно, хотя, конечно, собранный ею матерьялъ, не подвергавшійся въ теченіе столѣтій никакой разработкѣ, далеко не полонъ. Пробѣлы особенно замѣтны въ первой части труда, относящейся къ допетровской эпохѣ, данныя которой не только очень бѣдны, но и мало достовѣрны. Не смотря на это, авторъ высказываетъ мысль, что до Петра, когда образованіемъ у насъ считалась только грамотность и начитанность въ духовныхъ книгахъ, такое образованіе было доступно на Руси и женщинамъ, участвовавшимъ такимъ образомъ въ общемъ просвѣщеніи страны. Это положеніе г-жа Лихачева доказываетъ данными, которыя, однако, нельзя назвать вполнѣ убѣдительными и неоспоримыми. Такъ, весьма сомнительно свидѣтельство немногихъ лѣтописцевъ о новгородской школѣ, открытой Ярославомъ въ 1025 году для 300 дѣтей, и основаніе въ 1086 году въ Кіевѣ, при Андреевскомъ монастырѣ, женскаго училища княжною инокинею Янкою (Анной) Всеволодовной. Если дѣти и внуки Владиміра были грамотны, а дочери Ярослава вышли за королей: французскаго, норвежскаго и венгерскаго,—о чемъ сообщала даже въ Чикаго на лекціяхъ какая-то американка своимъ соотечественницамъ,—изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы образованіе, даваемое княжескимъ дѣтямъ, распространялось и на женщинъ, хотя въ XI вѣкѣ женскаго затворничества еще не было, и г-жа Лихачева не безъ ироніи замѣчаетъ, что «вѣдь тогда византійскій взглядъ на женщинъ, какъ на начало грѣха, отъ котораго всѣ умираемъ, еще не укрѣпился у насъ окончательно». При недостаткѣ свѣдѣній о женскомъ развитіи, авторъ уже во второй главѣ переходитъ къ XVII столѣтію, говоритъ о положеніи женщинъ на западѣ въ средніе вѣка, о судахъ любви, о мнѣніяхъ относительно женскаго образованія, высказываемыхъ въ западной литературѣ. Эпоха Петра и его преемниковъ обрисована рельефно, хотя и сжато; въ періодъ царствованія Екатерины обращено вниманіе на состояніе общества, на мнѣнія журналовъ и писателей, Щербатова, Болотова, Новикова, Карамзина. Исторія Смольнаго монастыря передана съ любопытными подробностями, хотя причины охлажденія императрицы къ этому заведенію выяснены недостаточно. Дѣятельность Маріи Ѳедоровны по женскому образованію была гораздо значительнѣе и существеннѣе, и описана еще подробнѣе. Тутъ разби-

Digitized by Google

раются и отношенія литературы къ образованію въ институтахъ, приводятся сужденія Вигеля, Полеваго, Сухомлинова, Никитенки. Послѣдній, въ своемъ дневникѣ, подтверждаетъ, что ученицы Смольнаго и Екатерининскаго института гораздо образованнѣе барышень, воспитанныхъ въ гостинныхъ. Авторъ говоритъ и о частныхъ женскихъ пансіонахъ, и о домашнемъ воспитаніи дѣвушекъ, и объ образованіи женщинъ высшихъ классовъ, объ ученыхъ женщинахъ и женщинахъ-писательницахъ. Нельзя сказать, чтобы г-жа Лихачева смотрѣла на свой предметъ оптимистически. Она говоритъ прямо, что нельзя доказать фактами: оправдали ли женщины ожиданія Карамзина въ отношеніи облагороженія вкусовъ и нравовъ современнаго имъ общества. Полевой и Пушкинъ признавали нашихъ женщинъ образованнѣе мужчинъ. Въ заключеніе своего замѣчательнаго труда, г-жа Лихачева указываетъ на А. Блудову, какъ на образецъ серьезнаго воспитанія; но развѣ она одна занималась у насъ разработкою политическихъ и общественныхъ вопросовъ?..

Исторія французской революціи. *И. Карно.* Изданіе Ф. Павленкова. 1893.

О великомъ соціальномъ переворотѣ конца прошлаго вѣка, положившемъ новыя основанія не только устройству современнаго общества, но и его взглядамъ, болѣе вѣрнымъ и прогрессивнымъ, на отношенія людей къ своимъ братьямъ, къ учрежденіямъ, выработаннымъ вѣками, но оказавшимся далеко не состоятельными,—написано много книгъ. На западѣ эпоха революціи изучена въ малѣйшихъ подробностяхъ и ея столѣтняя годовщина, шумно отпразднованная во Франціи, послужила поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ событій, имѣвшихъ такое громадное вліяніе и о которыхъ далеко еще не все сказано. У насъ до сихъ поръ было очень мало сочиненій объ этомъ времени. Даже краткія исторіи этой эпохи, какъ книга Минье, не переведены по русски. Книга Ипполита Карно,—отца нынѣшняго президента французской республики,—также небольшаго объема, но представляетъ довольно полную картину революціи, и всѣхъ главныхъ событій ея, хотя оцѣнка этихъ событій могла бы быть во многихъ случаяхъ болѣе безпристрастною и не склоняться къ теоріи Клемансо, требовавшаго, чтобы революцію признали огуломъ, en bloc, со всѣми ея преступленіями и ошибками. Переводчикъ книги Карно старается, въ предисловіи, доказать безпристрастіе автора, приводя его отзывы въ пользу Людовика XVI, но Карно, въ этихъ отзывахъ, смѣшиваетъ его личный характеръ, какъ человѣка, съ его неумѣньемъ править страною и двуличною политикою въ отношеніи къ народу. «Потомство, говоритъ Карно, будетъ раздѣлять сомнѣнія государственныхъ людей въ необходимости казни короля». Но никакой государственный дѣятель не назоветъ эту казнь иначе, какъ безполезною жестокостью, и, въ то же время, не оправдаетъ необходимости идти наперекоръ желаніямъ представителей народа и даже своего собственнаго

Digitized by Google

правительства. Вообще, довольно обширное предисловіе переводчика, наполненное толками объ «осуществленіи реформы формъ», совершенно лишнее. Собственно книга Карно начинается съ изображенія Франціи до 1789 года; затѣмъ идетъ разсужденіе о законахъ прогресса. Эта глава, посвященная чисто теоретическимъ вопросамъ, доказываетъ, какъ трудно бываетъ писать и объ отвлеченныхъ предметахъ, не только о фактахъ: на 14-й страницѣ, какъ и на всѣхъ другихъ, помѣщается 32 строки текста, а на 15-й—вклеенной—страницѣ, всего 25 строкъ разгонистаго шрифта. Подобныя же метаморфозы происходятъ и еще въ двухъ-трехъ мѣстахъ; очевидно, что тутъ совершалась обратная процедура, употребляемая при печатаніи: сначала страница набиралась, а потомъ вырѣзывалась, тогда какъ шрифтъ сначала вырѣзывается, а потомъ набирается. Не имѣя подъ рукой оригинала книги Карно, не можемъ судить, что̀ такого законопреступнаго заключалось въ этихъ страницахъ. Хорошо изложены и разобраны: принципы 89 года, значеніе генеральныхъ штатовъ, національнаго собранія, взятія Бастиліи, праздника федераціи, труды учредительнаго собранія и законодательнаго. Исторія этой первой половины революціоннаго движенія, когда Людовикъ еще могъ бы остановить потокъ событій, еслибы дѣйствовалъ согласно со своими министрами, занимаетъ половину книги Карно. Съ конвента начинается эпоха террора и кровавыхъ возмездій. За казнью Людовика слѣдуютъ опять двѣ страницы въ 30 строкъ, вмѣсто 60-ти. Прекрасно очерчена дѣятельность конвента, издавшаго въ три года 11,200 декретовъ. Конечно, въ числѣ ихъ были и такіе, какъ разрушеніе Ліона, на что не рѣшился даже свирѣпый Кутонъ, но сколько полезныхъ учрежденій и постановленій утверждено этими республиканцами, не жалѣвшими ни себя, ни другихъ. Карно утверждаетъ, что каждая революціонная мѣра принималась, какъ защита противъ попытокъ короля и роялистовъ возвратиться къ прежнему безправію. «Конвентъ и комитетъ общественнаго спасенія даже умѣрялъ суровость революціонныхъ законовъ и сдерживалъ крайнее проявленіе страстей» (это утвержденіе, однако, голословно). Робеспьеръ твердилъ все о верховныхъ правахъ народа, но Карно говоритъ, что онъ вѣрилъ только въ верховное право разума, то-есть, конечно, своего собственнаго. Онъ оправдывалъ свой деспотизмъ тѣмъ, что власть должна принадлежать добродѣтельнымъ людямъ. «Но онъ ошибался— прибавляетъ Карно,—и относительно своихъ достоинствъ, и своей системы. Система была такая: народъ, неспособный организовать свою свободу, не способенъ пользоваться ею».

Повторилъ ли бы Ипполитъ Карно эти слова теперь, когда его сынъ избранъ президентомъ французской республики?..

Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи восточной Сибири. Очеркъ, редактированный и изданный городскимъ головою *В. Сукачевымъ*. Москва. 1892 г. Программа историческаго и статистическо-экономическаго описанія города Иркутска. 24

Digitized by Google

Въ 1891 году, Иркутскъ впервые за свое двухсотъ-сорока-лѣтнее существованіе былъ посѣщенъ наслѣдникомъ русскаго престола. Понятно, что въ виду такого исключительнаго случая озаботились познакомить высокаго посѣтителя съ условіями и строемъ жизни далекой окраины, съ ея нуждами и потребностями. Взялся за это не чиновникъ, а городской голова и, въ короткое время, не смотря на всѣ офиціальныя и цензурныя затрудненія, успѣлъ составить весьма обстоятельный томъ въ 270 страницъ, заключающій въ себѣ интересныя данныя о столицѣ восточной Сибири, ея обществѣ въ прежнее время, при Сперанскомъ, Муравьевѣ и въ наше время, о роли Иркутска по отношенію къ изученію страны и объ учебно-воспитательномъ дѣлѣ въ немъ. Мы тогда же отдали отчетъ объ этомъ трудѣ, заслуживающемъ общаго вниманія. Теперь г. Сукачевъ, сознавая неполноту своего очерка, составилъ обширную программу новаго историческаго и статистическо-экономическаго описанія Иркутска, въ виду того, что проведеніе сибирской желѣзной дороги повлечетъ за собою усиленный приливъ въ этотъ край предпринимателей и переселенцевъ. Не желая дѣлать изъ своего труда простой справочной книги, городской голова намѣренъ включить въ свой сборникъ все, что повліяло на жизнь Иркутска, и поэтому ставитъ предметами своего изслѣдованія: исторію города, какъ культурнаго центра восточной Сибири, его экономическое развитіе и значеніе, дѣятельность его общественнаго управленія и положеніе его хозяйства. Все это должно войти въ три тома сборника, на составленіе котораго опредѣляется три года. Въ детальной программѣ помѣщены главные пункты изслѣдованія. Самостоятельная жизнь Иркутска, по словамъ самого г. Сукачева, пробудилась въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, а до тѣхъ поръ все въ городѣ дѣлалось, двигалось и жило только по приказу и по распоряженію. Сознаніе въ этомъ могущественномъ вліяніи административнаго воздѣйствія на всю страну, преобладающаго во всѣхъ городахъ и провинціяхъ нашего обширнаго отечества, доказываетъ, что иркутскій городской голова вѣрно смотритъ на свое дѣло, и мы можемъ ожидать отъ него правдиваго и любопытнаго изложенія сибирскихъ порядковъ, начиная съ учрежденія иркутско-колыванскаго намѣстничества въ 1783 году и до замѣщенія Пестеля Сперанскимъ, въ 1819 году. Трудно повѣрить въ наше время безобразіямъ, какія творились въ Сибири губернаторами и представителями управленія. Русскій человѣкъ, добравшись до власти, дѣлается просто какимъ-то звѣремъ. Губернаторъ Ракитинъ просто грабилъ купцовъ, возвращавшихся изъ Китая съ товарами, и хоть его за это вызвали въ Петербургъ и казнили, повѣсивши прежде другаго губернатора—князя Гагарина—и отодравши потомъ нещадно кнутомъ третьяго, Жолобова, но это нисколько не мѣшало ихъ преемникамъ:—Крылову, Трескину, Селифонтову и Пестелю,—точно также неистовствовать. Если г. Сукачевъ представитъ полную картину этой преж-

Digitized by Google

ней жизни Иркутска и восточной Сибири — это уже будетъ большой заслугой съ его стороны. Но онъ обѣщаетъ составить самое подробное описаніе и нынѣшняго положенія города: его административныхъ, учебно-воспитательныхъ, финансовыхъ, промысловыхъ, торговыхъ учрежденій, его экономическаго развитія, мѣстной печати, переселенческаго вопроса и пр.; обѣщаетъ таблицы, карты, планы, виды города, библіографію, даже очеркъ матеріала, находящагося въ мѣстныхъ архивахъ. Остается только пожелать, чтобы головы и другихъ городовъ подражали г. Сукачеву, а не занимались спекуляціями съ продажей тухлой муки или открытіемъ въ своихъ домахъ «пансіоновъ безъ древнихъ языковъ».

Древняя исторія *Беккера*, вновь обработанная *В. Мюллеромъ*, часть Ш. 1893. Изданіе Суворина.

Этимъ томомъ оканчивается переводъ сочиненія, признаннаго классическимъ для изученія исторіи древняго міра. Авторъ доводитъ ее до начала среднихъ вѣковъ и заканчиваетъ смертью послѣдняго представителя мужскаго поколѣнія Каролинговъ, короля Людовика, погибшаго 18-ти лѣтъ въ 911 году. Было бы правильнѣе начинать средніе вѣка если не съ христіанской эры, то съ Карла Великаго, а не относить этого императора и Магомета къ древнимъ временамъ, но у нѣмецкихъ историковъ свой взглядъ на событія. На русскомъ языкѣ переводъ книги Беккера даетъ вѣрное, хотя и не обширное понятіе о древней исторіи, не смотря на три довольно объемистые тома, выходившіе у насъ довольно медленно. Такъ, второй томъ вышелъ три года назадъ, а первый въ 1888 году. Но издатель, по крайней мѣрѣ, не бросилъ своего предпріятія неоконченнымъ, какъ сдѣлалъ это съ художественнымъ словаремъ г. Булгакова, ни словомъ не увѣдомивъ подписчиковъ на первые два выпуска о причинахъ неисполненія своего обѣщанія. Это было тѣмъ страннѣе, что читатели привыкли къ акуратному выходу всѣхъ изданій, предпринимаемыхъ г. Суворинымъ. Беккеръ изданъ вполнѣ удовлетворительно. Третій томъ вдвое обширнѣе втораго (508 и 278 страницъ) и рисунковъ въ немъ болѣе 300, кромѣ шести картъ, тогда какъ во второмъ томѣ было 95, а въ первомъ 167; зато онъ и стоитъ полтинникомъ дороже, чѣмъ первые томы. Во второмъ томѣ разсказана эпоха діадоховъ, войны римлянъ, начиная съ самнитской и до похода Августа противъ германцевъ. Въ отдѣльныя главы историкъ выдѣляетъ эпоху римскихъ императоровъ до Константина и его преемниковъ, переселеніе народовъ и паденіе западной римской имперіи, франкское государство при Меровингахъ и Каролвингахъ, къ которому причисляетъ исторію Магомета, калифовъ и Германіи до начала X вѣка. Этотъ періодъ времени, обнимающій болѣе 13-ти столѣтій, начинается жестокой всеобщей войной при наслѣдникахъ Александра, продолжается безпрерывными войнами римлянъ, въ теченіе почти тысячелѣтія, тогда какъ Александръ сражался восемь лѣтъ,

Digitized by Google

а Киръ—тридцать. Оканчивается періодъ новыми войнами съ варварами, болѣе пяти столѣтій опустошавшими Европу. И послѣ этого какъ не принять мнѣнія пессимистовъ, что война есть естественное состояніе человѣчества, а борьба народовъ за пріобрѣтеніе чего бы то ни было: провинцій, рабовъ, сокровищъ, преобладанія — такой же законъ природы, какъ борьба за существованіе между отдѣльными индивидуумами. И историку приходится больше всего описывать безконечныя драки. Только въ концѣ главы о Греціи, послѣ смерти Александра, онъ посвящаетъ шесть страницъ наукамъ и искусствамъ въ македонско-эллинско-александрійскій періодъ, и столько же—духовному и общественному развитію Рима передъ Р. Х. да золотому вѣку римской литературы при Августѣ. Въ послѣдующіе періоды не упоминается уже ни о какомъ умственномъ движеніи. Только рисунки, изображающіе статуи да виды знаменитыхъ городовъ и зданій—большею частью въ развалинахъ—доказываютъ что, по крайней мѣрѣ, искусство существовало въ то печальное время. Рисунки эти, взятые со старинныхъ барельефовъ, бюстовъ, моделей и монетъ, представляютъ портреты почти всѣхъ выдающихся дѣятелей древняго міра, но характеристики многихъ изъ нихъ неполны и вообще очень коротки. Такъ напр., при изображеніи Вероники, жены Птоломея II, сказано только, что у нея были прекрасные волосы, за что ее и причисляли къ созвѣздіямъ. Но вѣдь славилась же она чѣмъ нибудь и кромѣ волосъ. Промаховъ въ русскомъ переводѣ Беккера немного. На страницѣ 38-ой приводятся слова Архимеда: «дайте мнѣ точку опоры и я сдвину землю съ мѣста»—и эта же аксіома повторяется на 108-ой страницѣ. Талантъ на страницѣ 78-й (втораго тома) показанъ равнымъ 2500 руб., на стр. 32-й—1800 руб., на стр. 71—350 руб. Которая же цифра вѣрнѣе? «Александръ вступилъ въ Пятирѣчіе, нынѣ Пенджабъ»; да страна эта и всегда называлась Пенджабомъ, что по санскритски значитъ пять рѣкъ, а Пятирѣчіемъ ее никогда не называли. Слово: «оргія» нельзя переводить «безнравственнымъ тѣлодвиженіемъ». О катапультѣ говорится, что «концу бревна давали видъ головы барана, оттого машина получила названіе тарана»,—въ этой фразѣ хоть и есть риѳма, но смысла нѣтъ. Приводить чудеса жрецовъ и горуспиціевъ не слѣдовало бы. Цезарь, умирая, не говорилъ Бруту: «мой сынъ»! объ этомъ не упоминаетъ ни одинъ первоисточникъ. «Жена Брута убила себя, проглотивъ горящія уголья»; этого и сдѣлать нельзя—она уморила себя угаромъ. «Обезлюженная страна»—выраженіе несовсѣмъ красивое. Ирменсулъ нельзя переводить «ирменовъ столбъ»—это колонна Германа. «Odiant dum metuant нельзя переводить: «меня могли бы ненавидѣть, еслибы не страшились»,—слѣдуетъ: «пусть ненавидятъ, только бы боялись».

Digitized by Google

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

И СМѢХЪ, И ГОРЕ.

(Литературныя и общественныя замѣтки).

Наука или знахарство—современная медицина?—Недостаточность ея положительныхъ основъ.—Діагностическіе и терапевтическіе промахи медицинскихъ авторитетовъ.—Торжество гигіены.—Наша первая гигіеническая выставка и разныя пожеланія по этому поводу.—Офиціальныя вѣдомства, какъ самые выдающіеся экспоненты.—Слабость частной иниціативы.—Табакъ, какъ гигіеническое средство.—Гигіеническая колонія въ ярославской губерніи.—Добрый совѣтъ петербургскимъ домовладѣльцамъ.

I.

Когда мнѣ говорятъ о научномъ значеніи медицины, о непреложности ея предписаній, о необходимости имѣть непремѣнно домашняго врача, чтобы быть «долголѣтнимъ на земли», я сомнѣваюсь и даже просто смѣюсь себѣ въ бороду... Вашими бы устами, да медъ пить, господа!

Въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли претендовать на дѣйствительное научное достоинство такая «наука», которая въ самыхъ главныхъ своихъ отдѣлахъ—въ распознаваніи болѣзней (діагностика) и ихъ лѣченія (терапевтика) дѣйствуетъ наобумъ, ходитъ ощупью, ежеминутно спотыкаясь и въ опредѣленіи качествъ болѣзни, и въ способахъ ея излѣченія? Есть ли у медицины хоть одно вѣрное средство, хоть одинъ надежный «рецептикъ» противъ какой бы то ни было болѣзни? Если не считать хинина, цѣлебное дѣйствіе котораго, при лихорадкѣ, открыто чисто эмпирическимъ путемъ и до сихъ поръ не изслѣдовано строго-научнымъ образомъ; если не упоминать касторки, успѣшно

Digitized by Google

побѣждающей тугость пищеваренія—то причемъ останется арсеналъ медикаментовъ латинской кухни? Не только новый случай, свѣжая форма заболѣванія ставятъ втупикъ нашихъ современныхъ «медикусовъ», не смотря на ихъ профессіональную гордыню и самонадѣянность; не только малѣйшее осложненіе старой, давно извѣданной болѣзни, но и самые древніе недуги, преслѣдующіе человѣчество,—въ родѣ проказы, чахотки, чумы, холеры, сибирской язвы, сифилиса, водобоязни и пр., и пр.,—только затѣмъ и являются на медицинскій смотръ, чтобы услышать отъ эскулапа одинъ и тотъ же стереотипный отвѣтъ: «я знаю только то, что ничего не знаю»! И это будетъ еще самый добросовѣстный отвѣтъ, при которомъ паціентъ, имѣвшій неосторожность обратиться къ доктору, теряетъ только время, но не рискуетъ подвергнуться сомнительнымъ экспериментамъ, зачастую увлекающимъ его... «по ту сторону Стикса». Одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ врачей, имя котораго произносилось съ уваженіемъ и за границей, С. П. Боткинъ, на категорическій вопросъ: «*наука* ли медицина»? имѣлъ мужество отвѣтить, что, при настоящемъ своемъ положеніи, это далеко не наука, а развѣ—«искусство», успѣшное только въ зависимости отъ остраго *медицинскаго глаза*. Другими словами: не всякій врачъ, благополучно схватившій дипломъ медицинской школы, можетъ дѣйствительно *врачевать* человѣческіе недуги, а только тотъ, кто умѣетъ своимъ острымъ глазомъ *угадывать* и характеръ болѣзни, и способы ея лѣченія. Но тутъ уже изъ сферы науки мы перескакиваемъ прямо въ область «гаданій», гдѣ нѣтъ ни общаго критеріума, ни непреложныхъ законовъ, ни обязательныхъ требованій, и гдѣ медицина индивидуализируется, смотря по личности какъ доктора, такъ и его паціента... Тутъ могутъ уже пойти въ ходъ и знахарство, и лурдскія чудеса. «Медицинскій глазъ»!.. Но вѣдь это природный даръ, котораго не обрѣтешь никакими поисками, не заарканишь никакими дипломами, не вымолишь никакими протекціями. Если доктору только медицинскій глазъ даетъ право оперировать надъ больными людьми и возвышаться надъ уровнемъ коновала,—для котораго, можетъ быть, такого глаза и не требуется,—то кто же будетъ удостовѣрять присутствіе у профессіональныхъ врачей этого медицинскаго глаза и, сообразно съ этимъ, давать имъ право на практику въ человѣческой

Digitized by Google

средѣ? Гдѣ то судилище, куда можно было бы приносить и жалобы на отсутствіе у ремесленика - врача всякой медицинской прозорливости, и просьбы объ отнятіи у нихъ хлѣбныхъ дипломовъ?

Впрочемъ, намъ кажется, что еслибы врачебные дипломы раздавались у насъ по числу «медицинскихъ глазъ» (считая по одной парѣ на каждаго врача), то такихъ «совѣстливыхъ» дипломовъ было бы выдано самое ничтожное количество, и обывателю пришлось бы съ великимъ трудомъ разыскивать докторскую подпись для полученія изъ аптеки какого нибудь «сильно дѣйствующаго» средства... въ родѣ хлорныхъ капель противъ разстройства желудка или tincturae iodi отъ зубной боли. Извѣстно, напр.,—и даже многимъ извѣстно по личному горькому опыту,—какъ самые острые, наиболѣе общепризнанные «медицинскіе глаза» фатально ошибались въ квалификаціи болѣзни, а затѣмъ, натурально, и въ средствахъ ея лѣченія. Тотъ же самый С. П. Боткинъ, обладавшій несомнѣнной медицинской прозорливостью вообще, въ годину свирѣпства «астраханской чумы», усмотрѣлъ всѣ признаки этой чумы у одного петербургскаго дворника, тогда какъ онъ страдалъ въ дѣйствительности отъ послѣдствій дурно-залѣченнаго сифилиса. Многіе здѣшніе жители до сихъ поръ еще помнятъ ту панику, которую произвела ошибочная экспертиза популярнаго доктора. Хорошо еще, что ошибка обнаружилась во-время, до принятія чрезвычайныхъ мѣръ, и даже принесла косвенно ту пользу, что Петербургъ сильно пообчистился въ санитарномъ отношеніи, благодаря сомнительному недугу Наума Прокофьева. Но зачастую эти ошибки влекутъ за собою и другія гораздо болѣе плачевныя послѣдствія. Мы знаемъ достовѣрные случаи, когда одного больнаго, въ силу діагноза, постановленнаго медицинскимъ авторитетомъ, упрямо лѣчили отъ болѣзни печени, когда онъ страдалъ сильнѣйшимъ аневризмомъ, а другаго «пользовали» отъ болѣзни сердца, когда онъ умиралъ отъ рака въ печени. Ошибки эти были уже констатированы при вскрытіи труповъ, на анатомическомъ столѣ... Кто не помнитъ, наконецъ, несчастнаго исхода болѣзни Некрасова, котораго (при участіи Боткина) лѣчили и отъ разстройства печени, и отъ болѣзни почекъ, а въ могилу его свелъ, послѣ мучительнѣйшей операціи, ракъ прямой кишки. «Устраненіемъ» этого рака за-

Digitized by Google

нялся—уже слишкомъ поздно!—знаменитый вѣнскій хирургъ Бильротъ, и за очень солидный кушъ презрѣннаго металла протянулъ только на годъ жизнь, исполненную невѣроятныхъ терзаній.

Всего яснѣе, всего доказательнѣе безсиліе медицины, какъ науки, обнаруживается при нашествіи на насъ такихъ бичей человѣчества, какъ холера, чума, оспа, пятнистый тифъ, скарлатина и пр. Тутъ уже гг. эскулапы только разставляютъ руки, глубокомысленно мычатъ, качаютъ головами и, мало надѣясь на спасеніе заболѣвшихъ, заботятся только о томъ, чтобы съузить по возможности районъ болѣзни, путемъ ли дезинфекціи, или истребленія зараженныхъ вещей. Но и дезинфекція, и карантинъ плохо помогаютъ, когда медицинѣ неизвѣстны хорошенько ни источники заразы, ни вѣрныя средства для борьбы съ нею. Съ чумнымъ ядомъ, напр., не въ силахъ бороться никакая дезинфекція, и онъ дѣйствуетъ неотразимо-заразительно даже по прошествіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ, что подтвердилось примѣромъ одного кладбища на востокѣ, неосторожно разрытаго черезъ три вѣка по прошествіи эпидеміи и снова заразившаго смертельною язвою всю страну. Ученіе о «бациллахъ», производящихъ болѣзнь, принесло покуда мало пользы. Причина болѣзни указана, разводки болѣзнетворной бациллы культивированы добросовѣстно и ихъ можно разглядывать подъ микроскопомъ; а средство убить эту бациллу, не разрушая самого организма, ее пріютившаго,—такое средство еще не найдено, и на него наткнутся, можетъ быть, лѣтъ сто спустя, также случайно, какъ наткнулись наши дѣды на хинную корку. Но самыя эти бациллы, объ открытіи которыхъ прожужжали намъ всѣ уши господа бактеріологи, оказываются, при ближайшемъ изслѣдованіи, существами или весьма проблематичными, или до-нельзя капризными.

Наглядную иллюстрацію этой капризности представляютъ намъ опыты надъ знаменитой холерной бациллой, открытой докторомъ Кохомъ и получившей по его имени прозвище «коховской запятой». Эта запятая, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій, совсѣмъ уже превратилась въ вопросительный знакъ. Возраженія Коху идутъ съ разныхъ сторонъ. Одни стараются опровергнуть первое положеніе Коха, что его бацилла исключительно свойственна холерному заболѣванію. Другіе, призна-

Digitized by Google

вая постоянство этой запятой при холерѣ, отвергаютъ однако ея болѣзнетворное значеніе, ея роль при холерѣ, и считаютъ ее только *спутникомъ*, а отнюдь не *причиною* болѣзни. Наконецъ, цѣлая мюнхенская школа считаетъ за причину холеры другую бактерію, найденную Эммерихомъ въ холерныхъ трупахъ въ Неаполѣ.

По Коху, холера *заразительна*. Причина ея,—холерная бацилла,—находится уже *въ готовомъ видѣ* въ холерныхъ изверженіяхъ и зараза идетъ *черезъ кишечникъ*. Совсѣмъ иную точку зрѣнія отстаиваетъ извѣстный мюнхенскій гигіенистъ Петтенкоферъ. По его мнѣнію, основанному на тщательныхъ изслѣдованіяхъ эпидеміи, холера *не контагіозна* и не передается отъ человѣка къ человѣку. Холерный зародышъ, находящійся въ организмѣ, долженъ еще попасть въ благопріятную почву, гдѣ образуетъ холерный ядъ, подобно тому, какъ дрожжевый грибъ, попавъ въ сахарный растворъ, путемъ броженія развиваетъ ядъ—алкоголь. Холерный ядъ распространяется *черезъ воздухъ* и воспринимается при посредствѣ дыханія.

Сопоставивъ двѣ эти одинаково авторитетныя генеалогіи холернаго дракона, имѣющаго скромный видъ микроскопической бациллы, нашъ братъ-профанъ совершенно сбивается съ толку и впадаетъ въ полное умственное помраченіе. Вѣдь если мы будемъ слѣдовать теоріи Коха, то должны ловить холерную бациллу на самомъ мѣстѣ ея зарожденія—въ дельтѣ Ганга; а буде намъ не удалось словить и раздавить ее тамъ, мы обязаны устраивать рядъ карантиновъ по пути ея слѣдованія и ожесточенно дезинфецировать все и всѣхъ, соприкасавшихся съ холернымъ пунктомъ. Если же мы преклонимъ ухо къ ученію Петтенкофера, то всѣ карантины полетятъ къ чорту вмѣстѣ со своими дезинфекторами, такъ какъ холерный ядъ, найдя для себя благопріятныя условія въ почвѣ, можетъ развиваться съ полнымъ удобствомъ не только въ дельтѣ Ганга, но и во всякомъ жидовскомъ клоповникѣ, въ родѣ Гамбурга, и дезинфецировать надо не людей и ихъ вещи, а самую почву и воздухъ. Но отъ такой непосильной работы отступитъ, пожалуй, и самый неистовый дезинфекторъ!

Итакъ, даже вопросъ о карантинахъ,—вопросъ, выдвигающійся на первый планъ въ борьбѣ съ холерою,—до сихъ поръ

Digitized by Google

не рѣшенъ медиками, и эти своего рода тюремныя учрежденія существуютъ на чисто-эмпирическомъ основаніи, все ожидая, что со временемъ медицинская «наука» оправдаетъ раціональнымъ образомъ ихъ существованіе.

Мудрено ли, что при такомъ жалкомъ состояніи діагностической и терапевтической частей въ медицинѣ, при такомъ отсутствіи истинно-научныхъ основъ, при такомъ хаосѣ въ мнѣніяхъ по самымъ капитальнымъ клиническимъ вопросамъ, бѣдный обыватель, постигнутый серьезной болѣзнью, рѣшительно не знаетъ, куда ему обратиться и отъ кого ждать исцѣленія. Еслибы какой нибудь больной имѣлъ силы и средства обойти всѣхъ медицинскихъ свѣтилъ въ Петербургѣ и посовѣтоваться съ ними на счетъ своей болѣзни, то можно держать пари, что каждое свѣтило пролило бы свой особый «свѣтъ» на его болѣзнь, а въ концѣ концовъ, добросовѣстно проглотивъ всѣ ихъ микстуры (микстуры, конечно, все будутъ разныя, ибо въ медицинѣ «всякій молодецъ на свой образецъ»!) пацiентъ несомнѣнно очутится послѣ этого свѣта—въ области вѣчнаго мрака.

Разъ только больное человѣчество извѣрилось въ силу медицинской помощи,—по крайней мѣрѣ, изъ рукъ врачей-ремесленниковъ,—оно, конечно, въ менѣе развитой своей части, стало искать повсюду какого нибудь «средствія» если не дѣйствительно излѣчить свое тѣло, то хоть пріободрить себя мечтою о выздоровленіи. Если искатель стяжанія могъ искренно повѣрить въ существованіе «разрывъ-травы», отпирающей замки во всѣхъ конторкахъ, сундукахъ и кладовыхъ, то почему же безпомощный и изможденный искатель здоровья не можетъ, наконецъ, искренно увѣровать въ таинственную силу пилюль графа Маттеи, въ виталинъ Гачковскаго, и даже въ простую невскую воду «разлива» барона Вревскаго? Мистицизмъ и здѣсь играетъ ту же роль, которую игралъ всегда при недостаткѣ, а, пожалуй, и при невозможности точныхъ знаній.

Въ самыхъ нѣдрахъ медицины,—между людьми, снабженными одинаковыми ремесленными патентами на отправленіе лѣчебной практики,—возникъ наконецъ расколъ, раздѣлившій эту область чуть ли не на два равносильныхъ лагеря. Гомеопаты давно уже бросили перчатку аллопатамъ, а въ послѣднее время даже устраиваютъ съ ними публичные, якобы-научные турниры, на которыхъ убѣдительно доказываютъ, что если они отсылаютъ

Digitized by Google

на тотъ свѣтъ такое же количество пацiентовъ, какъ и ихъ враги аллопаты, то отправляютъ, во всякомъ случаѣ, съ ничтожными издержками (на гомеопатическiя крупицы) и съ меньшимъ изможденiемъ плоти. Такимъ образомъ, выбирать между гомеопатами и аллопатами становится уже очень трудно: пойдешь въ одну сторону—коня потеряешь; двинешься въ другую—подохнутъ и конь, и всадникъ.

Покойный Эйхвальдъ, подсмѣиваясь надъ дѣйствительностью гомеопатическаго лѣченiя, говорилъ, что каждый можетъ испытать его на себѣ такимъ образомъ: стоитъ только ему поѣхать подъ Смольный къ водопроводной башнѣ, сыпнуть тамъ въ главный бассейнъ щепотку гомеопатическаго «средствiя»; а затѣмъ—вернуться домой и принять это лѣкарство... изъ водопроводнаго крана въ своей квартирѣ. По его мнѣнiю, результатъ будетъ такой же точно, какъ и отъ принятiя пилюль, взятыхъ изъ «центральной гомеопатической аптеки». Но это ядовитое острословiе отнюдь не обезкураживаетъ твердо вѣрующихъ послѣдователей гомеопатiи.

II.

По мѣрѣ того какъ падалъ въ обществѣ авторитетъ медицины съ ея рецептами и микстурами, съ ея позднiми попытками возстановить утраченное здоровье,—возрастало и у насъ, и во всей Европѣ значенiе *гигiены*, стремящейся установить для человѣческаго организма такiя нормы существованiя, при которыхъ устранялась бы и предупреждалась самая возможность заболѣванiя. Зачѣмъ понадобится человѣку сомнительная помощь медицины—аллопатической или гомеопатической—когда онъ ведетъ такую правильную, нормальную жизнь, такъ бережетъ свои силы, такъ охраняетъ отъ вредныхъ вліянiй свою голову и нервы, свое сердце, свои легкiя и желудокъ, что болѣзнь и не можетъ добраться до него иначе, какъ при его собственной оплошности, при явномъ и грубомъ нарушенiи гигiеническихъ требованiй? Если же человѣкъ работаетъ свыше мѣры; если его нервы ежеминутно напрягаются, какъ струны; если онъ не щадитъ своего головнаго и спиннаго мозга; если его пища порождаетъ желудочный катарръ, а сырость или зловоніе въ квартирѣ дѣйствуютъ разрушительно на всю полость

Digitized by Google

груди,—то сколько онъ ни зови на помощь господъ аллопатовъ или гомеопатовъ, услуги ихъ не поведутъ ни къ чему безъ устраненія коренныхъ причинъ физическаго или душевнаго разстройства. Медики, — какъ и знаменитые карабинеры оперетки,—всегда arrivent trop tard къ своимъ паціентамъ, безплодно наполняя данаидину бочку, которая и не можетъ ничего удерживать въ своемъ бездонномъ пространствѣ. Сегодня медицина временно укрѣпила ваши силы пріемомъ мышьяковистаго желѣза, а завтра вы снова ослабили себя негигіеническою жизнью, къ которой прибавилась еще вредная реакція отъ проглоченнаго яда.

Было время, когда надъ гигіеною много смѣялись, преувеличивая въ курьезную сторону ея законныя требованія, находя ихъ неосуществимыми, сантиментальными, приравнивая ихъ къ той фантастической «курицѣ въ супѣ», которую сулилъ добрый король каждому французскому крестьянину. Но здѣсь, видно, сбылась пословица: «чему посмѣешься, тому и послужишь»,—и гигіена въ концѣ концовъ, не смотря на удачныя и неудачныя насмѣшки, вступила повсюду въ свои права, соразмѣривъ, конечно, съ условіями практической жизни свои научно-обоснованныя предписанія. Однимъ изъ первыхъ, и притомъ самымъ энергичнымъ, самымъ блестящимъ защитникомъ гигіены явился у насъ покойный профессоръ военно-медицинской академіи А. П. Доброславинъ, издававшій съ этою цѣлью спеціальный журналъ «Здоровье». По справедливому толкованію Доброславина, гигіена (здравохраненіе) не есть ни отдѣльная наука, ни искусство; это—своего рода *знамя*, подъ которымъ дружно идетъ *нѣсколько отраслей знанія*, связанныхъ между собой единствомъ задачи. Чтобы достигать цѣлей здравохраненія, надо знать *здороваго человѣка* и *вліяніе на него внѣшней среды*. Для правильнаго пониманія здоровья необходимы свѣдѣнія: и по анатоміи, и по физіологіи, и по физіологической химіи, и по общей патологіи. Для оцѣнки вліянія среды нужны солидныя познанія: по географіи (климатологіи) и эпидеміологіи, не говоря уже о химіи, ботаникѣ и зоологіи. Защищая себя отъ внѣшней среды, человѣкъ строитъ жилища; это связываетъ гигіену съ архитектурой и инженернымъ искусствомъ. Словомъ, область гигіены—самая обширная изъ всѣхъ научныхъ областей, и въ нее притекаютъ всѣ свѣ-

Digitized by Google

дѣнія, касающіяся нормальнаго и безболѣзненнаго человѣческаго существованія. Работать въ такой области—значитъ, дѣйствительно, работать на благо всего человѣчества:—что̀ можетъ быть на свѣтѣ дороже здоровья, котораго не купишь ни за какія деньги, не вернешь никакими усиліями аллопатіи и гомеопатіи?!

Первая гигіеническая русская выставка,—открывшаяся лѣтомъ и теперь еще продолжающаяся,—обязана своимъ возникновеніемъ «обществу охраненія народнаго здравія» при ближайшей иниціативѣ его достойнаго предсѣдателя, Н. Ѳ. Здекауэра, и вице-предсѣдателя, покойнаго И. Е. Андреевскаго, уже шесть лѣтъ назадъ проэктировавшихъ, вмѣстѣ съ Доброславинымъ, устройство такой выставки въ Петербургѣ, причемъ главныя задачи ея были намѣчены въ особомъ докладѣ обществу (7 апрѣля 1887 г.). Шесть лѣтъ понадобилось для того, чтобы этотъ проэктъ пришелъ къ своему осуществленію,—и осуществленію, все таки, далеко не полному, хотя вина этой неполноты падаетъ не на устроителей выставки, усердно хлопотавшихъ по собиранію экспонатовъ, а на безпробудную спячку и невѣжественное равнодушіе нашего якобы интеллигентнаго общества, для котораго тотализаторъ на царскосельскомъ ипподромѣ или дебютъ какой нибудь знаменитой пѣвички на загородной сценѣ представляются гораздо привлекательнѣе, чѣмъ всѣ экспонаты гг. гигіенистовъ.

По завѣту профессора Доброславина, выставка должна была служить, прежде всего, «однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ для проведенія въ массы истинныхъ понятій о гигіенѣ». Путемъ самаго раціональнаго изъ всѣхъ методовъ—*наглядная разъясненія* того, что̀ необходимо знать каждому для охраненія своего здоровья—посѣтители выставки должны были научиться: различать полезное отъ вреднаго въ гигіеническомъ смыслѣ, устранять пріобрѣтенные ложные взгляды и привычки, и руководствоваться новыми, болѣе правильными понятіями. Кромѣ того, выставка стремилась содѣйствовать правильному развитію законодательной дѣятельности по санитарной части, а также способствовать и болѣе толковому производству предметовъ, необходимыхъ для правильнаго выполненія гигіенической программы.

Преслѣдуя такія важныя задачи, открытая нынѣ гигіени-

Digitized by Google

ческая выставка не могла ограничиться экспонатами, касающимися гигіены въ тѣсномъ смыслѣ и санитарнаго дѣла, а должна была представить точныя данныя изъ многочисленныхъ отраслей знанія и практической дѣятельности. Согласно раздѣленію самого «общества охраненія народнаго здравія» на пять секцій, выставка раздѣляется также на пять главныхъ отдѣловъ: 1) біологическій, 2) медицинскій, 3) гигіены общественной и частной, 4) школьной гигіены и 5) климатологіи и бальнеологіи. Къ этимъ отдѣламъ, соотвѣтствующимъ секціямъ общества, на выставкѣ присоединено, для болѣе удобнаго расположенія экспонатовъ, еще нѣсколько самостоятельныхъ группъ: по больничному дѣлу, по желѣзнодорожной части и по гигіенической литературѣ. Кромѣ того, нѣкоторыя самостоятельныя вѣдомства (какъ напр., министерства: военное, морское, народнаго просвѣщенія, вѣдомство учрежденій императрицы Маріи и пр.) а также нѣкоторыя городскія общественныя управленія и ученыя общества (напр. техническое) пожелали представить свои экспонаты собранными вмѣстѣ, въ одно цѣлое, для наиболѣе наглядной характеристики всего санитарнаго дѣла въ извѣстномъ вѣдомствѣ. Такое выдѣленіе крупныхъ экспонентовъ нѣсколько нарушало систематическое распредѣленіе предметовъ, но представляло въ то же время много практическихъ удобствъ, въ смыслѣ наглядности и поучительности. Нагляднаго и поучительнаго было, дѣйствительно, немало; но, къ крайнему сожалѣнію, «показывать» и «поучать» было почти некому: такъ мало оказывалось на выставкѣ лицъ, спеціально назначенныхъ для этого дѣла. Быть можетъ, этотъ серьезный недостатокъ объясняется крайней мизерностью средствъ, отпущенныхъ на организацію выставки (вѣдь нынче трудно найти охочихъ людей, готовыхъ безвозмездно читать каждый день популярныя лекціи), но, какъ бы то ни было, этотъ недостатокъ сильно охлаждалъ нашу почтеннѣйшую публику, и безъ того неслишкомъ ретиво настроенную къ воспринятію «скучныхъ матерій». То ли дѣло винтить, заниматься «флиртомъ», играть на тотализаторѣ и, подходя, сплетничать и клеветать на всѣхъ и вся. Это—самое гигіеническое времяпровожденіе для современнаго культурнаго россіянина.

Digitized by Google

III.

Въ сферу гигіенической заботливости о здоровьѣ человѣка входятъ пять главныхъ элементовъ: почва, вода, воздухъ, пища и жилье. Отъ благополучнаго состоянія этихъ элементовъ зависитъ наше здоровье, а иногда и самая жизнь. Если почва, на которой мы живемъ, насквозь проникнута вредными нечистотами; если воздухъ, которымъ мы дышемъ, кишитъ массою микроорганизмовъ, вторгающихся въ нашу грудь и легкія; если пища, нами принимаемая, не отличается ни свѣжестью, ни питательностью, а наше жилище уступаетъ, по своимъ гигіеническимъ условіямъ, благоустроенной конюшнѣ или приличносодержимой свинарнѣ,—то о долголѣтіи и благоденствіи на семъ свѣтѣ намъ смѣшно было бы и говорить.

Петербургская выставка собрала все, что могла, по части предметовъ, указанныхъ нами. Въ ней найдутся образчики превосходной канализаціи почвы по системѣ англійскаго инженера Линдлея; на ней выставлены отличные приборы для фильтрованія воды и очищенія воздуха: тутъ же можно видѣть пищевые продукты (хотя въ самомъ ограниченномъ количествѣ), пригодные въ снѣдь человѣку, и можно даже заглядѣться на примѣрные «планы» удобообитаемыхъ жилищъ, съ хорошей вентиляціей и безопаснымъ отопленіемъ. Но лицезрѣніе образчиковъ канализаціи невольно отравляется тою мыслью, что подобная канализація введена, на всемъ пространствѣ россійской имперіи, только въ Варшавѣ и Одессѣ, проэктируется покуда въ Кіевѣ и считается совсѣмъ непримѣнимою въ Петербургѣ. Хорошіе водопроводы и фильтры тоже оказываются для насъ «журавлемъ въ небѣ», ибо не такъ давно еще петербургскіе фильтры, сооруженные съ такою помпою и послѣ неоднократныхъ командировокъ думскихъ людей за границу,—совсѣмъ отказались очищать невскую воду, и она попадала къ намъ въ желудокъ со всѣми бактеріями и со всею вонью, присущими ей въ рѣчномъ руслѣ, по близости береговъ. Пища и питье, употребляемыя нами въ Петербургѣ, утратили на добрую половину свои природныя качества, удорожаясь притомъ съ каждымъ часомъ. Фальсификація—самая наглая, отчаянная фальсификація—свила себѣ прочное гнѣздо и въ мясныхъ лавкахъ

Digitized by Google

(гдѣ васъ надуваютъ, въ буквальномъ смыслѣ, «надутымъ» мясомъ), и во фруктовыхъ магазинахъ (гдѣ впускаютъ анилинъ во внутренность апельсиновъ, дабы сдѣлать изъ нихъ «корольки»), и въ винныхъ погребахъ, занимающихся «разсыропливаніемъ» и «сдабриваньемъ» хересовъ, мадеръ, лафитовъ, тенерифовъ, кагоровъ и т. п., и въ молочныхъ фермахъ, продающихъ какую-то смѣшанную съ мѣломъ и мукою бурду, вмѣсто подлиннаго коровьяго молока, и въ «чайныхъ торговляхъ», торгующихъ капорскою травою, подъ именемъ чая. Словомъ, еслибы мы обладали даже желудкомъ Сатурна, переваривавшимъ камни, или, по крайней мѣрѣ, коровьей требухою, то все же и тогда намъ слѣдовало бы воздержаться отъ такой далеко не безопасной пищи.

Число экспонентовъ на выставкѣ превышаетъ 600; число выставленныхъ предметовъ доходитъ до 40,000. Цифры внушительныя—и по нимъ можно было бы, пожалуй, составить себѣ преувеличенно-лестное мнѣніе о процвѣтаніи гигіены и санитарнаго дѣла въ нашемъ любезномъ отечествѣ. Но восторгъ нашъ значительно умѣряется тѣмъ обстоятельствомъ, что громадная часть экспонатовъ выставлена на показъ офиціальными вѣдомствами и крупными общественными управленіями, а на долю частной иниціативы остается уже не такъ-то много мѣста. Да и изъ экспонатовъ частной предпріимчивости слѣдовало бы совсѣмъ исключить, напр., табачные фабрикаты. Какимъ образомъ куреніе табаку (т. е. самоотравленіе никотиномъ) попало въ программу гигіенической жизни?—мы рѣшительно недоумѣваемъ. Покойный Боткинъ, незадолго до смерти, горько раскаивался въ томъ, что курилъ самъ и разрѣшалъ куреніе своимъ паціентамъ, такъ какъ причина многихъ очень серьезныхъ разстройствъ организма лежитъ именно въ этой табачной «соскѣ», которую иные не выпускаютъ изо рта съ утра до вечера, начиная съ гимназической скамьи. И это мнѣніе его раздѣляется уже нынѣ многими врачами, а тѣмъ паче врачами-гигіенистами. Зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, воздвигнутъ павильонъ для пропаганды табакокуренія? Не слѣдовало ли бы, по справедливости, поставить рядомъ съ нимъ и другое прибѣжище—для потребителей гашиша и курильщиковъ опіума?

Пріятно, конечно, убѣдиться, что въ нашемъ интендантскомъ управленіи идутъ въ ходъ самые разнообразные приборы

Digitized by Google

и машины, съ цѣлью провѣрять свѣжесть и питательность заготовляемыхъ для солдатъ продуктовъ: зерна, муки, печенаго хлѣба и сухарей; пріятно видѣть между экспонатами первой гвардейской дивизіи такіе необычные у насъ инструменты, какъ приборъ для дезинфекціи воздуха и самыхъ стѣнъ казармъ, фильтры для воды, аппаратъ для изслѣдованія крови нижнихъ чиновъ, приборъ для культивированія бациллъ и пр. Не менѣе утѣшительно узрѣть на выставкѣ образцовые больничные вагоны (въ которыхъ никогда не возятъ здоровыхъ пассажировъ), отлично сдѣланныя школьныя скамейки (на которыхъ, въ дѣйствительности, никогда не сидятъ ученики), цвѣтущіе здоровьемъ и румянцемъ манкены воспитанниковъ гимназіи г. Гуревича (хотя не видно рядомъ другаго манкена, изображающаго «переутомленіе» нашихъ классиковъ). Спору нѣтъ: все это пріятные и утѣшительные факты распространяющагося у насъ вліянія гигіены, но въ какой мѣрѣ отражаются они въ жизни, въ какомъ состоятъ процентномъ отношеніи къ массѣ другихъ явленій противоположнаго характера?—вотъ онъ, «проклятый вопросъ», невольно приходящій на умъ.

Внѣ черты офиціальной, такъ сказать, гигіены, какимъ-то страннымъ и загадочнымъ гигіеническимъ сфинксомъ выдается—едва ли многимъ извѣстная даже по имени—*Молога*, уѣздный городъ ярославской губерніи, имѣющій около 7000 жителей. Этотъ счастливый городокъ выдвинулъ на выставку цѣлый фургонъ своихъ экспонатовъ, которые могутъ заставить покраснѣть отъ гигіеническаго стыда всѣхъ нашихъ муниципаловъ даже въ столичныхъ центрахъ. Въ Мологѣ, изволите ли видѣть, ведется подробнѣйшая санитарная статистика; болѣзненность наблюдается по временамъ года; особыя карты распредѣленія болѣзней изготовляются даже не по частямъ города, а по отдѣльнымъ домамъ. Тамъ имѣются «дизенфекціонная камера» и нѣкая «передвижная баня»; тамъ обыватели получаютъ безплатно для чтенія гигіеническія книжки; тамъ находятся въ постоянномъ обращеніи: объѣздные бланки, санитарныя книжки, а главное—«карточки»: карточки рожденій, похоронныя карточки, оспопрививательныя карточки, карточки антропометрическія и пр. Очевидно, въ Мологѣ очень мало занимаются другими *карточками*,—составляющими привилегированный фабрикатъ с.-петербургскаго воспитатель-

Digitized by Google

наго дома,—ибо гдѣ же найти время для служенія Богу и мамонѣ? И всѣми этими дѣйствительно цѣнными пріобрѣтеніями уѣздное гнѣздышко обязано иниціативѣ мѣстнаго доктора *В. В. Рудина*, съумѣвшаго обратить Мологу въ какую-то образцовую «гигіеническую колонію». Надо думать, что г. Рудинъ обладаетъ краснорѣчіемъ не меньшимъ, чѣмъ тургеневскій герой того же имени, если успѣлъ пробить у своихъ согражданъ броню провинціальной апатіи и неряшливаго отношенія даже къ собственному здоровью!

Ну, что̀ стоило бы петербургской думѣ выписать сюда г. Рудина для прочтенія нѣсколькихъ публичныхъ лекцій домовладѣльцамъ въ родѣ Лихачева (однофамильца бывшаго головы), Булацеля, Нимана и др., которые говорятъ о гигіенѣ, «ковыряя пальцемъ въ своемъ носу» и, въ исполненіи санитарныхъ требованій, повинуются только участковому приставу? Все таки мы, петербуржцы, извлекли бы изъ выставки небольшую пользу и pro domo suo, сравнявшись въ гигіеническомъ отношеніи... хоть съ Мологою.

Ефимъ Простосердовъ.

Digitized by Google

Мое перо.

Не я пишу: перо стальное,
Напившись съ жадностью чернилъ,
Само клеймитъ насмѣшкой злою
Все то, что̀ я, друзья, не скрою,
Иной бы разъ и похвалилъ!

Порою я хочу сладчайшій
Сложить въ честь дѣвы мадригалъ...
«Рубли нужны твоей дражайшей»—
Перо укажетъ путь кратчайшій,
Убивъ поэта наповалъ!

Въ честь полководца-Цинцината
Я воскурилъ бы ѳиміамъ...
Перо же вмѣсто аромата
Вдругъ смрадомъ угоститъ солдата
Такимъ, что ужасъ, страхъ и срамъ!

Я тронутъ честностью кассира,
Что̀ не сбѣжалъ еще съ поста!
Воспѣть героя жаждетъ лира...
Перо вдругъ выдастъ тайну міру:
«Вѣдь касса-то совсѣмъ пуста»!

Повисъ надъ бездной мостъ чудесный—
Достоинъ гимна инженеръ!
Перо скользитъ... но къ одѣ лестной
Прибавитъ штрихъ: строитель честный
Сталъ всѣмъ ворамъ живой примѣръ!

Не я пишу: перо стальное,
Напившись съ жадностью чернилъ,
Клеймитъ само насмѣшкой злою
Все то, что̀ я, порой, не скрою,
И самъ бы даже... учинилъ!!..

Digitized by Google

Поэтическая ошибка.

(Подражаніе *Влад. Соловьеву*).

Иду я рощей торопливо,
А небо пасмурно глядитъ,
Да на вѣтвяхъ плакучей ивы
Печально иволга сидитъ!
Въ душѣ рождается сомнѣнье,
И въ сердце заползаетъ страхъ:
А вдругъ—то тѣнь иль отраженье,
А птицы нѣту на вѣтвяхъ!
Но мысли въ даль мои несутся,
И грудь трепещетъ, боль тая!..
А птицы тоже, вѣдь, несутся—
Несутся прямо на меня!
А небо съ грустною улыбкой,
А роща съ тихою тоской
Надъ поэтической ошибкой
Покровъ простерли роковой...

Графъ Лимбургскій.

Digitized by Google

Наши игрушки.

Въ Гостинный забрелъ я однажды.
Предъ лавкой игрушечной каждой
Глазѣя туда и сюда,
Въ толпѣ беззаботной народа,
Я вспомнилъ—увы!—господа,
Игрушки особаго рода.
Прикрасивъ житья пустоту
Приманкой своею лукавой,
Для взрослыхъ въ житейскомъ быту
Подчасъ онѣ служатъ забавой.
Чтобъ тѣшиться въ жизни игрой,
Не нужно большаго таланта.
Честь женщины служитъ порой
Игрушкой для свѣтскаго франта.
Хлыщъ юный, смягчая свой нравъ
Въ годину безденежья злаго,
Считаетъ, кругомъ задолжавъ,
Игрушкою—*честное слово.*
Другъ дома, исполненъ интригъ,
Въ своемъ лицемѣрья участьѣ,
Считать за игрушку привыкъ
Супружества свѣтлое счастье.
Кто съ жизнью побольше знакомъ,
Играетъ, къ наживѣ влекомъ,
Людьми съ беззаботностью дѣтской.
Бракъ съ хилымъ, больнымъ старикомъ—
Игрушка для барышни свѣтской.
Дѣлецъ современный творитъ
Подлогъ безъ боязни и мѣры,
Изнѣженный, какъ сибаритъ,
Игрушкой зоветъ онъ аферы.
Летятъ за годами года;

Digitized by Google

Иные весь вѣкъ безъ стыда
Живутъ, цѣль одну обрѣтая—
Богатыми быть безъ труда;
И *самая жизнь* иногда
Для многихъ—*игрушка пустая!*..

Случайный Поэтъ.

Digitized by Google

Современные троянцы.

Парисъ альфонсомъ моднымъ сталъ,
Плѣняются красотки всѣ имъ.
Когда я на судѣ бывалъ,
То тамъ встрѣчался съ *Одиссеемъ*:
Въ рѣчахъ своихъ изъ кожи лѣзъ
Защитникъ бѣдныхъ всѣхъ и сирыхъ.
Встрѣчался мнѣ и *Ахиллесъ*—
Онъ нынѣ служитъ въ кирасирахъ.
Аяксовъ также видѣлъ я:
Они—швейцары съ булавами
И, грусть о прошломъ затая,
Склоняютъ выи передъ вами.
Успѣхи зря со всѣхъ сторонъ,
Царитъ *Елена* въ опереткѣ,
И типъ отчаянной кокетки
Всецѣло ею воплощенъ.
Свою судьбу благословляетъ
Супругъ рогатый—*Менелай*:
Живя привольно, черезъ край,
Друзей жены онъ обираетъ...
Побѣдъ утратилъ *Гекторъ* счетъ
Надъ дамами, не зная страха;
Съ нимъ изъ-за этого живетъ
Давно въ разводѣ *Андромаха*.
Пріамъ, и дряхлый, и сѣдой,
Дошелъ до полнаго упадка
И бродитъ по̀ міру съ клюкой;
Кассандра, нынѣ—психопатка...

Старый Капралъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Призраки минувшаго. Романъ В. Свѣтлова *(Окончаніе)* . 3

II. Просвѣтленіе. Стихотвореніе Д. И. Стахѣева. 57

III. Судъ и жизнь. А. О. Дукмасова 58

IV. Искусъ. Стихотвореніе А. Будищева 93

V. Бетховенъ, какъ человѣкъ и музыкантъ. В. Е. Чешихина. 95

VI. Надорванныя силы. Романъ К. В. Назарьевой. *(Окончаніе)*. 121

VII. На свиданіи. Стихотвореніе М. Гербановскаго 179

VIII. Бѣлое братство. Романъ А. Конэнъ-Дойля (автора «Майка-Клэрка») 180

IX. Что дѣлается въ деревнѣ? Маленькіе разсказы. В. Рышкова. 257

X. Пѣснь миннезингера. Стихотвореніе П. Головина. . . . 277

XI. Школа жизни. (Изъ воспоминаній сельскаго учителя). М. Слобожанина. 278

XII. Партизаны. Повѣсть изъ временъ наполеоновскаго нашествія Ганса Гофмана 311

Современное обозрѣніе.

XIII. Наши внутреннія дѣла. 1

XIV. Политическая хроника. 15

XV. Новыя книги 26

XVI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя») 1) «И смѣхъ и горе» Ефима Простосердова; 2) стихотворенія: Графа Лимбургскаго, Случайнаго Поэта и Стараго Капрала . 33

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google